

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 2 / 2019

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2019

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

К. Р. Амбарцумян – кандидат исторических наук

Редакционный совет

Левитская А. А. – канд. филол. наук, доцент, ректор СКФУ (председатель); **Исмаил Тогрул Рафик оглы** – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор (Турция); **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мелконян А. А.** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Савай Ф.** – д-р ист. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор; **Аникин С. Б.** – д-р юрид. наук, профессор; **Анисимов А. П.** – д-р юрид. наук, профессор; **Бакаева О. Ю.** – д-р юрид. наук, профессор; **Беликов А. П.** – д-р ист. наук, доцент; **Булыгина Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Демченко Т. И.** – д-р юрид. наук, доцент; **Дроздова А. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Кибальник А. Г.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клычников Ю. Ю.** – д-р ист. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Маловичко С. И.** – д-р ист. наук, профессор; **Манаенко Г. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Мехди Хоссейни Тагиабад** – директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (Иран); **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Позднышев А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Сумской Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Цихорацкий Петр** – профессор Вроцлавского университета (Польша); **Цыбенко В. В.** – к-т ист. наук, доцент; **Чичман Ласло** – д-р полит. наук, профессор Будапештского университета «Корвинус» (Венгрия); **Шварц Искра** – д-р филос. наук, профессор Венского университета (Австрия); **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Шевчук С. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор; **Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Яценко Т. С.** – д-р юрид. наук, доцент.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес редакции и издателя:

355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

Телефон: (8652) 75-28-64

ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский
федеральный университет», 2019

HUMANITIES AND LAW STUDIES

Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief

Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Executive editor

Ambartsumyan K. R. – PhD in History

Editorial Council

Levitskaya A. A. – NCFU Rector (chairman); **Ismail Togrul** – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor (Turkey); **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor, Rector of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Starilov Yu. N.** – Doctor of Law, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Apryschenko V. Yu. – Doctor of History, Professor; **Anikin S. B.** – Doctor of Law, Professor; **Anisimov A. P.** – Doctor of Law, Professor; **Bakaeva O. Yu.** – Doctor of Law, Professor; **Belikov A. P.** – Doctor of History, Associate Professor; **Bulygina T. A.** – Doctor of History, Professor; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Demchenko T. I.** – Doctor of Law, Associate Professor; **Drozdova A. M.** – Doctor of Law, Professor; **Kibalnik A. G.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Klyuchnikov Yu. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Krasnova I. A.** – Doctor of History, Professor; **Laskova M. V.** – Doctor of Philology, professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Manaenko G. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Hosseini Mehdi** – Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Iran) Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Pozdnyshev A. N.** – Doctor of Law, Professor; **Popov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Ryzhenkov A. Ya.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Sumskoy D.** – Doctor of Law, Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Tsikhonatskii Petr** – Doctor of History, Professor (Poland); **Tsybenko V. V.** – PhD in History, Associate Professor; **Chichman Laslo** – Doctor of Political Sciences, Professor of Budapest University «Corvinus» (Hungary); **Iskra Schwartz** – Doctor of History, Professor (Austria); **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shevchuk S. S.** – Doctor of Law, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor; **Shcherbakova L. M.** – Doctor of Law, Professor; **Yatsenko T. S.** – Doctor of Law, Associate Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address of the editorial office and the publisher:

1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

ISSN 2409-1030

© FSAEI HE “North-Caucasus
Federal University”, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Айдунова Т. Ю. Петр I и Алексей: демократическая историческая мысль и дискуссия по вопросу о гибели царевича	8
Гранкин Ю. Ю. Северный Кавказ в политических коллизиях XVIII в.	14
Зубов А. Ю., Сидненко Т. И. Тихоокеанский флот как фактор безопасности России в конце XIX – начале XX веков	21
Казаров С. С. Загадочный Эпир: страна святыни и оракулов	27
Карташев И. В. Здравоохранение Кубани и Ставрополья в период немецко-фашистской оккупации (1942–1943 гг.): проблемы источниковедения	32
Крючков Ю. И., Крючков И. В. Лейпцигская ярмарка 50-х гг. ХХ в.: между директивой и потреблением	41
Кузнецова О. В. Повседневность и демографические процессы населения целинных районов Оренбургской области	47
Немашкалов П. Г. Роль Крестовоздвиженской церкви в развитии Кавказской епархии в середине XIX века	57
Новикова О. Н. Язык как фактор и средство национальной идентичности населения Боснии и Герцеговины: история и современность	64
Панарин А. А. Участие кооперации Кубани в производстве продукции оборонного значения в годы Великой Отечественной войны	71
Панарина Е. В. Политико-воспитательная работа профсоюзов Кубани и Ставрополья в годы Великой Отечественной войны	77
Пимонов И. С. В. И. Денисов и деятельность донского дворянства в сельскохозяйственных обществах в период модернизационных процессов начала XX века	83
Склярова Е. К. Пауперизм в становлении социальной политики Великобритании	90
Судавцов Н. Д. Возрождение сельского хозяйства Ставрополья после освобождения от оккупации в период Великой Отечественной войны	98

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бычко М. А. Опыт Великобритании в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг и перспективы его использования в российской практике	107
Волков А. А., Волков М. А., Уваров И. А. Особенности функционирования неформальных норм поведения в условиях мест лишения свободы	114
Клюковская И. Н., Тер-Аванесова И. Н. Умышленное распространение заведомо ложной информации в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях – новый вызов государственной безопасности в современном мире	121
Колесникова К. В., Нутрихин Р. В. О гармонизации законодательства евразийского экономического союза в сфере природопользования	129
Мельникова М. П., Комаревцева И. А. Основания наследования в российском наследственном праве: традиции и новации	135
Навасардова Э. С., Захарин А. Н. Сравительный анализ законодательства государств-членов ЕАЭС в области органического сельского хозяйства	141
Проводина О. А. Особенности льготного режима налогообложения на территориях опережающего социально-экономического развития	147
Смирнов Д. А., Боташева Л. Э., Леонов А. Н. Трансформация финансово-правовых отношений в условиях цифровой экономики	152

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Воронкова М. А., Самарская Т. Б. Комический код: лингвостилистические средства презентации (на примере анализа новелл А. Доде и О. Мирбо)	157
Ласкова М. В., Котикова К. М. Сходства и различия в частоте употребления некоторых эвфемизмов, связанных с темой «ожирение», в различных жанрах англоговорящих СМИ и в различные периоды	168

Маринина Г. И., Писклова М. В. Национально-культурная специфика функционирования концепта «любовь» во фразеологической картине мира	175
Марченко Т. В. Сохранение образных доминант как один из критериев оценки перевода поэтического текста	182
Минина А. И. Формы дискурсивной данности в творчестве работников губернских ученых архивных комиссий	189
Перепелицына Ю. Р., Купреева И. В. Использование субстандартной лексики как трансгрессивной коммуникативной стратегии в поле языка современных СМИ	198
Сивова Т. В. Английское национальное пространство в языковой картине мира К. Г. Паустовского	205

РЕЦЕНЗИИ

Великая Н. Н. Матвеев О. В., Зудин А. И., Воронин В. В. Русские Чечни (по материалам экспедиций 2018 года). Ростов-на-Дону: Печатная лавка, 2018. 136 с.	211
Виноградов Б. В. Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. «Набежавшими хищниками взят в плен...»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа. Пятигорск: ПГУ, 2018. 85 с.	214
Дударев С. Л. Ткаченко Д. С. Российские историко-культурные памятники на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. Ставрополь: Печатный Двор, 2017. 336 с., ил.	217

CONTENTS

HISTORY

Aidunova T. Peter the first and Alexey: democratic historical ideas and discussion about the death of prince	8
Grankin Yu. The North Caucasus in political collisions of the XVIII century	14
Zubow A., Sidnenko T. The Pacific fleet as a factor in the security of Russia at the end of the XIX and the beginning of the XX centuries	21
Kazarov S. Mysterious Epirus: country of sanctuaries and oracles	27
Kartashev I. Health care in the Kuban and Stavropol regions during the German nazi occupation (1942–1943): source study problems	32
Kryuchkov Yu., Kryuchkov I. Leipzig trade fair in 1950s: between decision-making and consumption	41
Kuznetsova O. Everyday life and demographic processes in virgin lands of Orenburg region	47
Nemashkalov P. The role of the Holy Cross church in the development of the Caucasian diocese in the middle of the XIX century	57
Novikova O. Language as a factor and means of national identity of the population of Bosnia and Herzegovina: history and modern time	64
Panarin A. Participation of Kuban cooperation in producing defensive value goods in the years of Great Patriotic war	71
Panarina E. Political-education work of labor unions in the Kuban and Stavropol regions in the days of the Great Patriotic war	77
Pimonov I. V. I. Denisov and the Don Novelty activities in agricultural companies during the modernization processes of the beginning of the XX century	83
Sklyarova E. Pauperism in the rise of social policy of Great Britain	90
Sudavtsov N. The revival of agriculture of Stavropol region after liberation from occupation in the period of the Great Patriotic war	98

LEGAL SCIENCES

Bychko M. The British experience in protection of the rights of financial services consumers and the prospects of its application in Russian practice	107
Volkov A., Volkov M., Uvarov I. Features of informal behavior norms in the conditions of places of detention	114
Klyukovskaya I., Ter-Avanesova I. Intentional distribution of deliberately false information in the media and information-telecommunication networks - a new challenge for state security in the modern world	121
Kolesnikova K., Nutrikin R. On harmonization of the Eurasian Economic Union legislation in the sphere of nature management	129
Melnikova M., Komarevtseva I. The grounds of inheritance in Russian inheritance law	135
Navasardova E., Zakharin A. Comparative analysis of the legislation of the EAEU member states in the field of organic agriculture	141
Provodina O. Features of preferential tax treatment on territories of advanced socio-economic development	147
Smirnov D., Botasheva L., Leonov A. Transformation of financial and legal relations in the conditions of digital economy	152

PHILOLOGICAL SCIENCES

Voronkova M., Samarskaya T. Comic code: linguostylistic means of representation (by the example of the analysis of short stories by A. Daudet and O. Mirbeau)	157
Laskova M., Kotikova K. Differences and similarities in frequency and occurrence of certain euphemistic expressions related to obesity in different genres of the English-speaking written media and at different time periods	168

Marinina G., Pisklova M. National and cultural peculiarities of the love concept in the phraseological picture of the world	175
Marchenko T. Conveyance of image dominants as a criterion of target text quality assessment in poetic translation	182
Minina A. Forms of discursive entity in the work of employees of provincial scientific archival commissions	189
Perepelitsyna Y., Kupreeva I. The use of substandard vocabulary as transgressive communicative strategy in the field of modern mass media	198
Sivova T. English national space in the K. Paustovsky's language picture of the world	205

REVIEW

Velikaya N. Matveev O. V., Zudin A. I., Voronin V. V. Russian of Chechnya (based on the expeditions of 2018). Rostov-on-don: Printing shop publ., 2018. 136 p.	211
Vinogradov B. Klychnikov Yu. Yu., Lazaryan S. S. «By the savages running on taken a-prisoner...»: Poles in captivity of the North Caucasus highlanders. Pyatigorsk: PSU publ., 2018. 85 p.	214
Dudarev S. Tkachenko D.S. Russian historical and cultural monuments in the North Caucasus in the XIX – early XX centuries. Stavropol: Publishing House Printing House, 2017. 336 p., Illustrations	217

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(47).062

Т. Ю. Айдунова

ПЕТР I И АЛЕКСЕЙ: ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ДИСКУССИЯ ПО ВОПРОСУ О ГИБЕЛИ ЦАРЕВИЧА

В статье рассматривается трансформация общественного сознания на фоне отмены крепостного права и других реформ к личности Петра I, в том числе и к гибели царевича Алексея. Автор на основе источников наглядно показывает, насколько острый был вопрос трагедии царевича Алексея, когда его затронули издатели альманаха «Полярная звезда» в лондонской Вольной русской типографии А. И. Герцен и Н. П. Огарев. В полной мере принимая версию гибели царевича Алексея, изложенную в письме гвардии капитана А. Румянцева Д. И. Титову, пропагандируя и распространяя ее в своем альманахе «Полярная звезда», А. И. Герцен вместе с тем был далек от того, чтобы видеть в Петре I только лишь чудовищного тирана и убийцу своего сына. Взгляд его на первого российского императора был значительно более противоречивым и соответствовал представлению его о ходе истории страны в целом. В своем анализе процесса развития революционных идей в России Герцен находил для царя место в этом процессе. Причем из рассуждений Герцена следует, что в этом ничего парадоксального не было. Напротив, историческое место Петра Великого в становлении и развитии революционной идеи в полной мере соответствовало, по мысли Герцена, всему ходу отечественной

истории, было для нее органично. Вместе с тем, как подчеркивал автор, революционная роль Петра Великого в истории России сводилась к тому, что благодаря его реформам личность освобождалась от гнета старых традиций, но не от гнета вообще, поскольку на место старого становился новый гнет. Таким образом, автор отмечает, что в революционно-демократической мысли России пятидесятых-шестидесятых годов XIX в. тема Петра I занимала очень заметное место. Совершенно очевидно, что отношение демократов к царю и к его реформам было в целом положительным, эти реформы признавались необходимыми для страны, для дальнейшего развития русского общества. Автор уточняет, что с точки зрения революционно-демократической мысли, Россия петровского времени представляла собой совершенно новый этап в историческом развитии страны, поскольку в результате революционных действий Петра I традиционный «византизм» Московского государства был разрушен. Автор отмечает, что по мнению революционно-демократической мысли эта революция, не принесла никакой свободы русскому обществу.

Ключевые слова: историческое сознание, Российская империя, Петр Первый, российское самодержавие, царевич Алексей.

T. Aidunova

PETER THE FIRST AND ALEXEY: DEMOCRATIC HISTORICAL IDEAS AND DISCUSSION ABOUT THE DEATH OF PRINCE

The article deals with transformation of public consciousness and the image of Peter the First and the death of Tsarevich Alexey in the context of the abolition of serfdom and other reforms. With the reference to a number of historical sources, the author demonstrates how important the issue of Tsarevich Alexey's death was. Free Russian Publisher House of Alexander Gertcen and Nikolay Ogarov touched upon it in the Polyarnaya Zvezda almanac. Adopting the version of Tsarevich Alexey's death as presented in Captain A. Rumyantsev's letter to D. Titov, propagandizing and disseminating this version in the Polyarnaya Zvezda almanac, Gertcen was far from viewing Peter the Great as tyrant and killer of his son. Gertcen's opinion of the Russian Emperor was much more controversial and corresponded with his ideas about Russian history in general. In his analysis of Russian revolutionary ideas development A. Gertcen found place for Peter the Great. As Gertcen considered, there was nothing paradoxical in that fact. Historical position of Peter the Great fully corresponded with general

development of Russian history. At the same time, as the author argued, revolutionary role of Peter the First was connected with the fact that thanks to the reforms people were freed from the old traditions but not from oppression itself. Previous repressions were replaced by new oppression. As result, the author emphasizes that the topic about Peter the First was important for revolutionary ideas of 1850s and 1860s. It is evident that democrats of this period positively evaluated the tsar and his reforms. The reforms were recognized as useful for the country and for future development of the society. The author clarifies, that in the view of democrats, Peter's Russia was a new stage of historical development of the country because of traditional 'byzantinism' of Moscow state was destroyed. As author argues that revolutionary democrats believed that revolution did not bring freedom to Russian society.

Key words: historical consciousness, Russian Empire, Peter the Great, Russian monarchy, Tsarevich Alexey.

Со смертью Николая I в России наступил новый период ее исторического развития, в ходе которого произошла отмена крепостного права и другие буржуазные реформы. Но уже до отмены крепостного права при новом императоре Александре II началось время совершенно новое, для которого, по отзывам современников, гласность стала одним из наиболее типичных признаков. Если еще совсем недавно реальные проблемы страны и общества по существу не обсуждались, то в условиях, наступивших после поражения в Крымской войне, «кризис общественного сознания», на который справедливо указывает за последнее время И. А. Христофоров, стал очевидным для общества фактом. Сущность этого кризиса выражалась, по его словам, в том, что «вдруг стало явным абсолютное несоответствие официальной картинки и реальности» [4, с. 36]. Относилось это в том числе к такой основе существовавшего порядка, как самодержавный строй, что не могло не затронуть сложившегося в русском историческом сознании образа основоположника императорской России Петра Великого. Это было не случайно. Идеология николаевского абсолютизма строилась на почитании первого российского императора как личности, положившей начало могуществу Российской империи и четко определившей место ее среди стран Европы. Как замечал внимательный французский наблюдатель, маркиз А. де Кюстин, в 1839 г. царь на одном из светских празднований говорил ему: «уверен, что вы поймете меня: мы продолжаем дело Петра Великого» [3, с. 481].

Изменения общественного настроения хорошо уловили издатели альманаха «Полярная звезда» в лондонской Вольной русской типографии А. И. Герцен и Н. П. Огарев. В таких условиях в своем альманахе ими было опубликован будто бы обнаруженный неизвестный ранее источник, проливающий свет на обстоятельства гибели царевича Алексея и на роль в этом его отца, Петра I. Это было письмо гвардии капитана Александра Румянцева, адресатом которого был его «друг и благодетель» Дмитрий Иванович Титов. Письмо не было датировано, также неизвестно, кто такой адресат письма Д. И. Титов, и как он был связан с А. Румянцевым. Принято считать, что оно было написано через месяц после гибели Алексея, 27 июля 1718 г. В начале письма гвардии капитан взвешивает аргументы за и против того, чтобы поведать своему другу и благодетелю столь важную и страшную государственную тайну. Для него и открытие тайны означало опасность того, что он станет «изменник и предатель всепрестольного Державца моего» [7, с. 279], то есть Петра I. Но он рассудил, что скрытие от «благодворца моего» «измена жесточае будет» [7, с. 280]. Тем самым Румянцев не только поделился с Титовым своими сомнениями и опасениями, но и подчеркнул, насколько важно держать в тайне все, что касается содержания этого письма. В письме приводятся сведения со ссылкой на нормы Священного Писания и Уложения 1649 г. об обвинении Алексея, с обоснованием правомерности смертной казни

для него за государственное преступление, заключавшееся в умысле на убийство отца и царя.

Кульминация повествования в письме, его смысловая нагрузка – в рассказе о вызове к царю самого Румянцева, а также еще троих – тайного советника Петра Толстого, генерал-поручика Бутурлина и гвардии майора Ушакова. В письме приводятся слова Петра I с обоснованием своего личного отношения к сыну и о необходимости решения его судьбы. «Яко человек и отец и днес я болезнью о нем сердцем, но яко справедливый Государь на преступления клятвы, на новыя изменения уже нетерпимо и нам, бо за всякие нещастия от моего сердолюбия ответ строгий дати Богу, на царство мя помазавшему и на престол россия державы всадившему» [7, с. 283–284], – сказал будто бы им Петр. Но он при этом заявлял, что не хочет «поругать царскую кровь всенародною казнию». На этом основании говорится о конкретном поручении, которое давал им он: «но да свершится сей предел тихо и не слышно, яко бы ему умерети от естества предназначенного смертию. Идите и исполняйте, такобы хощет законный ваш Государь и изволяет Бог, в его же державе мы вси есмы!» [7, с. 284]. Таким образом, из письма прямо вытекает, что царь сам послал Румянцева и его подельников убивать Алексея. Далее следуют подробности самого убийства. Главная из них в том, что они его убили в камере на койке, где он лежал, уложив его «на ложницу спиною повалиши», после чего, «взяв от возглавии два пухтика, главу его накрыли, пригнетая дондеже движении рук и ног». В письме приводятся две даты. Смерть Алексея стала «гласна» «около полудни» 26 июня, и произошла она «якобы от кровинаго пострела». Другая дата – 30 июня, когда «тело его с подобающю сыну цареву честию, перевесно из крепости в Троицкий собор», а затем оно «в склеп поставлено в Петропавловском соборе близ тела его Царевичевой супруги» [7, с. 286]. В заключение письма Румянцев еще раз выразил надежду Титову, что «тайна от Вас пребудет». Он приписал, что, «не зная Вас, того и под страхом смерти не написал бы» [7, с. 287].

Обвинение Петра I в убийстве сына было очень прямым и конкретным. Но вскоре после публикации письма в «Полярной звезде» известный историк Н. Г. Устрялов выступил с утверждением о подложности этого письма. Свою аргументацию он привел в шестом томе своей «Истории царствования Петра Великого», посвященной делу царевича Алексея. Как указывал Устрялов, письмо «наполнено грубейшими ошибками историческими» [8, с. 294], из которых он решил в доказательство привести две. Так, в письме говорилось, что любовница Алексея, Евфросинья, которую в письме описали как «скаредную чухонку», «в монастырь на вечное покаяние отослана» [8, с. 281]. Между тем, отмечал Устрялов, на самом деле было не так. Как писал историк, «царь и царица (Екатерина – Т.А.) оказывали ей большую милость, как единственному лицу, склонившему царевича возвратиться из Неаполя» [8, с. 294].

Вторая ошибка, отмеченная Устряловым, состояла в неправильной дате казни замешанных в деле Алексея Авраама Лопухина и протопопа Якова Игнатьева. В письме говорилось, что они «достойно смертию казнены» [7, с. 281]. Между тем, в письме, написанном 27 июля, об этом речи быть не могло. На самом деле, писал Устрялов, «они казнены гораздо после, именно 8 декабря». Отсюда – общий вывод Устрялова. Он состоял в том, что слишком «худо знал составитель письма тогдашние события» [8, с. 294]. Кроме того, среди известных личностей петровского времени не значится Дмитрий Иванович Титов, которому гвардии капитан направлял свое письмо. И, по мнению Н. Я. Эйдельмана, «одним из самых серьезных аргументов Устрялова» было то, что до середины XIX в. о этом письме вообще ничего не было известно. О нем, добавлял Эйдельман, не знал в том числе А. С. Пушкин, «который был знаком с разнообразной литературой, ходившей в списках, и даже имел сверхсекретные мемуары Екатерины II» [10, с. 78]. Из этого вытекал другой и более общий вывод, о письме как о подлоге.

Очень скоро, в 1860 г., ответ Н. Г. Устрялову давал решительный сторонник подлинности письма, историк, общественный деятель и публицист демократического направления М. И. Семевский. После замечаний Устрялова он не решился прямо говорить об этой подлинности, признав по существу, что «в нем есть серьезные противоречия», но добавляя в скобках: «немногие однако». Тем не менее, он указал на обстоятельства, говорившие в пользу достоверности письма Румянцева. К ним он отнес «современный колорит», «живость красок при описании самых мелких подробностей», а также «необыкновенная выдержанность рассказа, тон – именно такой, каким должен был говорить верный денщик Петра Алексеевича», каким был незадолго до описывавшихся событий Румянцев. Еще одним обстоятельством в пользу достоверности письма, приведенным им, было наблюдение за общей ситуацией в культуре того времени. «Подлоги литературные – достояние того периода, в котором литература получила последнее развитие; они являются в эпоху роскоши литературы», – подчеркивал Семевский. В самом деле, в этом отношении Семевский был прав. Эпоха литературных мистификаций и подлогов относилась к другому периоду в развитии культуры, но не к третьей четверти XIX в., когда в «Полярной звезде» было опубликовано письмо Румянцева Титову. Временем распространения такого культурного явления была более ранняя эпоха, романтизм, а также отчасти последние годы культуры Просвещения в конце XVIII в. Поэтому Семевский не представлял, чтобы в пятидесятых годах возникла нужда в подобном подлоге. Составление такого письма потребовало бы высокого искусства и согласования «с характером Петра, с характерами окружающих его лиц». Такое согласование в письме присутствовало. Это делало невозможным изготовление его в другую историческую эпоху, а Устрялов, как он подчеркивал, «не поднял всех этих вопросов» [5, с. 53].

Семевский приводил еще два аргумента. Один из них – «фамильные документы» Румянцевых, которые собирал сын А. Румянцева, генерал-фельдмаршал граф П. А. Румянцев. Семевский писал, что «трудно допустить», чтобы прославленный генерал, «щательно внося в особую тетрадь все фамильные документы, не отличил бы между них подделку под письмо своего отца» [5, с. 57]. К таким фамильным документам он отнес другое письмо Александра Румянцева, приведенное им в качестве другого аргумента. Оно относится к несколько более раннему времени, когда царевича только привезли в Москву, и когда произошло официальное его отречение от престола вместе с присягой малолетнему царевичу Петру Петровичу как новому наследнику престола. В этом недатированном письме, написанном Румянцевым сыну Д. И. Титова Ивану Дмитриевичу, Семевский особое внимание обратил на обещание Румянцева Титову, «как тое случится, либо иное выйдет, к вам я паки в Рязань отпишу» [5, с. 56]. Несомненно, что он имел в виду что-то важное, что представляло интерес, и о чем можно было писать. Данное письмо, писал Семевский, было опубликовано еще в 1844 г. князем Вл. К-вым (речь идет о князе Владимире Семеновиче Кавказидзеве) в журнале «Отечественные записки» из рукописей генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского. Июльское письмо Румянцева Д. И. Титову было, таким образом, выполнением обещания, данного в более раннем письме. Сопоставляя два письма, Семевский указывал, что «манера рассказа, тон тождественны в обоих письмах» [5, с. 57].

Следовательно, тем самым четко обозначились две точки зрения по вопросу о подлинности письма Румянцева Титову. Отсюда возникла источниковедческая проблема, относящаяся к внутренней критике источника и касающаяся вопроса о его достоверности. Н. Я. Эйдельман рассматривал версии происхождения письма. Он не соглашался с мнением о подлоге, совершенном публикатором письма князем Кавказидзовым. По его мнению, наиболее вероятным составителем опубликованного Кавказидзовым текста письма был некий Андрей Гри... (вероятно, подпись, с сокращением фамилии.). Он «помнил и знал самого Александра Румянцева, умершего в 1749 г. (именует того своим «высоким благотворцем», «незабвенным и достохвальным, в бозе почившим родителем вашего сиятельства»)» [10, с. 95], имея в виду сына А. Румянцева, генерал-фельдмаршала графа П. А. Румянцева. Согласно Эйдельману, письмо появилось вскоре после смерти самого царя, когда греческий автор Катифор написал сочинение «Житие Петра Великого», издданное в 1737 г. в Венеции. В нем содержались в переводе на греческий язык некоторые документы, в том числе письмо Румянцева сыну Д. И. Титова Ивану, текст которого приводился в 1844 г. князем В. С. Кавказидзовым, а в 1860 г. М. И. Семевским. Не ранее 1743 г., указывал Эйдельман, письмо из сочинения Катифора было переведено на русский язык секретарем коллегии иностранных дел Степаном Писаревым. По-

сле этого появился окончательный текст письма, который возник в результате редактирования переведенного Писаревым письма, сделанного А. Гри.... Как писал Эйдельман, вероятно, что «Андрей Гри... действительно скомпилировал и украсил из лучших побуждений, для фельдмаршала Румянцева, отрывки из писаревского перевода Катифора». Отсюда, по его мнению, «очень вероятно», что письмо Румянцева И. Д. Титову «подлинное» [10, с. 95]. Подобное редактирование письма было, по мнению Эйдельмана, не случайным. В середине XVIII в. история «еще не полностью отделилась от литературы», и принцип «строгой научности еще не вытеснил окончательно наивного своеобразия древних летописцев вводивших в чужие тексты различные вставки и вовсе не подозревавших, что это – «нельзя»» [10, с. 94–95].

Таким образом, по мнению Н. Я. Эйдельмана, письмо Румянцева И.Д. Титову, опубликованное князем В. С. Кавказидзе, было подлинным. По поводу же письма Румянцева Д. И. Титову, опубликованному в «Полярной звезде», Эйдельман высказывался более осторожно. В отличие от М. И. Семевского, он не утверждал, что оно подлинное. Но и, в отличие от Н. Г. Устриялова, он не объявлял его подделкой. По его словам, признание подлинности письма Румянцева Ивану Дмитриевичу Титову «еще не доказывает подлинности» более позднего письма Румянцева Дмитрию Ивановичу Титову. По словам историка, это более позднее письмо «могли подделать, руководствуясь именно первым документом». Но эту мысль Эйдельман не развивал. Наоборот, он подчеркивал, что если настаивать на этом выводе, то «тут мы уж заходим слишком далеко: фактов нет, всяческие умозрительные построения слишком легки» [10, с. 95].

Более определенно о поддельности письма Румянцева Д. И. Титову писал В. П. Козлов, который совершенно определенно отнес его к фальсификациям. «Легко понять деятелей либерально-демократического лагеря в их желании отстоять подлинность письма Румянцева, в котором они увидели документальное разоблачение одной из страниц тайной истории российского самодержавия» [2, с. 193] – справедливо подчеркивал Козлов. Вместе с тем, соглашаясь с доводами Н. Г. Устриялова в пользу признания письма подлогом, Козлов приводил некоторые другие аргументы. Один из них в том, что всего через месяц после смерти Алексея «фактически выдает государственную тайну, что грозит не только его карьере, но и жизни. Трудно поверить, чтобы Румянцев рискнул на такой шаг, а любящий его покровитель (Д. И. Титов – Т.А.) спровоцировал его на это» [2, с. 195]. С этим невозможно не согласиться. Но важнейшим доказательством подложности письма, не указанным Устрияловым, Козлов считал текстуальное его соответствие с материалами «Розыскного дела» царевича Алексея. Между тем, подчеркивал он, «Розыскное дело» появилось позже, чем письмо. И еще один аргумент, которого не было у Устриялова, состоял в том, что

Козлов указывал на быстроту появления письма Румянцева. Прошел только месяц после гибели царевича, и за это время Титов, живший в Рязани, узнал об этом, направил письмо Румянцеву с просьбой рассказать об обстоятельствах гибели, и Румянцев 27 июля писал ему подробное письмо. Такой ход событий, по замечанию Козлова, выглядит «фантастически быстрым» [2, с. 196].

Еще одним аргументом в пользу признания письма как фальсификации может служить описание непосредственно самого способа убийства царевича с помощью удушения. Удушен был Павел I, правда, не подушками, но шарфом [1, с. 131].

На этом основании В. П. Козлов подтверждал вывод Н. Г. Устриялова о письме Румянцева Д. И. Титову как о фальсификации, подлоге. В качестве «концепции письма», по его мнению, было, как это не выглядит неожиданно, вовсе не разоблачение Петра Великого и самодержавного деспотизма вообще, а, напротив, стремление «к оправданию поступков царя». Идея письма – «торжество высшей государственной справедливости». При этом фальсификатор был уверен, что Алексей и в самом деле был убит по приказу Петра I. По замечанию Козлова, действия фальсификатора обернулись «ничем не подтверждааемым историческим мифом», но очень «живучим». Козлов обращал внимание на то, что по языку письма соответствовало XVIII в. [2, с. 197], то есть было составлено весьма умело. Но, поскольку за это столетие нет ни одного списка этого письма, но они есть за первую половину следующего века, то именно в XIX в. следовало искать самого фальсификатора. Таким фальсификатором был, по его мнению, князь В. С. Кавказидзе. Он, по словам Козлова, «шел на сознательный обман, обман в высшей степени дерзкий». Но это был обман, «продиктованный его глубокой уверенностью в реальности описанных им событий» [2, с. 198]. Но если Кавказидзе был фальсификатором, ставшимся как-то оправдать Петра I, то письмо его использовалось противниками самодержавия для идеиной борьбы с ним.

Но если источникопедический вопрос о подлинности или поддельности письма Румянцева Д. И. Титову нельзя считать выясненным совершенно определенно и до конца, если в нем остается место для гипотез, то совершенно очевидно, что публикация письма стала значимым фактом общественной жизни страны накануне отмены крепостного права. Во всяком случае, она способствовала дополнительному привлечению внимания к личности и деятельности Петра I, которое вызывалось публикацией труда Н. Г. Устриялова, и особенно его шестого тома, темой которого была трагедия царевича Алексея, а также к оценке самодержавия вообще. Главную мысль, связанную с этими новыми публикациями о Петре I и царевиче Алексее, четко выразил в своем сатирическом стихотворении «Русская история» поэт-сатирик демократического направления Н. Ф. Щербина: Мы видим – даже Петр Великий был гениальный самодур» [9, с. 168]. При этом

сам А. И. Герцен ссылался на удушение царевича, о котором говорилось в письме Румянцева Д. И. Титову. Он писал, что «виду Алексеевского равелина» «пировал со своими клевретами пьяный отец через несколько часов после того, как задушил измученного пытками сына» [10, с. 96].

Историки обычно обращают внимание на различия между Н. Г. Устряловым, историком благонамеренным, но профессионалом и знатоком источников самого высокого уровня, и М. И. Семевским, историком демократических убеждений и также глубоко знавшим источники петровского времени. На самом деле оба историка по вопросу о кончине царевича сходились в основном: царевич погиб, находясь под арестом в Петропавловской крепости, а гибель его соответствовала воле царя. Расхождение между историками было в деталях, хотя и существенных. Так, если Алексей был убит по прямому приказанию Петра I, как это следует из письма Румянцева Титову, то тень на царя падает в большей степени, чем, если он погиб в результате пыток, но без прямого царского приказа убивать его. Семевский при этом прямо отмечал вклад Устрялова в изучение негативных сторон истории Петра I и его правления. «Последнее время в различных исторических разысканиях с

легкой руки академика Устрялова и с его тяжеловесного VI тома «Истории царствования Петра», мало-помалу начали обнажаться темные углы, мрачные стороны великого царствования», – писал он. В этих словах прослеживается еще одна черта сходства между взглядами Устрялова и Семевского на петровское царствование. Оба считали это царствование великим. Но при этом Семевский особое внимание обращал на негативную сторону этого царствования, которой были пытки. С позиций историзма, столь характерного для историографии XIX в., Семевский подчеркивал, что Петра Великого за эти пытки осуждать невозможно. Это «все равно, что осуждать его за то, что он не того гуманного взгляда на человеческое достоинство, какое явил Александр I, обнародывая 27 сентября 1801 года знаменитый указ против пыток» [6, с. 192], – писал он. Тем не менее, утверждение Семевского о подлинности письма Румянцева Титову способствовало развертыванию критики не только Петра Великого, но и самодержавия в целом с либеральных и демократических позиций. Устрялов также, сам того не желая, внес свой вклад в развертывание этой критики.

Источники и литература

1. Зубов В. П. Павел I / перевод с немецкого В. А. Семенова. СПб.: Алетейя, 2007. С.264.
2. Козлов В. П. Тайны фальсификации: Пособие для преподавателей и студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 1996. 272 с.
3. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / сост. Ю. А. Лимонов. Л.: Лениздат, 1991. 719 с.
4. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. Т.3. Вторая половина XIX – начало XX в. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: ROSSPЭН, 2016. 765 с.
5. Семевский М. И. Критика // Русское слово. 1860. Январь.
6. Семевский М. И. Тайный сын Петра I. Смоленск: Русич, 2000. 701 с.
7. Убийство царевича Алексея Петровича. Письмо Александра Румянцева к Титову Дмитрию Ивановичу // Полярная звезда. Журнал Герцена и Огарева в восьми книгах. 1855–1869. Полярная звезда на 16858. Книга 4. М.: Наука, 1967. С. 279–287.
8. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т.6. Царевич Алексей Петрович. СПб. Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1859. 671 с.
9. Веркеенко Г. П., Казакова О. Ю. «Любознательный и честный труженик» Николай Герасимович Устрялов (1805–1870 гг.). Орел: Изд-во ОГУ, 2005. 198 с.
10. Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия (секретная политическая история России XVIII–XIX вв. и Большая русская печать). М.: Мысль, 1973. 368 с.

References

1. Zubov V. P. Pavel I. (*Pavel the First*) / translated by V. Semenov. St.Petersburg: Aletejya, 2007. P. 264. (In Russian).
2. Kozlov V. P. Tajny fal'sifikacii: (*Secrets of falsification*). Moscow: Aspekt Press, 1996. 272 p. (In Russian)
3. Rossiya pervoj poloviny XIX v. glazami inostrancev (*Russia in the first half of XIX as viewd by foreigners*). Leningrad: Lenizdat, 1991. 719 p. (In Russian)
4. Reformy v Rossii s drevnejshih vremen do konca XX v. (*Reforms in Russia from the Ancient Times to the end of 20th century*): in 4 Vol. Moscow: ROSSPÉHN, 2016. Vol.3. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v. (The second half of XIX – the beginning of XX) / ed by V. V. SHelohaev. 765 p. (In Russian)
5. Semevskij M. I. Kritika (*Critics*) // Russkoe slovo. 1860. YAnvar'. P.66. (In Russian)
6. Semevskij M. I. Tajnyj sysk Petra I (*Secret Investigation of Peter the First*). Smolensk: Rusich, 2000. 701 p. (In Russian)
7. Ubienie carevicha Alekseya Petrovicha. Pis'mo Aleksandra Rumyantseva k Titovu Dmitriyu Ivanovichu (*Killing Tsarevich Alexey Petrovitch. The Letter of Alexander Rumyantsev to Titov Dmitriy Ivanovich*) // Poljarnaya zvezda. ZHurnal Gercena i Ogareva v vos'mi knigah. 1855–1869. Polyarnaya zvezda na 16858. Kniga 4. Moscow: Nauka, 1967. P.291. (In Russian)
8. Ustryalov N. G. Istoriya carstvovaniya Petra Velikogo. (*History of Ruling of Peter the Great*). Vol.6. Carevich Aleksej Petrovich. St.Petersburg, 1859. 671 p. (In Russian)
9. Verkeenko G. P., Kazakova O. Yu. «Lyuboznatel'nyj i chestnyj truzhenik» Nikolaj Gerasimovich Ustryalov (*“Inquiring and true labourer” Nikolay Gerasimovitch Ustryalov*) (1805–1870 gg.). Orel: Orel State University, 2005. 198 p. (In Russian)

10. EHjdel'man N. Ya. Gercen protiv samoderzhaviya (sekretnaya politicheskaya istoriya Rossii XVIII – XIX vv. i Vol'naya russkaya pechat'). (*Gertcen against Autocracy (Secret Political History of Russia in 18–19 centuries and Free Russian Publishing)*). Moscow: Mysl', 1973. 368 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Айдунова Татьяна Юрьевна – старший преподаватель кафедры истории России института истории и международных отношений Южного Федерального университета / tat-apr@mail.ru

Information about the author

Aidunova Tat'yana – senior teacher, Chair of Russian History, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / tat-apr@mail.ru

УДК 94 (470+571) "18"

Ю. Ю. Гранкин

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ПОЛИТИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЯХ XVIII в.

В статье рассматриваются события, связанные с борьбой России за доминирование на Северном Кавказе. Для этого пришлось выдержать напряжённую борьбу со своими соперниками в лице Персии и Османской империи. Кроме того, на ситуацию влияли западноевропейские государства, которые стремились закрепиться на Востоке, а для этого ослабляли потенциальных конкурентов, сталкивая их друг с другом.

Активизация российской политики в регионе началась с Персидского похода Петра I. Эта акция во многом носила вынужденный характер и была обусловлена необходимостью не допустить усиления турецких позиций в регионе. Кроме того, император рассчитывал в дальнейшем организовать транзитную торговлю по территории России, которая связала бы Восток и Запад. Однако этому замыслу не удалось осуществиться, а преемники Петра Великого отказались от части его завоеваний,

вернув персам их территории. В дальнейшем Россия вынуждена была вести борьбу с османской и крымской угрозой, и в этом находя поддержку значительной части населения Северного Кавказа. В царствование императрицы Екатерины II военно-политическое доминирование Российской империи стало очевидным. В результате успешных войн против турок, она ликвидирует Крымское ханство и распространяет свою власть над регионом. Возводится Азово-Моздокская пограничная линия, которая закрепляет новые geopolитические реалии и становится фундаментом для дальнейшей экспансии России на юг. Создаются необходимые условия для включения всего Кавказа в состав Российской державы и распространения здесь имперских порядков.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, горцы, экспансия, политика, война, союзники, дипломатия, крепости.

Yu. Grankin

THE NORTH CAUCASUS IN POLITICAL COLLISIONS OF THE XVIII CENTURY

The article examines the events connected with the struggle of Russia for domination in the North Caucasus. To achieve it Russia had to endure a tense struggle with such rivals as Persia and the Ottoman Empire. In addition, the situation was influenced by western European states that sought to hold firm in the East and for that reason weakened potential competitors by confronting them with each other.

The activation of Russian policy in the region began with the Persian campaign of Peter I. The action was caused by the need to prevent the strengthening of Turkish positions in the region. In addition, the emperor expected to organize the transit trade on the territory of Russia in the future, which would link the East and West. However, the plan failed to realize, and the successors of Peter the Great refused some of his conquests, returning the Persians their

territories. In the future, Russia was forced to manage the Ottoman and Crimean threat, and in this finding support of the large part of the population in the North Caucasus. During the reign of the Empress Catherine II, the military and political domination of the Russian Empire became evident. In the course of successful wars against the Turks, it eliminated the Crimean Khanate and spread its power over the region. The Azov-Mozdok borderline was built; it fixed new geopolitical realities and became the foundation for further expansion of Russia to the south. The necessary conditions were created for the inclusion of the whole Caucasus in the composition of the Russian state and spreading the imperial order there.

Key words: Russian Empire, North Caucasus, highlanders, expansion, politics, war, allies, diplomacy, fortresses.

Для народов Северного Кавказа XVIII в. имел важное, эпохальное значение. В этот период произошли перемены, которые кардинально изменили геополитическую ситуацию и закрепили российское влияние в регионе. Географические факторы настойчиво требовали от правителей сформировавшейся империи так выстраивать свой политический курс, чтобы добиться обретения устойчивых и оптимальных границ на юге [19, с. 8]. А поэтому борьба за обладание Кавказом стала осознанной и мотивированной точкой приложения усилий государства на протяжении всего столетия, заложив надёжный фундамент для

окончательного включения в состав империи этих территорий в следующем XIX в. Именно проблема безопасности толкала Петербург на проведение затратных и, на первый взгляд, неочевидных шагов, попытка объяснения которых с точки зрения меркантильно-экономических интересов не выдерживает критики [15, с. 83–84].

Помимо России, за обладание Кавказом готовы были побороться государства, непосредственно граничившие с этой территорией. Речь идёт о Персии и Османской империи, давних соперниках и конкурентах не только для Петербурга, но и друг для друга. Свой интерес к Кавказу проявля-

ли западноевропейские государства – Франция и Англия, для которых эта территория была частью интересов в борьбе за влияние на Востоке в целом. В разгар Северной войны на этом направлении отметилась и Швеция. Она стремилась ослабить своего главного противника, создав ему проблемы на юге, и таким образом отвлечь силы Петра I от балтийского театра военных действий [9, с. 22].

Наиболее амбициозными были устремления Стамбула. В немалой степени это объяснялось той чередой неудач, которые это государство пережило в результате противоборства с европейскими странами. Экспансия в Азии должна была отчасти компенсировать понесённые потери [6, с. 427]. Османы хотели главенствовать не только на Северо-Западном Кавказе, где турецкое влияние было традиционно сильно, но и пытались прорваться к Каспию, потеснив здесь иранцев. В качестве инструмента своей экспансионистской политики они нередко использовали Крымское ханство, в свою очередь сохранявшее значительную политическую автономию и далеко не всегда соотносившее свои шаги с волей сузерена.

Долгое время говорить об однозначном доминировании одной из сторон не приходилось. Каждый участник противоборства одерживал победы и терпел неудачи, отступал и вновь переходил к активному вытеснению своих конкурентов. Всё это предопределило напряжённость, а нередко и драматизм тех коллизий, в которые оказались втянуты народы Северного Кавказа. Они, в свою очередь, были важной стороной, учитывать интересы которой приходилось абсолютно всем задействованным в борьбу за регион силам. Местная элита искала для себя приемлемого покровителя, боролась за преференции, а самое главное – добивалась сохранения максимальной независимости при внешнем признании власти той или иной державы. Такие формы вассалитета были ненадёжны и не раз заканчивались переходом вчерашнего подданного в стан противника.

Представляется, что действия России в крае были в немалой степени реакцией на ту экспансию, которую пытались проводить здесь персы и турки. При всех надеждах (как покажет время, несбыточных) Петра Великого выстроить через эти земли логистический коридор, который связал бы Восток и Запад и позволил России обогатиться за счёт транзитной торговли [17, с. 280], всё же затеять Каспийский поход его толкала опасность усиления позиций амбициозных властителей Персии и Турции. В другой ситуации прагматичный государь вряд ли бы решился на эти затратные шаги в условиях, когда его страна с трудом приходила в себя после затянувшейся борьбы на северо-западном направлении.

Турки не скрывали своего желания монопольно распоряжаться на Чёрном море. Они утверждали, что оно находится в единоличном пользовании султана и «иной никто тем не владеет» [22, л. 3]. В этом их поддерживала французская дипломатия, всячески подогревая реваншистские

настроения в Высокой Порте и направляя турецкий натиск против России [18, с. 182].

Череда разрушительных по своим последствиям вторжений крымцев в пределы Кабарды и на Кубань стала отражением этих настроений, царивших в Стамбуле [6, с. 435]. Даже разгром агрессоров в Канжалской битве дал лишь временную передышку и не мог кардинально изменить ситуацию вокруг Северного Кавказа [26, с. 147–149]. Учитывая давнее покровительство России над Кабардой, такие действия можно было расценить как удар по российским интересам в регионе.

Несмотря на все тяготы войны с Карлом XII, русский государь уделял внимание и южному направлению в своей политике. Он требовал от воеводы в Астрахани всячески поддерживать с местными жителями торговые контакты и по мере возможности оказывать им всяческую поддержку. Пётр I рассчитывал, что в случае войны с турками и крымцами он найдёт среди местных народов верных союзников [11, с. 6]. Но такие же цели ставила перед собой и османская дипломатия, которая намеревалась объединить под своей рукой все горские общества [25, с. 308].

Стремясь укрепить свои рубежи, российская власть пошла на переселение на левый берег Терека сразу нескольких казачьих станиц, в которых разместились гребенские казаки. Одновременно усилились шаги по привлечению на службу части кабардинской элиты, которую предполагалось использовать в качестве противовеса протурецким настроенным силам. Так можно трактовать состоявшееся в 1712 г. посольство в Москву, когда Пётр I жаловал приехавших представителей кабардинского народа наградами за их участие в походе П. М. Апраксина на Кубань. Он обещал, что и в дальнейшем «в милости нашей и в награждении жалованья оставить не изволим» [11, с. 12].

Стремясь нейтрализовать успехи России по привлечению на свою сторону населения Кабарды, крымско-османские эмиссары способствовали расколу внутри местной элиты, которая и без того была склонна к внутренним конфликтам. Произошедшем в итоге расколом воспользовались крымцы, совершив в 1720 г. удачное вторжение на Кавказ и заставив местных жителей выплатить им значительную дань [4, с. 116].

Лидер пророссийской партии князь Аслан-бек Кайтукин обратился в Петербург с просьбой о помощи. По его мнению, ситуацию можно было исправить постройкой русского укрепления и поддержкой со стороны терских и донских казаков. Перед Коллегией иностранных дел всталася нелёгкая задача. Нужно было помочь князю, но при этом не спровоцировать конфликт с турками. Кроме того, российская администрация хотела примирить враждующие группировки кабардинцев, чтобы они совместно могли отражать крымскую угрозу в случае нового вторжения хана. Этую нелёгкую миссию возложили на астраханского губернатора А. П. Волынского, которому предписали действовать «всякою ласкою» [11, с. 31].

Российскому чиновнику удалось на время снять напряжение между кабардинскими князьями. Но сохраняющиеся между ними земельные претензии и борьба за лидерство не могли сделать этот успех долгосрочным.

Ни Россия, ни Турция не желали идти на обострение на Кавказе, т.к. были заняты решением других, первоочередных для них внешнеполитических задач. Так, османы вполне могли рассчитывать на захват персидских земель, а возможный конфликт с Петербургом затруднял осуществление этой задачи. Но такое развитие событий не могло устраивать Петра I, который и сам не прочь был закрепиться в Иране. О его интересе к этим землям свидетельствует достаточно подробная инструкция, которую он подготовил для А. П. Волынского, отправлявшегося на встречу с персидским шахом. В ней говорилось о необходимости собрать максимально точную информацию о местных дорогах, городах, укреплениях. Государьставил задачу разузнать о возможных путях в Индию, что, видимо, и являлось его главной целью [2, с. 549].

Неудивительно, что Пётр I, встревоженный перспективами османской экспансии в прикаспийских землях, решает нанести упреждающий удар, исходя из расчёта, что «турок тут допустить невозможно» [10, с. 412]. Когда российский император откажется от продолжения своих наступательных действий на Востоке, это станет косвенным свидетельством в пользу гипотезы о том, что его превентивные шаги были направлены на пресечение дальнейшего продвижения османов, а всё остальное имело второстепенное значение [7, с. 47].

В ходе подготовки к Каспийскому походу были проведены переговоры с многочисленными северокавказскими обществами, и некоторые из них высказали желание принять российское подданство. Надо отметить, что Петербург всегда осторожно относился к таким шагам, прекрасно понимая, что обеспечить реальную власть империи над ними невозможно. Но в данном случае потребность в лояльности местных народов была велика и потому на эти устремления смотрели вполне благосклонно [9, с. 38].

Сам поход Петра Великого на Каспий доста-точно подробно рассмотрен в научной литературе [13, с. 72–76]. Видимо, император разочаровался в тех перспективах, которые он ранее связывал с этими территориями. Надежды на торговую прибыль оставались туманными, а не-привычный климат, воинственное население, угроза обострения отношений со Стамбулом заставляли действовать осторожно и ограничиться теми приобретениями, которые уже были сделаны. Обозначив своё присутствие и, образно говоря, проведя «красную линию» для турок, Россия приступила к укреплению своих рубежей на новых землях.

Но даже эти задачи оказались весьма затратными и потребовали серьёзных корректировок. Наследники Петра Великого должны были отказаться от части приобретений и по условиям

Рештского договора (1732 г.) и Гянджинского трактата (1735 г.) вернули персам их бывшие владения. Здесь сказывалось и то, что теперь они могли сами противостоять турецким амбициям, а потому необходимость сдерживать здесь русские войска отпала. От персов потребовали, чтобы «возвращаемые провинции никогда в какие чужие руки достаться не могли» [17, с. 345]. Российское правительство рассчитывало, что новый владыка Персии Надир-шах станет верным союзником, и с его помощью предполагалось укрепить собственные позиции в регионе. Теперь можно было сосредоточиться на проблемах Северного Кавказа, тем более что ситуация здесь оставалась весьма запутанной. Для этого был даже основан новый русский форпост в крае – Кизляр [5, с. 138].

Однако как показали дальнейшие события излишне оптимистичный сценарий реализовать не удалось. Надир-шах предпринял наступление в Дагестан и развернул там жесточайший террор против непокорных горцев [1, л. 181]. Россия открыто не могла, да и не хотела вмешиваться в происходящие события. Однако на Северо-Восточный Кавказ были спешно переброшены новые воинские силы, в Астрахани начали готовить корабли. Эти меры не могли остаться незамеченными Надир-шахом и сами по себе служили для него предупреждением о недопустимости посягать на российские территории.

Кроме того, это был инструмент влияния на турок. Они намеревались через Северный Кавказ провести свою армию к Каспию и занять персидские владения. Видя неизбежность войны, русская армия в 1736 г. начинает вторжение в пределы Крыма и занимает Азов. В начавшейся войне боевые действия разворачиваются ещё и на Кубани. Ситуация почти сразу осложняется эпидемией чумы, от которой пострадали все стороны конфликта. Несмотря на ряд убедительных побед, Россия пошла на подписание в сентябре 1739 г. Белградского мира, не соответствующего её реальным достижениям. Считается, что ошибочным было согласие признать нейтральный статус Кабарды, в которой видели буфер между империями. Это привело к расколу внутри местной элиты, где непрестанно враждовали силы, ориентированные на Петербург и Стамбул. Усилилась крымская экспансия, сопровождавшаяся насильтвенной исламизацией кабардинцев [10, с. 435].

Убедившись в тщетности своих надежд на возможность только за счёт силы обеспечить защиту края от внешней угрозы, российская администрация берёт курс на усиление своего военного присутствия на Северном Кавказе. Следствием этого стало возведение крепости Моздок в 1763 г. Это было встречено далеко не однозначно кабардинской верхушкой. Если одни владельцы поддержали такой шаг и сами выступили инициаторами строительства укрепления, то другие выступили резко против и с оружием в руках принялись противиться такому развитию событий. Одной из претензий стало то, что в крепость начал бежать «чёрный народ», т.е. зависимые сословия, которым русская администрация предоставляла

покровительство и защиту от гнёта феодальной верхушки. Для Петербурга главным условием была лояльность державе, а не социальный статус подданного, а потому неустойчивая в своих внешнеполитических предпочтениях кабардинская элита опасалась лишиться зависимых людей [15, с. 52–53].

Такая позиция была выигрышной и способствовала росту популярности России в глазах местных жителей. Доказательством тому служит череда присяг, которые с готовностью, по своей инициативе давали осетинские, ингушские, чеченские общества. Таким образом, к началу новой войны с Турцией позиции российской империи в регионе ещё более укрепились. Взошедшая на престол императрица Екатерина II, видимо, прекрасно понимала, что решение вопроса о беспрепятственном выходе к Чёрному морю и закреплению здесь российского присутствия без Кавказа обеспечить невозможно.

В результате войны 1768–1774 гг. Россия вернула свою власть над Кабардой и сумела нейтрализовать угрозу крымских набегов. Кучук-Кайнарджийский договор стал фундаментом для дальнейшего распространения влияния империи на Кавказе. Для всех стало очевидным, что Петербург опережает своих соперников в борьбе за доминирование в регионе. Политические успехи были подкреплены строительством Азово-Моздокской кордонной линии, которая стала зирким воплощением новых границ государства и инструментом воздействия на автохтонное население [12, с. 44]. Крепости очень скоро сделались экономическими и культурными центрами, привлекавшими к себе местные народы [16, с. 109–112]. Обращает на себя внимание тот факт, что одна из крепостей, входившая в состав Линии – Георгиевская, стала местом подписания в 1783 г. важного дипломатического соглашения, заключённого между Россией и Грузией о протекторате над последней [20]. В этом же году были ликвидировано Крымское ханство, и разорительные татарские набеги навсегда ушли в прошлое.

Были созданы все условия для распространения на Северном Кавказе российских порядков. Но власти прекрасно понимали, что этот регион ещё долго будет адаптироваться к образу жизни империи, а потому в 1785 г. здесь было учреждено кавказское наместничество. Местные власти получали самую широкую автономию и могли своевременно принимать те или иные управленические решения, не дожидаясь команды из столицы [14, с. 124–128]. Представляется, что это был удачный шаг Екатерины Великой, а дальнейшая отмена этого решения Павлом I объяснялась скорее личной неприязнью к ней, нежели действительной необходимости.

Несмотря на сокрушительное поражение, турецкое правительство не смирилось с потерей столь важных для неё территорий. Реваншистские настроения в Стамбуле подогревались европейской дипломатией. Но решиться на открытый конфликт Порта не спешила и принялась засыпать своих эмиссаров на Северный Кавказ, что-

бы руками горцев ослабить Россию в преддверии предстоящей борьбы [23, л. 17]. В свою очередь Петербург стремился добиться лояльности местных владельцев, взяв курс на политику «ласканний» их с помощью наград и подарков [10, с. 457].

Успехи в «перетягивании» местных сообществ на свою сторону были как у одной, так и у другой стороны. Череда присяг была очевидным достижением российской администрации, но вспыхнувшие волнения на Северо-Восточном Кавказе, безусловно, можно отнести к числу побед их османских оппонентов. В 1785 г. в Чечне началось движение под предводительством шейха Мансура, которое, хотя и имело местные корни, но нашло поддержку в Стамбуле, решившем воспользоваться благоприятным для себя событием. Сам новоявленный проповедник постоянно убеждал сторонников, что скоро им окажут помощь войска султана и призовут к газавату – священной войне с неверными, в роли которых выступали русские и горцы, не разделявшие его взглядов. После нескольких успехов, которые были приукрашены мольбой, Мансур начал терпеть неудачи и в итоге покинул Северо-Восточный Кавказ, найдя приют у своих турецких покровителей. Его надежда объединить вокруг себя разные народы Северного Кавказа оказалась несбыточной.

Россия сохранила свой авторитет в глазах местных народов. Доказательством тому служит встреча представителей местных народов с Екатериной II во время её инспекционной поездки на юг [12, с. 70–71]. Не отрицая пропагандистский характер задуманного и осуществлённого императрицей путешествия, отметим, что она имела возможность показать миру не выдуманные, а реальные достижения своей политики. Недаром турецкая реакция оказалась невероятно болезненной и привела к началу новой войны. И вновь Кавказ сделался ареной столкновения двух давних соперников.

В фирмане, обращённом к горцам, Селим II призывал сражаться с русскими, брать «в плен жён и детей, обогащаться их пожитками» [24, с. 156]. Но широкого отклика это не получило, в то время как в рядах российской армии сражалось немало горских добровольцев [11, с. 369–370]. Сокрушительный разгром армии султана под командованием Батал-паша в сентябре 1790 г. окончательно закрепил успехи Петербурга в крае [21, с. 137–146]. А летом следующего года генерал И. В. Гудович занял главный форпост Турции на черноморском побережье Кавказа – Анапу. В качестве трофея в руках у русских оказался и их давний противник шейх Мансур. Примечательно, что в штурме крепости участвовали отряды, сформированные из числа северокавказских народов, а многие отличившиеся получили чины и награды [9, с. 56–66].

И хотя по условиям Яссского мира 1791 г. туркам удалось вернуть себе черноморское побережье вплоть до Кубани, до конца XVIII в. они уже не могли пойти на открытый вооружённый конфликт с Россией, предпочитая действовать через эмиссаров и восстанавливая разрушенные

укрепления. Однако новой угрозой для России стал персидский владыка Ага Мухаммед-хан, чьи внешнеполитические амбиции несли угрозу интересам империи на Восточном Кавказе. Стамбул готов был даже признать Восточную Грузию сферой интересов Ирана, лишь бы столкнуть персов с русскими [12, с. 80].

Вторжение Ага-Мухаммед-хана в Закавказье весной 1795 г., резня, устроенная им в Тифлисе, не остались незамеченными среди горцев Дагестана. Участились случаи обращения их в Петербург за покровительством [8, с. 20]. При всём желании сохранить мир с Персией, Екатерина II уже не могла игнорировать угрозу, которая нависла над прикаспийскими владениями России. В 1796 г. принимается решение о войне с Ираном, и на Кавказ отправляется корпус под командованием В. А. Зубова [8, с. 81].

Успешно начавшийся поход был внезапно прерван. В столице произошли серьёзные изменения, затронувшие и кавказскую политику России. На престол вступил Павел I, который внёс корректизы в подходы своей матери по выстраиванию отношений с местными народами. Но при всех разно-

гласиях, он продолжил выполнять магистральную линию по закреплению в регионе, хотя и слишком оптимистично рассчитывал разрешить узел имеющихся противоречий с помощью преимущественно дипломатических шагов [3, с. 91–98].

Таким образом, в течение XVIII в. позиции России на Кавказе постоянно усиливались. Если в начале столетия она была наименее сильным «игроком» среди противоборствующих держав, то к концу века это уже безусловный лидер, который не только потеснил своих внешнеполитических конкурентов, но и начал успешно выстраивать успешные взаимоотношения с местными обществами. Начало этого процесса представляется возможным связать с Персидским походом Петра I. Во многом это была вынужденная мера и неслучайно, что приемники отказались от некоторых территориальных приобретений этого императора. Но в дальнейшем, по мере укрепления позиций России на мировой арене, она активизирует свой южный вектор во внешней политике и в царствование Екатерины IIочно закрепляется на новых, северокавказских рубежах.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф.144. Сношения России с Персией. Д.7.
2. Брикнер А. Г. История Петра Великого. М.: АСТ, 2002. 666 с.
3. Виноградов Б. В. Кавказ в политике государя Павла I (1796–1801 гг.). Армавир - Славянск-на-Кубани, 1999. 115 с.
4. Виноградов Б. В., Приймак Ю. В. Специфика российско-северокавказских взаимоотношений в начале – середине XVIII века // Северный Кавказ с древнейших времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Пятигорск: ПГЛУ, 2010. С.111–140.
5. Гарунова Н. Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007. 275 с.
6. Гугов Р. Х. История Кабарды и Балкарии в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. 685 с.
7. Дегоев В. В. Персидский поход Петра I: к вопросу о замыслах и результатах // Кавказский сборник. М.: НП ИД «Русская панорама», 2010. Т.6. С. 47–62.
8. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В VI т. Т. III. СПб., 1886. 318 с.
9. Ильясова А. А., Гранкин Ю. Ю. Торговый фактор в системе политico-экономического развития Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX веков. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013. 224 с.
10. История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. / Отв. ред. Б. Б. Пиоторовский. М.: Наука, 1988. 544 с.
11. Кабардино-русские отношения. Сборник документов. М.: Наука, 1957. Т. II. 403 с.
12. Княгинина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.). М.: МГУ, 1984. 328 с.
13. Клычников Ю. Ю. Из истории формирования российского Северного Кавказа во второй половине XVI–XVIII веках / Под ред. и с пред. В.Б. Виноградова. Пятигорск: ПГЛУ, 2008. 136 с.
14. Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. Мозаика северокавказской жизни: события и процессы XIX – начала XX веков (Исторические очерки). Пятигорск: ПГЛУ, 2012. 330 с.
15. Клычников Ю. Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.). Исторические очерки. М.: ЛЕНАНД, 2015. 368 с
16. Клычников Ю. Ю. Роль Азово-Моздокской линии в российской политике урбанизации Северного Кавказа // Азово-Моздокская оборонительная линия и её роль в становлении российской государственности на Северном Кавказе: Межрегиональная научно-практическая конференция. 19 апреля 2017 г. Ставрополь: Ставрополит, 2017. С.109–112.
17. Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига; Объединённая редакция МВД России, 2010. 381 с.
18. Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. М.: Международные отношения, 1986. 448 с.
19. Мухаев Р. Т. Геополитика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 623 с.
20. Пайчадзе Г. Г. Георгиевский трактат. Тбилиси: Издательство Мецниереба, 1983. 387 с.
21. Потто В. А. Кавказская война: В 5 т.: Т.1.: С древнейших времён до Ермолова. Ставрополь: Кавказский край, 1994. 672 с.
22. Российский государственный архив древних актов. Ф. 89. Турецкие дела.Д.9.
23. Российский государственный военно-исторический архив. Ф.52. Потёмкин-Таврический Григорий Александрович. Оп.1. Д.486.

24. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М.: Наука, 1958. 244 с.
25. Соловьев С. М. Труды по истории России. М.: Астрель, АСТ, 2003. 349 с.
26. Унжев К. Х. История Кабарды и Балкарии. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. 614 с.

References

1. Arhiv vnesnej politiki Rossijskoj imperii. F.144. Snosheniya Rossii s Persiej. (*The Archives of the Foreign policy of the Russian Empire. F.144. Persian-Russian relations*) D.7. (In Russian).
2. Brikner A. G. Istorya Petra Velikogo (*The History of Peter the Great*). Moscow: AST, 2002. 666 p. (in Russian).
3. Vinogradov B. V. Kavkaz v politike gosudarya Pavla I (1796–1801 gg.) (*The Caucasus in the Policy of the Sovereign Paul I 1796–1801 yy.*) Armavir - Slavyansk-na-Kubani, 1999. 115 p. (in Russian).
4. Vinogradov B. V., Prijmak Yu. V. Specifika rossijsko-severokavkazskih vzaimootnoshenij v nachale – seredine XVIII veka (*The Features of Russian and the North Caucasus Relations in the Beginning – in the Middle of the XVIII Century*) // Severnyj Kavkaz s drevnejshih vremyon do nachala XIX stoletiya (istoriko-ehtnograficheskie ocherki). Pyatigorsk: PSLU publ., 2010. P.111–140. (In Russian).
5. Garunova N. N. Rossijskie goroda-kreposti v kontekste politiki Rossii na Severo-Vostochnom Kavkaze v XVIII – pervoj polovine XIX v.: problemy politicheskoy, ehkonomiceskoy i kul'turnoj integracii (*The Russian town-fortresses in the Context of Russian Policy in the North-Eastern Caucasus in the XVIII – the First Half of the XIX c.*). Mahachkala, 2007. 275 p. (In Russian).
6. Gugov R. H. Istorya Kabardy i Balkarii v XVIII veke i ih vzaimootnosheniya s Rossiejj (*The history of Kabarda and Bulcaria in the XVIII century and Their Relations with Russia*). Nal'chik: EHI'-Fa, 1999. 685 p. (In Russian).
7. Degoev V. V. Persidskij pohod Petra I: k voprosu o zamyslah i rezul'tatah (*The Persian Campaign of Peter I: on the Issue of Intentions and Results*) // Kavkazskij sbornik. Moscow: NP ID «Russkaya panorama», 2010. Vol.6. P.47–62. (In Russian).
8. Dubrovin N. F. Istorya vojny i vladychestva russikh na Kavkaze (*The history of War and Russian Conquering of the Caucasus*). In V VI Vols. Vol. III. St.Petersburg, 1886. 318 p. (In Russian).
9. Ilyasova A. A., Grankin Yu. Yu. Torgovyj faktor v sisteme politiko-ehkonomiceskogo razvitiya Severnogo Kavkaza v XVIII – pervoj polovine XIX vekov (*The Trade Factor in the System of Political and Economic Development of the North Caucasus in the XVIII – the First Half XIX Century*). Pyatigorsk: PSLU publ., 2013. 224 s. (in Russian).
10. Istorya narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremyon do konca XVIII v. (*The History of the North Caucasus Peoples from Antiquity to the End of the XVIII Century*) / ed by B.B. Piotrovskij. Moscow: Nauka, 1988. 544 p. (in Russian).
11. Kabardino-russkie otnosheniya. Sbornik dokumentov (*Kabardian and Russian Relations. The Collection of Documents*). Moscow: Nauka, 1957. Vol. II. 403 p. (In Russian).
12. Kinyapina N. S., Bliev M. M., Degoev V. V. Kavkaz i Srednyaya Aziya vo vnesnej politike Rossii (vtoraya polovina XVIII – 80-e gody XIX v.) (*The Caucasus and Middle Asia in the Foreign Policy of Russia (the Second Half of the 80-s of the XIX Century)*). Moscow: MSU publ., 1984. 328 p. (in Russian).
13. Klychnikov Yu. Yu. Iz istorii formirovaniya rossijskogo Severnogo Kavkaza vo vtoroj polovine XVI–XVIII vekah (*From the History of the Russian North Caucasus Formation in the Second Half of the XVI–XVIII c.*) / ed by. V.B. Vinogradov. Pyatigorsk: PSLU publ., 2008. 136 p. (In Russian).
14. Klychnikov Yu. Yu., Lazaryan S. S. Mozaika severokavkazskoj zhizni: sobytiya i processy XIX – nachala XIX vekov (*The Mosaic of the North Caucasus Life: Events and Processes. XIX – the Beginning of the XX c. Historical Essays*) (Istoricheskie ocherki). Pyatigorsk: PSLU publ., 2012. 330 p. (In Russian).
15. Klychnikov Yu. Yu. Rossijskaya gosudarstvennost' i severokavkazskaya arhaika: V poiskah preodoleniya protivorechij (XVIII – nachalo XXI vv.). Istoricheskie ocherki (*The Russian Statehood and North Caucasus Archaic: in Search of Overcoming Contradictions (XVIII – the Beginning of the XIX c.) Historical essays*). Moscow: LENAND, 2015. 368 p. (In Russian).
16. Klychnikov Yu. Yu. Rol' Azovo-Mozdokskoj linii v rossijskoj politike urbanizacii Severnogo Kavkaza (*The role of the Azov-Mozdok Line in the Russian policy of the North Caucasus Urbanization*) // Azovo-Mozdokskaya oboronitel'naya liniya i eyo rol' v stanovlenii rossijskoj gosudarstvennosti na Severnom Kavkaze: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. 19 aprelya 2017 g. Stavropol': Stavrolit, 2017. P.109–112. (In Russian).
17. Kurukin I. V. Persidskij pohod Petra Velikogo. Nizovoj korpus na beregah Kaspiya (1722–1735) (*The Persian Campaign of Peter the Great. The Down Corps on the Caspian Shores (1722–1735)*). Moscow: Kvadriga; Ob»edinyonnaya redakciya MVD Rossii, 2010. 381 p. (In Russian).
18. Molchanov N. N. Diplomatiya Petra Pervogo (*The Diplomacy of Peter I*). Moscow: Mezdunarodnye otnosheniya, 1986. 448 p. (In Russian).
19. Muhaev R. T. Geopolitika (*Geopolitics*). Moscow: YUNIТИ-DANA, 2007. 623 p. (In Russian).
20. Pajchadze G. G. Georgievskij traktat (*The Georgievsk Treaty*). Tbilisi: Mecniereba, 1983. 387 p. (in Russian).
21. Potto V. A. Kavkazskaya vojna: In 5 vols: Vol.1.: S drevnejshih vremyon do Ermolova (*The Caucasus War. In 5 volumes. Volume 1: From Antiquity to Ermolov*). Stavropol': Kavkazskij kraj, 1994. 672 p. (In Russian).
22. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. F. 89. Tureckie dela. (*The Russian State Archives of Ancient Acts. F.89. Turkish Affairs*) D.9. (In Russian).
23. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv. F.52. Potomkin-Tavricheskiy Grigorij Aleksandrovich (*The Russian State Military and Historic Archives. F.52. Potemkin-Navricheski Grigoriy Aleksandrovich*). Inv.1. D.486.
24. Smirnov N. A. Politika Rossii na Kavkaze v XVI–XIX vv. (*The Politics of Russia in the Caucasus in XVI–XIX cc.*). Moscow: Nauka, 1958. 244 p. (In Russian).
25. Solov'ev S. M. Trudy po istorii Rossii (*Works on the History of Russia*). Mščyszc: Astrel', AST, 2003. 349 p. (In Russian).
26. Unezhev K. H. Istorya Kabardy i Balkarii (*The History of Kabarda and Balkaria*). Nal'chik: EHI'-Fa, 1999. 614 p. (In Russian).

Информация об авторе

Гранкин Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права России и зарубежных стран, проректор по академической политике, контролю качества образования и информатизации Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / grankinj@pglu.ru

Information about the authors

Grankin Yurii – Doctor of History, Professor, Chair of History of State and Law of Russia and Foreign Countries, Vice-Rector for Academic Policy, Higher Education Quality Assurance and Informatization, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / grankinj@pglu.ru

УДК 94(470): 911.2 (08)

А. Ю. Зубов, Т. И. Сидненко

ТИХООКЕАНСКИЙ ФЛОТ КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Становление в современных политических, социально-экономических и географических условиях новой геополитической системы обращает нас к опыту прошлого, когда в условиях военно-политических конфликтов конца XIX – начала XX века шло становление новой геополитической карты мира. Русско-японская война 1904–1905 гг. стала одним из первых образцов войны за геополитический передел мира, борьбой за «сферах влияния». Авторами проведено исследование правительственный политики национальной безопасности в контексте рассмотрения специфики различных взглядов русских главнокомандующих на формирование и техническое оснащение Тихоокеанского флота, что позволит представить более полную картину развития международных отношений и внешней политики того периода.

Научная новизна статьи определяется методологическими подходами и источниковой базой исследования. Материалы статьи являются результатом многолетних исследований развития отечественного кораблестроения в конце XIX – начала XX веков. Авторами представлен анализ внешней политики Российской империи в контексте исследования «Большой Азиат-

ской программы». Уточнены причины поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. Рассматривается развитие военно-морских сил России на Дальнем Востоке с учетом новых фактов, раскрывающих специфику тактико-технологических свойств русских кораблей. Исследована роль И. А. Шестакова, Ф. В. Дубасова в занятии порта Мозамбо, как альтернативного стратегического центра в военно-политическом противостоянии России и Японии на Дальнем Востоке. Выделяются дополнительные факторы, подтверждающие отставание темпов строительства и оснащения отечественных боевых броненосных кораблей на Дальнем Востоке. Дается анализ судостроительной программы России в связи с усилением ее присутствия на Тихом океане. Представлены новые данные о технологиях развития отечественного кораблестроения, о деятельности Обуховского сталелитейного, Балтийского и Адмиралтейского ижорского заводов в период подготовки к русской-японской войне.

Ключевые слова: «Большая Азиатская программа», геополитическая безопасность, Порт-Артур, Мозамбо, И. А. Шестаков, Ф. В. Дубасов, русско-японская война, Тихоокеанская эскадра, кораблестроение.

A. Zubow, T. Sidnenko

THE PACIFIC FLEET AS A FACTOR IN THE SECURITY OF RUSSIA AT THE END OF THE XIX AND THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

The formation of a new geopolitical system in modern political, socio-economic and geographical conditions draws us to the experience of the past, when in the conditions of military-political conflicts of the late XIX – early XX century the formation of a new geopolitical map of the world took place. The Russian-Japanese war of 1904–1905 was one of the first examples of the war for geopolitical redistribution of the world, the struggle for “spheres of influence”. The authors conducted a study of national security policy in the context of considering different views of the Russian commanders on the formation and technical equipment of the Pacific fleet. The study provides a more complete picture of the development of international relations and foreign policy of the period.

Methodological approaches and the source base of the research determine the scientific novelty of the article. The materials of the article are the result of many years of research into the development of Russian shipbuilding in the late XIX – early XX centuries. The authors present the analysis of the foreign policy of the Russian Empire in the con-

text of the study of the “Great Asian program”. The reasons for the defeat in the 1904–1905 Russian-Japanese war are clarified. The development of naval forces of Russia in the Far East is studied. The consideration of new facts reveals the peculiarities of tactical and technological properties of Russian ships. The role of I. A. Shestakova and F. V. Dubasov in the occupation of Mozampo port as an alternative strategic center in the military-political confrontation between Russia and Japan in the Far East is investigated. There are additional factors that confirm the lag in the pace of construction and equipping of national combat armored ships in the Far East. The analysis of the shipbuilding program of Russia in connection with the strengthening of its presence in the Pacific Ocean is given. New data on technologies of domestic shipbuilding development, on activity of Obukhov steel, Baltic and Admiralty Izhorskiye Factories during preparation for the Russian-Japanese war are presented.

Key words: Big Asian Program, geopolitical security, Port-Arthur, Mosampo, I.A. Shestakov, F.V. Dubasov, Russian-Japanese war, Pacific squadron, shipbuilding.

В настоящее время Тихоокеанский регион стал ареной нового геополитического противостояния. ТERRITORIALНЫЕ претензии Японии к России заставляют вспомнить события более чем столетней давности, когда противостояние великих держав вылилось в Русско-японскую войну 1904–1905 годов.

Экономическое развитие Российской империи в конце XIX века требовало активного освоения Сибири и Дальнего Востока. Правительство Николая II приступило к реализации «Большой Азиатской программы» целью, которой стало освоение дальневосточных территорий и активная внешняя политика в регионе. Япония в 1894 году начала с Китаем войну с целью установления контроля над Кореей. Китайская армия была изгнана японцами с Корейского полуострова, и началась бои непосредственно на китайской территории.

Для обеспечения безопасного развития русского Дальнего Востока требовалось усиления военного присутствия России в этом регионе, развитие материально-технической базы флота, прежде всего, создание броненосного флота и замена кадрового состава военно-морских сил. С этой целью, в 1880-е гг. управляющий Морским министерством вице-адмирал И. А. Шестаков посетил Владивосток и по результатам своих наблюдений составил доклад для Российского императора, в котором обосновывал необходимость нейтрализовать огромную опасность, которую представляет собой Япония для геополитических интересов Российской империи. Мощный боевой броненосный флот рассматривался им в качестве приоритетной задачи. В ответ на предложение Морского министра численность военно-морских сил на Тихом океане была увеличена [8, с. 31]. В упомянутом докладе Ивана Алексеевича Шестакова, согласно воспоминаниям А.Г. Нидермиллера, была выражена следующая позиция: «Владивостокский порт, большой и удобный для стоянки кораблей большой эскадры, но не имеет открытого выхода в Тихий океан и в течение трёх-четырёх месяцев заперт льдами. Высказывалось пожелание о том, что России необходимо иметь на Тихом океане более южный порт. В связи с изложеннымми обстоятельствами, офицеры Тихоокеанской эскадры обследовали регион и остановили свой выбор на гавани Мозамбо в южной части Кореи и бухте Кяо-Чао (Циндао) на Шандунском полуострове. Последний порт в бухте Циндао был закреплён по соглашению с китайским правительством в качестве зимней стоянки для русских судов» [5, с. 459; 8, с. 32].

В 1895 году Россия, заручившись поддержкой Германии и Франции, вмешалась в японо-китайскую борьбу и вынудила Японию отказаться от части своих завоеваний в Китае. Контр-адмирал Д. В. Никитин (Фокагитов), участник обороны Порт-Артура в своих воспоминаниях пишет: «чтобы без ненужной шумихи и огласки в тот период времени правящее российское правительство сосредоточило на Дальнем Востоке морские силы, превышающие японские. Японии был предъяв-

лен ультиматум. Затаив злобу, японцы подчинились и ушли из Маньчжурии» [9, с. 46–47].

Однако, переговоры с китайским правительством по поводу аренды Порт-Артура длились долго. Следует отметить сохранившуюся актуальность порта Мозамбо в качестве ресурсной базы Тихоокеанской эскадры. Так, ещё до окончания переговоров, адмирал Федор Васильевич Дубасов, впоследствии ставший командующим тихоокеанской эскадрой, приспал свой план относительно занятия порта Мозамбо, который ранее уже фигурировал в плане И. А. Шестакова [6, с. 34]. Ф. В. Дубасов в 1897 гг. в декабре вошел в Порт-Артур. Как пишет С. Ю. Витте, получить Порт-Артур в аренду после занятия немцами Циндао, было трудно, да и порт Мозамбо, который рекомендовал адмирал Ф. В. Дубасов, так же было не получить, вопрос аренды Порт-Артура удалось решить только, прибегнув к крупной взятке, о чём упоминал впоследствии отставной министр финансов С. Ю. Витте [2, с. 200].

Очевидно, что освоение Порт-Артура и порта Дальнего, как и Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), сыграло большую роль для развития геополитических и социально-экономических интересов России. В связи с тем, что КВЖД проходила по территории Маньчжурии, такие города, как Иркутск, Владивосток, Порт-Артур, Дальний удалось соединить в общую систему транспортной развязки, в качестве южной ветки Транссибирской магистрали. Она перенаправила основной грузопоток из Европы в Азию с морских перевозок, на железнодорожные, что сократило сроки доставки грузов в несколько раз и к началу XX века социально-экономическим результатом строительства дорога стало ускорение процесса заселения территорий Приамурья и Приморья, общий экономический подъем российского Дальнего Востока и Северной Маньчжурии. Таким образом, можно предположить, что занятие Российской империей Порт-Артура и порта Дальнего, строительство железной дороги, проходящей через Маньчжурию, не было захватом новых территорий, с последующим насилиственным её освоением в одностороннем порядке, но сопровождалось оформлением соответствующих договоров. При этом заключенные между Россией и Китаем договоры, носили взаимовыгодный характер и были искренне одобрены государством и его представителями. При том, что «Большая азиатская программа», прежде всего, предусматривающая строительство транспортного коридора в Азиатско-Тихоокеанском регионе, имела первостепенное значение для царствования Николая II. Что касается отношения западных держав к российской дальневосточной политике, то усиление Российской Империи тревожило её сооперника – Германию. Среди многочисленных воспоминаний современников событий, красочным представляется упоминание С. С. Ольденбургом [10, с. 55] переписки Вильгельма II и фон Бюлова: «если Англия и Япония будут действовать вместе, то они могут сокрушить Россию... Но им сле-

дует поторопиться, иначе русские станут сильными» [5, с. 461].

Таким образом, главной задачей англо-саксонского мира, во главе которого стояла тогда «владычица морей» Великобритания, было не допустить усиления России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а эта задача, в свою очередь, предусматривала уничтожение русского флота. Уничтожить русский флот должна была Япония, которая, готовясь исполнить данную миссию, реализовала с помощью всесторонней материально-технической, военной и финансовой поддержки Великобритании, Германии и США три кораблестроительные кампании, создав первоклассный современный флот, предназначенный для осуществления своих и англо-саксонских геополитических планов. Как нами ранее отмечалось: «В конце 1903 года японский парламент высказался за войну с Россией. Однако японский император воспользовался правом «*veto*» и распустил парламент. Вновь избранный парламент снова проголосовал за войну с Россией, выразив агрессивные устремления японцев» [5, с. 460].

На Тихом океане с 1868 года [5, с. 461] находился небольшой отряд боевых кораблей, состоящий из семи железных судов разного типа и водоизмещения, оснащённых артиллерией: «Тунгус», «Ермак», «Бобр», «Сивуч», «Манчжур», «Кореец», «Гиляк», и ежегодно обновляемый судами Балтийского флота, базирующийся на Николаевске-на-Амуре. В 1870 году военно-морская тихоокеанская база была переведена во Владивосток. Эти суда имели стоянки в Японии, между командами русских кораблей и местным населением завязались дружеские отношения [8, с. 15, 21]. В конце 1896 года Военно-морской учёный отдел Главного Морского Штаба представил доклад, в котором поэтапно мотивировалась необходимость безотлагательного увеличения русских военно-морских сил на Дальнем Востоке. В соответствии с этой неотложной задачей, вновьилось предложение о проведении мероприятий по оборудованию и укреплению порта Владивосток в течение пяти лет, до конца 1901 года [8, с. 23]. В этом докладе подчёркивалось, что Япония, в силу объективных обстоятельств, способна закончить военные приготовления через семь лет, т.е. к концу 1903 года. Кроме того, в этом докладе указывалась практически точная дата начала войны – конец 1904 года, когда будет закончено строительство железной дороги. Военно-морские учёные считали, что весь срок до предположительной даты войны должен быть использован для переброски войск и военного снаряжения по Байкалу: летом с помощью имеющихся двух паровых паромов, а зимой – по льду на подводах в Азиатско-Тихоокеанский регион [8, с. 23–24]. В докладе также специально отмечалось, что для нужд Тихоокеанского флота требуется осуществить заказ на строительство новых кораблей на иностранных верфях. При этом корабли должны поступить на вооружение Тихоокеанской эскадры за два года до даты предположительного начала войны с целью: сдерживания агрессивных

устремлений Японии; для того, чтобы личный состав эскадры мог практиковаться в перспективе возможной войны [8, с. 24].

Главный Морской штаб запросил на создание Тихоокеанской эскадры 200 миллионов рублей, 90 из которых было отпущено тотчас в счёт уплаты заказов на строительство судов, а остальные 110 миллионов министр финансов С. Ю. Витте намеривался перечислить в течение семи лет в качестве ежегодной прибавки к сметам [3, с. 14].

Третий российский Императорский Тихоокеанский флот, как считает В. Ю. Грибовский, Николай II стремился создать по аналогии с Черноморским, взяв за основу Тавриду XVIII века. С этой целью российский император институрирует структуру наместничества на Дальнем Востоке. Персональный состав руководства войсками Квантунской области и Морскими силами Тихого океана выглядел следующим образом: главный начальник и командующий – вице-адмирал Е. И. Алексеев с августа 1899 года, начальник морского отдела штаба – контр-адмирал В. К. Витгефт с января 1900 года [3, с. 10].

В 1897 году был определён оптимальный состав российского Императорского Тихоокеанского флота. Вот как описывает период создания Тихоокеанской эскадры В. Ю. Грибовский: «18 марта 1898 г. вице-адмирал Ф. В. Дубасов привёл в Порт-Артур броненосцы «Наварин» и «Сисой Великий», предназначенные выступить противовесом японским «Фудзи» и «Ясима». Ещё до 1900 г. на Дальнем Востоке были сосредоточены три эскадренных броненосца серии «Полтава», которые периодически совершали переходы из Владивостока и Порт-Артур с заходом в китайские и японские порты. «Наварин» и «Сисой Великий» были практически равноценными по боевой мощи кораблями, схожими в конструктивно-тактическом отношении. Оба корабля поступили на вооружение в середине 90-х гг., причём «Сисой Великий» проектировался по аналогии с «Наварином» [11, с. 79]. «Корабли были вооружены четырьмя 12 дюймовыми орудиями, расположенными на двух концевых башнях и шестью – восьмью 6-дюймовыми пушками, сосредоточенными в каземате, в середине корпуса; артиллерийское вооружение «Сисоя Великого» было более современным. При водоизмещении в 10200–10400 т и скорости хода около 15 узлов броненосцы отличались надёжным бронированием ватерлинии (406 мм – у «Наварина» брони марки компаунд, а у «Сисоя Великого» никелевой стали) и подводной палубы в 76 мм, обеспечивающей плавучесть при пробитии мягких оконечностей кораблей. В 1902 г. «Наварин» и «Сисой Великий» вернулись в Россию для ремонта, а затем ушли на Дальний Восток в составе группы судов под командованием контр-адмирала Д. Г. Фелькерзами, участвовали в Цусимском сражении и затонули 15 мая 1905 г.» [3, с. 17].

В тот период отечественное кораблестроение ввиду небывалого роста объёмов заказов переживало бурное развитие. Лидером отечественного кораблестроения был Балтийский судостро-

ительный и механический завод, на котором, среди прочих было построено пять эскадренных броненосцев из одиннадцати. На строительство одного броненосца уходило 39–40 месяцев, что вполне отвечало существующим мировым стандартам. Качество судостроительных работ на Балтийском заводе, по мнению В. Ю. Грибовского, было довольно высоким, поскольку на предприятиях трудились выдающиеся кораблестроители своего времени: инженеры В. Х. Оффенберг, К. Я. Аверин, Н. Н. Кутейников [3 с. 6]. Остальные кораблестроительные предприятия в Российской Империи в ту пору не могли похвастаться столь высокой организацией производства, как Балтийский завод: так, броненосец «Ослыбя» строился на Новом Адмиралтействе в течение 93 месяцев, в результате не успел в срок на театр военных действий [6, с. 163].

До начала XX века всю оптику для морской артиллерии Российской Империя заказывала за границей. Перед русско-японской войной отечественные оптические прицелы стал выпускать Обуховский сталелитейный завод, производственные мощности которого позволяли вооружить в год лишь два броненосца, исключая корабли других классов [1, с. 274]. Как отмечают военные исследователи Г. А. Антонов и В. А. Цуварев, работы по созданию отечественных оптических прицелов для морской артиллерии велись на Обуховском сталелитейном заводе под руководством Я. Н. Перепёлкина. Обуховский завод выпустил знаменитое прицельное устройство – «оптический прицел Обуховского завода образца 1903 года» с зависимой линией прицеливания и установкой прицела и целика, принятое на вооружение флота в 1904 году. Испытания прицела не были закончены к началу русско-японской войны, и заводу было поручено: срочно изготовить 300 прицелов для 2-ой Тихоокеанской эскадры.

Прицелы, изобретенные будущим советским академиком А. Н. Крыловым, в то время знаменитым математиком флота генерал-майором, устанавливались на кораблях эскадры прямо во время похода [1, с. 274]. Использование прицелов в боевых действиях обнаружило недостатки устройства. Так, в частности об этом изобретении А. Н. Крылова писал один из авторов сборника «С эскадрой Рождественского», выпущенного к 25-летию Цусимского сражения назвавшийся инициалами В. Б., однокашник адмирала Н. И. Небогатова. По словам В.Б., оптический прицел состоял из светящейся мушки, которая надевалась на дуло пушки, а также тонкой длинной трубки-стержня, идущей вдоль дула к казённой части орудия параллельно его оси и заканчивающейся трубой для глаза наблюдателя-комендора, который наводил орудие на цель. Но поскольку дуло пушки было длинным, трубка-стержень была тоже длинной, но, будучи тонкой, прогибалась, нарушая прямую линию. Во избежание прогиба, посередине трубки-стержня была вмонтирована крестовина, которая соединялась нитями с мушкой и трубой наблюдателя. Прекрасное в теории изобретение, но не прошедшее должного испы-

тания, выходило из строя при каждом выстреле пушки, поскольку выстрелом прицел разрывало на части, нити лопались, а выведенный из себя комендор, исторгая ругательства, срывал прицел и стрелял на глаз [12, с. 125].

Большая часть материала для обшивки броненосных судов и различные судовые приспособления изготавливались на Адмиралтейских Ижорских заводах. В 1898 году на этих заводах производилась броня, закалённая по методу Круппа. Метод Круппа считался в то время самой современной технологией. Однако, ввиду низкой производительности, российские заводы хронически не поспевали обслуживать растущие потребности отечественного кораблестроения, поэтому Российское правительство вынуждено было прибегнуть к иностранным заказам [11, с. 114]. В 1899 году капитан 1-го ранга И. К. Григорович был назначен командиром строившегося во Франции, в Тулоне эскадренного броненосца «Цесаревич». Испытания корабля начались только в 1903 году и проходили непросто: во время испытаний выяснились конструктивные недостатки подачи 305 мм снарядов и главных машин. За процессом испытаний наблюдал прибывший из Петербурга помощник начальника ГМШ контр-адмирал А. А. Вирениус. Но ему не пришлось вести на Дальний Восток отряд новых кораблей: задержал повреждённый в Гибралтаре броненосец «Ослыбя». Вёл «Цесаревич» в Порт-Артур И. К. Григорович. Во Франции был построен крейсер 1-го ранга «Баян», которым впоследствии командовал капитан 1-го ранга Р. Н. Вирен.

Ввиду того, что в то время всесильный министр финансов С.Ю. Витте держал военно-морской флот на строгой финансовой диете, выбор типов судов при строительстве определялся не их тактико-техническими качествами, а дешевизной производства. Так, обсуждая весьма скромные тактико-технические возможности сошедших в преддверии войны со стапелей верфей Санкт-Петербургского порта однотипных крейсеров, носящих имена древнегреческих богинь: «Диана», «Паллада» и «Аврора», можно отметить, что эти суда, обладающие внушительным водоизмещением 6630 т., были оснащены слабой артиллерией, причём орудия были установлены без броневой защиты, и даже с целью защиты не предусматривалось щитов. На судовых испытаниях полные обводы корпусов крейсеров не дали кораблям возможности развить заданную скорость в 20 узлов. Выполнение крейсерских задач также оставалось под вопросом, поскольку весьма незначительная скорость не позволяла этим судам выполнять с надёжностью разведку; в бою они не были в состоянии обеспечить поддержку броненосцам ввиду слабости артиллерии и защиты; а относительно небольшая дальность плавания – 4000 миль затрудняла их использование на протяжённых переходах [6, с. 121]. По личному указанию Николая II со стапелей Балтийского завода сошёл очередной и последний в этой серии океанских судов – крейсер «Громобой», строившийся в течение трёх лет с 1897 по 1900 гг. по

усовершенствованному проекту [3, с. 11]. Однако «Громобой» имел частичное поясное бронирование. Но самым главным недостатком последнего океанского крейсера было то, что установленные в количестве двадцати четырёх штук 75 мм пушки в реальности не способствовали увеличению мощности артиллерии корабля [11, с. 187].

Таким образом, как отмечено в воспоминаниях В. П. Костенко, соотношение сил Японии – России было неравномерным. «К концу 1903 года на вооружении российской оперативной военно-морской базы, размещенной в Порт-Артуре, в составе 1-й Тихоокеанской эскадры, и вспомогательного Владивостокского крейсерского отряда в целом, насчитывалось семь броненосцев, четыре броненосных, семь бронепалубных и лёгких крейсеров. У Японии к началу войны было 6 броненосцев, 8 броненосных крейсеров, 12 легких крейсеров, 8 канонерских лодок, 27 эскадренных миноносцев и 19 миноносцев. Следовательно, на стороне японского флота было почти двойное превосходство в легких силах. Кроме того, силы русской эскадры были разъединены между двумя базами, удаленными одна от другой на 1060 миль» [7]. Современный исследователь А. В. Шишов выразил мнение о сосредоточении главных сил в составе 7 броненосцев и 7 крейсеров в Порт-Артуре [14, с. 123]. Между тем, согласимся с Костенко В. П., что: «в Порт-Артуре еще не был закончен док для ввода броненосцев, тогда как во Владивостоке имелся достаточной величины» [7]. Однако, отсутствие дока для броненосцев в Порт-Артуре, как нами ранее отмечалось [5, с. 461], вопреки за-

явлению исследователя А. В. Шишова, «не имело в дальнейшем самых тяжелых последствий благодаря таланту военного инженера, капитана Зборовского, предложившего в отсутствии сухого дока, производить ремонт повреждённых броненосцев «Цесаревич» и «Ретвизан» при помощи присасывающих кессонов» [14, с. 123–124].

Нехватка финансовых, технических и административно-организационных ресурсов сказалась на процессе завершения строительства кораблестроительной базы и сборке подводных лодок и миноносцев на Дальнем Востоке и Владивостоке. Только лишь в 1902–1903 гг. в Порт-Артуре была построена небольшая верфь для сборки миноносцев, строившихся в Санкт-Петербурге и доставлявшихся в разобранном виде по железной дороге [3, с. 6, 12; 14, с. 124]. Во время русско-японской войны в Порт-Артур прибыла бригада кораблестроителей с Балтийского завода, о работе которой с благодарностью вспоминали артурцы.

Неготовность к войне осознавалась и в правительенных кругах. Так, ещё в ноябре 1895 г. Николай II оставил знаменитую заметку: «Вся наша беда именно состоит в том, что России приходится строить и содержать три самостоятельных флота» [3, с. 15]. К сожалению многие мероприятия по усилению Тихоокеанского флота не были завершены. Это предопределило поражение России в войне с Японией. Поражение в войне и последующие революционные потрясения привели к тому, что Россия только спустя десятилетия снова смогла начать активное освоение тихоокеанских берегов.

Источники и литература

1. Антонов Г. Н., Цуварев В. А. Труды военно-морских исторических конференций. СПб: Санкт-Петербургское Морское Собрание. Дом учёных Российской академии наук, 2006. 628 с.
2. Витте С. Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. – изд. 2-ое. Т.2. Л.: Гос. изд., 1924. 518 с.
3. Грибовский В. Ю. Российский флот Тихого океана 1898 – 1905: История создания и гибели. М.: Изд-во ООО Военная книга, 2004. 45 с.
4. Дацышен В. Г. Русско-китайская война. Манчжурия 1900 год. СПб: Издательство: ООО «Галея Принт», 1996. 144 с.
5. Зубов А. Ю. Информационно-психологическая агрессия, направленная против русского флота в годы русско-японской войны 1904 – 1905 гг. // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. №39. С. 456–462.
6. Капитанец И. М. Флот в русско-японской войне и современность. М.: Вече, 2004. 163 с.
7. Костенко В. П. На «Орле» в Цусиме. Воспоминания участника русско-японской войны на море в 1904–1905 гг. Л.: Судпромгиз. 1955. 544 с. URL: https://statehistory.ru/books/V--P--Kostenko_Na-Orle-v-TSusime--Vospominaniya-uchastnika-russko-yaponskoy-voyny-na-more-v-1904-1905-gg-3. (Дата обращения: 06.06.2019).
8. Нидермиллер фон А. Г. От Севастополя до Цусимы: воспоминания: русский флот за время с 1866 по 1906 г. Рига: издание М. Дидковского, 1930. 144 с.
9. Никитин (Фокагитов) Д. В. Как началась война. Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк: Изд.-во им. А. П. Чехова, 1955. 412 с.
10. Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II [Репр. воспр. изд. Вашингтон, 1981]. СПб: Петрополь, 1991. 644 с.
11. Павлов Д. Б. На пути к Цусиме: беспримерный поход 2-й Тихоокеанской эскадры. М.: Вече, 2011. 114 с.
12. Сборник статей, посвящённых двадцатипятилетию похода II эскадры Тихого океана. Прага: издательство В. Колесникова, 1930. 126 с.
13. Тычин И. К. Труды военно-морских исторических конференций. СПб: Санкт-Петербургское морское собрание. Дом учёных Российской академии наук, 2006. 628 с.
14. Шишов А. В. Россия и Япония: История военных конфликтов. М.: Вече, 2000. 574 с.

References

1. Antonov G. N., Czuvarev V. A. Trudy voenno-morskix istoricheskix konferencij. Sankt-Peterburgskoe Morskoe Sobranie Doma Uchonyx (Works of Military and Maritime Historical Conferences). St. Petersburg: Maritime Assembly of the House of Scientists St. Petersburg, 2006. 628 p. (In Russian).
2. Vitte S. Yu. Vospominaniya: Czarstvovanie Nikolaya II. Vol. 2. (Memoirs: The Reign of Nicholas II). Leningrad: State Publishing House, 1924. 518 p. (In Russian).
3. Gribovskij V. Yu. Rossijskij flot Tixogo okeana 1898–1905: Istočnica sozdaniya i gibeli. (Russian Pacific Fleet 1898–1905: History of Creation and Death). Moscow: Publishing House LLC Military Book, 2004. 45 p. (In Russian).
4. Dacyshen V. G. Russko-kitajskaya vojna. Manchzhuriya 1900 god (Russian-Chinese war. Manchuria 1900). St. Petersburg: Publisher: LLC «Halley Print», 1996. 144 p. (In Russian).
5. Zubov A. Yu. Informacionno-psihologicheskaya agressiya, napravленная protiv russkogo flota v gody russko-yaponskoj vojny 1904–1905 gg. (Information and Psychological Aggression Aimed at the Russian Navy during the Russian-Japanese war of 1904–1905) // Izvestiya of St. Petersburg state agrarian University. 2015. No.39. P. 456–462. (In Russian).
6. Kapitanecz I. M. Flot v russko-yaponskoj vojne i sovremennoст'. (Fleet in the Russian-Japanese War and Present Time). Moscow: Veche, 2004. 163 p. (In Russian).
7. Kostenko V. P. Na «Orle» v Cusime. (On the "Orel" in Tsushima). Leningrad: Sudpromgiz., 1955. 544 p. URL:https://statehistory.ru/books/V--P--Kostenko_Na-Orle-v-Tsusime-Vospominaniya-uchastnika-russko-yaponskoy-voyny-na-more-v-1904-1905-gg-/3 (Accessed: 06.06.2019). (In Russian).
8. Nidermiller fon A. G. Ot Sevastopolya do Czusimy': vospominaniya: russkij flot za vremya s 1866 po 1906 g. (From Sevastopol to Tsushima: Memories: the Russian Fleet from 1866 to 1906.). Riga: edition of M. Didkovsky, 1930. 144 p. (In Russian).
9. Nikitin (Fokagito), D. V. Kak nachalas' vojna. Port-Artur. Vospominaniya uchastnikov. (How the War Began. Port-Arthur. Memories of the Participants.) / D.V. Nikitin (Fokagito). New York, 1955. 412 p. (In Russian).
10. Ol'denburg S. S. Czarstvovanie Imperatora Nikolaya II (The reign of Emperor Nicholas II). St. Petersburg: Petropol, 1991. 644 p. (In Russian).
11. Pavlov D. B. Na puti k Czusime: besprimernyyj poxozh 2-j Tixookeanskoy e'skadry'. (On the way to Tsushima: unalterable campaign of the 2nd Pacific Squadron). Moscow: Veche, 2011. 114 p. (In Russian).
12. Plavanie otryada admirala Nebogatova. S e'skadroy Rozhdestvenskogo. (Swimming detachment of Admiral Nebogatov. With the squadron of Rozhdestvensky) // Sbornik statej, posvyashchenyyx dvadtsatipatiletiyu poxoda II e'skadry' Tixogo okeana. Prague: V. Kolesnikov publishing house, 1930. 126 p. (In Russian).
13. Ty'chin I. K. Uroki Czusimy'. Vzglyad iz sovremennosti. (K stoletiyu Czusimskogo srazheniya). Doklad. 26–27 maya 2005 g. (Lessons of Tsushima. A Look from the Present. (To the Centenary of the Tsushima Battle). Report. May 26–27, 2005). St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe morskoe sobranie. Dom uchenyh rossijskoj akademii nauk, SPb.: St. Petersburg Maritime meeting. House of scientists of the Russian Academy of Sciences, 2006. 433 p. (In Russian).
14. Shishov A. V. Rossiya i Yaponiya: Istočnica voennyyx konfliktov. (Russia and Japan: A History of Military Conflicts). Moscow: Veche, 2000. 574 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Зубов Алексей Юрьевич – старший преподаватель кафедры истории и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации (Санкт-Петербург) / aleksey.zubow2013@yandex.ru

Сидненко Татьяна Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, директор центра образовательных технологий Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург) / sidnenko@list.ru

Information about the authors

Zubov Aleksej – senior teacher, Chair of History and Staff Management, St. Petersburg State University of Civil Air-Craft (St. Petersburg) / aleksey.zubow2013@yandex.ru

Sidnenko Tatiana – Doctor of History, Professor, Chair of State and Municipal Management, Head of Center for Educational Technology, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg) / sidnenko@list.ru

УДК 94(3)

С. С. Казаров

ЗАГАДОЧНЫЙ ЭПИР: СТРАНА СВЯТИЛИЩ И ОРАКУЛОВ

Статья посвящена святилищам и оракулам античного Эпира, области, находившейся на Севере Греции и считавшейся самой загадочной и таинственной в стране. Сам Эпир являлся самой дальней северной точкой древнегреческой цивилизации. По мнению автора, отдаленность Эпира от культурных центров Греции привела к отсутствию знаний греков об этом регионе и даже к обвинению эпиротов в варварстве. Сама же топография региона отличалась удивительным разнообразием, включая в себя высокие горные хребты, болотистые лагуны, непроходимые ущелья, высокогорные плато, бурные горные реки. Именно здесь возникли многочисленные святилища, оракулы и другие священные места, самым известным из которых является оракул Зевса в Додоне. Автор впервые в историографии ставить вопрос о взаимосвязи природных условий региона с возникновением здесь различных культовых мест –

святилищ, оракулов, храмов и т.д. Широко известны были не только в самом регионе, но во всей Древней Греции Додонский оракул, святилище Зекса в Пассароне, оракул мертвых на Ахеронте, Нимфей в Аполлонии, святилище Асклепия в Буфрате и т.д. Но наиболее известным из них являлся Додонский оракул, который долгое время был единственной ниточкой, связывающей Эпир со всеми остальными районами Греции. Несмотря на труднодоступность, в Эпир стремились путешественники со всей Греции. Священный дуб, бьющий из-под земли волшебный родник, обитающие на дубе священные голуби, медные котлы – все они служили средствами прорицания, посредством которых верховный бог Зевс вешал вопрошающим свою волю. Все находящиеся здесь святилища еще требуют дальнейших исследований.

Ключевые слова: Эпир, Северная Греция, периферия, ландшафт, святилище, оракул.

S. Kazarov

MYSTERIOUS EPIRUS: COUNTRY OF SANCTUARIES AND ORACLES

The article is devoted to the sanctuaries and oracles of ancient Epirus, a region located in the north of Greece and considered the most mysterious in the country. Epirus itself was the farthest northern point of ancient Greek civilization. According to the author, the remoteness of Epirus from the cultural centers of Greece led to the lack of knowledge of the Greeks about this region and even to the accusation of epirots of barbarism. The very topography of the region was remarkable for its amazing diversity, including high mountain ranges, marshy lagoons, impassable gorges, high-altitude plateaus, turbulent mountain rivers. It was here that numerous shrines, oracles and other sacred sites arose, the most famous of which is the oracle of Zeus in Dodona. The author for the first time in historiography raised the question of the relationship of the natural conditions of the region with the emergence of various religious places – sanctuaries, ora-

cles, temples, etc. The Dodon oracle, the sanctuary of Zeus in Passaron, the oracle of the dead on Acheron, Nymphaeum in Apollonia, the sanctuary of Asclepius in Buthrotum etc., were widely known not only in the region itself, but in the whole of ancient Greece. However, the most famous of them was the Dodonean oracle, which for a long time was the only thread connecting Epirus with all the rest of Greece. Despite the inaccessibility, pilgrims from all over Greece sought to Epirus. The sacred oak, a magical spring spouting out of the ground, sacred pigeons living on an oak tree, copper cauldrons – they all served as means of divination by which the supreme god Zeus spoke to those who asked him his will. All the sanctuaries here still require further research.

Key words: Epirus, Northern Greece, periphery, landscape, sanctuary, oracles.

На севере Древней Греции, на самой границе, отделяющей греческую цивилизацию от варварского мира, находилась область, получившая название Эпир. Его территория располагалась к северу от Амбракийского залива, к востоку – от Фессалии, на западе же её естественной границей служило побережье Ионийского моря [8, с. 276]. Но наиболее четкая его граница пролегала на севере, где Керавнские горы отделяли Эпир от соседней Иллирии [10, с. 85]. Само название области «Эпир» и жителей «эпироты» не являлось самоназванием и в переводе с греческого означало соответственно «суша» и «жите-

ли суши». Однако с течением времени это сугубо географическое название постепенно приобрело политическое значение.

Территория Эпира делилась на три области: Северный, Центральный и Южный Эпир. Северный Эпир, ареал обитания таких племен, как хаоны, атинтаны и паравеи, ныне располагается на территории современной Албании, в то время как Центральный и Южный Эпир являвшийся территорией проживания молоссов (вокруг озера Яини), феспротов (по побережью рек Фиамиса и Ахеронта) и кассопов (юго-западная часть Эпира), и ныне находится на севере самой Греции.

На востоке области горы Пинда образовали естественную границу, многочисленные цепи которого тянутся через всю Северную и Центральную Грецию с севера на юг. Труднопроходимые высокогорные тропы (на высоте 1700 м.) все же делали возможными контакты между Эпиром и соседней Фессалией.

Оговоримся сразу: основной целью нашей статьи отнюдь не является рассмотрение топографии древнего Эпира – в свое время это было сделано немецким ученым Г. Трайдером, в его давно изданной, но отнюдь не устаревшей на сегодняшний день монографии [10]. Наша цель намного скромнее: нащупать связь между природными условиями региона и возникшими здесь с самых древних времен многочисленными святынями.

С давних пор территория Эпира в глазах жителей Эллады обрела ореол загадочности, таинственности и даже некой мистичности. Но перед тем, как рассматривать природные условия региона, кратко коснемся самих его обитателей. В течение длительного времени жители Средней и Южной Греции, плохо знавшие своих северных соседей, считали их варварами. Так, известный древнегреческий историк Фукидид, перечисляя участников похода спартанца Кнема в 429 г. до н.э., употребляет фразу «хаоны и другие варвары», по-видимому, подразумевая под «другими варварами» проживающие также на территории Эпира племена молоссов, феспротов, атентан, паравеев и орестов. Но называя своих северных соседей варварами, едва ли греки имели в виду их этническую принадлежность. Несмотря на то, что проблема этнической принадлежности эпиротов все еще далека от своего окончательного разрешения, рискнем предположить, что в этом пассаже речь идет совсем о другом. Как известно, «обвинение в варварстве» со стороны эллинов могли заслужить те народы, которые отличались от них по образу жизни, культуре и языку. Посмотрев на эпиротов с позиции афинского историка классической эпохи, мы можем с большей долей вероятности определить, что он имел в виду, называя эпиротов варварами. Располагавшийся на периферии греческого мира Эпир по причине своей удаленности от культурных центров Эллады, был вынужден соприкасаться с действительно варварским миром (в основном – с иллирийским), что не могло не наложить отпечатка на их характер и обычай. «Эпироты, удаленные от центра греческой культуры, влачили свое жалкое существование», – отмечал немецкий исследователь Г. Шмидт [9, с. 17]. Они не принимали никакого участия в общегреческих делах, начиная от Троянской войны и до греко-персидских войн. Географическая удаленность и длительное соприкосновение с варварским миром тормозили их культурное развитие. Однако, по мнению Н. Хэммонда, упомянутое выше высказывание Фукидиса никак не может служить критерием для определения этнического происхождения эпиротов [5, р. 422]. Но если западные ученые обраща-

ли внимание на «культурную» и «политическую» отсталость, то советские ученые предпочитали говорить об отсталости «экономической», что наиболее четко это проявилось в той характеристике, которую дала северным областям Древней Греции отечественная исследовательница Р. В. Шмидт: «В таких областях, как Эпир, Фессалия, Македония и др., обладавших благоприятными естественными условиями для земледелия и скотоводства, дольше сохранялись элементы родового строя; эти области были в гораздо меньшей степени захвачены товарно-денежными отношениями, они стояли в стороне от торговых путей. Основную и господствующую отрасль производства в этих областях представляло земледелие и отчасти скотоводство, поэтому сельские интересы преобладали над городскими» [1, с. 206].

Но загадочность Эпира и его обитателей была напрямую связана с его *древностью*. Не случайно Аристотель называл территорию Додоны и прилегающей к ней долины колыбелью греков. Ссылка на Аристотеля дополняется археологическими данными. Эпир, особенно в его южной части, содержит в себе материальные свидетельства практически всех предшествующих доисторических эпох. Именно здесь впервые в Греции были обнаружены обтесанные каменные блоки эпохи палеолита [6, р. 2].

Природные ландшафты местности, действительно, отличались поразительным разнообразием. Здесь встречались морское побережье и горные вершины, соединенные узкими горными проходами, болотистые лагуны и ровные, плоские долины [6, р. 2].

И жители данного региона действительно оправдывали то мнение, которое сложилось о них среди жителей остальной части Греции. Выразилось это в возникновении с самых древних пор различного рода святыни и оракулов, использующих самые разные средства прорицания.

Какие же святыни и оракулы Эпира нам известны? Исследователи среди них выделяют оракул мертвых на Ахеронте, святилище Зевса в Пассароне, святилище Асклепия в Буфроте, Нимфейон (святилище Нимф) в Аполлонии, святилище Аполлона в Никополе [7, с. 158, 164, 172, 179, 187]. Однако наиболее известным из них все-таки является святилище Зевса в Додоне с одноименным оракулом.

Остановимся на некоторых топографических особенностях местоположения Додонского святыни, поскольку описания его нам хорошо известны.

Античными авторами Додонский оракул единодушно считался древнейшим святыни Древней Греции. Однако удивительно то, что ни один из этих авторов ни единственным словом не упомянул о труднодоступности данного региона. А он имел свои особенности, на которые мы считаем возможным обратить свое внимание. Как справедливо предположил один из современных исследователей, количество визитеров в Додоне никогда не было чрезмерным как из-за качества дорог, так

и из-за их удаленности [4, р. 97]. Другой современный автор, Тревор Курнов, также выражает искренне удивление стремлением посетителей достичь этого труднодоступного места, которое и сегодня недоступно для воздушного сообщения и очень слабо соединено с Яиной общественным транспортом [2, р. 60].

Точно идентифицированная исследователями XIX в. территория Додонского оракула располагалась к юго-западу от Яини, (примерно в 22 км) – небольшого современного города на северо-западе Греции. Додона лежала на пути от побережья Феспротии в долину Фиамис. Сегодня попасть в Додону можно только по единственной высокогорной ответвленной дороге, минуя около десяти миль к югу от Яини. Здесь находится длинная узкая высокогорная долина, расположенная примерно в 600 м над уровнем моря, которая большую часть дня затемнено почти отвесной скалой Томар (современная Олитцка).

На востоке Додонское святилище отделено от равнины Яини цепью гор из мелового камня. Гора Томар тянется в высоту на 6.500 футов и «подпирается» цепью крутых горных вершин. На её склонах разбросаны узкие ущелья. Стремительные потоки, питаемые тающими снегами, стекают с вершин. Снег на верхних склонах лежит более четырех месяцев в году. У подножья горы в северо-западном направлении расположена узкая долина, длиной 12 км и 1200 м шириной в самом широком месте.

Климат региона весьма суровый и здесь нельзя не вспомнить характеристику Гомера, назвавшего Додону «суворой своими зимами». Долину часто заливают яростные грозы, которые несут стремительные дождевые потоки, наполняя летом горные водопады и делая почву необыкновенно болотистой. Но долина заболочена не только частыми осадками, но и многочисленными источниками, которые прячет в себе гора Томар.

Предгорья горы Томар покрыты сосновыми деревьями, в то время, как внизу на равнине растут несколько дубов. Протекающие здесь реки Ахерон и Коцит, согласно мифологической традиции, связаны с внешним миром. Недалеко от них протекает ещё одна река – Ахелоос, которая спускается к Акарнании. А около 3 км к югу от святилища находятся истоки Лура.

Основной маршрут, которым паломники попадали в Додону, вероятно, находился на юге, параллельно современной Талахсе.

Все это свидетельствует о том, что Додона находилась в весьма труднодоступном для паломников месте и им приходилось преодолевать немалые усилия и трудности, чтобы её достичь. И судя по всему, эти трудности их не останавливали.

Интересный пассаж на этот счет оставил выдающийся исследователь Додонского оракула, греческий археолог Сотириос Дакарис: «Возможный посетитель, прибывающий в Бриндизи, высаживается в Игуменицах. После перехода через живописную долину р. Каламос отсюда он попадает на дорогу Арта – Афины, и минуя холмы Николайос-Манолисса, через 30 минут достигает искомого

места» [3, р. 2]. При этом надо учитывать один нюанс: С. Дакарис имел в виду не древнего, а современного путешественника, которому преодоление трудностей, учитывая современные средства коммуникаций, будет даваться гораздо легче.

По нашему мнению, именно труднодоступность расположения святилища была одной причиной бытовавшего среди греков мнения о его древности, загадочности и таинственности.

Чтобы определить местонахождение Додоны было неразрывно связано с обнаружением остатков старинного оракула. Однако месторасположение этого святилища, призванного в античном мире, долгое время не могли обнаружить. Цари, полководцы, важные государственные чиновники, – они все приходили к нему консультироваться о своем будущем и будущем Греции, шли со всех сторон: со стороны Амфиполя на востоке, от Аполлонии на западе, с берегов Азии и Италии [11, р. 247]. Эти походы сопровождались таким количеством трудностей, что их участники должны были действительно верить его предсказаниям. Но мы не можем думать о бесполезности этих консультаций в Додоне. Что-то должно было там быть особенное. Руины великой столицы отличались от руин нижнего города, а те в свою очередь от руин крепости; однако руины религиозного города должны быть отличны от выше перечисленных руин. Что, по нашему мнению, особо усложняет постановку вопроса, не только малое количество информации, но и ее противоречивость. Существует столько условий, которые надо соблюсти, чтобы определить местонахождение Додоны, что это кажется мало реальным.

Озеро, высокая гора, сотня источников, чудесный фонтан, искрящийся светом, дубовый лес, открытая и просторная долина, отличные пастбища, – вот эти отличительные черты [11, р. 248]. Все это выглядело весьма живописно и не могло не впечатлять прибывших сюда паломников. Вот как описала в 1908 г. путешествие Додону сопровождавшая своего супруга, немецкого археолога Теодоро Виганда (1864–1936) его жена Марта, урожденная Сименс: «На следующее утро мы на лошадях отправились в Додону. Мы ехали 4 часа, сначала быстро через ровную лужайку, а затем по крутой каменной высокогорной дороге. Там среди древних дубов находилось здание додонского святилища, небольшая капелла и отсюда мы увидели открывшиеся нашему взору небольшое село и заснеженные вершины горы Томар... Пока сам Т. Виганд фотографировал и делал обмеры, его супруга восхищалась окружающим ландшафтом [11, с. 44]. Многие современные исследователи пытаются наложить все эти черты на какое-нибудь из сохранившихся до наших времен мест, но найти подобные аналоги неимоверно сложно. Рассматривая Додону только как город, а не как местность, можно заметить, что это место было самым живописным в этом регионе и единственным в своем роде на многие мили вокруг. Больше нельзя отрицать ту важность, которую придавало ему его священное отличительное свойство. Теперь предположим, что странник, оказавшийся

в этой части Греции, встречал фосфорический источник, в котором зажигалась воспламеняемая субстанция; если его спрашивали по его возвращению, где он видел этот источник, скорее всего он отвечал, что видел его где-то рядом с Додоной. Вот таким образом вокруг этого места и появлялось то божественное свойство. По нашему мнению, Додона – это не только город, а, скорее, местность. Мы это видим главным образом в том, что чтобы объединить в себе все вышеупомянутые особенности, необходимо иметь более значительные площади, чем священный ансамбль пророческого храма.

Так как некоторые авторы размещали Додону в Молоссии, а другие в Феспротии, можно сделать вывод, что она находилась на границе этих двух стран. Но и это утверждение весьма сомнительно. В давно минувшие времена, Додона находилась в Феспротии, а позже в Молоссии. На самом деле самая большая часть Феспротии была захвачена молоссами. Теперь что касается самых важных данных об определение нахождения Додоны: речь идет о расстоянии в четыре дня ходьбы от Буфрота по устью реки Дельвино (Delvino) и о расстоянии в два дня пути от Амбракии до современной Арты (Arta) [12, p. 249]. Важно помнить, что в этой последней дистанции спускаются с горных цепей, простирающихся с севера на юг, между Пинdom и Ионийским морем, в то время как в первой дистанции на них поднимаются. Все эти утверждения обретают свой вес при виде античного города, руины которого заслуживают внимание. Когда путешественники направляются к ним, они проходят от Янины к юго-западу и через час добираются до деревни Граписта (Grapista) слева и горного прохода справа, затем оставляют за собой слева церковь Эклессия Бодиста (Ecclesia Bodista), и, в конце концов, спускаются обширную долину, простирающуюся под восточными хребтами горы Олица (Olitz). Руины, расположенные посреди этой долины находятся порядка в 11 милях к юго-западу от Янины. Эти руины называют Кастро (Kastro), второе название – древняя цитадель Драмис (Dramis). Первое, что поражает зрителя, созерцающего эти руины, это их расположение. Они расположены на равнине. Выбор такого месторасположения свидетельствует об огромной уверенности жителей в ресурсах их

города; как известно, основным принципом расположения древнегреческих городов-полисов, это расположение их цитадели на горе. Древнегреческий город всегда ожидал нападения из вне. Руины, которыми нами рассмотрены, являются неоспоримо греческими, хотя они и расположены на равнине посреди одной из самых горных областей Греции. В этом регионе не хватало населенных пунктов, со всех сторон возвышались горы, которые, даже казалось, оспаривали право древнегреческого города украшать своими стенами их горные вершины. Таким образом, выбор размещения в долине должен был быть сделан для чего-то особенного. Эта особенность становится еще более отличительной, если рассматривать незначительные размеры города. Сила его населения никогда бы не компенсировала слабости его позиции. Периметр его стен не превышает двух английских миль. Рассмотрение этих фактов, то есть расположение в равнине и малая протяженность, кажутся решающими возражениями против мнения, согласно которому эти руины относят к Пассарону, другому культовому центру Эпира [12, p. 252]

Но перед тем как согласовать наше описание с описанием из древних времен нужно, чтобы другие черты Додоны собрались воедино, чтобы все это пришло в соответствие с древней традиции. Чтобы найти озеро Додоны, нам необходимо перенестись в Янину, расположенную в восьми милях. Фосфорический источник, возможно, мог, находиться рядом с шахтами, прорытыми Али-пашой (Ali Pacha) в Джеровини (Djérovini); гора Томар (Tomarus) может быть представлена как Олецка (Oletzka) с ее сотнями фонтанов и плодородной долиной в низине. Другой след этого оракула также заслуживает нашего внимания. Древняя традиция повествует о епископе Додоны, существовавшем еще в пятом веке, а новое имя, данное этому месту в имперских рескриптах той эпохи – Бондица (Bonditza).

Таким образом, перед нами описание природных условий одного из святилищ Эпира, самого известного, но оно дает нам представление о той причудливой и живописной, но одновременно таинственной и загадочной местности, которая служила территорией размещения более, чем десятка различных святилищ и оракулов.

Источники и литература / References

1. Шмидт Р. Спарта. Беотия. Фессалия. Крит. // История древнего мира. Т.2. История Древней Греции. Ч.1 / под ред. С. И. Ковалева. М.: [б.и.], 1937. С. 206–255.
Schmidt R. Sparta. Beotia. Fessalia, Krit (Sparta. Boeotia. Thessaly. Crete) // Istoria drevnego mira. Vol.2. Istoria drevney Grecii. Vol.I / ed by S.I. Kovalev. Moscow, 1937. P. 206–255. (In Russian).
2. Curnow T. The oracles of the Ancient World. London, 2003. 180 p.
3. Dakaris S. Dodona. Athens, 1996. 48 p.
4. Gwatkin W. E. Dodona, Odysseus and Aeneas // The Classical Journal. Vol.57. №3. P. 97–102.
5. Hammond N. G. L. Epirus. Oxford, 1967. 847 p.
6. Landscape Archeology in Southern Epirus / ed.J.Wiseman and K. Zachos // Hesperia Supplementum 32. 2003. 283 p.
7. Mustakis N. Heiligtumer als politische Zentren. Munchen, 2006. 237 s.
8. Oberhummer E. Akarnanien, Ambrakia, Amphiphilochien und Leukas in Altertum. Munchen, 1887. 234 s.
9. Schmidt H. Epeirotica. Marburg, 1894. 114 s.
10. Treidler H. Epirus in Altertum. Studien zur historischen Topographie. Leipzig, 1917. 176 s.

-
11. Wandenberg A. Das Geheimnis der Orakel. Munchen, 1979. 352 s.
 12. Wordsworth C. La Grece pittoresque et historique. Trad. Par E.Regnault. Paris, 1841. 356 p.

Информация об авторе

Казаров Саркис Суренович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории Древнего мира Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / ser-kazarov@yandex.ru

Information about the author

Kazarov Sarkis – Doctor of History, Professor, Chair of Archaeology and Ancient History of Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / ser-kazarov@yandex.ru

УДК 61:94(47).084.8

И. В. Карташев

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЯ В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (1942–1943 гг.): ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением источников информации о функционировании системы здравоохранения Краснодарского и Ставропольского краев в период немецко-фашистской оккупации, продлившейся с июля 1942 по октябрь 1943 гг. Несмотря на большое количество различных материалов о пребывании оккупантов на территории Кубани и Ставрополья, ряд важных аспектов, связанных с первоначальными планами германского командования в отношении местного населения, а также практической их реализацией, остаются малоизученными. Для оккупационных властей вопросы, связанные с охраной здоровья гражданского населения и оказанием ему медицинских услуг, не входили в число первостепенных, во многом их упоминание в документах периода оккупации имело идеологическую подоплеку и происходило исключительно в пропагандистских целях. Тем не менее, ряд материалов довольно наглядно демонстрирует наличие определенной системы мер, разработанной германскими властями и направленной как на обеспечение собственной безопасности, так и на поддержание в удовлетворительном состоянии здоровья местного населения, вовлекаемого в экономические отношения при «новом порядке», в том числе и в качестве рабочей силы. Изучение советских источников, в свою

очередь, указывает на то, что на протяжении многих лет содержащаяся в них информация имела определенную окраску и в значительной степени описывала ущерб, нанесенный системе здравоохранения Кубани и Ставрополья в результате пребывания на их территории немецко-фашистских войск. Положительным моментом является существенный объем фактологических данных, содержащихся в этих источниках информации, первоначально зафиксированный комиссиями различных уровней и впоследствии вошедший в материалы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодействий немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба. Анализ различных источников информации должен способствовать изучению и объективному описание политики оккупационных властей в области охраны здоровья жителей региона, работы медицинских учреждений, а также наиболее полному подведению итогов пребывания оккупантов на территории Краснодарского и Ставропольского краев.

Ключевые слова: Краснодарский край, Ставропольский край, Великая Отечественная война, оккупация, архив, газета, здравоохранение, медицина, профилактика заболеваний, холокост.

I. Kartashev

HEALTH CARE IN THE KUBAN AND STAVROPOL REGIONS DURING THE GERMAN NAZI OCCUPATION (1942–1943): SOURCE STUDY PROBLEMS

The article deals with issues related to the study of information sources on the functioning of the health system of Krasnodar and Stavropol regions during the Nazi occupation, which lasted from July 1942 to October 1943. Despite the large number of different materials about the stay of the occupants in the Kuban and Stavropol, a number of important aspects related to the original plans of the German command in relation to the local population, as well as their practical implementation, remain poorly studied. For the occupation authorities, issues related to the protection of the health of the civilian population and the provision of medical services to them were not among the priority issues, in many respects their mention in the documents of the occupation period had an ideological background and was exclusively for propaganda purposes. Nevertheless, a number of materials quite clearly demonstrates the existence of a certain system of measures developed by the German authorities and aimed at both ensuring their own safety and maintaining a satisfactory state of health of the local population involved in economic relations under the “new order”, including as a

labor force. The study of Soviet sources, in turn, indicates that for many years the information contained in them had a certain bias and largely described the damage caused to the health system of the Kuban and Stavropol due to the stay of the German fascist troops on their territory. On the positive side, there is a significant amount of factual data contained in these sources, originally recorded by commissions of various levels and subsequently included in the materials of the Extraordinary state Commission for the identification and investigation of the atrocities of the Nazi invaders and their accomplices and the damage caused by them. The analysis of various sources of information should contribute to the study and objective description of the policy of the occupation authorities in the field of health protection of residents of the region, the work of medical institutions, as well as the most complete summing up of the occupants' stay in the Krasnodar and Stavropol regions.

Key words: Krasnodar Krai, Stavropol Krai, Great Patriotic War, occupation, archive, newspaper, health care, medicine, disease prevention, Holocaust.

Несмотря на наличие существенного количества опубликованных материалов, связанных с немецко-фашистской оккупацией Северного Кавказа во время Великой Отечественной войны, вопросы функционирования системы здравоохранения Кубани и Ставрополья в указанный период времени можно отнести к разряду малоизученных. Целью настоящего исследования является изучение источников базы вопросов, связанных с политикой немецких властей в области здравоохранения, состоянием медицинского обслуживания населения, а также медико-санитарными последствиями пребывания оккупантов на территории Краснодарского и Ставропольского (до 12.01.1943 г. – Орджоникидзевского) краев.

Одним из основных видов источников для исторических исследований функционирования системы здравоохранения Кубани и Ставрополья в период оккупации являются архивные материалы, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК), Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК), Государственного архива Ставропольского края (ГАСК) и Государственного архива Краснодарского края (ГАКК).

Среди фондов ГАРФ необходимо в первую очередь выделить фонд 7445 («Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками»), опись 2, дело 99, в котором в том числе хранятся материалы из канцелярии А. Розенберга. Согласно документам из так называемой «Кавказской папки», Розенберг убеждал Гитлера в необходимости проведения на Кавказе преобразований, имевших отличия от оккупационной политики в других захваченных регионах Советского Союза. Овладение Кавказом Розенберг во многом считал задачей политической, при решении которой должна быть проявлена «большая гибкость в осуществлении интересов Германской империи и обеспечении ее будущего», а для поддержания порядка и проведения хозяйственных мероприятий по возможности использовать «ограниченное количество немцев и союзных кадров», привлекая к этому «местные, преданные Германии круги» [22].

В фонде 7021 ГАРФ хранится существенный объем документов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) по Краснодарскому [20] и Ставропольскому краям [21]. Дела фонда содержат акты, заявления, свидетельские показания, докладные записки и другие документы о зверствах, издевательствах, расстрелях и умерщвлениях людей, грабежах, проводимых немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками.

В фондах ГАНИСК также хранятся материалы о злодеяниях оккупантов, в частности, по г. Ставрополю. Ряд документов непосредственно

касается убытков, причиненных лечебно-профилактическим заведениям города – больницам, поликлиникам, диспансерам, детским и женским консультациям, родильному дому, аптекам, краевой противочумной и межрайонной эпидемической станции, некоторые документы касаются проводимой оккупантами политики [19]. Кроме того, в фондах архива хранится статистическая информация, в частности, о численности населения городов и районов края (с выделением трудоспособной части, с учетом эвакуированных) в предшествующий оккупации период времени [18].

В фондах ЦДНИКК хранится подшивка оккупационной газеты «Кубань», а также содержится информация о распространении советских газет на оккупированной территории Краснодарского края [67].

В делах фондов Р-1053 [23], Р-2498 [27] и Р-2569 [28] ГАСК, относящихся к периоду оккупации Ставропольского края, хранятся акты медицинских обследований, переписка и отчеты о работе Ставропольского городского отдела здравоохранения, приказы по личному составу и переписка главного врача г. Пятигорска, приказы и распоряжения Ессентукского городского и районного управления, а также сведения о работе Ставропольской городской больницы, психиатрической больницы, кожно-венерологического диспансера и ряда других учреждений. В отдельных делах фондов Р-1059 [24] и Р-1121 [25] хранится документация немецкого командования (указания, распоряжения, переписка и др.) по организации хозяйственной деятельности и установлению «нового порядка» на территории края. Документы, касающиеся злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в различных районах Ставропольского края, хранятся в фонде Р-1368 архива [26].

В фондах ГАКК необходимо выделить фонд Р-418 (Управление Главного врача Краснодарской области) [8], содержащий приказы, отчеты о работе, переписку с районными врачами и руководством созданного новыми властями органа здравоохранения. Информация о работе в период оккупации отдельных подразделений системы здравоохранения, а также некоторых лечебных учреждений хранится в фондах Р-430 (Краснодарский дезинфекционный отряд) [9], Р-440 (Краснодарский туберкулезный диспансер) [10], Р-477 (Краснодарский венерологический диспансер) [11], Р-505 (Ейская городская больница) [12], Р-584 (Краснодарская городская инфекционная больница) [13], Р-590 (Северский районный отдел здравоохранения) [14], Р-1255 (Анапская районная больница) [16]. Документация отдела здравоохранения исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся, которая позволяет оценить состояние системы здравоохранения в крае накануне оккупации, а также непосредственно после освобождения его территории, содержится в фонде Р-1393 [17]. Фонд Р-897 включает в себя документы Краснодарской краевой комиссии по установлению и расследова-

нию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками [15].

Несмотря на существенный объем материалов, хранящихся в федеральном и краевых архивах, следует отметить фрагментарность информации о функционировании системы здравоохранения на оккупированных территориях Кубани и Ставрополья. Одна часть документации вывозилась оккупантами при отступлении или целенаправленно уничтожалась, другая – могла быть утрачена или испорчена в условиях военного времени, а также в последующие десятилетия. Кроме того, необходимо учитывать, что документы в архивах зачастую структурированы таким образом, что поиск информации по изучаемому вопросу бывает затруднен. В этой связи следует отметить, что для объективного и наиболее полного раскрытия исследуемой проблемы необходимо использовать максимально широкий круг источников информации.

Появление первых источников, ставших основой для исторических исследований изучаемого вопроса, произошло непосредственно во время пребывания захватчиков на территории региона. К таким источникам, в первую очередь, относится периодическая печать. Буквально с первых дней оккупации в издаваемых новыми властями местных газетах «Кубань» (г. Краснодар), «Майкопская жизнь» (г. Майкоп), «Новое время» (г. Кропоткин), «Вестник Кубани» (г. Армавир), «Возрождение Кубани» (г. Тихорецк), «Анапский вестник» (г. Анапа), «Русская правда», «Ставропольское слово», «Утро Кавказа», (г. Ставрополь, до 12.01.1943 г. – Ворошиловск), «Кавказский вестник», «Пятигорское эхо» (г. Пятигорск), «Заря» (г. Ессентуки), «Прикумский вестник» (г. Буденновск), «Свободный Карабай» (г. Микоян-Шахар), «Новая жизнь» (г. Черкесск) [34, с. 25–26] и др. стали публиковаться различного рода материалы, носившие как информационно-новостной, так и нормативно-правовой характер.

Так, в оккупационной газете «Русская правда» был опубликован первый распорядительный документ новых властей в захваченном Ставрополе – приказ о регистрации специалистов определенных профессий, в том числе врачей, фельдшеров и младшего медицинского персонала [57]. В этом же издании размещалась информация о работе созданного оккупантами в структуре городской управы отдела здравоохранения, включавшего санитарный подотдел в составе двух санитарных врачей и одного специалиста по эпидемиологии [6], планах по возобновлению занятий с 01.09.1942 г. в Ставропольском медицинском институте [5], открытии детской поликлиники в Ставрополе [30].

Об открытии в г. Краснодаре 6 поликлиник, 4 детских консультаций, 2-й городской больницы на 255 коек и 3-й клинической больницы на 640 коек, родильного дома, 7 аптек, зубной поликлиники и малярийной станции отчитывались новые власти на страницах краснодарской газеты «Кубань» [44].

В газете «Ставропольское слово» была опубликована информация о выделении в сентябре 1942 г. городскому отделу здравоохранения 180 тыс. руб. из собранных в августе 1942 г. 600 тыс. руб. доходов [47], а также о решении новых властей выплачивать рабочим и служащим заработную плату за время болезни, удостоверенной врачебными документами, в полном объеме, независимо от продолжительности работы на данном предприятии или в учреждении [53].

«Прикумский вестник» приводил данные о выделении управой г. Буденновска во втором полугодии 1942 г. на нужды здравоохранения 131 тыс. руб. или около 7 % бюджета, что было втрое больше, чем выделялось по указанной статье горисполкомом Буденновска в 1941 г. [42, с. 278].

В газетах публиковались приказы новых властей об обеспечении санитарного состояния населенных пунктов, в которых регламентировались правила содержания жилого и нежилого фондов, порядок уборки и очистки улиц, оборудования мусорных ящиков, организации свалок мусора и т.д. [55, 56]. На страницах периодических изданий, выходивших в краевых центрах, оккупанты сообщали о мероприятиях в области здравоохранения, проводимых ими на уровне районов. Краснодарский краевой отдел здравоохранения отчитывался о работе районных больниц, комплектовании штатов врачебных лечебных участков, открытии фельдшерско-акушерских пунктов [3]. Издание «Утро Кавказа» сообщало о назначении районных врачей в 16 прилегающих к г. Ставрополю районах, работе лечебных учреждений, санитарном и эпидемиологическом состоянии в них [37]. Там же размещалась информация о принятии германским командованием «энергичных мер для восстановления лечебной деятельности Пятигорского курорта», возобновлении работы бальнеологического института, открытии химико-фармацевтического института на 500 учащихся [35].

В первом номере газеты за 1943 г. заведующий медицинским отделом г. Ставрополя М. Ю. Шульц отчитывался о работе, проделанной за 5 месяцев в краевом центре и 16 ближайших к нему районах, отметив проведение ряда профилактических мероприятий по борьбе с малярией, осью, дифтерией [36]. Ряд материалов в периодической печати был посвящен разъяснению ситуации с взиманием платы за оказание медицинских услуг [66], а также за санитарный осмотр открывающихся предприятий, ларьков, столовых, бани и т.д. [7]. Кроме того, в газетах периода оккупации регулярно размещалась информация о проведении различными учреждениями на возмездной основе всевозможных анализов (фармацевтических, токсикологических, судебно-медицинских, технических и др.) [49], а также печатались объявления частнопрактикующих врачей об оказании ими услуг населению [50].

Следует отметить, что в целом данный вид исторических источников выполнял функции формирования необходимого для оккупационных властей общественного мнения и идеологическо-

го воздействия на население, играл определенную роль в системе управления и содействовал экономическому развитию оккупированных территорий. Содержащаяся в данных источниках и имеющая безусловную ценность информация предполагает, тем не менее, критическое к себе отношение и во многих случаях требует перепроверки.

Существенный объем сведений по рассматриваемой проблематике содержится и в советских периодических изданиях, размещавших, как правило, материалы об ущербе, причиненном оккупантами медицинским учреждениям и здоровью местных жителей, санитарном состоянии населенных пунктов к моменту их освобождения Красной Армией и другие данные. Так, в газете «Ставропольская правда», рассказывавшей о проведенном в освобожденном Ставрополе совещании медицинских работников, отмечалось уничтожение захватчиками при отступлении из города поликлиники, родильного дома, нескольких детских яслей, разорение психиатрической больницы и тубдиспансера, ликвидация детской больницы. Участники совещания, указывая на повышение оккупантами цен на медикаменты и введение платы за медицинские услуги, констатировали практически полное лишение населения лечебной помощи, а также приведение города в антисанитарное состояние [54].

Краснодарская краевая газета «Большевик», редакция которой в период оккупации находилась в г. Сочи, неоднократно публиковала материалы о пребывании захватчиков на Кубани, в том числе касающиеся и рассматриваемой проблематики [29, 51, 68]. Подробности судебного процесса по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории г. Краснодара и Краснодарского края в период оккупации публиковались в июле 1943 г. как в местных газетах «Под знаменем Ленина», «За коммуну», «Адлеровская правда», «Большевик» [39, 59], так и в общесоюзных изданиях «Комсомольская правда» [64] и «Красная Звезда» [2]. При рассмотрении размещенной в советских периодических источниках информации необходимо учитывать, что, несмотря на ее правдивый по своей сути характер, публикация происходила в условиях продолжающейся борьбы с врагом и носила определенную идеологическую окраску.

Важным источником исследования изучаемой проблемы стали сообщения и акты ЧГК, основой которых является большое количество актов подведомственных (в первую очередь – Краснодарской краевой и Ставропольской краевой) комиссий, протоколов опросов свидетелей и заявлений о преступной деятельности оккупантов, которые послужили одними из главных доказательств обвинения как на судебном процессе в г. Краснодаре в июле 1943 г., так и на последующих судебных процессах. Анализ документов ЧГК помогает понять замыслы оккупантов в отношении медицинского обслуживания местного населения, а также восстановить картину их преступлений на Кубани и Ставрополье. В частности, по Краснодарскому краю актами ЧГК было зафиксировано уничтоже-

ние 320 человек душевнобольных, находившихся на излечении в Краснодарской краевой психиатрической больнице, удушение газами 214 больных детей в детдоме г. Ейска, разрушение немцами в г. Тихорецке при отступлении городской и районной больниц, двух поликлиник и детских яслей и другие преступления. По Ставропольскому краю комиссия зафиксировала факт удушения в автомашинах-душегубках 660 пациентов Ставропольской психиатрической больницы, массовое уничтожение больных костным туберкулезом детей и сотрудников санаториев курорта Теберда Карабаевской автономной области, убийство врачей, медицинских сестер, обслуживающего персонала и пациентов ряда медицинских учреждений Кавказских Минеральных Вод и другие преступления [32]. Материалы ЧГК многократно публиковались в виде отдельных сообщений [48], сборников сообщений и актов [58], а также сборников сообщений, актов и отчетов об инициированных ЧГК судебных процессах [65].

Следует отметить, что, по мнению некоторых исследователей, на деятельность ЧГК могли оказывать влияние местные партийные организации и органы государственной безопасности [70]. Тем не менее, на протяжении всех прошедших после войны лет материалы ЧГК являются основой многочисленных отечественных и зарубежных исследований хода и последствий войны.

Еще одним видом источников являются архивные документы и материалы, включенные в различные сборники и опубликованные как центральными, так и краевыми издательствами Кубани [33] и Ставрополья [60], а также разнообразные статистические справочники [63]. Так, в одном из писем германского командования, опубликованном в сборнике документов «Преступные цели – преступные средства», говорится о функционировании на территории оккупированных областей СССР фармацевтического акционерного общества с ограниченной ответственностью «Восток», задачей которого являлось снабжение восточных областей медикаментами и другими товарами, употребляемыми в медицине и ветеринарии, а также предметами, необходимыми для врачей, ветеринаров, больниц и т.п. [52, с.356].

Большой объем материалов по указанной проблематике содержится в книгах сборника «Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий» [40, 41]. В период своего пребывания на землях Кубани оккупанты разрушили 141 здание больниц и поликлиник, уничтожили более 60 000 человек, насильственно угнали с территории края более 130 000 человек, о чем составлено 13692 акта по установлению ущерба, представленных Краснодарской краевой комиссией в ЧГК. В краевом центре, вошедшем в число 10 самых пострадавших от оккупации городов, немцы уничтожили более 13 000 человек, разрушили 9 больниц, 5 институтов, 20 детских яслей. В г. Армавире оккупанты расстреляли более 6680 граждан, в г. Кропоткине – 2000, в станице Лабинской – более 2500 человек.

Значительное количество материалов, описывающих повседневную жизнь населения Ставропольского края в период Великой Отечественной войны, в том числе и во время оккупации, содержится в сборнике документов «Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1941–1964 годах» [4]. В сборнике «Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях» опубликованы материалы, касающиеся эвакуации народного хозяйства и жителей края накануне оккупации, подробностей жизни и быта населения в захваченном немцами регионе, обнародованы свидетельства о злодеяниях захватчиков, приведен ряд важных статистических данных. Существенная часть документов отражает проводимые советскими властями мероприятия по восстановлению мирной жизни после освобождения края от немецко-фашистских захватчиков. Особо ценной для изучения рассматриваемой проблематики является докладная записка заведующего отделом здравоохранения Ставропольского крайисполкома Л. Я. Варшавского о мероприятиях по восстановлению лечебно-профилактической сети в крае № 157 от 22.02.1943 г. [62, с. 286–291]. В данном документе довольно подробно описаны итоги пребывания немцев на территории края, которые, по мнению автора записки, выражались, прежде всего, в ликвидации и разграблении имущества всех межрайонных и районных санитарно-эпидемиологических, малярийных и тубяремийных станций, закрытии медицинского института, бруцеллезной станции, санитарно-бактериологических лабораторий, по всеместном уничтожении запасов бакпрепаратов, отказе от проведения предохранительных прививок. Во-вторых, существенный урон понесла сеть лечебных учреждений края: значительное количество больниц было доведено до состояния полной невозможности их дальнейшего существования, закрыты краевая туберкулезная больница и тубдиспансер, разрушена республиканская психиатрическая больница, взорваны Ставропольский родильный дом и гинекологическое отделение городской больницы.

В сборнике документов «Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.)» наряду с фрагментом статьи председателя ЧГК А. Н. Толстого «Коричневый дурман» приводится ряд документальных свидетельств о зверствах гитлеровцев в отношении жителей Ставрополя, городов Кавказских Минеральных Вод и других районов края. Размещенное в сборнике «Служебное указание №1 районным начальникам и городским головам», составленное германским командованием, содержит описание структуры районного управления, включающего в себя наряду с прочими подразделениями отдел здравоохранения или районного врача, в обязанности которого в первую очередь входило соблюдение санитарного состояния населения, наблюдение за работой аптек, бань и санпропускников [61].

Акты о злодеяниях оккупантов и учете убытков в Ставропольском медицинском институте и

Ставропольской краевой психиатрической больнице опубликованы в сборнике «Медицинский хронограф Ставрополья (1803–2016)» [43].

Еще одним видом источников, используемых при изучении исследуемого вопроса, является мемуарная литература. Несмотря на наличие субъективной составляющей, воспоминания переживших оккупацию людей предоставляют дополнительные сведения, которые при этом могут подтверждать или опровергать информацию из других источников. Примером такого вида источников является книга «Оккупация» Г. А. Беликова, представляющая собой воспоминания самого автора, а также многих других очевидцев оккупации г. Ставрополя [1]. В частности, автор, подтверждая закрытие Ставропольского медицинского института, приводит подробности, касающиеся судьбы некоторых преподавателей и студентов вуза, описывает работу городской больницы во время налета вражеской авиации и занятия немцами города. Немаловажными являются воспоминания автора о плохом санитарном состоянии города к концу периода оккупации, что подтверждает данные советских источников, но противоречит версии оккупационных властей, указывавших в периодических изданиях на проведение ими всех необходимых мероприятий по приведению в порядок городских улиц, мест общего пользования и т.п.

Много информации, связанной с оккупацией г. Краснодара, содержит книга воспоминаний Ю. В. Ионова «Оккупация: до и после (записки старого краснодарского врача)» [38]. В частности, автор приводит подробности уничтожения оккупантами в машинах-«газовагонах» пациентов Краснодарской психиатрической больницы, расстрела жителей поселка Михизеева Поляна, описывает судьбы многих участников этих страшных событий, раскрывает детали повседневной жизни населения в захваченном городе.

Воспоминаниям о страшной трагедии, произошедшей в оккупированном г. Ейске, посвящена книга Л. В. Дворникова «От имени погибших» [31]. Автор, чудом уцелевший воспитанник Ейского детского дома, описывает подробности жизни и трагической гибели 214 детей, умерщвленных оккупантами 9–10 октября 1942 г. Ценная информация, касающаяся оккупации г. Ставрополя и судьбе Ставропольского медицинского института в этот период времени, содержится в воспоминаниях А. А. Пильщикова [46, с. 130–135], В. Г. Кучмайевой [46, с. 103–108], Л. И. Виленского [46, с. 41–45], Б. А. Полонского [45, с. 195–198] и В. С. Игрупуло [45, с. 137–140].

Некоторые интересные детали содержатся в мемуарах немецкого офицера Э. Юнгера, представляющих собой взгляд «с той стороны». В частности, автор, побывавший в конце 1942 – начале 1943 гг. на Кубани и Ставрополье, упоминает о сделанной ему в г. Ставрополе прививке от сыпного тифа, рассказывает о посещении продолжавшего работу противочумного института [69, с. 225, 231–232].

Подводя итог обзору источниковой базы вопросов, связанных с политикой немецких властей в области здравоохранения, состоянием медицинского обслуживания населения, а также медико-санитарными последствиями пребывания оккупантов на территории Кубани и Ставрополья, необходимо отметить наличие значительного количества источников, описывающих причиненный захватчиками ущерб, выразившийся в первую очередь в разрушении инфраструктуры и убийстве большого числа мирных жителей, включая врачей и пациентов лечебных учреждений. Для

всестороннего изучения и объективного описания политики оккупационных властей в области здравоохранения, а также работы лечебно-профилактических учреждений на оккупированных территориях необходимо использовать максимальное количество различных по видам и информационной насыщенности исторических источников. Все они в своей совокупности позволят более детально рассмотреть и раскрыть тему функционирования системы здравоохранения на оккупированных территориях Краснодарского и Ставропольского краев в период 1942–1943 годов.

Источники и литература

1. Беликов Г.А. Оккупация. Ставрополь: Фонд духовного просвещения, 1998. 151 с.
2. Бешеные волки // Красная Звезда. 1943. 15 июля.
3. Врачебные участки // Кубань. 1942. 6 октября.
4. Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1941–1964 годах (Сборник документов) / составители В. В. Бело-конь, Т. Н. Колпикова, Г. А. Никитенко. Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2011. 696 с.
5. Городская жизнь // Русская правда. 1942. 11 августа.
6. Городская жизнь // Русская правда. 1942. 15 августа.
7. Городская жизнь // Ставропольское слово. 1942. 16 сентября.
8. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.Р – 418. Оп.1. Д.1, 2, 5 – 12, 16, 17.
9. ГАКК. Ф.Р-430. Оп.1. Д.24.
10. ГАКК. Ф.Р-440. Оп.1. Д.3, 7, 9.
11. ГАКК. Ф.Р-477. Оп.1. Д.1.
12. ГАКК. Ф.Р-505. Оп.1. Д.4.
13. ГАКК. Ф.Р-584. Оп.1. Д.1.
14. ГАКК. Ф.Р-590. Оп.1. Д.1.
15. ГАКК. Ф.Р-897. Оп.1. Д.1-33.
16. ГАКК. Ф.Р-1255. Оп.1. Д.24.
17. ГАКК. Ф.Р-1393. Оп.1. Д.1.
18. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф.1. Оп.2. Д.92.
19. ГАНИСК. Ф.23. Оп.1. Д.1069.
20. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.Р-7021. Оп.16. Д.1-587.
21. ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп.17. Д.1-311.
22. ГАРФ. Ф.Р-7445. Оп.2. Д.99. Л.188, 194, 239.
23. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.Р-1053. Оп.1. Д.1, 6, 31-33, 41, 73, 116.
24. ГАСК. Ф.Р-1059. Оп.1. Д.8.
25. ГАСК. Ф.Р-1121. Оп.1. Д.5.
26. ГАСК. Ф.Р-1368. Оп.1. Д.1-285.
27. ГАСК. Ф.Р-2498. Оп.1. Д.27, 29.
28. ГАСК. Ф.Р-2569. Оп.1. Д.9, 10.
29. Грабежи и насилия оккупантов на Кубани // Большевик. 1942. 16 сентября.
30. Детская поликлиника // Русская правда. 1942. 12 августа.
31. Дворников Л. В. От имени погибших: документальная повесть. Краснодар: Периодика Кубани, 2016. 352 с.
32. Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. Выпуск 2. М.: Госполитиздат, 1945. 391 с.
33. Документы отваги и героизма. Кубань в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Краснодар: Кн. изд-во, 1965. 296 с.
34. Доронина Н. В. Нацистская пропаганда на оккупированных территориях Ставрополья и Кубани в 1942–1943 гг.: цели, особенности, крах: Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005. 181 с.
35. Жизнь в Пятигорске // Утро Кавказа. 1942. 16 декабря.
36. Заботы о здоровье населения // Утро Кавказа. 1943. 1 января.
37. Здравоохранение в kraе // Утро Кавказа. 1942. 13 декабря.
38. Ионов Ю. В. Оккупация: до и после (записки старого краснодарского врача). Краснодар: Экоинвест, 2014. 213 с.
39. Кононенко Е. В. Перед судом народа // Большевик. 1943. 16 июля.
40. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: 1941–1942 гг. Краснодар: Сов. Кубань, 2000. 816 с.
41. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: 1943 г. Краснодар: Сов. Кубань, 2003. 896 с.
42. Линец С. И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. 564 с.
43. Медицинский хронограф Ставрополья: Сборник исторических материалов / сост. А. В. Карташев, А. К. Курьянов. Ставрополь: Изд-во СтГМУ, 2016. 256 с.

44. Медицинское обслуживание населения // Кубань. 1942. 26 сентября.
45. Мир Кавказу: общая Память – общая Судьба // Материалы Ставропольской городской научно-практической конференции. Ставрополь: СтГМА, 2011. 283 с.
46. На рубежах Кавказа: сборник докладов, выступлений, научных статей по материалам научно-практических конференций СтГМА, посвященных 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Ставрополь: СтГМА, 2010. 194 с.
47. Наш бюджет // Ставропольское слово. 1942. 2 сентября.
48. О злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае. М.: Госполитиздат, 1943. 29 с.
49. Объявления // Ставропольское слово. 1942. 11 сентября.
50. Объявление // Утро Кавказа. 1943. 3 января.
51. По следам фашистского зверя // Большевик. 1942. 9 октября.
52. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М.: Политиздат, 1968. 383 с.
53. При болезни зарплата сохраняется // Ставропольское слово. 1942. 16 октября.
54. Привести город в образцовое санитарное состояние (Совещание медицинских работников г. Ставрополя) // Ставропольская правда. 1943. 16 февраля.
55. Приказ Бургомистра // Кубань. 1942. 1 ноября.
56. Приказ Городского Управления // Ставропольское слово. 1942. 20 сентября.
57. Приказы и распоряжения // Русская правда. 1942. 4 августа.
58. Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М.: Госполитиздат, 1946. 476 с.
59. Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Краснодаре и Краснодарском крае // Большевик. 1943. 13 июля.
60. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1962. 515 с.
61. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.): документы и материалы / Сост. В. А. Водолажская, М. И. Кривнева, Н. И. Мельник. Ставрополь: Кн. изд-во, 2000. 175 с.
62. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / Науч. ред. проф. Т. А. Булыгина; Сост.: В. В. Белоконь, Т. Н. Колпикова, Я. Г. Кольцова, В. Л. Мазница. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. 608 с.
63. Страна Советов за 50 лет. Сборник статистических материалов. М., Статистика, 1967. 352 с.
64. Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории гор. Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации // Комсомольская правда. 1943. 18 июля.
65. Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории гор. Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации. М. : Госполитиздат, 1943. 48 с.
66. Такса по зубной поликлинике // Кубань. 1942. 14 ноября.
67. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф.1774-А.Оп.2. Д.391.
68. Чудовищные зверства фашистских палачей на Кубани // Большевик. 1942. 24 ноября.
69. Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945) / Перевод с немецкого Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2002. 784 с.
70. Dieter Pohl. Die einheimischen Forschungen und der Mord an Juden in den besetzten Gebieten. S. 206 / In: Wolf Kaiser. Täter im Vernichtungskrieg. Berlin, 2002. S. 204–216.

References

1. Belikov G. A. Okkupatsiya (*Occupation*). Stavropol: Fond duchovnogo prosvetshcheniya, 1998. 151 p. (In Russian).
2. Beshenye volki (*Rabid Wolves*) // Krasnaya zvezda. 1943. July 15. (In Russian).
3. Vrachebnye uchastki (*Medical Areas*) // Kuban'. 1942. October 6. (In Russian).
4. Golosa iz provincii: zhitiel Stavropol'ya v 1941–1964 godah (Sbornik dokumentov) (*Voices from the Province: Stavropol Residents in 1941–1964 (Collection of Documents)*). Stavropol': Komitet Stavropol'skogo kraia po delam arhivov, 2011. 696 p. (In Russian).
5. Gorodskaya zhizn' (*City Life*) // Russkaya pravda. 1942. August 21. (In Russian).
6. Gorodskaya zhizn' (*City Life*) // Russkaya pravda. 1942. August 15. (In Russian).
7. Gorodskaya zhizn' (*City Life*) // Stavropol'skoe slovo. 1942. September 16. (In Russian).
8. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja (GAKK). F.R-418. Inv.1. D.1, 2, 5-12, 16, 17. (In Russian).
9. GAKK. F.R-430. Inv.1. D.24. (In Russian).
10. GAKK. F.R-440. Inv.1. D. 3, 7, 9. (In Russian).
11. GAKK. F.R-477. Inv.1. D.1. (In Russian).
12. GAKK. F.R-505. Inv.1. D.4. (In Russian).
13. GAKK. F.R-584. Inv.1. D.1. (In Russian).
14. GAKK. F.R-590. Inv.1. D.1. (In Russian).
15. GAKK. F.R-897. Inv.1. D.1 – 33. (In Russian).
16. GAKK. F.R-1255. Inv.1. D.24. (In Russian).
17. GAKK. F.R-1393. Op.1. D.1. (In Russian).
18. Gosudarstvennyj arhiv novejshei istorii Stavropol'skogo kraja (GANISK). F.1. Inv.2. D.92. (In Russian).
19. GANISK. F.23. Inv.1. D.1069. (In Russian).
20. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. R-7021. Op. 16. D. 1-587. (In Russian).
21. GARF. F.R-7021. Inv.17. D.1-311. (In Russian).

22. GARF. F. R-7445. Inv.2. D.99. L. 188, 194, 239. (In Russian).
23. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja (GASK). F.R-1053. Inv.1. D.1, 6, 31-33, 41, 73, 116. (In Russian).
24. GASK. F.R-1059. Inv.1. D.8. (In Russian).
25. GASK. F.R-1121. Inv.1. D.5. (In Russian).
26. GASK. F.R-1368. Inv.1. D.1-285. (In Russian).
27. GASK. F.R-2498. Inv.1. D.27, 29. (In Russian).
28. GASK. F.R-2569. Inv.1. D.9, 10. (In Russian).
29. Grabezhi i nasiliya okkupantov na Kubani (*The Looting and Violence of the Occupiers of the Kuban*) // Bol'shevik. 1942. September 16. (In Russian).
30. Detskaya poliklinika (*Children's Clinic*) // Russkaya pravda. 1942. August 12. (In Russian).
31. Dvornikov L. V. Ot imeni pogibshih: dokumental'naya povest' (*On Behalf of the Dead: a Documentary Story*). Krasnodar: Periodika Kubani, 2016. 352 p. (In Russian).
32. Dokumenty obvinyayut. Sbornik dokumentov o chudovishchnyh prestupleniyah nemecko-fashistskih zahvatchikov na sovetskoy territorii (*The Documents Accuse. A Collection of Documents about the Monstrous Crimes of the German Fascist Invaders on Soviet Territory*). Issue 2. Moscow: Gospolitizdat, 1945. 391 p. (In Russian).
33. Dokumenty otvagi i geroizma. Kuban' v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. (*Documents of courage and heroism. Kuban in the great Patriotic war of 1941–1945*). Krasnodar: Kn. izd-vo, 1965. 296 p. (In Russian).
34. Doronina N. V. Nacistskaya propaganda na okkupirovannyh territoriyah Stavropol'ya i Kubani v 1942–1943 gg.: celi, osobennosti, krah (*Nazi propaganda in the occupied territories of Stavropol and Kuban in 1942–1943: goals, features, collapse*): thesis. Stavropol', 2005. 181 p. (In Russian).
35. Zhizn' v Pyatigorske (*Life in Pyatigorsk*) // Utro Kavkaza. 1942. Desember 16. (In Russian).
36. Zaboty o zdorove' naseleniya (*Worries about the health of the population*) // Utro Kavkaza. 1943. January 1. (In Russian).
37. Zdravoohranenie v krae (*Health care in the region*) // Utro Kavkaza. 1942. Desember 13. (In Russian).
38. Ionov Y. V. Okkupaciya: do i posle (zapiski starogo krasnodarskogo vracha) (*The Occupation: before and after (notes of the old Krasnodar physician)*). Krasnodar: Ekoinvest, 2014. 213 p. (In Russian).
39. Kononenko E. V. Pered sudom naroda (*Before the court of the people*) // Bol'shevik. 1943. July 16. (In Russian).
40. Kuban' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945: Rassekrechennye dokumenty. Hronika sobytij: 1941–1942 gg. (*Kuban during the Great Patriotic War. 1941–1945: Declassified documents. Chronicle of events: 1941–1942*). Krasnodar: Sov. Kuban', 2000. 816 p. (In Russian).
41. Kuban' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945: Rassekrechennye dokumenty. Hronika sobytij: 1943 g. (*Kuban during the Great Patriotic War. 1941–1945: Declassified documents. Chronicle of events: 1943*). Krasnodar: Sov. Kuban', 2003. 896 p. (In Russian).
42. Linec S. I. Severnyj Kavkaz nakanune i v period nemecko-fashistskoj okkupacii: sostoyanie i osobennosti razvitiya (iyul' 1942 – oktyabr' 1943 gg.) (*The North Caucasus before and during the Nazi occupation: the Status and features of development, July 1942 – October 1943*). Rostov on Don: SKNC VSH publ., 2003. 564 p. (In Russian).
43. Medicinskij hronograf Stavropol'ya: Sbornik istoricheskikh materialov (*Medical chronograph Stavropol: Collection of historical materials*) / sost. A.V. Kartashev, A.K. Kur'yanov. Stavropol': StGMU publ., 2016. 256 p. (In Russian).
44. Medicinskoe obsluzhivanie naseleniya (*Health services*) // Kuban'. 1942. September 26. (In Russian).
45. Mir Kavkazu: obshchaya Pamyat' – obshchaya Sud'ba (*Peace to the Caucasus: common Memory – common Destiny*) // Materialy Stavropol'skoy gorodskoy nauchno-prakticheskoy konferencii. Stavropol': StSMA publ., 2011. 283 p. (In Russian).
46. Na rubezhah Kavkaza: sbornik dokladov, vystuplenij, nauchnyh statej po materialam nauchno-prakticheskikh konferencij StGMA, posvyashchennyj 65-j godovshchine Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne (*On the borders of the Caucasus: a collection of reports, speeches, scientific articles on the materials of scientific conferences StGMA dedicated to the 65th anniversary of victory in the Great Patriotic War*). Stavropol': StSMA publ., 2010. 194 p. (In Russian).
47. Nash byudzhet (*Our budget*) // Stavropol'skoe slovo. 1942. September 2. (In Russian).
48. O zlodeyaniyah nemecko-fashistskih okkupantov v Stavropol'skom krae (*About the atrocities of the Nazi occupiers in the Stavropol region*). Moscow: Gospolitizdat, 1943. 29 p. (In Russian).
49. Ob'yavleniya (*Announcement*) // Stavropol'skoe slovo. 1942. September 11. (In Russian).
50. Ob'yavlenie (*Announcement*) // Utro Kavkaza. 1943. January 3. (In Russian).
51. Po sledam fashistskogo zverya (*In the footsteps of a fascist beast*) // Bol'shevik. 1942. October 9. (In Russian).
52. Prestupnye celi – prestupnye sredstva. Dokumenty ob okkupacionnoj politike fashistskoj Germanii na territorii SSSR. (1941–1944 gg.) (*Criminal targets are criminal means. Documents on the occupation policy of Nazi Germany in the USSR. (1941–1944)*). Moscow: Politizdat, 1968. 383 p. (In Russian).
53. Pri bolezni zarplata sohranyaetsya (*Under disease wages reduce*) // Stavropol'skoe slovo. 1942. October 16. (In Russian).
54. Privedi gorod v obrazcovoe sanitarnoe sostoyanie (Soveshchanie medicinskikh rabotnikov g. Stavropolya) (*To bring the city to an exemplary sanitary condition (Meeting of medical workers of Stavropol)*) // Stavropol'skaya pravda. 1943. February 16. (In Russian).
55. Prikaz Burgomistra (*Order Of The Burgomaster*) // Kuban'. 1942. November 1. (In Russian).
56. Prikaz Gorodskogo Upravleniya (*Order of the City Administration*) // Stavropol'skoe slovo. 1942. September 20. (In Russian).
57. Prikazy i rasporyazheniya (*Orders*) // Russkaya pravda. 1942. August 4. (In Russian).
58. Sbornik soobshchenij Chrezvychajnoj Gosudarstvennoj Komissii o zlodeyaniyah nemecko-fashistskih zahvatchikov (*Collection of reports of the Emergency state Commission on the atrocities of the Nazi invaders*). Moscow: Gospolitizdat, 1946. 476 p. (In Russian).

59. Soobshchenie Chrezvychajnoj gosudarstvennoj komissii o zlodeyaniyah nemecko-fashistskikh zahvatchikov v Krasnodare i Krasnodarskom krae (*The message of the Extraordinary state Commission on atrocities of the German fascist invaders in Krasnodar and the Krasnodar region*) // Bol'shevik. 1943. July 13. (In Russian).
60. Stavropol'e v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov i materialov (*Stavropol in the great Patriotic war of 1941–1945. Collection of documents and materials*). Stavropol': Kn. izd-vo, 1962. 515 p. (In Russian).
61. Stavropol'e v period nemecko-fashistskoj okkupacii (avgust 1942 – yanvar' 1943 gg.): dokumenty i materialy (*Stavropol region during the Nazi occupation (August 1942 – January 1943): documents and materials*). Stavropol': Kn. izd-vo, 2000. 175 p. (In Russian).
62. Stavropol'e: pravda voennyy let. Velikaya Otechestvennaya v dokumentah i issledovaniyah (*Stavropol: the truth of the war years. The Great Patriotic War in documents and research*). Stavropol': SSU publ., 2005. 608 p. (In Russian).
63. Strana Sovetov za 50 let. Sbornik statisticheskikh materialov (*Country of the Soviets over 50 years. Collection of statistical materials*). Moscow: Statistika, 1967. 352 p. (In Russian).
64. Sudebnyj process po delu o zverstvah nemecko-fashistskikh zahvatchikov i ih posobnikov na territorii gor. Krasnodara i Krasnodarskogo kraya v period ih vremennoj okkupacii (*The trial of the atrocities of the Nazi invaders and their accomplices in the mountains. Krasnodar and the Krasnodar territory in the period of their temporary occupation*) // Komsomol'skaya pravda. 1943. July 18. (In Russian).
65. Sudebnyj process po delu o zverstvah nemecko-fashistskikh zahvatchikov i ih posobnikov na territorii gor. Krasnodara i Krasnodarskogo kraja v period ih vremennoj okkupacii (*The trial of the atrocities of the Nazi invaders and their accomplices in the mountains. Krasnodar and the Krasnodar territory in the period of their temporary occupation*). Moscow: Gospolitizdat, 1943. 48 p. (In Russian).
66. Taksa po Zubnoj poliklinike (*Tax on dental clinic*) // Kuban'. 1942. November 14. (In Russian).
67. Centr dokumentacii novejshej istorii Krasnodarskogo kraya. F.1774-A. Inv.2. D.391. (In Russian).
68. Chudovishchnye zverstva fashistskikh palachej na Kubani (*The monstrous atrocities of the Nazi executioners in the Kuban*) // Bol'shevik. 1942. November 24. (In Russian).
69. Yunger E. Izlucheniya (fevral' 1941 – aprel' 1945) (*Emissions*). St.Petersburg: Vladimir Dal', 2002. 784 p. (In Russian).
70. Dieter Pohl. Die einheimischen Forschungen und der Mord an Juden in den besetzten Gebieten (*The local research and the murder of Jews in the occupied territories*). S. 206 / In: Wolf Kaiser. Täter im Vernichtungskrieg. Berlin, 2002. S. 204–216. (In Russian).

Информация об авторе

Карташев Игорь Владимирович – младший научный сотрудник центра изучения истории медицины Ставропольский государственный медицинский университет (Ставрополь) / kartashev_iv@mail.ru

Information about the author

Kartashev Igor – junior research fellow, Center for Study of Medicine History, Stavropol State Medical University (Stavropol) / kartashev_iv@mail.ru

УДК 94(430).087

Ю. И. Крючков, И. В. Крючков

ЛЕЙПЦИГСКАЯ ЯРМАРКА 50-х гг. XX в.: МЕЖДУ ДИРЕКТИВОЙ И ПОТРЕБЛЕНИЕМ

В представленной статье рассматривается эволюция потребительства в восточногерманском обществе в контексте проведения Лейпцигских торговых ярмарок в 50-е гг. XX в. Начало 50-х гг. характеризуется восстановлением национальной экономики, и перед партийным руководством возникают новые вызовы: июньские события 1953 г. показали руководству необходимость проведения социальных реформ по улучшению материального состояния населения с целью упрочения своих позиций в государстве. Лейпцигская ярмарка в свою очередь стала своеобразной витриной прогресса народного хозяйства ГДР, призванной сформировать у населения образ развитого производства товаров и услуг. Анализ потребительской ситуации в ГДР проводится с учетом экономических, идеологических и социальных условий проведения руководством СЕПГ Лейпцигской ярмарки. В статье также подробно рассмотрена работа различных ведомств и министерств в организации ярмарки и роль Лейпцигской ярмарки, обозначенная руководством, в улучшении потребительского благополучия населения.

В процессе работы над данной темой исследования использовался широкий круг источников, включающий немецкие и американские исследования по истории по-

требительства в ГДР, а также донесения ЦРУ по проведению Лейпцигской ярмарки.

В заключении авторы приходят к выводу, что, несмотря на осознание руководством СЕПГ важности проведения социальных реформ по улучшению благосостояния населения, Лейпцигская ярмарка служила катализатором несостоимости восточногерманской плановой экономики в обеспечении необходимого роста товаров и услуг: одним из главных препятствий являлось нарушение традиционной системы спроса и предложения, а созданные руководством каналы обратной связи с населением не обеспечили необходимую связь между производителем и потребителем. Однако из исследования данной тематики становится очевидно, что население ГДР оказывало влияние на проведение СЕПГ социальной политики, хоть и не в значительной степени, что побудило руководство ГДР к концу 50-х гг. XX в. сделать акцент на работе с общественностью посредством агитационной и рекламной деятельности отделения прессы и рекламного отделения Лейпцигской ярмарки.

Ключевые слова: Лейпцигская ярмарка, потребление, СЕПГ, внешняя торговля, плановая экономика, легитимация ГДР.

Yu. Kryuchkov, I. Kryuchkov

LEIPZIG TRADE FAIR IN 1950s: BETWEEN DECISION-MAKING AND CONSUMPTION

Evolution of consumerism in the East German society in the context of holding the Leipzig Trade Fair in 1950s is considered in the article. The beginning of 1950s is characterized by restoration of national economy and the party leadership faced new challenges: the June events of 1953 showed the leadership the necessity of carrying out social reforms on improving the material welfare of the population in order to strengthen its positions in the state. The Leipzig Fair was in its turn a showcase of progress of people's economy of the GDR designed to form an image of developed production of goods and services to the population. Analysis of consuming situation in the GDR is made within economic, ideological and social conditions of holding the Leipzig Fair by East German leadership. The activity of various institutions and ministries in the organization of the Fair and the role of the Leipzig Fair in improving consumer welfare in the state designed by the leadership are considered in the article.

In the process of investigation, the authors use a broad range of sources including German and American research-

es on the history of consumption in the GDR and reports of the CIA on holding the Leipzig Fair.

The authors come to conclusion that despite the SED leadership realized the importance of carrying out social reforms on improving welfare of the population, the Leipzig Fair served as a catalyst of inconsistency of East German planned economy as regards providing necessary growth of goods and services. The disruption of the traditional demand and supply system was one of the main obstacles, and feedback channels with the population created by the leadership did not result in a necessary link between the producer and the consumer. However, it becomes clear from investigation of the given topic that the population made an impact on carrying out social policy by the SED, albeit to a minor extent. It made the GDR leadership focus on public relation activity by means of agitation and advertising activity of the press office and advertising office of the Leipzig Fair by the end of 1950s.

Key words: Leipzig Trade Fair, consumption, SED, foreign trade, planned economy, legitimacy of the GDR.

After World War II Germany still remained in ruins. The war led the country to total economic starvation. The currency was no longer of any value, there was an acute shortage of essential goods and the population aspired to forget sooner the terrors of war, of Nazism and enduring hardships. After Germany's division into two separate countries, the young East German state had to solve the problems of economic recovery and legitimacy of socialist regime both in the world and within the State. In the escalating cold war the confrontation of Western capitalist and Eastern socialist political blocs penetrated in all spheres of everyday life of a common East German citizen: education, labor, family, leisure and, of course, consumption. Both West and East Germany sought to get rid of the traces of war, to "overcome their own past". The possibility of the system to provide for the consuming needs of the population became one of the most important rates of sustainability of political system. And the leadership of the SED (Socialist Unity Party of Germany) looked for that possibility.

A great amount of details about the consumption in the GDR is represented in numerous German and American studies of the GDR in the context of a rather new field of historic science called Konsumgeschichte (in German) or the history of consumption. This field of history is greatly affected by humanization of historic science since 1950-1960s and it draws its attention to various aspects of conditions of consumption and a development of consuming culture in a society. This new historic branch is connected to economic and social history (history of retail trade, of agriculture, of standard of life), cultural history and Alltagsgeschichte, or history of everyday life (history of nutrition, of goods, of material culture, of festivals) and to history of art (design, advertising) [12]. The investigation of consumption in the GDR became popular since the end of 1990s when researches got an access to various archives of the GDR. It is no secret that the GDR as any socialist state confirmed since the very formation of the state the conception of "dictatorship over needs" that supposed total political control over needs of population [1, p.748]. However, the events of June in 1953 showed the SED leadership a necessity to meet people's demands in order to legitimate their regime and since then the improvement of standard of life amidst the population made part of East German plan. Regardless there are many investigations about the development of consumption in East Germany the processes characterizing shifting from Stalinist autarchic economic model that excluded any possibilities of focusing on conditions of consumption to programs focusing on providing for new consumer future in 1950s still require more research. A special interest presents the role of Leipzig Fair in these processes, as it became a significant part of economic, political and social life of the GDR since the formation of the state.

This article is to answer the main question: "What role did the Leipzig Trade Fair play in improving conditions of consumption of the main population of the GDR by the party leadership?". Before giving an an-

swer to this question it is necessary to indicate the role of the Leipzig Fair in the life of East Germany. The status of this event is ideally indicated in the East German guide "Meet the GDR":

"The Leipzig Fair is of great importance for GDR foreign trade. It is held twice a year and its character of universality with 60 branch groups corresponds to its special nature as intermediary between East and West. The Leipzig Fair has continually gained in popularity since the Second World War. This is shown by the number of countries participating, the exhibition area, the volume of trade concluded and the number of visitors and exhibitors. This centre of world trade is a meeting-place for the socialist, capitalist and emergent states, where they can practise peaceful cooperation without discrimination for their mutual benefit [7, p. 63]."

Such metaphors as "intermediary between East and West", "centre of world trade" completely reflect the role of the fair defined by the SED as a crossroad of two competing worlds: capitalist West and socialist East, and as the most important trading platform of the GDR where numerous trade agreements could be concluded both with socialist and capitalist bloc countries. Even since the Middle Ages Leipzig stood at the intersection of two important trade routes "Via Regia" from Rhine to Silesia and "Via imperii" from Italy to the Baltic Sea. Moreover, over the centuries the city still remains the capital of European trade, hundreds of producers and trade organizations conclude trade bargains with each other and pavilions and stands are decorated with numerous commodities aimed at marking the revival of new socialist Germany.

One can notice from the given description that the Leipzig Fair was a place of interaction of East and West. However, this interaction was not limited only to economic and cultural aspects. Since the first afterwar "fair of peace" in 1946 SMAD and then the GDR leadership aspired to show the Western world rapid progress of East German socialist economy and its superiority over capitalist economy. Especially actual this ideological strive became after gradual normalization of economic situation in the GDR since the beginning of 1950s. The GDR leadership began using the Leipzig Fair in order to show scientific and technological progress and its superiority comparing, of course, to capitalist states. So, originally trade fair became an ideological tool of forming an image of success of planned economy. But why was it so essential for the GDR to prove its superiority? The main reason is to justify the legitimacy of young socialist state bypassing so called Halstein doctrine of West Germany that supposed breaking all diplomatic ties the GDR so that no one admitted the legality of the "communist" regime.

As it was mentioned above, the economic development of the GDR showed since its first years significant backlog in economic growth comparing to the FRG. It had a severe shortage of many raw materials as cotton, rubber, aluminum, steel, natural wood etc. The state needed necessary imports and, in this regard, the Leipzig Trade Fair really became the

place of tough trade. The party leadership aspired to combine both objectives and there is some statistics showing that the SED did much to promote making trade agreements and increase of foreign exhibitors and visitors. Thus, Pryor Frederic in his study of the communist foreign trade system marks that the value of export contracts concluded on the Leipzig Fair increased from 1957 to 1959 from 2661 to 4054 million DMs and the number of import contracts increased from 593 to 1479 million DMs, respectively [10, p. 94]. The main trading partner of East Germany was West Germany.

The popularity of the Leipzig Fair also grew. For example, the Fair in 1953 was visited by 538000 people from 52 countries including 8245 from West Germany. In 1954 the number was increased to 673000 people from 56 countries (15500 from West Germany). That made the Leipzig Fair administration find solutions to expand the territory of the Fair so that more exhibitors and visitors could take part in this event. This all showed that the Leipzig Fair gained gradually popularity in 1950s [3].

Now it is important to draw attention to how the Fair was organized, what offices regulated various preparations to it. The main point to be considered is that the holding of the Leipzig fair was a part of East German planned economy that concentrated all economic decision-making around political elites of the GDR. The main directives were issued by the Ministerial Council that functioned under Walter Ulbricht and made all important economic and administrative decisions. There was also governmental commission that was responsible for planning of the Leipzig Fair and could make suggestions to directives of the Ministerial Council. The governmental commission was presented different state institutions including the Ministry of Foreign Affairs, the Ministry of the Interior, the Ministry of Foreign and Domestic Trade and the Ministry of Culture [8, p. 141]. That shows that the Leipzig Fair had a significant value and its holding was centralized in hands of the SED leadership. The main executive responsibilities were carried by Messeamt (the Fair office). The government tried to engage various institutions in order to implement its objectives: to set real trade with Socialist bloc and (what is more important) Western countries, first and foremost with West Germany and to provide for legitimacy of the state by showing superiority of socialist economy that constituted an ideological component of the Fair.

But what about the main population? How would the SED leadership improve conditions of consumption amidst ordinary people? It was considered at the beginning of the article that 1950s was a period of normalization of East German economy. The supply of food gradually developed and getting necessary food and commodities stopped being a question of survival. However, the GDR unlike other socialist states had its German counterpart presented by capitalist regime and Germany transferred to an ideological arena of capitalist and socialist experiments where it was extremely important for both regimes to prove superiority. But economic backlog became

evident since the beginning of 1950s and the SED couldn't hide the real situation from citizens of the GDR. They observed growing affiliation of goods in the West and empty stores in their country. And the June events of 1953 convinced the leadership in a necessity of improving level of consumption. People began to influence (albeit in small measure) the policy of the GDR. The government made lots of populist promises for better conditions of consumption in the near future. The principle of "dictatorship over needs" gradually changed to "outrunning the West" [6, p.24]. In daily life, however, the changes were scarce: there was no competition among enterprises as they were mostly state-owned, no marketing and advertising of goods as it was regarded as a capitalist phenomenon. East German economy did not boost in conditions of demand or supply and a free competition as in the West, there were no factors boosting socialist economy in conditions of state planning. But the Leipzig Fair was an opportunity to prove the population the consistency of planned economy by showing them the abundance and great variety of exhibited production that was imaged in propaganda as an achievement of all working people. The number of visitors of the fair increased each year and also increased the number of exhibited production and participating countries. Trade agreements of the GDR with western countries were concluded more often. Visitors of the fair had an opportunity to behold "victory of socialism".

People's demands began to grow since the normalization of supply of food and commodities, and in mid-1950s the SED presents conception of modernization of economy and society through "the technological revolution" [6, p.24]. And here the importance of the Leipzig Trade Fair grew: visitors from capitalist countries should witness socialist technological progress. A special tool of forming the image the fair as a "showcase of Germany" was agitation and propaganda activity of SED. Advertising offices and printing houses were involved to print numerous guides of the fair, brochures, leaflets and post stamps with views of Leipzig. Streets during the fair were clean and decorated with huge posters with party slogans – everything should create festive atmosphere of the central trade fair. A separate press office of the Leipzig fair was created for public relations work [8, p.138]. Astrid Otto marks that since the end of 1950s a notion "Public Relations" emerges in the lexicon of the government that supposed interaction with the general public. Public relations were implemented by means of the press office of the Leipzig Fair and advertising commission that shot an image film "World Fair Leipzig" in 1959 [8, p.138]. However, such efforts in making a positive image of the Fair led to a reverse: lots of visitors were assumed that the exhibition stopped being an exhibition literally, it began to remind a political show. Someone also marked tastelessness and clumsiness of agitation activity of corresponding offices.

An agitation and propaganda activity of the SED could not hide real situation on the Fair. Analysis of foreign reports and newspaper articles about the

Leipzig trade fair in 1950-ies makes adjustments in forming its real image. Thus, a variety of reports about the Leipzig fair in period 1950–55 presented for the CIA contains stable criticism towards production exhibited by the GDR and the fair in whole. According to the data, the presence of non-functioning commodities that were retouched from the outside but could simply miss one or even more details particularly shocked visitors. A lot of commodities were produced in 1941–43. They were called as a joke “Potyomkin villages” [4].

An acute shortage of food during the fair was another problem. One author of a story on the Leipzig fair in 1953 in the newspaper “Le Monde” marks disrupting provision of food of the fair [2]. The author describes in details the situation when many foreign participants and visitors of the fair had to stand on queues of 200 accredited persons hoping to buy some eggs or meat dishes and only 60% succeeded in gaining them. Finding a lodging during the fair was also a big problem. Western journalist gives following information about this: “The lodging problem is acute. With the hotels filled, all Leipzig rents rooms. The choice is limited. While the foreigners bureau assures you of a “modern room with running water”, it is invariably only 4 meters square with no room to move about.”

Regardless all efforts of the GDR government to persuade the population by various exhibited production that socialism can guarantee people consuming welfare, citizens saw distinct discrepancy between illusion of welfare created by the government and reality of continuing shortages of goods. Catherine Pence marks in her study of the GDR consuming culture from the example of the Leipzig fair that exhibited commodities not always corresponded needs of the population and if they did, a common person could not afford them. Lots of East German goods observed by citizens were mainly purposed for export and people had little chances to see them on the shelves of stores. The situation was worsened by a fact that East Germans could see face to face consuming superiority of West Germany where the abundance of goods was real instead of SED ephemeral promises for improvement of life conditions in the GDR [9, p.35]. That all led to mass criticism of East German planned economy, the population stopped believing in promises of the state. One East German engineer marked in an interview with Western journalist during the Leipzig Fair in 1953: “The situation is constantly worsening and discontent is widespread. The workers are sick of norms and are resisting any increases. No one believes in the sincerity of the new government policy.” The journalist then marked in his report that “people appear to have accumulated their resentment over the long winter months to release it at one blow at fair time”. He added: “Leipzig may appear to be well kept, well fed, and very pleasant, but the appearance is artificial. After the fair, the city returns to hibernation for another 11 months [2]”

This example shows that the Leipzig Fair did not spread on common life of the population. And the

discrepancy between festive illusion of the atmosphere and reality only irritated people. That led to the emergence clandestine black market during the Leipzig Fair. Catherine Pence marks that illicit barter transactions formed an integral part of the fair life. The authorities answered by tightening control over visitors and limiting the number of trade observers at the fair, however, that didn't lead to solving the current situation [9, p.40].

Analyzing the reasons of incapacity of the GDR leadership to provide for consuming demands of the population it is extremely important to reveal the influence of the Soviet Union on decision-making of the GDR and its link to the consuming situation in the state because this angle of considering is often underestimated in researches. Since its very formation the GDR as similar republics of the socialist bloc was in the orbit of political and economic influence of the USSR. It would be wrong to assert that the vector of first-years economic development of the GDR was defined by the SED. The GDR as other socialist republics began to copy planned economic policy of the Soviet Union. Stalinist model of economic development proposed concentration of all efforts on building domestic production by implementing directive five-year economic plans. Foreign trade according to Stalin's views presented a threat to economic and political independence of socialist republics, that is why reducing import and investing in heavy industry, chemical production and electricity [10, p.25]. The creation of the CMEA proposed economic rapprochement of the socialist bloc countries and making trade contacts with each other. But it became evident later that such a system of economic development was appropriate only for the USSR and the PRC as these countries had a rich system of resources and trade among socialist states had not been fully made that was characterized by common economic problems and common deficit of raw materials [10, p.31]. That shows indeed dependence of the GDR setting trade relations with other countries.

However, the economic course set by the Soviet Union led to the disruption of trade mechanisms. Plan character of the economic system and concentration of decision-making capacities in upper circles disrupted the economic balance. Centralization of economy led to its bureaucratization. The system of demand and supply went wrong and the planning commission aspired to compensate it by creation of a complicated branch of subordinate offices specializing on one of the branches of production and trade. Foreign trade was also made on a planned decision-making basis, foreign trade enterprises were allowed to trade with western firms strictly according to directive instructions of the Ministry of foreign and domestic trade. But as a consequence of autarchic policy the relationship between foreign trade enterprises and domestic people's enterprises that could transmit demands on import was broken. And all that made the link between producer and customer quite difficult that erupted into a shortage of necessary goods of consumption and a surplus of unnecessary production that was a result of plan implementation.

It will be also important to mention that fair and exhibition activity was in the area of interests of the USSR. After an emergence of socialist bloc states Stalin encouraged holding of East European fairs aimed to reflect unity of socialist economy and results of common labor. Literally, since the first after-war years competing of socialist and capitalist countries on trading arena became fierce. The Leipzig Fair was very important for the Soviet Union as it desired to hold political control over East Germany and show the world supremacy of socialism. Stalin took over control over first Fairs and all decision-making was regulated by SMAD. For example, the directive of 1948 obliged firms to make barter transactions of metals, sheet metal, wire, textile raw materials, etc [5]. But since the Thaw in the USSR the situation began to change: the SED gained control over decision-making (although CMEA countries were obliged to follow single planned economic decisions).

To summarize the considered factors of the impact of the USSR on East German economy one can make following conclusions. Firstly, the Stalinist model of autarchic economy that was copied by the SED was not appropriate for East Germany for many reasons. Unlike the Soviet Union the economy of the GDR wasn't self-sufficient, it lacked important materials and needed foreign trade. Secondly, Soviet model of economic development paid little attention to improvement of consuming conditions of the population and mainly concentrated on the development of heavy industry. East German government soon realized the importance of providing the population for better conditions of consumption but it became complicated as the system of demand and supply went wrong and one of the main reasons why people were discontent of the exhibited production is that feedback channels defining demands of the population were disrupted. So, it becomes clear that the Soviet model of planned economy gave a bad start for economic and consuming development of the GDR.

The authorities of the GDR tried to solve the problems of planned economy. For example, they tried to create feedback channels compensating absence of supply and demand system. One of these channels were common housewives. They had a special mission to inform the Ministry of Economy about the quality of produced household appliances and the SED sent groups of women from the Democratic women's union of Germany to the Leipzig fairs who informed the authorities about the correspondence of exhibited household goods with the population needs and also compared East German production with West German. The party even established organ of the press "Frau von Heute" where reports of women's groups from the fairs were published [9, p.38]. It is unclear if these reports influenced making contacts between producer and customer but there's a reason to assume that such channels of informing and expression of people's opinion were just a way to channel criticism of the population about the GDR consuming culture towards direction controlled by the regime.

Having considered different aspects of the Leipzig fair activity in 1950s, we can conclude that the Leipzig fair served as a catalyst for display of a growing gap between the image of welfare in the GDR created by the SED and the real situation. The authorities understood the importance of consuming needs of the population and they used the fair as propaganda tool to make an impression of the state economic development and to reassure the population that the SED leads people to a better consuming future. However, the population realized that the majority of exhibited products would never be sold throughout the country and illicit barter trade took place during the fairs so that people could buy necessary items unavailable in common stores. One of the reasons why the government couldn't meet consuming needs and why the Leipzig Fair only underlined the discrepancy between West and East German conditions of consumption is that the struggle of the GDR with its Western neighbor for the state that can provide its population for better goods and commodities was made on the plane of capitalist value. As Susan Reid marks in her investigation of the Soviet fair and exhibition activity: "in the Khrushchev-era some kind of convergence with the West's symbols and cultural forms began to emerge within legitimate culture" [11, p. 2]. She connects rapprochement, during the Thaw, with purely capitalist symbols of good life and transition of a socialist citizen "from producer to consumer". This can be surely applied to the Leipzig Fair that reflected all aspirations of the SED leadership to demonstrate the population and the West the affluence of goods. There are sufficient reasons to assume that the political elites of East Germany realized the incapacity of planned economy to compete fire with fire with the West. So, answering the question at the beginning of the article "What role did the Leipzig Trade Fair play in improving conditions of consumption of the main population of the GDR by the party leadership?", we can say that the Fair was more a means of forming a preferable image of welfare of East German economy than a real attempt to improve conditions of consumption of the population as the government didn't aspire to weaken its control over economy and they did little to set mechanisms of demand and supply in order to provide people for necessary commodities. However, the Fair boosted foreign trade and it at least gave people hope that there would be changes in future. There can be lots of arguments pro and contra if the government really tried to meet people's needs but different measures taken by socialist regime to provide for a channel between citizens' demands and producers shows that the regime had been trying to find a compromise between planned decision-making, official ideology and people's growing consuming needs or at least to make a vision of finding a compromise. What was explicit is that the image of the fair still remained a beautiful dream of a future prosperity the of East German population.

References

1. Betts P. The Twilight of the Idols: East German Memory and Material Culture // The Journal of Modern History. Chicago: The University of Chicago Press, September 2000. Vol. 72, No. 3. P. 731–765.
2. CIA-RDP80-00809A000700160061-5 / FOIA ERR. – 08.09.2011. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80-00809a000700160061-5> (Accessed: 15.05.2019).
3. CIA-RDP80-00810A005900120001-6 / FOIA ERR. – 12.02.2008. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80-00810a005900120001-6> (Accessed: 27.05.2019).
4. CIA-RDP80-00810A007100860005-7 / FOIA ERR. – 17.11.2008. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80-00810a007100860005-7> (Accessed: 27.05.2019).
5. CIA-RDP82-00457R001500270006-4 / FOIA ERR. – 21.03.2001. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp82-00457r001500270006-4>.
6. Kaminsky A. Illustrierte Konsumgeschichte der DDR. – Erfurt: Landeszentrale für politische Bildung Thüringen, 1999. 100 p.
7. Meet the GDR. Dresden: Verlag Zeit im Bild, 1966. 92 p.
8. Otto A. Sozialistische Öffentlichkeitsarbeit in der DDR: Eine empirische Studie am Fallbeispiel des Leipziger Messeamts. Wiesbaden: Springer VS, 2015. 240 p.
9. Pence K. «A World in Miniature»: The Leipzig Trade Fairs in the 1950s and East German Consumer Citizenship. Consuming Germany and the Cold War. Ed. by Crew D. N.Y.: Berg, 2003. P. 21–50.
10. Prior F. The communist foreign trade system. Cambridge, Massachusetts: the M.I.T. Press, 1963. 296 p.
11. Reid S. The Soviet Pavilion at Brussels '58: Convergence, Conversion, Critical Assimilation, or Transculturation? // CWIHP Working Paper. Ed. By Ostermann C. December 2010. No.62. 67 p. URL: https://wilsoncenter.org/sites/default/files/WP62_Reid_web_V3sm.pdf (Accessed: 02.06.2019).
12. Schramm M. Konsumgeschichte. URL: https://www.docupedia.de/images/9/9c/Konsumgeschichte_Version_2.0_Manuel_Schramm.pdf (Accessed: 31.05.2019).

Информация об авторах

Крючков Юрий Игоревич – магистр гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / youyou5@yandex.ru

Крючков Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / igory5@yandex.ru

Information about the authors

Kryuchkov Yurii – MA student, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / youyou5@yandex.ru

Kryuchkov Igor – Doctor of History, Professor, Head of Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / igory5@yandex.ru

УДК 314.174

О. В. Кузнецова

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕЛИННЫХ РАЙОНОВ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Необходимость данного исследования вызвана попыткой определения более глубоких связей между демографией и повседневной историей, которую на данный момент многие исследователи повседневности упускают. В статье впервые проводится изучение искусственно сложившейся группы населения целинных районов Оренбургской (Чкаловской) области в первом десятилетии их освоения во взаимосвязи демографических процессов и повседневности. Рассматриваются вопросы гендерных отношений, обусловленных несоразмерностью соотношения полов прибывших на целину, делаются выводы о возникших проблемах в социуме первоцелинников как следствии неверной демографической политики Государства. Анализируется национальный состав, характеризующий форму сосуществования разных национальных традиций на целинных территориях. Характеризуется уровень образования, который непосредственно связан с потребностями в уровне организации культурной жизни первоцелинников. Определяется связь между рождаемостью, смертностью, естественным приростом населения, половозрастным соотношением, миграцией населения с уровнем готовности материально-бытовых условий на

целине. Практически все демографические статистические показатели сравниваются с общесоветскими, что позволяет определить особенности демографических процессов на целине. Таким образом, делаются выводы о ранее не исследуемом влиянии демографических процессов на складывающуюся повседневность первоцелинников. Впервые определяется социальный портрет первоцелинника на базе комплекса исследованных демографических данных.

Особое место в статье уделено вопросам реэмигрантов из Китая, прибывших на освоение целинных и залежных земель. На основе архивных данных анализируется их гендерный, национальный составы, уровень образования, потребности и проблемы взаимоотношений с новоселами из других регионов. Проводится сравнительная характеристика демографических показателей реэмигрантов и первоцелинников из областей и республик СССР. Впервые делаются выводы об определяющей роли реэмигрантов в процессе формирования новой искусственной социальной группы на целине в первые несколько лет ее освоения.

Ключевые слова: демографические процессы, целина, социальный портрет, миграция.

O. Kuznetsova

EVERYDAY LIFE AND DEMOGRAPHIC PROCESSES IN VIRGIN LANDS OF ORENBURG REGION

The need for this research was caused by an attempt to determine deeper links between demography and everyday history, which are now being neglected by many researchers. The article studies the artificially formed population group of virgin lands of the Orenburg (Chkalov) region in the first decade of their development in the relationship of demographic processes and everyday life.

The research considers the issues of gender relations caused by the disproportion of the sex ratio of the newcomers to the virgin lands, concludes the problems in the society as a consequence of the wrong demographic policy of the state. The social structure characterizing the form of coexistence of different national traditions in virgin territories is analyzed.

The article characterizes the level of education, directly related to the needs of the level of organization of cultural life of the first ones who worked virgin land. The relationship between fertility, mortality, natural population growth, sex and age ratio, migration of the population with the level of readiness of material and living conditions in virgin lands is determined. Almost all demographic statistics are com-

pared with the average Soviet, which allows one to determine the characteristics of demographic processes in the virgin lands. Thus, the conclusions about the previously unexplored impact of demographic processes on the daily life of the first ones who worked on virgin land are made. For the first time, the social portrait of the newcomers to the virgin lands based on the investigated demographic data complex is defined.

The special place in the research is given to the issues of re-emigrants from China who came to develop virgin and disused lands. Based on archival data, their gender, ethnic composition, level of education, needs and problems of relations with new settlers from other regions are analyzed. The comparative characteristic of demographic indicators of re-emigrants and the newcomers to the virgin lands from the regions and republics of the USSR is carried out. Conclusions about the determining role of re-emigrants in the process of formation of a new artificial social group on virgin lands in the first few years of its development are made.

Key words: demographic processes, virgin lands, social portrait, migration.

Характеристика населения как элемент повседневной истории многие авторы нередко связывают с демографическими процессами. Например, Ю. А. Поляков выделяет историко-демографическое направление и историческую демографию, включающие в себя проблемы рождаемости, смертности, естественного прироста населения, проблемы брака, семьи, сексуальных отношений [25, с.128–129]. Но не все авторы считают изучение демографии элементом повседневной истории. Это связано во многом со сложностью определения понятия «повседневность» и сложностью выработки однозначных подходов к ее изучению [12].

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения демографических процессов, которые позволяют объяснить и раскрыть некоторые проблемные вопросы повседневности конкретной группы населения, такие как гендерные отношения, традиции семейных связей (отношение к браку вообще; число детей в семье; совместное или раздельное проживание старшего и младшего поколений, что определяет взаимоотношения между ними), национальный состав, характеризующий форму существования разных национальных традиций и т.д.

Но следует отметить, что демографические особенности изменения целинных территорий связаны непосредственно с государственными преобразованиями, начатыми в 1954 г. и известными в истории как освоение целины. Поставленная партией и правительством цель по освоению целинных и залежных земель была активно реализована посредством привлечения со всех уголков страны и из-за рубежа представителей различных слоев населения. Произошли значительные миграционные процессы, которые, несомненно, повлияли на медико-демографическую, социально-экономическую, бытовую и культурную среду в целинных районах.

Особенность экономико-социального состояния региона определяется уникальными первоначальными условиями освоения целины. Обширные степи востока области пустовали. Лишь изредка встречались сельские поселения осевших казахских и башкирских кочевников. После установления в начале 20-х гг. XX в. советского строя их образ жизни резко изменился. Не смотря на это, основой их экономического существования по-прежнему оставалось скотоводство, иногда – сельское хозяйство. Здесь в приоритете сокрашивались обычаи традиционной мусульманской провинции, где главную роль играли клановость и родовые связи. Все это вписывалось в мир совет-

ского общества, с его системами государственных учреждений и организаций.

Серьезное изменение политической и экономической жизни этого региона стало возможным только в 1954 г., когда Н. С. Хрущев начал свою первую крупную авантюру в сельском хозяйстве страны – освоение целинных и залежных земель. Целью этой кампании стало как оправданная необходимость увеличения производства зерна в стране, так и попытка демонстрации возможностей СССР в соревновании с европейскими передовыми державами, в том числе и в сельском хозяйстве. В своих воспоминаниях Н. С. Хрущев писал, что перед ним сразу встал вопрос о предварительной необходимости создания инфраструктуры, но помешало этому высокая потребность производства зерна в стране [15, с. 98]. Чтобы выйти из этой ситуации, Н. С. Хрущев инициировал параллельное создание целинной инфраструктуры и распашку земель. Все это стало основанием для решения повседневных и бытовых вопросов жизни новоселов по остаточному принципу.

Серьезные преобразования в укладе и экономике области начались с первых дней пребывания сюда новоселов. Районами освоения целинных и залежных земель стали: Адамовский, Домбаровский, Тепловский (Первомайский), Кваркенский, Буртинский, Новоорский, Соль-Илецкий, Ташлинский, Акбулакский, Илекский. Здесь были сформированы новые и переведены в формат целинных старые совхозы. В этих районах было освоено в исследуемый период 1,8 млн га или 11 % от общих освоенных целинных земель в РСФСР.

Руководство страны понимало, что проще и лучше всего сложные условия воспримет молодежь, поэтому именно на нее и была сделана ставка. В помощь были призваны средства массовой информации, которыми возможные бытовые трудности подавали как романтика новых мест [15, с. 98].

Исходя из вышесказанного, нами была поставлена следующая задача исследования – на основе подробного анализа проблем повседневной жизни и демографической ситуации среди населения целинных земель реконструировать социальный портрет первоцелинника.

Одним из важнейших показателей, отражающих, в том числе и миграционные процессы в целинных районах в связи со значительной культурно-бытовой неустроенностью и природно-климатическими особенностями территории, следует назвать динамику численности населения на целине (см. таблицу 1).

Таблица 1

Численность населения целинных районов Оренбургской (Чкаловской) области (1954–1965 гг.)
(на 1 января каждого года, в тыс. чел.) [23, с.11; 21, с. 23; 3]

Районы	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1960 г.	1965 г.
Адамовский	20,8	23,9	32	39,9	34
Акбулакский	31,2	32,2	34,2	31,6	35,8
Буртинский	16,4	16,1	17,6	28,2	--

Домбаровский	15,8	16,2	17,9	21,6	26,9
Илекский	19,9	19	20,9	22	39,6
Кваркенский	22,6	24,5	25,6	26,2	31,4
Ново-Орский	30,8	28,1	32,7	33,3	---
Соль-Илецкий	35,2	34,8	35,5	49,9	33,5
Ташлинский	18,3	17,3	18,4	18	29,6
Тепловский (Первомайский)	22	21,3	24,2	25,6	30,9
Итого	233	233,4	259	296,3	261,7

В представленной таблице показано изменение численности населения целинных районов Оренбургской (Чкаловской) области. Из представленных данных можно сделать вывод о стабильном увеличении населения в указанных районах с 1955 по 1960 гг. К 1965 г., по отношению к данным пятилетней давности, происходит некоторое снижение численности населения почти до уровня показателей 1956 г. Обращаясь к каждому району отдельно, видно, что показатели не так однозначны. В год начала освоения целины численность населения каждого района определялась от 15,8 до 35,2 тыс. человек. Уже через год приток населения наблюдается только в 4 районах: в Адамовском, Кваркенском, Акбулакском, Домбаровском в среднем на 500–2000 человек. В других районах наблюдается отток населения. Все это следует связывать с серьезной неустроенностью материально-бытового и культурного характера. Наибольший приток населения наблюдается в Адамовском и Кваркенском районах. Связывать это следует с площадью освоения целины. Даже при условии высокой миграции кадров численность прибывающих перекрывала выезжающих с целины. Уже с 1956 г. и до середины 60-х годов, численность населения целинных

районов стабильно росла практически во всех целинных районах. Резко повышается численность уже 1960 году. Причиной этому стало создание минимальных повседневно-бытовых условий жизни на целине.

Но если мы обратимся к численному составу рабочих целинных совхозов, занятых в основном производстве зерна и хлеба в области, то он будет меняться в обратном отношении – уменьшаться, в среднем на 200–500 человек с 1955 по 1962, учитывая, что общая численность рабочих совхозов, например, по Адамовскому району, от 500 до 1300 человек. Это позволяет отметить значительную текучесть кадров на целине в связи с элементарной неустроенностью повседневной жизни [5, л. 29; 9, л. 49].

Несмотря на то, что текучесть населения – достаточно высока, ситуация с естественным движением населения, включающим рождаемость, смертность и естественный прирост, особенно по сравнению с общесоюзовыми показателями, характеризуется как вполне устойчивая вплоть до рубежа 1950-х – 1960-х годов. Данную тенденцию можно наблюдать в следующей таблице (см. таблицу 2).

Таблица 2
Рождаемость, смертность, естественный прирост населения по Оренбургской (Чкаловской) области
[22, с. 45, 162; 18, с.133; 22, с. 194; 10, с. 142; 33, с. 88; 19, с.127]

Годы	На 1000 человек населения					
	Число родившихся		Число умерших		Естественный прирост	
	По СССР	По области	По СССР	По области	По СССР	По области
1950	26,7	27	9,7	9	17	18
1954	26,6	29	8,9	9	17,7	20
1955	25,7	28	8,2	8	17,5	20
1956	25,2	26	7,6	7	17,6	19
1958	25,3	28,3	7,2	7,9	18,1	18,9
1959	25	28	7,6	8	17,4	20
1960	24,9	27,7	7,1	7,2	17,8	20,5
1961	23,8	27	7,2	7	16,6	20
1962	22,4	25	7,5	7	14,9	18
1963	21,1	22,8	7,2	7,6	13,9	12,3
1964	19,5	20,4	6,9	7,2	12,6	10,9
1965	18,4	18,6	7,3	7	11,1	11,6

Ни в архивах, ни в статистических сборниках не сохранилось точных и полных данных о рождаемости, смертности и естественном приросте населения исключительно по целинным районам. Такая ситуация связана с тем, что расчетов в районном разрезе вплоть до 1965 г. статистическими службами не проводилось. Поэтому мы вынуждены характеризовать ситуацию в целом по Оренбургской (Чкаловской) области в расчете на 1000 человек.

Тенденции, характерные для демографических процессов в стране, не всегда повторяются и в Оренбургской (Чкаловской) области. В частности, во второй половине 1950-х годов как в стране, так и в области наблюдается довольно высокий уровень рождаемости. По сравнению с общесоюзными показателями рождаемость в Чкаловской области значительно выше на 1,5–3 единицы. Подобные показатели характерны и для начала 1950-х гг. в нашей области. Такую динамику можно связать лишь с началом освоения целинных земель и притоком населения в восточные районы области даже на фоне значительной возвратной миграции. Во второй половине 1950-х годов рождаемость по СССР постепенно падает в среднем на 1–1,5 единицы, в Чкаловской же области развивается скачкообразно от 28 человек на 1000 населения в 1955 г. до 26 – в 1956 и вновь до 28,3 в 1957 г., оставаясь выше общесоюзных показателей на 1–2 единицы. При столь высокой рождаемости показатели смертности в области превышают общесоюзные лишь в 50 % и, не имея стабильной тенденции к повышению или понижению, незначительно колеблются на 1–2 единицы.

С начала 1960-х происходит постепенный спад рождаемости: к 1965 году, по сравнению с 1954, с 29 человек до 18,6, то есть более чем на 10 единиц. Смертность, при некоторых колебаниях во второй половине 1950-х, оставалась с практическими неизменными показателями, в районе 7–7,5 человек на 1000. Естественный прирост населения, снижаясь до 1959 года, самый высо-

кий показатель имел в 1960 году, что совпадает с самым высоким скачком в численности населения по целинным районам. Одновременно резкое снижение рождаемости к 1965 году совпадает со стабильным ростом населения на целине.

Здесь важно сказать и о половой проблеме, которая совершенно не учитывалась при формировании новых целинных совхозов. На первом месте, по воспоминаниям Н. С. Хрущева, стоял вопрос увеличения производства зерна за короткий промежуток времени, на втором – материально-культурное обустройство новоселов, место соотношения полов и их пропорций на целине вообще не оговаривалось [15, с. 98].

Следует проследить половозрастной состав в рамках демографической характеристики целинных районов Оренбургской (Чкаловской) области. Анализ этих демографических данных особенно показал, что именно дисгармония соотношения полов была острой проблемой внутри коллективных отношений, складывающихся в новых целинных совхозах.

К 1955 г. мужчин в возрасте от 18 до 54 лет стабильно больше женщин почти на 17,5 %, в Адамовском, на 21 % в Домбаровском, на 30 % в Кваркенском, на 22,4 % в Ново-Орском районе [4, л. 19].

При этом демографически процент мужчин значительно больше женщин в возрастной группе от 0 до 20–24 лет [20, с. 629]. Со временем происходит численное выравнивание по половому признаку, а затем и вовсе уменьшение численности мужского населения. По данным переписи 1959 года в Адамовском, Домбаровском, Кваркенском и Ново-Орском районах наиболее многочисленная часть населения, прибывшую на целину, составляет группа от 18 до 30 лет, где мужчин стабильно больше женщин [8, л. 51, 128, 142, 191].

Но если проанализировать соотношение мужчин и женщин по сельсоветам целинных районов на 1 января 1960 г., то получится несколько иная картина (см. таблицу 3).

Таблица 3

Половая характеристика сельского населения по сельсоветам целинных районов на 1.01.1960 г. [6, л. 50, 127, 141, 190]

Назв. сельсоветов	Адамовский		Назв. сельсоветов	Ново-Орский	
	Муж. (чел.)	Жен. (чел.)		Муж. (чел.)	Жен. (чел.)
Аниховский	1145	1202	Будамшинский	829	900
Брацлавский	907	958	Ириклинский	423	915
Буруктальский	469	420	Кировский	1167	425
Восточный	634	610	Колпаковский	1194	1282
Елизаветинский	665	748	Кумакский	2275	1339
Киандинский	501	514	Им. М. Горького	1371	2639
Комсомольский	758	764	Ново-Орский	4069	1560
Озерный	996	910	Итого	11328 (55,6%)	9060 (44,4%)
Теренсайский	2814	2903	Всего	20388	
Тобольский	740	803			

Таналыкский	425	487			
Шильдинский	1815	2010			
Всего	11869 (49%)	12329 (51%)			
Итого	24198				
Название сельсоветов	Кваркенский (чел.)		Название сельсоветов	Домбаровский (чел.)	
	Муж.	Жен.		Муж.	Жен.
Аландский	677	781	Аккарский	942	979
Кваркенский	1193	1383	Ащебутакский	1038	1082
Кировский	1182	1929	Домбаровский	1001	1058
Кульминский	1301	1359	Еленовский	1234	1233
Уральский	797	846	Красночабанский	619	635
Всего	5150 (45%)	6296 (55%)	Полевой	738	675
Итого	11446		Всего	5572 (50%)	5662 (50%)
			Итого	11234	

Из таблицы видно, что мужчин больше, чем женщин в Адамовском районе в 3 из 12 сельсоветах (Буруктальский, Восточный и Озерный); в Ново-Орском районе в 3 из 7 – Кировском, Кумакском, Ново-Орском; в Кваркенском – нет; в Домбаровском – в 2 из 6 (Еленовский и Полевой сельсоветы). Превышение в целом незначительное – 15–100 человек, за исключением Ново-Орского района, где мужчин больше чем женщин в среднем 740–2500 человек или на 10 %. Все это говорит в пользу полового уравнивания населения целинных районов к рубежу 1950-х 1960-х гг.

В связи с анализом половозрастного состава следует выделить в общей совокупности первоцелинников особую группу вновь прибывших – реэмигранты из Китая. По данным архивов в пер-

вый год освоения целины их прибыло 5073 человека. В то время по внутреннему набору на 31 июля 1954 г., приехало 3212 человек [29, л. 10], из чего можно сделать вывод, что именно реэмигрантов было в 1,5 раза больше на целине, чем всех других категорий, значит из социальный, национальный, половозрастной состав будет определять многие показатели в первый год освоения целины.

В ЦДНИОО сохранились анкеты и автобиографии на реэмигрантов из Китая, прибывших на освоение целинных и залежных земель в Чкаловскую область в мае–июне 1954 года [32]. Анализ производился по формуле бесповторного отбора А. М. Меркова [16, с. 215] (см. таблицу 4).

Таблица 4

Половозрастной состав реэмигрантов из Китая на 1954 год [32]

Возраст	Пол		
	Муж.	Жен.	Всего
от 16 до 18 лет	1,6 %	3,8 %	5,4%
18-20	4,6 %	4,2 %	8,8%
21-30	17,8 %	17,8 %	35,6%
31-40	8,2 %	7 %	15,2%
41-50	3,8 %	9,4 %	13,2%
51-60	6,4 %	8 %	14,4%
61-70	3,6 %	2,6 %	6,2%
71-80	0,6 %	0,4 %	1%
81-90	-	0,2 %	0,2%
Всего	46,60%	53,40%	100%

В целом в 1954 году на целину земель в Оренбургскую (Чкаловскую) область прибыло мужчин и женщин в возрасте 18–30 лет больше, чем в других возрастных группах (44,4 %), при этом количество мужчин в этих возрастных группах

превышало женскую часть лишь на 0,4 %, что позволило как-тонейтрализовать половое соотношение. Но при высокой текучести, в том числе и среди реэмигрантов, не нашедших главным образом применения своим специальностям на

целине, данное равновесие было очень хрупким. Одновременно нельзя говорить, что большинство были представители второго поколения (возрастная группа от 16 до 30 лет), так как процент ре-эмигрантов в общей совокупности возрастных групп от 31 года до 90 лет (50,2 %) составляет чуть более половины.

В повседневном плане данные характеристики всей совокупности первоцелинников в начале изучаемого периода говорят о насущной проблеме нехватки женской части населения, что становилось причиной обострения отношений на повседневно-бытовом уровне. Наложение на соотношение полов на целине материально-культурной неустроенности фактически делало повседневную жизнь крайне сложной.

К рубежу 60-х годов наблюдается установление баланса полов, что значительно нормализует обстановку. Но полностью остроту снять не удалось, и данная проблема оставалась еще актуальной в четвертой части всех целинных районов.

В 1961 году на совещании передовиков Н. С. Хрущевым было объявлено, «что теперь наступает новый, второй этап освоения целинных земель... Районы целины стали крупным центром производства товарного хлеба, теперь их надо превратить также и в крупный центр производства мяса, молока, шерсти» [28, с. 211]. Так как создание мя-

сомолочной продукции требует больше затраты женского труда, то в целинные районы, в том числе Оренбургской области, для работы стали требоваться женщины, а не мужчины, как это было в 1954 году. В результате ситуация в соотношении полов несколько меняется. Судить об этом можно на основе данных об удельном весе женщин в численности рабочих и служащих по совхозам Оренбургской области. В 1960 году по сравнению с 1965 годом их процент увеличился с 30 % до 32 %, что может косвенно свидетельствовать об увеличении численности женского населения в целинных районах [23, с. 152; 21, с. 372].

Важными показателями, на наш взгляд, являются характеристики национального состава населения, так как часто на повседневно-бытовом уровне национальная принадлежность определяет поведение, приоритеты интересов, выбор круга друзей и знакомых, семейные и религиозные традиции.

Анализируя национальный состав Оренбургской (Чкаловской) области, можно утверждать, что русское население значительно преобладает над всеми другими национальными группами населения в целинных районах. Исключение составляет только Домбаровский район, где казахов больше (см. таблицу 5).

Таблица 5

Национальный и половой составы сельского населения целинных районов Оренбургской области на 1.01.1960. [7, л. 54, 134, 145, 194]

	Адамовский		Домбаровский		Кваркенский		Ново-Орский	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Все население	14733	15232	5572	5662	8574	9662	13925	15249
Русские	7430	7404	1767	1698	6229	7246	8675	9787
Итого	14834		3465		13475		28249	
Украинцы	1779	2158	1094	1193	357	340	713	792
Итого	3937		2287		697		1505	
Казахи	3845	4173	2275	2379	904	951	2942	3058
Итого	8018		4654		1855		6000	
Башкиры	100	83	19	12	259	289	229	312
Итого	183		31		548		541	
Мордва	501	513	55	70	407	423	202	235
Итого	1114		125		830		437	
Татары	481	479	123	94	171	150	791	857
Итого	960		217		321		1648	
Прочие	597	422	238	216	247	263	368	208

Во всех без исключения районах в общих показателях идет преобладание женской части населения. В Адамовском, Кваркенском и Ново-Орском районах по численности, как видно из таблицы, больше всего казахов среди других национальностей, за исключением русского населения, которое составляло соответственно по районам – 26,8 %, 10,2 % и 20,6 %. Только в Дом-

баровском районе казахского населения было больше русского почти на 11 %. На третьем месте в национальном составе стоят украинцы, которых больше всего в Адамовском и Домбаровском районах.

Сравнение этих данных с данными более ранних периодов не представляется возможным в связи с отсутствием материала по национально-

му составу позднее, чем перепись 1939 года. А так как специальных данных по национальному соотношению не существует, есть лишь отдельные свидетельства о соотношении национальностей в целинных районах. В частности, по Адамовскому району в информации уполномоченного по делам православной церкви и религиозных культов за ноябрь 1955 года упоминалось, что «в районе по национальному населению – русские и украинцы, и 40 % казахов» [30, л. 6]. Значит, тенденции в соотношении национальностей в 1955 и 1960 годах совпадают по данному району. Примерно та же ситуация и в других районах, что косвенно подтверждается анализом национального состава по целинным районам за 1970 год [11, с. 86–87]. Здесь можно выявить тенденцию сохранения доминирования русского населения, включая теперь и Домбаровский район, где русское население стало превышать казахское, хотя и незначительно. Изменяются лишь количественные суммарные показатели в сторону значительного увеличения.

Несмотря на то, что по национальному составу значительный процент относится к казахскому населению, в качестве высококвалифицированных рабочих, получивших высшее или среднее специальное образование, последние значительно отстают [24, с. 101].

Рост специалистов с высшим и средним образованием в сельском хозяйстве области с 1956 по 1965 год очень незначительный. В 1956 г. специалистов с высшим образованием в сельском хозяйстве Оренбургской (Чкаловской) области было не более 4 % от их общего числа. Причем с 1956 г. по 1965 г. показатели снижаются до 3,5 %. Среднее и специальное образование преобладало в 1956 г. в 2–3 раза чаще, чем высшее. К 1965 г. агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей и лесоводов стало меньше на 1,5 %, в то время как число техников возросло на 9,5 % [24, с. 100]. Такое соотношение свидетельствует о том, что большая, определяющая часть специалистов в сельском хозяйстве области, а значит и в целинных совхозах, имели уровень подготовки ниже среднего образования и часто, как подтверждают документы, заканчивали 3,5-месячные курсы училищ механизации сельского хозяйства, где получали специальность трактористов, комбайнеров и бригадиров тракторных бригад [29, л. 28].

О неодинаковом образовательном уровне сельчан и стремлении к получению образования можно судить по данным переписей населения 1959 и 1970 года, где легко просмотреть тенденцию получения образования сельским населением области, так как данные представлены в расчете на 1000 человек населения [11, с. 71].

К 1970 году значительно повысился интерес к получению высшего образования, и его увеличение произошло на 38,5 %. Среднеспециальное образование в 1970 году получили на 10 % больше человек, чем в 1959 г. Но это незначительные показатели, тем более что на 1000 человек приходится даже менее 10 получивших высшее и среднеспециальное образование. Наибольшее уве-

личение, исчисляемое в сотнях, наблюдается в рамках получения среднего общего образования.

Такие данные дают основание для суждения о сохранении тенденции к середине 60-х годов. То есть особенного стремления к получению высшего и среднеспециального образования сельское население не имело, тем более что основная рабочая нагрузка трактористов, комбайнеров и бригадиров не требовала большой профессиональной подготовки.

Образовательный уровень населения совхозов свидетельствует о культурном уровне целинников, определявшем приоритет интересов и качество проведения, например, свободного времени в повседневной жизни.

Странить образовательный уровень реэмигрантов из Китая и прибывших на освоение целинных и залежных земель в Чкаловскую область первоцелинников по межобластному и внутриобластному направлению. По нашим подсчетам 65,8 % прибывших реэмигрантов имело среднее и незаконченное среднее образование и по своему происхождению 63 % от общего числа прибывших относились к крестьянству. Среднеспециальную подготовку имели 16,7 %, и 6,4 % были высококвалифицированными специалистами [32].

Если сравнить эти показатели с данными о прибывших на целину в 1954 году, то из 3212 человек, направленных в 69 МТС области, только 1,7 % имели высшее образование, что более чем в 3,5 раза меньше, чем у реэмигрантов [29, л. 10].

По социальным характеристикам первоцелинников нами была предпринята попытка составления их социального портрета.

Исходя из предшествующего исследования, всех первоцелинников следует разделить на следующие социальные категории: рабочие промышленных предприятий, колхозники, реэмигранты из Китая, мобилизованные воины и заключенные по административным делам, рабочие совхозов. Среди всех перечисленных категорий самую многочисленную часть вновь прибывших в 1954–1957 гг. на целину составляли промышленные рабочие в возрасте от 18 до 24 лет (от общей численности прибывших их доля по стране равнялась 54,4 %) [1, с. 128–129, 228]. Рабочие колхозов и совхоз чаще прибывали на целину в качестве руководящих кадров. Особенно увеличился приток колхозников после преобразования экономически слабых колхозов в совхозы и концу 1958 г. по стране процент колхозников уже составлял 30% от общей численности рабочих совхозов [1, с. 229]. Пик прибытия новоселов на целину – рубеж 1950–1960-х гг.

Так как совхозы – государственные предприятия, то общие тенденции кадровой наполняемости по всей стране будут схожи, в том числе и в Оренбургской (Чкаловской) области.

Отдельно следует охарактеризовать социальный портрет реэмигрантов из Китая. Большая часть из них, судя по автобиографиям, родилась в крестьянских семьях – 63 %, но более 65 % из возрастной группы от 16 до 40 лет и с детства жили и воспитывались в городе. Их городской

образ жизни выделялся высоким уровнем культуры [13, с. 84; 2, 14; 26]. Естественно, что культурно-массовая организация досуга на целине никак не могла соответствовать их запросам.

По национальному составу реэмигранты из Китая в абсолютном большинстве – русские. Более 60 % реэмигрантов имели среднее образование, остальные – среднеспециальное и незаконченное среднеспециальное, высшим образование было у единиц – 6,5 % [32], но это не мешало им еще в эмиграции заниматься преподаванием, журналистикой и офисной работой [27, с. 19]. Многие реэмигранты получили в домашнем воспитании, сохранившем традиции дореволюционного российского образования. Эта рафинированность не позволила им прижиться на целине и, хотя из общей численности вновь прибывших, реэмигранты в первый год превышали все другие категории первоцелинников, почти все они покинули целину в короткий промежуток времени по причине невозможности применения своей профессии [30, л. 28].

В результате анализа демографических изменений населения целинных районов Оренбургской (Чкаловской) области мы пришли к следующим выводам:

– динамика численного состава целинных районов на протяжении всего изучаемого периода характеризуется неодинаковыми показателями. Следует отметить миграционные процессы, свидетельствующие о невнимании к бытовым проблемам целинников. А в некоторых районах отмечено даже стабильное падение численности населения;

– анализ половозрастного состава в начале изучаемого периода говорит о насущной проблеме нехватки женской части населения, выливающейся в обострение на повседневном уровне отношений внутри мужской части и становящейся причиной отъезда с целины. К рубежу 50-х–60-х годов происходит некотороеовое выравнивание, несмотря на то, что проблема нехватки жен-

ской части населения остается актуальной еще в $\frac{1}{4}$ целинных сельсоветов и разрешается только к концу изучаемого периода;

– национальный состав населения целинных районов, определяющий во многом поведение, привычки, традиции в семейной и бытовой сферах, характеризуется доминированием русского населения, но с большим процентом казахского. Особенной динамики в изменении соотношений национальностей на целине за изучаемый период не произошло, что дает возможность говорить о стабильности национального состава целинных районов;

– рождаемость, смертность и естественный прирост населения в целом повторяют общесоюзные тенденции, но характеризуются более высокими показателями по рождаемости и естественному приросту и незначительными колебаниями по смертности во второй половине 1950-х годов. Падение рождаемости в первой половине 1960-х годов и увеличение продолжительности жизни населения свидетельствует о старении населения в целом, что объясняет многие особенности межличностных и семейных отношений в повседневной жизни;

– попытка анализа образовательного уровня первоцелинников Оренбургской (Чкаловской) области выявил отсутствие среди них стремления к получению высшего и среднеспециального образования, что объясняется отсутствием необходимости большого числа высококвалифицированных специалистов в целинных совхозах;

– формирование социального портрета первоцелинников показала, что большая часть из прибывших в 1954 г. – молодежь, в том числе и реэмигранты из Китая. Уровень образования первоцелинников с территории Советского Союза был невысоким, в основном приезжали для овладения новой сельскохозяйственной профессией. Исключение составляли реэмигранты, имеющие высшее образование в 3,5 раза чаще прочих категорий первоцелинников.

Источники и литература

1. Богденко М.Л. Совхозы СССР (1951–1958 гг.). М.: Наука, 1972. 376 с.
2. Глухих Д. Штрихи театральной жизни русского Харбина // Проблемы Дальнего Востока. 1995. №4. С. 129–138.
3. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф.Р-1003. Оп.10. Д.148. Л.167; Д.125. Л.128. Д.104. Л.14.
4. ГАОО. Ф.Р-1003. Оп.10. Д.125.
5. ГАОО. Ф.Р-1003. Оп.10. Д.148.
6. ГАОО. Ф.Р-1003. Оп.16. Д.33.
7. ГАОО. Ф.Р-1003. Оп.16. Д.33.
8. ГАОО. Ф.Р-1003. Оп.16. Д.33.
9. ГАОО. Ф.Р-1465. Оп. 6. Д.1449.
10. Женщины и дети в СССР: стат. сб. М.: Статистика, 1969. 207 с.
11. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Пол, возраст, состояние в браке, уровень образования, национальность, родной язык, источники существования. Оренбург: Статуправление Оренбургской области ЦСУ РСФСР, 1972. 104 с.
12. Кузнецова О. В. История повседневности на локальном уровне: подходы и трудности // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 21. С. 128–133.
13. Маркизов Л. Киноконцертная жизнь в русском Харбине // Проблемы Дальнего Востока. 1996. №4. С. 82–91.
14. Мелихов Г. В. Ф. И. Шаляпин в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1991. №1. С.148–156; 1991. №2. С. 140–156.
15. Мемуары Н. С. Хрущева // Вопросы истории. 1994. №12. С. 91–113.
16. Мерков А. М. Демографическая статистика. М.: Медицина, 1965. 215 с.

17. Народное хозяйство РСФСР в 1964 г.: стат. ежегодник. М.: Статистика, 1965. 576 с.
18. Народное хозяйство Чкаловской области: стат. сб.. Чкалов: Чкаловское книж. изд-во, 1957. 139 с.
19. Население СССР. 1987: стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1988. 439 с.
20. Население СССР. 1988: стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1989. 639 с.
21. Оренбургская область в цифрах: ст. сб. Оренбург: Статуправление Оренбургской области, 1966. 465 с.
22. Оренбургская область в цифрах. 1934–1973 гг.: стат. сб. / под ред. О.М. Туля. Челябинск: Южно-Уральское книж. изд-во, 1974. 244 с.
23. Оренбургская область за 25 лет: ст. сб. Оренбург: Оренбургское книж. изд-во, 1960. 203 с.
24. Оренбургская область за 50 лет Советской власти: стат. сб. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1967.138 с.
25. Поляков Ю. А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. 2000. №3. С.128–129.
26. Русский Харбин: сб. воспоминаний. М.: МГУ, 1998. 272 с.
27. Смирнов С. В. Эмигранты в Северной Маньчжурии (нач. 1920-х–1945-х гг.): проблемы социальной адаптации: автограф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. 24 с.
28. Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т.5. М.: Госполитиздат, 1963. 494 с.
29. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее – ЦДНИОО). Ф.371. Оп.17. Д.1965.
30. ЦДНИОО. Ф.371. Оп.17. Д.2010.
31. ЦДНИОО. Ф.371. Оп.18. Д.1143.
32. ЦДНИОО. Ф.8003. Оп.2. Д.1. 88л.; Д.2. 170л.; Д.3. 164л.; Д.4. 196л.; Д.5. 182л.; Д.6. 190л.; Д.7. 292л.; Д.8. 98л.; Д.9. 229л.
33. Шелестов Д. Взрыв или катастрофа? // Родина. 1999. №10. С.86 – 92.

References

1. Bogdenko M. L. Sovhozy SSSR (1951–1958 gg.) (*State farms of the USSR (1951–1958)*). Moscow: Nauka, 1972. 376 p. (In Russian).
2. Gluhih D. Shetrihi teatral'noj zhizni russkogo Harbina (*Touches of the theatrical life of the Russian Harbin*) // Problemy Dal'nego Vostoka. 1995. No.4. P.129–138. (In Russian).
3. Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti (GAOO). F.R-1003. Inv.10. D.148. L.167; D.125. L.128; D.104. L.14. (In Russian).
4. GAOO. F.R-1003. Inv.10. D.125. (In Russian).
5. GAOO. F.R-1003. Inv.10. D.148. (In Russian).
6. GAOO. F.R-1003. Inv.16. D.33. (In Russian).
7. GAOO. F.R-1003. Inv.16. D.33. (In Russian).
8. GAOO. F.R-1003. Inv.16. D.33. (In Russian).
9. GAOO. F.R-1465. Inv. 6. D.1449. (In Russian).
10. Zhenshhiny i deti v SSSR: stat. sb. (*Women and children in the USSR: statistical compendium*). Moscow: Statistika, 1969. 207 p. (In Russian).
11. Itogi Vsesojuznoj perepisi naselenija 1970 goda. Pol, vozrast, sostojanie v brake, uroven' obrazovanija, nacional'nost', rodnoj jazyk, istochniki sushhestvovanija (*The results of the all-Union census of 1970. Gender, age, marital status, level of education, nationality, mother tongue, sources of livelihood*). Orenburg: Statupravlenie Orenburgskoj oblasti CSU RSFSR, 1972. 104 p. (In Russian).
12. Kuznecova O. V. Istorija povsednevnosti na lokal'nom urovne: podhody i trudnosti (*The history of everyday life at the local level: approaches and difficulties*) // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. No.21. P.128–133. (In Russian).
13. Markizov L. Kinokoncertnaja zhizn' v russkom Harbine (*Cinema and concert life in Russian Harbin*) // Problemy Dal'nego Vostoka. 1996. No.4. P.82–91. (In Russian).
14. Melihov G. V. F. I. Shaljapin v Kitae (*F.I. Chaliapin in China*) // Problemy Dal'nego Vostoka. 1991. No.1. P.148–156; 1991. No.2. P.140–156. (In Russian).
15. Memuary N. S. Hrushcheva (*Memoirs N. S. Khrushchev*) // Voprosy istorii. 1994. No.12. P.91–113. (In Russian).
16. Merkov A. M. Demograficheskaja statistika (*Demographic statistics*). Moscow: Medicina, 1965. 215 p. (In Russian).
17. Narodnoe hozjajstvo RSFSR v 1964g.: stat. ezhegodnik. (*National economy of the RSFSR in 1964.: statistical yearbook*). Moscow: Statistika, 1965. 576 p. (In Russian).
18. Narodnoe hozjajstvo Chkalovskoj oblasti: stat. sb.. (*National economy of Chkalov region: statistical collection*). Chkalov: Chkalovskoe knizh. izd-vo, 1957. 139 p. (In Russian).
19. Naselenie SSSR. 1987: stat. sb. (*The population of the USSR. 1987: statistical compendium*). Moscow: Finansy i statistika, 1988. 439 p. (In Russian).
20. Naselenie SSSR, 1988: stat. ezhegodnik (*The population of the USSR, 1988: stat. yearbook*) / Goskomstat SSSR. Moscow: Finansy i statistika, 1989. 639 p. (In Russian).
21. Orenburgskaja oblast' v cifrah: st. sb. (*Orenburg region in numbers: statistical collection*). Orenburg: Statupravlenie Orenburgskoj oblasti, 1966. 465 p. (In Russian).
22. Orenburgskaja oblast' v cifrah. 1934–1973 gg.: stat. sb. (*Orenburg region in numbers. 1934-1973.: statistical collection*) / ed by O. M. Tulja. Cheljabinsk: Juzhno-Ural'skoe knizh. izd-vo, 1974. 244 p. (In Russian).
23. Orenburgskaja oblast' za 25 let: st. sb. (*Orenburg region over 25 years: statistical collection*). Orenburg: Orenburgskoe knizh. izd-vo, 1960. 203 p. (In Russian).

24. Orenburgskaja oblast' za 50 let Sovetskoj vlasti: stat. sb. (*Orenburg region for 50 years of Soviet power: statistical collection*). Cheljabinsk: Juzhno-Ural'skoe knizhnoe izd-vo, 1967. 138 p. (In Russian).
25. Poljakov Ju. A. Chelovek v povsednevnosti (istoricheskie aspekty) (*Man in everyday life (historical aspects)*) // Otechestvennaja istorija. 2000. No.3. P. 128–129. (In Russian).
26. Russkij Harbin: sb. vospominanij. (*Russian Harbin: a collection of memories*). Moscow: MSU publ., 1998. 272 p. (In Russian).
27. Smirnov S. V. Jemigranty v Severnoj Man'chzherii (nach. 1920-h–1945-h gg.): problemy social'noj adaptacii: abstract of thesis. (*Emigrants in Northern Manchuria (early 1920s–1945's): problems of social adaptation: thesis abstract of candidate of historical Sciences*). Ekaterinburg, 2002. 24 p. (In Russian).
28. Hrushhev N. S. Stroitel'stvo kommunizma v SSSR i razvitiye sel'skogo hozjajstva (*Construction of communism in the USSR and the development of agriculture*). Vol. 5. Moscow: Gospolitizdat, 1963. 494 p. (In Russian).
29. Centr dokumentacii novejshej istorii Orenburgskoj oblasti (CDNIOO). F. 371. Inv. 17. D. 1965. (In Russian).
30. CDNIOO. F.371. Inv.17. D.2010. (In Russian).
31. CDNIOO. F.371. Inv.18. D.1143. (In Russian).
32. CDNIOO. F.8003. Op.2. D.1. 88l.; D.2. 170l.; D.3. 164l.; D.4. 196l.; D.5. 182l.; D.6. 190l.; D.7. 292l.; D.8. 98l.; D.9. 229l. (In Russian).
33. Shelestov D. Vzryv ili katastrofa? (*Explosion or disaster?*) / D. Shelestov, V. Minaev // Rodina. 1999. No.10. P.86–92. (In Russian).

Информация об авторе

Кузнецова Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент отделения экономики, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин филиала Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина (Оренбург) / olgavk1983@mail.ru

Information about the author

Kuznecova Ol'ga – PhD in History, Associate Professor, Department of Economy, Humanities and Natural Science, Russian State University of Oil and Gas named after I. Gubkin (the branch in Orenburg) / olgavk1983@mail.ru

УДК 364.054 : 930.253 (470.6) "18-19"

П. Г. Немашкалов

РОЛЬ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ В РАЗВИТИИ КАВКАЗСКОЙ ЕПАРХИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

В статье впервые на основе широкого круга архивных источников, вводимых в научный оборот, воссоздана история основания Крестовоздвиженской церкви Кавказского архиерейского дома и её роль в период становления самостоятельной Кавказской епархии. Актуальность данной темы связана с тем, что строительство данного храма совпало с одним из сложных и тяжелых этапов в развитии самой епархии. Все трудности, с которыми столкнулась Кавказская епархия в условиях Северо-Кавказской действительности, нашли отражение при устройстве данного храма. В сложившейся ситуации с имеющимися монастырями в пределах Кавказской епархии, которые в силу объективных условий не могли принимать на епитимии послушников из среды духовенства, они определялись к Архиерейскому дому и проходили возлагаемые послушания при Крестовоздвиженском храме. Имея высокий административный епархиальный статус, являясь образцовым епископским храмом, Крестовоздвиженская церковь оказывала большое влияние на развитие приходской жизни и эволюцию церковной культуры на Северном Кавказе.

В церковных приходах епархиальные власти довольно часто мирились с тем, что в сельской приходской жизни высокие требования православного канона редко исполнялись в полной мере не только прихожа-

нами, но и церковным клиром. Особое внимание церковные власти уделяли разного рода происшествиям, в которых погрязали делопроизводство консистории и в отношении которых принимались строгие меры. Определенную роль в решении текущих вопросов на местах отводилась благочинным, но окончательное решение по ним принималось епархиальной консисторией.

В результате начавшихся масштабных преобразований во всех областях церковной жизни Кавказской епархии возникла конфликтная ситуация вокруг церковной жизни в регионе и казачьих вольностей. Не приемля компромиссных решений, епископ Иеремия (Соловьев) был втянут в эксперимент государства по утверждению единоверческой церкви в регионе, поводом к которому послужила жалоба гребенских казаков. Результатом данного конфликта стал раздел Кавказской епархии, и как покажет в дальнейшем история, он будет неудачным, что послужит поводом к её объединению и пересмотру государством церковной политики на Северном Кавказе. Однако упущенные возможности нормализации церковной жизни в приходах епархии на данном этапе её развития не смогут быть восполнены в последующем периоде её развития.

Ключевые слова: история РПЦ, Кавказская епархия, Кавказский архиерейский дом, Крестовоздвиженская церковь.

P. Nemashkalov

THE ROLE OF THE HOLY CROSS CHURCH IN THE DEVELOPMENT OF THE CAUCASIAN DIOCESE IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY

For the first time the article, with the reference to a wide range of archival sources, introduces into scientific circulation the history of the foundation of the Holy Cross Church of the Caucasian Episcopal House and its role during the formation of an independent Caucasian diocese. The relevance of this topic is related to the fact that the construction of this temple coincided with one of the most difficult stages in the development of the diocese itself. All the challenges faced by the Caucasian Diocese in the conditions of the North Caucasus reality, are reflected in the structure of this temple. In the current situation with the existing monasteries within the Caucasian Diocese, which due to objective conditions could not accept disobedience from the clergy, they were assigned to the Episcopal house and passed obedience to the Holy Cross Church. Having a high administrative diocesan status, being an exemplary episcopal church, the Holy Cross Church had a great influence on the development of parish life and the evolution of church culture in the North Caucasus.

In church parishes, diocesan authorities quite often put up with the fact that in rural parish life, the high demands of the Orthodox canon were rarely fully realized not only by parishioners, but also by church clergy. The church authorities paid special attention to all sorts of incidents, in which the administration of the consistory was bogged down and in respect of which strict measures were taken. A certain role in solving current issues on the ground was assigned to the Provost, but the final decision was made by the diocesan consistory.

Because of the beginning of large-scale reforms in all areas of the church life of the Caucasian diocese, a conflict arose around the church life in the region and the Cossack liberties. Not accepting compromise solutions, Bishop Jeremiah (Soloviev) was drawn into the state's experiment on the assertion of a single-religion church in the region, the reason for which was the complaint of the Grebian Cosacks. The result of this conflict was the division of the Caucasian Diocese, and as history shows later, it will be un-

successful and will serve as a pretext for its unification and revision by the state of church policy in the North Caucasus. However, the missed opportunities for the normalization of church life in the parishes of the diocese at this stage of

its development cannot be replenished in the subsequent period of its development.

Key words: history of the ROC, Caucasian diocese, Caucasian Bishop's house, Holy Cross Church.

Образованная в 1843 году самостоятельная Кавказская епархия включала обширные территории от Каспийского до Черного моря. Православные приходы этого пространства до начала XIX века были подчинены Астраханскому епископу, а после Новочеркасскому. Удаленность от консисторских центров управления позволила утвердиться на просторах Северного Кавказа различным направлениям сектанства, представителям раскола и некоторым представителям духовенства почувствовать вседозволенность в возглавляемых ими приходах.

Кавказской епархии присвоили третий класс с соответствующим уровнем содержания согласно законам Российской империи. Данные средства не смогли покрыть всех сопутствующих открытию и обустройству епархиальных органов управления расходов. Синодом был на новую кафедру епископом назначен викарий Киевской митрополии епископ Иеремия (Соловьев). Который, прибыв 10 апреля 1843 года в Ставрополь, сразу погрузился в работу по устраниению имеющихся недостатков и утверждению церковного порядка вверенной ему епархии [23, с. 55–61].

Центральным органом управления и местом пребыванием епископа, свиты и его слуг был архиерейский дом, который по отсутствию сво-

бодных земель в черте города и в его пределах основать сразу не удалось. Сложившаяся ситуация казалась безвыходной, но она разрешилась самым неожиданным образом. Ставропольский почетный гражданин купец 1-й гильдии Игнатий Юдович Волобуев безвозмездно, на протяжении нескольких месяцев до покупки подходящего помещения, уступил для преосвященного и его окружения часть своего дома, в котором проживал вместе с семьей. Вскоре Волобуевым, для удобства размещения епископа с кафедрой были сделаны в доме дополнительные пристройки. Не найдя более удобного места в городе, Синод разрешил аренду дома, при этом плата Волобуевым была уменьшена наполовину. Вскоре он со всей своей семьей попросил преосвященного принять в дар Кавказской епархии арендуемый дом с прилегающей территорией [3, л. 95, 116–117].

Состав персонала Кавказского архиерейского дома определялся согласно законам Российской империи с назначением для его содержания от казны согласно установленному штатному расписанию. Единовременно из казны на организацию архиерейского дома выделялось 3 000 руб. серебром, а по принятым нормам было установлено содержание по штату третьего класса (см. таблицу 1).

Таблица 1

Штатное содержание Кавказского архиерейского дома [11, л. 12–12об.]

Число лиц	Положенное жалование сер. в год				
	одному		всем		
	р.	к.	р.	к.	
Архиерею	1	285	90	285	90
Ему на хлеб и за прочую всякую, собственно для него принадлежащую, провизию, так же и на содержание экипажа		487	50	487	50
Итого	1			743	40
При архиерейском доме					
Эконом	1	14	31	14	31
Духовник	1	8	58	8	58
Крестовых иеромонахов	2	6	90	13	80
Ризничий, он же казначей	1	8	58	8	58
При нем копиист	1	10	2	10	2
Иеродьяконов	2	6	90	13	80
Житенный он же и сушиленный	1	5	73	5	73
Чашник	1	5	73	5	73
Архиерейских келейников	2	3	48	6	96
Итого	12			87	51

Певчих	24			675	76
Итого	24			675	76
Служителей при архиерее	4	6	66	26	64
Им же на мундиры		1	41	5	64
Истопников, хлебников и прочих служб	40	6	9	243	60
Итого	44			275	88
На церковные требы и на просфоры				28	56
На починку соборной церкви и домов архиерейских и домовых церквей				228	57
На содержание ризницы				57	12
На содержание при архиерейском доме богочеловьих обоего пола	25	2	88	72	
Сверх вышеуказанных окладов, прибавочных по особыму при штатах 1764 года реестру				85	71
Итого	25			471	96
Всего	106			2154	51

Все денежные средства Архиерейского дома были поручены для хранения и ревизии протоиерею К. Крастилевскому, священнику С. Граникову и священнику Спасовской церкви П. Образцову [10, л. 172]. Помимо установленного денежного оклада Архиерейскому дому для обеспечения повседневных нужд и организации монастырского подворья с домовой Крестовоздвиженской церковью, по примеру монастырей империи, предполагалось выделение земельного участка, водоема для рыбной ловли и мельницы. С этой целью был начат осмотр земельного участка с правой и левой стороны второй речки Мамайки членами духовной консистории кафедральным протоиереем К. Крастилевским и священником С. Граниковым, с землемером Козиным. Однако, намерения преосвященного расходились с планами Палаты государственных имуществ, которая не имела распоряжения на выделение этих мест для Архиерейского дома [9, л. 308об.].

В попытке компенсировать отсутствие таких имений в окрестностях города рассматривался вариант передачи земель ранее принадлежащих Моздокскому архиерейскому дому. Параллельно была начата переписка с наказным атаманом КЛКВ и Войска Черноморского о принадлежности Терских вод и о лимане станицы Новомарьевской [10, л. 110–111]. При всех прилагаемых усилиях со стороны епархиальных властей проблему выделения земельных и угодий, и полагающегося хозяйственного содержания не удавалось решить в течении длительного времени.

Для организации хозяйства Кавказского архиерейского дома консистория обратилась в Ставропольское окружное управление государственных имуществ, которое должно было выделить крестьян. В дальнейшем их определяли в разные мастеровые, а часть отправляли на работы в поля, других подготавливали для должностей: кучеров, поваров, в служение самого архиерея и

монашеском штате [8, л. 6 об.–9]. При этом, из приписанных крестьян Врачебная управа признала четверых совсем неспособными к работам. Возникающие сложности в организации подворья привели к тому, что консистория увольняла направляемых с полугодовым билетом для свободного найма при условии, что по истечении указанного срока они внесут в суммы архиерейского дома по 6 руб. серебром [9, л. 256–257, 296–297]. Отчитываясь перед Синодом по итогам устройства епархии, Кавказская консистория отмечала, что «Кавказская палата государственных имуществ в служители к Кавказскому архиерейскому дому из назначенных 43 человек выслала только 22 крестьянина, а о выделении земли и угодий для Архиерейского дома на 1844 год ничего сделано не было» [8, л. боб.–9].

В своем представлении обер-прокурору Синода Начальник Кавказской области генерал-лейтенант Гурко 19 января 1845 года отмечал, что для улучшения положения епископа Кавказского необходимо увеличить ему отпуск суммы на содержание хотя бы на 1000 руб., по необходимости дороже жизни на Кавказе. Поскольку в хозяйство архиерейского дома не было возможности выделить рыбные промыслы и мельницы по неимению свободных в окрестностях города Ставрополя, которые могли бы приносить ему какой-либо доход, и все способы улучшения содержания преосвященного и разрешения возникших проблем с обустройством домовой церкви заключались в пособии от правительства [12, л. 26–27об.].

Тяжесть сложившейся ситуации можно оценить по проблеме сложившейся вокруг отопления архиерейского дома и учреждения консистории. Заложенной сметой суммы не хватало даже на отопление, поэтому консистория обратилась к Синоду с просьбой увеличения расходов и выделение дополнительных средств. Ссылаясь на

указ от 27 декабря 1846 года о запрете входить в переписку по увеличению выплат сверх сметы Синод получил от Правительства квоту на заготовку дров в станице Темнолесской собственными силами. Однако, только доставка дров оттуда обходилась епархиальным органам в 300 руб. серебром [11, л. 8–9], что было большой роскошью в ограниченном бюджете, поэтому первые годы

приходилось ощущать на себе все капризы кавказской зимы.

Осознавая тяжесть сложившейся ситуации, епископ обратился к Синоду с просьбой об увеличении содержания архиерейского дома по примеру штатов западных епархий, с прибавлением по местным обстоятельствам Кавказа трех статей (см. таблицу 2).

Предлагаемое штатное расписание епископом Иеремией [11, л. 11–11об.]

		Содержание в год руб. сер.
Епархиальному архиерею жалования, на стол, экипаж, келейников, и прислугу	4 000	
На свиту: эконому, духовнику, Крестовым иеромонахам, ризничему, он же и казначей, при нем писцу и иеродиаконам	1 075	
На служителей и мастеровых, состоящих при доме	400	
На церковные потребы и просфоры	72	
На ремонт архиерейских домов и церквей с ризницей	358	
Итого	5905	
Сверх сего, по местным обстоятельствам и по неимению иных средств к содержанию, требуется:		
На отопление и освещение	750	
На содержание пищею состоящих при доме лиц, крайним числом на 20 человек, по 36,50 руб. в год на каждого	730	
На содержание певчих	2000	
Итого	3480	
		Всего 9385

Данная инициатива преосвященного натолкнулась на действие выше упомянутого указа. Сложившаяся ситуация казалась безвыходной, но в самый трудный период своего становления Кавказская епархия получила широкую поддержку в виде пожертвований от частных лиц, которые были существенным подспорьем в развитии епархии. В одной из бесед с ним Иеремия восторгался расположением дома и прилегающим земельным участком, на территории которого преосвященный предполагал основать мужскую обитель, расширить его за счет территории, занимаемой упраздненным кладбищем. Данный земельный участок прилагался в дарственной к жертвуемому дому [3, л. 95]. В последующие годы консисторией было приобретено прилегающее домовладение мещанина Егора Иевлева, и на этой земле был основан Архиерейский дом [6, л. 1, 4–5]. Все работы по отделке и приспособлению нового домовладения, производимые Д. К. Сониковым, были закончены к 28 июлю 1843 года, а через несколько дней священник В. Тимофеев освятил место для строительства Крестовоздвиженской церкви. 3 августа, в день памяти преподобного Антония Римлянина, было совершено освящение закладки фундамента Крестовой церкви, «при большом стечении народа» [1, с. 28].

Сам Иеремия специально для своей Крестовой церкви привез походный иконостас, изготовленный в Киеве, а позже был доставлен

стационарный. Для обустройства этой же Крестовоздвиженской церкви житель города Ставрополя И. Аникеев сделал за свой счет пять колоколов весом в 26 пудов 5 фунтов (на сумму около 1500 руб. ассигнациями). Стоит отметить, что о пожертвовании Аникеева не доносилось Синоду по желанию самого благотворителя [3, л. 95].

В первые годы во временно устроенным доме первыми членами архиерейского дома были иеродиакон Иов из Киево-Михайловского монастыря и священник Ионна Турбин. Они доставили на Кавказскую кафедру из Киева иконостас для Крестовой церкви и много необходимых вещей для нужд епархии [10, л. 34об.]. Через три месяца они были вынуждены вернуться обратно в Киев по причине неудобства климата. Только к 1845 году был собран штат Архиерейского дома, членами которого были большей частью священники и монахи Кавказской епархии. Только двое из них были из Киево-Михайловского монастыря, устав и порядок которого был очень близок преосвященному Иеремии.

До передачи своего домовладения Волобуев получил в 1844 году за аренду дома 1500 руб. серебром, которые он отказался принимать и предложил их потратить на улучшение и расширение Крестовоздвиженской церкви при архиерейском доме. Роль И. Ю. Волобуева в развитии Кавказской епархии не ограничивалась данным вкладом, им было сделано многое в материальном

обеспечении некоторых храмов города и строительстве новых церквей [22, с. 76–80]. Поскольку указанное выше пожертвование совпало с сезонной приостановкой работ по возведению домовой церкви епископа, консистория оставила деньги у благотворителя. За последующие три года возведение стен и внутренняя отделка Крестовой церкви были практически окончены. В отчетах консистории Волобуев числился в числе основных лиц, внесших большой вклад и значительные средства на её возведение. Исходя из данного факта, епископ Иеремия просил Волобуева считать свои финансовые обязательства–пожертвования выполненными [4, л. 1–2, 8]. Только смерть видного мецената города Ставрополя не позволила ему реализовать многие другие планы по устройству церквей в городской черте.

После окончания строительства жителями города были собраны 457,91 руб. серебром на устройство иконостаса. В числе лиц, внесших пожертвования, встречаются имена купцов Стадорубцева, Головина, Артищева, Марии Скомороховой, которые внесли различные суммы от 5 до 100 руб. сер. Не менее значимы были пожертвования обычных городских обывателей и монахов Кавказской епархии, также в сборе средств участвовали благочинные в некоторых округах, но самое большое пожертвование в 200 руб. серебром было внесено неизвестным лицом [20, л. 1–2]. Наблюдая в предыдущих и последующих главах «неожиданные» крупные пожертвования, которые возникали во всех начинаниях епископа Иеремии, и видя его стремление стараться участвовать во всех значимых мероприятиях в жизни Кавказской епархии, можем предположить, что данная сумма была внесена именно им.

Весь иконостас предполагалось изготовить из лигового дерева под покраску белым матом. Колонны и резьбу сделать в стиле рококо с позолотой и разместить в них две местные иконы, в самом иконостасе устанавливались 12 икон, которые выписали из Москвы [15, л. 2–2об.]. Общая сумма затрат на его изготовление и установку оценивалась в 1430 руб. серебром. Недостающую разницу в сумме 1 тыс. руб. внес П. Волобуев, который был почетным гражданином, сыном и приемником дела И. Ю. Волобуева.

Взялся за подряд Тульский мещанин Г. Комаровский. По условиям договора все перечисленные работы он должен был закончить к 1 сентября 1853 года. Ему единовременно был внесен задаток в 200 руб., по мере выполнения работ выдавалась остальная сумма, окончательный расчет предполагался в мае 1854 года. Однако, получив различными способами фактически всю сумму, он начал саботировать выполнение работ и к 1855 году иконостас в Крестовой церкви стоял только в черновой работе с массой недоделок: в некоторых местах отсутствовала резьба, его поле не было покрыто матовой краской, рамы для икон были без стекла и т.д. На этом основании эконом архиерейского дома монах Феодосий пришел к заключению о невозможности Комаровским выполнить заключенный договор по устрой-

ству иконостаса [15, л. 1–1об.]. После сделанного замечания, и находясь под угрозой привлечения к судебной ответственности, все работы исполнителем в скромом времени были закончены.

Строительство зданий служебного назначения и колокольни при Крестовоздвиженской церкви по проекту ставропольского губернского архитектора Ткаченко было начато в середине 50-х гг. XIX века. Расходы на возведение колокольни обходились архиерейскому дому до 10 тыс. руб. серебром [16, л. 2]. Можно предположить, что эти работы были закончены в короткий срок, поскольку среди архивных данных имеется факт кражи в ночь с 12 на 13 ноября 1858 года с колокольни церкви малого колокола весом в 1 пуд 4 ¼ фунта [17, л. 1].

В это же время был начат первый ремонт Крестовоздвиженского храма, он включал покраску иконостаса между золоченой резьбой в главном алтаре и в пределах с обеих сторон; пола в алтаре и церкви; четырех колонн и четырех полуколонн, шести дверей и окон; потолков и стен внутри церкви и в алтарях, при необходимости замену штукатурки; починку 52 стекол и другие незначительные работы. Оценка работ мастерами города предварительно составила 198 руб. серебром, в то время как домовое управление располагало только суммой в 157 руб. С благословления епископа Игнатья иеромонаха Феофана взялся за выполнение всех означенных работ с братией, что существенно снизило затраты на ремонт церкви [18, л. 1–2].

Растущее число братии и послушников потребовало расширения хозяйственных построек. В июне 1866 года Ставропольский купец Г. Маслов по заключенному подряду построил на месте бывшего амбара, кладовой и старой кухни братскую трапезную, новую кухню с поварской комнатой и людской с карцером. В рамках данного проекта им были также сделаны некоторые перестройки помещений: при входе в трапезную и кухню пристроен каменный тамбур; в стенах трапезной вставлены 4 окна и сложена голландская печь; в устроенной вновь кухне сделаны 4 двери – в пристроенный тамбур, при входе в кухню, с правой стороны отделяющий трапезную и из кухни в поваренную; был сложен новый очаг с плитою; а с южной стороны устроена русскую печь так, что большая часть её выходила в людскую; полы везде, за исключением трапезной, были выложены камнем. Стоимость этих работ обошлась в 250 руб. серебром [20, л. 2].

Однако не только увеличение числа братии привело к росту числа постоянно проживающих при архиерейском подворье. На этапе становления Кавказской епархии в среде духовенства было выявлено большое число нарушений духовенством установленных церковных норм. Вследствие чего оно подлежало наказанию, которое предусматривало удаление от приходов и перевод на исправление в действующие монастыри епархии. По неудовлетворительному состоянию Кизлярский Крестовоздвиженский монастырь не мог принять весь контингент имеющихся ослуш-

ников. Не имея другой возможности, епископ перенаправил на епитимию священнослужителей епархии в стены Черноморского Екатериногорско-Лебяжьего Николаевского монастыря, что привело к резкому увеличению численности братии – до 100 человек к 1848 году [2, л. 3–5]. Данное обстоятельство противоречило Положению о Черноморском войске и указу Екатерины II от 1794 года об образовании Пустыни, которая создавалась только для одних Черноморских казаков. На этом основании войсковое правление просило удалить из монастыря всех посторонних лиц [6, л. 2].

Ввиду данных сложностей и с целью определения на епитимию и исправление провинившихся священнослужителей епископ Иеремия торопился с обустройством архиерейского подворья и налаживанием служб при Крестовоздвиженской церкви. В числе первых, кому была назначена епитимия, при этой церкви в 1845 году были священник с. Преградного Н. Протопопов, за побои казенной крестьянки Холелевской и рождения ю мертвого ребенка; дьячок Спасовской церкви А. Миловидов; священник В. Семенов, определенный в Петропавловскую крепость Тюремного замка за пролитие из чаши на антиминс во время службы; за пьянство и упущения по службе священник ст. Ильинской С. Ксенофонтов [19, л. 1–8].

В Крестовоздвиженской церкви архиерейского дома ежедневно совершалось два акафиста: первый в среду – Успения Пресвятой Богородицы, перед Киевской митрополичьей честною иконою, перед началом литургии; второй Иисусу Сладчайшему, который был учрежден в проезд Исидора, экзарха Грузии в 1845 году, по совету Иеремии. В первый раз он пелся 4 февраля, в день Тезоименитства его высокопреосвященства. По примеру Могилева, расположенного на Днепре, где была прежняя паства и кафедра преосвященного Исидора и по его совету акафист Иисусу Сладчайшему пели каждое воскресенье, после вечерни. Пели его все ученики ставропольских училищ, которых владыка Иеремия, привыкнув к академиям за шестнадцатилетнее служение в Петербургской и Киевской, любил в веселые минуты называть Кавказской академией. Иногда акафист читал сам преосвященный,

а большей частью из своей молельной он любил слушать почти 200 юных голосов, умилильное и усердное взвывание: «Иисусе сыне Божий, помилуй мя. Аллилуйя, Аллилуйя. Иисусе сыне Божий, помилуй мя» [1, с. 29].

Все последующие годы Крестовоздвиженский храм, являлся образцом церковных литургий и хорового пения. Помимо обширной массы благодарных прихожан из числа жителей города и предместий, на развитие церковной инфраструктуры получал значительные суммы пожертвований [21, с. 496]. Архиерейский дом был не только местом резиденции Кавказского епископа, но и стал центром религиозной жизни Северного Кавказа, позволил преодолеть морально-нравственные проблемы духовенства епархии в её сложный период становления. Также он был одной из культурных достопримечательностей города, а Крестовоздвиженская церковь на долгое время стала образцом совершения литургических служб и церковного пения в Кавказской и Черноморской епархии.

Начало качественного изменения состава духовенства было застигнуто епископом Иеремией еще при его служении на Кавказской кафедре. Так, он с удовлетворением отмечал, что в своем обзоре епархии не раз был свидетелем того, что во многих приходах, но не во всех, священники сельских церквей по окончании богослужения произносили многократно внятно и громко, чтобы прихожане и дети могли за ними повторять, основные молитвы. Данная практика показалась преосвященному весьма полезной, и он рекомендовал так поступать всем священникам. В 1849 году из Синода поступил указ, который обязывал священнослужителей для «впечатления в памяти простых неграмотных прихожан» произносить Символ веры, десять заповедей, молитву Господу и некоторые другие молитвы. Данная мера была признана Синодом действенной и полезной в среде малограмматного населения России [13, л. 1–5]. Действие данного указа только легализировало введенную практику в приходах Северного Кавказа намного раньше его принятия в Российской империи.

Источники и литература

1. Автобиография Пресвященного Иеремии, первого Епископа Кавказского // Кавказские епархиальные ведомости. 1885. №1. 2 января.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.135. Оп.1. Д.192.
3. ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.51.
4. ГАСК. Ф.135. Оп.2. Д.383.
5. ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.557.
6. ГАСК. Ф.135. Оп.6. Д.207.
7. ГАСК. Ф.135. Оп.7. Д.210.
8. ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.175.
9. ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.588.
10. ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.877.
11. ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.252.
12. ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.921.
13. ГАСК. Ф.135. Оп.7. Д.30.
14. ГАСК. Ф.395. Оп.1. Д.155.
15. ГАСК. Ф.395. Оп.1. Д.203.

16. ГАСК. Ф.395. Оп.1. Д.211.
17. ГАСК. Ф.395. Оп.1. Д.265.
18. ГАСК. Ф.395. Оп.1. Д.302.
19. ГАСК. Ф.395. Оп.1. Д.34.
20. ГАСК. Ф.395. Оп.1. Д.400.
21. Известия // Кавказские епархиальные ведомости. 1873. №15.
22. Немашкалов П. Г. Частная благотворительность в церковной сфере на Северном Кавказе в период становления Кавказской епархии: середина XIX века // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал. 2017. №3. С. 76–80.
23. Немашкалов П. Г. Образ «своего-чужого» во взаимоотношениях прихода и членов прichta Кавказской епархии в первой половине XIX века // Вестник калмыцкого университета. 2017. №3. С. 55–61.

References

1. Avtobiografija Presvjashchennogo Ieremii, pervogo Episkopa Kavkazskogo (*Autobiography of Most Blessed Jeremiah, First Bishop of the Caucasus*) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1885. No. 1. January 2. (In Russian).
2. State archive of Stavropol territory (GASK). F.135. Inv.1. D.192. (In Russian).
3. GASK. F.135. Inv.1. D.51. (In Russian).
4. GASK. F.135. Inv.2. D.383. (In Russian).
5. GASK. F.135. Inv.4. D.557. (In Russian).
6. GASK. F.135. Inv.6. D.207. (In Russian).
7. GASK. F.135. Inv.7. D.210. (In Russian).
8. GASK. F.135. Inv.1. D.175. (In Russian).
9. GASK. F.135. Inv.1. D.588. (In Russian).
10. GASK. F.135. Inv.1. D.877. (In Russian).
11. GASK. F.135. Inv.4. D.252. (In Russian).
12. GASK. F.135. Inv.4. D.921. (In Russian).
13. GASK. F.135. Inv.7. D.30. (In Russian).
14. GASK. F.395. Inv.1. D.155. (In Russian).
15. GASK. F.395. Inv.1. D.203. (In Russian).
16. GASK. F.395. Inv.1. D.211. (In Russian).
17. GASK. F.395. Inv.1. D.265. (In Russian).
18. GASK. F.395. Inv.1. D.302. (In Russian).
19. GASK. F.395. Inv.1. D.34. (In Russian).
20. GASK. F.395. Inv.1. D.400. (In Russian).
21. Izvestija (News) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1873. No.15. (In Russian).
22. Nemashkalov P. G. Chastnaja blagotvoritel'nost' v cerkovnoj sfere na Severnom Kavkaze v period stanoljenija Kavkazskoj eparhii: seredina XIX veka (*Private charity in the church sphere in the North Caucasus in the period of the formation of the Caucasian diocese: the middle of the XIX century*) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija: nauchno-teoreticheskij zhurnal. 2017. No.3. P. 76–80. (In Russian).
23. Nemashkalov P. G. Obraz «svoego-chuzhogo» vo vzaimootnoshenijah prihoda i chlenov prichta Kavkazskoj eparhii v pervoj polovine XIX veka (*The image of a “friend or foe” in the relations between the parish and members of the clergy of the Caucasian Diocese in the first half of the XIX century*) // Vestnik kalmyckogo universiteta. 2017. No.3. S.55 – 61. (In Russian).

Информация об авторе

Немашкалов Павел Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических дисциплин и методики их преподавания Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь) / paul_2@rambler.ru

Information about the author

Nemashkalov Pavel – PhD in History, Associate Professor, Chair of Historical Disciplines and Methods of Teaching, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / paul_2@rambler.ru

УДК 81:94(497.6)

О. Н. Новикова

ЯЗЫК КАК ФАКТОР И СРЕДСТВО НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В представленной статье рассматривается специфика развития этнолингвистических отношений в Боснии и Герцеговине в различные исторические периоды. В настоящее время, в период стремления мирового сообщества к унификации экономического и культурного развития стран и регионов и активизацией процессов противоположного характера (обострения чувства национального самосознания и национальной идентичности), вопрос о факторах и средствах национальной идентичности является крайне актуальным. В статье доказывается влияние внутренних и внешних факторов на формирование национальной идентичности населения Боснии и Герцеговины. Внутренними факторами генетического, религиозного, культурного и языкового самоопределения можно назвать сложную этнорелигиозную картину Боснии и Герцеговины, различия в социально-экономическом и культурном развитии отдельных

территорий и этнических групп. К внешним факторам относится влияние инокультурных традиций различных государств (Османской империи, Австро-Венгрии и др.), которое Босния и Герцеговина испытывала в различные периоды своей истории. Автор приходит к выводу, что население Боснии и Герцеговины воспринимает язык как один из основных маркеров идентичности. Стремление различных этнических групп к национальной идентификации посредством обоснования самобытности языка является проявлением так называемого лингвогеоионализма. Язык в этом регионе является не средством консолидации, а формой этнического противопоставления.

Ключевые слова: нация, национальная идентичность, этноконфессиональные группы, лингвокультурное самоопределение, сербохорватский и хорватско-сербский языки, боснийский язык, лингвогеоионализм.

O. Novikova

LANGUAGE AS A FACTOR AND MEANS OF NATIONAL IDENTITY OF THE POPULATION OF BOSNIA AND HERZEGOVINA: HISTORY AND MODERN TIME

The article deals with the specifics of the development of ethno-linguistic relations in Bosnia and Herzegovina in different historical periods. At present, in the period of aspiration of the world community for unification of economic and cultural development of countries and regions and activation of processes of the opposite character (aggravation of sense of national consciousness and national identity), the question of factors and means of national identity is actual. The article proves the influence of internal and external factors on the formation of national identity of the population of Bosnia and Herzegovina. Internal factors of genetic, religious, cultural and linguistic self-determination include the complex ethno-religious picture of Bosnia and Herzegovina, differences in the socio-economic and cultural development of individual territories and ethnic groups. External factors

include the influence of foreign cultural traditions of different States (the Ottoman Empire, Austria-Hungary, etc.), which Bosnia and Herzegovina experienced in different periods of its history. The author concludes that the population of Bosnia and Herzegovina perceives language as one of the main markers of identity. The aspiration of various ethnic groups to the national identity through the substantiation of the identity of language is a manifestation of the so-called linguoregionalism. The language in this region is not a means of consolidation, but a form of ethnic opposition.

Key words: nation, national identity, ethno-confessional groups, linguocultural self-determination, Serbo-Croatian and Croatian-Serbian languages, Bosnian language, linguoregionalism.

В современном мире одним из доминирующих цивилизационных процессов является глобализация. Стремление мирового сообщества к унификации экономического и культурного развития стран и регионов сопровождается противоположной тенденцией – обострения чувства национального самосознания и национальной идентичности.

Изучение особенностей формирования и сохранения идентичности отдельной нации со-

пряжено с необходимостью решения вопроса о содержании этой категории. В науке пока не существует единого подхода к определению содержания дефиниций «нация» и «идентичность». Нация, как категория социально-гуманитарных наук, традиционно определяется с позиции приордионалистского или конструктивистского подходов. Приверженцы первого идентифицировали нацию на основе ряда признаков: исторически

сложившихся территориальной, экономической, культурной и лингвистической общности [3, с. 19]. Такое понимание нации (как этнополитической категории) доминировало в отечественной науке до конца XX в. [10, с. 12]. Представителями конструктивистского подхода нация понималась как большой коллектив, объединенный на основе фундаментального согласия всех членов.

В работах современных исследователей-приорднистов наблюдаются попытки уточнения содержания понятия «нация» как категории за счет введения некоторых дополнительных критериев: историческая общность людей, единый внутренний рынок, централизованная государственно-политическая власть, государственный язык [13, с. 17], культурное единство и др. [10, с. 12–13]. Таким образом, в работах ученых не обнаруживается прямая зависимость между основными (объективными) признаками нации и субъективными воззрениями на эту категорию ее представителей.

Конструктивисты базируются на фундаментальном согласии всех членов нации на декларирование объединения людей в нацию на основе политических, экономических и культурных показателей [3, с. 19].

Индивидуальное или групповое осознание себя в качестве представителя той или иной нации происходит в процессе национальной идентификации. Современный британский социолог С. Холл характеризует его как длительное и нестабильное состояние, «подвергающееся игре с историей и игре с различиями» [18, р. 15]. Отнесение себя человеком или группой лиц к конкретной нации является проявлением национальной идентичности. Проявлением национальной идентичности является понимание принадлежности к нации (включенности в нее) или, напротив, отторжения от таковой. В этой связи вполне обоснованными представляются характеристики идентичности: общность (историко-культурная гомогенность нации) и отличность (степень несходства с другими нациями) [9, с. 154]. Право на проявление национальной идентичности в современной науке понимается как коллективно заявленное право на непохожесть, имеющую собственную модель существования и развития [6, с. 60]. Формирование идентичности происходит в рамках единого вектора национального развития, на пересечении исторической, культурной, социальной и политической сфер. Содержание идентичности включает в себя закрепившиеся особенности национальной культуры, языковые и религиозные традиции, нравственные императивы и пр.

Большое значение в приведенном ряду основных характеристик идентичности играет язык. На Балканах он не раз становился фактором и средством развития межэтнических отношений. Исторически сложилось так, что несколько югославянских народов (сербы, хорваты, боснийские мусульмане (бошняки) и черногорцы) находятся в едином лингвистическом пространстве. Три из

приведенных этнических общинств уже на протяжении нескольких столетий составляют основу населения Боснии и Герцеговины. Согласно данным переписи населения, проведенной в этой республике в 2013 г., половину населения составляют боснийские мусульмане (50,11 % от общего числа проживающих – 3 531 159 человек); второе место по численности принадлежит сербам (их проживает в стране более миллиона человек, что составляет 30,78 %); хорватов в Боснии и Герцеговине почти 550 тысяч человек (15,43 %) [15]. Незначительными в численном отношении этническими группами являются русины, украинцы и другие.

Схожая этническая картина отмечается и в предшествующие периоды исторического развития Боснии и Герцеговины. Численное первенство в различные эпохи принадлежало бошнякам-мусульманам или сербам. Завершало тройку основных этнических групп хорватское население [1, л. 12; 19, с. 675; 12, с. 206].

Босния и Герцеговина в своем развитии прошла несколько крупных этапов: с X по XV вв. эта историческая область находилась в стадии формирования государства, независимого от венгерского и византийского влияния; в XVI в. Босния и Герцеговина была захвачена турками-османами; с 1878 года в течение последующих тридцати лет эти «европейские провинции» Османов находились в статусе оккупированной Австро-Венгрией территории; аннексия 1908 г. изменила положение Боснии и Герцеговины, сделав ее частью Дунайской монархии. После первой мировой войны Босния и Герцеговина поочередно входила в состав Государства словенцев, хорватов и сербов, Королевства сербов, хорватов и словенцев, Королевства Югославия, Независимого Хорватского государства. В 1945 г. Народная республика Босния и Герцеговина была провозглашена частью Федеративной Народной Республики Югославия (ФНРЮ), с 1963 г. – Социалистическая Республика Босния и Герцеговина находилась в Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ). 1992 г. стал для Боснии и Герцеговины переломным: за провозглашением независимости последовала гражданская война, завершившаяся в 1995 г. С этого времени в стране (Республике Босния и Герцеговина) действует Конституция, провозглашающая единое демократическое государство в составе двух образований – Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской.

Более крупные государства, в подчинении которых в различные исторические периоды находилась Босния и Герцеговина, видели свою миссию в «цивилизаторстве» этого региона. С приходом в XV в. в этот регион Османов началась эпоха исламизации Балкан. В Боснии и Герцеговине названная политика реализовывалась посредством переселения сюда турецкого, арабского и кавказского населения. Мигранты оказали серьезное влияние на состояние этнокультурной картины Боснии и Герцеговины.

С начала XVI в. в среде исламизированного славянского населения получила широкое распространение исламская литература «альхамьядо» (совмещение местного языка и арабской письменности) [17, с. 34]. Для части населения Боснии и Герцеговины, исповедующей католицизм, столь мощная волна исламизации стала этноМобилизирующим фактором. Францисканский монашеский орден, активно действующий в этом регионе, вел пропаганду в среде южных славян (преимущественно в среде сербохорватских католиков) на так называемом «штокавском» наречии на сербской основе. Францисканские монастыри в Боснии и Герцеговине в XVII в. стали крупными католическими центрами, в которых литературные произведения, несущие слово Божие, стали создаваться на местном языке с учетом диалектного разнообразия [17, с. 31–34].

Распространение в Центральной и Юго-Восточной Европе к началу XIX в. многочисленных диалектов единого для южнославянских народов (сербов, босняков, хорватов и черногорцев) языка вызывало беспокойство в среде славянских лингвистов. Выход из сложившейся ситуации исследователи видели в искусственно сокращении числа диалектов. По инициативе сербского лингвиста В. С. Караджича и хорватского поэта Л. Гая в 1850 г. в г. Вена прошла встреча крупнейших сербских, хорватских и словенских ученых. Результатом встречи стало подписание Литературного соглашения, закрепившего в качестве основы единого языка восточногерцеговинский вариант штокавского диалекта.

Приведенный пример демонстрирует относительную самостоятельность южнославянских народов в решении лингвокультурных вопросов в период османского господства на Балканах. С приходом австро-венгерской оккупационной власти в Боснию и Герцеговину в 1878 г. последняя потеряла право самостоятельно решать принципиальные вопросы. Новая европейская власть резко выделила и свои языковые приоритеты. Подавляющая часть населения провинций была неграмотной, но даже в тех случаях, когда у отдельных лиц появлялась возможность получить элементарное образование, власти давали разрешение под условием, что православные не должны обучаться латинице, а католики и мусульмане – кириллице [4, с. 52]. Во вновь открывшемся офицерском училище обучение велось на двух языках – немецком и сербохорватском. Однако ввиду бурных протестов общественности власти пришлось идти на попятную и объявить о том, что «преподавание в казенных учебных заведениях будет производиться на местном языке, латинскими и кирилловскими буквами» [5, с. 330]. Стоит сказать, что в более поздний период оккупационного правления языком преподавания во всех учебных заведениях без исключения был признан сербохорватский язык. Немецкий язык при этом изучался как обязательный предмет лишь в среднеучебных заведениях [11, с. 313].

К началу XX в. лингвистический вопрос в Боснии и Герцеговине был решен в духе крайнего

либерализма. В целях обеспечения наиболее эффективного единства управления официальным языком правительственные учреждений здесь был признан немецкий. Однако, по утверждению Б. Калляя, осуществляющего управление Боснии и Герцеговины от лица Австро-Венгрии, оккупированные территории населяла особая славянская народность, имеющая свой боснийско-герцеговинский или «земельный» (то есть «местный») язык. Поэтому при общении с местным населением оккупационными властями употреблялся местный – сербохорватский язык. Именно на нем происходили разбирательства во всех судебных инстанциях и велось административное дело-производство. Публикация правительственных объявлений производилась помимо сербохорватского языка (кириллицы и латиницы) еще и на немецком, а зачастую и на турецком языках. Такое же языковое разнообразие наблюдалось и при выполнении публичных надписей в г. Сараево, г. Мостаре и других городах Боснии и Герцеговины [11, с. 313].

В 1908 г. Босния и Герцеговина была аннексирована Австро-Венгрией. Присоединенным территориям император Франц Иосиф «даровал» в качестве основного закона региональный устав, гарантировавший сохранение местного языка.

Очередной этап в развитии языкового вопроса на территории Боснии и Герцеговины начался во второй половине XX в. В образованной в 1945 г. Федеративной народной республике Югославии было признано равноправие всех проживающих в стране народов и языков. В соответствие с правовой традицией, закрепленной еще в годы войны в многочисленных постановлениях Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АФНОЮ), все документы и правительственные издания «Официальная газета» публиковались на сербском, хорватском, словенском и македонском языках [2, с. 30].

В послевоенный период в Югославии начались активные процессы политической, экономической, культурной интеграции и межэтнической консолидации. В этой связи одной из первостепенных задач перед многонациональным и полилингвистическим обществом стоял выбор единого языка-макропосредника, выступающего средством межэтнической и межкультурной коммуникации. Общегосударственный язык, помимо реализации сугубо pragматичной функции коммуникации, должен был выполнять одну из главных задач, стоящих перед населением Югославии – консолидировать общество на уровне надэтнического сознания.

Центрристская концепция развития Югославии нашла свое отражение в языковом вопросе. «Резолюция Новисадского совещания» 1954 г., принятая в качестве итогового документа совещания лингвистов, писателей, журналистов и общественных деятелей страны, провозгласила единство языка сербов, хорватов и черногорцев с сохранением двух норм произношения (экавская и иекавская) и двух алфавитов (кириллицы и латиницы). Решением собравшихся стало сохране-

ние двучастности в названии языка («сербохорватский») [12, с. 212].

Являясь общим для сербов, хорватов, черногорцев и боснийцев-мусульман, язык в строгом понимании не был единой знаковой системой на всей территории распространения. Культурно-историческая и геоэтническая разобщенность населения Боснии и Герцеговины предопределила наличие нескольких языковых вариантов: западного, используемого преимущественно боснийскими хорватами и восточного, распространенного в среде сербского населения.

С принятием в 1963 г. новой конституции Югославии в стране закрепился новый лингвоним – «сербохорватский / хорватско-сербский язык» [8]. При этом, Конституции республик Босния и Герцеговина, Сербия и Черногория официальным языком признавали сербохорватский, а Основной закон республики Хорватия таковым устанавливал хорватско-сербский язык [2, с. 34].

Документально закрепленное лингвистическое равноправие на практике сталкивалось со стремлением представителей различных языковых традиций обосновать и закрепить свое первенство. Так, например, в 1963 г. в г.Белград был издан «Словарь русского и сербохорватского языков» [21]. Авторы-составители Др. Милош и С. Московлевич хорватскую лексику характеризовали как областную, диалектную. Подобный подход к определению языковой иерархии вызвал острую критику со стороны хорватских лингвистов.

В истории югославянских народов нередким было использование лингвистических вопросов в выяснении межэтнических отношений. Съезд славистов, состоявшийся в 1965 г. в г. Сараево, продемонстрировал всю неоднозначность этно-лингвистических отношений в Боснии и Герцеговине. Представители хорватского населения, участвующие в работе Съезда, высказали серьезную обеспокоенность происходившими в регионе процессами формирования нового лексикоскопического фонда путем укрепления сербской лексики и вытеснения хорватской (которую используют не только хорваты, но и часть боснийских мусульман - бошняки). Эта позиция нашла свое продолжение в опубликованной год спустя «Декларации о назывании и статусе хорватского литературного языка». В документе, который подписали 140 известных хорватских культурных и научных деятелей и 18 научных центров, подчеркивалось отличие хорватского литературного языка от сербского [12, с. 213].

Попытка защитить свой язык, стремление доказать его самобытность является проявлением так называемого лингвогеографизма. В Боснии и Герцеговине в основе указанного процесса лежало стремление различных этнических групп к национальной идентификации и возникающие в связи с этим, этнонациональные противоречия. Особенно ярко такие противоречия проявлялись между сербским и хорватским населением: хорваты имели опасения относительно возможной этнической ассимиляции и ограничения своей культурной самобытности; в сербской среде

активно пропагандировалась идея о своем заслуженном лидерстве как наиболее многочисленной этнической группе [2, с. 36].

Выход из сложившейся ситуации виделся в то время в закреплении независимого друг от друга развития сербского и хорватского языков. Такая позиция была обоюдной: вслед за хорватскими лингвистами, Союз писателей Сербии в 1967 г. в газете «Борьба» опубликовал собственную декларацию. Более сорока подписавшихся под ней сербских литераторов призывали к официальному разделению близких, но все же разных, языков. Югославское правительство, напротив, видело в этих предложениях не попытку сгладить этнические противоречия, исключив основной предмет спора, а проявление национализма, стремление подорвать «единство и братство славянских народов» [2, с. 40].

Политика сдерживания центробежных тенденций и искусственного сглаживания процессов национальной идентификации в языковом вопросе Боснии и Герцеговины не принесла ожидаемых результатов. Новисадские договоренности о единстве языка сербов, хорватов и черногорцев на практике не реализовывались: оставались серьезные расхождения в правописании; в стране, по-прежнему, не было языковой терпимости и лояльности.

Неудачи языковой политики второй половины XX в. могут объясняться недооцениванием центральной властью Югославии влияния общих тенденций политического, социально-экономического и культурного развития отдельных территорий и этнических групп страны на языковое развитие. Унификации языка препятствовали объективные процессы внутригосударственной дезинтеграции [2, с. 42].

После провозглашения в 1992 г. Боснией и Герцеговиной своего суверенитета, в уже независимом государстве обострение межэтнических отношений достигло своего пика и привело к началу Боснийской войны. Созданная не по этническому принципу, а по историко-географическому, Босния и Герцеговина после распада Югославии в 1992 г. тоже стала на путь разделения из-за стремления боснийских сербов и хорватов объединиться с «материнскими» государствами – Сербией и Хорватией. Имеющие на тот момент численное превосходство боснийские мусульмане (бошняки) добивались сохранения единства Боснии и Герцеговины [12, с. 205–206].

Продолжавшийся более трех лет вооруженный конфликт удалось прекратить лишь в 1995 г. подписанием Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине (Дейтонские соглашения) [14]. Нормы этого документа заложили основу конституционного устройства Боснии и Герцеговины как единого государства в существующих сейчас границах со столицей в г. Сараево. Помимо вопросов мирного урегулирования межэтнического конфликта и стабилизации жизни в регионе, разработчики соглашений пытались решить и достаточно острый лингвистический вопрос. Достижение баланса в межэтнических отношениях

виделось возможным лишь при условии принятия и учета политического и культурного равноправия всех проживающих в стране этноконфессиональных групп. С этой целью в Дейтонские соглашения была включена статья XI, указывающая на правовую равнозначность всех текстов документа, подписанного на боснийском, сербском и хорватском языках [7]. Введение в международный оборот нового югославянского языка (боснийского), по-видимому, должно было юридически подтвердить этническую идентичность боснийских мусульман.

В Конституции Боснии и Герцеговины 1995 г. языковому вопросу отдельное внимание не уделяется. Однако публикация ее текста на трех языках (боснийском, хорватском и сербском) демонстрирует стремление к сохранению политического и культурного баланса в стране. Административные единицы – энтитеты современной Боснии и Герцеговины (Федерация Боснии и Герцеговины и Республика Сербская) в собственных конституциях отдельно закрепили нормы языковой политики. Так ст. 7 Конституции Республики Сербской провозглашает в качестве официальных языков сербский, бошняцкий (не «боснийский» как в тексте Дейтонских соглашений) и хорватский. В отношении письменности были утверждены традиционно распространенные здесь две нормы: кириллица и латиница. В территориях компактного проживания иных языковых групп Основной закон республики закрепил право служебного использования языков и письменности этих народов [16].

Конституция Федерации Боснии и Герцеговины, принятая в 1994 г., закрепила в своей территории всего два языка (босанский и хорватский) и одну письменность – латиницу. В ст. 6 документа, регламентирующей языковой вопрос, о сербском языке не было даже упоминания. Возможно, он причислялся авторами Конституции к «другим языкам», определяемыми в качестве служебных для коммуникации и в образовании [20]. Принятые в 2002 г. поправки к этому основному документу республики ввели в официальное употребление три языка и два алфавита. Годом позже общегосударственный закон о защите прав представителей национальных меньшинств гарантировал право последним использовать собственные языки. Последовавшие за этим законы энтитетов Боснии и Герцеговины уточнили область реализации этих прав национальными меньшинствами, установив, что, представляя абсолютное или относительное большинство среди населения отдельных территорий, национальные

меньшинства могут пользоваться своим языком при обращении в государственные органы, а также в топографических и иных надписях [12, с. 211].

В законодательстве современной Боснии и Герцеговины языковая «троичность» постепенно становится нормой. Спорным остается лишь вопрос о названии языка. И здесь причина разногласий кроется не в лингвистических противоречиях, а политических. По мнению специалистов, население страны говорит на штокавском диалекте единого югославянского языка, при котором территориальные грамматические и лексические различия редки и не носят принципиального характера. Это позволяет в качестве возможного решения многолетних споров относительно названия языка предложить новый лингвоним «боснийско-герцеговинский язык». Однако ни боснийские сербы, ни хорваты этой страны не видят необходимости в переименовании своих родных языков.

Существующие культурные барьеры между представителями различных этноконфессиональных групп, отсутствие распространенной практики заключения смешанных браков и получение образования по этническому принципу только усугубляет процесс разделения языков. Кроме того, намеренное внедрение в разговорную речь новых слов, локализмов, тюркизмов и архаизмов стало нормой для современных лингвистических процессов в этой стране.

Таким образом, сложный процесс национальной идентификации населения Боснии и Герцеговины, включающий в себя генетическое, религиозное, культурное и языковое самоопределение, на протяжении многих веков происходил под влиянием ряда внутренних и внешних факторов. К внутренним, в первую очередь относится сложная этнорелигиозная картина Боснии и Герцеговины, различия в социально-экономическом и культурном развитии отдельных территорий и этнических групп. К внешним следует отнести влияние инокультурных традиций различных государств (Османской империи, Австро-Венгрии и др.), которое Босния и Герцеговина испытывала в различные периоды своей истории. Отмечаемые в последнее время тенденции к увеличению различий в языках все дальше отодвигают решение языковой проблемы. Население Боснии и Герцеговины, еще недавно воюющее друг против друга, воспринимает язык как один из основных маркеров идентичности. Сегодня он выступает не средством консолидации, а формой этнического противопоставления.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской империи. Главный Архив. У-А2. Оп. 181. Д.830.
2. Багдасаров А. Р. История развития сербо-хорватских этноязыковых отношений (1940–1990-е гг. XX в.) // Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 30–49.
3. Батырев Д. Н. Нация и идентичность: к проблеме определения понятий // Новые технологии. Сборник научных трудов МГТУ. Вып. 3. Майкоп, 2007. С. 19–22.
4. Виноградов К. Б. Боснийский кризис 1908–1909 гг. как пролог первой мировой войны. Л.: Издательство ЛГУ, 1964. 159 с.

5. Вяземская Е. К. Босния и Герцеговина: ее место и роль в европейских конфликтах начала XX века // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. / под ред. В. Н. Виноградова, В. И. Косика и др. М.: Индрик, 2003. 544 с.: ил.
6. Исаикин Д.М. К вопросу о праве народов на национальную идентичность // Социально-политические науки. 2012. №3. С.60–62.
7. Конституция Боснии и Герцеговины // Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине // Генеральная Ассамблея. Пятидесятая сессия. Пункт 28 повестки дня. Ситуация в Боснии и Герцеговине. А 50/790. S 1995/999. 30 ноября 1995 г. 135 с. URL: <https://undocs.org/ru/A/50/790> (Дата обращения: 25.04.2019)
8. Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии: (принята Союзной Народной Скупщиной 7 апреля 1963 г.) / пер. с серб.-хорват. Д.А. Севьяна. М.: Юридическая литература, 1966. 168 с.
9. Kochetkov V. B. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Сер. 18. 2012. No. 3. С.144–152.
10. Кузнецова Е. В. Этнос и нация: концепции национальной идентичности // Перспективы науки и образования. 2015. №3. С.9–16.
11. Лапшин. Письмо из Босно-Герцеговины // Русский вестник. 1901. №9. С.313.
12. Мартынова М. Ю. Босния и Герцеговина: коллизии идентичностей // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 384 с.
13. Махаматов Т. М. Объективные основания национальной идентичности как самопознания // Вопросы национальной идентичности в контексте глобализации: сб. науч. ст. М.: Проспект, 2014. 236 с.
14. Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине // Генеральная Ассамблея. Пятидесятая сессия. Пункт 28 повестки дня. Ситуация в Боснии и Герцеговине. А 50/790. S 1995/999. 30 ноября 1995 г. 135 с. URL: <https://undocs.org/ru/A/50/790> (Дата обращения: 25.04.2019)
15. Пивоваренко А. Политическая статистика Боснии и Герцеговины // Российский совет по международным делам URL: <https://russiancouncil.ru/Analytics-and-comments/columns/southeastern/europe/political-statistics-bosnii-i-gertsegoviny/> (Дата обращения: 25.04.2019)
16. Устав Республике Српске // (Службени гласник Републике Српске. Број 21/92 – пречишћени текст, 28/94, 8/96, 13/96, 15/96, 16/96, 21/96, 21/02, 26/02, 30/02, 31/02, 69/02, 31/03, 98/03, 115/05, 117/05, 48/11. URL: https://docviewer.yandex.ru/ustav_republike_srpske.pdf (Дата обращения: 25.04.2019).
17. Чигоя Б., Станишич В. Несколько замечаний о кириллической письменности боснийских францисканских писателей XVII в. // Коммуникология. 2017. Т.5. №1. С.31–49.
18. Hall S. Ethnicity: identity and Difference // Radical America. 1989. №23(4). P.9–20.
19. Palairat M. The muslims of the Habsburgs monarchie. N-Y, 1989. 708 p.
20. Ustav Federacije Bosne i Hercegovine. 30. ozujka 1994. Godine. [Электронный ресурс]. URL: <http://shp.bizhat.com/Ustavbih.html>. (Дата обращения: 25.04.2019)
21. Милош Др., Московљевић С. Речник руског и српскохрватског језика. Белград: Научна књига, 1963. 757 с.

References

1. Archive of Foreign Policy of Russian Empire. Glavn'yj Arxiv. Y-A2. Inv. 181. D. 830. L. 12. (In Russian).
2. Bagdasarov A. R. Istorija razvitiya serbo-xorvatskix e`tnoyazy'kov'x otnoshenij (1940–1990-e gg. XX v.) (*History of development of Serbo-Croatian ethno-linguistic relations (1940–1990s of XX century)*) // Slavianski Vestnik. Issue. 2. Moscow: MAX Press, 2004. P.30–49. (In Russian).
3. Batyrev D. N. Naciya i identichnost': k probleme opredeleniya ponyatij (*Nation and identity: the problem of definition*) // New technologies. Collection of scientific works MSTU. Issue. 3. Maykop, 2007. P.19–22. (In Russian).
4. Vinogradov K. B. Bosnijskij krizis 1908–1909 gg. kak prolog pervoj mirovoj vojny' (*Bosnian crisis of 1908–1909 as a prologue of the First World War*) L.: Publishing house Leningrad state University, 1964. 159 p. (In Russian).
5. Vyazemskaya E. K. Bosniya i Gercegovina: ee mesto i rol' v evropejskix konfliktax nachala XX veka (*Bosnia and Herzegovina: its place and role in the European conflicts of the early twentieth century*) // In the «powder cellar of Europe». 1878–1914. / ed by V. N. Vinogradov, V.I. Kosik and others, Moscow: Indrik, 2003. 544 p. (In Russian).
6. Isaikin D. M. K voprosu o prave narodov na nacion'al'nyu identichnost' (*On the issue of the peoples's right to national identity*) // Social and political Sciences. 2012. No 3. P.60 – 62. (In Russian).
7. Konstituciya Bosnii i Gercegoviny' (*The Constitution of Bosnia and Herzegovina*) // General framework agreement for peace in Bosnia and Herzegovina // General Assembly. Fiftieth session. Agenda item 28. The situation in Bosnia and Herzegovina. A 50/790. S 1995/999. November 30, 1995 135 p. URL: <https://undocs.org/ru/A/50/790> (Accessed: 25.04.2019) (In Russian).
8. Konstituciya Socialisticheskoy Federativnoy Respublikii Jugoslavii: (prinjata Soyuznoj Narodnoj Skupshchinoj 7 aprelya 1963 g.) (*The Constitution of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia (adopted by the Federal people's Assembly April 7, 1963)*. with Serb.-Croat. D.A. Saviana. Moscow: Legal literature, 1966. 168 p. (In Russian).
9. Kochetkov V. V. Nacional'naya i e`tnicheskaya identichnost' v sovremennom mire (*National and ethnic identity in the modern world*) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria. 18. 2012. No.3. P.144–152. (In Russian).
10. Kuznetsova E. V. E`tnos i naciya: koncepciia nacion'al'noj identichnosti (*Ethnos and nation: concepts of national identity*) // Prospects of science and education. 2015. No.3. P.9–16. (In Russian).
11. Lapshin. Pis'mo iz Bosno-Gerzegoviny' (*Letter from Bosnia-Herzegovina*) // Russian Herald. 1901. No.9. P.313. (In Russian).
12. Martynova M. Yu. Marty'nova M. Yu. Bosniya i Gercegovina: kolizii identichnostej (*Bosnia and Herzegovina: identity conflicts*) // Cultural complexity of modern Nations / edited by V. A. Tishkov, E. Filippova, Institute of Ethnology and anthropology. N.N. Miklukho-Maclay ran. Moscow: Political encyclopedia, 2016. 384 p. (In Russian).

13. Makhamatov T. M. Ob``ektivny'e osnovaniya nacional'noj identichnosti kak samopoznaniya (*Objective basis of the national identity as self-knowledge*) // Questions of national identity in the context of globalization: collection of scientific works. art. Moscow: Prospect, 2014. 236 p. (In Russian).
14. Obshhee ramochnoe soglashenie o mire v Bosnii i Gercegovine (*General framework agreement for peace in Bosnia and Herzegovina*) // General Assembly. Fiftieth session. Agenda item 28. The situation in Bosnia and Herzegovina. A 50/790. S 1995/999. November 30, 1995 135 p. URL: <https://undocs.org/ru/A/50/790> (Accessed: 25.04.2019) (In Russian).
15. Pivovarenko A. Politicheskaya statistika Bosnii i Gercegoviny` (*Political statistics of Bosnia and Herzegovina*) // Russian Council for international Affairs URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/southeast-europe/politicheskaya-statistika-bosnii-i-gertsegoviny/> (Accessed: 25.04.2019) (In Russian).
16. Ustav Republike Srpske (*Constitution of the Republika Srpska*) // (Official Gazette of the Republika Srpska. Number 21/92 – cleared text, 28/94, 8/96, 13/96, 15/96, 16/96, 21/96, 21/02, 26/02, 30/02, 31/02, 69/02, 31/03, 98/03, 115/05, 117/05, 48/11. URL: https://docviewer.yandex.ru/ustav_republike_srpske_pdf (Accessed: 25.04.2019). (In Russian).
17. Cigoja B., Stanisic, V. Neskol'ko zamechanij o kirillicheskoy pis'mennosti bosnijskix franciskanskix pisatelej XVII v. (*Some remarks on the Cyrillic alphabet, the Bosnian Franciscan writers of the XVII century*) // Communicology. 2017. Vol.5. No.1. P.31–49. (In Russian).
18. Hall S. Ethnicity: identity and Difference // Radical America. 1989. No. 23(4). P.9–20.
19. Palairet M. The muslims of the Habsburgs monarchs. N-Y, 1989. 708 p.
20. Ustav Federacije Bosne i Hercegovine. 30. ožujka 1994. Godine. [Electronic resource.] URL: <http://shp.bizhat.com/Ustavfbih.html> (Accessed: 25.04.2019)
21. Milos Dr., Moskovey S. Rechnik ruskog i srpskoхrvatskog jezika (*Boatman of Russian and Serbo-Croatian Utica*). Belgrade: Nauchna Kigaiga, 1963. 757 p.

Информация об авторе

Новикова Оксана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических дисциплин и методики их преподавания Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь) / novikovaon@mail.ru

Information about the author

Nivikova Oksana – PhD in History, Associate Professor, Chair of Historical Disciplines and Methods of Teaching, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / novikovaon@mail.ru

УДК 9 (С16)

А. А. Панарин

УЧАСТИЕ КООПЕРАЦИИ КУБАНИ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПРОДУКЦИИ ОБОРОННОГО ЗНАЧЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается производственная деятельность промысловой кооперации Кубани, связанная с изготовлением продукции оборонного значения в годы Великой Отечественной войны. Отмечается приоритетность этого направления в работе кооперации, обусловленная необходимостью организации всесторонней помощи Красной Армии. Обращается внимание на объективные трудности военного времени в производственной деятельности кооперации: значительное сокращение объемов централизованного снабжения и финансирования, мобилизация на фронт большого количества квалифицированных кадров. Освещается процесс перестройки работы кооперации на военный лад, направленный на преимущественный выпуск продукции для нужд армии. Определяется основной ассортимент продукции оборонного значения, производимой артелями и предприятиями промкооперации Краснодарского края: обмунирование, оснащение конных частей, изготовление деталей и военного оборудования. Приводятся сведения о производстве теплой одежды для советских воинов в начальный период

войны. Анализируются основные факторы быстрого восстановления кооперативного производства после окончания оккупации Кубани, подчеркивается важность этой деятельности в условиях восстановления крупных предприятий. Рассматривается процесс наращивания в артелях промысловой кооперации производства продукции оборонного значения, приводятся сведения о выпуске конкретных ее видов для армии и действующих в крае госпиталей. Обращается внимание на проблемы нехватки материально-технических и кадровых ресурсов, мешающие выполнению возложенных на промысловую кооперацию Кубани правительственные заданий по выпуску продукции для фронта. Даётся высокая оценка результатам участия кооперации Кубани в производстве продукции оборонного значения, что позволило внести существенный вклад в оказание помощи фронту и достижение победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: промысловая кооперация, производственная деятельность, продукция оборонного значения, Кубань, Великая Отечественная война.

A. Panarin

PARTICIPATION OF KUBAN COOPERATION IN PRODUCING DEFENSIVE VALUE GOODS IN THE YEARS OF GREAT PATRIOTIC WAR

The article studies the production activity of producer cooperation in the Kuban connected with production of goods of defensive value in days of the Great Patriotic War. The priority of this direction in cooperation work caused by need of the organization of full assistance of the Red Army is noted. The attention to objective difficulties of wartime in production activity of cooperation is paid: considerable reduction of volumes of the centralized supply and financing, mobilization on the front of a large number of qualified personnel. The process of reorganizing cooperation work for military purposes directed to primary production for the needs of the army is covered. The main product range of defensive value, the industrial cooperation of Krasnodar Krai made by artels and the enterprises is defined: regiments, equipment of mounted regiments, production of details and military equipment. Data on production of warm clothes for the Soviet soldiers at the initial stage of war are provided.

Major factors of fast restoration of cooperative production after the end of occupation of Kuban are analyzed, importance of this activity in the conditions of restoration of large enterprises is emphasized. The process of expanding in artels the production of defensive value is considered, data on production of certain goods for the army and hospitals operating in the region are provided. The attention to the problems of shortage of material and personnel resources impeding the implementation of the government tasks assigned to producer cooperation of Kuban on production for the front is paid. Appreciation is given to the results of participation of cooperation of Kuban in production of defensive value goods that allowed to contribute significantly to the front and achievement of the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War.

Key words: producer cooperation, production activity, products of defensive value, Kuban, Great Patriotic War.

В период Великой Отечественной войны производство продукции оборонного значения являлось приоритетной задачей для всего народного хозяйства страны. В директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям

прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. подчеркивалась необходимость организации всесторонней помощи действующей армии и укреплении тыла Красной Армии, подчинения интересам фронта всей жизни страны [11, с. 41–42].

Наряду с крупными предприятиями в материальном обеспечении Красной Армии принимала участие и кооперация. Для кооперации это не было совершенно новым делом, так как до войны она также участвовала в выполнении оборонных заказов, изготавливая для нужд армии повозки, шанцевый инструмент, детали боеприпасов, санитарное оборудование, обмундирование и другую продукцию. Однако, с началом войны – это направление деятельности приобрело для кооперативных организаций первостепенное значение. Ведущую роль играла промысловая кооперация, в системе которой производственная деятельность была выражена сильнее, чем в системе потребительской кооперации.

С началом войны развитие промысловой кооперации осуществлялось в чрезвычайно сложных условиях. Это было связано со значительным сокращением объемов централизованного снабжения и финансирования, мобилизацией на фронт большого количества квалифицированных кадров. Трудовые ресурсы Кубани, как и другие регионы страны, испытали на себе тяжелые последствия мобилизации. Так, с 23 июня по 31 декабря 1941 г. было мобилизовано более 370 тыс. человек, а к июлю 1942 г. (до оккупации большей части Краснодарского края) на фронт ушло около 600 тысяч кубанцев [10, с. 152]. Среди них были сотни квалифицированных артельщиков, на место которых приходили чаще всего женщины и молодежь, не имевшие опыта работы.

Главное внимание обращалось на жен работников артелей, которые подлежали призыву на фронт. Активизация работы по привлечению жен работников кооперации в артельное производство стала происходить с началом 1942 г., когда в обстановке максимального напряжения сил были приняты дополнительные меры по мобилизации на фронт годных к военной службе мужчин. В свою очередь это вело к дальнейшему обострению кадровой проблемы на предприятиях и в артелях. С целью ее ослабления Краснодарский краевой военкомат 22 января 1942 г. обратился в крайисполком и крайком ВКП(б) с предложением обязать все учреждения и предприятия края подготовить в течение 2-3 месяцев кадры из числа женщин и невоеннообязанных мужчин для замены контингента военнообязанных [12, с. 193].

Благодаря принятым мерам, процесс уменьшения количества работающих в системе промкооперации кадров был приостановлен. Ослаблению кадровой проблемы также способствовало расширение использования труда надомников из числа женщин и инвалидов, которые выполняли задания артелей по производству определенных изделий или полуфабрикатов и получали вознаграждение в соответствии с действующими тарифами. Вместе с тем, сохранение дефицита рабочих кадров, низкая квалификация большинства пришедших в артели работников, а также высокий уровень текучести кадров препятствовали выполнению напряженных планов военного времени.

Наряду с обострением указанных проблем, промысловой кооперации Кубани пришлось нести дополнительную нагрузку, связанную с необходимостью уменьшения общих потерь, которые понесла система промкооперации СССР в первые месяцы войны. Большинство артелей промысловой кооперации, образованных на западе страны, так и не удалось эвакуировать. Это привело к несомненному падению общего объема продукции в 1942 г. по сравнению с 1940 г. [7, с. 141].

Следует учитывать и то обстоятельство, что промкооперация брала на себя основную ответственность в вопросах обеспечения армии и населения многими продуктами и изделиями в условиях значительных потерь, понесенных легкой и пищевой промышленностью. Особенно пострадала текстильная промышленность, которая потеряла около 3 млн прядильных веретен и свыше 45 тыс. ткацких станков. Эвакуированные предприятия этих отраслей восстанавливались на новых местах сравнительно медленно, особенно в первые месяцы войны, когда все усилия были направлены в первую очередь на развертывание производства на заводах вооружения. Из 310 эвакуированных предприятий текстильной, трикотажной, обувной, кожевенной и других отраслей легкой промышленности к концу 1941 г. было восстановлено вместо 99 по плану лишь 35. Многие из вновь восстановленных фабрик и заводов легкой индустрии были далеки от прежнего уровня производства. Крупнейшие трикотажные фабрики Советского Союза – «КИМ» и имени Клары Цеткин, – дававшие в год 83 млн пар чулок, или 20 % всех чулочно-носочных изделий страны, после восстановления их в Ульяновске и Мелекессе производили вместе не более 6 млн. пар в год [16, с. 171–172].

В условиях постоянного сокращения своих производственных возможностей, система промкооперации, тем не менее, должна была обеспечить выполнение заданий центральных и местных органов по выпуску продукции военного и гражданского назначения. Приоритетной задачей при этом становилось выполнение оборонных заказов. В этом отношении промкооперация выполняла установку высших партийных и советских органов по перестройке всего хозяйства страны на военный лад. Как отмечают авторы фундаментального труда об истории Великой Отечественной войны, «перезагрузка народного хозяйства СССР исходила из задачи максимального развития военного производства с тем, чтобы увеличить выпуск вооружения и военного снаряжения, в кратчайший срок добиться решающего превосходства над врагом в количестве и качестве военной техники и тем самым создать прочную экономическую основу победы над фашистской Германией и ее союзниками» [3, с. 61].

С первых дней войны большинство артелей и предприятий промкооперации Краснодарского края переключились на выпуск различных видов изделий для Красной Армии. В основном, ассортимент этих изделий соответствовал профилю промысловых союзов.

Большое значение в деятельности артелей придавалось производству для воинов теплой одежды, наличие которой сыграло столь важную роль в последующих зимних военных кампаниях, в ходе которых Красная Армия осуществляла побоночные наступательные операции. Уже 7 августа 1941 г. наркомлегпром определил ряд задач по обеспечению воинов теплой одеждой. Предусматривалось совместно с облпромсоюзами организовать мелкие предприятия по выделке шубной овчины и пошиву шубных изделий по упрощенной методике. При этом наркомлегпром брал на себя снабжение сырьем, материалами и фурнитурой не только входящие в его систему предприятия, но и артели промкооперации [15, с. 32–33].

Реализация этих мер, наряду с напряженной работой коллективов артелей позволила выполнить поставленные перед промкооперацией задачи. К концу 1941 г. силами кооперативной и местной промышленности Краснодарского края было изготовлено для воинов Красной Армии 7800 пар валенок, 42210 шапок-ушанок, 258932 шаровар, 11956 кальсон, 222351 телогреек, 10231 рубах, 48102 пары варежек и перчаток [17, л. 27].

С начала 1942 г. происходило дальнейшее увеличение выпуска оборонной продукции. В выступлениях делегатов X пленума Краснодарского крайкома ВКП(б), состоявшегося 11 февраля 1942 г., отмечалось, что «...У нас не может быть теперь «мирных предприятий»; все до единого предприятия должны работать на оборону и работать лучше, чем до войны» [8, с. 54–55].

Выполнение этой задачи способствовало дальнейшему расширению количества участвующих в выпуске оборонной продукции предприятий и артелей промкооперации, как и увеличению объемов и ассортимента данной продукции. Контролировало выполнение правительственные заданий краевое бюро ВКП (б) через отчеты крайисполком и уполномоченного промкооперации. Частыми были плановые и внезапные проверки, осуществляемые партийными и другими инстанциями.

Приоритетность выполнения военных заданий доказывают данные о результатах производственной деятельности артелей промкооперации, где наилучшие показатели были по изготовлению продукции оборонного значения. Тем не менее, с начала 1942 г. под воздействием нарастающих трудностей военного времени стало происходить постоянное невыполнение правительственные заданий. Так, в первой декаде января практически все промсоюзы края не сумели выполнить возложенные на них плановые показатели. В том числе, это произошло и по тем производствам, где имелись достаточные запасы сырья [4, л. 18].

Еще одной мерой, направленной на увеличение выпуска изделий оборонного значения являлись определенные отступления от действующих стандартов готовой продукции. Как отмечают Л. В. Печалова и Н. Д. Судавцов, «эта мера должна была привести к увеличению выпуска продукции для Красной Армии. В апреле 1942 г. Всеобщим комитетом стандартов при СНК СССР

были изменены государственные стандарты, допускающие отступления от нормативов 1940 г. Такое отступление отрицательно повлияло на качество производимой продукции, но это была вынужденная мера» [13, с. 57].

С помощью применения подобных мер, использования всей совокупности методов административно-командной системы, а также благодаря напряженному труду коллективов артелей и предприятий, промкооперация края в начальный период войны сумела перестроить свою работу на военный лад и обеспечить выполнение заданий оборонного значения, способствуя тем самым повышению боеспособности Красной Армии.

При приближении врага к границам Краснодарского края большинство артелей и предприятий промкооперации полностью переключились на выпуск продукции оборонного значения. Выполнение военных заказов осуществлялось в условиях спешки и усиления психологической напряженности руководителей, и коллективов промсоюзов, что сказывалось на невыполнение установленных сроков и низком качестве выпускаемой продукции.

В период временной оккупации большей части Краснодарского края, в некоторых незанятых врагом районах Черноморского побережья действующие там артели промкооперации продолжали работу по оказанию помощи воинским частям, ведущим в непосредственной близости тяжелые бои с немецко-фашистскими войсками.

Процесс восстановления кооперативного производства после освобождения территории Краснодарского края проходил в два этапа. На первом этапе, который занял в основном февраль–март 1943 г., возобновление деятельности артелей промыслового кооперации происходило, главным образом, вследствие использования преимуществ кооперативной организации и возможностей быстрого ввода в действие мелких форм производства.

В связи с этим, сразу после освобождения от врага населенных пунктах большинство из артелей сразу же приступали к работе. Происходило это как по инициативе местных органов, так и самих работников артелей. В этом отношении промкооперация Краснодарского края продемонстрировала свои возможности быстрой адаптации к конкретным условиям хозяйственной деятельности, в том числе, отличающихся тяжелыми последствиями оккупации.

О характере восстановления деятельности кооперации на территории края свидетельствует передовая статья краевой газеты «Большевик». В дни освобождения Краснодара газета писала: «в Майкопе, Армавире, Кропоткине уже пущены в ход десятки кустарно-промышленных производств. Теперь очередь за остальными районами» [1].

Второй этап восстановления деятельности промыслового кооперации начался с конца марта 1943 г., когда, по мере освобождения территории края, данный процесс стал принимать централизованный и планомерный характер. С учетом больших масштабов ущерба, нанесенного окку-

пантами хозяйству и населению Кубани, с одной стороны, и ограниченностью средств централизованного снабжения, с другой стороны, со всей остротой был поставлен вопрос о максимальном использовании местного природного сырья и отходов производства. «Война рождает известные трудности, особенно в области снабжения материалами и сырьем, - отмечалось в газете «Большевик», - поэтому на долю каждого руководителя промартели и предприятия местпрома падает большая ответственность за изыскание сырья и материалов на месте. В период войны нельзязя загружать транспорт дальними перевозками, надо во всем обходиться местными ресурсами, изыскивая недостающее у себя или в соседних районах, широко используя заменители» [2].

Дальнейшие меры по восстановлению хозяйства Краснодарского края, в том числе предприятий и артелей промкооперации были связаны с реализацией постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйств в районах, освобожденных от немецких оккупантов» [14, с.139-169]. В это время были увеличены объемы централизованного финансирования восстановительных работ, были направлены дополнительные материально-технические и людские средства из регионов, не подвергшихся оккупации. Все это способствовало более динамичному восстановлению и укреплению системы промкооперации Кубани.

Благодаря принятию этих мер, к 1 января 1944 г. на Кубани было восстановлено и вступило в строй 326 артелей [18, с. 133]. Примером быстрого восстановления кооперативного производства является г. Краснодар. Там возобновила работу артели, которые используя местные ресурсы и сырье наладили выпуск продукции, необходимой армии [9, с. 618].

Используя все возможные средства и местное сырье, артели промкооперации приступили к выполнению правительственныеых заданий по изготовлению обмундирования, обозно-хозяйственного имущества и других изделий. Благодаря быстрому восстановлению деятельности артелей, производственный план по выпуску продукции оборонного значения по промкооперации Краснодарского края в 1943 г. был перевыполнен. Следует отметить, что успешная деятельность промкооперации Краснодарского края по оказанию помощи фронту осуществлялась в русле процесса наращивания производства изделий оборонного значения в целом по стране.

В 1943 г. промышленность РСФСР освоила массовое производство около 200 наименований новых изделий военной продукции, в том числе 10 видов боеприпасов (противотанковые авиационные бомбы, противотанковые ручные гранаты новой конструкции и др.), 30 изделий медико-санитарного имущества, свыше 100 изделий инженерно-технического вооружения, около 30 изделий по вещевому, обозно-хозяйственному имуществу и средствам противохимической защиты. Больше чем в 2 раза увеличился объем производства по

стирке, ремонту, химчистке теплого обмундирования и перенасадке валенок [15, с. 111].

Еще одним направлением в оказании помощи фронту со стороны промкооперации края являлось изготовление различных изделий для развернутых в крае госпиталей. В этих целях в мае 1943 г. в артелях промкооперации было организовано производство 3 тыс. металлических ложек, 1 тыс. жестяных кружек, 100 умывальников, 100 железных кроватей, 300 плевательниц, 5 тыс. глиняных мисок и чашек, 100 столов [5, л. 26]. Благодаря быстрому восстановлению деятельности большинства предприятий и артелей, а также напряженной работе трудовых коллективов, в 1943 г. промкооперация края сумела справиться с возложенными на нее правительственныеыми заданиями по производству продукции оборонного назначения.

В 1944 задания по выпуску оборонной продукции для прокооперации существенно возросли. При это ощущалась острая нехватка ресурсов, в том числе трудовых. В связи с этим, в течение 1944 г. большинство предприятий и артелей промсоюзов Кубани неправлялось с полным объемом, возложенными на них правительственныеыми заданий и заказов военного командования.

В связи с отставанием артелей руководство промкооперации давало распоряжения председателям артелей о необходимости повысить производительность в текущем месяце для перекрытия недовыполнения плана в прошлом. Приведенный пример показывает широкое распространение в восстановительный период принципов мобилизационной экономики, в соответствии с которыми органы власти и хозяйствственные организации распоряжались, имеющимися материально-техническими и кадровыми резервами в зависимости от важности той или иной задачи. В этом отношении приоритетность выполнения заданий оборонного значения вызывала наибольшую мобилизацию усилий руководства и коллективов артелей промкооперации. Кроме переброски в отстающие артели дополнительной рабочей силы туда также перераспределяли и часть, имеющихся у других артелей средств производства.

Несмотря на принимаемые меры, преодолеть допущенное отставание в выполнении плановых заданий к концу 1944 г. не удалось. По итогам ме-жобластного соцсоревнования по системе промкооперации за декабрь 1944 г. Краснодарский край выполнил план по валовой продукции на 86,4 %. [6, л. 5]. В следующем году эта тенденция несоответствия результатов производственной деятельности плановым показателям продолжала сохраняться.

Несмотря на это, произведенные промкооперацией Краснодарского края объемы продукции позволили внести существенный вклад в оказание помощи фронту. Участие промысловых артелей и предприятий Кубани в производстве различных видов продукции оборонного значения, укреплении материальной базы госпиталей свидетельствует о важной роли кооперации в достижении победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Источники и литература

1. Большевик. 1943. 11 февраля.
2. Большевик. 1943. 18 мая.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.
4. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1435. Оп.1. Д.1.
5. ГАКК. Ф. Р-1435. Оп.1. Д.2.
6. ГАКК. Ф. Р-1435. Оп.1. Д.26.
7. Губанова Е. В., Ложкова С. Г. Промысловая кооперация в годы Великой Отечественной войны (на материалах Саратовской области) // Наука и общество. 2018. №1. С.139–142.
8. Документы отваги и героизма. Кубань в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1965. 296 с.
9. Екатеринодар – Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1993. 800 с.
10. История Кубани с древнейших времен до конца XX века. В 2 частях. Часть 2. История Кубани с 1917 года до конца XX века. Краснодар: Перспективы образования, 2011. 272 с.
11. Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне, июнь 1941 г. – 1945 г.: Документы и материалы. М.: Политиздат, 1970. 494 с.
12. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Кн.1. Хроника событий. 1941–1942. Краснодар: Советская Кубань, 2000. 814 с.
13. Печалова Л. В., Судавцов Н. Д. Кооперативная промышленность Ставрополья и Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: ООО «Вест-Консалтинг», 2010. 348 с.
14. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). Т.3. М.: Политиздат, 1968. 750 с.
15. РСФСР – фронту. 1941 – 1945. Документы и материалы. М.: Советская Россия, 1987. 384 с.
16. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. Изд. второе, исп. и доп. / отв. ред. А.М. Самсонов. М.: Наука, 1985. 711 с.
17. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774-А. Оп.1. Д.165.
18. Шебзухов М.Х. Тыл - фронту (Северо-Западный Кавказ в годы войны 1941–1945 гг.). Майкоп: Меоты, 1993. 326 с.

References

1. Bol'shevik. 1943. February 11. (In Russian).
2. Bol'shevik. 1943. February 18. (In Russian).
3. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov (*The Great Patriotic War 1941–1945*): In 12 Vols. Vol. 7. EHkonomika i oruzhie vojny (*Economy and weapon of war*). Moscow: Kuchkovo pole, 2013. 864 p. (In Russian).
4. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja (GAKK). F. R-1435. Inv.1. D.1. (In Russian).
5. GAKK. F. R-1435. Inv.1. D.2. (In Russian).
6. GAKK. F. R-1435. Inv.1. D.26. (In Russian).
7. Gubanova E. V., Lozhkova S. G. Promyslovaya kooperaciya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Saratovskoj oblasti) (*Producer cooperation in the days of the Great Patriotic War (on materials of the Saratov region)*) // Nauka i obshchestvo. 2018. No.1. P.139–142. (In Russian).
8. Dokumenty otvagi i geroizma. Kuban' v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. (*Documents of courage and heroism. Kuban in the Great Patriotic War of 1941–1945*) Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 296 p. (In Russian).
9. Ekaterinodar – Krasnodar. Dva veka goroda v datah, sobtyiyah, vospominaniyah... Materialy k Letopisi (*Ekaterinodar – Krasnodar. Two centuries of the city in dates, events, memoirs ... Materials to the Chronicle*). Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993. 800 p. (In Russian).
10. Istorya Kubani s drevnejshih vremen do konca XX veka (*History of Kuban since the most ancient times until the end of the 20th century*) Part 2. Istorya Kubani s 1917 goda do konca XX veka. (*History of Kuban since 1917 until the end of the 20th century*). Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya, 2011. 272 p. (In Russian).
11. Kommunisticheskaya partiya v Velikoj Otechestvennoj vojne (*The Communist Party in the Great Patriotic War*). Moscow: Politizdat, 1970. 494 p. (In Russian).
12. Kuban' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945. Rassekrechennye dokumenty. Hronika sobtyij (*Kuban in the days of the Great Patriotic War. 1941–1945. The declassified documents. Chronicle of events*): V 3 kn. Kn.1. Hronika sobtyij (*Chronicle of events*). 1941–1942. Krasnodar: Sovetskaya Kuban', 2000. 814 p. (In Russian).
13. Pechalova L. V., Sudavcov N. D. Kooperativnaya promyshlennost' Stavropol'ya i Karachaevo-Cherkessii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.). (*The cooperative industry of Stavropol Territory and Karachay-Cherkessia in the days of the Great Patriotic War*). Moscow: OOO «Vest-Konsalting», 2010. 348 p. (In Russian).
14. Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam (1917–1967) (*Solutions of party and government on economic issues*). Vol.3. Moscow: Politizdat, 1968. 750 p. (In Russian).
15. RSFSR – frontu (*RSFSR – to the front*). 1941–1945. Dokumenty i materialy. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1987. 384 p. (In Russian).
16. Sovetskij Soyuz v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (*The Soviet Union in the days of the Great Patriotic War*). / ed by A.M. Samsonov. Moscow: Nauka, 1985. 711 p. (In Russian).
17. Centr dokumentacii novejshei istorii Krasnodarskogo kraja. F. 1774-А. Inv.1. D.165. (In Russian).
18. Shebzuhov M. H. Tyl - frontu (North-West Caucasus in the war time 1941–1945). Majkop: Meoty, 1993. 326 p. (In Russian).

Информация об авторе

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / panarin.arm@mail.ru

Information about the author

Panarin Andrei – Doctor of History, Professor, Chair of General and Russian History, Armavir State Pedagogical University (Armavir) / panarin.arm@mail.ru

УДК 9 (C16)

Е. В. Панарина

ПОЛИТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА ПРОФСОЮЗОВ КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается одно из важнейших направлений деятельности профсоюзов Кубани и Ставрополья в годы Великой Отечественной войны, связанное с осуществлением политico-воспитательной работы среди работников предприятий и учреждений, а также населения региона. Отмечаются ее главные задачи, основные формы и средства реализации. Раскрываются особенности осуществления политico-воспитательной работы в условиях военного времени, заключающиеся в преобладании военно-патриотической тематики, а также в перенесении большинства проводимых мероприятий непосредственно на рабочие места. Указывается на руководящую роль партийных комитетов в организации политico-воспитательной работы и осуществляемый ими контроль за реализацией поставленных задач. Приводятся конкретные сведения о проводимых профсоюзами Кубани и Ставрополья мероприятиях в области военно-патриотического воспитания трудящихся и населения непосредственно на рабочих местах и по месту жительства, а также в культурно-просветительных учреждениях: домах культуры, драмтеатрах, библиотеках. Отдельно рассматриваются меры по противодействию фашистской пропаганды, осуществляемые профсоюзными активистами в госпиталях и в трудовых коллективах. Освещается процесс восстановления деятельности профсоюзных культурно-просветительных учреждений после окончания оккупации Кубани и Ставрополья, включения их в политico-воспитательную работу. Подчеркивается преобладание в этот период активных форм пропаганды и агитации, направленных на обеспечение широкого охвата слушателей. Большое внимание уделяется осуществлению политico-воспитательной работы профсоюзов в сельских районах Кубани и Ставрополья путем организации шефства городскими профсоюзными организациями над близлежащими колхозами и населенными пунктами. Отмечается ведущая роль учителей в проведении военно-патриотического воспитания среди сельских жителей. Даётся высокая оценка результатам политico-воспитательной работы профсоюзов Кубани и Ставрополья в условиях военно-патриотического времени.

воздействию фашистской пропаганды, осуществляемые профсоюзными активистами в госпиталях и в трудовых коллективах. Освещается процесс восстановления деятельности профсоюзных культурно-просветительских учреждений после окончания оккупации Кубани и Ставрополья, включения их в политico-воспитательную работу. Подчеркивается преобладание в этот период активных форм пропаганды и агитации, направленных на обеспечение широкого охвата слушателей. Большое внимание уделяется осуществлению политico-воспитательной работы профсоюзов в сельских районах Кубани и Ставрополья путем организации шефства городскими профсоюзными организациями над близлежащими колхозами и населенными пунктами. Отмечается ведущая роль учителей в проведении военно-патриотического воспитания среди сельских жителей. Даётся высокая оценка результатам политico-воспитательной работы профсоюзов Кубани и Ставрополья в условиях военно-патриотического времени.

Ключевые слова: политico-воспитательная работа, пропаганда, агитация, профсоюзы, Кубань, Ставрополье, Великая Отечественная война.

E. Panarina

POLITICAL-EDUCATION WORK OF LABOR UNIONS IN THE KUBAN AND STAVROPOL REGIONS IN THE DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article studies one of the most important activities of labor unions in the Kuban and Stavropol regions in days of the Great Patriotic War connected with implementation of political-education work among employees of the enterprises and institutions and the population of the region. Its main tasks, forms and means of implementation are noted. The study shows the features of political-education work implementation in the conditions of wartime consisting in prevalence of military patriotic subject and transferring the majority of events directly to workplaces. Party committees exercised the control of task implementation; their leading role in the organization of political-education work is indicated. The article provides data on the actions carried out by labor unions of Kuban and Stavropol regions in the field of military patriotic education of workers and the population directly in workplaces, places of residence, cultural and educational institutions: recreation centers, dramatic theaters, and libraries. The measures for counteraction to fascist promotion carried out by trade-union activists in hospitals and

in labor collectives are considered separately. The process of resumption of activity of trade-union cultural and educational institutions after the end of occupation of Kuban and Stavropol regions, their inclusion in political-education work is covered. The prevalence during this period of the active forms of promotion and propaganda aimed at providing broad coverage of listeners is emphasized. Much attention is paid to implementation of political-education work of labor unions in the rural areas of Kuban and Stavropol regions by the organization of patronage by the city trade-union organizations of nearby collective farms and settlements. The leading role of teachers in carrying out military patriotic education among villagers is noted. The results of political-education work of labor unions of Kuban and Stavropol regions in the conditions of wartime are highly appreciated.

Key words: political-education work, promotion, propaganda, labor unions, Kuban, Stavropol region, Great Patriotic War.

Одним из важнейших направлений деятельности профсоюзов в годы Великой Отечественной

войны являлась политico-воспитательная работа. После нападения фашистской Германии на

СССР организация этой работы была направлена на мобилизацию борьбы с захватчиком. Главными задачами являлись: пропаганда справедливо-го характера войны со стороны Советского Союза и государств антигитлеровской коалиции, воспитание любви к своей Родине, укрепление дружбы народов СССР, формирование качеств героизма и самоотверженности воинов и тружеников тыла.

Газета «Правда» 17 июля 1941 г. в статье «Агитация на службу Отечественной войне» отмечала: «В эти грозные дни, когда над нашей любимой Родиной нависла серьезная опасность, наша агитация должна нести в массы огненное слово большевистской правды, разжигать в сердцах миллионов людей священную ненависть к фашистским извергам и поработителям, сплачивать и мобилизовывать советских людей на борьбу с врагом, на помощь фронту...» [13].

На реализацию этих задач была направлена деятельность культурно-просветительных учреждений профсоюзов Кубани и Ставрополья: клубов и Дворцов культуры, профсоюзных библиотек, периодической печати. Их потенциал максимально использовался профсоюзами для проведения политico-воспитательной работы. Вместе с тем, в условиях войны политическое воспитание трудящихся в значительной степени было перенесено на рабочие места и проводилось непосредственно в цехах, а также в красных уголках предприятий. Профсоюзные активисты также часто выступали по месту жительства: в общежитиях, при домоуправлениях, на сходах жителей частного сектора.

Основными формами работы являлись лекции, беседы и политинформации, проводившиеся профсоюзными активистами во время рабочих перерывов или сразу после окончания трудового дня. Распространенной формой политico-воспитательной работы на предприятиях и в учреждениях стали также «летучие» митинги, которые собирались по случаю какого-либо важного события в жизни страны. Широко использовались средства наглядной агитации: стенные газеты, боевые листки, «молнии», выставки, посвященные героизму советских людей на фронте и в тылу.

Состав агитационных коллективов претерпел существенные изменения. Многие профсоюзные пропагандисты Кубани и Ставрополья были направлены в политорганы Красной Армии. В связи с этим были предприняты меры по их замене из числа активистов профсоюзных организаций, для которых создавались краткосрочные курсы пропагандистов, проводились инструктажи и семинары. В помощь профсоюзному акту со стороны ВЦСПС направлялись агитационные материалы и методические разработки.

Политico-воспитательная работа профсоюзных организаций проводилась под непосредственным руководством и контролем со стороны партийных органов. Ее основные идеи и задачи определялись в центральных органах власти как руководство к действию для всех общественных организаций. Они излагались в решениях ЦК ВКП(б), постановлениях ГКО СССР, приказах

Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Ход выполнения директив центральных органов власти систематически проверялся путем заслушивания отчетов о проделанной работе, инспекционных поездок на места представителей аппарата ЦК ВКП(б) и крайкомов партии.

В начале июля 1941 г. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) опубликовало рекомендации относительно новых циклов лекций, докладов, бесед. Главное место в них занимали темы, посвященные разоблачению фашизма, подвигам советских воинов на фронте, самоотверженному труду в тылу, единству народов СССР в борьбе с иноземными захватчиками [3, с. 208].

Большое внимание уделялось также героической истории России. Среди рекомендованных центральным лекционным бюро Наркомпроса РСФСР лекций были такие, как «Александр Невский и разгром немецких псов-рыцарей», «Дмитрий Донской и историческое значение Куликовской битвы», «Народное ополчение 1612 г. и его вдохновители Минин и Пожарский», «Великий русский полководец Суворов и его наука побеждать» и другие [8, с. 126].

Соответствующие рекомендации общественным организациям были даны местными партийными органами. Бюро Ставропольского крайкома ВКП(б) 17 июля 1941 г. приняло постановление, в котором подчеркивалось, что задачи военного времени требуют организовать устную и печатную агитацию таким образом, чтобы все трудящиеся глубоко осознали всю серьезность положения и перестроили свою работу, полностью подчинив ее интересам фронта [14, с. 33–36]. Подобные решения были приняты и на заседаниях бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) 27 июня и 16 августа 1941 г. [10, с. 106].

Проводимая профсоюзами политico-воспитательная работа ставила своей главной целью повышение политической активности трудовых коллективов для выполнения сложных задач военного времени. С первых дней войны фабрично-заводские и местные комитеты включились в решение вопросов мобилизации: на большинстве предприятий и учреждений Кубани, и Ставрополья были образованы агитколлективы, которые работали на призывах пунктах, поднимая боевой дух призванных в ряды Красной Армии. Много внимания на проводимых в это время профсоюзных собраниях и митингах уделялось вопросам создания народного ополчения, подготовке боевых резервов, организации противохимической и противовоздушной обороны.

О масштабе проделанной в первые месяцы войны агитационно-массовой работы, в организации которой приняли участие профсоюзы, свидетельствуют данные по Буденовскому району Орджоникидзевского края. В июле 1941 г. во время призыва здесь организовали три агитпункта, на которых было проведено 215 докладов, 17 лекций, 371 беседа и читки газет. Этой работой было охвачено более 35 тыс. человек. Среди населения района было прочитано 240 докладов, 71 лекция, 1 270 бесед и политинформаций с ох-

вatom 50 тыс. человек, проведено 750 митингов с участием большого количества населения [14, с. 37]. Агитаторы и пропагандисты г. Ворошиловска с июля по октябрь 1941 г. прочитали 1 400 лекций и докладов и провели более 21 тыс. бесед и политинформаций [12, с. 352].

В Майкопе только за ноябрь и декабрь 1941 г. на предприятиях и в учреждениях было прочитано 326 лекций и докладов на темы: «Советский народ и Красная Армия – решающая сила в разгроме гитлеровских захватчиков», «О текущих военно-политических событиях», «Тыл – надежная опора фронта», «Бдительность – важное условие победы», «Героическое прошлое нашей Родины» и другие [7, с. 27].

Большое значение в системе агитационно-массовой работы играли в это время культурно-просветительные учреждения, которые охватывали своим влиянием большие массы людей. Коллектив Армавирского драмтеатра в феврале 1942 г. организовал в фойе театра «Окно сатиры ТАСС» и выставку портретов героев Великой Отечественной войны, кроме того, участвовал в проведении лекций на предприятиях города и в близлежащих колхозах [1].

Значительное количество агитационно-пропагандистских мероприятий проводилось с начала войны на предприятиях и в учреждениях. Деятельность агитаторов, по сравнению с мирным временем, приобрела более мобильный и оперативный характер. При этом лекции и беседы, читки газет и агитационных материалов происходили непосредственно на рабочих местах, не отвлекая много времени от производственного процесса.

На протяжении первого полугодия 1942 г. в 70 первичных профсоюзных организациях предприятий молочной промышленности Краснодарского края, объединяющих 5 334 рабочих, было проведено 143 лекции о международном положении. Таким образом, за этот период в среднем по профсоюзной организации было прочитано по две лекции, на каждой из которых присутствовало около 50 слушателей [20, л. 7].

Большое значение в политико-воспитательной работе придавалось противодействию фашистской пропаганды, стремившейся подорвать моральный дух советских людей путем распространения вредных слухов и провокаций. Оснований для тревоги было предостаточно. Особенно напряженной была обстановка в госпиталях, куда прибывали искалеченные воины, получившие глубокие психологические травмы от встречи с противником. Часть из них, особенно в первые наиболее тяжелые месяцы войны, находилась в деморализованном состоянии и была подвержена влиянию вражеской пропаганды. По информации Краснодарского УНКВД, у ряда красноармейцев, при санобработке в одежде были обнаружены фашистские листовки. Имелись случаи, когда отдельные раненые данные листовки давали читать окружающим. А «некоторые панически настроенные малодушные лица из обслуживающего персонала госпиталей», в свою очередь, распространяли эти сведения среди

населения, ссылаясь на раненых, как на точный первоисточник [11, с. 66–67].

Непростая ситуация складывалась и среди мирного населения. «Каждый день все новые и новые провокации вроде того, что «Япония с нами воюет, Турция тоже», – писал секретарь Крыловского РК ВКП(б) – слухи о плохом положении на фронте и т.д. Быстро эти слухи распространяются, быстро они и разбиваются, и исчезают, но всплывают новые, и так происходит как бы волнобразное движение этих слухов» [11, с. 100].

Выступая на собраниях трудовых коллективов, перед ранеными бойцами и населением, профсоюзные агитаторы разоблачали происки вражеской пропаганды, осуждали факты паники и малодушия, призывали к спокойствию и дисциплине. По мере ожесточения боевых действий «возникал единый, без полутона, образ безжалостного иностранного врага-захватчика – немца-фашиста, которого нужно уничтожать без всякой жалости. Помимо объективных условий для его формирования (зверства фашистов и прочее) этот единый образ получил соответствующее информационно-пропагандистское обеспечение. Он возник в чрезвычайных условиях и был расписан на воспитание бескомпромиссной ненависти к врагу» [4, с. 637]. Результатом деятельности профсоюзных агитаторов стало укрепление морального духа и политического единства населения в самый тяжелый для Кубани и Ставрополья период военных испытаний и последовавшей за тем оккупации.

После окончания оккупации главное внимание профсоюзов при проведении политико-воспитательной работы обращалось на преодоление морально-политических последствий пребывания фашистских захватчиков на территории Кубани и Ставрополья, скорейшее восстановление разрушенного хозяйства, включение трудовых коллективов в социалистическое соревнование и различные мероприятия по оказанию помощи фронту. Были задействованы все формы и средства политико-воспитательной работы. В сентябре 1943 г. на собрании профсоюзного актива Ставропольского края была принята резолюция, в которой признавалось необходимым «систематически проводить в клубах, красных уголках, в цехах и общежитиях лекции, доклады и беседы на политические, международные и производственные темы, читки сводок Совинформбюро, газет, также политической и художественной литературы [14, с. 375].

При постановке задач фабрично-заводским и местным комитетам руководящие органы отраслевых профсоюзов подчеркивали необходимость достижения практического результата от проводимой политико-воспитательной работы. Краснодарский крайком Союза государственных учреждений Юга, например, связывал деятельность профсоюзных агитаторов с активным участием работников этого союза в восстановлении хозяйства, посевной кампании, подписке на военный заем, оказании помощи фронту и семьям военнослужащих.

Одной из массовых форм политico-воспитательной работы являлись митинги. Их проведение, как правило, посвящалось наиболее значительным датам и событиям. С августа 1943 г. по март 1944 г. в трудовых коллективах госпиталей Кубани и Ставрополья, автономных областей были проведены митинги, посвященные праздникам Великой Октябрьской социалистической революции и Красной Армии, взятию Красной Армии Курска, Орла, Харькова и Новороссийска, итогам работы Чрезвычайной следственной комиссии (зверства фашистских оккупантов) и другие [18, л. 48]. Разоблачению преступной сущности гитлеризма содействовали антифашистские митинги. На этих форумах выступали представители многих народов, которые осуждали человеческих нацистических планы и действия агрессора, говорили о страшной угрозе фашистского порабощения. С начала войны до 25 сентября 1941 г. в Карачае и Черкесии прошло 1 100 таких митингов и собраний, в которых приняло участие свыше 250 тыс. человек [9, с. 6].

Вопросы состояния и организации политico-воспитательной работы включались в заключаемые договоры о социалистическом соревновании. К примеру, в договоре о соревновании между Ставропольским и Краснодарским отделами народного образования, главным направлением являлось проведение политico-просветительской работы учреждениями образования [21, л. 1].

Осуществлению политico-воспитательной работы после оккупации препятствовала ограниченность материальных возможностей профсоюзных организаций. Так, в системе профсоюза работников связи Ставропольского края гитлеровцы уничтожили все клубы и красные уголки, разграбили 27 библиотек, существовавшие при местных комитетах. В этих условиях политico-воспитательная работа в еще большей степени, чем в 1941 – 1942 гг., осуществлялась непосредственно на рабочих местах силами профсоюзных агитаторов. На предприятиях связи, например, в первые месяцы после оккупации в агитационной работе участвовали 417 профсоюзных активиста, которые регулярно проводили политизацию в рабочих коллективах, участвовали в организации 411 митингов и собраний. Кроме того, при всех местных комитетах действовали редакционные коллегии, выпускающие стенные газеты [6, л. 15]. Для трудовых коллективов, удаленных по роду своей деятельности от городов и рабочих поселков устраивались передвижные агитационные пункты. Особое внимание былоделено в марте 1944 г. строителям Невинномысского канала, куда был обеспечен регулярный выезд лекторов, докладчиков, пропагандистов, издание плакатов и лозунгов [14, с. 405].

В политico-воспитательной работе значительное место занимали коллективные читки газет, политической литературы и агитационных материалов. Значение этих форм работы объяснялось охватом широких масс работников, большинство из которых имели ограниченные возможности в получении информации. Среди 425 рабочих ва-

гонного участка станции Краснодар, например, лишь 16 человек выписывали газеты «Правда», «Известия», «Большевик». Учитывая это, местный комитет сумел организовать регулярную агитационно-массовую работу. За короткий срок, с 10 марта по 13 мая 1943 г., было проведено 246 читок с рабочими участка [19, л. 13].

Газетные заголовки и сами публикации являлись проявлением использования различных средств и методов идеологической борьбы. Когда в них речь шла о бойцах и офицерах Красной (Советской) армии, то преобладали такие определения, как «мужество», «отвага», «боевая стойкость», «героический» или «бессмертный» подвиг, «инициативный командир», «боевое братство», «герои-патриоты», «воины-освободители» и др. Образ же врага характеризовали такие заголовки, как: «чудовищные злодеяния», «зверства фашистских извергов», «следы зверя», «кровавая расправа гитлеровцев», «злодеяния гитлеровских бандитов», «в берлоге зверя» и пр. [23, с. 121].

По мере восстановления на территории Кубани и Ставрополья материальной базы культурно-просветительских учреждений они все больше включались в проведение политico-воспитательной работы. Профсоюзные клубы в своей работе широко использовали произведения литературы и искусства, созданные в годы войны, осуществлялись постановки пьес «Нашествие» Л. Леонова, «Фронт» А. Корнейчука, просмотры кинофильмов «Два бойца», «Она защищает Родину», «Зоя», «Радуга», обсуждения книг «Они сражались за Родину», М. Шолохова, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Василий Теркин» А. Твардовского, «Дни и ночи» К. Симонова и др. [15, с. 209].

Большое значение в условиях войны имела политico-воспитательная работа профсоюзов в сельской местности. Население сел и станиц Кубани, и Ставрополья, автономных областей в меньшей степени, чем жители городов, имело возможность получать правдивую информацию о ситуации на фронте и в стране. В то же время оно было больше подвержено влиянию всяческих слухов и провокаций. В связи с этим, со стороны городских профсоюзных организаций осуществлялись агитационно-пропагандистские мероприятия в форме шефства над близлежащими колхозами и населенными пунктами. Это способствовало укреплению связей между фронтом и тылом, помогало жителям правильно ориентироваться в сложной военно-политической обстановке, вселяя в них уверенность в будущей победе над врагом, способствовало мобилизации на решение стоящих задач.

В политico-воспитательной работе на селе широкое применение нашли мобильные средства в виде агитмашин и агитпоездов. В Буденовском районе Ставропольского края уже в июле 1941 г. для сельчан устраивались передвижные выставки с военно-патриотической тематикой, которые ежедневно осматривало до 600 человек [10, с. 107]. В марте 1942 г. в сельских районах Краснодарского края работало около 30 тыс. агитаторов и лекторов, было прочитано 970 лекций и

докладов, которые прослушали 58 тыс. колхозников и рабочих совхозов [7, с. 26]. В это же время на Кубани в рамках 2-го колхозного кинофестиваля в каждом сельском населенном пункте был организован просмотр кинофильмов, посвященных Великой Отечественной войне [11, с. 222].

После оккупации инициаторами активизации политico-воспитательной работы в станицах и селах Кубани стали представители интеллигенции станицы Динской. Откликнувшись на их призыв, коллективы многих предприятий и учреждений установили шефство над близлежащими колхозами и населенными пунктами [2]. Большую роль в политico-воспитательной работе на селе играли профорганизации учителей. Находясь в летний период вместе с учениками на уборочных работах, они по вечерам устраивали для крестьян читки и беседы, связанные с ситуацией на фронте, разъяснением политики большевистской партии и советского правительства. Летом 1943 г. в этой работе было задействовано 1676 учителей Кубани. Кроме того, с их участием было подготовлено 2894 стенгазеты и 3106 лозунгов [5, л. 12].

Учителя Армавирской средней школы № 3 проводили агитационную работу в подшефном колхозе «Пчела», где вместе с учащимися старших классов устраивали доклады, беседы, читки политической, художественной и агрономической литературы, выступали с концертами [2]. В Зеленчукском районе Ставропольского края в культурно-просветительной работе среди колхозников систематически участвовало 115 учителей района. Они знакомили колхозников с международным положением СССР, рассказывали о геройских победах Красной Армии, участвовали в выпуске стенных газет. Все это заметно сказывалось на трудовой активности колхозников, помогало им успешно выполнять производственные задачи [16, с. 87].

Политico-воспитательную работу на селе проводили многие другие профсоюзные организа-

ции. Так, агитаторы профсоюзных организаций госпиталей Краснодарского края систематически организовывали чтение лекций в подшефных колхозах на темы: «Военно-международное положение Советского Союза», «Военно-международное положение Германии и ее сообщников» и другие [17, л. 71]. Агитационные бригады госпиталей г. Железноводска в апреле 1943 г. прочитали для колхозников 17 докладов о празднике 1 Мая и текущем положении на фронте. Агитаторы госпитала № 3803 в колхозе «Парижская коммуна» Минераловодского района организовали выставку «Фронт и тыл Великой Отечественной войны». Со своей стороны, в день празднования Первомая во всех действующих госпиталях побывали представители от шефов-колхозников, которые приняли участие в торжественных мероприятиях [14, с. 300].

Большая лекторская работа проводилась в сельских районах Карачая и Черкесии. За шесть месяцев 1943 г. в колхозах и совхозах было прочитано 1,2 тыс. докладов. Это дало возможность лучше удовлетворять запросы трудящихся в идейной и духовной жизни. Высокий интерес у слушателей был вызван правдивой информацией о положении дел на фронте и в тылу [22, с. 253]. По мере приближения Победы политico-воспитательная работа профсоюзов Кубани и Ставрополья приобретала все более широкий размах, охватывая своим влиянием практически все коллективы предприятий и учреждений региона.

Таким образом, политico-воспитательная работа являлась важнейшим направлением деятельности профсоюзов Кубани и Ставрополья в годы Великой Отечественной войны. Используя различные формы и средства пропаганды, профсоюзные активисты воспитывали в советских людях непримиримость к врагу, любовь к Родине, готовность к трудовым свершениям и оказанию помощи фронту во имя победы над немецко-фашистскими захватчиками.

Источники и литература

1. Армавирская коммуна. 1942. 20 февраля.
2. Армавирская коммуна. 1943. 20 февраля.
3. Белоносов И. И., Русинов В. А. Победа ковалась в тылу: Трудовой подвиг рабочего класса в годы Великой Отечественной войны. М.: Профиздат, 1985. 263 с.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М.: Кучково поле, 2014. 864 с.
5. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 2.
6. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 1. Оп. 2. Д. 507.
7. Иванов Г. П. В годы суровых испытаний. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1967. 302 с.
8. История Кубани: XX век: Очерки. Краснодар: Перспективы образования, 1998. 224 с.
9. Карачаево-Черкессия в годы Великой Отечественной войны. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1982. 88 с.
10. Кропачев С. А. Партийные организации Дона, Кубани и Ставрополья в борьбе за повышение трудовой активности колхозного крестьянства в период перестройки экономики на военный лад (июнь 1941 – июнь 1942 г.) // Из истории трудового подвига народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1985. С. 101–114.
11. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Хроника событий. Кн.1. Краснодар: Советская Кубань, 2000. 814 с.
12. Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1970. 632 с.
13. Правда. 1941. 17 июля.

14. Ставрополье в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: Сборник документов и материалов. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1962. 515 с.
15. Ставропольцы в Великой Отечественной войне. Ставрополь: Ставропольский фонд культуры, 1995. 249 с.
16. Суслов М. А. Избранное. Речи и статьи. М.: Политиздат, 1972. 695 с.
17. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. (далее – ЦДНИКК) Ф. 558. Оп. 1. Д. 251.
18. ЦДНИКК. Ф. 558. Оп. 1. Д. 304.
19. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 1929.
20. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 435.
21. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 1236.
22. Шебзухов М. Х. Тыл – фронту (Северо-Западный Кавказ в годы войны 1941–1945 гг.). Майкоп: Меоты, 1993. 326 с.
23. Шепарнева А. И. Агитационно-пропагандистская работа в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Наука и практика. 2015. №2. С.120–122.

References

1. Armavirskaya Kommuna. 1942. February 20. (In Russian).
2. Armavirskaya Kommuna. 1943. February 20. (In Russian).
3. Belonosov I. I., Rusinov V. A. Pobeda kovalas' v tylu: Trudovoj podvig rabochego klassa v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (*The victory was forged in the back: A labor feat of working class in the days of the Great Patriotic War*). Moscow: Profizdat, 1985. 263 p. (In Russian).
4. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov: v 12 t. T. 10. Gosudarstvo, obshchestvo i vojna (*The Great Patriotic War of 1941–1945: in 12 vol. Vol. 10. State, society and war*). Moscow: «Kuchkovo pole», 2014. 864 p. (In Russian).
5. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja. F.1779. Inv.1. D.2. (In Russian).
6. Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Stavropol'skogo kraja. F.1. Inv.2. D.507. (In Russian).
- 7.Ivanov G. P. V gody surovyh ispytanij (*In the years of severe challenges*). Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. 302 p. (In Russian).
8. Istorya Kubani (*The History of the Kuban*): XX vek: Ocherki. Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya, 1998. 224 p. (In Russian).
9. Karachaevo-Cherkessiya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (*Karachay-Cherkessia in the days of the Great Patriotic War*). Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1982. 88 p. (In Russian).
10. Kropachev S. A. Partijnye organizacii Dona, Kubani i Stavropol'ya v bor'be za povyshenie trudovoj aktivnosti kolhoznogo krest'yanstva v period perestrojki ekonomiki na voennyj lad (iyun' 1941 – iyun' 1942 g.) (*The party organizations of Don, Kuban and Stavropol Territory in the fight for increase in labor activity of the collective-farm peasantry during reorganization of economy on a military harmony*) // Iz istorii trudovogo podviga narodov Severnogo Kavkaza v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 1985. P.101–114. (In Russian).
11. Kuban' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (*The Kuban in the days of the Great Patriotic War*). 1941–1945 gg. Hronika sobytiij. Book.1. Krasnodar: Sovetskaya Kuban', 2000. 814 p. (In Russian).
12. Ocherki istorii Stavropol'skoj organizacii KPSS (*Sketches on the history of the Stavropol organization CPSU*). Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970. 632 p. (In Russian).
13. Pravda. 1941. July 17. (In Russian).
14. Stavropol'e v Velikoj Otechestvennoj vojne. 1941–1945 gg. (*Stavropol Territory in the Great Patriotic War*): Sbornik dokumentov i materialov. Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 515 p. (In Russian).
15. Stavropol'cy v Velikoj Otechestvennoj vojne (*Residents of Stavropol in the Great Patriotic War*). Stavropol': Stavropol'skij fond kul'tury, 1995. 249 p. (In Russian).
16. uslov M. A. Izbrannoe. Rechi i stat'i (*Favourites. Speeches and articles*). Moscow: Politizdat, 1972. 695 p. (In Russian).
17. Documentation Center of the Newest History of Krasnodar Region. (CDNIKK) F. 558. Inv. 1. D. 251. (In Russian).
18. CDNIKK. F. 558. Inv. 1. D. 304. (In Russian).
19. CDNIKK. F. 1072. Inv. 1. D. 1929. (In Russian).
- 20.CDNIKK. F. 1774-A. Inv. 2. D. 435. (In Russian).
- 21.CDNIKK. F. 1774-A. Inv. 2. D. 1236. (In Russian).
- 22.SHebzuhov M. H. Tyl – frontu (*North-West Caucasus in the war time 1941–1945*). Majkop: Meoty, 1993. 326 p. (In Russian).
23. SHeparneva A. I. Agitacionno-propagandistskaya rabota v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) (*Agitation and propaganda work in the USSR in the days of the Great Patriotic War*) // Nauka i praktika. 2015. No.2. P.120–122. (In Russian).

Информация об авторе

Панарина Елена Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / panarin.arm@mail.ru

Information about the author

Panarina Elena – Doctor of History, Professor, Chair of General and Russian History, Armavir State Pedagogical University (Armavir) / panarin.arm@mail.ru

УДК 94(47)+324

И. С. Пимонов

В. И. ДЕНИСОВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОНСКОГО ДВОРЯНСТВА В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ В ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НАЧАЛА ХХ ВЕКА

Автором были изучены вопросы участия донского дворянства в организации и функционировании сельскохозяйственных обществ на Дону, выявлен вклад высшего сословия в развитие сельского хозяйства региона. В статье рассмотрены особенности деятельности донского дворянства в сельскохозяйственных обществах, выявлена роль предводителя дворянства Области войска Донского Василия Ильича Денисова в создании и работе общественных организаций.

Выявлено, что начале XX века в Области войска Донского экономически прогрессивное дворянство, понимая проблемы аграрной сферы и необходимость проведения преобразований в условиях модернизации, становилось инициатором в создании и ряда сельскохозяйственных обществ.

Автор пришел к выводу, что помимо решения вопросов практического развития сельского хозяйства в Области войска Донского, актуальными для донского дворянства являлись вопросы коренного реформирования аграрного сектора экономики. Пример В. И. Денисова показывает, что высшее сословие, объединенное в сельскохозяйственные общества, при решении аграрных вопросов стремилось учитывать особенности Области войска Донского как казачьего региона. Однако

результаты имели лишь «точечный характер» и не охватывали значительную часть аграрных хозяйств Дона.

Выявлена роль сельскохозяйственных обществ в деле образования и просвещения Донского региона, заключавшаяся в создании ряда начальных сельскохозяйственных школ, выпуска специализированных журналов и литературы для сельских хозяев.

Сельскохозяйственные общества на Дону в условиях роста реформаторских настроений в начале XX века и необходимости преодоления революционного кризиса 1905-1907 гг. выходили далеко за рамки обсуждения вопросов хозяйствования и поднимали вопросы политического характера. Сам В. И. Денисов в своих выступлениях указывал, что невозможность прогресса в развитии экономики исходит от неспособности государственных ведомств своевременно решать актуальные вопросы. Таким образом, деятельность сельскохозяйственных обществ Области войска Донского в начале XX века можно характеризовать как важный компонент в формировании гражданского общества.

Ключевые слова: Российская империя, сельскохозяйственные общества, донское дворянство, Область войска Донского, модернизация.

I. Pimonov

V. I. DENISOV AND THE DON NOVELTY ACTIVITIES IN AGRICULTURAL COMPANIES DURING THE MODERNIZATION PROCESSES OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The author has studied the participation of Don nobility in the organization and functioning of agricultural societies in the Don Cossacks region, identified the contribution of the upper class in the development of agriculture in the region. The article describes the features of the activities of the Don nobility in agricultural societies, revealed the role of the leader of the nobility of the Don Cossacks region Vasily Illyich Denisov in the creation and work of public organizations.

It was revealed that the beginning of the twentieth century in the Don Cossacks region, economically progressive nobility, understanding the problems of the agrarian sphere and the need to carry out transformations in the conditions of modernization, became the initiator in the creation of a number of agricultural societies.

The author concluded that in addition to addressing the issues of practical development of agriculture in the Region of the Don Army, issues of fundamental reform of the agrarian sector of the economy were relevant for the Don nobility.

The example of V. I. Denisov shows that the upper class, united in agricultural societies, in resolving agrarian issues sought to take into account the peculiarities of the Don Cossack region as a Cossack region. However, the results had only fragmentary character and did not cover a significant part of the agricultural households of the Don.

The author identified the role of agricultural societies in the education and enlightenment of the Don region, which consisted in the creation of a number of primary agricultural schools, the production of specialized journals and literature for farmers.

Agricultural societies in the Don in the context of the growth of reformist sentiment in the early twentieth century and the need to overcome the revolutionary crisis of 1905-1907 went far beyond the discussion of economic issues and raised issues of political nature. V. I. Denisov himself, in his speeches, pointed out that the impossibility of progress in the development of the economy came from the inability of government departments to solve urgent issues

in a timely manner. Thus, the activities of the agricultural societies of the Don Cossacks region in the early twentieth century can be characterized as an important component in the formation of a civil society.

В современной исторической науке, акцентирующей внимание на проблемах общественно-политического и экономического положения поместного дворянства в преобразованный период, особенно актуальными являются вопросы участия представителей высшего сословия в деятельности общественных организаций, в том числе и в сельскохозяйственных обществах. Изучение общественной деятельности представителей высшего сословия Дона позволяет осмысливать адаптацию поместного дворянства к новым социально-экономическим реалиям Российской империи начала XX века и выявить специфику использования донским прогрессивным дворянством общественных структур в вопросе взаимоотношений с властью. Кроме того, исследование деятельности дворянства в сельскохозяйственных обществах создает возможности для более глубокого осмысливания проблемы становления гражданского общества в России, проявлением которого является деятельность неполитических, добровольных общественных организаций [21, с. 4].

Проблема включенности донского дворянства в деятельность сельскохозяйственных обществ Области войска Донского (далее – ОВД) не является достаточно разработанной. Отдельные фрагментарные сведения о деятельности донского дворянства в общественных организациях, в том числе и сельскохозяйственных обществах имеются в исследованиях, посвященных деятельности общественных организаций на Юге России [11], трудах, касающихся социально-экономического положения ОВД в начале XX века [19], а также в работах, посвященных деятельности отдельных представителей донского дворянства [24].

В связи с этим представляется важным проанализировать деятельность донского дворянства в сельскохозяйственных обществах в период модернизационных процессов начала XX века. Выявить роль В. И. Денисова, предводителя дворянства ОВД, общественного деятеля и предпринимателя в организации и функционировании сельскохозяйственных обществ Донской области, изучить его вклад в развитии сельского хозяйства ОВД, а также исследовать его роль в просветительской и образовательной деятельности в рамках функционирования сельскохозяйственных обществ Дона.

Источниковая база исследования представлена материалами Государственного архива Ростовской области (Ф. 44 – фонд Доно-Кубано-Терского общества сельского хозяйства и др., Ф. 107 – личный фонд Василия Ильича Денисова и др.), донской периодической печатью («Приазовский край», «Донские областные ведомости» и др.), отчетом В. И. Денисова за 1907–1909 гг. в должности предводителя дворянства ОВД, содержащим

Key words: Russian empire, agricultural societies, Don nobility, modernization.

материалы о деятельности Донского общества сельского хозяйства, а также журналами, издававшимися сельскохозяйственными обществами («Юго-Восточный хозяин»), уставами и отчетами данных обществ.

На территории ОВД к началу ХХ века функционировал ряд сельскохозяйственных обществ, старейшим из которых было Донское общество сельского хозяйства, которое возникло в октябре 1866 г. Главенствующая роль в его создании, по мнению донского историка Евграфа Савельева, выпала на долю донского дворянства, которое в собрании 12-го октября 1886 года подписало протокол об учреждении в городе Новочеркасске «Донского общества сельского хозяйства» [10]. Начало же ХХ века отмечено неуклонным ростом сельскохозяйственных обществ, которые были распространены по всей территории ОВД. Их число к концу первого десятилетия ХХ века достигало 32 [20].

Ключевую роль в организации сельскохозяйственных обществ в ОВД в начале ХХ века сыграла часть экономически прогрессивного донского дворянства, поставившая на предпринимательские рельсы свои хозяйства и осознавшая необходимость модернизации сельского хозяйства, которая была продиктована вызовами мирового рынка, а также беспреклонная постепенным уменьшением собственного землевладения и напряженными взаимоотношениями с другими сословиями ОВД. Определенным толчком к созданию таких обществ явилась публикация Нормального устава сельскохозяйственных обществ 1898 г., который регламентировал деятельность данных обществ и устанавливал их ключевой целью «содействовать в районе своих действий, соединенными силами своих членов, развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности» [12, с. 5]. Источниками финансирования обществ сельского хозяйства являлись членские взносы, субсидии правительственные и земских учреждений, пожертвования, доходы, получаемые от предприятий общества [20].

Донское дворянство в рассматриваемый период стало активно создавать региональные сельскохозяйственные общества. Так в 1905 году представители высшего сословия во главе с В. И. Денисовым консолидировались в Доно-Кубано-Терском обществе сельского хозяйства, открывшемся в Ростове-на-Дону. Общество должно было заниматься развитием сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности [23, с. 3], вовсе не ограничиваясь деятельностью лишь в рамках Донского края и охватывая территорию Юга России и Северного Кавказа. К 1910 г. в общество входило 154 пожизненных и действительных членов общества, большая часть кото-

рых проживала на территории казачьих областей Дона и Кубани [13, с. 172–178].

В начале XX века дворяне активно стали участвовать в создании сельскохозяйственных обществ окружного и станичного масштабов, которые не только занимались решением проблем, отмеченных в их уставах, но и вопросами, связанными со спецификой землепользования в ОВД. Так в 1905 г. в хронике газеты «Приазовский край» относительно деятельности Старочеркасского общества сельского хозяйства отмечалось, что «в целях устранения спекуляции с казачьими земельными паями, широко развитой в станицах, общество берет на себя посредничество по сдаче наделов в аренду тех казаков, которые не ведут сами хозяйство» [17, 2 июня].

Также дворянство продолжало свою деятельность и в уже существовавших ранее сельскохозяйственных обществах. Сам В. И. Денисов являлся председателем трех и почетным членом семи сельскохозяйственных обществ [5, с. 22], явившись проводником как в деле функционирования уже существовавших обществ, так и инициаторов в организации новых. Немаловажной вехой, послужившей выдвижению В. И. Денисова к участию в руководстве и деятельности сельскохозяйственных обществ и особенно Донского общества сельского хозяйства послужило избрание его в должности предводителя дворянства ОВД, по случаю чего в газете «Приазовский край» было напечатано следующее: «Если Государю Императору благоугодно будет утвердить В. И. Денисова в должности донского предводителя дворянства, то ему придется председательствовать в донском обществе сельских хозяев и, надо думать, он, как любитель хозяйства, не откажется от этого» [16, 28 января]. Активная позиция и деятельность В. И. Денисова в сельскохозяйственных обществах также объясняется его знакомством с опытом ведения сельского хозяйства в других странах. По словам донского историка Евграфа Савельева, выбор Денисова председателем было важным этапом в развитии Донского общества сельского хозяйства, так как он «долгое время, вращавшийся в столичных сферах, а потому деятельность общества на первое время несколько видоизменилась, (т. е. приняла более широкий, общероссийский характер» [10].

Экономически прогрессивное донское дворянство придавало важное значение сельскохозяйственным обществам на пути к аграрной модернизации. Отсутствие иерархической связи между обычным земледельцем и Министром Земледелия и Государственных Имуществ обуславливало необходимость функционирования сельскохозяйственных обществ. По мнению В. И. Денисова «вот этот пробел и обязаны пополнить сельскохозяйственные общества, состоящие из собрания сельских хозяев всех сословий для выяснения своих нужд, регламентирования своих отношений, создания правил порядка и распространения в стране культурных приемов возделывания земли и выращивания животных» [18, с. 7]. В трудах Денисова, в его выступлениях и

заметках красной нитью проходит идея о необходимости функционирования сельскохозяйственных обществ в контексте аграрной модернизации не только в рамках области Войска Донского, но и в масштабе всей Российской империи. Так, на одной из сельскохозяйственных выставок, организованной Доно-Кубано-Терским обществом сельского хозяйства, В. И. Денисов отмечал, что «наше дело не есть дело кружка отдельных лиц, это дело большое, дело государственной важности. Проведение реформ требует все новых и новых расходов и только поднятие на высокий культурный уровень нашего сельского хозяйства даст нам эти средства» [9, с. 15]. Новый уровень сельского хозяина требовал действий в практическом развитии сельского хозяйства, повышении культурного и образовательного уровня сельских хозяев и др.

При активном участии В. И. Денисова экономически прогрессивное донское дворянство в рамках деятельности в сельскохозяйственных обществах развивало сельское хозяйство Донского региона. Усилиями донского дворянства организовывалось применение новых технологий в сельском хозяйстве, вводились новые породы скота и культур зерновых, которые апробировались в контексте природно-климатических условий Донского региона. Возможности выращивания определенных сельскохозяйственных культур, использования некоторой сельскохозяйственной техники проверялись членами сельскохозяйственных обществ с помощью научных исследований, базой для которых стала широкая сеть опытных полей и станций, результаты о деятельности которых находили отражение не только в периодических журналах, но и в отдельно опубликованных отчетах. Некоторые из донских дворян-членов сельскохозяйственных обществ вовсе были инициаторами организаций опытных полей в своих экономиях. Так в экономии «Ильевка» В. И. Денисов организовал работу опытного поля, на котором не только проводились эксперименты по использованию новых сельскохозяйственных культур, а также предпринимались попытки по скрещиванию различных пород скота, а также выявлялись эффективные методы его откорма [14, с. 4–5].

Силами донского дворянства организовывались различные сельскохозяйственные выставки. Стоит отметить, что В. И. Денисов выстроил огромное выставочное здание в Ростове-на-Дону на деньги, ассигнованные императором Николаем II [1, с. 130]. Выставки состояли из отделов, включавших основные сферы сельского хозяйства. Кроме того, на них функционировали отделы, представлявшие новинки сельскохозяйственных орудий и техники, которые чаще всего были привезены из-за рубежа и апробированы на опытных полях Доно-Кубано-Терского общества сельского хозяйства. Важным в организации данных выставок являлось распространение среди землевладельцев знаний о новых видах сельскохозяйственных орудий, породах скота и др. Кроме того, на выставках посетители могли приобрести интересующие их породы скота, семена сельско-

хозяйственных культур, книги агрономического характера, что имело в ряде случаев положительный эффект [15].

В практической деятельности силами членов Доно-Кубано-Терского общества сельского хозяйства главе В. И. Денисовым активно поддерживалось развитие и мелкой сельскохозяйственной промышленности, для чего были запрошены правительственные субсидии, необходимые для изучения кустарного дела на территории Юга России, а также для открытия мелкого кредита для обеспечения кустарных произведений при складах Доно-Кубано-Терского общества сельского хозяйства [17, 9 августа].

Донское дворянство стремилось учитьывать и особенности ОВД как казачьего региона. При активном посредничестве В. И. Денисова членами Доно-Кубано-Терского общества сельского хозяйства были организованы съезды коннозаводчиков, занимавшихся обсуждением и решением вопросов, связанных с нуждами кавалерийских войск казачьих областей, а впоследствии было создано Ростовское-на-Дону общество коннозаводчиков и коневодов, главной целью которого являлось повсеместное развитие коневодства на Дону, выведение «кровных и полукровных пород жеребцов-производителей верхового типа и правильного склада, – лошадь, удовлетворяющую требованиям военного ведомства, легкую упряженную и легкую сельскохозяйственную рабочую, приспособленную к условиям степной юго-восточной части России» [13, с. 26].

Однако деятельность донского дворянства носила «точечный» характер, не имея успешного распространения на всей территории ОВД. Так А. М. Греков отмечал: «Опекуны-любители и дилетанты вроде деятелей какого-нибудь “Доно-Кубано-Терского О-ва”, раскинувшись на целых три казачьих области, ни одну собственность не обслуживают. Памятников их деятельности осталось несколько уцелевших в крае экземпляров быков» [7, с. 28]. Члены сельскохозяйственных обществ осознавали необходимость всеобщей консолидации данных организаций с целью получения более эффективных результатов в своей практической деятельности. Объединение сил сельскохозяйственных обществ было возможно, по мнению В.И. Денисова, при «организации правильных периодических съездов, на которые могли бы собираться представители обществ, а также и сельские хозяева всей Области, читать и разбирать отдельные доклады, рассматривать вопросы по определенной программе и выбирать комиссию для выработки программы следующего съезда» [18, с. 7].

В. И. Денисов стремился решить аграрные вопросы путем развития образовательного и культурного уровня сельских хозяев Дона и Юга России в целом. Сельскохозяйственные общества, которые «за отсутствием земства является проводником в крестьянское население агрономических познаний» [17, 14 февраля] стали для донского дворянства во главе с В. И. Денисовым платформой для открытия начальных сельскохоз-

зяйственных школ, которые должны были подготовить новых специалистов. Так усилиями членов Донского общества сельского хозяйства была открыта школа виноградарства и виноделия в хуторе Пухляковском [10], Андреевская школа птицеводства при Доно-Кубано-Терском обществе сельского хозяйства [13, с. 103–111] и др. Однако экономически активное дворянство осознавало, что открытие ряда начальных сельскохозяйственных школ не смогло бы решить проблемы поднятия культурного уровня сельских хозяев на новый уровень, так как данные учреждения не способны были обслужить интересы ОВД в силу своей малочисленности.

Данные факторы послужили толчком для инициативы членов Доно-Кубано-Терского общества сельского хозяйства во главе с В. И. Денисовым выступить с предложением преобразования Семибалковской начальной сельскохозяйственной школы с общей численностью обучающихся в 60 человек в среднюю сельскохозяйственную школу, которая должна была по мнению членов общества покрыть запросы области в новых специалистах, считая тип Семибалковской сельскохозяйственной школы как начальной не способной «удовлетворить запросам местного населения и оправдать надежды Учредителя – Совета Императорского Доно-Кубано-Терского Общества сельского хозяйства» [3, л. 5]. Нельзя сказать, что данная инициатива в полной степени нашла поддержку со стороны Департамента земледелия. Но одна средняя сельскохозяйственная школа, благодаря общим усилиям членов Императорского Доно-Кубано-Терского общества сельского хозяйства все-таки была открыта, а уже в дальнейшем и вовсе в среде дворянства этого общества актуализировалась проблема развития высшего профессионального образования и, по словам А. М. Грекова, возник проект высшего сельскохозяйственного учебного заведения [7, с. 30].

Главным рупором общественных организаций являлись печатные издания, выпуск которых активно занимался В. И. Денисов. Будучи председателем ряда сельскохозяйственных общественных организаций, В. И. Денисов активно участвовал не только в организации журналов сельскохозяйственной направленности, но и являлся их редактором. Так, благодаря деятельности В. И. Денисова, выходят в свет журналы «Юго-Восточный хозяин», «Известия донского общества садоводства» [5, с. 22]. Данные печатные издания должны были стать не просто источником знаний для сельских хозяев в области агрономической культуры, сколько площадкой для обмена мнениями по совершенно различным вопросам. Так по поводу издания журнала «Юго-Восточный хозяин» редакционной коллегией отмечалось, что «Роль подписчика не заключается лишь в том, чтобы читать дешевую сельскохозяйственную газету, но по возможности содействовать общему делу путем выражения своих мыслей и взглядов, в виде корреспонденций» [20, 6 декабря]. К 1910 г. основными подписчиками журнала и листка явля-

лись как средние и крупные землевладельцы, так и казаки с крестьянами (около 60 %) [13, с. 33].

Деятельность дворянства в сельскохозяйственных обществах не ограничивалась развитием агрономической культуры Донского края. В условиях отсутствия института земства в ОВД сельскохозяйственные общества являлись площадками, в которых дворянство отстаивало либеральные позиции в вопросе реформирования и модернизации аграрного сектора. Тенденции к отстаиванию необходимости проведения аграрных реформ, критике власти в контексте деятельности сельскохозяйственных обществ особенно явно обнаружились в период первой русской революции, что не было отличным от тенденций иных общественных организаций в России, которые, по мнению А. С. Тумановой, не только выступили с критикой полицейско-бюрократического режима, но и даже активно выступали в движении за установление конституционного строя и сопряженных с ним гражданских и политических свобод [22, с. 34].

Рост реформаторских движений, активизация аграрного движения в годы первой русской революции активизировали попытки донского дворянства решить проблемы аграрного кризиса путем внутри и межсоставной консолидации с последующей выработкой программы действий. Созданная в этот период программа всесословной организации «Союзом мирного разрешения аграрного вопроса на правах частной собственности», представленная впоследствии В. И. Денисовым графу С. Ю. Витте предполагала решить аграрный вопрос путем комплекса мер, включающих в себя ликвидацию общины с последующим разделением на хутора, сохранения частной собственности, создания слоя крестьян-собственников [4, л. 1об. – л. 3]. Некоторые из этих идей рассматривались членами сельскохозяйственных обществ и входили в риторику их выступлений. Так в рамках IX сельскохозяйственной выставки животноводства Доно-Кубано-Терского общества сельского хозяйства В. И. Денисов указал, что в Российской империи «после освобождения крестьян от крепостной зависимости осталась зависимость от общинного владения, чем закрыта возможность какого-либо прогресса в культурном развитии нашего хозяйства» [17, 23 сентября]. Требования к проведению реформ в аграрном секторе сопровождались критикой государственных ведомств, не способных планомерно решить наиболее актуальные вопросы. Так в 1907 г. на сельскохозяйственной выставке, организованной Доно-Кубано-Терским обществом сельского хозяйства в г. Ростове-на-Дону В. И. Денисов выступил с критикой правительства, экономические неудачи которого виделись им главным образом в отсутствии определенной программы действий

и междуведомственной борьбой, построенной зачастую на чисто личных отношениях, мешающих осуществлению настоятельно необходимых мероприятий. На этой выставке Василий Ильич подчеркнул необходимость общественных инициатив, миссия которых, по его мнению, заключалась в том, «чтобы неустанно указывать Правительству необходимость тратить народные средства не на гагринские курорты и великолепные музеи, а на поднятие народного благосостояния и на его умственное развитие» [8, с. 25].

Условия приостановления деятельности земских учреждений в ОВД для донского дворянства, как отметил А. А. Волвенко, означали отстраненность от общественной социально-экономической жизни страны региона и края [2]. В этих условиях сельскохозяйственные общества для части донского поместного дворянства явились платформой для восполнения этого пробела и механизмом для решения актуальных проблем ОВД и взаимодействия с местной администрацией и государственными структурами. В риторике печати и работах современников прослеживается мысль, что деятельность сельскохозяйственных обществ заменяла собой земства. Так современник, известный общественный деятель Донского края А. М. Греков, касаясь значения сельскохозяйственных обществ Дона, отмечал, что они являлись «суррогатами земств» [6, с. 35].

Таким образом, стремительное увеличение численности сельскохозяйственных обществ на территории ОВД, происходившее в начале XX в. свидетельствовало о понимании в среде прогрессивного донского дворянства проблем в сельском хозяйстве, необходимости его рационализации и реформирования.

В начале XX века сельскохозяйственные общества выходили за рамки решения только практических задач развития сельского хозяйства. Это связано с тем, что общественно активное, либерально настроенное донское дворянство, объединенное в сельскохозяйственных обществах, в условиях роста реформаторских тенденций в обществе, особенно в годы первой революции, настаивало на необходимости проведения преобразований и решения наиболее насущных вопросов.

Пример деятельности в сельскохозяйственных обществах В. И. Денисова, показывает важность данных организаций для обсуждения не только аграрных проблем Донского региона, но и вопросов всероссийского масштаба, а также представления власти своих программ и выражения собственных мнений. Эта деятельность характеризует общества сельского хозяйства как важный компонент в формировании гражданского общества в ОВД в начале XX в.

Источники и литература

- Братолюбова М. В. Бес покойный элемент // Родина. 2016. №2. С.130–131.
- Волвенко А. А. Восстановление донского земства: упущеные возможности (1882–1917 гг.) URL: http://www.cossackdom.com/articles/v/vovlenko_vostanov.htm (Дата обращения: 09.08.2018).

3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 44. Оп. 1. Д. 8.
4. ГАРО. Ф.107. Оп. 1. Д. 16.
5. Государственный Совет (портреты и биографии). 2-е издание. Петроград: [б.и.], 1915. 148 с.
6. Греков А. М. Нужды Дона в трудах местных сельскохозяйственных комитетов // Сборник Области войска Донского статистического комитета. Вып. 5. 1905. С. 16–46.
7. Греков А. М. Приазовье и Дон (Очерк общественной и экономической жизни края). СПб: Тип. «Общественная польза», 1912. 208 с.
8. Денисов В. И. Задачи экономической политики. Доклад императорскому Доно-Кубано-Терскому обществу сельского хозяйства председателя общества шталмейстера Двора Его Величества В. И. Денисова, читанный во время выставки 1907 г. Ростов-на-Дону: Тип. А. И. Тер-Абрамиан, 1907 г. 28 с.
9. Дмитрий. XIII сельскохозяйственная и промышленная выставка в Ростове-на-Дону // Юго-Восточный хозяин. 1909. №8. С.13–17.
10. Евграф Савельев. Исторический очерк сельского хозяйства на Дону. 1913 г. URL: <http://passion-don.org/donfarmers/chapter-5.html> (Дата обращения: 11.08.2018).
11. Любушкина Е. Ю. Общественные организации Дона и Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX веков. дис. ... докт. ист. наук. Ставрополь: СГУ, 2012. 566 с.
12. Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ: утвержден 28 февраля 1898 года. Санкт-Петербург: Тип. М. Меркушева, 1910. 20 с.
13. Отчет о деятельности императорского Доно-Кубано-Терского общества сельского хозяйства Ростове-на Дону. за 1910 год: 6-й год существования. Ростов-на-Дону: Тип. А. И. Тер-Абрамиан, 1911. 347 с.
14. Перов Н. В. Породы для улучшения молочности скота Донской Области и С. Кавказа // Юго-Восточный хозяин. 1910 г. №11. С.1–6.
15. Письмо в редакцию // Юго-Восточный хозяин. 1909. №5. С. 87.
16. Приазовский край. 1901.
17. Приазовский край. 1905.
18. Доклад областного Войска Донского предводителя дворянства В. И. Денисова очередному собранию дворян 10 февраля 1907 г. Ростов-на-Дону: Тип. А. И. Тер-Абрамиан, 1907. 9 с.
19. Самарина Н. В. Донская буржуазия в период империализма (1900–1914 г.). Ростов-на-Дону: изд-во РГУ, 1992. 160 с.
20. Сидоренко Т. Н. Сельскохозяйственные общества и товарищества на Кубани в дореволюционный период // Политеатральный сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2013. №88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/selskohozyaystvennye-obschestva-i-tovarishestva-na-kubani-v-dorevoljutsionnyy-period> (Дата обращения: 11.08.2018).
21. Туманова А. С. Неполитические общественные организации г. Тамбова в начале XX века, 1900–1917 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Воронеж: ВГУ, 1996. 22 с.
22. Туманова А. С. Общественные организации в годы первой русской революции: правовые основы функционирования и отношения с государственной властью // Государство и право. 2017. № 11. С.32–42.
23. Устав Императорского Доно-Кубано-Терского общества Сельского Хозяйства. Ростов на Дону: Тип. А. И. Тер-Абрамиан, 1912. 23 с.
24. Bratolyubova M. V., Brizgalova I. G., Samarina N. V. Vasiliy Illich Denisov: Historical Portrait at the Backdrop of the Russian Modernization (End of XIX – Beginning of XX Century) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 38 (4). С. 948-954.

References

1. Bratoljubova M. V. Bespokojnyj jelement (*Restless element*) // Rodina. 2016. No.2. P.130–131. (In Russian).
2. Volvenko A. A. Vosstanovenie donskogo zemstva: upushhennye vozmozhnosti (1882–1917) (*Restoration of the Don zemstvo: missed opportunities (1882–1917)*). URL: http://www.cossackdom.com/articles/v/vovlenko_vostanov.htm (Accessed: 09.08.2018). (In Russian).
3. State archive of the Rostov region (GARO). F.44. Inv. 1. D. 8. (In Russian).
4. GARO. F.107. Inv.1. D.16. (In Russian).
5. Gosudarstvennyj Sovet (portrety i biografii) (*State Council (portraits and biographies)*). Petrograd, 1915. 148 p. (In Russian).
6. Grekov A. M. Nuzhdy Dona v trudah mestnyh sel'skokhozajstvennyh komitetov (*Needs of the Don region in the works of local agricultural committees*) // Sbornik Oblasti voyska Donskogo statisticheskogo komiteta. Issue. 5. 1905. P.16–46. (In Russian).
7. Grekov A. M. Priazov'e i Don (Ocherk obshhestvennoj i jekonomicheskoy zhizni kraja) (*Azov and Don (Essay on the social and economic life of the region)*). St.Petersburg: Obshhestvennaja pol'za, 1912. 208 p. (In Russian).
8. Denisov V. I. Zadachi jekonomicheskoy politiki. Doklad imperatorskomu Dono-Kubano-Terskomu obshhestvu sel'skogo hozjajstva predsedatelja obshhestva shtalmejstera Dvora Ego Velichestva V. I. Denisova, chitannyj vo vremja vystavki 1907g. (*The objectives of economic policy. The report to the imperial Don-Kuban-Terek Society of Agriculture of the Chairman of the Society of Stalmeister of the Court His Majesty V.I. Denisov, was being read during the exhibition in 1907*). Rostov on Don: Tip. A. I. Ter-Abramian, 1907 g. 28 p. (In Russian).
9. Dmitrij. XIII sel'skokhozajstvennaja i promyshlennaja vystavka v Rostove-na-Donu (*XIII Agricultural and Industrial Exhibition in Rostov-on-Don*) // Jugo-Vostochnyj hozjain. 1909. № 8. P. 13–17. (In Russian).
10. Evgraf Savel'ev. Istoricheskij ocherk sel'skogo hozjajstva na Donu. 1913 g. (*Historical sketch on the agriculture in the Don region. 1913*). URL: <http://passion-don.org/donfarmers/chapter-5.html> (Accessed: 11.08.2018). (In Russian).

11. Ljubushkina E. Ju. Obshhestvennye organizacii Dona i Severnogo Kavkaza vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov (*Public organizations of the Don and the North Caucasus in the second half of the XIX – early XX centuries*). dis. ... dokt. ist. nauk. Stavropol': SSU publ., 2012. 566 p. (In Russian).
12. Normal'nyj ustav dlja mestnyh sel'skokhozjajstvennyh obshhestv: utverzhden 28 fevralja 1898 goda (*Statutory bylaws for local agricultural societies: approved February 28, 1898*). Sankt-Peterburg: M. Merkushev's printing house, 1910. 20 p. (In Russian).
13. Otchet o dejatel'nosti imperatorskogo Dono-Kubano-Terskogo obshhestva sel'skogo hozjajstva v Rostove-na Donu za 1910 god: 6-j god sushhestvovaniya (*Report on the activities of the imperial Don-Kuban-Terek Society of Agriculture in Rostov-on-Don. 1910: 6th year of existence*). Rostov-na-Donu: A.I. Ter-Abramian's printing house, 1911. 347 p. (In Russian).
14. Perov N. V. Porody dlja uluchsheniya molochnosti skota Donskoj Oblasti i S. Kavkaza (*Breeds to improve the milk production of the cattle of the Don Region and North Caucasus*) // Jugo-Vostochnyj hozjain. 1910 g. No.11. P.1 – 6. (In Russian).
15. Pis'mo v redakciju (*A letter to the editors*) // Jugo-Vostochnyj hozjain. 1909. No.5. P.87. (In Russian).
16. Priazovskij kraj. 1901. (In Russian).
17. Priazovskij kraj. 1905. (In Russian).
18. Doklad oblastnogo Vojska Donskogo predvoditelja dvorjanstva V. I. Denisova ocherednomu sobraniju dvorjan 10 fevralja 1907 g. (*Report of the Don Cossacks region Leader of the Nobility V.I. Denisov at the next meeting of the nobility February 10, 1907*). Rostov on Don: I. Ter-Abramian's printing house, 1907. P.7–9. (In Russian).
19. Samarina N. V. Donskaja burzhuažija v period imperializma (1900–1914 g.) (*The Don bourgeoisie in the period of imperialism (1900–1914)*). Rostov on Don: RSU publ., 1992. 160 p. (In Russian).
20. Sidorenko T. N. Sel'skokhozjajstvennye obshhestva i tovarishchestva na Kubani v dorevolucionnyj period (*Agricultural societies and partnerships in the Kuban region in the pre-revolutionary period*) // Politematicheskij setevoy jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2013. No. 88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/selskohozyaystvennye-obschestva-i-tovarishestva-na-kubani-v-dorevolyutsionnyy-period> (Accessed: 11.08.2018). (In Russian).
21. Tumanova A. S. Nepoliticheskie obshhestvennye organizacii g. Tambova v nachale HH veka, 1900–1917 gg. (*Non-political public organizations of Tambov in the early twentieth century, 1900–1917*): abstract of thesis. Voronezh: VSU publ., 1996. 22 p. (In Russian).
22. Tumanova A. S. Obshhestvennye organizacii v gody pervoj russkoj revoljucii: pravovye osnovy funkcionirovaniya i otoshenija s gosudarstvennoj vlast'ju (*Public organizations in the years of the first Russian revolution: legal bases of functioning and relations with the state power*) // Gosudarstvo i pravo. 2017. No.11. P.32–42. (In Russian).
23. Ustav Imperatorskogo Dono-Kubano-Terskogo obshhestva Sel'skogo Hozjajstva (*Charter of the Imperial Don-Kuban-Terek Society of Agriculture*). Rostov on Don: A. I. Ter-Abramian's printing house, 1912. 23 p. (In Russian).
24. Bratolyubova M. V., Brizgalova I. G., Samarina N. V. Vasili Illich Denisov: Historical Portrait at the Backdrop of the Russian Modernization (End of XIX – Beginning of XX Century) // Bylye gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal. 2015. No. 38 (4). P.948–954. (In Russian).

Информация об авторе

Пимонов Иван Сергеевич – аспирант кафедры отечественной истории XX–XXI веков института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / pimonovi@yandex.ru

Information about the author

Pimonov Ivan – postgraduate, Chair of Russian History in XX–XXI centuries, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / pimonovi@yandex.ru

УДК 94

Е. К. Склярова

ПАУПЕРИЗМ В СТАНОВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В статье рассматривается проблема пауперизма, как фактор становления социальной политики Великобритании в первой половине XIX века. Проблема нищеты, являясь частью социальной политики любого государства, имела свои исторические особенности решения этого вопроса и в Британии, зависящие от роста и миграции населения, традиций государственного и местного управления. Роль и динамика пауперизма в становлении социальной политики Британии является дискуссионной проблемой в отечественной и зарубежной историографии. В первой половине XIX века пауперизм последовательно анализировался парламентом и прессой, философами и юристами, а также статистиками и врачами. В эпоху урбанизации, после введения системы переписей населения признение пауперов стало восприниматься в обществе, как проблема социальных расходов и налогообложения. Автор приходит к выводу, что после унии 1800 года с Ирландией, в эпоху урбанизации шло становление социальной политики на базе анализа статистических данных, изменения законов о бедных, введение системы здравоохранения городов Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии. Согласно новому «Закону о поправках и более лучшем ведении законов о бедных в Англии и Уэльсе, 1834» работоспособное население должно было само-

стоятельно обеспечивать себя вне пределов прихода. Новый закон стал отправной точкой утилитаристского распределения налогов и государственных расходов, становления социальной политики, координируемой не приходами, а новыми государственными органами по закону о бедных. В дальнейшем соответствующие социальные реформы охватили Ирландию и Шотландию. Предлагалось создать государственную систему социальной помощи для малоимущих, женщин, детей, больных, вдов и сирот всего Соединённого Королевства. Деятельность Комиссии по закону о бедных контролировалась парламентом посредством отчётов, широко обсуждалась в прессе. Реформа пауперизма была направлена на кардинальное решение проблем налогообложения, здравоохранения, совершенствования системы выплат социальных пособий и обеспечения благосостояния всего британского общества. В эпоху урбанизации Соединённое Королевство Великобритании и Ирландии переходило от приходской системы поддержки пауперов к совершенствованию налогообложения, социальных расходов и здравоохранению городов.

Ключевые слова: социальная политика, пауперизм, урбанизация, Эдвин Чедвик, Великобритания, Шотландия, Ирландия.

E. Sklyarova

PAUPERISM IN THE RISE OF SOCIAL POLICY OF GREAT BRITAIN

The paper examines the problems of pauperism as the factor of the rise of social policy of Great Britain in the first half of the XIX century. The problem of misery, as a part of social policy of every state of the world, had its historical peculiarities of solution in Great Britain that depended on the growth and migration of population, traditions of the state and local government. The role and dynamics of pauperism in the rise of social policy of Great Britain is a topical problem in domestic and foreign historiography. In the first half of the XIX century, the problems of pauperism were consistently analyzed by the parliament and the press, philosophies and lawyers, statistics and doctors. During the period of urbanization after the introduction of the system of population census, the pauperism began to seen as a coercive burden of taxation. The author concludes that after the Union with Ireland in 1800, during the epoch of urbanization, the rise of social policy took place on the base of statistics analysis, changes of the poor laws, the introduction of the healthcare system in the towns of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. According to the new Poor

law of 1834 in England and Wales, the capable population must provide themselves outside the parish. The new law became the starting point of utilitarian distribution of taxes and state expenses, the rise of the social policy, coordinated not by the parishes, but by the new state authorities in line with the new poor law. Then social reforms spread in Scotland and Ireland. It was supposed to create the state system of social assistance for the poor, woman, children, the sick, widows and orphans all over the kingdom. The activity of the Commission for the Poor laws was controlled by the parliament through reports; it was discussed in the press. The pauperism reform was aimed at cardinal decision of the problem of taxation, public health, modernization of the system of social allowance, and the provision of the welfare to the whole society. During the urbanization period, the United Kingdom of Great Britain and Ireland fell from the parochial system of the poor relief to the modernization of the social expenses and healthcare in the towns.

Key words: social policy, pauperism, urbanization, Edwin Chadwick, Great Britain, Scotland, Ireland.

Проблема нищеты является частью социальной политики любого государства мира, имея свои исторические особенности решения этого вопроса, зависящие от количества мигрантов, малоимущего и имущего населения, особенностей национального менталитета, сложившихся традиций государственного, религиозного и местного управления. Роль и динамика пауперизма в становлении социальной политики Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии является дискуссионной проблемой в отечественной и зарубежной историографии. Отношение британского общества к пауперам и проблеме нищеты, способы решения соответствующих социально-экономических проблем стали объектом ряда дискуссий и в первой половине XIX века.

Целью данного исследования является необходимость определения особенностей и роли пауперизма в становлении социальной политики Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии в первой половине XIX столетия.

Признание пауперов являлось частью государственной политики Великобритании, начиная с XVII века. Для этого ещё в период царствования королевы Елизаветы на основе закона 1601 года был введён специальный налог в пользу бедных, ставший до XIX века главным видом налогообложения населения в Англии и Уэльсе. По мнению русского общественного деятеля XIX века, князя А. Васильчикова, с древних времён англичане вели «гласную статистику общественного признания пауперов, между тем как в других государствах Европы нищенство утаивается, как постыдные язвы, которые необходимо было скрыть от глаз цивилизованной публики» [3, с. 87].

После унии 1800 года с Ирландией, введения системы переписей населения, в эпоху промышленного переворота и урбанизации, проблема признания пауперов приобрела новые черты, последствия, и значение которых не достаточно исследованы, как фактор становления социальной политики Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии. В начале XIX века в период роста количества городов и населения пауперизм стал неоднозначно рассматриваться обществом и налогоплательщиками. «Буржуазию не устраивала старая система, при которой низовая административная единица – приход – обязана была за счёт местных налогов содержать постоянно проживающих в данном приходе бедняков, если они лишились источников существования. Массы разоряемых в ходе промышленного переворота крестьян и ремесленников неохотно оставляли свой приход, где им не грозила голодная смерть, а это сдерживало приток рабочей силы в новые промышленные центры» [5, с. 159]. Налогоплательщики Соединённого Королевства стремились контролировать государственные и местные социальные расходы для их снижения, а также для развития нового индустриального общества. Устаревшая политика поддержки пауперов, усугубляя социально-экономические проблемы королевства, на протяжении ряда лет стала постоян-

ным объектом дебатов британского парламента [17, 18, 19, 20, 21, 22].

После унии с Ирландией и введения в 1800 году системы переписей населения проблема пауперизма, налогообложения и роста социальных расходов стала ещё более острой. Следствием промышленного переворота и урбанизации стал резкий рост населения промышленных городов страны, сопровождающийся миграцией населения в Лондон, развивающиеся порты и индустриальные центры. По мнению Э. Брандажа, социальные расходы и пособия пауперам в начале XIX века увеличились значительно [15, р. 40]. По мнению Н. А. Ерофеева в эпоху промышленного переворота, в начале XIX века «Английский пауперизм всё более отождествлялся с положением рабочего класса» [4, с. 131].

Многовековая система поддержки бедных, сохранив определённую преемственность, сыграла одну из определяющих ролей в становлении социальной политики Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии. Проблемы пауперизма последовательно анализировались государственными деятелями, парламентом и прессой, философами, юристами и врачами. Однако оценки новой реформы по закону о бедных и соответствующей государственной политики королевства вызывают неоднозначные мнения в отечественной и зарубежной историографии. А. Мортон дал субъективно-негативную оценку деятельности и руководителей Комиссии по закону о бедных, придерживаясь марксистской методологии и отмечая, чтобы «избежать общественного контроля» над проведением закона 1834 года о бедных «назначили трёх уполномоченных, фактически не несущих ответственности ни перед кем... три короля сомерсетского дома, которые на протяжении десятилетия вместе с их секретарём – Э. Чедвиком были самыми ненавистными людьми в Англии» [6, с. 332]. По мнению Л. Е. Кертмана «закон 1834 года формально сохранил систему общественной помощи бедным, но настолько извратил и реформировал её, что она превратилась в жестокое издевательство над миллионами тружеников. Отныне выдача пособия полностью прекращалась, а пауперы, обращавшиеся за помощью, помещались в работные дома, где их содержали на грани голода, заставляя выполнять помногу часов бессмысленную работу... прислуживать деспотам-надзирателям... Сама идея нового закона требовала, чтобы жизнь в работном доме была невыносимой, чтобы бедняк предпочёл любые условия труда получению общественной «помощи» [5, с. 196].

Такая негативная критика нового закона о бедных 1834 года, а также деятельности Эдварда Чедвика и нового Комиссии по закону о бедных субъективна и не справедлива. Реформирование системы пауперизма имело, как негативные, так и позитивные черты. Промышленный переворот, рост и миграция населения, проблемы здравоохранения городов требовали изменения устаревших практик доиндустриального государ-

ственного управления. Ю. Е. Барлова, сравнивая различные законы о бедных, указывала, что У. Питт-младший «может считаться последним министром, защищавшим «старую систему» и открытое признание», после второго срока премьерства, и ухода в отставку которого, в 1806 году, «обостряется критика «старой системы» в общественно-политических кругах» [2, с. 27–30]. И. Редлих назвал Эдвина Чедвика (юриста и основателя системы общественного здравоохранения Великобритании) «духовным творцом реформы по закону о бедных 1834 года» [8, с. 160]. Однако Н. Эдсалл считал «духовными отцами» нового закона о бедных 1834 года – философа Джереми Бентами и профессора университета Оксфорда, члена Лондонского Королевского научного общества Томаса Мальтуса, рассматривая их, как «учителей Н. Сениора и Э. Чедвика» [16, р. 2]. К. Поланьи, сравнивая социальные законы, отмечал, что «социальное сознание формировалось по модели, заданной Спинхемлендом» [7].

Согласно новому «Закону о поправках и более лучшем ведении законов о бедных в Англии и Уэльсе, 1834» в эпоху промышленного переворота и урбанизации всё работоспособное население Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии должно было трудиться, обеспечивая себя самостоятельно за пределами британских приходов, но на новых промышленных предприятиях [11]. После утверждения нового закона в состав новой государственной Комиссии по закону о бедных 1834 года вошли Т. Льюис (представлявший тори и занимавшийся разработкой предыдущих законов о бедных), Дж. Николс (сотрудник банка Англии, работавший в Бирмингеме), а также бентамисты – Ш. Лефевр и Э. Чедвик.

В дальнейшем централизованные Комитет и Совет по закону о бедных стали прообразом централизованного Генерального совета здравоохранения, созданного согласно принятого «Закона об обеспечении общественного здравоохранения, 1848». Э. Чедвик, будучи секретарём этих новых структур государственного управления, стал разработчиком важнейших социальных законов и принципов социальной политики Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии. В 1830–1840-е гг. создаётся централизованная система, координирующая становление социальной политики Великобритании, затрагивающей интересы всех слоёв населения королевства. Комитет по соблюдению нового закона о бедных 1834 года проводил соответствующие социальные исследования и реформы. В его компетенцию вошёл широкий спектр социальных проблем урбанизации: проблемы нищеты, преступности, эпидемий, миграции, здравоохранения, социальной поддержки женщин и детей. Комитет уполномочивался «реорганизовать около 15000 английских и уэльских приходов в «Союзы о бедных» (Poor Law Unions), каждый из которых в обязательном порядке организовывал свой работный дом. Так был воплощён первый из принципов реформы – централизация системы социального признания» [2, с. 30]. Мигранты Соединённого

Королевства могли по новому закону о бедных 1834 года получать социальную помощь в городах. Однако на новых быстрорастущих заводах и фабриках промышленных городов требовалось рабочие, поэтому бывшие пауперы предпочитали работать, нежели находиться в работных домах. Эпоха индустриализации и урбанизации требовала выработки новых социально-экономических условий и законов, соответствующих развитию нового вида общественного развития Соединённого Королевства.

Необходимо также подчеркнуть, что деятельность нового Комитета по соблюдению нового закона о бедных 1834 года не была, как указывал А. Мортон бесконтрольной. Социальная деятельность этой новой государственной организации, а также новые работные дома и соблюдение нового закона о бедных контролировались британским парламентом [21, 22], посредством социальных отчётов [26, 28].

Пересмотр устаревших законов о бедных вызвал ряд длительных дискуссий в королевстве. Депутат парламента Р. Слэни отметил, что целью законов о бедных был поиск работы для работоспособных. Депутат Хортон указал, что «налог в пользу бедных обременял развитие промышленности». В конце 1830-х годов лорд Бругэм и лорд Хатертон, виконт Мельбурн, граф Ф. Уильям, представляя петиции из Пейсли, Норсхемптона, выступили «за отмену приходских налогов на бедных». Но лорд Шефтстбери, петиции из Элмли и Нетервента были против их отмены. Лорд Стенхуп, представители различных приходов Лондона предлагали поддержать лорда Бругэма и введение нового закона о бедных 1834 года [20].

Врач и философ Дж. Таунсенд ещё на рубеже XVIII–XIX веков выступил против приходской помощи трудоспособным пауперам Великобритании. Однако он отмечал необходимость сохранения определённой социальной поддержки, подчёркивая, что «соответствующие налоги собираются добровольно и в Голландии». Он полагал, что собираемые еженедельно средства в качестве помощи пауперам Великобритании, «растрачиваются попусту». Дж. Таунсенд считал, что «болезни – это одна из главных причин пауперизма», предлагая вести лечение пауперов в больницах Англии по примеру Франции (больницы Сальпетриер около Парижа), одновременно вынуждая пауперов «заняться поисками работы за заработанную плату». «Помощь многодетным семьям», по существующим законам о бедных, по его мнению, «искусственно стимулировала рождаемость пауперов» [35].

Профессор истории и политэкономии университета Оксфорда Т. Мальтус, член Лондонского Королевского научного общества, Парижской Академии наук, Королевской Академии Берлина, священнослужитель, сторонник вигов разделял идеи Дж. Таунсенда о росте населения и соответствующих пособий. Т. Мальтус был сторонником принципа «laissez-faire», «улучшения положения и увеличения счастья низших классов общества», порицая общественную помощь и ранние

браки, полагая, что население увеличивается в геометрической прогрессии каждые двадцать пять лет, что является коренной причиной социальных бедствий и роста нищеты. Для сравнения проблем народонаселения и опыта филантропии он посетил ряд зарубежных стран – Данию, Ирландию, Норвегию, Швейцарию, Швецию, Германию и Россию. Профессор предлагал упразднить устаревшую систему поддержки пауперов по законам о бедных ещё в конце XVIII века [24].

Анализируя и развивая идеи решения проблемы пауперизма, социальный мыслитель Джереми Бентам, предлагал сократить налог на бедных, заставив трудоспособных пауперов работать, перестать быть иждивенцами у налогоплательщиков в противовес их пребывания в работных домах. Его идеи предполагали укрепление частной собственности и морали, а также инспекцию социальных условий жизни и работы пауперов, работных домов, больниц, предприятий, утилитаризм государственных и местных расходов [14]. Проблема нищеты и реформа пауперизма в первой половине XIX века последовательно анализировалась, совершенствуясь в парламенте Великобритании [32], отчёте Министру внутренних дел Комиссии по закону о бедных [30], на страницах периодической печати [25, 32]. В эпоху урбанизации и окончания наполеоновских войн на страницах прессы появились социальные отчёты и статьи, посвящённые улучшению положения пауперов [34]. «Благодаря средствам массовой информации рост смертности и эпидемий, проблем загрязнения городов, отсутствия санитарно-технических сооружений, фальсификация продуктов питания и лекарств, а также проблемы гигиены, трущоб, пауперизма приобретали социальное значение» [9, с. 112].

В 1817 году парламент назначил «Избранный комитет палаты общин по законам о бедных» под руководством Ст. Бурна. В итоге работы комитета парламент Великобритании утвердил закон, предусматривающий обязательные расходы казначейства на обеспечение занятости бедных на общественных работах, в том числе и Ирландии [13].

Пример Шотландии в решении социальных проблем пауперизма неоднократно обсуждался в парламенте в 1807–1818 годах. Депутаты отметили положительный опыт этой части Соединённого Королевства в вопросе обучения детей пауперов за счёт приходов, подчеркнув, что использование налога на бедных для обучения детей пауперов не является «тяжким бременем», поскольку используется для поддержания морали подрастающего поколения [17]. В ходе парламентских дебатов 1817 года указывалось, что в Шотландии пауперы Глазго должны получать пособия лишь по месту своего рождения или после трёх лет проживания в определённой местности [19]. Отчёт Избранного комитета по закону о бедных 1819 года также отмечал пример Шотландии в решении проблем нищеты для Англии и Уэльса [33].

Ведущие статистики и экономисты Великобритании подчёркивали тесную взаимосвязь между

экономической и социальной организацией государства. В 1828 году Дж. Маккулоч опубликовал специальную статью, посвящённую проблеме пауперизма. Британский статистик отмечал, что до XIX века, существующие английские законы о бедных не стимулировали столь резкий рост населения городов, что может быть скопировано и в Ирландии [25]. Профессор политэкономии университета Оксфорда Н. У. Сениор был одним из ведущих экономистов своего времени. Благодаря своим знаниям и авторитету он стал советником партии вигов, приобрёл влияние в интеллектуальной среде страны, содействуя становлению социальной политики Великобритании. Убеждённость в том, что новый закон о бедных кардинально решит проблему налогов, пособий, нищеты и благосостояния всего британского общества определила становление социальной политики королевства. В 1832 году парламентом была назначена специальная Комиссия для расследования масштабов и последствий пауперизма. Профессор Н. Сениор, возглавив эту комиссию, предложил парламенту утвердить поправки о более лучшем ведении законов о бедных в Англии и Уэльсе. Зная Э. Чедвика, как последователя идей Дж. Бентами и квалифицированного юриста, он пригласил его для совместной работы в новой комиссии. «Отчёт членов Комиссии для обследования применения на практике законов о бедных», составленный Н. Сениором и Э. Чедвиком, отразил государственные масштабы проблемы пауперизма, а также необходимость введения нового закона о бедных [26]. В дальнейшем профессор Н. Сениор занимался реформой законов о бедных и в Ирландии [29].

Оценивая закон о бедных 1834 года, Ю. Е. Барлова указывала, что «реформа не была подобна перевороту или революции в социальном призвании». Сопоставление законов о бедных показывает, что новый акт «не был коренной ломкой старого... элементы новой системы проявлялись в законотворчестве уже с первой половины XVIII века» [2, с. 27–30].

Однако необходимо отметить, что «Закон о поправках и более лучшем ведении законов о бедных в Англии и Уэльсе, 1834», предшествующие парламентские исследования стали следствием урбанизации, которая началась вместе с промышленным переворотом ещё в XVIII веке. Урбанизация сопровождалась ростом количества малоимущих и трущоб, миграцией пауперов в промышленные города.

Идеи реформы 1834 года стали основой становления социальной политики и здравоохранения городов Британии. Э. Брандаж отмечал, что в Великобритании после введения закона 1834 года в общественный оборот вошло понятие «старого» и «нового» законов о бедных, поскольку старая приходская система помощи бедным устарела [15, р. 7]. В «Отчёте членов Комиссии для обследования применения на практике законов о бедных» отмечалось, что главная проблема роста социальных расходов – это деморализующий эффект обеспечения пособием трудоспособ-

ных бедняков. Подчёркивалось, что реорганизация устаревшей системы приходской помощи для пауперов сократит расходы на их обеспечение, [26, р. 63–67]. Но предлагалось создать новую систему поддержки вдов, малоимущих женщин и детей, больных и сирот. В британском парламенте акт о бедных 1834 г. был охарактеризован, как «новый закон о бедных» [22].

На рубеже ХХ–XXI веков исследователи противоречиво оценивали идеи решения проблем пауперизма. По мнению Т. Ю. Сидориной, работные дома рассматривались, как решение проблем «социального надзора», «признания за пауперами городов», «социально опасными слоями», но с другой стороны – это было «трудоустройство и выполнение общественно-полезных функций», а «ужасы пребывания в работных домах стимулировали нищих к поиску работы... Работные дома в Англии представляли попытку в рамках социальной политики решить проблемы бедности, бродяжничества и трудоустройства» [10, с. 212].

И. Левит указывал, что «Закон о поправках и более лучшем ведении законов о бедных в Англии и Уэльсе, 1834» стал новой эрой «утилитаристского управления», синтезом «мальтизанско-фатализма и идеологии «laissez-faire», направленной на контроль «распределения благосостояния», ставшего отчётливо выраженным в годы наполеоновских войн, когда более 20 % населения юга Англии получали приходскую помощь [23, р. 160].

Депутаты британского парламента обсуждали положительные стороны общественной помощи, существующей при работных домах Англии, а также для пауперов Ирландии, не получающих подобную социальную помощь [18]. 21 июля 1834 года лорд Бругэм, выступая в палате лордов в ходе второго чтения законопроекта о пауперах, поддерживая новый закон, подчеркнул необходимость перераспределения местных церковных доходов на бедных [31, р. 310].

В итоге длительных дискуссий рекомендации членов Комиссии для обследования применения на практике законов о бедных легли в основу нового «Закона о поправках и более лучшем ведении законов о бедных в Англии и Уэльсе, 1834» [11]. В 1830–1840-х годах новые социальные реформы охватили Шотландию и Ирландию. 31 июля 1838 года новый закон о бедных был принят в Ирландии, а в 1845 году – и в Шотландии [12]. Новые законы о бедных отменяли приходское пособие по бедности, создавая работные дома, как новый вид социальной помощи Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии. «Национальные и местные комитеты, начиная с 1845 года, осуществляли надзор за законодательством для бедных и создали настолько успешную модель управления, что она была не раз копирована в другие отрасли управления. Эти институты были промежуточным звеном между центральным правительством и народом на территории Шотландии. В органы местного самоуправления входили представители среднего класса, профес-

сиональные юристы, предприниматели, врачи» [1, с. 152–153].

В конце 1830-х годов члены государственного Комитета по закону о бедных обратили внимание британского парламента на необходимость изменения системы налогообложения в пользу пауперов, перераспределив получаемые средства, на предупреждение эпидемий, снижение заболеваемости и смертности. Обосновывая эту новую идею, Эдвин Чедвик информировал Министра внутренних дел Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии лорда Дж. Расселла, о необходимости санитарного обследования королевства. Отмечалось, что новый «Закон о поправках и более лучшем ведении законов о бедных в Англии и Уэльсе, 1834» «нуждается в дальнейших поправках и добавлениях», не обеспечивая потребности этой категории населения, а «приостановить рост нищеты можно» лишь путём политики предупреждения медико-социальных проблем. Подчёркивая, что это будет «дешевле выплат пособий вдовам и сиротам, реформатор предлагал эту новую работу сделать компетенцией государственной Комиссии по закону о бедных, а не местным приходам. Отчёты врачей Н. Арнотта, Дж. Кейя, С. Смита констатировали значительный рост трущоб в столице Великобритании, указывая на «экономическую пользу для государства систематических социальных мер» [32]. Утилитаризм государственных расходов стал ведущей идеей новых социальных реформ Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии.

Оба отчёта были представлены в парламент Министру внутренних дел Великобритании лорду Дж. Расселлу, и широко обсуждались в прессе. Первые утилитаристские отчёты о положении пауперов и лондонских трущоб, представленные врачами и Комиссией по закону о бедных в парламент, положили начало становления социальной политики. Отчёты предлагали разработку ряда новых законов для совершенствования системы коммунальных услуг в рабочих и национальных кварталах мигрантов (водоснабжения, дренажа, уборки улиц и т.п.). Проведение медико-социальных реформ предлагалось, как альтернатива для снижения уровня смертности и налогов на бедных.

В итоге в 1839 году правительство Великобритании поручило Комиссии по закону о бедных установить масштабы социальных проблем в Англии и Уэльсе, а затем и санитарных условий всего Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии. Обследования 1839–1842 годов доказали антисанитарное положение городов Соединённого Королевства. В 1842 году итоговый «Отчёт членов Комиссии по закону о бедных Министру внутренних дел или Расследование о санитарном положении рабочего населения Великобритании» был представлен в парламент по приказу королевы Виктории [27]. Тщательный анализ развития промышленных городов в контексте пауперизма подтверждал выводы членов Комиссии по закону о бедных (докторов С. Смита, Н. Арнотта, Дж. Кейя и юриста Э. Чедвика)

о том, что антисанитарные условия наносили вред индустриальному обществу. Отмечалось, что существующие британские законы устарели, не решая медикосоциальных проблем. В отчёте был представлен ряд рекомендаций: пересмотр сложившейся системы социальных расходов на местном и государственном уровне, введение централизации управления городов, использование статистики, обязательное введение должности санитарного врача. Эти меры предлагались в противовес нецелесообразным выплатам приходских пособий малоимущим. В эпоху урбанизации пауперизм и здравоохранение городов стали центральными проблемами социального развития Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии.

Середина XIX века стала периодом становления социальной политики Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии. При открытии очередной сессии британского парламента в 1844 году королева Виктория провозгласила, что «Public Policy» – важнейший вопрос для благосостояния всех классов» Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии. Подчёркивалось, что меры по улучшению «социальных условий Ирландии будут продолжены», а вмешательство правительства необходимо «для пользы общества» [21]. Отмечалось, что «отныне начнется великая и всесторонняя реформа внутреннего управления». «Руководящей идеей было «общественное здоровье» [8, с. 187]. В период Крымской войны 1853–1856 годов «определились новые направления социальных реформ, пересмотр приходской политики по закону о бедных и здравоохранения городов» [30, с. 27]. Урбанизация, пауперизм и рост медикосоциальных проблем требовали систематических государственных мер и расходов Соединённого Королевства.

Таким образом, в эпоху урбанизации после унии 1800 года с Ирландией шло становление социальной политики Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии. Реформа законов о бедных привела к ломке приходского сознания, став отправной точкой утилитаристского распределения налогов и государственных расходов, а также становления целенаправленной социальной политики, координируемой новыми государственными органами власти, а не приходами. Приобретая характер национальных дебатов, проблемы пауперизма периодически обсуждались парламентариями, вигами и тори, философами, юристами, врачами, священнонос-

лужителями, членами Лондонского Королевского общества. В XIX веке следствием промышленного переворота, эпидемий, роста городов и населения, миграции явилось изменение отношения общества к роли приходов, проблеме нищеты и призрению бедных. Устаревшая система использования налога на бедных стала обременять поступательное развитие промышленных городов. Пауперы стали восприниматься обществом, как тунеядцы, но женщины, вдовы, дети, больные, а также неработоспособные члены британского общества могли в работных домах получать фиксированную социальную и медицинскую помощь. Призрение пауперов стало общегосударственной проблемой промышленных городов, центральным объектом государственного контроля, научных и социальных исследований Соединённого Королевства. Идеи социальных реформ рассматривались в контексте роста городов и населения, переписей населения, утилитаризма, политэкономии, здравоохранения городов, определив становление социальной политики Великобритании. Законы о бедных формировалась под влиянием социальных идей (Дж. Таунсенда, Дж. Бентами, Т. Мальтуса, Ст. Бурна, Н. Сениора, лорда Бругэма), Комиссии по закону о бедных, примера Шотландии, после унии 1800 года с Ирландией. Развивая социальные идеи своих предшественников, члены Комитета по закону о бедных указали на необходимость полного изменения внутренней политики Соединённого Королевства, заставив британский парламент начать её пересмотр. Выводы Комиссии по закону о бедных, дополняли друг друга, требуя санитарных мер, кардинального решения проблемы налогов, пособий, нищеты и обеспечения благосостояния населения, а также целенаправленного государственного вмешательства в решение социальных проблем. Медикосоциальные отчёты отражали демографические последствия урбанизации, изменение взглядов государства на необходимость общественного здравоохранения и реформу пауперизма, обусловленную социальными причинами. Великобритания переходила от приходской системы поддержки пауперов к пересмотру налогов, развитию промышленных городов, обеспечению занятости мигрантов, увеличению социальных расходов и пособий, здравоохранению городов. В эпоху урбанизации синтез всех этих идей и реформ положил начало становлению социальной политики Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии.

Источники и литература

1. Апрыщенко В. Ю. Уния и модернизация: становление шотландской идентичности в XVIII – первой половине XIX вв. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. 288 с.
2. Барлова Ю. Е. Английское законодательство о бедных в XVIII – первой половине XIX в. // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т.1. № 3. С. 27–30.
3. Васильчиков А. И. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. СПб.: тип. Э. Пратца, 1872. Т. 1. 352 с.
4. Ерофеев Н. А. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825–1850 гг. М.: АН СССР, 1962. 536 с.
5. Кертман Л. Е. География, история и культура Англии. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1979. 384 с.
6. Мортон А. Л. История Англии. М.: ИЛ, 1950. 462 с.

7. Поланы К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.
8. Редлих И. Английское местное управление. СПб.: Тип. Альтшулера, 1907. 443 с.
9. Сидоренко Ю. А., Склярова Е. К., Бутова Е. Н. Формирование социогигиенических идей в эпоху урбанизации Великобритании / Ю. А Сидоренко, Е. К., Склярова, Е. Н. Бутова // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2018. № 2 (99). С. 109–114.
10. Сидорина Т. Ю. Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005. 442 с.
11. An Act for the Amendment and Better Administration of the Laws Relating to the Poor in England and Wales, 1834 // 4 & 5 Will. IV. c. 76.
12. An Act for the More Effectual Relief of the Destitute Poor in Ireland, 1838 // 1 & 2 Vict. c.56; An Act for the Amendment and Better Administration of the Laws Relating to the Relief of the Poor in Scotland, 1845 // Vict. 8 & 9 c. 83.
13. An Act to amend an Act made in the Present Session of Parliament, for authorizing the Issue of Exchequer Bills, and the Advance of Money for carrying on Public Works and Fisheries, and Employment of the Poor, 1817 // 57 Geo. III c. 34.
14. Bentham J. Writings on the Poor Laws. Vol. I. / Ed. by M. Quinn. Oxford: OUP, 2001. 359 p.
15. Brundage A. The English Poor Laws, 1700–1930. N.Y.: Palgrave, 2002. 185 p.
16. Edsall N. The Anti-Poor Law Movement 1831–1844. Manchester: Manchester University Press, 1971. 285 p.
17. Hansard's Parliamentary Debates. 1-st Series. 1807. Vol. IX. c. 541.
18. Hansard's Parliamentary Debates. 1-st Series. 1809. Vol. XIV c. 645.
19. Hansard's Parliamentary Debates. 1-st Series. 1817. Vol. XXXVI. c. 523; 1818. Vol. XXXVIII. c. 573.
20. Hansard's Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1830. Vol. XXIII. c. 26–53; 1837. Vol. XXXVII. c. 147.
21. Hansard's Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1844. Vol. LXXII. c. 1–5, 244.
22. Hansard's Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1845. Vol. LXXVI. c. 4.
23. Levitt I. Poor Law and Pauperism // In: Atlas of Industrializing Britain 1780–1914 / Ed. by J. Langton, R. Morris. L., N.Y.: Methuen & Co, 2003. P.160–163.
24. Malthus T. R. An Essay on the Principle of Population As It Affects the Future Improvement of Society, with Remarks on the Speculations of Mr. Godwin, M. Condorcet, and Other Writers. L.: J. Jonson, 1798. 2 Vols.
25. McCulloch J. Poor Laws // The Edinburgh Review. 1828. № 47. P. 303–330.
26. Report from Commissioners for Inquiry into the Administration and Practical Operation of the Poor Laws // P.P. 1834. Vol. XXVII. P. 63–67.
27. Report of the Poor Law Commissioners to the Secretary of State or Inquiry into the Sanitary Condition of the Laboring Population of Great Britain // P.P. 1842. Vol. XXVI. P. 3–370.
28. Report on the State of the Irish Poor in Great Britain // P.P. 1836. Vol. XXXIV. P. IX–XXV.
29. Senior N. Proposals for Extending the Irish Poor Law // The Edinburgh Review. 1846. № 84. P. 267–314.
30. Sklyarova E. K. Crimean War and establishing of Public Health system in Great Britain // Научный альманах стран Причерноморья. 2017. № 1 (9). С. 24–29.
31. Speeches of Henry Lord Brougham upon Questions Relating to Public Rights, Duties and Interests with Historical Introductions. Philadelphia: Lea and Blanchard, 1841. 2 Vols.
32. The Builder. 1844. Vol. 2. Apr. P.187–199.
33. The Select Committee on the Poor Laws // P. P. 1819. Vol. II. P. 37–308.
34. The Quarterly Review. 1816. Vol.15. № 29. P. 187–235.
35. Townsend J. An Essay on the Poor Laws / Ed. by A. Montagu. Berkeley: University of California Press, 1971. 531 p.

References

1. Aprishenko V. Y. Yniya i modernizatia: stanovlenie shotlandskoy identichnosti v XVIII – pervoi polovine XIX v.v. (*The Union and modernization: the formation of the Scotland Identity*). Rostov on Don: SFU publ., 2008. 288 p. (In Russian).
2. Barlova Y. E. Angliskoe zakonodatelstvo o bednyh v XVIII – pervoi polovine XIX v. (*English laws of the Poor in the XVIII – first half of the XIX c.*) // Yaroslavski pedagogicheskii vestnik. 2010. T.1. № 3. P. 27–30. (In Russian).
3. Vasilchikov A. I. O samoupravlenii. Sravnitelny obzor ruskikh i inostrannih zemskih i obchestvennih uchrezdeniy (*On selfgovenment. Comparative study of Russian and foreign local and social government*). St.Petersburg: E. Pratc's publishing house, 1872. Vol.1. 352 c. (In Russian).
4. Erofeev N. A. Narodnaya emigratsiya i klassovaya borba v Anglii v 1825–1850 (*People emigration and class struggle in England*). Moscow: SA USSR publ., 1962. 536 p. (In Russian).
5. Kertman J.E. Geografiya, istoriya i kultura Anglii (*Geography, history and culture of England*). Moscow: Vishaya skola, 1979. 384 p. (In Russian).
6. Morton A. L. Iistorija Anglii (*The History of England*). Moscow: IL, 1950. 462 p. (In Russian).
7. Polanyi K. Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni (*Great transformation: political and economic origins of our times*). St.Petersburg: Alteya, 2002. 320 p. (In Russian).
8. Redlih I. Angliyskoe mestnoe upravlenie (*English local government*). St.Petersburg: Altshulera publishing house, 1907. 443 p. (In Russian).
9. Sidorenko Y. A., Sklyarova E. K., Butova E. N. Formirovaniye siciogigienicheskikh idei v epohu urbanizacii Velicobritanii (*The formation of socio hygienic ideas of Great Britain*) // Humanitarnye i socialno-economicheskie nauki. 2018. No. 2 (99). P.109–114. (In Russian).
10. Sidorina T. Y. Dva veka socialnoy politiki (*Two years of social policy*). Moscow: RSHU publ., 2005. 442 p. (In Russian).
11. An Act for the Amendment and Better Administration of the Laws Relating to the Poor in England and Wales, 1834 // 4 & 5 Will. IV. c. 76.

12. An Act for the More Effectual Relief of the Destitute Poor in Ireland, 1838 // 1 & 2 Vict. c.56; An Act for the Amendment and Better Administration of the Laws Relating to the Relief of the Poor in Scotland, 1845 // Vict. 8 & 9 c. 83.
13. An Act to amend an Act made in the Present Session of Parliament, for authorizing the Issue of Exchequer Bills, and the Advance of Money for carrying on Public Works and Fisheries, and Employment of the Poor, 1817 // 57 Geo. III c. 34. P. 470–476.
14. Bentham J. Writings on the Poor Laws. Vol. I. / Ed. by M. Quinn. Oxford: OUP, 2001. 359 p.
15. Brundage A. The English Poor Laws, 1700–1930. N. Y.: Palgrave, 2002. 185 p.
16. Edsall N. The Anti-Poor Law Movement 1831–1844. Manchester: Manchester University Press, 1971. 285 p.
17. Hansard's Parliamentary Debates. 1-st Series. 1807. Vol. IX. c. 541.
18. Hansard's Parliamentary Debates. 1-st Series. 1809. Vol. XIV c. 645.
19. Hansard's Parliamentary Debates. 1-st Series. 1817. Vol. XXXVI. c. 523; 1818. Vol. XXXVIII. c. 573.
20. Hansard's Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1830. Vol. XXIII. c. 26–53; 1837. Vol. XXXVII. c. 147.
21. Hansard's Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1844. Vol. LXXII. c.1–5, 244.
22. Hansard's Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1845. Vol. LXXXVI. c. 4.
23. Levitt I. Poor Law and Pauperism // In: Atlas of Industrializing Britain 1780–1914 / Ed. by J. Langton, R. Morris. L., N.Y.: Methuen & Co, 2003. P.160–163.
24. Malthus T. R. An Essay on the Principle of Population As It Affects the Future Improvement of Society, with Remarks on the Speculations of Mr. Godwin, M. Condorcet, and Other Writers. L.: J. Jonson, 1798. 2 Vols.
25. McCulloch J. Poor Laws // The Edinburgh Review. 1828. № 47. P. 303–330.
26. Report from Commissioners for Inquiry into the Administration and Practical Operation of the Poor Laws // P.P. 1834. Vol. XXVII. P. 63–67.
27. Report of the Poor Law Commissioners to the Secretary of State or Inquiry into the Sanitary Condition of the Laboring Population of Great Britain // P.P. 1842. Vol. XXVI. P. 3–370.
28. Report on the State of the Irish Poor in Great Britain // P.P. 1836. Vol. XXXIV. P. IX–XXV.
29. Senior N. Proposals for Extending the Irish Poor Law // The Edinburgh Review. 1846. № 84. P. 267–314.
30. Sklyarova E.K. Crimean War and establishing of Public Health system in Great Britain // Научный альманах стран Причерноморья. 2017. № 1 (9). C. 24–29.
31. Speeches of Henry Lord Brougham upon Questions Relating to Public Rights, Duties and Interests with Historical Introductions. Philadelphia: Lea and Blanchard, 1841. 2 Vols.
32. The Builder. 1844. Vol. 2. Apr. P.187–199.
33. The Select Committee on the Poor Laws // P. P. 1819. Vol. II. P. 37–308.
34. The Quarterly Review. 1816. Vol.15. № 29. P. 187–235.
35. Townsend J. An Essay on the Poor Laws / Ed. by A. Montagu. Berkeley: University of California Press, 1971. 531 p.

Информация об авторе

Склярова Елена Константиновна – доцент кафедры истории Ростовского государственного медицинского университета (Ростов-на-Дону) / affina18@mail.ru

Information about the author

Sklyarova Elena – PhD in History, Associate Professor, Chair of History, Rostov State Medical University (Rostov-on-Don) / affina18@mail.ru

УДК 94(470.63).084.8

Н. Д. Судавцов

ВОЗРОЖДЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СТАВРОПОЛЬЯ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОККУПАЦИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье речь идёт о том огромном ущербе, который был нанесён фашистскими захватчиками сельскому хозяйству Ставрополья во время оккупации территории аграрного края. Оккупанты грабили колхозы, совхозы, машино - тракторные станции, население. Из края вывозились новейшая техника, оборудование, сельскохозяйственная продукция. В статье показаны пути, формы и методы восстановления сельского хозяйства в крае тружениками села. Также идёт речь о той помощи, которую оказали Ставрополью в возрождении жизни государства, другие республики и области СССР, шефстве над краем Азербайджанской ССР и Чкаловской области. Большое внимание уделено помощи горожан в проведении сельскохозяйственных работ, обеспечении МТС, колхозов, совхозов запасными частями для ремонта тракторов, комбайнов, сельскохозяйственной техники, которые выпускали предприятия, артели промышловой кооперации. Работая под лозунгом «Всё для фронта! Всё для победы!», участвуя в социалистическом соревновании, женщины, подростки, старики не только возрождали жизнь в крае, но и своим самоотвер-

женным трудом, надрываясь от непосильного труда, не доедая, не досыпая, делали всё для того, чтобы обеспечить действующую армию и страну всем необходимым. В связи с тем, что техника была разбита, изношена, многие работы приходилось выполнять вручную, используя живое тягло и прикладывая огромные физические усилия. И делалось это в условиях, когда часто не хватало самого необходимого для повседневности сельского населения Ставрополья в условиях тяжёлой войны. Результатом самоотверженного труда, огромных усилий людей, подкреплённых помощью государства и других регионов страны, после освобождения от оккупации многое было сделано по возрождению сельскохозяйственного производства, восстановлению посевных площадей, поголовья животноводства, предприятий, артелей промыслового кооперации, перерабатывающих сельскохозяйственное сырьё, а также выпускающих для населения предметы первой необходимости.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация, разрушения, ущерб, восстановление, соревнование, шефство, молодёжь, колхозы, МТС.

N. Sudavtsov

THE REVIVAL OF AGRICULTURE OF STAVROPOL REGION AFTER LIBERATION FROM OCCUPATION IN THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article deals with the enormous damage that was inflicted by the fascist aggressors on the agriculture of Stavropol region during the occupation of the territory of the agrarian region. The invaders robbed collective farms, state farms, machine-tractor stations, population. The latest technology, equipment and agricultural products were exported from the region. The article shows the ways, forms and methods of restoring agriculture in the region by village workers. It also deals with the assistance that the Stavropol government rendered to the revival of life of the state, other republics and regions of the USSR, and patronage over the territory of the Azerbaijan SSR and the Chkalov region. Much attention is paid to the assistance of citizens in carrying out agricultural work, providing motor-tractor stations (MTS), collective farms, state farms with spare parts to repair tractors, combines, agricultural machinery, which were produced by enterprises, artels of commercial cooperation. Working under the slogan "Everything is for the front! Everything for victory!" and participating in socialist compe-

tition, women, teenagers, old people not only revived life in the province, but also by their selfless work, straining from overwork, with lack of food and sleep, they did everything to ensure the current army and country with everything they needed. As the equipment was broken, worn out, a lot of work was done manually, using living matter and applying tremendous physical effort. And this was done under conditions when the Stavropol population in conditions of a hard war was in need of goods for everyday life.

After the liberation from occupation, much work was done to revive agricultural production, restore agricultural areas, livestock, enterprises, cooperatives processing agricultural raw materials, as well as producing goods for the population. It was the result of selfless labor, tremendous efforts of people supported by the state and other regions of the country.

Key words: World War II, occupation, destruction, damage, restoration, competition, patronage, youth, collective farms, MTS.

На Ставрополье, освобождённом от оккупации, шла невиданная в истории созидательная работа

по возрождению экономики, культуры, социальной сферы, разрушенной фашистами. Проходила

она в очень трудных военных условиях. Немецко-фашистские оккупанты, выполняя указания А. Гитлера, стремились оставить после себя на покидаемых территориях зону «выжженной» земли, нанося им максимальный ущерб.

О возрождении сельского хозяйства Ставрополья в годы Великой Отечественной войны написано не так уж много. Но тема настолько обширна и многогранна, требует более пристального внимания, глубокого изучения и осмысливания процессов, проходивших в аграрном Ставрополье в условиях великой войны и роли в этом человеческого фактора.

На территории края оккупанты пробыли около полугода с августа 1942 по январь 1943 г. Но и за это время краю был нанесён огромный ущерб в 14,6 млрд рублей в ценах того времени. Поскольку Ставрополье было краем аграрным, то основной ущерб приходился на сельское хозяйство, за счёт которого кормились оккупационные войска, а в Германию вывозились продовольствие, сырьё. В первую очередь шло разграбление колхозов и совхозов, которые были сохранены как общины и госхозы. Была уничтожена птица, значительная часть крупного рогатого скота, овец, разрушены животноводческие помещения и т.д. Ущерб сельскому хозяйству края составил 11 млрд рублей. Многие учреждения культуры, школы были превращены в казармы, конюшни, подсобные помещения и пр. Невосполнимой потерей было уничтожение более 33 тыс. человек. Людей использовали на строительстве военных объектов, укреплений и других тяжёлых работах [23, с. 115, 116].

Существенно была подорвана материально-техническая база сельского хозяйства – основа его устойчивой работы. Было уничтожено более 4,5 тысяч тракторов, полторы тысячи комбайнов, свыше 8 тыс. плугов, лущильников, 4037 жаток, 714 молотилок и т.д. Были уничтожены 164 ремонтных мастерских, частично повреждено 209 мастерских в колхозах и совхозах, в Германию было вывезено или выведено из строя 1885 металлорежущих станков, 532 электромотора и нефтедвигателя. В колхозах разрушено 268 клубов и красных уголков, 47 детских садов, 15 детских яслей и т.д. [23, с. 116]. В этом проявилась политика германского фашизма: грабить, уничтожать и убивать.

В результате разграбления народного богатства в сравнении с 1 июля 1942 г. в крае осталось: 37 % лошадей, 27 % крупного рогатого скота, в том числе 20 % коров, 25,2 % овец и коз, 15 % свиноматок, 6 % птицы. В ряде районов потери были более значительными. В Курском районе из 52299 овец осталось только 1502 головы или 3%, в Георгиевском районе из 3901 головы крупного рогатого скоты – 247 голов, около 6 %, в Спящевском районе из 4141 свиней осталось 183 или 4 % и т.д. [14, л. 107, 116].

Несомненно, ущерб был бы значительно больше, если бы не поражение фашистов под Стalingрадом, стремительное наступление Красной

Армии на Северном Кавказе, которая в январе 1943 г. полностью изгнала врага с территории края, а также самоотверженность советских людей, которые, рискуя жизнью, спасали народное достояние.

Всё это нужно было как можно быстрее восстановить, несмотря на то, что шла война и основные средства, усилия государства, населения направлялись на борьбу с врагом. Сразу же после освобождения колхозники сводили в хозяйства частично разобранный накануне оккупации скот, сносили упряжь, доставали припрятанные узлы и механизмы, подбирали брошенных в поле лошадей, скот и т.д. Было создано 1500 бригад по сбору техники, запасных частей для её ремонта. Одновременно разбирались развалины, восстанавливались разрушенные постройки, мастерские, жильё, школы, больницы. Готовясь к весенне-полевым работам, собирали для посева зерно из личных запасов.

Большую помощь Ставрополью с первых дней освобождения оказали государство, трудящиеся республик и областей страны. 23 января 1943 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О мерах по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобождённых от немецко-фашистских оккупантов», определившим программу деятельности по восстановлению экономики, социальной сферы, оказанию помощи на селе. Наркоматам совхозов, обороны, ВМФ, среднего машиностроения поручалось выделить пострадавшим районам тракторы, комбайны, сельскохозяйственный инвентарь, автомобили, запасные части. Предусматривалась мобилизация и направление в освобождённые районы кадров для работы, в том числе эвакуированных из освобождённых районов [22, с. 90–94].

Исходя из постановления, ЦК компартий и правительства республик приняли постановления, в которых определили своё участие этих регионов в восстановлении Ставропольского края. СНК и ЦК компартии Казахстана 27 января 1943 г. решили отгрузить Ставрополью 100 автомашин, направить 25 механиков, 15 директоров МТС, 25 агрономов, 8 заведующих райзо, 5 бухгалтеров [20, л. 163, 164]. Решением ЦК компартии и СНК Киргизии на Ставрополье было направлено 5 директоров МТС, 21 mechanik, 25 трактористов, 10 агрономов [21, л. 98]. Из Узбекской ССР в феврале 1943 г. было отправлено на Ставрополье 1000 тракторов, столько же плугов, 600 сеялок, более 1100 работников сельского хозяйства. [19, л. 233, 234].

К началу сева 1943 г. МТС и совхозы получили 5800 тракторов, комбайнов, автомашин. В хозяйства прибыли 4385 трактористов, комбайнёров, бригадиров. Колхозы и совхозы получили на проведение сева более 2 миллионов пудов семян и свыше 50 тысяч голов реэвакуированного скота. Были предоставлены льготы по поставкам продуктов государству. Колхозники Азербайджана выделили из личных хозяйств 4200 голов крупного рогатого скота, наркомзэм республики отправил сельхозмашин на 271 тыс. рублей, на 100 тыс. рублей запасных частей [2, с. 280, 281].

За счет их завоза мощность тракторного парка в МТС возросла на 20 процентов. Прибывшие в 1943 г. в Ставропольский край работники трудились хорошо. Так, в Султановской МТС Курсавского района наивысшую выработку на тракторе СТЗ дала Раиса Боборыкина, прибывшая в край из Чкаловской области. Она на колесном тракторе за смену пахала по 5 с лишним гектаров [29].

Весенне-полевые работы в 1943 г. начинались в очень сложных условиях. Несмотря на большую помощь государства, республик и областей в колхозах, совхозах, МТС ощущалась острая нехватка тракторов, живого тягло. Хотя многое было собрано и реставрировано из сельскохозяйственных орудий, тем не менее, отсутствие новых запасных частей, тракторов сказывалось на уровне работы техники. В большинстве МТС не было механических мастерских. Даже к концу 1943 г. их не было в 51 МТС, что сказывалось на качестве ремонта. Не случайно, почти четверть тракторов не работала, а многие простоявали в борозде. Поэтому главная тяжесть проведения весенне-полевых работ 1943 г. легла на живое тягло. А если учесть, что в результате саботажа сельскохозяйственных работ осенью 1942 г. почти ничего не было вспахано под весенний сев и засеяно озимых всего 462 тыс. га на низком агротехническом уровне, то весной 1943 г. ставилась задача наверстать и посеять не менее 930 тысяч га яровых. Исходя из складывающейся обстановки в районах, многое сделали, чтобы лучше подготовиться к весенне – полевым работам. Колхозники, рабочие совхозов собрали для сева около двух с половиной миллионов пудов зерна из собственных запасов [4, л. 80].

Несмотря на трудности, многие механизаторы неплохо подготовились к полевым работам. В колхозе «Оборона страны» Нагутского района женская тракторная бригада, И. Крахмаля, звездив свои возможности, взяла на 1943 г. высокие обязательства – выработать на 15-сильный трактор не менее 1000 гектаров мягкой пахоты, высококачественно провести все работы, сэкономить не менее 10 % топлива и горючесмазочных материалов, 15 % запасных частей против нормы [11]. Они обратились ко всем трактористкам края с призывом продолжить социалистическое соревнование женских тракторных бригад. Трактористки, в частности, писали о том, что мало быть благодарными советским воинам за освобождение от фашистов: «Мы должны сделать всё, чтобы обеспечить Красную Армию всем необходимым для дальнейшего успешного наступления на Запад, где советских воинов ждут миллионы наших братьев и сестер. Мы должны дать фронту и стране столько хлеба, мяса и других сельскохозяйственных продуктов, сколько это требуется для окончательного разгрома подлых фашистов. Трудно будет нынче, но надо справиться со своей задачей. На нашу долю, дорогие подруги, ложится в значительной мере выполнение этой задачи потому что в нынешнем году большинство водителей стальных коней, -мы женщины: каждый наш трактор должен работать за двоих троих» [26].

Несмотря на самоотверженный труд механизаторов, тракторный парк края весной 1943 г. работал плохо. Свидетельством тому было то, что к 1 мая тракторами вспахали 250 тыс. гектаров условной пахоты из намечавшихся 600 тыс. гектаров [27]. Значительная часть тракторов простоявала. В Александровской МТС на 15-сильный трактор было выполнено лишь 2,7 га при норме 8,3 га в сутки. Такое же положения сложилось в Саблинской, Преградненской, Донской и других МТС.

Весной 1943 г. значительно возросла роль живого тягло в сельскохозяйственных работах. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О государственном плане развития сельского хозяйства на 1943 год» для колхозов и совхозов Ставропольского края была установлена выработка на весенне-полевых работах на рабочую лошадь или пару волов 10 га мягкой пахоты. Предусматривалось привлечение на полевые и транспортные работы малопродуктивных коров. Это в тот период было оправдано, так как без максимального использования живого тягло невозможно было провести весенне-полевые работы. Тем более, если учесть, что в период оккупации не была вспахана зябь. Но при этом, многие семьи были обречены на полуоголодное существование, поскольку коровы, работавшие в упряжи, переставали давать молоко, которое для многих семей было единственным источником питания.

В то время бытовало выражение «Что для коня честь, то для трактора укор». И это имело основания. Во многих МТС выработка на 15-сильный трактор была даже ниже, чем у хорошо работающих пахарей. В передовом Петровском районе к середине мая на 15-сильный трактор выработали в среднем по 70 га. В то же время передовики, ежедневно выполняя на пахоте две–три нормы, вспахали по 60–70 гектаров на упряжку. В колхозе им. Сараева это составило в среднем 63 гектара на упряжку [16].

В хозяйствах изыскивались внутренние резервы и возможности для успешного проведения всех сельскохозяйственных работ. Важную роль в этом играли комсомольские организации, которые мобилизовали молодёжь на ударный труд. В годы войны подавляющее большинство колхозов не имели организаций ВКП(б). В соответствии с уставом ВКП(б), принятом на 18-м съезде партии, на комсомольские организации возлагалась ответственность за положение дел в хозяйствах. Многие из них выступили застрельщиками организации восстановительных работ. Примером может быть Егорлыцкий район комсомола, который глубоко вникал в дела колхозов, предметно рассматривая вопросы сельскохозяйственного производства на бюро РК ВЛКСМ. За 1943–1944 гг. на бюро были заслушаны доклады и информации о положении дел 11 председателей колхозов, 3 директоров МТС, 11 бригадиров полеводческих и тракторных бригад. Особое внимание уделялось участию комсомольцев и молодёжи в делах хозяйств, воспитательной работе [5, л. 65].

Комсомольцы и молодёжь колхоза «Парижская коммуна» Буденновского района сразу по-

сле освобождения приступили к восстановлению колхоза и многое сделали по подготовке к весенне-полевым работам. Они собрали рабочий скот, семена для посева, подготовили сельхозинвентарь. Это позволило колхозу выступить инициатором социалистического соревнования в районе за высококачественное проведение работ. Они взяли повышенные обязательства: добиться быстрейшего сбора семенного фонда, обеспечить весенний сев высококачественными семенами; организовать образцовый уход за живым тяглом в период подготовки и проведения весеннего сева; систематически перевыполнять производственные нормы, выполнять работу только с высоким качеством, подчинив её лозунгу: «Всё для фронта! Всё для победы над врагом!»; добиться быстрейшего сбора средств на строительство танковой колонны «Ставропольский колхозник» и бронепоезда «Комсомолец Ставрополья»; регулярно проводить среди колхозников читки газет и беседы, выпускать стенные газеты, один раз в месяц проводить вечера самодеятельности; вызвали на соревнование колхоз «Сталинская конституция» [1]. Взяв после освобождения высокие темпы в работе, они добились замечательных результатов и завоевали по итогам работы в 1943 г. переходящее красное знамя ЦК ВЛКСМ. Но в целом, на наш взгляд, организаторская роль комсомольских организаций колхозов по-настоящему ещё не оценена.

Весной 1943 г. особо ярко в проведении сельскохозяйственных работ проявился вклад подростков, о которых женщины говорили с гордостью и грустью «Наши мужички». По инициативе комсомольцев и молодежи колхоза им. Молотова Изобильненского района, одобренной крайкомом ВЛКСМ, широко развернулось соревнование молодых пахарей на живем тягле [3, л. 160–161]. Крайком комсомола и краевой земельный отдел организовали боевое соревнование молодых пахарей, которых вышло на поля края более 10 тысяч человек. Для победителей были учреждены переходящее красные знамёна, вымпелы, флаги, премии, которые в хозяйствах, бригадах вручались ежемесячно, еженедельно, ежедневно. Весной край выполнил план весеннего сева. Было посеяно 1311 тыс. га. [11, л. 21].

Важное значение для края имело постановление СНК СССР от 7 мая 1943 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства Ставропольского края, разрушенного немецкими оккупантами», которым определялась большая помощь на восстановительные работы – ассигновывалось 77056 тысяч рублей, выделялись материальные фонды, определялись сроки ввода в строй предприятий, жилья, социально-культурных учреждений. Было выделено 10 млн рублей долгосрочного кредита колхозам на восстановление построек, приобретение инвентаря, 3 млн рублей на восстановление жилого фонда, находящегося в личном пользовании, 2 млн рублей колхозникам на обзаведение скотом и восстановление построек. Всего же для края выделялось 102 млн рублей. [13, л. 130–131].

Для восстановления МТС, пятигорского моторемонтного завода и организаций системы наркомзема СССР были ассигнованы 4 млн рублей, для совхозов 2 млн рублей, на борьбу с вредителями сельского хозяйства 1,6 млн рублей и выделены химикаты. На покупку и контрактацию скота для укомплектования животноводческих ферм выделялось 4 млн рублей на восстановление разрушенных сооружений по обводнительным и оросительным системам – 7,1 млн рублей [14, л. 135–136].

После принятия 21 августа 1943 г. постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации», содержавшем комплексную программу возрождения районов, подвергшихся оккупации, над Ставропольским краем взяли шефство Азербайджанская ССР и Чкаловская область, которые оказали существенную помощь в материально-техническом обеспечении сельского края [17, с. 65–104].

В целом же 1943 г. для Ставрополья в сельском хозяйстве сложился очень тяжело. К тому колоссальному ущербу, который был нанесен оккупантами, добавилась засуха. Озимые, посаженные осенью 1942 г. в период оккупации на низком агротехническом уровне, некондиционными семенами, в сухую землю, практически не взошли. Всходы стали появляться только весной. Но и здесь им не удалось набрать силы в связи с малоснежной зимой и продолжительной весеннеей засухой.

В связи с затянувшимся весенным севом хлеба в своём развитии запоздали против обычных сроков на 15–20 дней и их созревание попало в июле-августе под губительное влияние восточных суховеев. Это привело к резкому снижению урожайности, против тех предварительных оценок, которые делались на первое июля. В итоге и без того низкая урожайность оказалась ещё ниже в 2–3 раза. Во многих районах не получили даже того количества зерна с гектара, которое необходимо для засева гектара. В Благодарненском районе урожайность озимых была 1,1 центнера с га, Новоселецком – 1,4 ц, Левокумском – 0,9, Туркменском, Бурлацком – 1,5 ц, Арзгирском, Буденновском, Черкесской АО – 1,8 ц с гектара и т.д. Урожайность яровых в подавляющей части районов была 1,5–2 ц с гектара. И только в более благоприятных Александрийско-Обильненском, Георгиевском, Либнектовском, Минераловодском, Нагутском районах она была 9–11 ц с гектара. [8, л. 24–25] По краю средняя урожайность колосовых составила 3,5 ц с гектара, в том числе озимых 2 ц, проса 2,5 ц, кукурузы 8 ц. Край оказался в тяжелейшем положении с обеспечением хлебом. Зерновых в 1943 г. собрали в четыре раза меньше, чем в 1940 г. [24, с. 52] На тяжёлое продовольственное положение на Ставрополье повлияло и то, что по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 22 февраля 1943 г. край должен был сдать в фонд Красной Армии к маю 10 млн пудов зерна из урожая 1942 г. [7, л. 164].

Решения о сдаче хлеба из урожая 1942 г. было не случайным. Летом 1942 г. при хорошем урожае в июле-августе было скончено значительное количество зерновых жатками, вручную, который был уложен в скирды с расчетом, что будет обмолочен осенью и зимой. Но в период оккупации фашистским властям так и не удалось должным образом наладить сельскохозяйственные работы, в том числе и обмолот хлебов. Поэтому в крае остались неубранными, а также не обмолоченными сотни тысяч гектаров сельскохозяйственных культур. К примеру, в Новоселецком районе имелось в скирдах не обмолоченного хлеба с 2440 га, 330 га неубранной кукурузы. [14, л. 150] Аналогичное положение было во многих районах края. Поэтому с первых же дней после освобождения труженики села приступили к их обмолоту и сдаче хлеба государству. Краю было доведено задание по сдаче в фонд Красной Армии 10 миллионов пудов зерна.

Поскольку зерна не хватало для выполнения задания, оно изымалось не только в хозяйствах, но и непосредственно у колхозников, что значительно снижало их хлебные запасы. Всего к маю 1943 г. было сдано в фонд Красной Армии 5 миллионов пудов зерна.

По визуальным прогнозам, урожая на 1 июля 1943 г. определили, что в крае будет собрано 62–65 млн пудов зерна, поэтому план сдачи его государству установили 23,4 млн пудов. Но засуха и суховеи в июле – августе практически уничтожила урожай на большей части края. Казалось бы, руководство края должно было забить тревогу сразу, как только стало ясно, что план хлебосдачи не будет выполнен. Но этого своевременно не сделали. Несмотря на нажим края хлебопоставки к октябрю выполнил на 26 % [8, л. 28].

Исходя из создавшегося положения, крайком ВКП(б) и крайисполком в октябре 1943 г. обратились в СНК СССР с запиской, в которой сообщалось о тяжёлом положении дел края и высказывалась просьба об уменьшении плана хлебозаготовок, на половину в фонд Красной Армии на 9 млн пудов [8, л. 27]. Однако, план изменен не был.

Между тем положение усугублялось. Нажим по сдаче хлеба не привел к выполнению плановых заданий. К концу 1943 г. выполнение составило 55,4 %, в том числе в фонд Красной Армии на 47% от плана. На озимый сев было израсходовано 5,4 млн пудов и засыпано семян яровых 1,9 млн пудов, треть потребности [8, л. 145, 147].

В крае резко обострилась продовольственная проблема, которая касалась, прежде всего, колхозников, особенно в хозяйствах, наиболее пострадавших от оккупации. И прежде всего северных и северо-восточных районов края, подвергшихся жестокой засухе, особенно Апанасенковского, Арзгирского, Благодарненского, Бурлацкого, Левокумского, Навоселецкого, Петровского, Туркменского и других. Конечно, продовольственное положение было тяжелым для всех жителей края. Но если рабочие, служащие, интеллигенция получали по карточкам путь и

небольшую, но гарантированную норму, а также заработную плату, то колхозники часто не получали ничего. В части хозяйств они получили только аванс по итогам работы в первом полугодии всего по 30–100 граммов на трудодень, а во многих районах вообще ничего не получили [8, л. 148]. Трудности усугублялись ослаблением личного подсобного хозяйства колхозников, где в результате засухи погибли значительные площади посевов овощей и картофеля на приусадебных участках.

В записке крайкома ВКП(б) и крайисполкома И. В. Сталину в январе 1944 г. отмечалось, что значительная часть колхозников оказалась в исключительно тяжёлом положении и нуждается в немедленной продовольственной помощи. В ряде районов имелись случаи опухания от истощения, отсутствия хлеба, продуктов питания учащаются случаи убоя скота, самовольного выезда за пределы края в Аланасенковском, Бладодарненском, Ипатовском, Каясулинском и других районах. К концу 1943 г. по неполным данным из Благодарненского района выехало 2357 семей, из Каясулинского 700 семей и т.д. [25, с. 180].

В поисках выхода из создавшегося положения, многие семьи, особенно многодетные, переселились на территории Карабаевской АО, Чечено-Ингушской АССР, откуда были депортированы ингуши, карачаевцы, чеченцы и где предоставлялись льготы, оказывалась помощь продовольствием, в обзаведении хозяйством. Хотя многим переселение было не по душе, они видели в этом возможность спасти детей и себя от голода.

Крайком ВКП(б) и крайисполком снова просили уменьшить хлебопоставки и оказать краю помощь продовольствием. Однако помочь оказано не было. В тоже время обстановка с продовольствием обострялась. Так, в Шпаковском районе в 17 колхозах из 30 в феврале 1944 г. не было никаких продуктов. В районе было 22700 иждивенцев. Положение усугубилось ещё и тем, что 3 сентября в районе прошли сильный град и ливень, которые уничтожили все огородные культуры [12, л. 97]. В Петровском районе на 1 марта 1944 г. было 2 тысячи остронуждающихся семей, которым нужно было оказать немедленную помощь. Среди них было более 100 семей, опухших от голода. В пищу употреблялось все. Появились случаи смертельного отравления абрикосовыми косточками. Большинство из остро нуждающихся составили члены семей фронтовиков. Кроме того это были многодетные семьи, а также эвакуированные, которые не имели личных хозяйств. Из-за того, что не во что было одеться и обуться многие дети этих семей не ходили в школу, где в это время выдавали горячие завтраки, на которые в крае специально выделялась 350 тонн муки в месяц. Из неё в школьных столовых готовилась еда, что во многом зависело от мастерства и фантазии поваров [7, л. 158].

Из-за отсутствия керосина в домах было скучное освещение. Поскольку почти не было спичек, то в ходу было кресало, поочерёдное сохранение огня жильцами улиц. Тяжелейшее положение было с лекарствами. Из-за недоедания, низкого

уровня лечения значительно увеличилась смертность населения. В 1943 г. она превысила рождаемость, в том числе среди новорождённых почти в два раза [18, с. 256–257].

Крайком ВКП(б) и крайисполком изыскивали возможности оказания помощи населению. Было решено провести перераспределение хлебных ресурсов в крае между районами, в которых был более высокий урожай и теми, где была засуха. Так, 4 марта 1944 г. решением крайисполкома была оказана помощь Петровскому району 1500 пудов и Шпаковскому району 600 пудов зерна из благополучного Либкнехтовского района [12, с. 97].

Но этого было крайне мало. Учитывая просьбу краевых властей правительство СССР на период весенне-полевых работ выделило краю ... для организации питания на сельхозработах. Из Чкаловской области к 1944 году прибыло два эшелона, в которых было 63 металлорежущих станка, 40 разных моторов, 18 тыс. различных инструментов, 2 дизеля, из Азербайджана эшелонами доставили 250 т цемента, 100 т. мазута, 5 тыс. м² стекла, 2 тыс. штук посуды и т.д. [11, л. 20]. Для осеннего сева 1943 г. правительство СССР выделило Ставропольскому краю 200 тыс. центнеров семенного зерна [11, л. 15].

В 1943 г. в целом сельские труженики края прошли колоссальную работу. К началу 1944 г. функционировали все колхозы, совхозы, МТС, около 5 тысяч животноводческих ферм, в том числе 1350 крупного рогатого скота, 1284 овцетоварных, 983 свинетоварных, 756 птицетоварных и т.д. Были восстановлены школы, больницы, фельдшерские пункты амбулаторные учреждения и др. [9, л. 105].

И это в условиях, когда шло значительное отвлечение рабочей силы из села: на строительство военных объектов на территории края, мобилизации на военные заводы, восстановительные работы в Донбассе, Сталинграде и других местах, ремесленные училища и школы ФЗО, в вооружённые силы, возвращения эвакуированных в родные места. Таким образом, 1943 год, будучи самым трудным для ставропольцев в годы войны, оказался решающим в возрождении жизни края после освобождения от оккупации.

Большое значение имело постановление СНК СССР 27 января 1944 г. «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Ставропольского края», в котором ставилась задача в ближайшие два-три года завершить восстановление сельского хозяйства и достичь довоенного уровня. Краю предусматривалось оказание помощи техникой, запасными частями, финансами [2, с. 286]. На Ставрополье стали поступать запасные части, тракторы. Восстанавливаясь, предприятия максимально наращивали производство продукции для сельского хозяйства. Так, Черкесский завод «Молот» освоил более десяти видов деталей к тракторам и сельскохозяйственным машинам. Предприятиям были доведены планы по производству запасных частей. Хотя это до конца и не решало стоящих проблем, но существенно

укрепляло материально-техническую базу сельского хозяйства края.

Зима 1943–1944 гг. радовала сельских тружеников. Была она снежной, озимые вступили в зиму в хорошем состоянии. Колхозники настойчиво изыскивали возможности для хорошей подготовки к работам в 1944 г. Пример подавали передовые хозяйства.

Труженики колхоза им. Володарского Новоалександровского района, обсуждая 5 января 1944 г., как лучше провести сельхозработы, решили восстановить хозяйство на довоенном уровне, провести сев за 10 рабочих дней и получить 100 пудов зерновых с гектара. Это базировалось на расчетах, опыте восстановительных работ, приобретенных в 1943 г. Оккупанты привели в негодность часть сельхозинвентаря, разграбили фермы. Зябь осенью 1942 г. не поднималась. После освобождения колхозники собрали и восстановили сельхозтехнику, собрали 50 лошадей, 20 волов, свели на фермы 247 голов крупного рогатого скота, 326 овец, 500 голов птицы. Работали, не покладая рук, от мала до велика. И.Г. Кретов всхахал весной на лошадях 65 гектаров, выполняя задания на 140–150 %, П. В. Трубицин – 50 га на волах. Весной посеяли 870 га зерновых и 324 га технических культур, что было значительно больше плана. Слово володацы сдержали. Урожай получили хотя и ниже, чем до войны, но не плохо, что позволило колхозу рассчитаться с государством и сдать 47 тыс. пудов зерна, на 160 % выполнить поставки по мясу. Осенью посеяли более 900 га озимых. В колхозе было 418 трудоспособных и подростков, а работало 579 человек, в их числе старики, инвалиды, заработавшие в среднем по 198 трудодней, каждый подросток 163 трудодня, старики старше 60 лет по 317 трудодней [33]. Подсчитав возможности, они призвали тружеников села страны последовать их примеру [36].

При подготовке к уборке урожая 1944 г. краевые власти неоднократно обращались в ЦК ВКП(б) и СНК СССР с просьбами помочь решить вопросы технического обеспечения, поскольку на месте решить это было невозможно. На 20 мая 1944 г. в крае было отремонтировано всего 509 комбайнов из 3413, из которых 1200 не имели двигателей, 30 % хедеров – приводных ремней. Комбайны, восстановленные в 1943 г. от длительной работы на косовице, обмолоте зерна, требовали для ремонта запасных частей. Между тем в 4-м квартале 1943 года, а также в 1–2 кварталах 1944 года в край для ремонта моторов было завезено запасных частей всего на 18 тыс. рублей. Совсем не поступали моторы, приводные ремни, подшипники и др. В мастерских МТС план реставрации деталей, поддающихся восстановлению в условиях МТС, был выполнен на 75 % большинство методом электросварки. В мастерских МТС план реставрации деталей, поддающихся восстановлению в условиях МТС, был выполнен на 75 % большинство методом электросварки. Всего планировалось включить в уборку 2000 комбайнов, которыми скосить 550 тыс. гектаров, а остальное

косилками, вручную. Половина гусеничных тракторов не участвовала в сельхозработах, 1053 не были отремонтированы [11, л. 197–199].

В крае была проведена огромная организаторская работа по подготовке к уборке 1944 г. В хозяйствах, на районных, краевом предуборочных совещаниях скрупулезнно рассматривалась готовность к битве за урожай, брались повышенные обязательства. Механизатор Привольненской МТС З. И. Мухамедиев в газете в мае 1944 г. писал: «В 1943 году с группой трактористов я прибыл в Ставропольский край. Башкирский народ, пославший меня, дал наказ – работать, не жалея сил на восстановлении колхозов, разрушенных немецкими оккупантами. И я свято выполняю наказ своего народа. Несмотря на то, что в прошлом году мне вручили комбайн «Сталинец» уже в самый разгар уборки, я сумел убрать 450 га и сохранить машину в хорошем состоянии. Выезжая на краевое совещание комбайнеров, я дал своим товарищам по работе обязательство – убрать в текущем году своим комбайном 1000 га. Уверен, что не только выполню, но и перевыполню свое обязательство. Братья-воины Красной армии, Родина будут довольны моей работой» [32].

Поскольку в крае остро ощущалась нехватка техники и живого тягла для выполнения сельскохозяйственных работ, то широко использовались коровы. Чтобы в какой-то мере компенсировать потери колхозников от этого, руководство края обратилось в правительство с просьбой разрешить колхозам выдавать в 1944 г. колхозникам, работающим на своих коровах на подъеме зяби, дополнительно натурой 18 кг за гектар пахоты. СНК СССР 4 октября 1944 г. поддержал предложение руководства края и разрешил производить оплату за счет 15 % отчислений от фактической сдачи зерна на заготпункты [10, л. 47]. Конечно, оплата была не такой уж большой, но она в какой-то мере компенсировала потери семьям от использования коров на работах.

Важную роль сыграло переключение Пятигорского мотороремонтного завода с военных заказов на выпуск продукции для сельского хозяйства. На Ставрополье был выдвинут лозунг «На каждом станке ежедневно изготавливать запасные части для сельского хозяйства». Поддерживая его, коллектив завода «Красный металлист» в ноябре 1944 г. взял шефство над Кевсалинской, Книгинской, Софиевской МТС Ипатовского района. Заводчане решили отремонтировать для МТС края 10 металлорежущих станков, выполнить план по изготовлению запасных частей к тракторам не менее чем на 130 %, освоить производство десяти новых видов запасных частей, не менее раза в месяц направлять в подшефные МТС бригады для оказания помощи в ремонте. В обращении коллектива к работникам промышленности и транспорта края содержался призыв: «Заказ деревне – заказ фронту. Все силы на помощь сельскому хозяйству!» [30].

Этот призыв нашел горячий отклик в трудовых коллективах предприятий и организаций края. На собрании партийного, советского, хозяйственно-

го актива, стахановцев г. Пятигорска, совместно с представителями подшефных МТС 5 декабря 1944 г. отмечалось, что 31 предприятие города изготовили разных запчастей к тракторам и сельхозмашинам на 5 млн рублей. В то же время подчеркивалось, что «в новую ремонтную компанию нужно работать во много раз лучше, чтобы привести тракторный парк и машины МТС в «полную боевую готовность». Представители трудовых коллективов на собрании брали конкретные обязательства. Стахановец мотороремонтного завода фрезеровщик Лютин обязался изготовить в декабре сверх плана 180 остродефицитных деталей к тракторам. Мастер Школьников заявил, что механический цех изготовит в декабре 8 тыс. пальцев и поршней, реставрирует гильзы для 350 тракторов. Выступавшие рассказали об активной медицинской, культурно-просветительной помощи коллективам МТС.

Опираясь на помочь горожан, коллективы МТС широко развивали товарищескую взаимопомощь. Так, коллектив Богословской МТС, выработав на 15-сильный трактор 577 га мягкой пахоты, к 10 ноября 1944 г. выполнил годовой план тракторных работ на 119 %. Образцы героического труда показали передовики соревнования молодёжные тракторные бригады М. Плотникова, выработавшей на колесный трактор 1026 га мягкой пахоты и занявшей первое место в МТС, соревнующаяся с ней женская бригада И. С. Мозгового, выработавшая на трактор 810 га, заняла второе место. В МТС говорили: «Как танки в бой ведут гвардейцы фронта, так водили свои машины на колхозных полях трактористы Василий Гедаш, Алексей Маляренко, Мария Коломейцева, Лаврентий Белоцерковец» [6, л. 140].

Эти успехи дали коллективу МТС уверенность в своих силах и выступить инициатором краевого соревнования на осенне-зимнем ремонте: «Вера в скорую победу над ненавистным врагом – фашисткой Германией, желание помочь Красной Армии вдохновляли нас на трудовые подвиги, социалистическое соревнование рождало героев земли, помогало преодолевать трудности. Смогли бы мы добиться успеха, если бы наши тракторы были плохо отремонтированы? Конечно нет. Прежде чем выехать в поле, мы любовно, по-хозяйски отремонтировали каждую машину, наши ремонтники – токарь Иван Сливка, слесарь Василий Черников, электросварщик В. Золотарев, инструментальщик Петр Кученко и другие поработали на славу. Честь и хвала им. Наши тракторы не стояли в борозде, не имели поломок и аварий... В будущем году мы обязаны собрать хлеба ещё больше. Что нужно для этого? Надо за зиму так отремонтировать тракторы, сельхозинвентарь, чтобы они с первых же дней весны действовали как часы» [31].

Несмотря на огромные трудности, сельское хозяйство края работало всё устойчивее. В 1944 году сельские труженики края одержали выдающуюся победу, получив небывалый урожай колосовых в условиях войны, после неурожайного 1943 года. С одного гектара получили по 13,8

центнеров зерна против 13 ц в 1940 г. Хороший урожай позволил краю сдать государству 37 млн пудов, почти в три раза больше, чем в 1943 года [2, л. 287] Улучшилось продовольственное обеспечение население. Колхозы и совхозы стали получать тракторы, автомобили, запасные части для сельскохозяйственной техники, увеличились поставки в край угля, нефтепродуктов. Немаловажным был морально-психологический фактор, связанный с приближением окончания войны. Многие хозяйства работали всё устойчивее, добиваясь высоких результатов. Так, совхоз Темижбекский, сдал государству в 1943 году 2658 т зерна, в 1944 г. 5792 т, в 1945 г. 9182 т [23, с. 200].

Благодаря огромным усилиям и самоотверженности тружеников села в 1945 г. объёмы сельскохозяйственного производства в крае состави-

ли две трети по отношению к довоенному уровню [34, с. 53, 54]. Такой разрыв был связан не только с разрушениями оккупантов, но и с тем, что в 1945 г. край постигла жестокая засуха, в результате чего сбор зерновых составил 45 % к 1940 г. Большие трудности сложились в связи с нехваткой кормов для животноводства, с уменьшением поставок транспорта, топлива, металла, угля и т.д. [24, с. 52, 53].

Конечно, для окончательного восстановления сельского хозяйства края и выхода его на довоенный уровень было ещё далеко. Но восстановительные работы, проведённые в период войны, заложили прочные основы для быстрейшего восстановления и дальнейшего развития сельского хозяйства Ставрополья.

Источники и литература

1. Большевистская правда. Г. Будённовск. 1943. 25 марта.
2. В суровые годы войны. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1978. 352 с.
3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф.63. Оп.1. Д.179.
4. ГАНИСК. Ф.63. Оп.1. Д.3.
5. ГАНИСК. Ф.63. Оп.16. Д.16.
6. ГАНИСК. Ф.63. Оп.16. Д.208.
7. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 1852. Оп. 12. Д.44.
8. ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Д.51.
9. ГАСК. Ф.1852. Оп 7. Д.119.
10. ГАСК. Ф.1852. Оп. 7. Д. 131.
11. ГАСК. Ф.1852. Оп.12. Д.50.
12. ГАСК. Фр. 1852. Оп.12. Д.62.
13. ГАСК. Фр.1852. Оп.11. Д.65.
14. ГАСК. Фр.1852. Оп.5 Д.65.
15. ГАСК. Ф.1852. Оп.5. Д. 5.
16. Колхозная газета. 1943. 20 мая.
17. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. (1898-1988). Т.6. 1941–1954. Изд. 8-е, доп. и испр. М.: Политиздат, 1971. 815 с.
18. Ованесов Б. Т., Судавцов Н. Д. Здравоохранение Ставрополья (1918–2005 гг.). Ставрополь: ООО Стройиздат-Грантстрой, 2007. 544 с.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп. 43. Д.1820.
20. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 43. Д.507.
21. РГАСПИ. Ф.17. Оп.43. Д.834.
22. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5-ти т. Т 3. 1917–1967 гг. Сб. документов и материалов за 50 лет. М.: Политиздат, 1968. (1941–1962 гг.). 750 с.
23. Ставрополье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов и материалов. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1962. 514 с.
24. Ставрополье за 50 лет. Сборник статистических материалов. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1968. 218 с.
25. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и материалах. Ставрополь: СГУ, 2005. 608 с.
26. Ставропольская правда. 1943. 10 апреля.
27. Ставропольская правда. 1943. 11 мая.
28. Ставропольская правда. 1943. 24 марта.
29. Ставропольская правда. 1943. 7 мая.
30. Ставропольская правда. 1944. 1 декабря.
31. Ставропольская правда. 1944. 19 ноября.
32. Ставропольская правда. 1944. 23 мая.
33. Ставропольская правда. 1944. 5 января.
34. Ставропольское село: в людях, фактах, цифрах. Научно-популярное издание. Изд. 2-е доп. Ставрополь: Некоммерческий литературный фонд «Слово и дело», ООО «Блиц-Инфо», 2011. 392 с.
35. Ставропольцы в Великой Отечественной войне. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1995. 348 с.
36. Труд. 1944. 27 января.

References

1. Bol'shevistskaya pravda. 1943. March 25. (In Russian).
2. V surovye gody vojny (In the harsh war years). Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1978. 352 p. (In Russian).
3. State archive of the newest history of Stavropol territory (GANISK). F.63. Inv.1. D.179. (In Russian).
4. GANISK. F.63. Inv.1. D.3. (In Russian).
5. GANISK. F.63. Inv.16. D.16. (In Russian).
6. GANISK. F.63. Inv.16. D.208. (In Russian).
7. State archive of Stavropol krai (GASK). F.1852. Inv.12. D.44. (In Russian).
8. GASK. F.1852. Inv.12. D.51. (In Russian).
9. GASK. F.1852. Inv.7. D.119. (In Russian).
10. GASK. F.1852. Inv.7. D.131. (In Russian).
11. GASK. F.1852. Inv.12. D.50. (In Russian).
12. GASK. Fr. 1852. Inv.12. D.62. (In Russian).
13. GASK. Fr.1852. Inv.11. D.65. (In Russian).
14. GASK. Fr.1852. Inv.5 D.65. (In Russian).
15. GASK. F.1852. Inv.5. D.5. (In Russian).
16. Kolhoznaya gazeta. 1943. May 20. (In Russian).
17. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyuciyah i resheniyah s'ezdov, konferencij, plenumov CK (*The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions from meetings, conferences, plenums of the Central Committee*) (1898–1988). Vol.6. 1941–1954. Moscow: Politizdat, 1971. 815 p. (In Russian).
18. Ovanesov B. T., Sudavcov N. D. Zdravoohranenie Stavropol'ya (1918–2005 gg.) (*Health care of Stavropol (1918–2005)*). Stavropol': OOO Strojzdat-Grantstroj, 2007. 544 p. (In Russian).
19. Russian state archive of social and political history (RGASPI). F.17. Inv. 43. D.1820. (In Russian).
20. RGASPI. F.17. Inv.43. D.507. (In Russian).
- 21.RGASPI. F.17. Inv.43. D.834. (In Russian).
22. Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam (*Party and Government Decisions on Economic Issues*). In 5 Vols. Vol.3. 1917–1967 gg. (1941–1962 gg.). Collection of documents for 50 years. Moscow: Politizdat, 1968. 750 p. (In Russian).
23. Stavropol'e v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. (*Stavropol during the Great Patriotic War of 1941–1945*). Collection of documents. Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 514 p. (In Russian).
24. Stavropol'e za 50 let. Sbornik statisticheskikh materialov (*Stavropol over 50 years. Collection of statistical materials*). Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1968. 218 p. (In Russian).
25. Stavropol'e: pravda voennyyh let. Velikaya Otechestvennaya vojna v dokumentah i materialah (*Stavropol region: the truth of the war years. World War II in documents and materials*). Stavropol': SSU publ, 2005. 608 p. (In Russian).
26. Stavropol'skaya pravda. 1943. April 10. (In Russian).
27. Stavropol'skaya pravda. 1943. May 11. (In Russian).
28. Stavropol'skaya pravda. 1943. March 24. (In Russian).
29. Stavropol'skaya pravda. 1943. May 7. (In Russian).
30. Stavropol'skaya pravda. 1944. Desember 1. (In Russian).
31. Stavropol'skaya pravda. 1944. November 19. (In Russian).
32. Stavropol'skaya pravda. 1944. May 23. (In Russian).
33. Stavropol'skaya pravda. 1944. January 5. (In Russian).
34. Stavropol'skoe selo: v lyudyah, faktah, cifrah. Nauchno-populyarnoe izdanie (*Stavropol village: in people, facts, figures. Popular Science Edition*). Stavropol': Slovo i delo, Blic-Info, 2011. 392 p. (In Russian).
35. Stavropol'cy v Velikoj Otechestvennoj vojne (*Stavropol in the Great Patriotic War*). Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. 348 p. (In Russian).
36. Trud. 1944. January 27. (In Russian).

Информация об авторе

Судавцов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / 249609@mail.ru

Information about the author

Sudavtsov Nikolay – Doctor of History, Professor, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / 249609@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 347.73/735

М. А. Бычко

ОПЫТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью тщательного изучения и анализа проблем, с которыми сталкиваются потребители финансовых услуг при защите своих прав. В науке и практике неоднократно обсуждался вопрос об эффективности сформировавшегося на сегодняшний день в России законодательства в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг, результативности действующего механизма защиты. Учитывая то, что Россия позднее, чем многие зарубежные страны начала решать проблемы защиты прав потребителей финансовых услуг, следует обратиться к освоению и внедрению наиболее прогрессивных зарубежных практик в этой сфере. В обоснование полезности изучения зарубежного опыта уместно привести слова французского юриста Марка Анселя, который отмечал, что «зарубежный опыт открывает перед юристом новые горизонты, позволяет ему лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты этого права особенно отчетливо выявляются в сравнении с другими системами. Сравнение способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права». Изучение международного и зарубежного

опыта защиты прав потребителей финансовых услуг приобретает огромную значимость в связи с тем, что российское законодательство и практика в этой сфере не лишены недостатков и пробелов, они еще требуют совершенствования.

Новизна работы заключается в том, что автором были введены в научный оборот положения докладов, сделанных международными экспертами в области защиты прав потребителей в ходе заседания Итогового круглого стола по теме «Мероприятия по укреплению механизмов взаимодействия органов государственной власти, регуляторов финансового рынка и общественных организаций в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг» 27 сентября 2018 года в городе Москва. Кроме того, проведен сравнительный анализ опыта Великобритании и России в срезе: законодательство и практика его реализации уполномоченными структурами. Сформулированы предложения о перспективах внедрения опыта Великобритании в российскую практику.

Ключевые слова: финансовые услуги, защита прав потребителей, механизмы защиты прав потребителей, судебная защита, уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг.

M. Bychko

THE BRITISH EXPERIENCE IN PROTECTION OF THE RIGHTS OF FINANCIAL SERVICES CONSUMERS AND THE PROSPECTS OF ITS APPLICATION IN RUSSIAN PRACTICE

The relevance of the research topic is due to the need for careful study and analysis of the problems faced by consumers of financial services in the protection of their rights. In science and practice, the question of the effectiveness of the legislation in the field of financial consumer protection, the effectiveness of the current protection mechanism, which has been formed to date in Russia, has been repeatedly discussed. Given the fact that Russia later than many foreign countries started to solve the problems of protection of the rights of consumers of financial services should apply to the development and implementation of the most progressive foreign practice in this sphere. In support of the usefulness of the study of foreign experience, it is appropriate to cite the words of the French lawyer Marc Ansel, who noted that "foreign experience opens up new horizons for a lawyer, allows him to better know the law of his country, because the specific features of this right are particularly

clearly identified in comparison with other systems. Comparison can equip a lawyer with ideas and arguments that can not be obtained even with a very good knowledge of only their own law" [1]. The study of international and foreign experience in the protection of the rights of consumers of financial services is of great importance because Russian legislation and practice in this area are not without shortcomings and gaps; they still need to be improved.

The novelty of the work lies in the fact that the author introduced into scientific circulation the provisions of the reports made by international experts in the field of consumer protection during the meeting of the Final round table on "Measures to strengthen the mechanisms of interaction of public authorities, regulators of the financial market and public organizations in the field of consumer protection of financial services" on September 27, 2018 in Moscow. In

addition, a comparative analysis has been carried out as regards the experience of the UK and Russia in the legislation and practice of its implementation by authorized structures. Proposals on the prospects of introducing the British experience into Russian practice are formulated.

Вопросы защиты прав потребителей финансовых услуг в последние годы стали объектом особого внимания всего мирового сообщества. В рамках взаимодействия с международными организациями в части защиты прав потребителей финансовых услуг в январе 2017 года Банк России вступил в Международную организацию по защите прав потребителей финансовых услуг (FinCoNet), ответственным подразделением по взаимодействию с которой была назначена Служба по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг. FinCoNet – международная организация, членами которой являются надзорные органы двадцати двух стран с наиболее развитой системой защиты прав потребителей финансовых услуг – основоположников передовых подходов и практик в этой области. FinCoNet была создана в 2013 году и заменила неформальное объединение надзорных органов, существовавшее с 2003 года, разрабатывающее предложения по развитию системы защиты прав потребителей финансовых услуг стран большой двадцатки (G20). Основная задача организации – содействие развитию эффективной надзорной политики и совершенствованию системы защиты прав потребителей финансовых услуг.

Среди стран-членов FinCoNet особое место занимает Великобритания. В силу чего опыт Великобритании представляет особый практический интерес. Он былзвучен Тамарой Лордкипанидзе – международным экспертом в области защиты прав потребителей (Merani Consulting) и Робином Симпсоном – международным экспертом в области защиты прав потребителей Всемирной организации потребителей (CI) на Итоговом круглом столе по теме «Мероприятия по укреплению механизмов взаимодействия органов государственной власти, регуляторов финансового рынка и общественных организаций в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг», прошедшем в сентябре 2018 года в г. Москва.

Прежде чем говорить о структурах, регулирующих и контролирующих деятельность в исследуемой сфере необходимо кратко обозначить нормативное регулирование. Регулирование финансовых услуг в Великобритании включает три компонента: – общие законы о защите прав потребителей; – специальные законы о защите прав потребителей, касающиеся финансовых услуг, а также нормы, регулирующие то, как поставщикам финансовых услуг надлежит обходиться с потребителями. Надо отметить, что нормативное регулирование в России подобно Великобритании. Современное российское законодательство, регулирующее деятельность по защите прав потребителей финансовых услуг основано на Руко-

Key words: financial services, consumer protection, consumer protection mechanisms, judicial protection, Commissioner for the rights of consumers of financial services.

водящих принципах по защите интересов потребителей [7], которые были приняты Генеральной Ассамблей ООН в 1985 г., расширены в 1999 г. и пересмотрены в 2015 г. в связи с необходимостью усиления защиты прав потребителей в сфере оказания финансовых услуг, в том числе в сети «Интернет». В России базовым (общим) для защиты прав потребителей является Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей», принятый в 1992 году, который постоянно актуализируется новыми положениями (за 25 лет внесено более 230 поправок). Не один десяток законов, носящих специальный характер, а именно касающихся финансовых услуг, которые регулярно совершенствуются. Так в конце 2013 г. был принят пакет законов, связанных с таким важным направлением, как сфера потребительского кредитования и потребительских займов. Речь идет о Федеральном законе «О потребительском кредите (займе)» [9] и о внесении существенных изменений в Федеральные законы «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [10], «О кредитной кооперации» [11], «О ломбардах» [12], и ряде связанных с ними законов.

Но Россия в сфере нормативного регулирования пошла значительно дальше. Многочисленные изменения законодательства о защите прав потребителей в финансовой сфере, показали необходимость системной переработки указанного законодательства, определения терминологического аппарата с последующей кодификацией обширного массива норм, регулирующих правоотношения с участием потребителей, и его актуализации с учетом международного права. Поэтому дальнейшее развитие законодательного регулирования защиты прав потребителей в России осуществляется на основании утвержденной 28 августа 2017 года Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года [6]. Ею определяются цели, задачи и принципы государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей, направленные на обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов в данной области. В целях развития финансового рынка Российской Федерации требуется утверждение отдельной стратегии («дорожной карты») по повышению доступности российского финансового рынка для всех групп населения. Первым шагом во исполнение намеченных направлений деятельности по защите прав потребителей почти сразу после утверждения Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей

на период до 2030 года стало утверждение Распоряжением от 25 сентября 2017 года №2039-р Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы [5].

Стратегия определяет основные направления государственной политики в области повышения финансовой грамотности является основой для формирования финансово грамотного поведения граждан, повышение уровня их финансовых знаний, обеспечение доступа граждан к достоверной и надёжной информации о финансовых услугах, в том числе для эффективной защиты прав граждан в качестве потребителей финансовых услуг. Среди главных проблем, которые необходимо решить, названы возложение ответственности за личные финансовые решения на государство, отсутствие доверия к финансовой системе, несовершенство законодательства, низкая информированность населения о защите прав потребителей и пенсионных правах и другие.

Сравнительный анализ современного законодательства России и Великобритании позволяет констатировать схожесть подходов к нормативному регулированию защиты прав потребителей финансовых услуг.

Что касается основных регуляторов, действующих в Великобритании то до 2013 года существовала одна структура, которая включала и пруденциальный надзор, и защиту прав потребителей. Позднее эти две обязанности были разъединены, и в 2013 году появились:

- 1) Управление пруденциального надзора, отдельно, которое именно занимается финансовой устойчивостью банков и крупнейших страховых фирм;
- 2) Управление по финансовому надзору (обеспечивает эффективную работу розничных потребительских рынков и защиты).

Данное изменение было вызвано финансовым кризисом и его негативными последствиями для потребителей. Существующее сегодня Управление по финансовому надзору работает более активно и серьезно. Длительное время существует Программа компенсаций в финансовых услугах (возмещение убытков в размере 85000 фунтов для частных лиц). Любой потребитель Великобритании, на самом деле, в какой-то степени – т.е. если имеются активы в банке, и что-то произойдет с ним, то 85 тыс. фунтов вкладчику в любом случае, выплатят. А это достаточноличная сумма для среднего потребителя Великобритании.

Среди институтов, защищающих в той или иной мере потребителей финансовых услуг Великобритании, следует назвать Управление пенсионного регулирования, и, вместе с ним, точнее благодаря ему существует Пенсионный омбудсмен.

Имеется Служба финансового омбудсмена, которая непосредственно разбирает жалобы потребителей на финансовые услуги. Это достаточно могущественная организация. Любой потребитель в Великобритании чувствует себя защищенным благодаря таким организациям, как Финан-

совый омбудсмен и другие неправительственные организации.

В рамках Департамента по конкуренции и управлению рынками имеется Управление по защите конкуренции и рыночному надзору. В его структуре есть специальный Департамент, который также занимается финансовой защитой потребителей. То есть разные структуры Великобритании имеют отделы, которые занимаются этой темой.

Все существующие в Великобритании организации можно условно разделить на 3 вида: первые, которые занимаются именно защитой прав потребителей, и финансируется публично, то есть с помощью общества, а также налогов (так называемое публично финансируемое участие в консультационных услугах и разработке политики). Вторые – это независимые общественные организации, которые сами себя финансируют. И третья представление потребителей в сфере корпоративного управления.

Одна из крупнейших, могущественных и серьезных организаций Великобритании является – это Consumers Advice. И еще одна организация – Consumer Services Panel in Financial Conduct Authority –компания, которая была основана именно регулятором по финансовой сфере.

Бюро по консультированию (Citizens Advice) – очень могущественная организация, в которой работает порядка 23000 профессиональных волонтеров, и только 7000 людей в организации получают зарплату. Эта организация была основана еще во время Второй мировой войны, когда нужна была помочь простым людям, в качестве благотворительной организации. Финансируется на 60 % центральным правительством (от налогов, которые вносят разные финансовые институты и коммерческие фирмы), а остальное – это самофинансирование. Организация осуществляется консультирование не только в финансовой сфере, но и по другим вопросам. Любой гражданин Великобритании знает, что при наличии какой-либо проблемы, и отсутствии финансовой возможности пойти и взять, допустим, платного адвоката, можно обратиться в Бюро по консультированию (Citizens Advice) и бесплатно получить любой сервис, вплоть до того, что они могут даже быть представлены в суде. Это в действительности очень хорошая организация, конечно, не так легко попасть туда сразу, потому что много людей обращается за помощью, которые не в состоянии оплатить услуги адвоката или получить платную консультацию. У этой организации 3 основных сферы деятельности, на которые они делают серьезный акцент, одна из которых это финансовое обслуживание потребителей.

Второй большой сферой является выплата социальной помощи, потому что очень многие получают социальную помощь, если доход ниже определенного уровня. И здесь возникают проблемы, помочь в решении которых данная организация также оказывает. Третьей сферой, в которой Бюро оказывает помощь, являются долги (задолженность). Тем не менее, в Бюро можно обратиться

по любому интересующему вопросу. И если они не в состоянии помочь, то всегда направят с рекомендацией в ту или иную организацию, которая также бесплатно сможет дать консультацию по конкретному вопросу.

Так, у Бюро по консультированию (Citizens Advice) насчитывается 300 местных ассоциаций, которые финансируются местными правительственные фондами. То есть во всей Великобритании, в любом городе, можно найти много таких офисов.

Только веб-сайт в течение года насчитывает 43 миллиона посещений, так как получить консультацию можно не только лично, но и на сайте, на котором есть также много опросов и статей, которые помогут гражданам. 150 000 волонтеров было профессионально обучено данной организацией консультированию по финансовым вопросам.

Российских аналогов такой организации нет. Но здесь надо отметить активно проводимую работу в рамках Федерального закона №324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». Концептуальная идея закона заключается в создании правовых условий для формирования в Российской Федерации эффективной государственной системы оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам, а также иным отдельным категориям граждан. Целями Закона о БЮП являются прежде всего создание условий для реализации установленного Конституцией РФ права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, оказываемой бесплатно; формирование и развитие государственной системы бесплатной юридической помощи, а также содействие развитию негосударственной системы бесплатной юридической помощи и ее поддержка со стороны государства; создание условий для осуществления прав и свобод граждан, защиты их законных интересов, повышения уровня социальной защищенности, а также обеспечение их доступа к правосудию.

Построение системы бесплатной юридической помощи исключительно на государственной основе представляется малоэффективным, поскольку решение проблемы правовой защиты населения возможно в комплексном варианте, с привлечением всех заинтересованных общественных институтов. Поэтому вполне оправдано представление юридической помощи как на государственном, так и негосударственном уровне, в том числе на общественных началах. Подобное видение организации правозащитной деятельности нашло отражение непосредственно в законе, где наряду с государственной системой в рамках решения задач правовой помощи представлена и негосударственная система в виде юридических клиник и негосударственных центров бесплатной юридической помощи.

Участниками государственной системы бесплатной юридической помощи являются: федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения; органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственные им учреждения; ор-

ганы управления государственных внебюджетных фондов; государственные юридические бюро. В свою очередь, участниками негосударственной системы бесплатной юридической помощи, являются юридические клиники (студенческие консультативные бюро, студенческие юридические бюро и др.) и негосударственные центры бесплатной юридической помощи. Возможность создания негосударственной системы помощи предусматривается с помощью финансирования некоммерческих организаций, таких, например, как Ассоциация юристов России (АЮР). При этом современное представление о способах и формах оказания юридической помощи значительно расширяет традиционные рамки, и такая помощь оказывается малоимущим гражданам и в общественных приемных, и в центрах, создаваемых при АЮР, правозащитными и другими общественными организациями, в приемных политических партий и т.д. [3].

Всемирная организация потребителей (CI) – самая большая организация, которая занимается делами потребителей в Соединенном Королевстве. До финансового кризиса финансовое регулирование, действительно, было недостаточно эффективным. Отраслевые провайдеры занимались, так сказать, недобросовестной практикой буквально в массовом масштабе. Речь идет о банковском секторе, который навязывал и продавал страховку, все это привязывалось к кредитам и наконец имело гигантские масштабы, возникало множество скандальных ситуаций. Наконец, организации по защите прав потребителей заставили банки исправить ситуацию, система была изменена, стала формироваться финансовая этика. Регуляторы начали работать уже совсем иначе, гораздо лучше. Потребители стали получать компенсации. При этом суммы компенсаций каждый год растут. Сначала речь шла о 29 млрд, потом 42 млрд, затем 85 млрд фунтов.

Which – это название журнала (публикации), которая выпускается Ассоциацией потребителей. Это одна из крупных потребительских организаций в мире. Была организована в начале 50-х годах сначала на основе сравнительного тестирования. Организация занимается тем, что занимается тестированием финансовых услуг. Недавно в краткосрочном финансировании (или микрофинансировании) происходило много нарушений законодательных практик, и вводилось законодательство по всему миру. В Австралии, например, оно было введено, где были установлены жесткие лимиты кредитных ставок на краткосрочные кредиты.

Организация финансируется за счет взносов членов организации, выпускает различную информацию для потребителей, консультации. Она независима, не получает никакого государственного финансирования и подписка членов организации – единственный вид финансирования.

Также есть такие организации, как StepHange – это некоммерческая организация, которая специализируется на телефонных консультациях и в режиме онлайн. Есть также специальные благо-

творительные организации, которые предоставляют консультации пожилым людям и инвалидам. Они предоставляют консультации не только в области частных финансовых транзакций, но и предоставляют помочь тем, кто не может получить государственную помощь.

Перечисленные выше организации Великобритании представляют не только финансовые услуги и осуществляют консультации не только по финансовым вопросам, но и по частным транзакциям, государственному субсидированию и помогают гражданам решать другие проблемы, а не только потребительского свойства. Например, в Citizens Advice, если кто-то приходит просто с улицы и ему нужен совет и консультация, то ни могут сказать не только финансовых услуг, долга, заимствования, но и по социальному обеспечению, по разделу имущества между супружами. То есть эти организации предоставляют общие консультации. Поэтому там включены различные категории проблем, с которыми сталкиваются люди.

Британская система консультирования включает в себя разные, связанные между собой области. Однако есть и специализированные консультации по финансовым услугам, аналогичные российского Роспотребнадзора.

Еще одно направление, с помощью которого осуществляется защита прав потребителей в Великобритании – это корпоративное управление, а именно представительство потребителей в структуре отрасли. Это новаторский подход, потому что иногда частные компании, когда они пытаются реформировать свои практики, просят поместить представителя потребителей в Комитет по разрешению споров. И часто они назначают независимых членов в Консультативных советах по работе с жалобами. Это хорошая политика, которая применяется не только в Великобритании, но и в других странах, в том числе во Франции.

Великобритания была первой страной, которая внедрила омбудсменов в частный сектор. В различных юрисдикциях по всему миру омбудсмены работают. Это уже проверенная модель, на которую возлагаются большие надежды. В России тоже недавно был назначен омбудсмен по финансовым услугам, что очень оптимистично воспринято английскими коллегами.

Но английские коллеги полагают, что число обращений к омбудсменам должно быть значительно меньше чем сейчас существует. Они за год в Великобритании рассматривают 340–350 тысяч жалоб. Причин может быть несколько как то, что их работа очень эффективна, так и то, что другие структуры работают плохо, не справляются с возложенными на них функциями. На самом деле в своей работе омбудсмены должны решать вопросы исключения, а не правил, поэтому в России это тоже нужно учесть.

Что касается института омбудсмена в России, то он прошел трудный путь. Так еще в резолюции участников Конгресса потребителей России (г. Москва, 29 февраля 2012 г.) подчеркивалась потребность учреждения института уполномоченного по правам потребителей с введением долж-

ности уполномоченного по правам потребителей в каждом субъекте страны. С предложением о создании института уполномоченного по правам потребителей в ходе заседания выступил председатель «Объединения потребителей России» Алексей Корягин. На что президент Российской Федерации высказал неуверенность в целесообразности «плодить уполномоченных...». Несмотря на отсутствие одобрения со стороны президента создания института уполномоченных, осенью 2012 года в Госдуму Минфином внесен Проект Федерального закона «О Финансовом уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». Сам законопроект Госдума приняла в первом чтении еще в 2014 г., но дальнейшее рассмотрение было приостановлено на три года. Даже когда в 2017 г. депутаты возобновили этот процесс и в проект внесли поправки, Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства его не поддержал (экспертное заключение от 16.10.2017 N 169-1/2017). В частности, из-за самой концепции, заложенной в законопроекте. Уже тогда совет указывал на то, что Закон, хотя и преследует цель защитить потребителей финансовых услуг, на самом деле только усложняет этот процесс [2]. Наконец с 3 сентября вступил в силу Федеральный закон от 04.06.2018 №123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» [13] (за исключением некоторых положений).

Важно отметить, что почти год с даты вступления в силу закона, взаимодействие с уполномоченным для большинства организаций оставалось правом, а не обязанностью. И только с июня 2019 года возникает обязанность у страховых организаций для страховщиков по ОСAGO, ДСАГО, страхованию средств наземного транспорта (кроме железнодорожного) взаимодействовать с уполномоченным, а с 28 ноября 2019 г для остальных страховщиков. Для МФО это обязанность возникает с января 2020 года, а для ломбардов, кредитных организаций, кредитных потребительских кооперативов, негосударственных пенсионных фондов с января 2021 года [13].

В Великобритании используются различные механизмы защиты прав потребителей финансовых услуг. Важно сказать о юридическом представительстве. Здесь наблюдается большая разница между Россией и Великобританией. Для решения потребительских вопросов в России чаще используется судебная процедура, чем в Великобритании, потому что в Великобритании это очень дорого, очень медленно, результаты в итоге неопределенные. То есть для решения подобных споров английские потребители все реже стали использовать суды, потому что часто сумма выигрыша порой выходит ниже суммы затрат на судебное разбирательство. Обращение в суд некоторые используют тогда, когда желают пойти на принцип. Организации или частные лица могут обратиться в суд, чтобы обязать регуляторные органы принять какие-то действия. Если есть основание считать, что регулирующий орган не проводит свою работу, то это дело может

быть подвергнуто судебному рассмотрению. Робин Симпсон привел в пример случай в Citizens Advice, когда состоялось судебное рассмотрение, которое было проиграно, но тем не менее, информация об органе, не исполняющем свои обязанности, все-таки распространилась, поэтому, как говорится, «поиграли битву, но не войну». По словам международного эксперта «Судебное рассмотрение в Великобритании – длительный процесс, который может дотянуться до Верховного суда, в который мало, кто хочет обращаться. Для частого использования данный механизм слишком сложный».

Большой успех в Великобритании имеет механизм супер-жалоб. Он законодательно был введен в Великобритании Законом 2002 года «О предприятиях». Потребительские организации, созданные государством, от имени потребителей могут подать жалобу, если какая-то характеристика рынка ущемляет интересы потребителей. Эта жалоба направляется в регулирующий орган, который бы заставил их выполнять свою работу. У регулирующего органа есть 90 дней на то, чтобы отреагировать на такую жалобу, которая может касаться поведения отрасли или структуры. Организации, которые могут вынести такое дело, это Citizens Advice, потребительский совет Северной Ирландии, Федерация малого бизнеса.

Ярким примером эффективности супер-жалобы, стала поданная в 2005 году Citizens Advice такой супер-жалобы в отношении небольших компаний. Эти компании продавали страховки против потери своего дохода, чтобы ваши платежи по займу были защищены. Массовые нарушения появились уже в 1998 году, когда 2 млн таких страховок было продано людям, которые не получали никаких преимуществ. То есть людям, вышедшим на пенсию уже не нужна такая стра-

ховка на случай потери работы, потому что они и так уже не работают. В 2006 году на эти компании был наложен штраф. В 2007 году это было распространено на банки, чья вина в данном вопросе была основной. Банки выплатили 30 млрд фунтов компенсации гражданам. Потребители, купившие такие страховки, получили по 5 тыс. фунтов компенсации. Неизбежно жертвами были неграмотные в финансовой сфере люди, но даже те, кто неплохо разбирается, попались на это нарушение. Поэтому потребительская организация очень успешно вмешалась в этот процесс, эта ситуация способствовала развитию работы с жалобами. Другой пример касался краткосрочного кредитования, когда Citizens Advice также вынесла такую жалобу. Она касалась краткосрочных займов, которые имели огромные проценты, что очень ущемляло интересы людей с низким доходом. Впервые в истории финансовых услуг закон ограничил процентные ставки на такие займы. Были установленные лимиты, и «кредитование до зарплаты» практически развалилось.

В России длительное время не удавалось пресять нарушения прав потребителей, берущих микрозаймы. Проценты по таким займам достигали 900% и более годовых. Только благодаря законодательным инициативам, в том числе принятию, регулярному изменению с учетом складывающейся практики ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [8] удалось ограничить размер процентов, взимаемых с потребителей. Большое внимание микрозайму уделил и Верховный суд Российской Федерации в «Обзоре судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг» от 27.09.2017 г. [4]. Данную российскую практику надо признать лучшей по сравнению с практикой Великобритании.

Литература

1. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права. М.: Прогресс, 1991. С.36–86.
2. Бондарчук Д. Закон о финансовом омбудсмене. Установлена новая схема взыскания денег с банков и страховых компаний // ЭЖ-Юрист. 2018. №23. С. 1–3.
3. Кирилловых А. А. Участники системы бесплатной юридической помощи: правовые аспекты организации деятельности // Право и экономика. 2012. №7. С.10–18.
4. Обзор судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 сентября 2017 г.) URL:<http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 25.05.2019).
5. Распоряжение Правительства РФ 25 сентября 2017 года об утверждении «Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы» URL: <http://government.ru/docs/29441/> (Дата обращения: 25.05.2019).
6. Распоряжение Правительства РФ от 28 августа 2017 года об утверждении «Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года». URL: <http://government.ru/docs/29441/> (Дата обращения: 25.05.2019).
7. Руководящие принципы для защиты интересов потребителей (Guidelines for Consumer Protection A/RES/39/248). Приняты 09.04.1985 Резолюцией 39/248 на 106-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 25.05.2019).
8. Федеральный закон №230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» от 03.07.2016 URL: <http://www.base.garant.ru/2564382> (Дата обращения: 25.05.2019).
9. Федеральный закон №353- ФЗ «О потребительском кредите (займе)» от 21.12.2013 // Российская газета. №289. 23.12.2013.

10. Федеральный закон №151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» от 02.07.2010 URL: <http://www.base.garant.ru/2564382> (Дата обращения: 25.05.2019).
11. Федеральный закон №190-ФЗ «О кредитной кооперации» от 18.07.2009 // Российская газета. №136. 24.07.2009.
12. Федеральный закон №196-ФЗ «О ломбардах» от 19.07.2007 // Российская газета. №164. 31.07.2007.
13. Федеральный закон №123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» от 04.06.2018 // Российская газета. №121. 06.06.2018.

References

1. Ansel' M. Metodologicheskie problemy sravnitel'nogo prava (*Methodological problems of comparative law*) // Ocherki sravnitel'nogo prava. Moscow: Progress, 1991. P.36–86. (In Russian).
2. Bondarchuk D. Zakon o finansovom ombudsmane. Ustanovlena novaya skhema vzyskaniya deneg s bankov i strakhovykh kompanii (*The financial Ombudsman act. A new scheme for collecting money from banks and insurance companies has been established*) // EZh-Yurist. 2018. No.23. P.1–3. (In Russian).
3. Kirillovych A. A. Uchastniki sistemy besplatnoi yuridicheskoi pomoshchi: pravovye aspekty organizatsii deyatel'nosti (*Participants of the free legal aid system: legal aspects of the organization of activities*) // Pravo i ekonomika. 2012. No.7. P.10–18. (In Russian).
4. Obzor sudebnoi praktiki po delam, svyazannym s zashchitoi prav potrebitelei finansovykh uslug (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii 27 sentyabrya 2017 g.) (*The overview of court practice on cases related to the protection of the rights of financial services consumers*) URL: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 25.05.2019). (In Russian).
5. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF 25 sentyabrya 2017 goda ob utverzhdenii «Strategii povysheniya finansovoi gramotnosti v Rossiiskoi Federatsii na 2017–2023 gody» (*On the approval of "Strategy of increase of financial literacy in the Russian Federation for 2017–2023"*) URL: <http://government.ru/docs/29441/e> (Accessed: 25.05.2019). (In Russian).
6. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28 avgusta 2017 goda ob utverzhdenii «Strategii gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti zashchity prav potrebitelei na period do 2030 goda» (*On the approval of "Strategy of the state policy of the Russian Federation in the field of consumer protection for the period till 2030"*) URL: <http://government.ru/docs/29441/e> (Accessed: 25.05.2019). (In Russian).
7. Rukovodyashchie printsyipy dlya zashchity interesov potrebitelei (*Guidelines for Consumer Protection A/RES/39/248*). Prinyaty 09.04.1985 Rezolyutsiei 39/248 na 106-m plenarnom zasedanii General'noi Assamblei OON. (*Guidelines for consumer protection*) URL: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 25.05.2019). (In Russian).
8. Federal'nyi zakon No. 230-FZ «O zashchite prav i zakonnykh interesov fizicheskikh lits pri osushchestvlenii deyatel'nosti po vozvratu proshchennoi zadolzhennosti i o vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon «O mikrofinansovoi deyatel'nosti i mikrofinansovykh organizatsiyakh» ot 03.07.2016 (*On protection of the rights and legitimate interests of private individuals at implementation of activity on return of the overdue debt and on modification of the Federal law "On microfinance activity and the microfinance organizations"*) URL: <http://www.base.garant.ru/2564382> (Accessed: 25.05.2019). (In Russian).
9. Federal'nyi zakon No. 353-FZ «O potrebitel'skom kredite (zaime)» ot 21.12.2013 (On consumer credit (loan)) // Rossiiskaya gazeta. No.289. 23.12.2013. (In Russian).
10. Federal'nyi zakon No. 151-FZ «O mikrofinansovoi deyatel'nosti i mikrofinansovykh organizatsiyakh» ot 02.07.2010 (*On microfinance activities and microfinance organizations*) URL: <http://www.base.garant.ru/2564382> (Accessed: 25.05.2019). (In Russian).
11. Federal'nyi zakon No. 190-FZ «O kreditnoi kooperatsii» ot 18.07.2009 (*On credit cooperation*) // Rossiiskaya gazeta. No. 136. 24.07.2009. (In Russian).
12. Federal'nyi zakon No. 196-FZ «O lombardakh» ot 19.07.2007(*On pawn shops*) // Rossiiskaya gazeta. No. 164. 31.07.2007. (In Russian).
13. Federal'nyi zakon No. 123-FZ «Ob upolnomochennom po pravam potrebitelei finansovykh uslug» ot 04.06.2018 (*On the Commissioner for the rights of financial services consumers*) // Rossiiskaya gazeta. No. 121. 06.06.2018. (In Russian).

Информация об авторе

Бычко Марина Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / marina.bichko@yandex.ru

Information about the author

Bychko Marina – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Civil Law and Civil Procedure, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / marina.bichko@yandex.ru

УДК 343.8

А. А. Волков, М. А. Волков, И. А. Уваров

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕФОРМАЛЬНЫХ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В статье рассматриваются особенности неформальных норм поведения осужденных в местах лишения свободы. Интерес к этой проблеме обусловлен наличием специфических, не встречающихся больше нигде (за пределами лагеря бывшего СССР), неформальных отношений между осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы. В качестве основы для реализации такого рода неформальных норм определены особенности иерархической системы организации и управления всем пенитенциарным обществом. Предпринята попытка системного анализа принципов функционирования неформальных норм поведения, в зависимости от статусных и ролевых установок различных категорий осужденных. Здесь, прежде всего, наблюдается своеобразная конкуренция между требованиями действующего уголовно-исполнительского законодательства, определяющего равенство всех осужденных перед законом, и «избирательностью» неформальных норм, которые могут как «сужать», так и «расширять» перечень допустимых форм поведения в зависимости от неформального статуса осужденного.

Авторы убедительно показывают, что такого рода неравномерное распределение неформальных норм

поведения в зависимости от статусно-ролевой позиции конкретного осужденного создает реальные препятствия для реализации действующего уголовно-исполнительского законодательства для достижения закрепленных в законе целей наказания в виде лишения свободы. В этой связи в качестве показательной группы авторы выделяют категорию осужденных, находящихся на самом «дне» неформальной иерархии, существующей в местах лишения свободы. Поэтому в качестве своеобразной альтернативы в статье определяются осужденные, относящиеся к так называемой категории – «отвергнутые», по мнению некоторых экспертов, довольно большая часть осужденных. Эта категория осужденных находится на самой «низкой ступени» неформальной иерархии. И именно такого рода поляризация отношений создает визуальный образ возможного существования тех, чье поведение противоречит неформальной системе ценностей осужденных к лишению свободы.

Ключевые слова: неформальные нормы поведения, пенитенциарный социум, пенитенциарное сообщество.

A. Volkov, M. Volkov, I. Uvarov

FEATURES OF INFORMAL BEHAVIOR NORMS IN THE CONDITIONS OF PLACES OF DETENTION

The article deals with the specific features of informal behavior norms of convicts in prison. The interest in this problem is due to the presence of specific, not found anywhere else (outside the camp of the former Soviet Union), informal relations between convicts serving a sentence of imprisonment. As a basis for the implementation of this kind of informal norms, the features of the hierarchical system of organization and management of the entire penitentiary society are determined. The authors attempt to systematically analyze the principles of functioning of informal norms of behavior, depending on the status and role settings, of different categories of convicts. Here, first of all, there is a kind of competition between the requirements of the current penal enforcement legislation, which determines the equality of all convicts before the law, and the “selectivity” of informal norms that can both “narrow” and “expand” the list of permissible forms of behavior depending on the informal status of the convict.

The authors convincingly show that this kind of uneven distribution of informal norms of behavior, depending on the status-role position of a particular convict, creates real obstacles to the implementation of the current penal enforcement legislation to achieve the goals of the penalty of deprivation of liberty enshrined in the law. In this regard, the authors identify as an indicative group the category of convicts who are at the very “bottom” of the informal hierarchy existing in places of detention. Therefore, as a kind of alternative, the article defines convicts belonging to the so-called category – “rejected”, according to some experts, quite a large part of the convicts. Here the mode of existence is at the lowest level. And it is this kind of polarization of relations that creates a visual image of the possible existence of those whose behavior contradicts the informal system of values of prisoners to imprisonment.

Key words: informal norms of behavior, prison society, prison community.

*Общественные связи каждого человека
стоят как бы в обратном отношении
к его интеллектуальной ценности*
А. Шопенгауэр

Принято считать общеизвестным фактом, что любая социальная общность формируется и сохраняется в качестве самостоятельной в силу внутренних и внешних факторов. Исходя из этого, нормы регулирующие поведение субъектов таких общностей функционируют также под влиянием двух групп причин: внутренних и внешних. Так, например, неформальные нормы в пенитенциарном сообществе закрепляют «компенсаторные возможности» [9] этой специфической социально среды. В то же время необходимо отметить, что возможности таких «норм», различны в зависимости от иерархического положения групп осужденных (или отдельных осужденных) и используются ими в неравной мере. В условиях изоляции от общества происходит своеобразное перераспределение «свободы», что дает определенного рода преимущества одной иерархической группе перед другой. Вместе с тем здесь стоит подчеркнуть, что ухудшение положения представителей определенных групп, занимающих «нижнее» положение в неформальной иерархии небеспрепрельно. Интересным на наш взгляд, является тот факт, что если осужденные находятся в более сложных условиях по сравнению с другими, в связи с применением к ним мер воспитательно-профилактического воздействия (например, водворение в штрафной изолятор или помещение камерного типа), то и здесь продолжают действовать определенные различия, прежде всего формального характера (совокупность ограничений, обусловленных спецификой нахождения в «двойной» изоляции). Не случайно, в специальной литературе, существует довольно серьезная дискуссия по поводу того, как оценивать «двойную изоляцию» осужденных как дополнительный карательный элемент, или как частный случай применения общего карательного воздействия на осужденного. В частности, С. В. Михеева отмечает, что в исправительных колониях особого вида режима и тюрьмах, неформальные нормы поведения, исходя из условий отбывания наказаний, могут налагать ряд дополнительных ограничений распространяющихся на все категории осужденных, вне зависимости от их неформального статуса. Такого рода ограничения, в подавляющем большинстве, могут быть обусловлены исключительно «внешними обстоятельствами» связанными с воздействием норм, регулирующих порядок и условия отбывания наказания [7].

Анализ специальной литературы, даем нам возможность, условно разделить «внешние факторы» по следующим основаниям:

- социально-демографические отличия отдельных групп, осужденных (возрастные, национальные, «земляческие» и т.п.);
- иностранные этническое окружение (территориальное расположение исправительного уч-

реждения в регионе с компактным проживанием определенной религиозно-этнической группы);

- климатические и/или географические условия региона отбывания наказания (традиционно в литературе отмечаются труднодоступные регионы северной и восточной части России);

- элементы обыденного сознания отдельных категорий осужденных (как правило, это относится к представителям лидирующих группировок);

- стереотипы мышления, детерминирующие отношение подавляющей массы осужденных к вопросам жизнедеятельности и жизнеобеспечения в пенитенциарном социуме (это распространяется как на формальные отношения, так и неформальные отношения).

Все вышеперечисленные факторы, оказывают существенное влияние на формирование и удержание сообщества осужденных в относительно замкнутом, изолированном состоянии, создавая условия для консолидации, на основе определенных социально-психологических установках. В тоже время, необходимо учитывать, что каким бы серьезным не было влияние этих факторов, сами по себе они не могут привести к созданию неформальных норм поведения среди осужденных.

С наличием внешних факторов, определяется и детерминирующее воздействие внутренних. Такого рода взаимодействие приводит к тому, что неформальные нормы поведения в пенитенциарном сообществе, создают специфический механизм формирования на индивидуальном уровне, определенных социально-значимых для условий изоляции свойств и качеств личности осужденного. В тоже время, влияние этих личностных установок, хотя и оказывает определенное воздействие на сохранение жизнеспособности неформальных отношений в среде осужденных, все же не может объективно оцениваться, без анализа общей тенденции функционирования всего пенитенциарного социума.

Специально-криминологический анализ воздействия этих норм на сознание осужденного показывает, что в качестве базового принципа здесь выступает реализация «принципа равенства» (с учетом тех иерархических различий, о которых мы сказали ранее). В тоже время, реализация этого принципа приобретает специфический пенитенциарный признак – «персонифицированный интерес» всего сообщества осужденных. Как справедливо оценивает значение этого принципа С. А. Гаранжа, – «его задача, прежде всего сохранение сообщества в целях выживания, нежели сохранение ее посредством развития» [3]. В таких условиях деятельность конкретного осужденного сводится к определенному набору функций, вследствие чего, субъективные потребности существенно ограничиваются. В результате этого, социальная активность (и формальная и неформальная), снижается.

В специальной литературе констатируется, что развитие любого социального образования, связано с преимущественным, преобладанием внутренних причин, его формирования над внешними. Такого рода «преобладание» ведет к тому, что деятельность социального образования становится гораздо разнообразнее, внутренние и внешние связи существенно расширяются, что усиливает его жизнеспособность [6].

В условиях мест лишения свободы влияние на социальное образование внешних факторов таково, что допустимая самодетерминация пенитенциарного сообщества может происходить лишь до определенных пределов (вид исправительного учреждения, реальные условия отбывания наказания и т.п.). Это является основным сдерживающим фактором для процессов самоорганизации осужденных. Поэтому функционирование неформальной нормативной системы отношений необходимо рассматривать с учетом этих особенностей, определяющих специфику пенитенциарного социума. Постоянное сдерживающее воздействие требований действующего уголовно-исполнительного законодательства, приводит, с одной стороны, к актуализации ценности собственной личности (как базовой ценности), а с другой стороны – путем неформального норморегулирования осуществить своеобразное перераспределение доступа к этим ценностям. Такого рода «ограничение», существенно повышает ценность обладания ими, что опосредовано, детерминирует жесткую централизацию внутреннего устройства пенитенциарного социума. Отсюда и авторитет неформальных лидеров, в реализации контрольных функций по обеспечению поступления материальных благ в исправительное учреждение и контроль за их распределением.

Учитывая, что влияние внешних факторов в условиях изоляции от общества непреодолимы, то сформировавшиеся неформальные нормы поведения, со временем приобретают консервативные черты. В свою очередь, это приводит к тому, что значение некоторых из них, начинает «отрываться» от первоначального, и таким образом приобретает независимую от них жизнь. Такой порядок вещей, характерен для архаического социума, что дает основание отдельным авторам утверждать, что субкультура осужденных наиболее ярко воспроизводит сословно-кастовую мораль, свойственную в ценностном плане феодальному сознанию [9, с. 89]. По мнению А. И. Гурова, такие же принципы организации, характерны и для некоторых категорий организованных преступных сообществ – жесткая централизация, стремление подчинить централизованному контролю всю систему отношений [4, с. 76]. Однако в отличие от неформальных норм существующих в условиях мест лишения свободы, в данном случае наблюдается определенная «гибкость», в качественной оценке внешних и внутренних факторов, создавая тем самым условия, для динаминости внутригрупповых отношений.

Приведенное здесь соотношение внутренних и внешних факторов, обуславливает специфику

функционирования существующих неформальных отношений в среде осужденных. В качестве первой такой особенности, можно назвать эффективность неформального регулирования, которое может достигаться не только за счет разнообразия системы неформальной отношений, а прежде всего, вследствие неотвратимости применения неформальных санкций за их нарушение. На этом основании, может сложиться представление, о том, что это обусловлено, скучостью социальных отношений. В условиях изоляции от общества, жизнедеятельность осужденных проектируется в ситуации существенного ограничения не только социальных, но и биологических потребностей. В литературе встречается точка зрения, согласно которой, изоляция осужденных от общества, прежде всего, наносит «удар» по биологическим свойствам организма, что и определяет Характер социально-психологических отношений в пенитенциарном социуме [12]. Поэтому, «скучность» социальных отношений, которые лежат в основе формирования системы ненормальных отношений среди осужденных к лишению свободы, детерминирует развитие и функционирование пенитенциарного социума, в полной мере отражается и на содержание неформальных санкций. Для людей, которые далеки от пенитенциарной практики, они могут показаться излишни жестокими или даже бессмысленными. Ибо обычный человек, живет совершенно в других социальных реалиях и ему непонятны внутренние механизмы жизни в условия изоляции от общества. Это обусловлено тем, что неформальные санкции очень часто предусматривают определенного рода физическое воздействие. Которое, по нашему мнению, ошибочно в литературе классифицируют на несколько самостоятельных видов:

- убийство либо покушение на него;
- причинение вреда здоровью различной степени тяжести;
- причинение побоев;
- угроза применения физического насилия;
- насильственное посягательство на половую свободу.

Такого рода ошибочность, по нашему мнению, определяется прежде всего потому, что формируется на основе уголовно-правовых признаках, что существенно снижает не только качественную оценку этих противоправных посягательств, но и приоритеты профилактического воздействия на осужденных, находящихся на высшей ступени неформальной иерархии. Здесь, нужно исходить исключительно из криминологических методологических подходов. Тогда сущность разных насильтвенных посягательств, которые допускают осужденные к лишению свободы в качестве неформальных санкций, будет носить совершенно иной качественный характер.

Сразу оговоримся, что и в криминологической литературе встречаются высказывания о том, что содержание применяемых неформальных санкций связывают с агрессивностью и жестокостью отдельных осужденных, которые таким образом проявляют свое отношение к другим осужден-

ным. Безусловно, нельзя отрицать определенной роли психологических свойств и качеств личности отдельных осужденных. Более того, условия исправительных учреждений, могут выступать дополнительным детерминантом способствующим закреплению некоторых негативных социально-психических качеств личности осужденных. Поэтому, мы предполагаем рассматривать такого рода подход, как дилетантский. Ведь, к общеизвестным фактам можно отнести, представление о том, что уголовное наказание (независимо от того, связано оно с изоляцией или нет) – это всегда совокупность определенных лишений и утраты некоторых социальных благ. Когда же допустимые уголовно-исполнительным законом «блага» незначительны, то их качественная составляющая сводится преимущественно к физическому здоровью. Находясь же в условиях изоляции от общества, осужденный поневоле обращает все свои социально-психологические устремления на остатки этих благ. Отсюда и те стадные проявления, которые наблюдаются в среде осужденных, что требует неформального регулирования со стороны лидеров пенитенциарного сообщества.

Причинно-следственная связь эффективности неформального регулирования в среде осужденных, прежде всего, связано с неизбежностью наступления негативных последствий для нарушителей существующих отношений. Отсюда и действия лидеров пенитенциарного сообщества, продиктованные желанием сохранить существующие неформальные «рычаги» управления, приводят к другим отрицательным результатам. Специалисты в области теории права, утверждают, что норма, которая создана для защиты каких-либо ценностей, сама в конечном итоге, превращается в ценный объект. Тем не менее, если в легальном праве, принято считать, что «она не должна превращаться в самодовлеющую ценность, т.к. оторвавшись от того, что она защищает, норма может представлять перед сообществом в качестве безнравственной, несправедливой, когда порядок поддерживается ради самого порядка, из страха перед возможными изменениями» [13]. А коль скоро, стремление сохранить управляющие функции за внутренними неформальными отношениями, что позволяет лидерам пенитенциарного сообщества обеспечить доступ к максимально возможным в условиях изоляции благам, то превращение норм, регулирующих поведение в местах лишения свободы в независимую становится свершившимся фактом. Тем самым полностью утрачивают свою внутреннюю связь с общими для всего пенитенциарного социума ценностями. Поэтому в любой регулятивной, неформальной норме на первый план выдвигаются ее санкции, что существенно усиливает эффективность действий лидеров пенитенциарного сообщества, направленных на консолидирующее воздействие в отношении всех осужденных.

Таким образом, неформальные нормы, регулирующие поведение осужденных в условиях лишения свободы, по сути, превращаются в средство манипуляции ради интересов, конкури-

рующих в исправительном учреждении группировок, как правило отрицательной направленности. Встречающиеся в последние годы факты возвращения к неформальным нормам в их природной сущности, в полной мере зависит от качественной стороны, конкурентной борьбы среди «элиты» пенитенциарного сообщества. В тоже время, необходимо отметить, что эти процессы, в силу условий жизнедеятельности в местах лишения свободы, скрыта от большинства членов пенитенциарного социума.

Сохранение лидирующего положения, а также защита от нападок со стороны противоборствующих групп или законных требований представителей администрации исправительных учреждений, призывает лидеров пенитенциарного сообщества, жестко претворять в жизнь апробированные решения. Неукоснительное соблюдение которых, может быть реализовано только в условиях внутригрупповой сплоченности. Отсюда и констатация большинством специалистов, специфического факта – «замкнутость» именно той группировки, которая обладает реальной властью в исправительном учреждении. Такого рода замкнутость позволяет группировке следить за «чистотой» своих рядов. Это позволяет осуществлять тотальный контроль за каждым членом группировки, тем самым, либо наделяя их определенной степенью доверия, либо исключая из этой категории. «Замкнутость» постепенно приводит к тому, что представители лидирующей группировки отрываются от интересов всего пенитенциарного социума и все «слабее» включаются в отношения, которые могли бы оказывать дестабилизирующее влияние. Говоря другими словами, они все меньше опираются на общий интерес и все чаще обращаются к репрессивным формам воздействия при решении общих вопросов. Специально-криминологические исследования последних лет показывают, что в случаях, когда представитель лидирующей группировки попадает в неловкую ситуацию, представители группы делают все возможное, чтобы представить это в качестве не заслуживающего внимания факта. Тем самым поступаясь общепенитенциарным (приемлемым в среде осужденных) представлением о справедливости.

Исследование функционирования любой нормативной системы предполагает не только анализ существующего нормопорядка, но и отступление от его правил. В этой связи, мы склонны рассматривать наличие неформальных норм, регулирующих отношения среди осужденных, в качестве такого отклонения, от нормативно-правового регулирования процесса отбывания наказания. Именно поэтому, вышеизложенные «отклонения» является основным источником информации о реальных условиях, в которых реализуются декларируемые Уголовным законом цели наказания.

Искажение условий отбывания наказания, обусловлено не только требованием действующего законодательства, сколько теми неформальными отношениями, которые существуют в пенитенциарном социуме. Вероятность таких «искажений»

заложена уже в принципах нормативно-правового регулирования пенитенциарных правоотношений. Хотя мы понимаем, что данная вероятность может реализоваться, только при наличии определенных условий. В этой связи, отдельные авторы пытаются объяснять такого рода положение вещей, исходя из качества реализации принципа демократизма. Как пишет в связи с этим В. А. Иванов, «главным условием, способствующим искажению условий отбывания наказания в местах лишения свободы, является жестко иерархизированная структура пенитенциарного социума, которая по своей сути, априори не может быть демократичной» [5]. Поэтому нормопорядок, который должен защищать интересы всех осужденных, зачастую зависит от воли лидеров пенитенциарного сообщества. Здесь тоже проявляются особенности функционирования неформальных норм поведения в условиях мест лишения свободы, т.к. в категорию лидеров пенитенциарного сообщества попадают именно те лица, которые способны улавливать общие настроения в среде осужденных, понимать их и управлять ими. Отсюда, чем интенсивнее в сознании осужденного ценность собственного «я» объединяется с ценностью «мы», тем выше вероятность того, что его поведение будет отражать требования пенитенциарного сообщества [11]. Поэтому мы считаем необоснованными утверждения отдельных авторов о том, что лидеры пенитенциарного сообщества или лидирующие группы в местах лишения свободы произвольны в выборе форм реализации тех или иных неформальных функций [2, 7]. Скорее наоборот: они должны демонстрировать последовательность не только в требованиях ко всем осужденным, но и к поведению собственно го ближайшего окружения.

Принадлежность к категории лидеров не лишена привлекательности для тех, кто не знаком с внутренними механизмами перемещения осужденных в неформальной иерархии. Отчасти этим обусловлено, что в условиях изоляции от общества борьба за лидерство носит перманентный характер. Лидирующие группировки, постоянно вынуждены бороться за удержание своего положения в пенитенциарном социуме, который позволяет им не только в полной мере пользоваться материальными благами, но и реализовывать потребности в самоутверждении. В связи с тем, что в пенитенциарном сообществе нет постоянного неформального механизма для поддержания нормопорядка, ограничить такого рода тенденции, практически невозможно.

В условиях социальной неоднородности лиц, формирующих пенитенциарный социум, никакие выдающиеся качества лидера не могут гарантировать устойчивость неформального нормопорядка. В условиях жесткой неформальной централизации общественной жизни осужденных, личные интересы практически всегда будут входить в противоречие с «общими». Здесь сто-

ит согласиться с мнением тех авторов, которые утверждают, что «при подобном устройстве для представителей лидирующих групп нет иного способа социального существования» [1]. В качестве своеобразной альтернативы, можно указать принадлежность к так называемой – «отвергаемой» части осужденных. Здесь способ существования, находится на самом низком уровне. И именно такого рода поляризация отношений, создает некий наглядный образ возможного существования тех, чье поведение вступает в противоречие с неформальной системой ценностей.

Здесь, любые оплошности в поведении не прощаются, даже если осужденный предпринимает попытки к их исправлению. Это не удивительно, так как право возврата к активной деятельности в сообществе означало бы демократизацию отношений, выдвигало на первое место личность с ее собственными представлениями в конкретных социальных отношениях. Полярность мнений, существенно снижало бы устойчивость социального образования осужденных в местах лишения свободы.

Кроме того, при наличии конкурирующих в местах лишения свободы групп, существует реальная угроза потери лидирующего положения, где попытки «вольной трактовки» неформальных норм является компрометирующими фактором. Такая конкурентная борьба вынуждает лидеров пенитенциарного сообщества прилагать усилия для легализации своих представлений о деятельности пенитенциарного социума в соответствии с неформальными нормами и подчинении его общим интересам. Здесь очень часто можно встретить такую оценочную категорию как – «честность» в характеристике конкретных лидеров пенитенциарного сообщества. В этом аспекте, претендующая на лидерство группа имеет определенное преимущество, так как не обремененная «грузом» ответственности, была тем самым избавлена от возможных ошибок, в управлении пенитенциарным сообществом. Хотя, опытные сотрудники уголовно-исполнительной системы, прекрасно понимают, что в условиях жесткой неформальной регламентации, находиться в условиях изоляции от общества и не допустить определенных нарушений – практически невозможно.

Резюмируя, следует сказать, что противоречия, которые присущи неформальной системе отношений в пенитенциарном социуме в процессе его функционирования, носят объективно неустойчивый характер. Неформальные нормы поведения в местах лишения свободы, таким образом, разделяются, когда из них изымается для реализации конкретной функциональной задачи только одна часть сущности – место осужденного в социальной иерархии, а другая часть – общий интерес, связанный с моральным сознанием общества, служит лишь демагогическим прикрытием первой.

Литература

1. Авакян Л. А. Лидеры в группах отрицательного влияния среди осужденных // Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний: материалы Международной научно-теоретического семинара, посвященного памяти профессора Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева, 19 апреля 2013 г., г. Рязань. Рязань: Академия ФСИН России, 2013. С.161–166.
2. Анфиногенов В. А. Противоправная деятельность лидеров и «авторитетов» неформальных групп осужденных в местах лишения свободы // Правовая реальность в фокусе юридической науки и университетского просвещения: материалы международной научно-практической конференции. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С. 223–225.
3. Гаранжа С. А. Идеология пенитенциарного сообщества как важный внутренний фактор советской исправительно-трудовой политики в 20-е-начале 30-х гг. // Актуальные проблемы современного российского права: Материалы III Международной научно-практической конференции. Невинномысск, 10–11 февраля 2011 года. Невинномысск: НГГТИ, 2011. С. 367–372.
4. Гуров А. И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. М.: Юрид. лит., 1990. 304 с.
5. Иванов В. А. Принцип демократизма и его отражение в уголовно-исполнительном законодательстве России // Актуальные проблемы дальнейшего совершенствования уголовной и уголовно-исполнительной политики государства и деятельности учреждений и органов УИС Министерства России. Материалы Российской межведомственной научно-практической конференции (14 мая 2004 г.). Самара: Изд-во Самар. юрид. ин-та Министерства России, 2005. С. 46–49.
6. Колокольцева О. В. Социокультурные детерминанты поведения личности в условиях изменяющегося социума // Юридическая антропология: современные пути развития знаний о человеке. Сборник научных статей / под ред. А. Г. Кузнецова, В.Н. Ярской-Смирновой. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С.84–91.
7. Михеева С. В. Некоторые аспекты реализации прав осужденных, содержащихся в колониях особого режима // Право и политика. 2010. №11 (131). С. 196–199.
8. Перемолотова Л. Ю. Особенности личности осужденных – особо опасных лидеров // Актуальные вопросы современного российского законодательства и организации деятельности уголовно-исполнительной системы. Сборник научных трудов докторантов, аспирантов и соискателей. Вып. 3. Рязань: Академия ФСИН России, 2008. С.254–258.
9. Смирнов П. И. Неформальные нормы и факторы, связанные с их функционированием // Современные проблемы прикладной социологии и социальной психологии в исправительно-трудовых колониях. Тезисы докладов / отв. ред. Л.Т. Кривушин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. С. 202–205.
10. Титаренко А. И. Структура нравственного сознания общества. М.: Наука, 1984. 189 с.
11. Уваров И. А., Уваров Н. А. Типологические особенности криминологического портрета лидера пенитенциарного сообщества // Вестник СевКав ГТИ. 2015. №2 (21). С.141–146.
12. Ураков А. А. Биологические потребности осужденных в системе детерминант противоправного поведения осужденных к лишению свободы // Проблемы правоприменения при исполнении уголовных наказаний. Рязань: РИПЭ МВД РФ, 1999. С.137–142.
13. Форменцев М. А. Может ли закон, нести отрицательное воздействие // Северо-Кавказский юридический вестник. 2006. №3. С.133–138.

References

1. Avakyan L. A. Lidery v gruppah otricatel'nogo vliyaniya sredi osuzhdennyh (*Leaders in groups of negative influence among convicts*) // Aktual'nye problemy ugolovno-ispolnitel'nogo prava i ispolneniya nakazaniy: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskogo seminara, posvyashchennogo pamyati professora N. A. Struchkova i M. P. Melent'eva, 19 aprelya 2013 g., g. Ryazan'. Ryazan': Akademii FSIN RF publ., 2013. P.161–166. (In Russian).
2. Anfinogenov V. A. Protivopravnaya deyatel'nost' liderov i «avtoritetov» neformal'nyh grupp osuzhdennyh v mestakh lisheniya svobody (*Illegal activity of leaders and “authorities” of informal groups of convicts in prisons*) // Pravovaya real'nost' v fokuse yuridicheskoi nauki i universitetskogo prosveshcheniya: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Vladivostok: Far Eastern University publ., 2009. P. 223–225. (In Russian).
3. Garanzha S. A. Ideologiya penitenciarnogo soobshchestva kak vazhnij vnutrennij faktor sovetskoj ispravitel'no-trudovojo politiki v 20-e-nachale 30-h gg. (*Ideology of the penitentiary community as an important internal factor of the Soviet correctional labor policy in the 20s-early 30s*) // Aktual'nye problemy sovremennoego rossijskogo prava: Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Nevinnomysk, 10-11 fevralya 2011 goda. Nevinnomysk: NGGTI publ., 2011. P.367–372. (In Russian).
4. Gurov A. I. Professional'naya prestupnost'. Proshloe i sovremennost' (*Professional criminality. Past and present*). Moscow: YUrid. lit., 1990. 304 p. (In Russian).
5. Ivanov V. A. Princip demokratizma i ego otrazhenie v ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve Rossii (*The principle of democracy and its reflection in the criminal executive legislation of Russia*) // Aktual'nye problemy dal'nejshego sovershenstvovaniya ugolovnoj i ugolovno-ispolnitel'noj politiki gosudarstva i deyatel'nosti uchrezhdenij i organov UIS Minystra Rossii. Materialy Rossijskoy mezhvedomstvennoj nauchno-prakticheskoy konferencii (14 maya 2004 g.). Samara: Samara Law Institute publ., 2005. P.46–49. (In Russian).
6. Kolokol'ceva O. V. Sociokul'turnye determinanty povedeniya lichnosti v usloviyah izmenyayushchegosya sociuma (*Socio-cultural determinants of individual behavior in a changing society*) // YUridicheskaya antropologiya: sovremennye puti razvitiya znanij o cheloveke. Sbornik nauchnyh statej / pod red. A. G. Kuznecova, V.N. YArskoj-Smirnovoj. Saratov: SYUI MVD RF publ., 2007. P.84–91. (In Russian).
7. Miheeva S. V. Nekotorye aspekty realizacii praw osuzhdennyh, soderzhashchihsya v koloniyah osobogo rezhima (*Some aspects of realization of the rights of convicts detained in the colonies of special regime*) // Pravo i politika. 2010. No.11 (131). P.196–199. (In Russian).

8. Peremolotova L. Yu. Osobennosti lichnosti osuzhdennyh – osobo opasnyh liderov (*Personality characteristics of prisoners – especially dangerous leaders*) // Aktual'nye voprosy sovremennoogo rossijskogo zakonodatel'stva i organizacii deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. Sbornik nauchnyh trudov doktorantov, ad'yunktov i soiskatelej. Issue. 3. Ryazan': Akademy FSIN RF publ., 2008. P. 254–258. (In Russian).
9. Smirnov P. I. Neformal'nye normy i faktory, svyazанные с их функционированием (*Informal norms and factors related to their functioning*) // Sovremennye problemy prikladnoj sociologii i social'noj psihologii v ispravitel'no-trudovyh koloniyah. Tezisy dokladov / ed by L. T. Krivushin. Leningrad: LSU publ., 1984. P.202–205. (In Russian).
10. Titarenko A. I. Struktura nравственного сознания общества (*Structure of moral consciousness of society*). Moscow: Nauka, 1984. 189 p. (In Russian).
11. Uvarov I. A., Uvarov N. A. Tipologicheskie osobennosti kriminologicheskogo portreta lidera penitenciarnogo soobshchestva (*Typological features of the criminological portrait of a leader of a penitentiary community*) // Vestnik SevKav GTI. 2015. No. 2 (21). P.141–146. (In Russian).
12. Urakov A. A. Biologicheskie potrebnosti osuzhdennyh v sisteme determinant protivopravnogo povedeniya osuzhdennyh k lisheniyu svobody (*Biological needs of convicts in the system of determinants of illegal behavior of convicts to imprisonment*) // Problemy pravoprimeneniya pri ispolnenii ugovorovnyh nakazaniij. Ryazan': RIPE MVD RF publ., 1999. P. 137–142. (In Russian).
13. Formencev M. A. Mozhet li zakon, nesti otricatel'noe vozdeystvie (*Can the law bear a negative impact*) // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2006. No. 3. P.133–138. (In Russian).

Информация об авторах

Волков Александр Александрович – доктор психологических наук, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / volkoffss@yandex.ru

Волков Михаил Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Института Дружбы народов Кавказа (Ставрополь) / volkoffss@yandex.ru

Уваров Игорь Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД РФ (Ставрополь) / uvarov.igor@mail.ru

Information about the authors

Volkov Alexander – Doctor in Psychology, Professor, Chair of legal culture and human rights protection, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / volkoffss@yandex.ru

Volkov Mikhail – PhD in Law, Associate Professor, Chair of criminal law and criminology, Institute of Friendship of the People of Caucasus (Stavropol) / volkoffss@yandex.ru

Uvarov Igor – PhD in Law, Associate Professor, Chair of criminal law and criminology, Stavropol branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Stavropol) / uvarov.igor@mail.ru

УДК 343

И. Н. Клюковская, И. Н Тер-Аванесова

УМЫШЛЕННОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СМИ И ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ – НОВЫЙ ВЫЗОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Статья затрагивает одну из актуальных проблем современного мира – вопросы правового регулирования умышленного распространения заведомо ложной информации в средствах массовой информации, электронных, информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), совершаемого в деструктивных целях.

Предметом исследования послужили как действующие уголовно-правовые нормы Российской Федерации, так и законопроекты, предлагаемые в области уголовного и административного права. Автор делает акцент на анализе практики правоприменения в аспекте соответствия действующему законодательству и в перспективе потенциального изменения нормативной базы.

Методологический basis исследования –ialectический материализм и общенаучные методы анализа, синтеза и другие. В качестве специальных использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и другие собственно юридические методы.

На основании полученных выводов автор делает заключение о наличии существенного пробела в зако-

нодательстве и предлагает вариант устранения данного пробела. Предлагается собственная формулировка и определение исследуемого явления.

В завершение в статье делается вывод, что проблема носит глобальный характер и ее решение находится на стыке таких наук как право, социология, информатика и компьютерная безопасность. Решение данной проблемы должно так же носить комплексный характер, но в первую очередь должны быть модернизированы нормы права. Обосновывается необходимость изменения уголовного законодательства, что позволит значительно повысить уровень законности и правопорядка в современной России.

Ключевые слова: законодательство, законность, совершенствование уголовного законодательства, состав преступления, информация, информационные войны, информационные вбросы, информационная диверсия, ответственность за ложную информацию в сети интернет, заведомо ложная информация, фейк, киберугроза, государственная безопасность, общественная безопасность, глобальные проблемы.

I. Klyukovskaya, I. Ter-Avanesova

INTENTIONAL DISTRIBUTION OF DELIBERATELY FALSE INFORMATION IN THE MEDIA AND INFORMATION-TELECOMMUNICATION NETWORKS – A NEW CHALLENGE FOR STATE SECURITY IN THE MODERN WORLD

The article touches upon one of the actual problems of the modern world - the issues of legal regulation of the deliberate dissemination of deliberately false information in the media, electronic, information and telecommunication networks (including the Internet), committed for destructive purposes.

The subject of the study is based on both the current criminal law of the Russian Federation standards and legislation projects proposed in the area of criminal and administrative law. The authors focus on the analysis of law enforcement practice in terms of compliance with current legislation and in perspective of a potential change of laws.

The methodological basis of the study is dialectical materialism and general scientific methods of analysis, synthesis, and others. Formal legal, comparative legal and other legal methods were used as special ones.

Based on the findings, the authors conclude that there is a significant flaw in the legislation and proposes an option to eliminate this flaw. The authors propose their own definition of this process.

The article concludes that the problem is global and its solution is at the intersection of such sciences as law, sociology, computer science and computer security. The solution to this problem should also be complex, but the law should be modernized in the first place. It justifies the need to change the criminal law, which will significantly improve the level of legality and the rule of law in modern Russia.

Key words: legislation, legality, improvement of criminal law, corpus delicti, information, information wars, informational stuffing, informational sabotage, responsibility for false information in the Internet, false information, fake, cyber threat, state security, public security, global problems.

«Информационная атака – то новый вид противоправных действий». [20]
И. А. Яровая

Реализацию принципа законности невозможно представить себе без стабильности права, в частности права уголовного. Нормы уголовного права, несомненно, основным своим качеством должны иметь стабильность, однако именно «строгое сочетание стабильности и гибкости – вот тот баланс, который необходимо поддерживать, чтобы законодательство наиболее эффективно служило интересам народа» [21, с. 21–22]. Развитие общественно политической жизни влияет на модернизацию общественных отношений, регулирование которых не всегда успевает найти правовое отражение. Как следствие, «вполне мыслимы случаи, когда жизнь требует изменения закона» [1, с. 176].

В настоящее время одним из ведущих факторов, влияющих на развитие общества, является информационно технический прогресс. В условиях перманентных изменений общественно политической жизни вызванных стремительным развитием онлайн технологий, социальных взаимосвязей посредством мировой сети «Интернет» и средств массовых коммуникаций какие-то действия попадают в разряд уголовно наказуемых, какие-то нормы декриминализуются, иные начинают использоваться активнее, чем раньше и это объективная необходимость. Так, введенная еще в 1996 году ст. 282 УК РФ, не получавшая на протяжении нескольких лет активного применения, с 2002 года стала камнем преткновения в многочисленных дискуссиях научных деятелей и правозащитников. В науке уголовного права постоянно поднимаются вопросы несовершенства и размытости формулировок ст. 282 УК РФ, касающихся ключевых определений [11, 12, 16], высказываются мнения о необходимости существенной переработки данной нормы или вовсе о ее отмене. На сегодняшний день работа над совершенствованием конструкции ст. 282 УК РФ не прекращается ни на секунду, однако судьба ее представляется туманной.

Впервые уголовная ответственность за разжигание ненависти с использованием именно информационно коммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», была установлена ст. 282 УК РФ с 20 ноября 2014 г. Санкция по данной статье ужесточалась дважды: 22 ноября 2014 года и 24 июня 2016 года. В итоге преступление стало относиться к преступлениям средней тяжести. Множество спорных вопросов рассматривались в Постановлениях Пленума Верховного Суда от 3 ноября 2016 года и 20 сентября 2018 года. На необходимость законодательного определения понятий, использованных в ст. 282 УК РФ 7 июня 2018 года в ходе «прямой линии» обращал внимание и Президент РФ. Ситуация явно потребовала активного законотворческого вмешательства. В начале сентября 2018 года Государственная Дума отклонила законопроект [3] о переводе ответственности за возбуждение

ненависти или вражды в разряд административных правонарушений. Аналогичные предложения содержались в рекомендациях Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по совершенствованию законодательства о противодействии экстремизму и практики его применения. В них уголовно наказуемым деянием предлагалось оставить возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства только в том случае, когда такое действие совершается с применением насилия или с угрозой его применения, или лицом с использованием служебного положения, или организованной группой [18].

В середине сентября 2018 года Общероссийский Народный Фронт совместно с Генеральной Прокуратурой РФ представил Президенту РФ доклад на основании анализа практики применения ст. 282 УК РФ, в котором так же содержались предложения о частичной декриминализации. 3 октября 2018 года Президент РФ внес в Государственную Думу законопроект [5] о внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации об уточнении ответственности за действия, связанные с возбуждением ненависти либо вражды, а также с унижением человеческого достоинства. Особенностью данного законопроекта является установление необходимой административной преюдиции: деяние будут признаваться уголовно наказуемым в случае, если оно совершено лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное действие в течение одного года. Верхняя планка санкции, предположительно останется прежней. В случае принятия данного законопроекта, возбужденные по ст. 282 УК РФ уголовные дела будут переквалифицированы на административные или прекращены.

В рамках данной статьи нас интересуют некоторые вопросы уже сложившейся практики правоприменения ст. 282 УК РФ. Путем анализа одного из громких возбужденных в недавнее время уголовных дел мы попытаемся обратить внимание на наличие существенного пробела в законодательстве, проанализировать перспективу решения данной проблемы в свете потенциальных изменений, а так же предложить вариант устранения данного пробела.

25 марта 2018 года, в 17:50 в г. Кемерово в торговом центре «Зимняя вишня» произошел пожар, унесший жизни 64 человек, включая детей. Уже к полуночи указанного дня посредством средств массовой коммуникации и сети «Интернет» началось массирование распространение слухов о гораздо большем количестве погибших и пострадавших, которое, якобы, скрывалось официальными властями. На следующий день подогреваемая дезинформацией паника и отча-

яние жителей города вылились в стихийный митинг. Можно лишь догадываться к чему бы могло привести дальнейшее нагнетание ситуации, если бы достоянием общественности не стал факт циничного признания одного из пользователей сети «Интернет» в том, что это он сообщал заведомо ложные сведения о количестве погибших с целью дестабилизации ситуации.

27 марта 2018 г. в размещенном на портале YouTube в открытом доступе видео его авторства, он публично подтвердил свой мотив. По его личному признанию он «хотел дать россиянам почувствовать боль и шок и спровоцировать протесты против российской власти» [2].

По факту расследования данного инцидента 28 марта 2018 г. Следственный комитет России возбудил уголовное дело в отношении гражданина Украины Н. Кувикова по признакам преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти или вражды). По заявлению официального представителя СКР: «указанное лицо публично, с использованием сети Интернет и средств массовой информации распространяло недостоверные сведения о количестве погибших при пожаре в Кемерово, вводя в заблуждение родственников погибших и пострадавших, таким образом пытаясь дестабилизировать ситуацию» [20].

Описанный случай далеко не единственный [7], но именно сейчас (по выражению «Российской Газеты») «в России впервые завели уголовное дело на человека, сознательно распространявшего лживую информацию, чтобы сделать людям больно и посеять панику» [19].

В связи с этим прецедентом возникает вопрос: достаточно ли полно отражает квалификация указанного деяния по ст. 282 УК РФ всю тяжесть общественной опасности действий указанного субъекта? Рассмотрим совокупность объективных и субъективных признаков в сравнении:

Объектом посягательства по ст. 282 УК РФ выступают общественные отношения в сфере равноправия граждан независимо от их пола, языка, происхождения, рода занятий, национальной, расовой принадлежности или отношения к религии. Объектом рассмотренного выше преступления являлись политическая и социальная стабильность в отдельном регионе Российской Федерации.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст.282 УК РФ выражается в форме действий, направленных: на возбуждение ненависти либо вражды, унижение достоинства человека (группы лиц) по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. Указаны способ совершения действий (с использованием средств массовой информации) или обстановка их совершения (публичная). Указанные действия должны состоять в публичном распространении информации, в которой указывается на неполноценность или, наоборот, превосходство лиц, относящихся к определенной расе, национальности, обосновыва-

ется необходимость либо оправдывается геноцид, массовые репрессии, депортации, применение насилия, совершение иных противоправных действий в отношении представителей какой-либо нации, расы, конфессии или иной группы лиц [17, п. 7]. Объективная сторона преступления, совершенного гражданином К. заключалась в совершении действий по публичному распространению заведомо ложной информации, содержащей недостоверные сведения, направленные на манипулирование сознанием граждан с целью провокации протестов против власти и дестабилизации ситуации в Российской Федерации. Данная информация была обращена к неограниченному количеству лиц и предназначалась для распространения в средствах массовой информации и средствах массовой коммуникации, в том числе сети «Интернет».

Субъект преступления предусмотренного ст.282 УК РФ – вменяемое, физическое лицо, достигшее возраста 16 лет: гражданин РФ, иностранный гражданин или лицо без гражданства [24, ст. 15]. Предусмотрен специальный субъект в качестве квалифицирующего признака. И в рассматриваемом примере субъект – иностранный гражданин, достигший возраста 16 лет.

Субъективная сторона преступления предусмотренного статьей 282 УК РФ характеризуется прямым умыслом, с целью возбудить ненависть либо вражду, а равно унизить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе. Субъективная сторона деяния, совершенного гражданином К. характеризуется прямым умыслом с целью провокации протестов против власти и дестабилизации ситуации в Российской Федерации, а также причинения нравственных страданий ее гражданам.

Верховный Суд отметил, что при производстве по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности судам необходимо иметь в виду, что согласно пункту 2 части 1 статьи 73 УПК РФ подлежат доказыванию мотивы совершения указанных преступлений [17, п. 3]. На основании анализа Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и п. «е» ч.1 ст.63 УК РФ Верховный Суд пришел к выводу, что данное преступление совершается по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Выясняя мотивы, руководящие иностранным гражданином К., вероятно, бы было предположить именно наличие такого мотива как политическая ненависть. Однако, он сам в интервью редакции «Говорит Москва» оценил свой мотив так: «для меня это скорее сатисфакция [10]», что вероятно лингвистически более близко к такому мотиву как месть, однако это является спорным.

И, наконец, в соответствии с положениями п. 3 ст. 15 УК РФ преступление, предусмотренное

ст. 282 УК РФ является преступлением средней тяжести. Срок давности по указанному преступлению составляет 6 лет с момента публикации информации. В случае принятия законопроекта о смягчении ст. 282 УК РФ данное деяние, возможно, будет и вовсе переквалифицировано на административное. Сроки давности по административному производству составляют 1 год с момента обнаружения правонарушения, таким образом, привлечение гражданина К. к реальной ответственности становится и вовсе маловероятным.

Итак, насколько же точна квалификация вышеуказанных действий иностранного гражданина К. по ст. 282 УК РФ? На сколько точно оценена степень их общественной опасности? И, наконец, какую альтернативную статью можно применить в качестве более точного инструмента?

Поставив перед собой этот вопрос, обратимся к правовым нормам, действующим в Российской Федерации и законотворческим инициативам, актуальным в момент написания данной статьи.

Для начала, в целях наиболее полного анализа и следуя веяниям последних законотворческих инициатив, обратимся к нормам административного права. В действующей на сегодняшний день редакции КоАП РФ нормы, предусматривающей ответственность за подобное деяние не существует, однако ст. 13.15 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за злоупотребление свободой массовой информации. 12 декабря 2018 года в Государственную Думу РФ был внесен законопроект № 606595-7 «О внесении изменения в статью 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (в части установления административной ответственности за распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации)», в котором предлагается дополнить ст. 13.15 КоАП ч. 9 следующего содержания: «9. Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу жизни и (или) здоровью граждан, массового нарушения общественно-порядка и (или) общественной безопасности, прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, наступления иных тяжких последствий, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц – от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – от четырехсот тысяч до одного миллиона рублей с конфискацией предмета административного правонарушения» [6].

Несомненно, уже сам факт, что законодатель обратил внимание на необходимость правового регулирования распространения заведомо ложной информации подчеркивает актуальность проблемы, однако, даже в случае принятия дан-

ного законопроекта в указанной редакции квалификация действий гражданина К. по данной статье не представлялась бы оптимальной, по ряду объективных причин. Напомним, что основным критерием отличия административного правонарушения и уголовного преступления является качество, то есть степень общественной опасности [15], которая в данном случае была бы явно недооценена.

Обратимся к существующим нормам уголовного права. В УК РФ можно выделить несколько составов, предусматривающих ответственность за распространение заведомо ложной информации посредством средств массовой информации, коммуникационных сетей, сети Интернет. Проанализировав такие составы как, например: ст. 128.1 УК РФ «Клевета», ст. 185.3. УК РФ «Манипулирование рынком», ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма», ст. 207. УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма», а также составы, предусмотренные Главой 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации», приходим к выводу, что по большинству признаков состава преступления они, очевидно не подходят для квалификации. Далее рассмотрим составы, которые своими объектами имеют интересующий нас, а именно: основы конституционного строя и безопасность государства, политическая и социальная стабильность. Интересовать нас будет состав устанавливающий ответственность за совершение умышленных действий в виде распространения заведомо ложной информации, направленных на ослабление или дестабилизацию функционирования Российской Федерации, внесение хаоса в политическую стабильность и в социальную жизнь.

Становится очевидным, что такой состав на сегодняшний день в УК РФ отсутствует. Схожий объект и цель отмечены в конструкции ст. 281 УК РФ «Диверсия», предполагающей строгое наказание за совершение действий, имеющих физическое выражение, таких как взрыв или поджог, имеющих своей целью разрушение или повреждение материальных объектов. Объективная сторона данного преступления заключается в совершении активных общественно опасных действий, ведущих к последствиям разрушительного характера [22, с. 71–72]. Оно совершается с целью подрыва экономической безопасности и обороноспособности РФ с прямым умыслом. Данный состав является особо тяжким, что совершенно обосновано. Однако не будет преувеличением говорить, что в век информационных технологий преступникам иногда не обязательно прилагать физические усилия для достижения сравнимых разрушительных последствий.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации среди основных угроз государственной и общественной безопасности называет деятельность, связанную с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды

идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе. Отмечается, что появляются новые формы противоправной деятельности, в частности с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий [23]. В настоящее время все чаще наблюдаются случаи масштабных вбросов заведомо ложной информации. Идущие как изнутри, так и извне государства разнообразные информационные атаки, являются структурной частью «идущей в последнее время по нарастающей информационной войны» [14]. Каждая виртуальность не делает менее реальными негативные последствия от подобных действий, которые хоть и не имеют первоначального физического воплощения, очевидно, имеют повышенную общественную опасность. Подобные деяния направлены на подрыв безопасности государства, создание массовых волнений и беспорядков и причинение иных тяжких последствий, а стремительное развитие высоких технологий, помноженное на субъективные особенности психологии людей (особенно психологии толпы) может облегчить достижение этих целей. Особо циничные случаи подобного распространения заведомо ложной информации по своим последствиям могут быть сравнимы с диверсиями, совершающейся в информационном поле.

На деле, в противоречие вышесказанному, сложилась практика, при которой привлечь конкретное лицо за совершение подобной информационной диверсии в настоящее время возможно лишь по ст. 282 УК РФ, положения которой размыты и несовершенны и не только не отражают общественной опасности совершенного деяния, но даже преуменьшают его оценку. Происходящая в настоящее время либерализация конструкции ст. 282 УК РФ может и вовсе повлечь за собой возникновение ситуации, при которой умышленное распространение ложной информации может происходить посредством создания организованной преступной сети, а следует заметить, что данный способ потенциально еще более повысит общественную опасность.

Такой вывод ни в коем случае не должен предполагать избежание виновными ответственности.

По нашему мнению, при совершенствовании законодательства в этой области следует в первую очередь взвешенно оценить степень общественной опасности подобных преступных действий. Недооценка серьезности последствий от умышленного распространения заведомо ложных сведений посредством средств массовой информации, сети интернет, направленных на дестабилизацию общества и государства крайне опасна. Административная преюдиция может иметь место в случае адекватной оценки незначительности степени общественной опасности деяния, однако в критических ситуациях сама специфика

административной ответственности не сможет обеспечить необходимый превентивный эффект.

Налицо существование общественно опасного деяния, требующее уголовно-правового запрета, что является основанием для его криминализации [13, с. 75].

Легитимность введения ответственности за масштабные и вредоносные информационные вбросы в настоящее время представляется полностью оправданной [9]. Обоснования необходимости подобных мер все чаще звучат в России, и за рубежом. Учитывая темпы развития высоких технологий, становится очевидным, что и перед Российской Федерацией и перед мировым сообществом в целом явно вырисовывается одна глобальная проблема достоверности данных в общем информационном поле и влияния этих данных на психологическое состояние общества, на стабильность его функционирования и государственную безопасность.

Не только юридическая наука отмечает острую актуальность данной проблемы. Нельзя не вспомнить авторитетное мнение доктора науки специалиста по криптографии, информатике и компьютерной безопасности Брюса Шнайера о том, что в будущем человечество будет чаще сталкиваться в глобальной сети не просто с техническими проблемами, но с «семантическими атаками», направленными на заведомое искажение информации и на манипулирование общественным сознанием [25]. Решение данной проблемы находится на стыке таких наук как право, социология, информатика и компьютерная безопасность и, несомненно, должно носить комплексный характер, но явный приоритет имеет развитие и модернизация правовых норм.

Несмотря на это, какая-либо достаточно серьезная законодательно правовая база в этой области пока что отсутствует.

В свете вышесказанного, очевидно, что в настоящее время «Информационная диверсия» является сложившимся уголовно-правовым составом и требует выделения в отдельную норму уголовного законодательства в связи с чем предлагаем дополнить Уголовный Кодекс РФ ст. 281.1 «Информационная диверсия» и предлагаем следующую формулировку: «Информационная диверсия – умышленное создание и распространение через средства массовой информации, в том числе электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет») заведомо ложных сведений, направленных на манипуляции общественным сознанием с целью провокаций массовых волнений и беспорядков, подрыва основ конституционного строя и безопасности государства, дестабилизации ситуации или ослабления обороноспособности Российской Федерации, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе».

Литература

1. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1986. 176 с.
2. «Вольнов рассказал об истинной цели звонков в Кемерово» URL: https://www.youtube.com/watch?v=z4F8eYWol_k (Дата обращения 12.12.2018).
3. Законопроект №495566-7 «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» URL <http://sozd.duma.gov.ru/bill/495566-7> (Дата обращения: 12.12.2018).
4. Законопроект №495611-7 «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». URL <http://sozd.duma.gov.ru/bill/495611-7> (Дата обращения: 12.12.2018).
5. Законопроект №558345-7 «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (об уточнении ответственности за действия, связанные с возбуждением ненависти либо вражды, а также с унижением человеческого достоинства)» URL <http://sozd.duma.gov.ru/bill/558345-7> (Дата обращения: 12.12.2018).
6. Законопроект №606595-7 «О внесении изменения в статью 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (в части установления административной ответственности за распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации) от 12.12.2018 URL <http://sozd.duma.gov.ru/bill/606595-7> (Дата обращения: 13.12.2018).
7. Интервью «Александр Торшин предложил ввести наказание за распространение панических слухов». URL https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/07/18/aleksandr_torshin_predlozhil_vvesti_nakazanie_za (Дата обращения: 12.12.2018).
8. Интервью «Ирина Яровая: Информационная атака – это новый вид противоправных действий.» URL <http://radiovesti.ru/news/529331/> (Дата обращения: 12.12.2018).
9. Интервью «Норма о наказании за фейковые новости была бы легитимной: профессор МГУ» URL http://rapsinews.ru/incident_news/20180328/282339009.html (Дата обращения: 12.12.2018).
10. Интервью «Распространявший ложные сообщения о сотнях погибших в Кемерове назвал это «сатисфакцией» // URL <https://govoritmoskva.ru/news/155283/> (Дата обращения: 12.12.2018).
11. Кибальник А., Соломоненко И. «Экстремистское» хулиганство – нонсенс уголовного закона // Законность. 2008. №4. С.21–23.
12. Кузнецова Н. Ф. Наука российского уголовного права и законотворчество (историко-сравнительный очерк) // Ученые-юристы МГУ о современном праве. М.: Издательский дом «Городец», 2005. С.267–289.
13. Лесников Г. Ю., Лопашенко Н. А. Энциклопедия уголовного права. СПб., 2005. Т. 1. 698 с.
14. Материалы IV Восточного экономического форума, сессия «Информационная картина в Азии на фоне политических и экономических перемен» URL <https://riafan.ru/1098683-informacionnaya-voina-idet-po-narastayushei-na-vef-predlozhili-usilit-kontrol-nad-socsetyami> (Дата обращения: 12.12.2018).
15. Мурзинов А. И. Преступление и административное правонарушение. Общие черты различия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1983. 24 с.
16. Наумов А. В. Уголовно-правовая борьба с преступлениями на почве расовой, национальной, религиозной и иной ненависти в США: опыт законодательства и правоприменительных органов (сравнительно правовое исследование) // Общество и право. 2009. № 4. С. 97–110.
17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. N11 г. Москва «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 3 ноября 2016 г. № 41) URL: <https://rg.ru/2011/07/04/vs-dok.html> (Дата обращения: 12.12.2018).
18. Рекомендации Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по совершенствованию законодательства о противодействии экстремизму и практики его применения от 22 августа 2018 г. URL <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/4875> (Дата обращения: 12.12.2018).
19. Российская газета. 29 марта 2018 г. URL <https://rg.ru/2018/03/28/reg-sibfo/v-sredu-v-kemerove-prostilis-s-zhertvami-pozhara-v-zimnej-vishne.html> (Дата обращения: 12.12.2018).
20. Сводка новостей Следственного Комитета РФ: URL <https://sledcom.ru/news/item/1213375> (Дата обращения: 12.12.2018).
21. Смоленцев Е. А. Значение связи юридической науки и судебной практики для дальнейшего укрепления социалистической законности // Советское государство и право. 1985. №3. С.20–27.
22. Судебная практика по уголовным делам / Под ред. В.М. Лебедева. М., 2004. 512 с.
23. Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 года// Собрание законодательства РФ, 04.01.2016, N 1 (часть II), ст. 212.
24. Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности» URL <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 12.12.2018).
25. Semantic Attacks: The Third Wave of Network Attacks. Crypto-Gram October 15, 2000 by Bruce Schneier Founder and CTO Counterpane Internet Security, Inc. URL <https://www.schneier.com/crypto-gram/archives/2000/1015.html#1> (Дата обращения: 12.12.2018).

References

1. Beljaev N. A. Ugolovno-pravovaja politika i puti ee realizacii. (*Criminal policy and ways of its realization*). Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1986. 176 p. (In Russian).
2. «Vol'nov rasskaljal ob istinnoj celi zvonkov v Kemerovo» URL https://www.youtube.com/watch?v=z4F8eYWol_k (Accessed: 12.12.2018) (In Russian).

3. Zakonoproekt №495566-7 «O vnesenii izmenenija v stat'ju 282 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» (*On introducing amendments to Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation*) URL <http://sozd.duma.gov.ru/bill/495566-7> (Accessed: 12.12.2018) (In Russian).
4. Zakonoproekt №495611-7 «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah» (*On modification and additions in the Code of the Russian Federation on administrative offenses*). URL <http://sozd.duma.gov.ru/bill/495611-7> (Accessed: 12.12.2018) (In Russian).
5. Zakonoproekt №558345-7 «O vnesenii izmenenija v stat'ju 282 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii (ob utochnenii otvetstvennosti za dejstvija, sviazannye s vozbuzhdением nenenasti libo vrazhdy, a takzhe s unizheniem chelovecheskogo dostoinstva)» (*On Amendments to Provision 282 of the Criminal Code of the Russian Federation: clarification of responsibility for actions related to incitement of hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity*) URL <http://sozd.duma.gov.ru/bill/558345-7> (Accessed: 12.12.2018) (In Russian).
6. Zakonoproekt № 606595-7 «O vnesenii izmenenija v stat'ju 13.15 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah (v chasti ustanovlenija administrativnoj otvetstvennosti za rasprostranenie v sredstvakh massovoj informacii, a takzhe v informacionno-telekommunikacionnyh setjakh zavedomo nedostovernoj obshhestvennoj znachimoj informacii)» (*On Amendments to Regulation 13.15 of the Code of the Russian Federation in administrative offenses (in terms of establishing administrative responsibility for distribution in mass media, as well as in information and telecommunication networks of inaccurate publicly available well-known information)* ot 12.12.2018 URL <http://sozd.duma.gov.ru/bill/606595-7> (Accessed: 12.12.2018) (In Russian).
7. Interv'yu «Aleksandr Torshin predlozhil vvesti nakazanie za rasprostranenie panicheskix sluxov». URL https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/07/18/aleksandr_torshin_predlozhil_vvesti_nakazanie_za (Accessed: 12.12.2018) (In Russian).
8. Interv'yu «Irina Yarovaya: Informacionnaya ataka – e'to novy'j vid protivopravnyx dejstvij.» URL <http://radiovesti.ru/news/529331/> (Accessed: 12.12.2018) (In Russian).
9. Interv'yu «Norma o nakazaniu za fejkovy'e novosti by'la by' legitimnoj: professor MGU» URL http://rapsinews.ru/incident_news/20180328/282339009.html (Accessed: 12.12.2018) (In Russian).
10. Interv'yu «Rasprostranyavshij lozhny'e soobshheniya o sotnyax pogibshix v Kemerove nazval e'to «satisfakcijey» // URL <https://govoritmoskva.ru/news/155283/> (Accessed: 12.12.2018) (In Russian).
11. Kibal'nik A., Solomenko I. «Jekstremistskoe» huliganstvo – nonsens ugodovnogo zakona (*«Extremist» hooliganism – nonsense of the criminal law*) // *Zakonnost'*. 2008. No.4. P.21–23. (In Russian).
12. Kuznecova N.F. Nauka rossijskogo ugodovnogo prava i zakonotvorchestvo (istoriko-sravnitel'nyj ocherk) (*Science of Russian Criminal Law and Lawmaking (Student Comparative Essay)*) // Uchenye-juristy MGU o sovremennom prave. Moscow: Izdatel'skij dom «Gorodec», 2005. P. 267–289. (In Russian).
13. Lesnikov G. Ju., Lopashenko N. A. Jenciklopedija ugodovnogo prava. (*Encyclopedia of criminal law*). St.Petersburg, 2005. Vol. 1. 698 p. (In Russian).
14. Materialy IV Vostochnogo e'konomicheskogo foruma, sessiya «Informacionnaya kartina v Azii na fone politicheskix i e'konomicheskix peremen» URL <https://riafan.ru/1098683-informacionnaya-voina-idet-po-narastayushei-na-vef-predlozhili-usilit-kontrol-nad-socsetyami> (Accessed: 12.12.2018) (In Russian).
15. Murzinov A. I. Prestuplenie i administrativnoe pravonarushenie. Obshchie cherty razlichija: (*Crime and administrative offense. Common features of the differences*): abstract of thesis. Moscow, 1983. 24 p. (In Russian).
16. Naumov A. V. Ugodovno-pravovaja bor'ba s prestuplenijami na pochve rasovoj, nacional'noj, religioznoj i inoj nenenavisti v SShA: opyt zakonodatel'stva i pravoprimenitel'nyh organov (sravnitel'noe pravovoe issledovanie) (*Criminal law struggle against crimes motivated by racial, national, religious and other hatred in the USA: experience of legislation and law enforcement bodies (relatively legal research)*) // *Obshhestvo i pravo*. 2009. No.4. P.97 – 110. (In Russian).
17. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 28 iyunja 2011 g. N11 g. Moskva «O sudebnoj praktike po ugodovnym delam o prestuplenijah jekstremistskoj napravленnosti» (*On judicial practice in criminal cases of crimes of extremists*) s izmenenijami, vnesennymi postanovleniem Plenuma ot 3 nojabrja 2016 g. №41. URL: <https://rg.ru/2011/07/04/vs-dok.html> (Accessed: 12.12.2018) (In Russian).
18. Rekomendacii Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po razvitiyu grazhdanskogo obshhestva i pravam cheloveka po sovershenstvovaniju zakonodatel'stva o protivodejstvii jekstremizmu i praktiki ego primenjenija ot 22 avgusta 2018 g. (*Recommendations of the Council of the RF President on the development of societal community and human rights as regards the improvement of legal framework and counteraction to extremism and the practice of its application of August 22 2018*) (In Russian).
19. Rossijskaja gazeta. 29 marta 2018 g. URL <https://rg.ru/2018/03/28/reg-sibfo/v-sredu-v-kemerove-prostilis-s-zhertvami-pozhara-v-zimnej-vishne.html> (Accessed: 12.12.2018) (In Russian).
20. Svodka novostej Sledstvennogo Komiteta RF: URL <https://sledcom.ru/news/item/1213375> (Accessed: 12.12.2018) (In Russian).
21. Smolencev E. A. Znachenie svjazi juridicheskoy nauki i sudebnoj praktiki dlja dal'nejshego ukrepljenija socialisticheskoy zakonnosti (*The value of the relationship of legal science and judicial practice for the further strengthening of socialist legality*) // Sovetskoe gosudarstvo i parvo. 1985. No.3. P.20–27. (In Russian).
22. Sudebnaja praktika po ugodovnym delam (*Judicial practice in criminal matters*) / ed by V.M. Lebedev. Moscow, 2004. 512 p. (In Russian).
23. Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015 N 683 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» (*On the National Security Strategy of the Russian Federation*) ot 31 dekabrya 2015 g. // Sobranie zakonodatel'stva RF, 04.01.2016. No.1 (Part II). Art. 212. (In Russian).
24. Federal'nyj zakon «O protivodejstvii jekstremistskoj dejatel'nosti» (*On counteraction to extremist activity*) ot 25 iulja 2002 g. N 114-FZ // URL <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed: 12.12.2018) (In Russian).

25. Semantic Attacks: The Third Wave of Network Attacks. Crypto-Gram October 15, 2000 by Bruce Schneier Founder and CTO Counterpane Internet Security, Inc. URL <https://www.schneier.com/crypto-gram/archives/2000/1015.html#1> (Accessed: 12.12.2018)

Информация об авторах

Клюковская Ирина Николаевна – доктор юридических наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / klyukovskaya@inbox.ru
Ter-Avanesova Ирина Николаевна – Юрисконсульт ООО «Мегаполис» (Ставрополь) / Ter-av@ro.ru

Information about the authors

Klyukovskaya Irina – Doctor of Law, Head of Chair of Theory and History of State and Law, North-Caucasian Federal University (Stavropol) / klyukovskaya@inbox.ru

Ter-Avanesova Irina – Legal Counsel, Megapolis Ltd (Stavropol) / Ter-av@ro.ru

УДК 347.2/.3+349

К. В. Колесникова, Р. В. Нутрихин

О ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

В статье анализируется состояние законодательства Евразийского экономического союза в части закрепления условий и ограничений по отношению к учреждению и (или) видам деятельности хозяйствующих субъектов стран-участниц Союза с целью дальнейшего совершенствования и достижения единства в этой сфере. В настоящее время для стран Евразийского экономического союза актуальна реализация социально значимых инфраструктурных и инвестиционных проектов. Это свидетельствует о необходимости принимать во внимание интересы субъектов экономической деятельности каждой из стран-участниц Союза при осуществлении ими предпринимательской деятельности. Значимость вопросов совершенствования нормативно-правовой базы Евразийского экономического союза по отношению к учреждению и видам деятельности хозяйствующих субъектов стран-участниц определяется потребностью в активизации процессов интеграции на уровне данной международной организации, содействия стабильному росту экономик государств-членов Евразийского экономического союза и осуществления рационального использования природных ресурсов. Государствам-участникам Евразийского экономического союза необходимо активно участвовать в разработке нормативно-правовых актов, позволяющих унифицировать и гармонизировать регулирование природоресурс-

ных отношений. В ходе проведенного исследования нормативно-правового закрепления доступа иностранных субъектов к отдельным видам макроэкономической деятельности на территории Евразийского экономического союза определены значимые несовпадения законодательной базы и сделана попытка обосновать ее изменение относительно минимизации и (или) устранения ограничений их доступа на рынок стран Союза. Обзор положений Договора о создании Евразийского экономического союза, касающихся перечня отдельных ограничений и условий деятельности иностранных хозяйствующих субъектов, дает возможность убедиться в осуществлении странами-участницами Союза собственного законотворчества, в соответствии со своими принципами и представлениями о сферах, нуждающихся в дополнительной защите от доступа иностранных субъектов. В такой ситуации закрепление единого подхода к статусу и сферам деятельности иностранных участников должно осуществляться на основе принципа резидентства и в соответствии с логикой функционирования правовой базы единого экономического пространства.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, законодательство о природопользовании, природные ресурсы, принцип резидентства, иностранные хозяйствующие субъекты.

K. Kolesnikova, R. Nutrikin

ON HARMONIZATION OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION LEGISLATION IN THE SPHERE OF NATURE MANAGEMENT

The article analyzes the state of the legislation of the Eurasian Economic Union in terms of fixing the conditions and restrictions in relation to the establishment and (or) activities of economic entities of the member states of the Union in order to further improve and achieve uniformity in this area. Currently, the countries of the Eurasian Economic Union need to implement socially important infrastructure and investment projects. This indicates the need to take into account the interests of economic entities of each of the member states of the Union in their business activities. The importance of improving the regulatory framework of the Eurasian Economic Union in relation to the establishment and activities of economic entities of the member states is determined by the need to enhance the processes of integration at the level of this international organization, to promote stable growth of the economies of the member states of the Eurasian Economic Union and the rational use of natural resources. The member States of the Eurasian Economic Union should actively participate in the development of legal acts to unify and harmonize the regulation of natural resource relations. The study of the legal con-

solidation of access of foreign entities to certain types of macroeconomic activities on the territory of the Eurasian Economic Union has shown significant discrepancies in the legal framework and an attempt to justify its change regarding the minimization and (or) elimination of restrictions on their access to the market of the Union. The review of the provisions of the Treaty on the establishment of the Eurasian Economic Union concerning the list of certain restrictions and conditions of activities of foreign economic entities provides an opportunity to verify the implementation by the member States of the Union of their own legislation, in accordance with their principles and ideas about the areas in need of additional protection from access of foreign entities. In such a situation, the consolidation of a unified approach to the status and activities of foreign participants should be based on the principle of residency and in accordance with the logic of the functioning of the legal framework of the common economic space.

Key words: Eurasian Economic Union, environmental management legislation, natural resources, principle of residency, foreign economic entities.

Отсутствие в индивидуальных национальных перечнях стран-участниц Евразийского экономического союза (далее – Союза) единого подхода к установлению изъятий и ограничений в сферах деятельности иностранных участников (значительная часть из которых имеет своими объектами животный мир, земельные участки, континентальный шельф, недра) обуславливает необходимость исследования нормативно-правовых актов, определяющих содержание таких ограничений. С этой целью в статье анализируется состояние законодательства об учреждении и (или) видах деятельности хозяйствующих субъектов стран-участниц Союза, что будет способствовать дальнейшему совершенствованию и достижению единообразия правового регулирования в указанной сфере.

В настоящее время для стран Союза актуальна необходимость реализации социально значимых инфраструктурных и инвестиционных проектов. Приоритетные направления сотрудничества государств в контексте политики устойчивого развития стран ЕАЭС дополняются вопросами обеспечения экологической стабильности и сбалансированного природопользования. Договор от 29 мая 2014 г. (ред. от 15.03.2018) «О Евразийском экономическом союзе» (далее – Договор о ЕАЭС) не содержит отдельного раздела о природопользовании и охране окружающей среды. Это дает исследователям основание говорить о необходимости гармонизации и синхронизации законодательства о природопользовании и охране окружающей среды и ее компонентов в условиях ЕАЭС (к примеру, по трансграничным водным объектам, нефте-, газа добыча и др.) и учета интересов хозяйствующих субъектов каждой из стран-участниц Союза при осуществлении ими предпринимательской деятельности в экологическом секторе [1, л. 82].

Как отмечает Т. М. Матаев на примере государственно-частного партнерства, совершенствование законодательства в области коммерческой деятельности будет признаваться особенно действенным средством поддержки и развития национальной индустрии в ситуации движения к современной экономике, реализации гармонизированной политики в сфере предпринимательства и инвестиционной деятельности на территории стран – участниц Союза [6, л. 3561]. Однако формирование и выполнение общих программ развития в государствах-членах Союза усложняется из-за несовпадения нормативно-правовой основы и спецификой внутреннего регулирования в них.

В ходе проведенного исследования нормативно-правового закрепления доступа иностранных субъектов к отдельным видам макроэкономической деятельности на территории Евразийского экономического союза определены значимые несовпадения законодательной базы и сделана попытка обосновать ее изменение относительно устранения и (или) минимизации ограничений их доступа на рынок стран Союза.

В настоящее время каждая из стран-участниц Союза проводит свою нормативную политику, осуществляет свою нормотворческую деятельность, руководствуясь собственными принципами и представлениями о правовом регулировании в сфере взаимодействия участников объединения между собой по вопросам торговли, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций. Как считает А. И. Невский, разрешительная система государств-членов различна, не во всех странах-участницах Союза есть представление об общем количестве всех видов разрешений (согласования, заключения, аттестата, свидетельства, сертификата и т. п.), а также их критериях [7].

Такой подход не позволяет обеспечивать единство правил наднационального законодательства в части унификации и совершенствования правового регулирования указанных отношений. В этой связи нами предлагается расширить применение принципа резидентства, не ограничивая сферу его действия только вопросами таможенного регулирования.

Создание в 2010 году Таможенного союза ЕАЭС положило начало процессам интеграционного сотрудничества по вопросам природопользования и охраны окружающей среды. От этапа к этапу проходило расширение направлений деятельности до образования Евразийского экономического союза. Помимо этого, сотрудничество в сфере природопользования и охраны окружающей среды и ее компонентов оформлялось двусторонними соглашениями между странами-участницами Союза. Так, остается в силе Соглашение Правительства РФ и Правительства Республики Беларусь от 05.07.1994 г., регламентирующее сотрудничество стран в области мер охраны окружающей природной среды, соглашение Правительства РФ и Правительства Республики Казахстан от 07.04.2010 г., посвященное регулированию вопросов совместного использования и охраны трансграничных водных объектов. Названные документы выражают намерения сторон развивать сотрудничество в области рационального использования природных ресурсов согласно принципу экологически обоснованного и устойчивого развития. Вместе с тем, движение по пути интеграции сосредотачивалось, прежде всего, на принятии согласованных решений в области таможенного регулирования и торговой политики.

Подтверждением этого служит введение в действие актов международного уровня, посвященных правилам единообразного таможенного регулирования в Таможенном союзе, формирование таможенного законодательства, разработка и утверждение Таможенного кодекса ТС от 27 ноября 2009 г.; стандартизация механизма таможенного администрирования, которое объединяет в себе одни требования декларирования товаров, внесения платы при совершении таможенных операций и единые таможенные действия; принятые и действуют общие нормы расчета таможенной стоимости и порядок определения

территории производства товаров. Параллельно происходило и осуществление интеграции в других областях экономической деятельности стран-участниц объединения и установление норм их регулирования. В числе таковых оказалось и формирование общего рынка товаров, услуг, труда и капитала. Отмечая трансформацию евразийского интеграционного проекта в экономическое объединение стран и характеризуя сопровождающие его преобразования, Л. В. Щур-Труханович указывает на закономерный рост числа переходящих международной организации полномочий и качественного пересмотра уже закрепленных за ней [10, л. 74].

Дальнейшее развитие Евразийского экономического союза определило необходимость выработки общей стратегии развития единого экономического пространства и усиления интеграции не только в таможенной, но и в других сферах. Этому способствовала единая координация и осуществление внешнеторгового регулирования. В результате к ключевым были отнесены следующие сферы макроэкономической деятельности: – таможенное тарифное и нетарифное регулирование; – таможенное администрирование; – техническое регулирование ветеринарных, санитарных и фитосанитарных мер; – зачисление и распределение импортных таможенных пошлин; – установление режимов торговли с третьими странами; – ведение статистики внешней и взаимной торговли; – регулирование и реализация конкурентной политики; – промышленные и сельскохозяйственные субсидии; – энергетическая политика; – естественные монополии; – государственные и (или) муниципальные закупки; – взаимная торговля услугами и инвестиций; – транспорт и перевозки; – трудовая миграция; – финансовые рынки (банковская сфера, страхование, валютный и фондовый рынки).

Все из перечисленных сфер пунктом 3 Приложения №1 к Договору о ЕАЭС отнесены к согласованным направлениям деятельности Союза, полномочия по управлению и выработке подходов к правовому регулированию которых переданы государствами Евразийской экономической комиссии. В их число вошли также макроэкономическая политика, валютная политика, интеллектуальная собственность и иные сферы, определенные в рамках Союза международными договорами [4].

Однако, по нашему мнению, в законодательстве стран Союза не выработано унифицированного подхода к регулированию общего статуса и не установлено равного доступа иностранных участников к различным видам предпринимательской деятельности, предусмотренным специальными национальными перечнями исключений, ограничений, дополнительных требований и условий в границах Союза для любого государства-участника [8] или нормами Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций Соглашения об учреждении ЕАЭС. Предпочтение и выбор той или иной юрисдикции зависит от разных причин – от сформировавшейся системы национального права до мнения об-

щества о принадлежности некоторых природных объектов или объекта социальной инфраструктуры негосударственным инвесторам, в первую очередь иностранным.

Следует согласиться с мнением Н. А. Афанасьевой о необходимости принять за основу достигнутую степень унификации регулирования других сфер макроэкономической деятельности и действующие правила об отмене административного регулирования взаимной продажи товаров в пределах национального рынка стран-участниц Союза [2, л. 6]. Так, статья 89 раздела XXIII Договора о ЕАЭС предусматривает в качестве одной из задач сотрудничества его участников по вопросам охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной деятельности гармонизацию их национального законодательства об интеллектуальной собственности. Реализация данной задачи находит свое воплощение в таких основных направлениях как:

- сотрудничество как предоставление благоприятных условий для обладателей авторского права и смежных прав государств-членов;
- введение системы регистрации товарных знаков и знаков обслуживания ЕАЭС и наименований мест происхождения товаров ЕАЭС.

Договор о ЕАЭС предусматривает два способа регулирования статуса иностранных участников и их допуска к экономической деятельности на территории стран-участниц Союза:

– национальный режим при торговле услугами, учреждении и деятельности, согласно которому каждое государство-член предоставляет лицам любого государства-члена в отношении учреждения и деятельности режим не менее благоприятный, чем режим, предоставляемый при таких же (подобных) обстоятельствах своим собственным лицам на своей территории (пункт 24 раздел 6 приложения 16).

– режим наибольшего благоприятствования при торговле услугами, учреждении и деятельности, который позволяет каждому государству-члену при аналогичных обстоятельствах устанавливать для услуг, поставщиков и получателей услуг всякого иного государства-члена режим не менее благоприятный, того, что дается равнозначным услугам и поставщикам, получателям услуг третьих стран (пункт 27 раздел 6 приложения 16).

На наш взгляд, второй из способов в меньшей степени применим к регулированию статуса и закреплению ограничений в сферах деятельности иностранных участников на территории стран-участниц Союза, поскольку направлен к выравниванию положения поставщиков и получателей услуг государства-члена и лиц третьих государств. В этой связи остановимся более подробно на правилах национального режима. В частности, п. 26 приложения 16 Договора о ЕАЭС, который содержит изъятие из правил п. 24 данного приложения применительно к праву любого государства-члена реализовывать в отношении учреждения и деятельности иностранных лиц других стран-участниц отдельные ограничения и условия, указанные в национальных перечнях или в

приложении №2 к Протоколу о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций.

При реализации этого права на практике среди данных сфер в большинстве случаев оказываются:

– условия и порядок доступа, включая его ограничения, к субсидиям и другим средствам государственной поддержки, реализуемым в полном объеме на уровне федеральной, региональной и местной власти (Республика Беларусь, Республика Казахстан, Россия, Республика Армения, Кыргызская Республика);

– нахождение тех или иных земельных участков в собственности и (или) в пользовании иностранных лиц (Республика Беларусь, Республика Казахстан, Россия, Республика Армения, Кыргызская Республика);

– предоставление приоритета в пользовании объектами животного мира на определенной территории или акватории организациям и физическим лицам (Республика Беларусь, Республика Казахстан, Россия);

– ограничения в отношении деятельности в пределах континентального шельфа (Республика Казахстан, Россия);

– ограничения в отношении контрактов и соглашений с инвесторами на осуществление недропользования Республика Казахстан, Кыргызская Республика.

– установление процедуры отбора концессионера и перечня существенных условий концессионного соглашения, права решающего голоса (Республика Беларусь, Республика Казахстан, Россия, Кыргызская Республика);

– учреждение лицами любого другого государства-члена юридических лиц, открытие филиалов и представительств, регистрация в качестве индивидуального предпринимателя на территории закрытого административно-территориального образования, приобретение долей участия в них (Россия);

– первоочередное право участия в осуществлении соглашения о разделе продукции в качестве подрядчиков, поставщиков, перевозчиков или в ином качестве по соглашениям (контрактам) с инвесторами (Россия, Кыргызская Республика);

– землеустройство, техническая инвентаризация и государственная регистрация недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, оценка государственного имущества для совершения с ним сделок и (или) иных юридически значимых действий, геодезические и картографические работы, результаты которых имеют общегосударственное, межотраслевое назначение (Республика Беларусь, Республика Армения (только граждане));

– выдача заявителю разрешения на совершение сделок по использованию стратегических ресурсов и (или) использованию, приобретению стратегических объектов (Республика Казахстан, Кыргызская Республика).

Кроме того, законодательство некоторых стран-участниц Союза предусматривает отдель-

ные ограничения, отсутствующие в законодательстве других государств. Так, в Республике Армения пользователем недр признается лишь юридическое лицо, включая и иностранные коммерческие организации, а в Кыргызской Республике приобретение лицами других государств – членов ЕАЭС в собственность жилых помещений требует получения согласия уполномоченного органа, жилые помещения в порядке приватизации могут получать только граждане Кыргыстана.

Как видно из вышеупомянутого обзора положений Договора о ЕАЭС в части закрепления перечня отдельных ограничений и условий деятельности иностранных хозяйствующих субъектов, указанного в Приложении №2, страны-участницы Союза ведут собственную законотворческую деятельность, руководствуясь своими национальными принципами и представлениями о сферах, нуждающихся в дополнительной защите от доступа иностранных субъектов. При таком развитии событий о реализации гармонизированной политики в сфере предпринимательства и инвестиционной деятельности говорить пока не приходится.

Наряду с этим следует учитывать то обстоятельство, что Беларусь и Россия продолжают развивать интеграцию в рамках Союзного государства, а Беларусь, Казахстан и Россия состоят в Таможенном союзе и ведут деятельность в рамках Единого экономического пространства. Согласно ст. 20 Договора между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» его участники образуют на своей территории единое экономическое пространство. В границах Союзного государства применяется в первую очередь унифицированное, а кроме того и единое законодательство, регламентирующее деятельность хозяйствующих субъектов. Оно охватывает как гражданское, так и налоговое законодательство [3].

Установление в национальных законодательствах стран Союза совокупности ограничений применительно к использованию отдельных видов природных ресурсов (земельные участки, недра и континентальный шельф) и (или) объектов недвижимости (жилые помещения), совершению действий с ними (землеустройство, техническая инвентаризация и государственная регистрация недвижимого имущества, приватизация), в сфере инвестиций, может трактоваться как сужение области интеграции в целом [7].

Наличие и применение Договора о ЕАЭС автоматически не гарантирует эффективного правового регулирования отношений в сфере интеграции. Вся нормативно-правовая база Союза, по нашему мнению, должна быть улучшена и доработана за счет включения в сферу наднационального регулирования земельных отношений, недропользования и доступа к другим природным ресурсам.

Как пишет Т. А. Селищева, природопользование имеет ярко выраженный региональный характер, поскольку ресурсы и экосистемы каждой страны (региона) относительно обособлены в пространстве и во времени. Ущерб и эффект, вы-

званный хозяйственной деятельностью в отдельном регионе, всегда проявляется на конкретной территории. По этой причине правовое регулирование ограничений и условий доступа иностранных хозяйствующих субъектов к деятельности в сфере природопользования исключительно на национальном уровне может иметь следствием экологически неравноценный обмен, когда выгоды достаются одним субъектам хозяйствования, а последствия негативного воздействия на природные системы – другим [9, л. 15].

А. Е. Кузнецова главной тенденцией последнего времени называет все возрастающее распространение экологических норм за рамки региональных торговых соглашений о сотрудничестве или устойчивом развитии. На сегодняшний день обязательства в области природопользования, охраны окружающей среды и ее компонентов можно встретить и в других частях региональных торговых соглашений, включая инвестиции (к примеру, дополнительные гарантии на защиту права на экологическое регулирование), интеллектуальную собственность (к примеру, повышенные обязанности по сохранению биологического разнообразия), услуги (экологические услуги). Существенно возрастает активность обсуждения вопросов «озеленения» глав о государственных закупках (содействие «зеленым» закупкам) и субсидиям (ограничение/запрет субсидий, которые причиняют ущерб окружающей среде) [5, л. 61].

По нашему мнению, работа над такой сферой как признание и закрепление единого подхода к статусу и сферам деятельности иностранных участников, включая и правовое положение природопользователей, должно осуществляться на основе принципа резидентства и унификации национальных законодательств стран-участниц Союза в соответствии с логикой функционирования правовой базы единого экономического пространства. Разработку нормативных основ закрепления единого статуса участников и общего перечня направлений деятельности в странах Союза следует осуществлять с опорой на действующие акты Евразийской комиссии в сфере таможенного регулирования, которые могут выступать необходимым базисом для развития дальнейшей интеграции в странах Союза. Ключевым из них можно считать положение пункта 17 ст. 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического

союза, в котором содержится следующее определение термина «лицо государства-члена» – юридическое лицо, организация, не являющаяся юридическим лицом, созданные в соответствии с законодательством государств-членов, а также физическое лицо, имеющее постоянное место жительства в государстве-члене, в том числе индивидуальный предприниматель, зарегистрированный в соответствии с законодательством государства-члена. Включение аналогичного понятия в общие положения Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций Соглашения о ЕАЭС (Приложение №16), по нашему мнению, будет способствовать унификации подходов национальных законодательств к установлению «горизонтальных» ограничений, сохраняемых государствами-членами в отношении всех секторов и видов деятельности и, как следствие, обеспечит полноценный учет интересов хозяйствующих субъектов стран-участниц и создание единого экономического пространства на территории ЕАЭС.

В пользу изменения правового регулирования, определяющего единый статус иностранных участников в сфере природопользования свидетельствуют следующие доводы: наличие ограничений для отдельных видов природных ресурсов и (или) объектов недвижимости (жилые помещения), совершение действий с ними, необходимость улучшения и доработки нормативно-правовой базы за счет включения природопользования в сферу наднационального регулирования и ярко выраженный региональный характер природопользования. Все перечисленное подтверждает целесообразность пересмотра подхода к установлению условий и ограничений деятельности иностранных хозяйствующих субъектов в сфере осуществления природопользования.

Таким образом, совершенствование нормативно-правовой базы Союза по отношению к учреждению и (или) видам деятельности хозяйствующих субъектов стран-участников может стать одним из факторов усиления интеграционных процессов на евразийском пространстве, содействуя устойчивому экономическому росту стран-участниц ЕАЭС и преодолению экологических проблем, содержащих их продвижение по пути устойчивого развития.

Литература

1. Алихаджиева А. С. Экологическая Россия в условиях ЕАЭС: перспективы развития // Современные евразийские исследования. 2015. №1. С.81–86.
2. Афанасьев Н. А. Путь от Таможенного союза к Евразийскому экономическому союзу // Российско-белорусская интеграция: от идеи к воплощению: сборник научных статей участников конференции / сост. Кривцов В. Н., Горбачёв Н. Н. Минск: Ковчег, 2016. С.5–8.
3. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» // Собрание законодательства Российской Федерации. 14.02.2000. №7. ст.786.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 15.03.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 17.05.2019).
5. Кузнецова А. Е. Экологические положения для торговых соглашений с участием Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // Управленческое консультирование. 2018. №5 (113). С.59 – 68.
6. Матаев Т. М. Современные направления регулирования государственно-частного партнерства в странах ЕАЭС // Российское предпринимательство. 2016. Т.17. №24. С.3561–3572.

7. Невский А. И. Внутреннее регулирование учреждения и любой деятельности – основа для реализации обязательств в рамках Евразийского экономического союза, включая производство, торговлю товарами и услугами // СПС «КонсультантПлюс», 2019 г.

8. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 №112 (ред. от 16.10.2015) «Об утверждении индивидуальных национальных перечней ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий в рамках Евразийского экономического союза для Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (Дата обращения: 17.05.2019).

9. Селищева Т. А. Проблемы устойчивого развития экономики в странах Евразийского экономического союза // Проблемы современной экономики. 2018. №2. С.15–21.

10. Щур-Труханович Л. В. К вопросу о конституционной обеспеченности передачи государствами-членами полномочий Евразийскому экономическому союзу и Европейскому союзу // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. №4. С.69–76.

References

1. Alichadzhieva A. S. Jekologicheskaja Rossija v uslovijah EAJeS: perspektivy razvitiya (*Environmental Russia in Eurasian Economic Union: prospects of development*) // Sovremennye evrazijskie issledovaniya. 2015. No. 1. P.81–86. (In Russian).
1. Afanas'eva N. A. Put' ot Tamozhennogo sojuza k Evrazijskomu jekonomicheskemu sojuzu (*The path from the Customs Union to the Eurasian Economic Union*) // Rossijsko-belorusskaja integracija: ot idei k voplosheniju: sbornik nauchnyh statej uchastnikov konferencii. Minsk: Kovcheg, 2016. P.5–8. (In Russian).
2. Dogovor mezhdu RF i Respublikoj Belarus' ot 08.12.1999 «O sozdanií Sojuznogo gosudarstva» ("On the establishment of the Union state") // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 14.02.2000. No. 7. Art. 786. (In Russian).
3. Dogovor o Evrazijskom jekonomicheskem sojuze ("On the Eurasian economic Union") (Podpisany v g. Astane 29.05.2014) (red. ot 15.03.2018) // Oficial'nyj internet-portal pravovoij informacii. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, (Accessed: 17.05.2019). (In Russian).
4. Kuznecova A. E. Jekologicheskie polozhenija dlja torgovyh soglashenij s uchastiem Evrazijskogo jekonomicheskogo sojusa (EAJeS) (*Environmental provisions for trade agreements with the participation of the Eurasian economic Union (EEAU)*) // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2018. No.5 (113). P. 59–68. (In Russian).
5. Mataev T. M. Sovremennye napravlenija regulirovaniya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v stranah EAJeS (*Modern trends in the management of the public-private partnership in the countries of the EAEU*) // Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2016. Vol. 17. No.24. P. 3561–3572. (In Russian).
6. Nevskij A. I. Vnutrennee regulirovaniye uchrezhdenija i ljudoj dejatel'nosti – osnova dlja realizacii objazatel'stv v ramkah Evrazijskogo jekonomicheskogo sojusa, vkljuchaja proizvodstvo, torgovli tovarami i uslugami (*Internal regulation of the institution and any activity as the basis for the implementation of obligations within the framework of the Eurasian economic Union, including production, trade in goods and services*) // SPS «Konsul'tantPljus», 2019. (In Russian).
7. Reshenie Vysshego Evrazijskogo jekonomicheskogo soveta ot 23.12.2014 № 112 (red. ot 16.10.2015) «Ob utverzhdenii individual'nyh nacional'nyh perechenj ogranicenij, iz#jatij, dopolnitel'nyh trebovaniij i usloviy v ramkah Evrazijskogo jekonomicheskogo sojusa dlja Respubliki Armenija, Respubliki Belarus', Respubliki Kazahstan, Kyrgyzskoj Respubliki i Rossijskoj Federacii» ("On approval of individual national lists of restrictions, exemptions, additional requirements and conditions within the framework of the Eurasian Economic Union for the Republic of Armenia, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and the Russian Federation") // Oficial'nyj sajt Evrazijskogo jekonomicheskogo komissii. URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (Accessed: 17.05.2019). (In Russian).
8. Selishheva T. A. Problemy ustoichivogo razvitiya jekonomiki v stranah Evrazijskogo jekonomicheskogo sojusa (*Problems of sustainable economic development in the countries of the Eurasian Economic Union*) // Problemy sovremennoj jekonomiki. 2018. No. 2. P. 15–21. (In Russian).
9. Shhur-Truhanovich L. V. K voprosu o konstitucionnoj obespechennosti peredachi gosudarstvami-chlenami polnomochij Evrazijskomu jekonomicheskemu sojuzu i Evropejskomu sojuzu (*On the issue of constitutional security of the transfer of powers by member States to the Eurasian Economic Union and the European Union*) // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sraznitel'nogo pravovedeniya. 2016. No. 4. P. 69–76. (In Russian).

Информация об авторах

Колесникова Кира Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / mail.kira@yandex.ru

Нутрихин Роман Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / nut-roman@yandex.ru

Information about the authors

Kolesnikova Kira – PhD in History, Associate Professor, Chair of Environmental, Land and Labor Law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / mail.kira@yandex.ru

Nutrikhin Roman – PhD in History, Associate Professor, Chair of Environmental, Land and Labor Law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / nut-roman@yandex.ru

УДК 347.65/.68

М. П. Мельникова, И. А. Комаревцева

ОСНОВАНИЯ НАСЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Актуальность темы исследования предопределена огромным практическим потенциалом вопросов наследования имущества. Ведь не вызывает сомнения тот факт, что наследственное право в определенной степени затрагивает интересы каждого гражданина. Действующее сегодня наследственное законодательство существенным образом отличается от советского аналога. Часть третья ГК РФ, которая является основным источником современного наследственного права демонстрирует качественно новый уровень правового регулирования отношений наследования. Вместе с тем российское наследственное законодательство не лишено недостатков, пробелов и противоречий, что относится и к теме нашего исследования. Сказанное побудило авторов обратиться к анализу вопросов об основаниях наследования. Новизна данной работы заключается в попытке введения в научный оборот новых правовых конструкций, предусмотренных Федеральным законом от 19.07.2018 N 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации». Речь

идет о наследственном договоре как новом основании наследования. Проведенное исследование опирается на специальные юридические методы: исторический и сравнительно-правовой. Использование исторического метода исследования позволило авторам выявить преемственность правового регулирования оснований наследования, а также оценить новую правовую конструкцию «наследственный договор» с точки зрения традиций правового регулирования отношений наследования. Основания наследования исследованы авторами с применением сравнительно-правового подхода, позволяющего сравнить российский и зарубежный опыт правового регулирования в рассматриваемой сфере с целью выявления общих принципов и различий. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования отношений наследования на основании наследственного договора.†

Ключевые слова: наследственное право, основания наследования, наследование по завещанию, наследование по закону, наследственный договор.

М. Melnikova, I. Komarevtseva

THE GROUNDS OF INHERITANCE IN RUSSIAN INHERITANCE LAW

The relevance of the research topic is predetermined by enormous practical potential of property inheritance issues. After all, there is no doubt that the law of succession to a certain extent affects the interests of every citizen. The current hereditary legislation is significantly different from the Soviet counterpart. Part three of the Civil Code of the Russian Federation, which is the main source of modern inheritance law, demonstrates a qualitatively new level of legal regulation of inheritance relations. At the same time, the Russian hereditary legislation is not without flaws, gaps and contradictions, which applies to the topic of our research. This prompted the authors to turn to the analysis of issues related to the grounds for inheritance. The novelty of this work lies in the attempt to introduce into scientific circulation new legal constructions stipulated by the Federal Law of 19.07.2018 N217-FZ "On Amendments to Article 256 of Part One and Part Three of the Civil Code of the Russian Federation". This is a hereditary contract as a new

basis for inheritance. The study is based on special legal methods: historical and comparative legal. The use of the historical method of research allowed the authors to identify the continuity of the legal regulation of the grounds for inheritance, as well as to evaluate the new legal construction of the "hereditary contract" from the point of view of the traditions of the legal regulation of inheritance relations. The grounds for inheritance are investigated by the authors using a comparative legal approach, which makes it possible to compare Russian and foreign experience in legal regulation in this area in order to identify common principles and differences. The article provides proposals to improve the legal regulation of relations of inheritance based on a hereditary contract.

Key words: inheritance law, grounds of inheritance, testamentary succession, intestate succession, hereditary contract.

Многие авторы обращались к анализу проблемы «первенства появления» того или иного основания наследования. Анализ точек зрения по обозначенному вопросу позволяет сформулировать вывод о том, что наследование по закону – это первый по времени, «естественный»

В ходе развития наследственного права получили свое оформление два основания наследования: завещание и закон. При изучении проблемы оснований наследования закономерно возникает вопрос о времени возникновения существующих сегодня оснований наследования.

вид наследственного правопреемства. Сущность наследования по закону метко выражена в одном средневековом изречении, относящемся к характеристике древне-германского наследственного права: «*Solus Deus heredem facere potest non homo*» – только Бог может определить личность наследника, но не человек. Яков Канторович в своей работе «Основные идеи гражданского права» по этому поводу писал, что «исторически наследование по закону предшествовало наследованию по завещанию. Первоначально, по древнему праву, которое было проникнуто начальными общинного и родового быта, существовало только наследование по закону; завещательный порядок наследования этому праву неизвестен» [7, с. 289]. Аналогичным образом рассуждал И. А. Покровский, по мнению которого, древнейшее право отмечено существованием единственного вида наследования – наследования по закону [17, с. 298]. Итак, институт наследования по закону сопровождал человеческое общество на протяжении долгого времени, на различных этапах его развития.

В соответствии с действующим до 01 июня 2019 года законодательством РФ наследование осуществляется по двум основаниям: по завещанию и по закону (ст. 1111 ГК РФ). На первый взгляд, перед нами четкая и лаконичная формулировка, исключающая двусмысленное толкование. Однако, в цивилистической науке ведутся оживленные дискуссии по вопросу о существующей в российском правопорядке системе оснований наследования. Так, например, советские авторы О. С. Иоффе и В. К. Дронников помимо указанных в законе двух оснований выделяли еще и третье: О. С. Иоффе указывал на наследование по основанию выморочности наследственного имущества, а В. К. Дронников определял основанием наследования «право на обязательную долю» [21, с. 23]. Несмотря на то, что авторы сформулировали свои выводы применительно к советскому наследственному законодательству, их высказывания не потеряли своей актуальности и в настоящее время, так как законодатель сохранил преемственность правовой регламентации системы оснований наследования. В качестве комментария к отмеченной позиции считаем возможным отметить, что упомянутые «иные» основания наследования – выморочность имущества и наследование обязательной доли – следует рассматривать как частный случай наследования по закону, о чем, в частности свидетельствует местоположение соответствующих норм (они расположены в Главе 63 ГК РФ «Наследование по закону»).

Особо следует остановиться на положениях ст. 1152 ГК РФ, которые осложняют понимание вопроса о системе оснований наследования. В п.2 ст. 1152 ГК РФ говорится о том, что наследник может быть призван к наследованию по нескольким основаниям: по завещанию и по закону или в порядке наследственной трансмиссии и в результате открытия наследства и тому подобное. Данная формулировка позволила некоторым автором сформулировать вывод о том, что рос-

сийское гражданское законодательство предусматривает более двух оснований наследования. Так, например, Э. Г. Пилипсон с опорой на положения ст. 1152 ГК РФ говорит о множественности оснований наследования [16]. Однако, большинство авторов критiquют содержащееся в ст. 1152 ГК РФ законодательное решение. Так, например, М. С. Абраменков упрекает законодателя в терминологической неточности и предлагает в данном случае вести речь не об основаниях наследования, а об основаниях принятия наследства [1]. Со своей стороны, отметим, что перечень оснований наследования исчерпывающим образом обозначен в императивной норме ст. 1111 ГК РФ. В этой связи предложенное Э.Г. Пилипсоном толкование п. 2 ст. 1152 ГК РФ противоречит содержанию и смыслу ст. 1111 ГК РФ. Сложившаяся ситуацию мы можем объяснить несовершенством законодательной техники.

Некоторые ученые критiquют употребляемый законодателем термин «основание наследования». Так, например, В. А. Белов утверждает, что и закон, и завещание следует рассматривать в качестве источников гражданского права. В этой связи автор определяет завещание и закон как акты, в которых содержатся формально закрепленные обязательные правила поведения, исполнение которых обеспечивается государственным принуждением. Другое дело, что завещание будет относиться к числу так называемых ненормативных источников, то есть источников предписаний, касающихся отдельного конкретного случая (не имеющих всеобщего значения). И закон, и завещание определяются круг лиц, подлежащих призванию к наследованию; разница в том, что закон это делает для всех случаев определенного рода и вида, а завещание – для единственного случая открытия конкретного наследства. Закон есть необходимое условие существования наследственного права в целом как подотрасли гражданского права. Завещание – это столь же необходимое условие возникновения данного конкретного наследственного правоотношения [3, с. 977].

Резюмируя все сказанное В. А. Беловым, отметим, что по сути, он рассматривает завещание и закон как два различных способа определения круга лиц (наследников), подлежащих призванию к наследованию.

В. И. Серебровский, рассматривая основания призыва к наследованию на основе норм советского права, пришел к следующему актуальному и для действующего законодательства выводу: при наследовании по закону, непосредственно сам закон основанием наследования не является, ведь наследование не возникает из него. Фактически наследование возникает из совокупности предусмотренных законом юридических фактов, то есть из фактического состава. Так, при наследовании по закону требуется наличие следующих юридических фактов: смерть наследодателя (биологическая или же юридическая), состояние в браке с наследодателем, наличие родства с наследодателем, и т.п. Сказанное в полной мере относится и к наследованию по завещанию [19, с. 48–49].

Таким образом, как для наследования по завещанию, так и для наследования по закону необходим целый перечень предусмотренных законом юридических фактов. Вместе с тем, по справедливому утверждению Ю. К. Толстого, отсутствие хотя бы одного из них исключает признание наследника к наследованию по крайней мере по тому основанию, по которому он был бы призван к наследованию, если бы весь этот перечень был налицо [18, с. 8].

В ходе анализа нормы ч.1 ст. 1111 ГК РФ обращает на себя внимание порядок, в котором перечислены виды наследственного правопреемства. Так, на первое место законодатель поместил наследование по завещанию, а на второе – наследование по закону. Следует отметить, что наследование по завещанию поставлено на первое место не только в ст. 1111 ГК РФ, но и в целом в разделе V ГК РФ: наследованию по завещанию посвящена глава 62, за которой следует глава 64 «Наследование по закону».

Таким образом, данная норма еще раз подтверждает, что наследование по завещанию является ведущим основанием [20], а наследование по закону носит подчиненный, субсидиарный характер [12, с. 24].

Также Конституционный суд РФ подчеркнул приоритетный характер выраженной в завещании воли частного лица – наследодателя. Что касается наследования по закону, то в соответствии со ст. 1111 ГК РФ, оно имеет место, когда и поскольку оно не изменено завещанием [15].

В ходе рассмотрения положений об основаниях наследования, закономерно возникает вопрос о соотношении наследования по завещанию и наследования по закону. Ученые неоднократно обращались к рассмотрению данной проблемы. По этому поводу еще дореволюционный ученый-цивилист Г. Ф. Шершеневич писал: «С точки зрения доктринальской, в настоящее время наследование по закону является восполнением наследования по завещанию, вступая в силу тогда и настолько, когда и насколько не успела выразиться воля наследодателя о судьбе оставленного им имущества. Доктринальское соотношение между обоими видами не изменится от признания наследования по завещанию только допускаемой законом заменой законного наследования, вариацией на законную тему» [22, с. 618]. Как видим, ученый не стремится противопоставлять основания наследования, он подчеркивает, что указанные основания одинаково значимы. Однако, подобные положения оспариваются некоторыми авторами. В развитие отмеченной позиции уместно привести точку зрения авторов, которые полагают, что выделение оснований наследования имеет значение только в плоскости признания данного лица в качестве наследника. Другой дореволюционный правовед, основоположник российской цивилистики Д. И. Мейер также отмечал условный характер «самодостаточности» оснований наследования, указывая, что «...само наследование по завещанию ... собственно есть законное». Также автор подчеркивал, что смысл выделения осно-

ваний наследования заключается в определении круга наследников, в чью пользу открывается наследство [11, с. 411].

Современные ученые, в частности, М. П. Мельникова, также отмечают, что «...и наследование по завещанию и наследование по закону основаны на законе и осуществляются в строгом соответствии с правилами, предусмотренными законом. Поэтому не следует противопоставлять друг другу основания наследования. Наследование по закону и наследование по завещанию являются способами осуществления наследственного преемства» [12, с. 23].

Подводя итог сказанному, мы с уверенностью можем утверждать, что современный законодатель в части третьей ГК РФ следуя уже сложившейся правовой традиции, сохранил систему оснований наследования в виде наследования по завещанию и наследования по закону. Однако, приоритеты регулирования отношений наследования принципиально изменились. Главную роль теперь играет наследование по завещанию, а наследование по закону носит подчиненный, субсидиарный характер. Кроме того, завещание и закон, будучи основаниями наследования, по сути, определяют порядок развития наследственных правоотношений (по воле завещателя или по воле законодателя).

На сегодняшний день в российском наследственном законодательстве наметилась тенденция расширения перечня оснований наследования.

Так, с 01 июня 2019 года самостоятельным способом распоряжения имуществом на случай смерти наряду с завещанием стал наследственный договор, имплементированный в российское наследственное право из законодательной практики зарубежных стран. Наследственный договор известен правопорядкам таких стран, как Германия, Испания, Франция, Украина, Латвия, и др. Так, например, он широко применяется в Каталонии, и представляет собой, наряду с законным, «добровольное наследование» [10, с. 113]. Гражданский кодекс Латвийской Республики (далее – ГК Латвии) предоставляет наследодателю возможность выразить свою волю не только в завещании, но и в соглашении о наследовании (ст.389 ГК Латвии). Сложный порядок договорного наследования предусматривает Французский гражданский кодекс (далее – ФГК). При этом, такое распоряжение наследственным имуществом, как считает Ю. Б. Гонгало, возможно лишь в качестве исключения, «действительно при соблюдении строго определенных условий» [4, с. 86–87], и напрямую зависит от наличия брачного контракта или факта состояния супругов в браке.

Для российского правопорядка наследственный договор является абсолютно новым основанием наследования. На всех этапах развития отечественного наследственного права, традиционными основаниями наследования выступали закон и завещания, наследственный договор не был нормативно регламентирован. Однако, если обратиться к древнему периоду развития российского права, когда основным источником

права выступала Русская Правда, можно с определенной долей условности говорить об использовании договорной конструкции, в рамках наследственных отношений. Речь идет о так называемом «ряде», который некоторыми авторами характеризовался как договор между всеми членами семьи, с главным участием отца, об общем семейном имуществе [14, с. 52]. Следует признать, что новые правила ГК РФ о наследственном договоре, требуют пристального внимания со стороны всех заинтересованных лиц и дополнительного изучения на предмет соответствия российской традиции наследственно-правового регулирования [13].

Возможность включения которого в нормы ГК РФ вызвала в юридической литературе научные дискуссии. Сложились противоположные позиции. Так, М. С. Абраменкова считает, что «наследственный договор противоречит принципам и сущности свободы завещания и сущности приобретения наследства и поэтому не может быть признан в силу ст. 8 ГК самостоятельным основанием наследования наряду с основаниями наследования по завещанию и по закону» [2]. С. А. Степанов, комментируя ст. 1111 ГК РФ пишет, что русское гражданское право во все времена отрицало возможность существования наследственного договора по мотиву безнравственности (подчеркнуто нами) таких, прежде всего в связи с тем, что такого рода договоры фактически устраниют возможность свободного волеизъявления на случай смерти» [8, с. 8].

Активным сторонником позиции законодателя в его стремлении совершенствовать право, является В. В. Долинская, которая изучая тенденции развития и современные проблемы наследственного права России в контексте вступления в силу Федерального закона № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» подчеркивает, что «сомнительное» по своему содержанию правило п.1 ст.1118 ГК РФ стало одним из контраргументов в пользу и совместного завещания и наследственного договора [6]. А сточки зрения И. В. Матвеева институт наследственного договора «существенно развивает устои наследственного права» и имеет все возможности для того, «чтобы пополнить исторически сложившийся перечень оснований для призыва к наследованию» [9]. Ю. Б. Гонгало считает, что использование в отечественном наследственном законодательстве правил о наследственном договоре между супругами, аналогично правилам ФГК, возможно и соответствует «принципу диспозитивности, свойственному гражданскому праву в целом и соответственно наследственному праву как его части» [4, с. 97].

Позиция современного российского законодателя выражена в появлении новой ст. 1140.1. ГК РФ (введена ФЗ от 19.07.2018 N217-ФЗ), в соответствии с которой наследодатель вправе заключить с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию (статья 1116), договор, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя

после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию (наследственный договор). Сторонами наследственного договора являются наследодатель, к которому применяются правила ГК РФ о завещателе (п. 6 ст. 1118 ГК РФ) и граждане, юридические лица, а так же публично-правовые образования, с учетом требований ст. 1116 ГК РФ. Отдельно выделен наследственный договор с участием супружеского пары. Особенностью такого супружеского наследственного договора является не только его содержание, но и порядок его прекращения. Так, в силу абз. 2 п. 5 ст. 1140.1. ГК РФ, расторжение брака до смерти одного из супружеской пары влечет его прекращение. Аналогичные правовые последствия предусмотрены и в случае признание брака недействительным. Решен вопрос о возможной конкуренции совместного завещания супружеской пары и наследственного договора супружеской пары отменяет действие составленного ранее совместного завещания супружеской пары. Таким образом, супружеским предоставлено право выбора способа совместного наследственного распоряжения общим имуществом.

Следует отметить, что нормативно не решены вопросы о том, отменяет ли наследованный договор ранее составленное завещание, вправе ли наследодатель составить завещание после заключения наследственного договора? Буквальное толкование п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ позволяет утверждать, что после составления наследственного договора, наследодатель вправе совершать любые сделки в отношении принадлежащего ему имущества, в том числе – составлять завещание. Однако, как будут существовать и исполняться наследственный договор и завещание не ясно.

Наследственный договор после составления должен быть подписан его сторонами и нотариально удостоверен. Абсолютной законодательной новеллой является требование о проведении нотариусом видеофиксации процедуры заключения договора, что является еще одной гарантией прав наследников (абз. 2 п. 7 ст. 1140.1 ГК РФ).

Наследодатель вправе заключить несколько наследственных договоров с одним или несколькими лицами.

Содержание наследственного договора составляют условия о круге наследников и порядке перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим его сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию. Считаем, что требует своей доработки вопрос о том, можно ли в договор включить условие об отстранении наследников от наследства. Специальное правило есть в ГК Латвии, ч. 3 ст. 639 которого, императивно предусматривает, что в договоре о наследстве отстранение от наследства не допускается [5, с. 225]. Представляется, что аналогичная норма должна быть включена в ст. 1140.1 ГК РФ.

Стороны могут предусмотреть в договоре условие о душеприказчике, а так же, условие о

возложении на участвующих в наследственном договоре лиц, которые могут призываться к наследованию, обязанность совершить какие-либо не противоречие закону действия имущественного или неимущественного характера, в том числе исполнить завещательные отказы или завещательные возложения. Обращает на себя внимание тот факт, что законодатель предусмотрел возможность включение в наследственный договор и таких условий, относительно которых, при заключении договора было неизвестно наступят они или не наступят, в том числе от обстоятельств, полностью зависящих от воли одной из сторон (ч. 2 п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ). Таким образом, мы обнаруживаем определенную непоследовательность законодателя в силу того, что вопрос о возможности составления «условных» завещаний до сих пор нормативно не решен, что приводит к противоречивости нотариальной практики, и требует в свою очередь от правоприменителя формирования единообразной позиции по этому достаточно сложному вопросу.

Если завещатель вправе изменить завещание в любое время самостоятельно, то изменить условия наследственного договора в одностороннем порядке нельзя. Изменение и расторжение договора возможно только при жизни сторон договора и на основании их соглашения. Наряду с добровольным предусматривается и судебный

порядок, но только в связи с изменениями обстоятельств, которые имеют для сторон существенный характер. Наследодатель вправе в одностороннем порядке отказаться от наследственного договора. Для этого он должен уведомить все стороны договора и нотариально удостоверить уведомление об отказе. При этом, на наследодателя возложена обязанность по возмещению другим сторонам договора убытков, которые возникли у них в связи с исполнением наследственного договора к моменту получения копии уведомления об отказе наследодателя от договора. Стороны же договора вправе осуществить односторонний отказ от наследственного договора в порядке, предусмотренном законом или наследственным договором. Наследственный договор может быть оспорен как при жизни наследодателя, так и после открытия наследства.

В итоге проведенного исследования новелл наследственного законодательства, которые касаются системы оснований наследования, хотелось бы отметить, что введение в российский правопорядок конструкции наследственного договора является прогрессивным шагом, приближающим нас к европейской правовой традиции, однако, данный правовой институт требует своей доработки с учетом уже сложившихся в отечественном наследственном праве правовых принципов и правил.

Литература

1. Абраменков М. С. Правовой механизм принятия наследства // Нотариус. 2012. №3. С. 28–34.
2. Абраменков М. С. Общая характеристика завещания как основания наследования // Нотариус. 2010. №6. С. 5–11.
3. Белов В. А. Гражданское право. Т. III. Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы: учебник. М.: Издательство Юрайт, 2012. 1189 с.
4. Гонгало Ю. Б. Распоряжения наследственного характера во Французском праве / Актуальные вопросы наследственного права / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2016. 112 с.
5. Гражданский кодекс Латвийской Республики / Научное редактирование и предисловие Н. Э. Лившиц. СПб.: Издательство «Юридический центр пресс», 2001. 801 с.
6. Долинская В. В. О тенденциях развития и проблемах наследственного права России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. №10. С. 3–13.
7. Канторович Я. Основные идеи гражданского права. М.: [б.и.], 2015. 309 с.
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический) к ч.3 / под ред. С. А. Степанова. М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2015. 152 с.
9. Матвеев И. . Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации URL: <http://отрасли-права.рф/article/9392> (Дата обращения: 21.05.2019).
10. Медведев С. Н. Введение в гражданское право Испании.- Ставрополь: СКФУ, 2017. 139 с.
11. Мейер Д. И. Русское гражданское право. Часть 2. М.: [б.и.], 1997. 455 с.
12. Мельникова М. П. Наследование по закону в России от Свода законов до Гражданского кодекса РСФСР 1964 года (историко-теоретический аспект): дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь: СГУ, 2001. 222 с.
13. Мельникова М. П., Комаревцева И. А. Российское наследственное законодательство: анализ последних изменений и перспективы развития // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. №1. С.109–117.
14. Митькович А. О форме завещаний. Историко-юридический очерк. Тифлис, б/д. б/п.
15. Обзор дел, рассмотренных Конституционным Судом Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. №1. С.149–157.
16. Пилипсон Э.Г. Институты договорного наследования: правовые проблемы имплементации на территории Российской Федерации // // СПС «КонсультантПлюс».
17. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.
18. Сергеев А. П., Толстой Ю. К., Елисеев И. В. Комментарий к гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Проспект, 2006. 304 с.
19. Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. М.: Статут, 1997. 567 с.
20. Тарасова И. Н. Понятие и значение формы завещания в российском гражданском праве // Наследственное право. 2014. №3. С. 35–38.
21. Черемных Г. Г. Наследственное право России: учебник. М.: Эксмо, 2009. 510 с.
22. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. 720 с.

References

1. Abramakov M. S. Pravovoi mekhanizm prinyatiya nasledstva (*Legal mechanism for inheritance*) // Notarius. 2012. №3. P.28–34. (In Russian).
2. Abramakov M.S. Obshchaya kharakteristika zaveschchaniya kak osnovaniya nasledovaniya (General characteristics of the will as the ground of inheritance) //Notarius. 2010. No.6. P.5 – 11. (In Russian).
3. Belov V. A. Grazhdanskoe pravo. Vol. III. Osobennaya chast'. Absolyutnye grazhdansko-pravovye formy: uchebnik. (*Civil law. V. III. The special part. Absolute civil law forms: a textbook.*). Moscow: Izdatel'stvo Yurait, 2012. 1189 p. (In Russian).
4. Gongalo Yu. B. Rasproryazheniya nasledstvennogo kharaktera vo Frantsuzskom prave / Aktual'nye voprosy nasledstvennogo prava / ed by P. V. Krasheninnikova. (*Orders of hereditary nature in French law / Actual issues of inheritance law*). Moscow: Statut, 2016. 112 p. (In Russian).
5. Grazhdanskii kodeks Latviiiskoi Respubliki (*Civil Code of the Republic of Latvia*). St.Petersburg: Izdatel'stvo « Yuridicheskii tsentr press», 2001. 801 p. (In Russian).
6. Dolinskaya V. V. O tendentsiyakh razvitiya i problemakh nasledstvennogo prava Rossii (On development trends and problems of inheritance law of Russia) // Zakony Rossii: opty, analiz, praktika. 2018. No.10. P. 3–13. (In Russian).
7. Kantorovich Ya. Osnovnye idei grazhdanskogo prava. (*Basic ideas of civil law*). Moscow, 2015. 309 p. (In Russian).
8. Kommentarii k Grazhdanskому kodeksu Rossiiskoi Federatsii (uchebno-prakticheskii) k ch.3 (*Commentary on the Civil Code of the Russian Federation (educational and practical) to Part 3*) / ed by S. A. Stepanov. Moscow: Prospekt; Ekaterinburg: Institut chastnogo prava, 2015. 152 p. (In Russian).
9. Matveev I. V. Nasledstvennyi dogovor: zarubezhnyi opty i perspektivy poyavleniya v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii (*Hereditary contract: foreign experience and prospects of emergence in the civil law of the Russian Federation*) URL: <http://отрасли-права.рф/article/9392> (Accessed: 21.05.2019). (In Russian).
10. Medvedev S. N. Vvedenie v grazhdanskoe pravo Ispanii. (*Introduction to Spanish Civil Law*). Stavropol': NCFU publ., 2017. 139 p. (In Russian).
11. Meier D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo. (*Russian civil law*) Part 2. Moscow, 1997. 455 p. (In Russian).
12. Mel'nikova M. P. Nasledovanie po zakonu v Rossii ot Svoda zakonov do Grazhdanskogo kodeksa RSFSR 1964 goda (istoriko-teoreticheskii aspekt) (*Inheritance by law in Russia from the Code of Laws to the Civil Code of the RSFSR of 1964 (historical and theoretical aspect)*): thesis. Stavropol', 2001. 222 p. (In Russian).
13. Mel'nikova M. P., Komarevtseva I. A. Rossiiskoe nasledstvennoe zakonodatel'stvo: analiz poslednikh izmenenii i perspektivy razvitiya (*Russian hereditary legislation: analysis of recent changes and development prospects*) // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2017. No.1. P.109–117. (In Russian).
14. Mit'kevich A. O forme zaveschchanii. Istoriko-yuridicheskii ocherk. (*On the form of wills. Historical and legal essay.*) Tiflis, b/d. (In Russian).
15. Obzor del, rassmotrennykh Konstitutsionnym Sudom Rossiiskoi Federatsii (*Review of cases considered by the Constitutional Court of the Russian Federation*) // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2014. No.1. P. 149–157. (In Russian).
16. Pilipson E. G. Instituty dogovornogo nasledovaniya: pravovye problemy implementatsii na territorii rossiiskoi federatsii // KonsultantPlyus. (In Russian).
17. Pokrovskii I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. (*The main problems of civil law*). Moscow: Statut, 1998. 353 p. (In Russian).
18. Sergeev A. P., Tolstoi Yu. K., Eliseev I. V. Kommentarii k grazhdanskому kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi). (*Commentary on the Civil Code of the Russian Federation (itemized)*). Moscow: Prospekt, 2006. 304 p. (In Russian).
19. Serebrovskii V. I. Izbrannye trudy po nasledstvennomu i strakhovomu pravu. (*Selected Works on Inheritance and Insurance Law*). Moscow: Statut, 1997. 567 p. (In Russian).
20. Tarasova I. N. Ponyatie i znachenie formy zaveschchaniya v rossiiskom grazhdanskom prave (*The concept and meaning of the form of testament in Russian civil law*) // Nasledstvennoe pravo. 2014. No.3. P.35 – 38. (In Russian).
21. Cheremnykh G. G.. Nasledstvennoe pravo Rossii: uchebnik. (*Inheritance law of Russia: a textbook*). Moscow: Eksmo, 2009. 510 p. (In Russian).

Информация об авторах

Комаревцева Ирина Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Irak77@yandex.ru

Мельникова Марина Петровна – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / mp.melnikova2012@yandex.ru

Information about the authors

Komarevtseva Irina – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Civil Law and Processes, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / Irak77@yandex.ru

Melnikova Marina – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Civil Law and Processes, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / mp.melnikova2012@yandex.ru

УДК 349.422

Э. С. Навасардова, А. Н. Захарин

СРАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС В ОБЛАСТИ ОРГАНИЧЕСКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В настоящее время, наряду с традиционным интенсивным аграрным производством, получает развитие органическое сельское хозяйство, целью которого является получение экологически чистых продуктов растениеводства и животноводства. В странах-членах Евразийского экономического союза процесс формирования законодательства об органическом сельском хозяйстве только начался. Исключение составляет Армения, где закон «Об органическом сельском хозяйстве» был принят в 2008 году. В Республике Казахстан Закон «О производстве органической продукции» существует с 2015 года. В Республике Беларусь и в Российской Федерации соответствующие законы приняты, но еще не вступили в действие. В Киргизской Республике существует законопроект «Об органическом сельскохозяйственном производстве». Сельское хозяйство признано приоритетным направлением в развитии сотрудничества стран-членов ЕАЭС. В перспективе – принятие Правил обращения органической продукции Союза. В этой связи рассмотрение и сравнительный анализ национального законодательства представляется актуальным. Поскольку в большинстве стран-членах ЕАЭС соответствующие

законы приняты совсем недавно и еще не подвергались комплексному анализу, можно говорить и о новизне предмета исследования.

В процессе исследования выявлены несовпадения в правовых подходах, связанные с неодинаковой трактовкой национальными законодателями понятия органической продукции, стадий обращения (производство, переработка, хранение, транспортировка, реализация). Основу правового режима составляют требования, предъявляемые к производству экопродукции. Их соблюдение позволяет в последующем времени претендовать на соответствующий бренд (маркировку).

При всей схожести набора функций публичного управления, авторы указывают на ряд различий, присущих как системам функций, так и правовой регламентации их содержания.

В этой связи в статье даются рекомендации, направленные на унификацию и гармонизацию правового регулирования производства экопродукции в странах ЕАЭС.

Ключевые слова: органическое сельское хозяйство, ЕАЭС, правовое регулирование.

E. Navasardova, A. Zakharin

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF THE EAEU MEMBER STATES IN THE FIELD OF ORGANIC AGRICULTURE

At present, organic agriculture is developing along with the traditional intensive agricultural production. Its purpose is to obtain environmentally friendly products of crop and livestock. In the member states of the Eurasian Economic Union, the process of forming legislation on organic agriculture has just begun. The exception is Armenia, where the law "On organic agriculture" was adopted in 2008. In the Republic of Kazakhstan, the Law "On organic production" has been in force since 2015. The Republic of Belarus and the Russian Federation have adopted relevant laws, but they have not yet entered into force. There is a draft law on organic agricultural production in the Kyrgyz Republic. Agriculture is recognized as a priority in the development of cooperation of the EAEU member states. There will be the adoption of Rules for the circulation of organic products of the Union in the future. In this regard, consideration and comparative analysis of national legislation is relevant. Since most of the EAEU member States have recently adopted relevant laws and have not yet been subjected to a

comprehensive analysis, we can also talk about the novelty of the subject of the study.

The study has revealed discrepancies in legal approaches associated with different interpretations by national legislators of the concept of organic products, the stages of circulation (production, processing, storage, transportation, and sale). The basis of the legal regime is the requirements for the production of eco-products. Their observance allows in the subsequent time to apply for the corresponding brand (marking).

Despite the similarity of the set of functions of public administration, the authors point to a number of differences inherent in both systems of functions and legal regulation of their content.

In this regard, the article provides recommendations aimed at unification and harmonization of legal regulation of production of eco-products in the EAEU countries.

Key words: organic agriculture, Eurasian Economic Union, legal regulation.

Органическое земледелие, а точнее органическое сельскохозяйственное производство имеет давнюю историю. Суть его заключается в основных принципах аграрного производства – не использование химических веществ, иных неприродного происхождения компонентов, особые

методы обработки почвы. Причем это касается не только растениеводства, но и животноводства. Возрождение экологического сельского хозяйства в настоящее время связано с рядом факторов. Считается, что органическое земледелие, в частности, сокращает затраты (имеются в виду ядохимикаты, химические удобрения) и дает стабильно высокие урожаи. Кроме того, предполагается, что продукты органического сельского хозяйства безопасны для человека. Этот вид аграрного производства не наносит вреда окружающей среде, а напротив, приводит к гармонии в системе «общество-природа». Известно, что интенсивное сельскохозяйственное производство ведет к загрязнению земель, подземных вод, возникновению эрозии почв, в произведенной продукции остаются вредные для здоровья человека химические соединения, в мясе и молоке, помимо всего прочего, обнаруживаются антибиотики, используемые для профилактики и лечения заболеваний сельскохозяйственных животных и т.д.

Страны-участницы Евразийского экономического союза планируют создать единый рынок органической продукции, для чего, собственно, и нужна гармонизация законодательства.

В начале 1990-х годов государствам постсоветского пространства было не до органического земледелия. Зато в эти годы оно начало развиваться в мире как отражение потребностей в экологически чистой продукции. В настоящее время органическое аграрное производство в мире ведется в 178 странах [1]. На уровне ЕС принят ряд нормативных документов, регламентирующих производство органической продукции. В их числе Директива ЕС по органическому производству и маркировке органических продуктов № 834/2007 и Директива ЕС № 889/2008, недавно принят новый регламент ЕС по органическому сельскому хозяйству 848/2018, который вступит в действие 1 января 2021 года.

Страны-члены ЕАЭС в настоящее время проводят работу по подготовке к принятию правил обращения органической продукции. Поэтому изучение уже имеющихся законодательных актов, регулирующих производство органической продукции актуально, а поскольку в некоторых странах-участницах соответствующие законы приняты совсем недавно и еще не подвергались комплексному анализу, можно говорить и о новизне предмета исследования.

Нормативная база на постсоветском пространстве, регулирующая органическое сельское хозяйство, начала формироваться в рамках СНГ. Она представлена Модельным законом об экологическом агропроизводстве от 18.04.2014 (далее – Модельный закон СНГ). Это на сегодняшний день, наиболее детализированный, с точки зрения правового закрепления требований, нормативный акт.

Что касается собственно стран-членов ЕАЭС, то пионером в законотворчестве выступила Республика Армения, где в 2008 году был принят Закон «Об органическом сельском хозяйстве».

В 2015 году в Республике Казахстан принят Закон «О производстве органической продукции». В 2018 год процесс разработки аналогичных законов завершили Республика Беларусь (Закон РБ от 9.11.2018 № 144-З «О производстве и обращении органической продукции») и Российская Федерация (ФЗ от 03.08.2018 N 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), дело за Киргизской Республикой, где пока существует только проект закона «Об органическом сельскохозяйственном производстве в Киргизской Республике». В Беларуси основные положения Закона вступают в силу через год после его официального опубликования, и в России – с 1 января 2020 года, т.е. практически одновременно.

Каково же содержание исследуемых законов? Что общего и различного, имеющего принципиальное значение есть в них?

Начнем с понятийного аппарата. Так, в Законе Белоруссии под органической понимается продукция как растительного, так и животного, а также микробиологического происхождения, которые предназначены для употребления в пищу человеком либо могут использоваться как корм для животных, а также как продовольственное сырье, необходимое для производства пищевых продуктов. К органической продукции отнесены семена, которые получены в результате производства этой продукции. Отдельно регламентируются требования, предъявляемые к пчеловодству.

Российская формулировка более лаконична. Она определяет органическую продукцию как экологически чистую сельскохозяйственную продукцию, сырье и продовольствие, производство которой соответствует требованиям законодательства.

Отличительная особенность Закона Республики Казахстан – прямое указание на распространение его действия в отношении продукции аквакультуры (рыбоводства) и продукции из дикорастущих растений.

Следует отметить, что в стадии обращения в ряде стран включаются не только собственно производство, но также хранение, переработка транспортировка и реализация, причем набор элементов может быть разным.

Важными элементами механизма производства экологически чистой продукции и доведения ее до потребителя является регламентация не только производства, но также хранения, транспортировки, маркировки и реализации. Российское законодательство все указанные элементы включает в понятие «производство», проект закона Киргизии – производству, хранению и переработки, Закон Республики Казахстан говорит о производстве и обороте органической продукции.

Основу правового режима составляют требования, предъявляемые к производству экопродукции. Их соблюдение позволяет в последующем времени претендовать на соответствующий бренд (маркировку).

Российское законодательство формулирует их следующим образом:

- Производство органической продукции должно быть обосновлено от традиционного сельскохозяйственного производства. В то же время разрешается одному товаропроизводителю пользоваться и экологически чистыми технологиями и традиционными. Суть этого требования сводится к недопущению возможности, например, перекрестного опыления, загрязнения ядохимикатами подземных вод, иным негативным воздействиям, другими словами, недопущение контакта органической и неорганической продукции на всех стадиях обращения.

- Запрещение применения химических средств борьбы с вредителями и болезнями растений, антибиотиков, стимуляторов роста и откорма животных, а также гормональных препаратов. При этом российский законодатель допускает использование применения препаратов, разрешенных отечественными, межгосударственными и международными стандартами, установленными в отношении производства органической продукции. Например, для защиты растений допускается применение гидроксида кальция, гидрокарбоната натрия, других соединений как базовых и имеющих растительное или животное происхождение.

- Запрещение применения продуктов, подвергшихся генной модификации, а также трансгенных организмов, иных продуктов, полученных посредством клонирования и методов генной инженерии.

- Запрещение выращивание сельскохозяйственных растений без использования почвы.

- Не применение ионизирующего излучения.

- Использование средств биологического происхождения для борьбы с вредителями и болезнями растений и животных. Закон также предписывает сельхозпроизводителям осуществлять меры, предупреждающие потери, которые наносятся вредными организмами растениям или продукции растительного происхождения, основанные на защите естественных врагов вредителей растений, иные меры, связанные с выбором способов обработки почв, видов и сортов выращиваемых растений, иных методов аграрного производства (севообороты, обработка продукции).

- Осуществление выбора пород и видов сельскохозяйственных животных, при учете их способностей к адаптации, устойчивости к болезням, создание иных условий, направленных на ветеринарное и санитарно-гигиеническое благополучие при содержании животных.

- Использование пищевых добавок, иных средств, которые допускаются российскими, межгосударственными и международными стандартами при производстве органической продукции.

- Применение биологических микроорганизмов, которые традиционно используется при переработке пищевой продукции, использование мер защиты продукции животного происхождения от микробиологической порчи, основанных на взаимодействии микроорганизмов в естественной природной среде;

- Запрещение смешивания продукции органического производства с продукцией, которая не относится к таковой, при организации хранении и транспортировке органической продукции;

- Запрещение использования упаковки, тары, которые способны привести к загрязнению органической продукции и окружающей среды, включая использование поливинилхлорида для упаковки, потребительской и транспортной тары.

Общий контекст требований, содержащихся в российском законе, поддержан и в законе Республики Беларусь, однако, там есть и особенности, например, касающиеся органического производства продукции пчеловодства. Отдельно прописаны требования относительно использования семян, они также должны быть получены в результате производства органической продукции. Особо следует отметить нормы белорусского закона, касающиеся запрета на использование земельных участков, водных объектов и (или) их частей, подвергшихся загрязнению отходами, химическими и радиоактивными веществами. Дело в том, что подавляющее большинство земель и водных объектов загрязнены в большей или меньшей степени. Земли загрязнены вследствие использования химических удобрений, пестицидов и гербицидов, но, в принципе, реабилитация таких почв возможна. Гораздо сложнее обстоят дела с водными объектами. Поверхностные водные объекты загрязняются одновременно многими водопользователями, сбрасывающими в них сточные воды, иные отходы производства и потребления. Подземные воды загрязняются и посредством использования тех же химических веществ, применяемых в сельском хозяйстве, и в результате деятельности животноводческого комплекса, и как следствие работы иных промышленных объектов. Их очистка крайне затруднена, если вообще возможна.

Закон Республики Казахстан также говорит о необходимости сохранения и воспроизведения плодородия почв, правда, не вполне понятна норма, призывающая к минимизации использования невозобновляемых природных ресурсов. Здесь, видимо, речь идет о водных ресурсах.

При этом ни один из исследуемых законов не упоминает качество иных природных объектов, загрязнение которых может отрицательно сказать и на состоянии почв, и на состоянии водных объектов, например, загрязнения атмосферного воздуха.

Отдельный блок норм посвящен публичному управлению в области производства и обращения органической продукции.

Законы некоторых стран-членов ЕАЭС закрепляют нормы, касающиеся системы органов публичного управления в указанной сфере и, что важно, обозначают уполномоченный орган.

Функции, выполняемые органами публичной власти в сфере органического сельского хозяйства, можно подразделить на функцию стандартизации, информационную, контрольную (надзорную) функции. Методы управления можно в

виде запретов и ограничений, а также мер по стимулированию этого вида аграрного производства.

Функция стандартизации заключается в том, что помимо признания странами-членами ЕАЭС международных стандартов, в них разрабатываются собственные требования по производству органической продукции. В РФ, например, действует несколько таких стандартов. Кроме того, вводится добровольная сертификация, приводимая, в частности в РФ согласно требованиям ФЗ от 27.12.2002 N184-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О техническом регулировании». Сертификация подтверждает соответствие производства органической продукции национальным, межгосударственным и международным стандартам в исследуемой сфере. При этом по российскому закону добровольная сертификация продукции не заменяет обязательное подтверждение соответствия органических продуктов в случаях, предусмотренных актами, составляющими право Евразийского экономического союза, и законодательством Российской Федерации. То есть, отечественное законодательство предполагает, по сути, необходимость обязательного прохождения процедуры подтверждения соответствия.

Почти аналогичные требования о сертификации изложены и в Законе Республики Беларусь. Там, согласно понятийному аппарату, заведомо производителем органической продукции признается лицо, имеющее сертификат соответствия, который выдается Национальной системой подтверждения соответствия Республики Беларусь. Данный документ является основанием для его включения в реестр производителей органической продукции. Иными словами, наличие сертификата является основанием для включения товаропроизводителя в Реестр. Те же нормы прописаны и в Законе Республики Казахстан, с тем лишь исключением, что в отличие от России и Беларуси цитируемый Закон обязывает органы сертификации направлять информацию о ее результатах в местные исполнительные органы областей, городов республиканского значения и столицы.

Полагаем, что сертификация соответствия производства органической продукции должна быть обязательной и наличие сертификата соответствия должно явиться основанием для включения сведений о ней и ее производителе в реестр. Правда, возникает вопрос, что должно сертифицироваться?

По закону Республики Беларусь сертификат выдается в отношении органической продукции и процессов ее производства. В отечественном законодательстве речь идет о сертификации процесса производства. В законе Республики Казахстан речь также идет о сертификации процесса производства. Полагаем, что сертифицировать следует как процесс производства, так и произведенную продукцию, поскольку, как уже отмечалось, на качество продукции влияют не только технологические процессы, которые могут полностью соответствовать предъявляемым требованиям, но и качество почвы, загрязненность

водных объектов (подземных и поверхностных), качество атмосферных осадков. При этом, как представляется, должны также сертифицироваться почвы, на которых это производство ведется.

Информационная функция реализуется посредством включения товаропроизводителей и их продукцию в реестры.

Наиболее подробно процесс ведения реестра (отечественным законом он признан государственным). Целью ведения этого документа, как указано в российском законе, является безвозмездное информирование потребителей о производителях органической продукции и видах производимой ими продукции и является федеральным информационным ресурсом. Из текста статьи, регулирующей порядок ведения этого документа, невозможно определить его правовое значение. Ответ на этот вопрос обнаруживается в понятийном аппарате, где сказано, что производителями органической продукции признаются лица, которые (далее перечисляются все стадии осуществления производства и дальнейшего оборота этой продукции), включены в единый государственный реестр производителей органической продукции. Судя по всему, с момента внесения сведений в единый государственный реестр начинается и отсчет времени, называемый переходным периодом, хотя прямо об этом в Законе не говорится.

Характеристика переходного периода от традиционного ведения аграрного производства к органическому заслуживает особого внимания, поскольку именно в регулировании этого вопроса имеются серьезные разнотечения в законодательных актах стран-членов ЕАЭС. Так, согласно анализу, проведенному отечественным Союзом органического земледелия, в России протяженность этого периода в растениеводстве для пахотных угодий, пастбищ или многолетних кормовых культур составляет не менее двух лет до начала использования в качестве органических кормов, для многолетних культур (кроме кормовых культур) – не менее трех лет до получения первого урожая. В Республике Казахстан продолжительность перехода земельных участков от производства продукции, не относящейся к органической продукции, к производству органической продукции составляет: для посевных площадей – не менее одного года, предшествующего посеву; для пастбищ – не менее шести месяцев с начала переходного периода; для многолетних культур (кроме кормовых растений) – не менее одного года до сбора первого урожая органических продуктов [2].

Таким образом, производители органической продукции Республики Казахстан находятся в более выгодном положении чем российские.

С так называемым переходным периодом связана еще одна проблема. Дело в том, что еще до принятия российского Закона, уже велось производство органической продукции, ориентированное на европейское законодательство. Однако в Законе не делается исключение для таких производителей и наравне с теми, кто приступит к ведению этого вида аграрного производства сей-

час или после вступления в силу отечественного Закона, придется проходить переходный период. Полагаем, что в Законе либо в подзаконных актах должно предусматриваться исключение в части переходного периода для лиц, уже занимающихся определенное время производством экологически чистой продукции. Кроме того, в Законе (законах стран-членов ЕАЭС) должна быть предусмотрена и возможность приостановки действия сертификата в случаях, связанных с, условно говоря, «чрезвычайными ситуациями» – эпидемиями, эпизоотиями и др. негативными факторами, влияющими на процесс экопроизводства и требующими применение средств или технологий, не рекомендованных к использованию при производстве органической продукции.

Какие еще юридические последствия имеет получение сертификата? Согласно ст. 7 ФЗ от 03.08.2018 N80-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» после прохождения процедуры соответствия производства органической продукции ее производители имеют право разместить маркировку такой продукции, которая и является ее отличительным признаком. При этом Закон не предусматривает единого обозначения продукции, оно может варьироваться по желанию производителей, единой должна быть графическая маркировка, которая может считываться, т.е. она должна содержать сведения о производителях экопродукции и видах производимой ими продукции, которые содержатся в едином государственном реестре производителей органической продукции. Закон Республики Беларусь устанавливает единое обозначение на экопродукции – «Органический продукт». Форму графического изображения в нашей стране определяет Минсельхоз РФ. Если маркировка нанесена, а продукция не подтверждена сертификатом, либо его действие аннулировано или прекращено, производитель несет ответственность в соответствии с законодательством РФ. В Законе не сказано, о какой ответственности идет речь. Видимо, имеется в виду ответственность за недобросовестную рекламу.

Следует обратить внимание на норму российского Закона, запрещающую экомаркировку на продукцию, произведенную в переходный период.

В отличие от отечественного Закона, закон Республики Казахстан напротив, разрешает реализовывать и маркировать продукцию как «переходную органическую продукцию». Проект Закона Киргизской Республики допускает маркировку продукции, произведенной в переходный период, как органической продукции при наличии соответствующего сертификата. Полагаем, что подобный подход дает преимущества производителям органической продукции и в этой части законодательство стран-членов ЕАЭС требует унификации.

В системе функций публичного управления выделяется контрольная деятельность. Согласно Закону Республики Казахстан, государственный контроль в области производства органической продукции проводится в форме проверок и

профилактического контроля, процедура и последствия которых подробно регламентированы Предпринимательским кодексом Республики Казахстан от 29 октября 2015 года №375-В (с последующими изменениями). В тексте Закона Республики Беларусь вопросы государственного надзора и контроля не упоминаются. Не упоминается указанная функция и в российском Законе. Это не означает, что производство органической продукции будет выведено из системы контроля и надзора. В нашей стране контрольно-надзорные функции должна исполнять Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору в соответствии с требованиями ФЗ от 26.12.2008 N294-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Как уже отмечалось, одним из методов публичного управления в исследуемой сфере отношений, является метод стимулирования, обозначенный в анализируемых законах как государственная поддержка производителей органической продукции.

В белорусском Законе предусматривается возможность использования средств республиканского и местных бюджетов в рамках выполнения государственных программ в области производства и обращения органической продукции и других источников, не запрещенных законодательством, т.е. по крайней мере, говорится о государственных программах как источниках финансирования производства экопродукции.

Российский и казахский законы лишь указывают на возможность государственной поддержки, не называя ее формы. Правда, российский Закон отсылает нас к ФЗ от 29.12.2006 N264-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «О развитии сельского хозяйства». Полагаем, что заинтересованность государства, если она есть, должна быть более конкретна. Было бы целесообразным закрепить в документах, регулирующих органическое сельское хозяйство, указание на принятие специальных государственных программ, где адресно и конкретизировано будут закреплены финансируемые мероприятия, связанные с развитием этого аграрного сектора. Кроме того, возможно законодательное закрепление возможности наделения субъектов аграрного производства, выразивших желание производить экопродукцию, бесплатно передавать им залежные земли. Это земли, неиспользуемые и в силу чего могут быть изъяты у их владельцев. Естественно, эти земли не должны быть загрязнены отходами либо химическими и радиоактивными веществами. И естественно, производители органической продукции должны пользоваться и иными формами государственной поддержки (финансовый лизинг, страхование и др.).

Проведенный сравнительный анализ законодательства показал, что государства-участники ЕАЭС вслед за большинством развитых стран, включились в процесс формирования законодательства в области развития органического сельского хозяйства. Вместе с тем, как было

показано, некоторые положения национального законодательства нуждаются в унификации и гармонизации. Однако прежде всего необходимо принять единый нормативный правовой акт

ЕАЭС, который будет являться ориентиром для совершенствования национального аграрного законодательства.

Литература

1. Ежегодный консолидированный отчет IFOAM-2017. URL: <https://ifoam.bio>. (Дата обращения: 22.05.2019).
2. В Евразийском экономическом союзе вырабатывают правила обращения органической продукции URL: <https://soz.bio/v-evrazijskom-ekonomicheskem-soyuze-vyrabatyvayut-pravila-obrashcheniya-organicheskoy-produkciy/> (Дата обращения 22.05.2019).

References

1. Ezhegodnyj konsolidirovannyj otchet IFOAM-2017 (*Annual consolidated report of the IFOAM-2017*) URL: <https://ifoam.bio>. (Accessed: 22.05.2019). (In Russian).
2. V Evrazijskom ekonomicheskem soyuze vyrabatyvayut pravila obrashcheniya organicheskoy produkciy (*The Eurasian Economic Union develops rules for the circulation of organic products*) URL: <https://soz.bio/v-evrazijskom-ekonomicheskem-soyuze-vyrabatyvayut-pravila-obrashcheniya-organicheskoy-produkciy/>. (In Russian).

Информация об авторах

Навасардова Элеонора Сергеевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / navasardova@yandex.ru

Захарин Андрей – кандидат философских наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь).

Information about the authors

Navasardova Eleonora – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of Environmental, Land and Labour Law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / navasardova@yandex.ru

Zakharin Andrey – PhD in Philosophy, Associate Professor, Chair of Environmental, Land and Labour Law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / colobichin@yandex.ru

УДК 336.2:338.26

О. А. Проводина

ОСОБЕННОСТИ ЛЬГОТНОГО РЕЖИМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЯХ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В статье автором рассматриваются основные преференции, действующие на территориях опережающего социально-экономического развития. Основное внимание уделяется механизмам налогового регулирования территорий опережающего развития, в частности особенностям налогообложения их резидентов. Приводится сравнительный анализ установленных и пониженных тарифов страховых взносов во внебюджетные фонды Российской Федерации.

Идея выделения особых зон на территории отдельных государств в целях локального экономического развития широко распространена как за рубежом, так и в России. Установление отдельных видов льгот и преференций представляется эффективным инструментом привлечения инвестиций и дальнейшего развития экономического потенциала страны, однако при некачественном административном регулировании, по мнению автора, они могут повторить судьбу не оправдавших надежды особых экономических зон.

В настоящее время в России функционирует более 90 территорий опережающего-социально-экономического развития. При этом их количество постоянно увеличивается, что говорит о повышенной заинтересованности регионов в формировании благоприятных условий для привлечения инвестиций и создания комфортных условия для обеспечения жизнедеятельности населения региона.

Автором акцентируется внимание на Методике оценки эффективности налоговых льгот, что напрямую влияет на развитие территорий опережающего социально-экономического развития. По мнению автора, принятие данной методики позволит улучшить инвестиционный климат на территориях опережающего-социально-экономического развития.

Ключевые слова: территории опережающего социально-экономического развития, особые экономические зоны, налоговые льготы, преференции.

O. Provodina

FEATURES OF PREFERENTIAL TAX TREATMENT ON TERRITORIES OF ADVANCED SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

The article studies the main preferences operating in the territories of advanced socio-economic development. Special attention is paid to the mechanisms of tax regulation of the territories of advanced development, in particular the peculiarities of taxation of their residents. A comparative analysis of the established and reduced rates of insurance contributions to extra-budgetary funds of the Russian Federation is given.

The idea of allocating special zones on the territory of individual states for the purpose of local economic development is widespread both abroad and in Russia. The establishment of certain types of benefits and preferences seems to be an effective tool for attracting investment and further development of the country's economic potential, but with poor administrative regulation, according to the author, they can repeat the fate of the failed special economic zones.

Currently, there are more than 90 territories of advanced socio-economic development in Russia. At the same time, their number is constantly increasing, which indicates the increased interest of the regions in creating favorable conditions for attracting investment and creating comfortable conditions to ensure the life of the population of the region.

The author focuses on the Method of assessing the effectiveness of tax benefits, which directly affects the development of territories of advanced socio-economic development. According to the author, the adoption of this method will improve the investment climate on the territories of advanced socio-economic development.

Key words: territories of advanced social and economic development, special economic zones, tax benefits, preferences.

В настоящее время вопрос экономической стабильности является одним из приоритетных во всех странах мира. Эпоха глобализации поглотила мировое сообщество, а его процессы не только актуализировали вопросы экономического развития и повышения конкурентоспособности, но и сделали эти понятия главенствующими со-

ставляющими, влияющими на рост уровня и качества жизни населения.

По этой причине, каждое из лидирующих государств мира старается выстроить свою внутреннюю стратегию, с одной стороны эффективную и ориентированную на глобализацию, и с другой – pragmatичную с точки зрения использования новых возможностей и преимуществ.

Для «оживления» экономики государства прибегают к использованию различных механизмов, в том числе и к институту особых экономических зон, который зарекомендовал себя как эффективный рычаг в использовании государством потенциала его отдельных территорий.

Подобный метод регионального экономического развития использовался в 90-х годах в России, когда в новом российском Законе 1991 г. «Об иностранных инвестициях в РСФСР» были обозначены свободные экономические зоны [1]. Их появление связывают с разработкой единой государственной концепции свободных зон. Основной идеей при разработке данной концепции являлось создание так называемых особых зон для укрепления государственной внешнеэкономической политики и стимулирования межгосударственных отношений между существовавшим в то время СССР и зарубежными партнерами. По своей форме они должны были выступать зонами совместного предпринимательства. Однако, не до конца проработанная союзная программа по развитию особых экономических зон, а также малоинициативное отношение потенциальных инвесторов, как иностранных, так и национальных, не дало продуктивных результатов.

Однако практика создания особых экономических зон в России на тот момент носила бессистемный и бесконтрольный характер, что привело к несоответствию инвестиционной, производственной и внешнеэкономической деятельности хозяйствующих субъектов законодательству РФ.

В конце 2014 года был принят Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (далее – ФЗ о территориях опережающего социально-экономического развития), который вступил в силу с 30 марта 2015 года и действует в настоящее время в редакции от 30 августа 2008 года. Данный закон добавил еще один вид зон льготного налогообложения – территории опережающего социально-экономического развития.

Отдельные источники, утверждают, что территории опережающего социально-экономического развития были созданы как альтернатива особым экономическим зонам, которые оказались не так эффективны по своей природе, как было намечено. Тем не менее, существенные отличия между территориями опережающего социально-экономического развития и особыми экономическими зонами явно определены: во-первых, разные льготы, во-вторых, разная среда для ведения бизнеса.

В соответствии с ФЗ о территориях опережающего социально-экономического развития резидентами территории опережающего социально-экономического развития могут являться индивидуальные предприниматели или юридические лица, созданные в форме коммерческих организаций, при этом государственная регистрация ИП и коммерческой организации должна быть осуществлена на самой территории опере-

жающего социально-экономического развития, за исключением государственных и муниципальных унитарных предприятий.

Важно отметить, что территория опережающего социально-экономического развития – это отдельное муниципальное образование, которое необходимо развивать. Именно для достижение этой цели для резидентов территорий опережающего социально-экономического развития создаются благоприятные условия для ведения бизнеса, и, как следствие для развития региона в целом.

Статус территории опережающего социально-экономического развития присваивается городу (его части) по решению Правительства РФ на основании обоснованной заявки субъекта Федерации. Налоговые и иные преференции предоставляются компаниям, включенным в реестр Минэкономразвития по заявке Администрации региона. Чтобы стать участником регионального инвестиционного проекта, резидентом территории опережающего социально-экономического развития, компания должна соответствовать требованиям, определенным в ст. 34 ФЗ о территориях опережающего социально-экономического развития:

1. Необходимо заключить соглашение об осуществлении деятельности на территории опережающего социально-экономического развития с органами государственной власти субъекта и (или) органами местного самоуправления муниципального образования;

2. Регистрация юридического лица должна быть осуществлена на территории соответствующего муниципального образования;

3. Исключаются государственные, кредитные, финансовые, страховые компании;

4. Инвестиционный проект должен быть реализован на территории соответствующего муниципального образования и отвечать установленным требованиям;

5. Юридическое лицо не должно являться градообразующей организацией монопрофильного муниципального образования РФ (моногорода) или ее дочерней организацией.

Отдельно необходимо отметить, что реализуемый инвестиционный проект должен одновременно отвечать требованиям, утвержденными постановлением Правительства РФ от 22 июня 2015 г. N 614 [2]:

1. Количество создаваемых рабочих мест не может быть менее 10 единиц в течение первого года после включения юридического лица в реестр резидентов территорий опережающего развития;

2. Для юридических лиц, имеющих действующие производственные мощности на территории моногорода до получения статуса резидента территории опережающего развития, количество создаваемых новых рабочих мест должно быть одновременно не менее среднесписочной численности работников юридического лица за последние 3 года (либо за период его существования, если оно существует менее 3 лет);

3. Объем капитальных вложений не может быть менее 2,5 млн рублей в течение первого года после включения юридического лица в реестр;

4. Не более 50 % выручки, полученной от реализации договоров (продажи продукции) с градообразующим предприятием;

5. Привлечение иностранной рабочей силы в количестве, не превышающем 25 % от общей численности работников;

6. Запрещено производить подакцизные товары (за исключением автомобилей), заниматься добычей нефти и газа, оптовой и розничной торговлей, лесозаготовками, деятельностью по основному профилю моногорода.

На территориях опережающего социально-экономического развития предоставляются следующие виды льгот:

1. Льготы по налогам и сборам (налоговые льготы) – заключаются в стимулировании конкретных видов деятельности или поведения предпринимателей. Налоговые льготы могут затрагивать налогооблагаемую базу, отдельные ее компоненты, а также уровень налоговых ставок.

2. Внешнеторговые льготы – предусматривают введение особого таможенно-тарифного режима, а также упрощенного порядка осуществления внешнеторговых операций.

3. Финансовые льготы – заключаются в установлении относительно низких цен на коммунальные услуги, льготных кредитов, а также снижении арендной платы за пользование земельными участками и пр.

4. Льготы административного характера, сущность которых заключается в предоставлении упрощенной процедуры регистрации предприятий со стороны администрации особой зоны, по-слаблений режима въезда-выезда иностранных граждан, а также оказания различного рода услуг.

Отдельное внимание стоит уделить особенностям правового режима осуществления экономической деятельности на территориях опережающего социально-экономического развития, к которым, по нашему мнению, относятся: 1) установление резидентам льготных ставок арендной платы за пользование объектами недвижимого имущества, принадлежащими управляющей компании на праве собственности или аренды, расположенных в пределах территории опережающего социально-экономического развития; 2) особый порядок налогообложения.

Так, одной из приоритетных преференций для резидентов территорий опережающего социально-экономического развития является льготное налогообложение и освобождение от уплаты ряда налогов.

Если по общим условиям в РФ налог на прибыль составляет 20 %, из расчета, что в федеральный бюджет РФ поступает 2 %, а в региональный 18 % соответственно, то для резидентов территорий опережающего социально-экономического развития предусмотрено преференциальное значение всего в 5 % в течении 5 лет с распределением установленных процентов исключительно в региональный бюджет.

Резиденты территорий опережающего социально-экономического развития полностью освобождены от уплаты земельного налога и налога на имущество, тогда как по общим правилам в РФ эти выплаты составляют 2,2 % и 1,5 % соответственно.

Аналогичные преференциальные условия предусмотрены и в отношении страховых взносов, правда эти условия действуют в течении первых 10 лет с момента создания территории опережающего социально-экономического развития.

Так, страховые взносы в ПФР составляют 6 %, вместо установленных 22 %, в ФСС отчисляется 1,5 % вместо 2,9 %, в ФОМС поступает лишь 0,1 % вместо 5,1 % соответственно.

Безусловно, отдельного внимания заслуживают меры поддержки со стороны органов государственной власти.

1. Ускоренная процедура возмещения НДС, что в целом составляет 10 дней вместо установленного обычного порядка в 3 месяца.

2. Упрощенная процедура регистрации и подключения к инфраструктуре, что обеспечивается возможностью льготного подключения к сетям объектов инфраструктуры территории опережающего социально-экономического развития.

3. Льготное землепользование, включающее в себя не только льготные арендные ставки, но и соответствующие льготы при последующем выкупе участка.

4. Беспошлинный и безналоговый режим свободной таможенной зоны, обеспечивающий ввоз, хранение, потребление иностранных товаров, вывоз товаров и оборудования, ввоз иностранных товаров и оборудования.

5. Возможность создания на территории опережающего социально-экономического развития всей необходимой для реализации инвестиционных проектов и комфортной среды для бизнеса.

6. Снижение проверочной нагрузки на бизнес, а именно сокращение контрольных проверок.

7. На территории опережающего социально-экономического развития не действуют требования к размеру оплаты труда иностранных высококвалифицированных специалистов, что предоставляет возможность в ускоренном порядке привлекать к трудовой деятельности квалифицированный иностранный персонал без учета квот и иных ограничений.

В письме ФНС России от 07.06.2017 № СД-4-3/10772@ [3] предусматриваются определенные особенности применения льготной налоговой ставки к налоговой базе налогоплательщиков, получивших статус резидента территории опережающего социально-экономического развития:

1) для действующих организаций, которые до даты получения статуса резидента и заключения Соглашения в декларации по налогу на прибыль организаций отражали выручку и исчисляли налоговую базу необходимо соблюдение правила – для целей применения льготной ставки по налогу на прибыль организаций, доля доходов полученных при исполнении соглашений об осуществлении деятельности на территории СПВ

определяется резидентом за весь налоговый период с начала такого периода даже если статус резидента получен им в середине или конце года;

2) если организация осуществляет иную деятельность помимо той, что указана в соглашении, общая сумма доходов при расчете доли доходов от деятельности по соглашению рассчитывается определенным образом – в общую сумму дохода от которого рассчитывается доля доходов по соглашению включаются доходы от всех видов деятельности и внерализованные доходы.

Законодатель, проработав специальные механизмы льготного налогообложения, в случае, если доходы от деятельности по Соглашению в общей сумме доходов более 90%, предоставляет резидентам право выбора одного из следующих вариантов:

1) применять льготную ставку в ФБ ко всей налоговой базе при выполнении условий ст. 284.4 НК РФ;

2) применять льготную ставку в КБ только к той налоговой базе которая сформирована от прибыли полученной в результате осуществления деятельности согласно Соглашению, при этом к налоговой базе от осуществления иной деятельности применяется общев установленная налоговая ставка налога на прибыль, подлежащего зачислению в бюджеты субъектов РФ, в соответствии с п. 1 ст. 284 НК РФ – 17 %.

Если же доходы от деятельности по Соглашению в общей сумме доходов не более 90 %, то ко всей налоговой базе применяются общев установленные налоговые ставки налога на прибыль, предусмотренные п. 1 ст. 284 НК РФ – 20 %. При этом учитываются доходы/расходы, полученные/понесенные при осуществлении иной деятельности.

Наиболее важной особенностью территорий опережающего социально-экономического развития является создание на их территории индустриальных парков, которые и выступают главными инвестиционными площадками. При этом, идеология создания территорий опережающего социально-экономического развития заключается в невмешательстве государства в экономику, при которой в компетенции государства находится лишь формирование условий для ведения бизнеса.

Анализируя цели создания и практику действующих территорий опережающего социально-экономического развития очевидно, что их действие предполагает, как минимум, достижение запланированных экономических и социальных показателей, как максимум, работу на опережение. Эта безусловность вытекает из предположения о том, что социально-экономическое развитие само по себе предполагает улучшение жизни населения и развитие экономики на соответствующем уровне. В таком случае, работа на опережение подразумевает не просто установление определенных показателей, но и сроков, в течение которых они должны быть достигнуты. До функционирования территорий опережающего социально-экономического развития, аналогичные задачи ставились и перед особыми экономическими зонами, ко-

торые продемонстрировали свою неэффективность. И в данном случае, со стороны государства необходима правильная постановка задач для реализации задуманного. В частности, необходима разработка новых институтов для улучшения инвестиционного климата, увеличение бюджетного финансирования и создание эффективной инженерной и социальной инфраструктуры. В противном случае, территории опережающего социально-экономического развития могут оказаться такими же неэффективными, как и особые экономические зоны [1].

В целях предупреждения неэффективности территорий опережающего социально-экономического развития, одним из механизмов стал подготовленный в марте 2018 года Минфином России Проект Постановления Правительства РФ «Об утверждении Методики оценки эффективности налоговых льгот (налоговых расходов) субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» (далее – Методика). Данная Методика определяет общие требования к порядку и критериям оценки эффективности налоговых расходов субъектов РФ (муниципальных образований), а также особенности учета оценки эффективности налоговых расходов субъектов РФ в целях распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ [3].

Указанная Методика определяет следующие 4 обязательных критерия целесообразности осуществления налоговых льгот (налоговых расходов):

1) соответствие налоговых расходов (в том числе нераспределенных) целям и задачам государственных (муниципальных) программ (их структурных элементов) или иным целям социально-экономической политики публично-правового образования (в отношении непрограммных налоговых расходов);

2) соразмерные (низкие) издержки администрирования в размере не более 10% от общего объема налоговых льгот (налоговых расходов);

3) востребованность льготы (расхода), освобождения или иной преференции;

4) отсутствие значимых отрицательных внешних эффектов.

Интересным представляется, что невыполнение хотя бы одного из установленных критериев является свидетельством недостаточной эффективности рассматриваемых налоговых льгот (налоговых расходов) и в данном случае соответствующая налоговая льгота (налоговый расход) подлежит либо отмене, либо корректировке, т.е. совершенствованию механизма ее действия. Таким образом, предоставляя определенные налоговые преференции, которые являются звеном заинтересованности инвесторов, Правительство РФ тем самым оставляет за собой право отмены соответствующей налоговой льготы, что идет в разрез с гарантиями резидентам территорий опережающего социально-экономического развития.

Более того, государство не учитывает различие целей территорий опережающего социально-экономического развития и инвесторов. Если цель территорий опережающего социально-эко-

номического развития – стабилизировать экономику отдельного региона и как следствие государства в целом, то вектор инвестора направлен на исключительное извлечение как можно большей прибыли. И нет никаких гарантий, что инвестор, выжав все возможное из региона, не прекратит свою деятельность в поисках новых, более перспективных вариантов для своего бизнеса.

Однако, стоит привести и иную точку зрения, относительно принятия Методики. Установление льгот необходимо сравнивать с возможностью ее замены другими формами стимулирования и поддержки (субсидии, гарантии и др.). А разработанная, но до сегодняшнего дня непринятая Методика эффективности налоговых льгот, объединила в себе положительный опыт регионов, которые предполагают оценку налоговых льгот по трем направлениям: бюджетной, экономической и социальной эффективности.

Учитывая положительную практику отдельных регионов, установление единых оценочных категорий должно положительно отразиться на состоянии инвестиционного климата территорий опережающего социально-экономического развития [1].

Таким образом, сама по себе идея создания территорий со специальными условиями для развития определенных отраслей народного хозяйства и крупных промышленных кластеров является на наш взгляд более чем перспективной. Какие-либо нововведения невозможно одновременно внедрить по всей стране. Территории опережающего социально-экономического развития являются своего рода полигонами, где проходит апробация новых технологий и создаются условия для развития инновационных и социальных кластеров.

Литература

1. Каратаева Г. Е. Сравнительный анализ налоговых преференций территорий опережающего развития в России // Инновационное развитие экономики. 2018. № 2 (44). С.112–120.
2. Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов): постановление Правительства РФ от 22 июня 2015 г. N614 (с изменениями и дополнениями) // СПС «КонсультантПлюс».
3. По вопросу налогообложения прибыли резидента свободного порта Владивосток: письмо ФНС России от 07.06.2017 НСД-4-3/10772@ (вместе с Письмом Минфина России от 24.05.2017 N03-03-10/31855) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Методики оценки эффективности налоговых льгот (налоговых расходов) субъектов Российской Федерации и муниципальных образований: проект Постановления Правительства РФ (по состоянию на 16.03.2018) (подготовлен Минфином России) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Karataeva G. E. Sravnitel'nyj analiz nalogovyh preferencij territorij operezhayushchego razvitiya v Rossii (Comparative analysis of tax preferences of territories of advanced development in Russia) // Innovacionnoe razvitiye ekonomiki. 2018. No.2 (44). P.112–120. (In Russian).
2. Ob osobennostyah sozdaniya territorij operezhayushchego social'no-ekonomicheskogo razvitiya na territoriyah monoprofil'nyh municipal'nyh obrazovanij Rossijskoj Federacii (monogorodov): postanovlenie Pravite'l'stva RF ot 22 iyunya 2015 g. N614 (s izmeneniyami i dopolneniyami) (On features of creation of territories of advanced social and economic development in territories of single-industry municipalities of the Russian Federation (single-industry towns): resolution of the Government of the Russian Federation of June 22, 2015 N614 (with changes and additions) // SPS «Konsul'tantPlyus». (In Russian).
3. Po voprosu nalogooblozheniya pribyli rezidenta svobodnogo porta Vladivostok: pis'mo FNS Rossii ot 07.06.2017 NSD-4-3/10772@ (vmeste s Pis'mom Minfina Rossii ot 24.05.2017 N03-03-10/31855) (On taxation of profits of a resident of the free port of Vladivostok: letter from the Federal tax service of the Russian Federation of 07.06.2017 N SD-4-3/10772@ (together with the Letter of the Ministry of Finance from 24.05.2017 N 03-03-10/31855) // SPS «Konsul'tantPlyus». (In Russian).
4. Ob utverzhdenii Metodiki ocenki effektivnosti nalogovyh l'got (nalogovyh raskhodov) sub'ektorov Rossijskoj Federacii i municipal'nyh obrazovanij: proekt Postanovleniya Pravite'l'stva RF (po sostoyaniyu na 16.03.2018) (podgotovlen Minfinom Rossii) (On approval of the Methodology for assessing the effectiveness of tax incentives (tax expenditures) of constituent entities of the Russian Federation and municipal formations: draft Resolution of the Russian Government (as 16.03.2018) (prepared by the Ministry of Finance) // SPS «Konsul'tantPlyus». (In Russian).

Информация об авторе

Проводина Олеся Александровна – аспирант кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / 19_lelya_91@mail.ru

Information about the author

Provodina Olesya – postgraduate, Chair of Administrative and Financial Law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / 19_lelya_91@mail.ru

УДК 347.73

Д. А. Смирнов, Л. Э. Боташева, А. Н. Леонов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье рассматриваются вопросы правового сопровождения активных процессов цифровизации, в том числе в сфере экономики. Государственная политика на активную цифровизацию экономических отношений нашла выражение в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», включающей в себя шесть федеральных проектов: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии» и «Цифровое государственное управление». Положения данной национальной программы стали предметом исследования в статье. Сегодняшний этап развития отличается процессами технологизации, цифровизации общественных отношений. Возникновение новых явлений цифровой экономики: большие данные, машинальное право, нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра (блокчейн); квантовые технологии; новые производственные технологии; промышленный интернет; компоненты робототехники и сенсорика; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальностей, LegalTech, FinTech требуют новых подходов к универсальному регулятору – праву.

Инновации в финансовой и банковской сферах, развивающиеся вне правового регулирования, сопровождаются серьезными рисками в экономической сфере. В прошлом году общественное движение «Криптоволя» выпустила КриптоМанифест, где выдвигается требование к государству легализовать криптовалюту и не препятствовать ее обращению. К сожалению, сегодняшний оборот цифровых финансовых активов практически не подчиняется законам, обещанный к принятию в декабре закон о криптовалютах пока «благополучно» отклонен. Российская Федерация и другие страны пока не торопятся опосредовать законом новые общественные отношения, но следует отметить определенную активность отечественного законодателя за последние несколько лет, результатом которой стало принятие ряда важных нормативных положений по цифровым правам. Авторы статьи уделили внимание проблемам придания правового статуса таких цифровых финансовых активов, как: блокчейн, биткоин, криптовалюта.

Ключевые слова: право, закон, экономика, цифровая экономика, информационные технологии, финансовое право, финансовые инструменты, валюта, криптовалюта, биткоин, блокчейн.

D. Smirnov, L. Botasheva, A. Leonov

TRANSFORMATION OF FINANCIAL AND LEGAL RELATIONS IN THE CONDITIONS OF DIGITAL ECONOMY

The article deals with the issues of legal support of active digitalization processes, including the economic sphere. The state policy on active digitalization of economic relations found expression in the national program "Digital Economy of the Russian Federation", which includes six federal projects: "Law regulation of digital environment", "Information infrastructure", "Personnel for the digital economy", "Information security", "Digital Technologies" and "Digital Public Administration". The provisions of this national program were the subject of research in the article. The current stage of development is characterized by processes of technologization and digitalization of social relations. The emergence of new phenomena of digital economy: big data, machine law, neurotechnology and artificial intelligence; distributed registry systems (blockchain); quantum technologies; new production technologies; industrial internet; components of robotics and sensorics; wireless technology; technologies of virtual and augmented reality, LegalTech, FinTech require new approaches to the universal

regulator – the law. Innovations in the financial and banking sectors, developing outside the legal regulation, are accompanied by serious risks in the economic sphere. Last year, the public movement "Cryptovolya" released Cryptomanifest, where a requirement is claimed for the state to legalize cryptocurrency and not to hinder its circulation. Unfortunately, today's turnover of digital financial assets is almost not subject to the laws, the law on cryptocurrency promised for adoption in December has been "safely" rejected. The Russian Federation and other countries are still not in a hurry to mediate new social relations by law, but it should be noted that a certain activity of the domestic legislator over the past few years has resulted in the adoption of a number of important digital rights regulations. The authors of the article paid attention to the problems of giving legal status to such digitalization tools as: blockchain, bitcoin, cryptocurrency.

Key words: law, law, economics, digital economy, information technologies, financial law, financial instruments, currency, cryptocurrency, Bitcoin, blockchain.

Вновь принятая и обновленная стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы расширяет сферы применения информационных и коммуникационных технологий, направленных на развитие информационного общества и формирование национальной цифровой экономики. Построение цифровой экономики является глобальной задачей тысячелетия. Одним из главных элементов во всей системе будущей цифровой экономики, безусловно, являются законы. Актуальность правового регулирования внедрения и практического применения современных финансовых технологий вызвана новыми индикаторами развития современной экономики. Значимость создания нормативно-правовых инициатив по интеграции в российский рынок перспективных финансовых технологий определяется действующей экономической политикой.

Следует согласиться с мнением, выраженным в Концепции повышения эффективности права, разработанной командой Симплюера и рабочей группой юристов о том, что по мере развития технологий изменяются не только законодательство, но и сама модель взаимодействия государства и бизнеса. Существенная часть норм может быть алгоритмизирована, а регулирование стать машиночитаемым [11].

Разработка федеральных законов, сочетающихся с формированием подзаконных нормативных актов, содержащих механизмы практической реализации институтов цифровой экономики, с тем, чтобы после принятия без промедлений заработала вся административно-правовая цепочка по правоприменению, является первоочередной задачей формирования цифровой экономики. Определяя роль права в вопросах глобальной цифровизации, представитель молодого поколения юристов Антон Вашкевич, смело отмечает, что право давно уже должно стать как электричество — незаменимым и незаметным [1]. Актуальной публичной задачей является обеспечение прав человека, снятие ключевых правовых ограничений и создание качественного правового инструментария цифровой экономики.

Мировыми лидерами в цифровой экономике являются такие страны, как: США, Южная Корея, Великобритания, Швеция, Финляндия, Япония, Китай, Германия, Франция, Испания и Индия, которые в свою очередь имеют большой опыт правового регулирования национальной цифровой экономики [2, с. 103–104].

В Российской Федерации цифровая экономика находится в стадии своего становления и весьма динамического развития, получившая некое правовое оформление и государственную поддержку с момента принятия Распоряжения Правительства РФ от 28.07.2017 №1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации», которая направлена на реализацию государственной политики по созданию необходимых условий для развития цифровой экономики России [7].

Активное применение информационных технологий, в том числе в качестве финансовых ин-

струментов является одной из наиболее самых обсуждаемых тем в последнее время. Проблемы построения цифровой экономики находятся в фокусе внимания публичной власти. Блокчейн, биткоин, криптовалюта стали предметом рассмотрения на государственном уровне. Наблюдается активная блокчейнизация сектора экономики требующая адекватного правового регулирования, способного обеспечить права и законные интересы участников технологического процесса.

Цифровая экономика является новым объектом правового регулирования, вызванного глобализацией и повсеместным введением цифровых технологий, в связи с этим исследования в данной области единичны. Представителями юридической науки уделялось внимание лишь отдельным институтам. Важно отметить, отсутствие устоявшегося доктринального подхода на сущность новых правовых институтов цифровой экономики, что отчасти затрудняет формирование соответствующей правовой среды. Важными возникающими вопросами при формировании правовой доктрины, а в дальнейшем и нормативно-правовой базы, являются: во-первых, создание ясных представлений об отраслевом регулировании, какие общественные отношения будут относиться к ведению гражданского права, а какие к финансовому праву и другим отраслям права и законодательства; во-вторых, нельзя забывать о необходимости создания единого структурообразующего законодательного акта, а также комплекса норм и институтов, которые войдут в Гражданский кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, и другие законодательные и подзаконные нормативные акты России. Именно таким образом должно быть закреплено цифровое право, дающее, прежде всего, определения новым явлениям цифровой жизни и регламентирующее вопросы совершения сделок с цифровыми деньгами и правами, а также решающее проблемы налогообложения и финансовой дисциплины.

В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 года № 642, констатируются проблемы невосприимчивости нашей экономики и нашего общества к инновациям [8]. Действительно, такая серьезная проблема существует и касается она также законодательной сферы. Сегодняшняя необходимость создания новых объектов экономических отношений, сопровождается на наш взгляд, некой «консервативностью права». Как указывает А. Н. Лысенко, правовое регулирование в большинстве случаев не должно опережать развитие экономики, должно опираться на привычные, проверенные правовые категории, тем самым оптимизировать поступательное экономическое развитие новых институтов [5].

Хотелось бы отметить, что существующие правовые доктрины не имеют для освоения столь активных процессов цифровизации экономики соответствующего концептуального аппарата. Если внесение изменений в законодательные акты, как правило, не представляет особых трудностей

для законодателя ни в организационном, ни во временном отношении, то изменение правовых доктрин – процесс гораздо более сложный, поэтому скорее всего законодательные изменения в соответствии с современными реалиями придут значительно раньше.

Уже сейчас юридическое сообщество находится в поисках приемлемых правовых инструментов регулирования цифровой экономики. Возможные подходы правового регулирования цифровой среды нашли отражение в положениях Проекта федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (о цифровых правах), внесенных депутатами В. В. Володиным и П. В. Крашенинниковым. В нем предлагалось закрепить в Гражданском кодексе несколько базовых положений, которые позволили бы регулировать рынок новых объектов экономических отношений («цифровые права», «токены», «криптовалюта» и пр.), обеспечить правовые условия для совершения и исполнения сделок в цифровой среде («смарт-контракты», «самоисполняемые» сделки и др.) и предоставить защиту гражданам и юридическим лицам по таким сделкам.

Другой альтернативный проект федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» дает определения таким цифровым активам, как криптовалюта и токен, законодательно закрепляет вид договора, заключаемый в электронной форме – смарт-контракт, но он пока отклонен.

Один из приведенных законопроектов после основательных доработок, был принят. Государственная Дума в марте в окончательном чтении приняла поправки в Гражданский кодекс РФ, связанные с введением понятия цифровых прав. Принятые поправки вступят в силу уже осенью и наполнят законодательные нормы новым содержанием и смыслом.

Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, обсуждавший проект федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (о цифровых правах) при первоначальном ознакомлении, не поддержал его по концептуальным причинам [11].

Аналогичный вывод был сделан и по поводу проекта федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах». Именитые эксперты отметили, что проект федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» не может быть поддержан в связи с концептуальными недостатками [10].

Действительно, следует согласиться с мнением ученых о том, что «многие экономические и технологические модели отношений не являются еще устоявшимися, появляясь, видоизменяясь и отчасти исчезая из хозяйственной практики». В связи с этим, по их мнению, изложенному в экспертном заключении, представляется преж-

девременным установление базовых понятий в кодификационном акте, поскольку они еще не являются устоявшимися не только в науке и юриспруденции, но и в экономике [11].

Вместе с тем, необходимость ускорения правовой определённости в вопросах цифровой экономики является очевидной. Активные процессы цифровизации требуют формирования «новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием в цифровой экономике» [3, с. 6–7]. Важно провести систематизацию действующих нормативно-правовых актов, регулирующих правовые отношения в сфере формирования цифровой экономики, а также подготовить структурообразующий нормативный правовой акт, устанавливающий базовые нормативные правила реализации институтов цифровой экономики. В сложившейся ситуации необходимо сформировать и усовершенствовать понятийно-категориальный аппарат в области цифровой экономики, провести гармонизацию подходов к нормативному правовому регулированию цифровой экономики с учетом опыта зарубежных стран.

В настоящее время существует правовой вакuum в сфере регулирования цифровой экономики. От этого страдают любые субъекты общественных отношений с использованием цифровых технологий в экономике. С одной стороны, могут пострадать законопослушные и добросовестные субъекты гражданских правоотношений, с другой стороны отсутствие четкого финансово-правового регулирования приводит к уклонению от налогообложения. Проблемы правового регулирования цифровой экономики принимают международный масштаб, поскольку привязать деятельность крупнейших интернет-платформ к конкретному государству не всегда бывает просто, в том числе из-за внедрения в экономику новых цифровых бизнес-моделей.

Важно понимать, что цифровые объекты постоянно эволюционируют. Криптовалюта сегодня является альтернативным денежным обращением, получившим большую популярность. Большинство отмечают, что рынок криптовалют является одним из самых перспективных направлений развития мировой экономики. Следует понимать, что процесс проникновения криптовалюты в жизнь сложно остановить, а отказ от нее может препятствовать развитию цифровой экономики, поэтому разумнее придать цифровой валюте правовую определённость и статус. Подготовка законодательства по поводу применения криптоденег должна продолжаться с учетом мнения научного сообщества. Придание криптовалюте официального правового статуса позволит публичной власти контролировать ее оборот.

Представители Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства в вышеупомянутом экспертом заключении отмечают,

что юридический феномен криптовалюты является малоисследованным в современной российской науке гражданского права, находится еще в стадии его становления и поспешное установление легальной дефиниции чревато негативными последствиями. Допустимость сделок с криптовалютой, равно как установление гражданского права на нее, предопределется, по их мнению, не столько гражданско-правовыми критериями, сколько публично-правовыми соображениями политики права.

Безусловно, правовое регулирование криптовалюты с учетом объективных рисков, должно осуществляться исходя из публичных целей государства инейтрализовать такие негативные процессы, как отмывание доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма, а также размытие налоговой базы [4, с. 53–54].

Все общественные отношения являются динамичными и подвергаются постоянным изменениям, в свою очередь своевременная адаптация законодательства к этим изменениям является залогом успешности, качественности. Соответственно, законы должны развиваться адекватно и меняться в соответствии с изменениями социально-политической и экономической жизни страны. К сожалению, отсутствие системности в вопросах правового обеспечения активной цифровизации, пока налицо. В ближайшее время следует решить ряд проблем правового характера для того, чтобы цифровая экономика не навредила государству и его гражданам:

Во-первых, принять единый законодательный акт, устанавливающий определения новым явлениям в экономике: цифровизации, цифровому праву, цифровым деньгам, токену, криптовалюте,

блокчейну и другим, а также закрепляющий основные принципы налогообложения и осуществления сделок с цифровыми деньгами и правами.

Во-вторых, разработать ряд норм, которыми необходимо дополнить Гражданский кодекс РФ и Налоговый кодекс РФ, направленных на детализацию правового регулирования отношений в сфере цифровой экономики, в том числе определить, что будет подразумеваться под цифровым постоянным представительством применительно к бизнес-субъектам.

В-третьих, подготовить предложения для формирования международно-правовой базы и выработки подхода к справедливому налогообложению цифровой экономики.

Таким образом, пока наблюдается очевидная бессистемность российского законодательства, действующие правовые регуляторы не приспособлены к регламентации цифровой сферы, которая быстро занимает лидирующие позиции во многих областях [6, с. 33–34]. Наблюдается расширение сферы правового регулирования, появление новых субъектов – цифровых личностей, поскольку с самого рождения лицо будет попадать в цифровое пространство и его статус моментально будет отражаться в виртуальной среде. Бумажные деньги и национальная валюта уходят в прошлое, дематериализуются и существуют в электронной форме. В складывающихся условиях всеобъемлющей цифровизации важно понимать, что правильно организованные финансово-правовые отношения в цифровую эпоху может предоставить большие возможности для увеличения благосостояния людей, лишь находясь в надежном правовом поле.

Литература

1. Антон Вашкевич. Смарт контракты: что и зачем // URL: <https://www.simplawyer.com/wp-content/uploads/simplawyer.com-%E2%80%94-%D0%A1%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%88B.-%D0%97%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BC-%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BA-Demo-1.0.pdf> (Дата обращения 10.03.2019).
2. Быков А. Ю. Право цифровой экономики: некоторые народно-хозяйственные и политические риски. Москва: Проспект, 2018. 355 с.
3. Вайнан В. А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. №11. С.5–18.
4. Левашенко А. Д., Ерохин И. С., Коваль А. А. Концепция развития криптоэкономики в России // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. №1. С.52–56.
5. Лысенко А. Н. Имущество в гражданском праве России. М.: Деловой двор, 2010. 134 с.
6. Право в условиях цифровизации / Т. Я. Хабриева. СПб.: СПбГУП, 2019. 36 с.
7. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 07.08.2017. № 32. ст. 5138.
8. Указ Президента РФ от 01.12.2016 №642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (Дата обращения: 10.03.2019).
9. Экспертное заключение Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» URL: <http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/04/meeting-190418-zakonoproekt-2-project-conclusion.pdf> (Дата обращения: 10.03.2019).
10. Экспертное заключение Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» URL: <http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/04/meeting-190418-zakonoproekt-6-project-conclusion.pdf> (Дата обращения: 10.03.2019).
11. Экспертное заключение Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», подготовленное С. В. Сарбаш, Н. Г. Семилютина

URL: <http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/04/meeting-190418-zakonoproekt-2-project-conclusion.pdf> (Дата обращения: 10.03.2019).

References

1. Anton Vashkevich. Smart kontrakty: chto i zachem (*Smart contracts: what and why*) // URRL: <https://www.simplawyer.com/wp-content/uploads/simplawyer.com-%E2%80%94-%D0%A1%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B.-%D0%97%D0%B0%D1%87%D0%BA%D0%BC%D0%BD%D0%BA%D0%BD%D0%BA-Demo-1.0.pdf> (Accessed: 10.03.2019). (In Russian).
2. Bykov A. Yu. Pravo cifrovoj ekonomiki: nekotorye narodno-hozyajstvennye i politicheskie riski (*The right of the digital economy: some national economic and political risks*). Moscow: Prospekt, 2018. 355 p. (In Russian).
3. Vajpan V. A. Osnovy pravovogo regulirovaniya cifrovoj ekonomiki (*Basics of legal regulation of the digital economy*) // Pravo i ekonomika. 2017. No.11. P.5–18. (In Russian).
4. Levashenko A. D., Ermohin I. S., Koval' A. A. Koncepciya razvitiya kriptoekonomiki v Rossii (*The concept of the development of cryptoeconomics in Russia*) // Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie «Pravo i Biznes». 2018. No.1. P. 52–56. (In Russian).
5. Lysenko A. N. Imushchestvo v grazhdanskom prave Rossii (*Property in the civil law of Russia*). Moscow: Delojov dvor, 2010. 134 p. (In Russian).
6. Pravo v usloviyah cifrovizacii (*Law in terms of digitalization*) / T. Ya. Habrieva. St.Petersburg: SPbGUP publ., 2019. 36 p. (In Russian).
7. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 28.07.2017 №1632-r «Ob utverzhdenii programmy «Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii» (*On approval of the program "Digital Economy of the Russian Federation"*) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 07.08.2017. No.32. Art. 5138. (In Russian).
8. Ukaz Prezidenta RF ot 01.12.2016 № 642 «O Strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii» (*On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation*) URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (Accessed: 10.03.2019). (In Russian).
9. Ekspertnoe zaklyuchenie Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po kodifikaci i sovershenstvovaniju grazhdanskogo zakonodatel'stva po proektu federal'nogo zakona № 424632-7 «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu, vtoruyu i chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» (*On Amendments to Parts One, Two and Four of the Civil Code of the Russian Federation*) URL: <http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/04/meeting-190418-zakonoproekt-2-project-conclusion.pdf> (Accessed: 10.03.2019). (In Russian).
10. Ekspertnoe zaklyuchenie Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po kodifikaci i sovershenstvovaniju grazhdanskogo zakonodatel'stva po proektu federal'nogo zakona № 419059-7 «O cifroyh finansovyh aktivah» (*On digital financial assets*) URL: <http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/04/meeting-190418-zakonoproekt-6-project-conclusion.pdf> (Accessed: 10.03.2019). (In Russian).
11. Ekspertnoe zaklyuchenie Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po kodifikaci i sovershenstvovaniju grazhdanskogo zakonodatel'stva po proektu federal'nogo zakona № 424632-7 «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu, vtoruyu i chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii», podgotovленное S. V. Sarbash, N. G. Semilyutina. (*On Amendments to Parts One, Two and Four of the Civil Code of the Russian Federation*) URL: <http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/04/meeting-190418-zakonoproekt-2-project-conclusion.pdf> (Accessed: 10.03.2019). (In Russian).

Информация об авторах

Смирнов Дмитрий Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / dmi197526@yandex.ru

Боташева Лейла Эмербековна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / botasheval@gmail.com

Леонов Алексей Николаевич – судья Ставропольского краевого суда (Ставрополь) / 411ga@mail.ru

Information about the authors

Smirnov Dmitrii – Doctor of Law, Director of the Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / dmi197526@yandex.ru

Botasheva Leila – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Administrative and Financial Law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / botasheval@gmail.com

Leonov Alexey – judge, Stavropol Regional Court (Stavropol) / 411ga@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81.42

М. А. Воронкова, Т. Б. Самарская

КОМИЧЕСКИЙ КОД: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА НОВЕЛЛ А. ДОДЕ И О. МИРБО)

В данной статье рассматривается проблема дешифровки кода художественного текста, как одна из самых актуальных проблем современной лингвистики. В статье исследуется произведение французского писателя Октава Мирбо «Письма из моей хижины» с точки зрения присутствия в нем кода Альфонса Доде, автора цикла новелл «Письма с моей мельницы». Октав Мирбо – активный и влиятельный участник исторических событий Франции конца XVIII – начала XIX в. Его перо было безжалостно, однако, мрачные стороны действительности, посредством комического кода он описывал так, что они нередко становились притягательными. Статья анализирует реализацию кода Альфонса Доде в текстовом пространстве Октава Мирбо, позволяя доказать интертекстуальную связь между их произведениями. Обращается внимание, что Октав Мирбо использует комический код, как прием создания общего коммуникативного поля, между сборником рассказов «Письма из моей хижины» и произведения Альфонса Доде «Письма с моей мельницы». В работе доказано, что интертекстуальная связь между обозначенными произведениями осуществляется при помощи комического кода, как способа ре-

продукции прецедентного текста, при помощи создания карикатуральных образов. Отмечается, что код задает тексту и отдельным его частям определенную коннотацию, накладывает значение, которые не могут быть дешифрованные реципиентом, не владеющим определенным культурным кодом. В статье затронута специфика идеи стиля Октава Мирбо, который формировался под влиянием различных литературных школ, произведений других писателей, важных исторических и социальных событий, что объясняет многообразие форм, жанров и стилистических приемов, используемых им. Комический код рассматривается через разногласие существовавшее между Альфонсом Доде и Октавом Мирбо в жизни, что, безусловно, нашло отражение в творчестве. Доказано, что Октав Мирбо кодирует свои рассказы, прежде всего, на комическом уровне, создавая литературные карикатуры, аналогичные карикатурам Альфонса Доде. Все переводы выполнены авторами данной статьи.

Ключевые слова: код, культура, текст, стилистические средства, реципиент, интерпретация, сатира, писатель.

M. Voronkova, T. Samarskaya

COMIC CODE: LINGUOSTYLISTIC MEANS OF REPRESENTATION (BY THE EXAMPLE OF THE ANALYSIS OF SHORT STORIES BY A. DAUDET AND O. MIRBEAU)

The article deals with the problem of deciphering the code of a literary text, as one of the most pressing problems of modern linguistics. The article explores the work of the French writer Octave Mirbeau "Letters from my hut" in terms of the presence in it of the code of Alphonse Daudet, the author of the cycle of stories "Letters from my mill". Octave Mirbeau is an active and influential participant in the historical events of France of the late 18th – early 19th century. His pen was ruthless, however, the dark sides of reality, through the comic code, he described so that they often became attractive. The article analyzes the implementation of the Alphonse Daudet code in Octave Mirbeau text space, allowing to prove the intertextual connection between their works. Attention is drawn to that Octave Mirbeau uses a comic code, as a technique for creating a common communicative field, between the collection of stories "Letters

from my hut" and the work of Alphonse Daudet "Letters from my mill". The paper proves that the intertextual connection between the designated works is carried out by a comic code, as a way of reproducing a precedent text, by creating caricature images. It is noted that the code sets a certain connotation to the text and its individual parts, imposes a value that can not be decrypted by the recipient who does not own a certain cultural code. The article touches upon the specifics of the Octave Mirbeau ideology, which was influenced by various literary schools, works of other writers, important historical and social events, which explains the diversity of forms, genres and stylistic techniques used by them. The comic code is considered through the disagreement that existed between Alphonse Daudet and Octave Mirbeau in life, which is undoubtedly reflected in the works. It is proved that Octave Mirbeau coded his stories primarily at

the comic level, creating literary caricatures similar to the cartoons of Alphonse Daudet. All translations are made by the authors of the article.

Понятие кода принадлежит к сфере культуры, так как код представляет собой систему определенных связей, объединяющих труд писателя по созданию произведения и труд читателя, стремящегося к достижению заключенного в нем смысла. Дешифровка кода значительно расширяет смысловые рамки произведения, увеличивая количество интерпретаций, а также позволяет описать языковую личность самого писателя. Код предстает как частное явление интертекстуальности, понимаемой как общее свойство текста. Реципиент (читатель), постигая текст, обнаруживает в нем «следы», «голоса» других текстов. Узнавание этих вкраплений зависит от читательской компетенции. Текст – многомерное явление, поликодовый феномен. Он находится в постоянном диалоге с другими текстами и кодируется сознательно и бессознательно, многократно и на разных уровнях: композиционном, жанровом, стилевом и т.д.

О. Мирбо – выдающийся французский писатель, признанный мировым сообществом. Многосторонность личности писателя проявлялась в его стремлении попробовать свои силы во многих сферах: праве, политике, религии, журналистике, литературе.

Новизна работы обусловлена давно назревшей необходимостью объективного исследования творчества О. Мирбо и возрождения интереса к его произведениям. Исследование реализации кода А. Доде в текстовом пространстве О. Мирбо позволит доказать интертекстуальную связь между их произведениями.

В течение жизни творчество О. Мирбо могло быть вписано в рамки разных литературных направлений: в юношеские годы его произведениям присущи черты романтизма, в зрелые годы – натурализма, на склоне жизни – декаданса, что в значительной мере повлияло на идиостиль О. Мирбо. Большая часть произведений носит острый сатирический, обличительный характер, что обуславливает выбор стилистических средств. Чаще всего писатель прибегает к сравнению, сближающему субъект с животными ли чертами, присущими животным. При помощи стилистического приема сравнения достигается экспрессивность и оценочность. Его творчество во многом походит на творчество А. Доде. Творческий метод А. Доде в произведении О. Мирбо реализуется, прежде всего, при помощи комического кода.

Оба писателя используют стилистические приемы, направленные на создание анималистического образа человека. Следует отметить что, О. Мирбо кодирует свои рассказы на комическом уровне, создавая литературные карикатуры аналогичные карикатурам А. Доде. Однако образы, созданные О. Мирбо, отличаются резкой критикой, а персонажи имеют отталкивающую неприятную внешность.

Key words: code, culture, text, stylistic means, recipient, interpretation, satire, writer.

Исследование специфики комического кода А. Доде в произведении «Письма из моей хижины» О. Мирбо позволяет сделать вывод, что О. Мирбо выбирает код своим методом. Автор кодирует свое произведение многократно и на разных уровнях, создавая прочные ассоциации с текстом А. Доде, которые порождают общее коммуникативное поле. Характер отличий, существующих между текстами, а также исторические факты позволяют сделать вывод о полемической направленности текста.

По мнению многих французских исследователей – литературоведов, творчество А. Доде и О. Мирбо может быть охарактеризовано «карикатуральной яростью» [13]. Примечательно, что исследователи используют термин «карикатура», характерный для изобразительного искусства, но не для филологии. Однако в «Словаре литературных терминов» указано: «Карикатура – термин, применявшийся главным образом к определенной области изобразительных искусств, но в известном смысле может быть введен и как литературное понятие. Сущность литературной карикатуры заключается в преувеличенно утрированном подчеркивании тех или иных сторон характера или душевных особенностей, обычно таких, которые принадлежат к числу наиболее уязвимых». [8] Объяснение такой экстраполяции мы можем обнаружить в другой статье Бернара Жайе «Карикатура в «Жестоких сказках» О. Мирбо. Аспекты, формы и значения». А. Доде и в особенности О. Мирбо были активными участниками политической жизни Франции. Карикатура как жанр политического дискурса начинает развиваться именно на фоне государственных переворотов XVIII–XIX века (Революции в Европе, дело Дрейфуса, военное наращивание Германии). Будучи создателем и бессменным главным редактором «Les Grimaces», еженедельного сатирического издания, посвященного политическим и социальным проблемам, О. Мирбо неоднократно обращался к этому жанру. К тому же, первонаучальную известность О. Мирбо принесли именно его памфлеты. Доказательство приверженности писателя карикатурному жанру можно обнаружить на лексическом уровне. О. Мирбо многократно использует слово «карикатура»:

«La dignité caricaturale» («карикатурное достоинство») «Le Petit vicomte»

«La silhouette de Fanchette attifée comme une caricature» («силуэт Фаншетты, разукрашенной точно карикатура») «La Mort du Père Dugué»

«L'aspect radieusement caricatural du chien» («Радостно карикатурный вид собаки») «Dingo».

Сущность карикатуры состоит в целенаправленной актуализации одной детали. Эта деталь гиперболизируется автором и выходит на первый план. Остальные черты, свойства объекта, ко-

торый подвергается окарикатуриванию, теряют свою значимость, уходят на второй план. Карикатура на явления физического порядка (лысина, кривой нос, большой живот, нестандартный рост) ничем не отличается от карикатуры на черты характера.

А. Доде строит цикл своих рассказов как серию карикатур, зарисовок из жизни городских и сельских жителей. А. Доде умело использует обыгрывание наиболее примечательной черты характера или внешности.

В нижеприведенном примере, взятом из рассказа «*Les vieux*» («Старики») автор создает комический эффект за счет обыгрывания типичной карикатуральной черты: похожесть, наличие двойника.

«Rien de joli comme cette petite vieille avec son bonnet à coques, sa robe carmélite, et son mouchoir brodé qu'elle tenait à la main pour me faire honneur, à l'ancienne mode... Chose attendrissante ! ils se ressemblaient. Avec un tour et des coques jaunes, il aurait pu s'appeler Mamette, lui aussi» [6].

«Трудно было представить что-то милее этой старушки в чепчике с оборками, в своем монашеском наряде, с расшитым платочком, который она держала в руке, чтобы оказать мне честь, как это предписывала старая мода... Их сходство было умилительным! Если бы у него был чепец с желтыми оборками, его тоже можно было бы назвать Мамочкой».

Старики, прожившие вместе всю жизнь, настолько сроднились, что даже обрели внешнее сходство. Автор пишет о них с долей умиления, о чем свидетельствуют лексемы «*attendrissante*» («умилительный»), «*joli*» («милый»). Таким образом, карикатура как метод А. Доде не имеет острой сатирической направленности. Автор только иронизирует над некоторой старомодностью стариков.

Такой примечательной чертой, вокруг которой выстраивается карикатура, может быть даже элемент одежды, как, например, в рассказе «Бокерский дилижанс» («*La diligence de Beaucaire*»):

«Enfin, sur le devant, près du conducteur, un homme... non ! une casquette, une énorme casquette en peau de lapin, qui ne disait pas grand-chose et regardait la route d'un air triste» [6].

«И, наконец, рядом с возницей, сидел мужчина... нет! – картуз, огромный заячий картуз, который не произносил ничего существенного и с грустью глядел на дорогу».

Автор выбирает одну необычную черту - головной убор. Примечательность картуза подчеркивается прилагательным – *énorme* («огромный»), которое указывает на исключительные размеры. В данном случае используется карикатура, основанная на метонимии. Перенос признака на объект, дополняемый овеществлением данного объекта, позволяет автору обезличить этот персонаж.

Другой пример карикатуры, построенный вокруг детали гардеробы, примечателен тем, что высмеиванию подвергается не сам описываемый персонаж

«Celui-ci – avec sa tunique de drap fin et ses guêtres à boutons de nacre – fait le désespoir et l'envie de toute la garnison» [6, p. 164].

«А он – облаченный в свою тунику из тончайшей ткани и гетры с перламутровыми пуговицами – вызывал зависть и отчаяние у всего гарнизона».

Автор высмеивает вещизм солдат, которые делают предметом восхищения всего лишь элементы гардероба, а не личные качества описываемого персонажа. А. Доде не наделяет солдата никакими эпитетами, не использует никаких лексем, которые бы могли проявить отношение автора к герою, он обезличен. На первый план выходят только элементы одежды.

Для нашего исследования особый интерес представляют лингвистические средства создания комического эффекта и их реализация в произведениях «Письма из моей хижины» О. Мирбо и «Письма с моей мельницы» А. Доде. Литературная карикатура может быть создана при помощи различных стилистических средств: гипербола, литота, олицетворение, овеществление, ономотопея, оксюморон, сравнение, ирония и др. В рамках нашего исследования мы опишем наиболее характерные приемы комического в циклах рассказов «Письма с моей мельницы» и «Письма из моей хижины»

Для создания литературной карикатуры, А. Доде использует различные лингвистические приемы:

1. Сравнение. Сравнение включает в себя три составные части: субъект сравнения (то, что сравнивается), объект сравнения (то, с чем сравнивается) и признак (модуль) сравнения (общее у сравниваемых реалий) [11]

а) сравнительный оборот Субъект сравнения + comme + Объект сравнения

«Les meunières étaient belles comme des reines, avec leurs fichus de dentelles et leurs croix d'or» [6, p. 16].

«Мельничихи все, были красивы как королевы, да и только: в кружевных косынках, с золотыми крестиками на шее».

Комический эффект достигается за счет несоответствия между сопоставляемыми объектами. Для того автор прибегает к уточнению, перечислив атрибуты свойственные королевской знати.

б) сравнительный оборот сущ.+ de+сущ.

«...qu'elle était jolie avec ses yeux doux, sa barbiche de sous-officier, ses sabots noirs et luisants, ses cornes zébrées et ses longs poils blancs qui lui faisaient une houppelande !» [6, p. 25].

«...до чего она была хороша, с ласковыми глазами, с бородкой, как у сержанта, с черными блестящими копытцами, с полосатыми рожками и длинной белой шерстью, которая была для нее плащом!».

Данный пример карикатуры интересен тем, что высмеивается не субъект сравнения, а объект сравнения. Модулем сравнения является бородка. Это общий признак для козочки и для сержанта. Однако наделение животных человеческими чертами носит обыкновенно положительную оценку, в то время как сопоставление с животными зачастую выражает отрицательную оценку.

В произведении А. Доде можно встретить и обратный пример карикатуры с аналогичной сравнительной конструкцией *сущ+ de+сущ:*

«C'était toujours l'effet que produisait, quand elle arrivait quelque part, cette bonne face grisonnante avec sa barbe de chèvre et ses yeux un peu fous» [6, p. 176].

«Его добродушное лицо с козлиной бородкой и немного безумными глазами производила всегда один и тот же эффект при его появлении»

В данном случае модулем сравнения снова является борода, но на этот раз объект сравнения – человек, а объект сравнения – козел. Сопоставление с животным имеет отрицательную оценку. Непривлекательность образа доказывает признак, которым наделен модуль сравнения: «grisonnante» («седеющая»). К тому же далее следует описание глаз персонажа, которые охарактеризованы как «fous» («сумасшедшие»).

в) сравнительный оборот *plutôt + инфинитив прошедшего времени + que + инфинитив прошедшего времени*

«...mais à la voir si bien endimanchée, avec son ruban à fleurs, sa jupe brillante et ses dentelles, elle avait plutôt l'air de s'être attardée à quelque danse que d'avoir cherché son chemin dans les buissons» [6, p. 35].

«...Но, при взгляде на нее, такую празднично одетую, в лентах с цветами, в яркой юбке, в кружевах, можно было скорее подумать, что она задержалась где-нибудь на танцах, а не пыталась отыскать дорогу в зарослях».

Карикатуральность в данном примере достигается за счет контраста между составными частями данного сравнительного оборота, несоответствия внешнего вида и окружающей действительности. Поскольку отрицательная оценочная лексика отсутствует в данном примере, можно прийти к выводу, что писатель не стремится критиковать героиню, а благодушно посмеивается над женским стремлением выглядеть всегда красиво, даже когда это неуместно. Такой же оттенок снисходительности прочитывается в выше приведенном примере, в котором мельничихи стремятся соответствовать королевам.

2. Синекдоха

В данных примерах автор характеризует целую нацию через одного представителя. В первичном описании автор использует наиболее типичные карикатуральные характеристики: маленький рост, борода, грубые черты лица:

«Il y en avait trois, un Marseillais et deux Corses, tous trois petits, barbus, le même visage tanné, crevassé, le même pelone (caban) en poil de chèvre, mais d'allure et d'humeur entièrement opposées» [6, p. 62].

«Их было трое: марселец и два корсиканца, все трое небольшого роста, бородатые, у всех троих были загорелые, обветренные лица, все трое в одинаковых пелонах (плащах с капюшоном) из козьей шерсти, но отличались они друг от друга характеристиками и манерами».

Употребление неопределенных прилагательных «même» «tout» свидетельствуют об интенции

автора заострить внимание именно на особенностях национального характера.

Сначала А. Доде описывает жителей Марселя

«Le Marseillais, industriels et vifs, toujours affairés, toujours en mouvement, courrait l'île du matin au soir, jardinant, pêchant, ramassant des œufs de gouailles, s'embarquant dans le maquis pour traire une chèvre au passage ; et toujours quelque aoli ou quelque bouillabaisse en train» [6, p. 62].

«Марселец, предпримчивый и резвый, вечно занятый, никогда не сидел на месте, с утра до вечера бегал по острову, садовничал, рыбачил, собирая яйца чаек, залезал в заросли, чтобы между делом подоить козу; и он все время что-нибудь готовил: то жаркое, то уху».

Простое бессоузное предложение, осложненное однородными членами и причастными оборотами, формирует образ активной деятельности. Ощущение скорости, постоянного движения, резкой смены событий и действий создается за счет асиндентона. Кроме синтаксического приема, автор также обращается к лексическим ресурсам создания образа деятельностного активного человека. А. Доде использует следующие эпитеты, которые могут быть все отнесены к лексико-семантическому полю «активность»: «industriels» («предпримчивый»), «vifs» («резвый»), «affairés» («занятой»). Таким образом, А. Доде считает, что основной чертой, свойственной представителям города Марсель, является активность, деятельность, развитие кипучей деятельности, трудолюбие. В данном примере мы также не обнаруживаем пейорации, а только иронию.

Далее А. Доде переходит к описанию черт, присущих жителям Корсики, которое является антитезой к собирательному образу представителей Марселя:

«Les Corse, eux, en dehors de leur service, ne s'occupaient absolument de rien ; ils se considéraient comme des fonctionnaires, et passaient toutes leurs journées dans la cuisine à jouer d'interminables parties de scopal, ne s'interrompant que pour rallumer leurs pipes d'un air grave et hacher avec des ciseaux, dans le creux de leurs mains, de grandes feuilles de tabac vert...» [6, p. 62].

«Корсиканцы были заняты только службой. Они считали себя чиновниками и проводили целые дни на кухне за игрой в скопа, останавливаясь лишь для того, чтобы с важным видом закурить трубку или нарезать ножницами горстку больших листьев свежего табака».

Корсиканцы, по мнению писателя, полная противоположность жителям Марселя: они ленивы, инертны. Ощущение монотонности и однообразия создается за счет таких лексем и лексических оборотов как: «ne s'interrompant que» («прерываясь только на...»), «interminables» («бесконечные»), «passaient toutes leurs journées» («проводить дни напролет»). Эффект комического достигается за счет несоответствия манеры исполнения «d'un air grave» («с серьезным видом») производимому действию «rallumer leurs pipes» («закурить трубку»), «hacher de grandes feuilles de tabac» («нарезать листья»). При этом А. Доде

высмеивает не столько корсиканцев, сколько чиновников. Это пример «карикатуры в карикатуре». Такая карикатура носит сатирический характер, автор акцентирует внимание читателя на таком отрицательном качестве как лень, бездеятельность.

3. Гипербола

А. Доде также использует один главных приемов создания карикатурного образа является преувеличение каких-то черт внешнего вида или духовных качеств описываемого персонажа:

«Dans le calme et le demi-jour d'une petite chambre, un bon vieux à pommettes roses, ridé jusqu'au bout des doigts, dormait au fond d'un fauteuil, la bouche ouverte, les mains sur ses genoux» [6, p. 94].

«В слабо освещенной тихой комнате в глубоком кресле спал, открыв рот, сложив руки на коленях, старичок с розовыми щеками, весь в морщинах до самых кончиков пальцев».

Автор намеренно преувеличивает характеристику *«ridé jusqu'au bout des doigts»* чтобы показать, насколько стар описываемый персонаж. В данном примере присутствует также типичная для карикатуры характеристика «нелепости»: открытый рот во сне. Комический эффект осуществлен за счет несоответствия между возрастом старика и тем признаком, которым его наделил автор *«pommettes roses»* («розовые щечки»). Эта черта, присущая маленьким детям, придает его образу некоторую ангельскую невинность.

4. Метонимия

Прежде, чем обратиться к этому стилистическому приему автор описывает персонажа:

«une enfant de l'orphelinat, petite garde en pèlerine bleue» [6, p. 95].

«приютская сиротка – маленький страж в синей пелерине».

И только после этого предварительного пояснения А. Доде использует метонимию, замещающая целую метафорическую конструкцию *«petite garde en pèlerine bleue»*, словосочетанием *«une petite bleue»* («малышка в голубом»). Замещающее слово находится в цветовой связи с замещаемым словом. Таким образом, метонимия возникает путем стяжения словосочетания, эллипсиса.

5. Развернутая карикатура смешанного типа

Считаем целесообразным выделить особый тип – комплексная карикатура, которая создается при использовании сразу нескольких средств выразительности, которые реализуют целостный образ.

Мы встречаем такой пример в новелле *«La mule du pape»* («Папский мул»):

«Il y en a un surtout, un bon vieux, qu'on appelait Boniface... Oh ! celui-là que de larmes on a versées en Avignon quand il est mort ! C'était un prince si aimable, si avenant ! Il vous riait si bien du haut de sa mule ! Et quand vous passiez près de lui – fuissez-vous un pauvre petit tireur de garance ou le grand viguier de la ville –, il vous donnait sa bénédiction si poliment ! Un vrai pape d'Yvetot, mais d'un Yvetot de Provence, avec quelque chose de fin dans le rire, un brin de marjolaine à sa barrette, et pas la

moindre Jeanneton... La seule Jeanneton qu'on lui ait jamais connue, à ce bon père, c'était sa vigne – une petite vigne qu'il avait plantée lui-même, à trois lieues d'Avignon, dans les myrtes de Châteauneuf». [6, p. 49].

«Особенно отличался один добрый старик, которого звали Бонифаций... Ох, как же его оплакивали в Авиньоне, когда он умер! Это был такой любезный, такой приветливый господин! Как он мило улыбался всем сидя на своем мule! И каждого, кто проходил мимо, – все равно, будь то последний красильщик или сам городской судья, – он так любезно благословлял! Настоящий папа из Ивето, но из Ивето провансальского: хитрая улыбка, букетик из майорана на шапочке и ни одной Жаннетон!.. Единственной «Жаннетон», которая когда-либо была у святого отца был его виноградник, небольшой виноградник, собственоручно посаженный в трех милях от Авиньона среди мирт Шатонефа».

А. Доде создает многомерный карикатурный образ, используя различные средства выразительности. Согласно правилам построения карикатуры автор выделяет яркие характеристики, которые делают образ папы запоминающимся: хитрая улыбка, папский мул, букетик из майорана на шапочке. В данном описании можно обнаружить следующие средства выразительности:

– метонимия

Автор использует женское имя Жаннетон как собирательный образ всех женщин, указывая на целомудрие папы.

– метафора

Отношение папы к собственному винограднику автор иронически реализует в метафоре «единственной Жаннетон этого доброго пастыря был его виноградник». А. Доде имплицитно сравнивает страсть папы к виноделию с отношением, чувствами к женщине. Иными словами, единственной любовью папы, давшего обет безбрачия, были его виноградники

– мелиоративные эпитеты: *«bon»* («добрый»), *«aimable»* («приветливый»), *«avenant»* («любезный»), *poliment* («вежливо»). Данные определения личности папы и его действий характеризуют персонажа с положительной стороны. Данная развернутая карикатура не имеет острого сатирического характера, она демонстрирует доброжелательное, но слегка снисходительное, ироническое отношение автора к своему персонажу.

Комплексная карикатура может быть представлена в одном эпизоде, а может быть размещена по всему тексту. Так, например, в рассказе *«Les trois messes basses»* («Три малые мессы») А. Доде, заострив внимание на каких-то чертах при первичном представлении персонажей, далее по тексту употребляет их уже, чтобы косвенно указать на самих героев.

«Plus bas on voit, vêtu de noir avec de vastes perruques en pointe et des visages rasés, le bailli Thomas Arnoton et le tabellion maître Ambroy, deux notes graves parmi les soies voyantes et les damas brochés» [6, p. 138].

«Дальше внизу были видны пышные остроконечные парики и бритые лица судьи Тома д'Арнотона и нотариуса Амбруа, облаченных в черное, – два мрачных пятна среди яркого шелка и штофного атласа».

Парик – типичная черта нелепости, которая часто используется для создания карикатуры, комического эффекта. А. Доде использует метафору «deux notes graves» («два мрачных пятна»), чтобы еще больше выделить этих персонажей, которые будут часто упоминаться и в дальнейшем по тексту.

Далее автор выделяет еще один аксессуар, который будет выделять из всеобщей массы

«Maître Arnoton, ses grandes lunettes d'acier sur le nez, cherche dans son paroissien où diantre on peut bien en être» [6, p. 142].

«Нотариус Арнотон, надев на нос большие очки в стальной оправе, перелистывает молитвенник: на каком же месте мы сейчас читаем, черт возьми!»

И только в finale новеллы создает комический эффект:

«...c'était un certain personnage à grandes lunettes d'acier, qui secouait à chaque instant sa haute perruque noire sur laquelle un de ces oiseaux se tenait droit tout empêtré en battant silencieusement des ailes...» [6, p. 144].

«... это был какой-то человек с большими очками в стальной оправе на носу: он постоянно встряхивал свой высокий черный парик, на котором в некотором затруднении восседала птица, молча хлопая крыльями».

Поскольку карикатура является основным приемом в сборнике «Письма с моей мельницы», О. Мирбо также вводит его в свое произведение. Цикл новелл «Письма из моей хижины» – это также серия карикатур о крестьянах и горожанах, острия сатира на их образ жизни.

О. Мирбо также строит свои карикатуры вокруг одной примечательной черты. В рассказе «Смерть старика Дюге» такой чертой являются усы его будущего зятя Франсуа Бегю:

«D'ailleurs, n'avait-il pas des moustaches, ce François Béhu ? Et, les moustaches, tout était là ! De même que les paysans de sa race, adorateurs des habitudes anciennes, gardiens sévères des traditions, Dugué haïssait les gens, cultivateurs et ouvriers, qui portaient moustache. La moustache, pour lui, représentait la révolte, la paresse, le partage social, toutes les aspirations sacrilèges qui soufflent des grandes villes sur les campagnes, tout un ordre de choses effroyables et nouvelles, auxquelles il ne pouvait penser sans que ses cheveux se dressassent d'horreur sur sa tête» [7, p. 88].

«Кроме того, у этого Франсуа Бегю были усы, не так ли? А раз у него были усы, этим все сказано. Дюге также, как и все крестьяне его типа, которые преклоняются перед старинными обычаями и строго охраняют традиции, ненавидел мужчин с усами, кто бы они ни были – землепашцы или рабочие. По его понятиям усы изображали собою бунт, лень, общественный беспредел все святотатственные стремления, которые из боль-

ших городов переходят и в деревни, ужасный и совершенно новый порядок вещей, при мысли о котором на его крепкой четырехугольной голове от ужаса поднимались дыбы волосы».

Автор не дает отрицательной оценки самих усов Франсуа Бегю, однако они превращаются в символ перемен, пороков которые несет в себе город. Такой эффект достигается благодаря использованию многочисленных эмоционально оценочных слов. Развернутое сравнение с использованием асиндента усиливает негативное восприятие читателем города как отдельного действующего лица. Аллитерация, передаваемая через фонему «р», придает фразе категоричный характер. («La moustache, pour lui, représentait la révolte, la paresse, le partage social...»). Все эти приемы позволяют понять, что автор высмеивает чрезмерный консерватизм некоторых людей.

О. Мирбо высмеивает и критикует те же пороки, что и А. Доде, тем самым кодируя свое произведение на комическом уровне. Комический код, который О. Мирбо включает в свой цикл рассказов создает общее семантическое поле с новеллами А. Доде. Однако карикатуры О. Мирбо отличаются большей жесткостью и пессимизмом. Тем самым писатель полемизирует с идеями А. Доде, указывая на его наивность и излишний оптимизмом в изображении окружающей действительности.

Герои О. Мирбо всегда непривлекательны. Карикатура О. Мирбо отличается тем, что автор не благодушно посмеивается над человеческими слабостями или внешностью, он бичует пороки общества, высмеивает нравы людей. Отношение автора к герою легко проследить именно по его описаниям.

Так остротирическая составляющая прослеживается в карикатурах на судебных чиновников. О. Мирбо наделяет их отталкивающими чертами внешности. В описании судьи можно обнаружить типичные карикатуральные черты: маленький рост, лысина, красный цвет лица. Определения «chauve» («лысый»), «glabre» («гладковыбранный»), «rouge» («красный») имеют нейтральную эмоциональную окраску. Но эпитет «pisseeux» («грязный», «замызганный», «вонючий») сразу создает отрицательный оценочный фон, поскольку его прямое значение – «пропитанный мочой, цвета мочи». Ассоциации с человеческими испражнениями создает отталкивающий образ, вызывающий неприязнь у реципиента.

«Le juge de paix, un petit homme chauve, à face glabre et rouge, vêtu d'un veston de drap pisseeux, prêtait une grande attention au discours d'une vieille femme qui, debout dans l'enceinte du prétoire, accompagnait chacune de ses paroles par des gestes expressifs et colères» [7, p. 37].

«Мировой судья, человек маленького роста, плешиwyй, с гладко выбритым красным лицом, в грязном пиджаке, внимательно слушал, что говорила какая-то старуха, которая стояла в отгороженном месте для истцов и сопровождала каждое свое слово выразительными и сердитыми жестами».

В следующем предложении можно обнаружить еще две кратких карикатуры на мелких судебных

чиновников с характерными чертами: чрезмерная полнота, чрезмерный волосяной покров, чрезмерная худоба. Эта чрезмерность актуализируется за счет троекратного повтора усилительного наречия «*très*».

«Les bras croisés, la tête inclinée sur la table, le grefvier, chevelu et bouffi, semblait dormir, tandis qu'en face de lui, l'huissier, très maigre, très barbu et très sale, griffonnait je ne sais quoi sur une pile de dossiers crasseux» [7, p. 37–38].

«Письмоводитель с растрепанными волосами и одутловатым лицом, сложив на груди руки и наклонив над столом голову, казалось, спал, тогда как сидевший напротив него судебный пристав, очень худой, с очень длинной бородой и очень грязный что-то записывал на скорую руку на кучке грязных дел».

В этом отрывке многократно используются лексемы, относящиеся к лексикон-семантическому, полю «грязь»: «*sale*» («грязный»), «*crasseux*» («засаленный»), «*pisseeux*» («вонючий»), «грязный»). Чиновники предстают как неприятные, отталкивающие личности

В произведении О. Мирбо можно обнаружить не только карикатуру на чиновников и государственных служащих, но и на ученых. О. Мирбо указывает что это «*espèce d'hommes farouches et barbares*» (род диких и жестоких людей). Употребление автором эпитетов с отрицательной оценкой указывает на отношение О. Мирбо к прогрессу и цивилизации. О. Мирбо не приемлет научные методы и эксперименты на животных:

«Mon savant avait des lunettes et un grand chapeau de paille, sur lequel il avait piqué au moyen d'une épingle trois papillons qui battaient de l'aile de douleur...» [7, p. 71].

«Мой ученый носил очки и большую соломенную шляпу, к которой он приколол булавкой 3 бабочек, которые были крыльышками от боли».

Посредством данной карикатуры реализуется концептуальная оппозиция «город-природа». Человеческая жестокость и равнодушие противопоставлены чистоте и невинности животных.

Для создания литературной карикатуры, автор использует многочисленные средства выразительности:

1. Эпитеты

«...quand une tête de vieille femme, revêche, ridée et toute rouge, apparut à la porte entrebâillée d'un grenier» [7, p. 16].

«...как из приотворенной двери амбара высунулась голова старухи с угрюмым, сморщенным и очень красным лицом».

Описывая неприятную на вид женщину, писатель интенциально употребляет прилагательные, начинающиеся со звука [r]. Звучание этого сонорного согласного звука ассоциируется с чем-то грубым и неприятным. Таким образом, карикатуральный образ создается не только за счет ярких эпитетов с отрицательной оценкой, но и при помощи звуковых повторов, ассоциирующихся с резкостью и грубыстью.

Первичное впечатление усиливается дополнительным описанием частей тела пожилой женщи-

ны. Описывая их, О. Мирбо употребляет эпитеты «*décharné*» («костлявый»), «*graviné*» («сморщеный»), «*gercé*» («потрескавшийся»), в каждом из которых встречается звук [r], что вызывает неприязнь к описываемому персонажу.

2. Антитеза

Комический эффект в нижеприведенном примере заключается в несоответствии внешнего героя, его «героического» энтузиазма и окружающей действительности.

«Le garde champêtre, le képi sur l'oreille, les manches de sa chemise retroussées, le visage animé d'une fièvre héroïque, arma son fusil» [7, p. 34].

«Полевой сторож в кепи набекрень, в рубашке с засученными рукавами, с лицом, озаренным героической лихорадкой, зарядил свое ружье».

Однородные приложения, используемые для описания героя, соединены бессоюзной связью. Такой асиндентон используется автором для создания ощущения оживления, поспешности, «героического» пафоса.

Далее автор переходит к описанию цели стрелка

«..il ajusta le chien, le pauvre chien, le lamentable chien qui avait délaissé son os, regardait la foule de son œil doux et craintif et ne paraissait pas se douter de ce que tout le monde voulait de lui» [7, p. 35].

«И он прицелился в собаку, в эту бедную, жалкую собаку, которая оставив свою кость, смотрела на толпу кротким и робким взглядом и, по-видимому, не понимала, чего от нее хотят все эти люди».

Лексический повтор с эффектом градации «*le pauvre chien, le lamentable chien*» демонстрирует авторское сочувствие к собаке. Таким противопоставлением автор высмеивает человеческую глупость и самолюбование. Герой убивает несчастную, невинную собаку и бесконечно гордится своим поступком. Здесь мы снова актуализирует концептуальную оппозицию «город-природа»: человек проигрывает на фоне животных

3. Сравнение

Сравнение в произведении О. Мирбо имеет зачастую зооморфный компонент, который в большинстве случаев служит для высмеивания.

«Il haussait les épaules de la voir «attifée comme une caricature», sans bonnet, les cheveux au vent, un chignon relevé sur le haut de la tête, et des mèches qui s'ébouriffaient sur le front, pareilles aux poils des chiens de berger» [7, p. 92].

«Он пожимал плечами, когда видел, что она разодета как на картинке, без шляпы, с развевающимися по ветру волосами, с шиньоном на макушке и растрепанными прядями, которые больше походили на шерсть овчарки».

Тот факт, что автор стремится создать карикатурный образ, подчеркнуто даже лексически. О. Мирбо использует сравнение с карикатурой «*attifée comme une caricature*», чтобы подчеркнуть вычурность наряда девушки. Нелепость его внешнего вида актуализируется за счет зооморфного сравнения с шерстью собаки.

4. Метафора

«C'est un vieil homme fort râpé, qui sent la poussière des paperasses et des dossiers» [7, p. 129].

«Это был сильно обтрепанный жизнью старик, пропахший пылью личных дел и досье».

Метафора в данном примере сочетается с иронией, которая указывает не только на преклонный возраст персонажа, но и на род его деятельности. Однако автор целенаправленно использует негативную оценочную лексику, чтобы создать образ неприятного, отталкивающего героя. Если мы со-поставим карикатуры на пожилых людей в цикле А. Доде и О. Мирбо, то сможем убедиться, что карикатура А. Доде значительно «мягче», и больше тяготеет к иронии, нежели к сатире.

5. Гипербола

«L'un était grand, gros, avec des yeux ronds, très noirs, des moustaches énormes qui pendait de chaque côté des lèvres, une bouche lippue et un triple menton qui s'épanouissait sur sa poitrine, entièrement cachée par la serviette» [7, p. 132].

«Один был большой, толстый, с круглыми, черными как сажа глазами, огромными усами, которые разделялись на две части над губами, пухлый рот и тройной подбородок, который возлежал на его груди, полностью укрытый салфеткой».

Оязывокление карикатуры реализуется за счет гиперболических эпитетов: «énorme» («огромный»), «triple» («тройной»), «lippue» («толстогубый»), «gros» («толстый»), «большой»), «uplanté» («упи-танный»), которые создают гротескный образ великан-людоеда. Усиление, заострение черт этого персонажа происходит за счет противопоставления другому персонажу, его постоянному спутнику:

Таким образом, благодаря средствам выразительности автор создает гротескный образ героя, который больше похож на сказочного персонажа, чем на человека. Обычно О. Мирбо стремится сохранить реалистичность, но в данном случае для особого устрашения персонажам приписываются черты свойственные скорее чудищам.

6. Развернутая карикатура смешанного типа

Также, как и в цикле рассказов А. Доде, в сборнике «Письма из моей хижины» встречаются много примеров карикатуры, построенной на нескольких средствах выразительности, что позволяет автору достичь оптимального комического эффекта

«L'homme qui entra était un grand diable, maigre, terreux et très voûté. Ses vêtements usés, rapiécés semblaient ne pas lui tenir au corps, tellement ils étaient minables» [7, p. 99].

«Вошедший мужчина был огромным чертятой, тощим, сутулым и с кожей землистого цвета. Его одежда была потрепана, заплатана и казалось, что она не держится на его теле, настолько она была жалкой на вид».

– Метафора

Автор имплицитно сравнивает героя с чертом. Этот метафорический перенос поясняется далее обособленными определениями и создает полномасштабный образ главного героя

– (гиперболическое) сравнение

В данном примере гипербола сочетается со сравнением, выраженным при помощи глагола «sembler» («оказаться»). О. Мирбо в значительной

степени преувеличивает худобу описываемого персонажа. Использование глагола «оказаться» способствует сохранению реалистичности образа.

– Эпитеты

В данном отрывке мы встречаем целый ряд определений, относящихся к лексико-семантическому полю «бедность»: «usé» («порошенный»), «rapiécé» («заплатанный»), «minable» («жалкий»).

Все данные средства выразительности в комплексе способствуют созданию образа чрезвычайно бедного человека.

Значительную роль в реализации комического кода играют антропонимы. Ономастическая языковая игра в произведениях литературы способствует не только созданию комического эффекта, но и раскрытию идейно-художественного замысла текста.

Имена и прозвища, используемые авторами в художественном произведении, выполняют следующие функции:

- называть, обозначить то или иное лицо, выделить его из числа других таких же объектов;
- выразить (метафорически) те или иные качества называемого лица

Антропонимы, встречающиеся в произведениях А. Доде и О. Мирбо целесообразно классифицировать следующим образом:

1) простые антропонимы, построенные без единого словообразовательного и формообразовательного компонента: Vern, Zette, Bartoli, Renaude, Dauphine;

2) производные антропонимы (корень или основа + антропоформант): Justin, Vivette, Séveran;

3) сложные антропонимы или антропонимы-композиты;

Антропонимы, возникшие в результате соединения корней (слов), называются «сложными антропонимами» или «антропоним-композит»: Pascal Doigt-de-Poix, Grandcoeur

4) антропонимы-словосочетания.

Имена, состоящие из одного или более слов, называются антропонимами-словосочетаниями: Maheu le Borgne, Léger le Bossu [13]

Наиболее распространенным способом образования антропонимов у обоих авторов являются производные антропонимы и антропонимы-композиты. Однако О. Мирбо чаще использует антропонимы-композиты, а А. Доде обращается преимущественно к производным антропонимам.

Использованию имен, прозвищ в художественной литературе сопутствует целый ряд коннотаций, влияющих на их восприятие реципиентом. Фамилии и прозвища, встречающиеся в художественных текстах, являются дополнительным инструментом для создания яркого образа, поскольку они выражают эмоционально-оценочную окраску.

Приемы ономастики у А. Доде встречаются достаточно часто. Следует отметить, что «говорящие фамилии» и прозвища в «Письмах с моей мельницы» носят не сатирический, а скорее описательный характер. Автор не стремится представить героя в невыгодном свете, он хочет лишь добавить дополнительную черту к его описанию, усилить характер.

В рассказе «Тайна деда Корниля» бойкая, храбрая девушка названа Виветтой. Французское имя собственное «*Vivette*» происходит от прилагательного «*vif*» («живой», «резвый», «горячий») при помощи добавления суффикса *-ette*, характерного для женских имен и прозвищ. Образ бодрой, резвой девушки усиливается в дальнейшем метафорой «*ce joli petit passereau de Vivette*» (этот милый воробушек Виветта). Молодой девушке противопоставлен ее дедушка, которого А. Доде называет Корнилем. Автор раскрывает характер персонажа, описывая его поведение:

«Alors, de male rage, le vieux s'enferma dans son moulin et vécut tout seul comme une bête farouche» [6, p. 17].

«Тогда в лютой злобе старик заперся у себя на мельнице и зажил там один, как дикий зверь».

В глазах читателя дед Корниль предстает старым, озлобленным, агрессивным человеком. Этот образ усиливается и дополняется при помощи ономастической единицы *Cornille*.

По одной версии, имя *Cornille* происходит от лат. *Cornelius*, по другой – от франц. *Corneille* (ворона) и использовалось как прозвище для людей с неприятным голосом. Таким образом, имя главного героя, вызывая у реципиента ассоциации с криком вороны, усиливает отрицательное впечатление.

Кличка главной героини рассказа «Козочка господина Сегена», козы Бланкетты, образована от прилагательного. Имя собственное «*Blanquette*» происходит от качественного прилагательного, обозначающего цвет «*blanc*» («белый») с добавлением суффикса *-ette*. В данном случае кличка не имеет оценочного смысла и выполняет первую функцию – обозначение объекта, с целью выделить его среди других.

В том же рассказе встречается другая героиня, старая коза Ренод («*Renaude*»). Автор дает ей следующую характеристику:

«Tu sais bien, la pauvre vieille Renaude qui était ici l'an dernier ? une maîtresse chèvre, forte et méchante comme un bouc» [6, p. 28].

«Помнишь бедную старую Реноду, что жила здесь в прошлом году? Истинная королева коз, сильная и злая, как козел».

С одной стороны, *Renaude* является очень распространенной во Франции фамилией, германского происхождения. С другой стороны, в качестве клички она приобретает дополнительные значения. Автор образует кличку животного от глагола «*renauder*» («брюзжать», «ворчать», «злиться», «поднимать шум»). В данном примере ономастическая единица выполняет смыслообразующую функцию. Кличка приобретает индивидуальный смысл «ворчунья, брюзга», что обусловлено контекстом. Узальные эпитеты «*forte*», «*méchante*», «*vieille*» указывают на пожилой возраст и строптивый характер козы, а кличка выступает средством создания ассоциативной связи, поскольку ворчливость это черта, приобретаемая с возрастом.

В сказочной новелле «Папский мул» («*La mule du pape*») главный герой – добродуш-

ный пapa, всеобщий любимец, по имени Бонифаций (Boniface). Boniface происходит от лат. *Bonifacius*, что означает дословно «*bonne face*» («доброе лицо»). Французский вариант созвучен латинскому. Образ приятного и мягкого человека подтверждается авторским описанием героя, которого он характеризует при помощи эпитетов «*aimable*» («любезный», «приветливый»), «*avenant*» («учтивый», «приветливый»):

«Il y en a un surtout, un bon vieux, qu'on appellait Boniface... Oh ! celui-là que de larmes on a versées en Avignon quand il est mort ! C'était un prince si aimable, si avenant !» [6, p. 49]

«Особенно отличался один добрый стариk, которого звали Бонифаций... Ох, как же его оплакивали в Авиньоне, когда он умер! Это был такой любезный, такой приветливый господин!»

Данное имя собственное очень распространено во Франции и не относится к авторским окказионализмам, однако создает положительный коннотативный фон образа папы Бонифация.

О. Мирбо также использует данный прием с еще большей амплитудой для создания карикатурального образа.

О. Мирбо также образует некоторые «говорящие» фамилии путем слияния двух слов. Так, например, в рассказе «*Le juge de paix*» («У мировой судьбы») герой – истец наделен фамилией *Gatelier*.

Такое словообразование характерно для французского языка. В «Новом французско-русском словаре» под редакцией В. Г. Гака и К. А. Ганшиной обнаруживаем целый ряд сложных имен существительных, образованных при помощи формы переходного глагола и существительного, обозначающего объект, над которым совершается действие, в данном случае глагол «*gâter*» (портить, повреждать):

gâte-bois – портак

gâte-bois – плохой столяр

gâte-métier – человек, работающий за бесценок, человек, торгующий в убыток

gâte-pâté – плохой кондитер, плохой булочник, халтурщик [3, p. 479].

Таким образом, мы можем предположить, что *Gatelier* = *gâte* + *lieu*, что может означать человек, портящий место, никчемный человек. Эта версия вполне согласуется с характером персонажа, который предстает читателю как глуповатый, слабый человек. Примечательно, что автор использует языковую игру и обыгрывает фамилию персонажа в тексте.

«Où qu'tu vas ? » que j'y dis. « Gâter de l'iau, » qu'é m'repond. « C'est ben! » que j'dis...» [7, p. 39].

«Куда ты идешь?» – спрашиваю я. «Не твоё дело» – отвечает мне она,

Фамилия может быть использована не только для создания комического эффекта или карикатурального образа, но и просто служить источником дополнительной информации о персонаже.

Так в рассказе «Тихие воды» («*Les eaux muettes*») главный герой – бесстрашный моряк и самый лучший рыбак, готовый в одиночку выходить на ловлю даже в страшную бурю. Другие рыбаки испытывают благоговейный ужас перед nim.

Автор дает ему такую характеристику:
«il était d'une force peu commune et redouté des jeunes gens» [7, p. 55].

«Он обладал редкой и опасной силой как у молодых мужчин».

Фамилия, данная герою Donnard, дополняет эту характеристику. Словарь французских антропонимов дает следующую этимологическую справку:

Donnard – патроним, распространенный в Бретани, особенно в Финистере. Происходит от древне бретонского имени воина Duenerth (due = dieu (бог)+ nerth = force (сила)). Таким образом, такая фамилия присвоена человеку, обладающему «силой бога».

Идея о том, как имя влияет на судьбу человека, прослеживается в том, что герои охотно меняют свои имена, чтобы они звучали благороднее. Например, герой рассказа «Смерть старика Дюге», молодой человек Isidore, переехав в город, выбирает себе другое имя – Justin. Патроним «Justin» образован от лат. *Justinus*, уменьш. от *Justus*, что в переводе на французский означает «*juste*» («справедливый», «истинный»). Таким образом, автор высмеивает стремление героя облагородить себя, подняться выше по социальной лестнице за счет внешних атрибутов: модной одежды.

Подобным образом герой рассказа «Агрономия» («Agronomie») Теодуль Леша (Lechat) придумывает, что крестьяне за спиной называют его Теодуль Летигр (Letigre). Здесь автор прибегает к языковой игре. Антропоним Lechat состоит из двух компонентов: определенный артикль мужского рода *le* + имя существительное «chat», что может быть переведено на русский язык лексемой «кот». Автор заменяет лексический компонент «chat» на другой близкородственный компонент «tigre». Герой придает себе значительности за счет сравнения себя с сильным, хищным пред-

ставителем кошачьих. Такая трансформация имени собственного служит средством высмеивания человеческого эгоизма, баффальства, самолюбования.

Еще одним примером сложного образования антропонима может служить фамилия второстепенной героини рассказа «Veuve» («Вдова») Мадам де Гранкер (Mme de Grandcoeur). Женщина описана как чрезмерно любопытная светская дама, которая любит интересоваться чужой личной жизнью, в то время как у самой есть 4 любовника и муж. Данный тип антропонима – композита образован по схеме прилагательное (Grand) + существительное (Сoeur)= Большое сердце. В комплексе с характеристикой данной героине, такая фамилия скорее имеет иронический характер. Автор высмеивает неискреннее сочувствие, лицемерие, любопытство.

Таким образом, можно утверждать, что оба автора интенциально используют ономастические приемы. Антропонимы позволяют дополнить и расширить образ персонажа. А. Доде создает простые антропонимы, образованные при помощи одной части речи (чаще прилагательного) и добавления суффиксов. О. Мирбо обращается к сложным антропонимам, образованным путем слияния двух корней.

Анализируя способы реализации комического кода А. Доде в произведении О. Мирбо, мы пришли к следующему выводу, что комический код – способ интертекстуального взаимодействия, в основе которого лежит использование одинаковых приемов создания комического. В произведении О. Мирбо и А. Доде комический код реализован при помощи литературной карикатуры. Следует отметить, что карикатуральные образы в рассказах А. Доде имеют иронический характер, в то время как карикатуральные образы О. Мирбо представляют собой яркий пример сатиры.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Бразговская Е. Е. Языки и коды: Введение в семиотику культуры. Пермь: Издательство ПГПУ, 2008. 200 с.
3. Гак В. Г., Ганьшина К. А. Новый французско-русский словарь. М.: Рус. медиа, 2006. 1160 с.
4. Доде А. Письма с моей мельницы. М.: Художественная литература, 1983. 224 с.
5. Кузнец М. Д. Стилистика английского языка. Ленинград: Учпедгиз, 1960. 278 с.
6. Лотман Ю. М. Текст в тексте. Тарту: ТГУ, 1981. 347 с.
7. Майнусов Д. Ф. Антропонимы «Шахнаме» Абулкасима Фирдавси. автореф. Душанбе: Худжанд. гос. ун-т имени акад. Б.Г. Гафурова, 2013. 27 с.
8. Мирбо О. Сад мучений. М.: Мистер Икс, 1993. 416 с.
9. Тороп П. Х. Проблема интекста. Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: ТГУ, 1981. С. 33–44.
10. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. М.: КомКнига, 2007. 282 с.
11. Ярцева В. Н. Большой Энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. 685 с.
12. Favre Y.-A. Mirbeau et l'art de la nouvelle. Angers: Presses de l'Université d'Angers, 1992. С. 343–350.
13. Daudet A. Lettres de mon moulin. Paris: 1869, 205 с.
14. Mirbeau O. Lettres de ma chaumière. Paris: 1886, 216 с.

References

1. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika (Selected Works: Semiotics. Poetics). Moscow: Progress, 1989. 616 p. (In Russian).
2. Brazgovskaya E. E. YAzyki i kody: Vvedenie v semiotiku kul'tury (Languages and codes: Introduction to the semiotics of culture). Perm': Izdatel'stvo PGPU, 2008. 200 p. (In Russian).

3. Gak V. G., Gan'shina K. A. *Novyj francuzsko-russkij slovar'* (*New French-Russian dictionary*). Moscow: Rus. media, 2006. 1160 p. (In Russian).
4. Dode A. *Pis'ma s moej mel'nicy* (*Letters from my mill*). Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1983. 224 p. (In Russian).
5. Kuznec M. D. *Stilistika anglijskogo yazyka* (*The stylistics of the English language*). Leningrad: Uchpedgiz, 1960. 278 p. (In Russian).
6. Lotman Yu. M. *Tekst v tekste* (*Text in the text*). Tartu: TSU publ., 1981. 347 p. (In Russian).
7. Majnusov D. F. *Antroponimy «SHahname» Abulkasima Firdavsi* (*Anthroponym «Shahname» Abulkasima Firdavsi*): abstract of thesis. Hudzhand. gos. un-t imeni akad. B.G. Gafurova, 2013. 27 p. (In Russian).
8. Mirbo O. *Sad muchenij* (*The Torture Garden*). Moscow: Mister Iks, 1993. 416 p. (In Russian).
9. Torop P. H. *Problema inteksta. Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* (*The problem of intext. Scientific notes of Tartu State University*). Tartu: TGU, 1981. P.33–44. (In Russian).
10. Fateeva N. A. *Intertekst v mire tekstov: kontrapunkt intertekstual'nosti* (*Intertext in the world of texts: the counterpoint of intertextuality*). Moscow: KomKniga, 2007. 282 p.
11. Yarceva V. N. *Bol'shoj Enciklopedicheskij slovar'*. YAzykoznanie (*Big Encyclopedic Dictionary. Linguistics*). Moscow: Bol'shaya Rossijskaya Enciklopediya, 1998. 685 s.
12. Favre Y.-A. *Mirbeau et l'art de la nouvelle*. Angers: Presses de l'Université d'Angers, 1992. S. 343-350.
13. Daudet A. *Lettres de mon moulin*. Paris: 1869, 205 s.
14. Mirbeau O. *Lettres de ma chaumi  re*. Paris: 1886, 216 s.

Информация об авторах

Воронкова Мария Александровна – преподаватель кафедры французской филологии Кубанского государственного университета (Краснодар) / marieveberels@gmail.com

Самарская Татьяна Богдановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и анализа Краснодарского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова (Краснодар) / marieveberels@gmail.com

Information about the authors

Voronkova Mariya – teacher, Chair of French Philology, Kuban State University (Krasnodar) / marieveberels@gmail.com

Samarskaya Tat'yana – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of accounting and analysis, Krasnodar branch of Plekhanov Russian University of Economics (Krasnodar) / marieveberels@gmail.com

УДК 811

М. В. Ласкова, К. М. Котикова

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ЧАСТОТЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ЭВФЕМИЗМОВ, СВЯЗАННЫХ С ТЕМОЙ «ОЖИРЕНИЕ», В РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРАХ АНГЛОГОВОРЯЩИХ СМИ И В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ

Эвфемизмы можно назвать социальным *lingua non franca*: они отражают человеческие тревоги, конфликты и страхи. Кроме того, они дают возможность говорящему смягчить сказанное, если тема оскорбительна, непристойна или неприятна собеседнику. Исследуя употребление эвфемизмов, можно понять, что происходило (и происходит) в нашем языке, сознании и культуре. Сфера жизни, которые подвергаются эвфемизации, меняются вместе с социальными установками. Одним из важнейших признаков нашего времени является политкорректность. Помимо всего прочего, политкорректность критикует использование слов, которые могут оскорбить отдельных членов группы; то есть использование эвфемизмов становится своего рода решением в ситуациях, когда приходится говорить о неприятных темах. Слово «ожирение», как и многие медицинские термины, пришло в разговорный язык с уже прикрепленной стигмой. В результате, негативная коннотация заставляет людей аккуратнее использовать слова *obese* и *obesity* и заменять их эвфемизмами. В английском языке был проведен ряд исследований с целью определения предпочтительных терминов и стилей общения врачей с пациентами на

тему лишнего веса и последствий чувств и страхов, связанных с навешиванием ярлыков. Однако практически неизученным остался вопрос, связанный с использованием эвфемизмов на тему лишнего веса в различных жанрах. Учитывая ограниченность такого анализа, в данной работе проведено исследование частоты употребления определенных эвфемистических выражений, связанных с лишним весом, в текстах, принадлежащих к различным жанрам и написанных в разные периоды. Для этого, эвфемизмы, связанные с лишним весом, были проанализированы в двух корпусах – Корпусе современного американского английского языка (COCA) и корпусе iWeb. После чего был выявлен процент употребления выражений в различных жанрах и в разные периоды; а некоторые эвфемистические выражения более тщательно проанализированы. Данная работа ограничена количеством анализируемых эвфемизмов и своим преимущественно описательным характером. Однако, полученные данные могут быть использованы для будущих исследований.

Ключевые слова: эвфемизмы, политкорректность, ожирение, COCA, iWeb, корпус текстов.

M. Laskova, K. Kotikova

DIFFERENCES AND SIMILARITIES IN FREQUENCY AND OCCURRENCE OF CERTAIN EUPHEMISTIC EXPRESSIONS RELATED TO OBESITY IN DIFFERENT GENRES OF THE ENGLISH-SPEAKING WRITTEN MEDIA AND AT DIFFERENT TIME PERIODS

Euphemisms are the main social *lingua non franca*. They allow speakers to mitigate the meaning of what has been said or what is going to be said if the words are offensive, indecent or unpleasant. Their analysis allows understanding what is going on in the language, minds and culture of people. The subjects that we tend to use euphemisms for change along with our social attitudes. Nowadays, one of the most vital subjects is a political correctness movement which criticizes the usage of words that may offend certain group members, that is why euphemisms are used instead. The word “obesity”, like many medical terms, came into the vernacular vocabulary with the attached stigma. As a result, the association influenced people to use the words “obese” and “obesity” with care and replace them with euphemisms. A number of studies of euphemisms were conducted within linguistics; a number of studies in English were carried out in order to identify preferred terms and communication styles of speaking with the patients about obesity, fat stigma and ways of discussing it in the modern society. Howev-

er, little research has been made in order to scrutinize the occurrence and periodicity of the related to obesity euphemisms usage in various media. Given the scarcity of such analysis, this study aims to analyze the occurrence and periodicity of the usage of related to obesity euphemisms in the different media and in different time periods. For this purpose, we collected data on euphemisms and analyzed it via language corpora — in the iWeb corpus (contains 14 billion words in 22 million web pages) and the Corpus of Contemporary American English (consists of more than 560 million words in 220,225 texts). Then, we presented the overall occurrences of euphemisms followed by their percentages in different genres and a more detailed analysis of certain euphemisms. Due to a limited number of analyzed euphemisms and mainly descriptive nature of this study, it is not fully conclusive, but it might be used for a future research analyzing larger expressions for a more complex analysis.

Key words: euphemisms, euphemistic expressions, political correctness, obesity, COCA, iWeb, text corpus.

It cannot be denied that a euphemism is an important and influential part of any social communication. Euphemisms allow speakers to mitigate the meaning of what has been said or what is going to be said if the words are offensive, indecent or unpleasant. Holder [16, p.6] in his *Dictionary of Euphemisms* argues that we use euphemism in speech and writing when dealing with taboo or sensitive subjects. He also states [16, p.6] that "it is therefore also the language of evasion, of hypocrisy, of prudery, and of deceit".

The first researcher to mention a term of "euphemism" was Thomas Blount. He defined it as "a good or favourable interpretation of a bad word" [12, p. 13]. According to Longman's [29, p. 533] *Dictionary of Contemporary English*, a euphemism is "a polite word or expression that you use instead of a more direct one to avoid shocking or upsetting someone". Rawson [24] says that euphemisms are "powerful linguistic tools that are embedded so deeply in our language that few of us, even those who pride themselves on being plainspoken, never get through a day without using them" [p.1]. He also states [24, p. 1] the following main functions of euphemisms: 1) they conceal the things people fear the most – death, the dead, the supernatural; 2) they cover up the facts of life – of sex and reproduction and excretion – which inevitably remind even the most refined people that they are made of clay, or worse.

Thus, euphemisms are main social lingua non franca. As such, they are outward and visible signs of our inward anxieties, conflicts, fears, and shames. By tracing them, it is possible to understand what has been (and is) going on in our language, minds and culture.

The subjects that we tend to use euphemisms for change along with our social attitudes. According to Holder [16], in the last twenty-five years there has been a shift in our attitude to such matters as female employment, sexual variety, marriage, illegitimacy, the ingestion of illegal drugs, abortion, job security, and sexual pursuit.

We should mention political correctness movement as one of the most essential hallmarks of our time. Apart from everything else, it criticizes word usage that may offend particular group members; that is usage of euphemisms becomes a kind of solution in the situations when unpleasant words have to be said. A focal point of the political correctness is to retaliate against body shaming which is humiliating someone about their body, whether it be that they are too short, too tall, too heavy or too skinny. In particular, Collier [8] describes body shaming as one of the reasons for causing depression among those who are overweight. Thus, obesity became highly stigmatized condition associated with blame, and it is well established that obese people are subject to prejudice and bias as a consequence of their bodyweight [30, p. 187].

The word "obesity", like many medical terms, came into the vernacular vocabulary with the attached stigma. As a result, the association influenced people to use the words "obese" and "obesity" with care and replace them with euphemisms, such as

unhealthy weight, stout, corpulent (meaning excessively fat), *large, big, voluptuous, curvy, curvaceous, well-built, plus-size, shapely, heavy set, having meat on the bones*, etc. In order to respect patients' feelings on this delicate issue, some doctors prefer indirect language to ease patient worries and employ euphemisms to avoid these emotive terms and to help clients comprehend what it is to be obese. According to the studies made in the US [11 in 30, p. 186–187], physicians are reported to use terms such as *weight, excess weight* and *unhealthy body weight* more often than obesity.

A number of studies of euphemisms were conducted within linguistics (e.g., Brown and Levinson, Enright, Allan and Burridge, Ayto, Halliday and Hasan, Hai-long, Tyurina, Sgeygal, Abakova, Krysin, Moskvin, Senichkina, Katsev, 1988, Larin).

A number of studies in English were carried out in order to identify preferred terms and communication styles of speaking with the patients about obesity and effects of feelings and fears related to the fat stigma. For example, Swift, Choi, Puhl and Glazebrook [30]; Barlösius and Philipp [4]; Finset [13]; Shannon [27] argued about fat stigma and ways of discussing it in the modern society. Whereas, Tailor and Ogden [31] and Collier [8] studied expressions which the doctors use and must choose while discussing obesity issues of their patients.

However, little research has been made in order to scrutinize the occurrence and periodicity of the related to obesity euphemisms usage in various media. Given the scarcity of such analysis, this study aims to analyze the frequencies and occurrences of certain euphemistic expressions related to obesity in different genres of the English writing media. This will be done via language corpora, which is more explained in the Corpus and Methods section. The expectation is that there will be more expressions in certain genres (magazines and newspapers).

Hence, this research aims to answer the following question:

- What are the differences and similarities in frequencies and occurrences of certain euphemistic expressions related to obesity in different genres of the English writing media and different periods?

In order to reply to this question, a list of euphemism related to obesity will be compiled and considered in two corpora – the *Corpus of Contemporary American English* (COCA) and iWeb corpus. Afterwards, the percentage of occurrences in the genres will be calculated; some of the euphemistic expressions will be analyzed more closely in order to reveal certain lexical properties of the expressions.

This study aims to find differences and similarities in frequencies and occurrences of certain euphemistic expressions (Table 1) related to obesity in different genres of the English writing media.

First of all, we collected data on euphemisms according to a quite subjective criterion that the expressions should have been popular or frequently used. Some of the expressions were found in *How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms* by Robert Holder [16]. Published in 2002, this dictionary contains over five thousand euphemistic ex-

pressions, which are compiled in two ways: in alphabetical order and in accordance with thematic index. Here are some of the expressions from the obesity category: *ample, battle of the bulge, bay window, big-boned, bit of a stomach, brewer's goiter, calorie counter, chubby, classic proportions, contour, corn-fed, couch potato, devoted to the table, differently weighted at, dine well, fond of food, full figure, heavily built, led astray, many pounds heavier, mature figure, middle-aged spread, people of size, puppy fat, quantitatively challenged, at contour, rubber tire, shorten the front line, spare tyre, tuck, weight problem, weight watcher, well-built, well-fleshed*.

The second source of data was articles in online newspapers such as *The Guardian, The Washington Post*, as well as other online resources such as WordReference language forum, humor site *Cracked, Clark and Miller, Bustle* and *Twitter*. As for the last source, American online news and social networking service Twitter where users post and interact with messages known as "tweets"; a question "*Which euphemisms for "fat" most irritate/frustrate/bother you?*" was posted by a user *Fellow fats* who received many answers from other network members. This source of information enriched this research with a list of obesity euphemisms which are hated by the overweight people in the US (it should be noted that the most popular answers were *fluffy* and *curvy*).

After considering the expressions, we selected a list of euphemisms for analysis. It is presented in the Table 1.

Table 1
Euphemisms for analysis

Euphemism
overweight
obese
voluptuous
curvy
curvaceous
chubby
morbidly obese
plus-sized
big-boned
well-built
well-nourished
vanity sizing
tubby
pleasantly plump
well-fleshed
full figure
rubenesque
heavily built
horizontally challenged

The second stage included the application of the iWeb corpus and the *Corpus of Contemporary Amer-*

ican English (COCA). The iWeb corpus contains 14 billion words in 22 million web pages. It is related to many other corpora of English – the nearly 95,000 websites in iWeb were chosen in a systematic way and the websites have an average of 240 web pages and 145,000 words each.

The *Corpus of Contemporary American English* (COCA), the largest genre-balanced corpus of English, consists of more than 560 million words in 220,225 texts, including 20 million words each year from 1990–2017. The latest addition of texts was made in December 2017. Unlike the iWeb corpus, the COCA is evenly grouped into five genres of *Spoken* (transcripts of unscripted conversation from more than 150 different TV and radio programs), *Fiction* (short stories and plays from literary magazines, children's magazines, popular magazines, first chapters of first edition books 1990-present, and movie scripts), *Popular magazines* (nearly 100 different magazines, with a mix between specific domains (news, health, home and gardening, women, financial, religion, sports, etc)), *Newspapers* (ten newspapers from across the US, including: *USA Today, New York Times, Atlanta Journal Constitution, San Francisco Chronicle*, etc.) and *Academic journals* (about 100 different peer-reviewed journals) for each year.

First, the overall number of occurrences was considered in both the iWeb and COCA. Afterwards the percentages of occurrences in the genres were calculated for the COCA. There is a suggestion that euphemistic expressions will be found more frequently in magazines and perhaps newspapers. First of all, it may happen because of these genres' format and audience interests – there are many articles about appearance and invented beauty standards which most people do not meet. This is a reason why popular editions use euphemisms in order to veil unpleasant statements about people's appearance, which may increase vagueness and distance in these texts.

The following section presents the results, starting with the overall occurrences, followed by the percentages in genres and more detailed analysis of certain euphemisms.

The first results are presented in the table below and provide a number of certain euphemism occurrences in the iWeb compared to the COCA. We should notice that, for some expressions found in both corpora, a number of analyzing euphemisms indicated in the Table 2 was limited by those in combinations with words related to overweight topic. It was done because some adjectives might be euphemistic under certain circumstances, in other cases they can be a part of explicit collocations without implicit meaning at all. Such expressions are asterisked. Others are presented in full. The column 'per million words' refers to a certain euphemism frequency per million words and provides estimate of how many times mentioned euphemism showed up in a sample of 1,000000. It is calculated using the formula: Frequency per 1,000000 words = frequency/occurrence of euphemism ÷ number of words in corpus x 1,000000.

Table 2
The number of euphemisms and its frequency per million words

Euphemism	iWeb	Per million words	COCA	Per million words
overweight	88 120	6,294	4 879	8,713
obese	60 200	4,300	2 846	5,082
voluptuous	5 421	0,387	651	1,163
curvy*	4 051	0,289	133	0,238
curvaceous	3 661	0,262	196	0,350
chubby*	3 462	0,247	469	0,838
morbidly obese	2 918	0,208	128	0,229
plus-sized	1 662	0,119	52	0,093
big-boned	380	0,027	152	0,271
well-built*	335	0,024	32	0,057
well-nourished*	251	0,018	6	0,011
vanity sizing	235	0,017	8	0,014
tubby*	204	0,015	20	0,036
pleasantly plump	128	0,009	13	0,023
well-fleshed	66	0,005	4	0,007
full figure* (calculated in collocations in iWeb, but solely in COCA)	65	0,005	50	0,089
rubenesque*	51	0,004	32	0,057
heavily built*	21	0,002	14	0,025
horizontally challenged	9	0,001	0	0,000

It is clear that the iWeb has more occurrences of expressions found. This fact can be explained by the volume of this corpus (14 billion words against 560 million words in COCA). However, the word usage frequency is not the same. The table shows that in most cases the frequency of euphemisms per million words in the COCA is much higher than in the iWeb. It may be caused by a fact that the iWeb corpus related to many other corpora of English such as *Wikipedia Corpus* (1.9 billion words), *Hansard Corpus* (1.6 billion words) which contains nearly every speech given in the British Parliament, *Early (1470s-1690s) English Books Online* (755 million words), *Corpus of Historical American English* (400 million words),

Corpus of US Supreme Court Opinions (130 million words) that contain literary, professional and historical lexis, while euphemisms are conventionally used in conversation vocabulary which is traditionally practiced in spoken and journalistic genres.

Thus, the following table presents the distribution of euphemisms found in the COCA according to different genres and shows expressions dominating in certain genres. We have studied only those euphemisms that were fully calculated in the previous table, that is they were not limited by combinations with extra words, which could assist to label them as euphemistic.

Table 3
Occurrences with percentages of genre distribution in COCA

Euphemisms	Overall no'	%, Spoken	%, Fiction	%, Magazine	%, Newspaper	%, Academic
overweight	4879	15	12	33	11	29
obese	2846	14	8	33	12	34
voluptuous	651	9	42	27	13	9
morbidly obese	128	24	16	33	14	13
curvaceous	196	5	29	46	14	5
full figure	50	4	44	30	8	14
big-boned	152	4	71	14	7	3

pleasantly plump	13	15	62	8	8	8
plus-sized	52	38	8	33	21	0
vanity sizing	8	38	13	50	0	0
well-fleshed	4	0	75	25	0	0
Total:	8979	14	15	32	12	27

The table clearly shows that the most frequent use is in Academic and Magazine genres (27 % and 32 % respectively). However, there are only two cases when percentage is quite high in Academic genre – with words overweight and obese. Moreover, these words are the most common in the analysis. It might be explained by a fact that these euphemisms are predominantly used by researchers studying obesity and using words with the most neutral, academic and even medical connotations among others.

As for other euphemisms, they are most frequently used in Magazine and Fiction, followed by Spoken and Newspaper genres. Earlier we suggested that euphemistic expressions would be more common in magazines and perhaps newspapers. The first part of this suggestion was proven right – it may be

because of Magazine genre's format and audience interests – popular editions use euphemisms to veil unpleasant statements about people's appearance in order not to hurt those who do not meet common beauty standards. In newspapers, there is a less frequent use of almost all euphemisms comparing to other genres. Moreover, this section has the least percentage of euphemism usage among others. This fact is quite surprising and the reason may be in newspapers' selection of topics – they have more articles about politics and economics than about fashion and looks.

The next table shows percentages of euphemisms' distribution per years. There are several evaluated periods: 1990–1994, 1995–1999, 2000–2004, 2005–2009, 2010–2014 and 2015–2017.

Occurrences with percentages of distribution per years in COCA

Euphemisms	Overall no'	%, 1990-1994	%, 1995-1999	%, 2000-2004	%, 2005-2009	%, 2010-2014	%, 2015-2017
overweight	4879	10	15	18	19	29	8
obese	2846	9	9	15	20	37	10
voluptuous	651	20	18	19	18	18	7
morbidly obese	128	3	11	23	35	16	13
curvaceous	196	5	17	25	24	19	9
full figure	50	30	32	10	14	10	4
big-boned	152	13	18	19	22	17	11
pleasantly plump	13	0	8	38	38	15	0
plus-sized	52	0	23	13	17	35	12
vanity sizing	8	0	0	0	63	38	0
well-fleshed	4	0	0	25	50	0	25
Total:	8979	10	14	18	20	30	8

As the table shows, 30 % of the total occurrences were between 2010 and 2014, 20 % in the period 2005–2009, 18 % between 2000 and 2004, 14 % in the period 1995–1999, 10 % and 8 % between 1990–1994 and 2015–2017 respectively. The unexpected fact about the year distribution is that in the latest period (2015–2017) the least number of euphemisms was used. At the same time, the previous period (2010–2014) was the richest with euphemistic expressions. Apart from this, there was a constant growth of euphemisms' usage from 1990 to 2014. But this trend applies only to certain expres-

sions: overweight, obese, plus-sized and partially for morbidly obese, curvaceous, big-boned, pleasantly plump, vanity sizing, which usage was increasing till 2005–2009 period and then started to fall. As for full figure and voluptuous, these expressions were popular in the early 1990's, but its frequency decreased steadily by the last analyzed period.

This study aimed to identify the differences and similarities in frequencies and occurrences of certain euphemistic expressions related to obesity in different genres of the English writing media and different time periods. For this purpose, a list of euphemism

related to obesity was compiled and considered in two corpora – the Corpus of Contemporary American English (COCA) and iWeb corpus. Then, the percentage of occurrences in the genres was calculated and analyzed. Based on the results, we have concluded the following.

Most occurrences of expressions were in the iWeb. This can be explained by the volume of this corpus comparing to the COCA. However, the word usage frequency was not the same: in most cases, the frequency of euphemisms per million words in the COCA was much higher than in the iWeb. The reason may be that the iWeb corpus is related to many other corpora contained the literary, professional and historical lexis, while euphemisms are conventionally used in the conversation vocabulary.

The analysis of the expression frequency has demonstrated that Academic and Magazine genres had the largest number of euphemisms. But this was only because of the frequent usage of the most popular euphemisms (obese and overweight).

Other most frequently used euphemisms were in the Magazine and Fiction genres, followed by Spoken and Newspaper genres. Magazine genre's format and audience interests might be the reason of this result – popular editions use euphemisms to veil unpleasant statements about people's appearance in order not to hurt people who do not meet common beauty standards.

As for the percentage of distribution per years, most of calculated euphemisms were used between 2010 and 2014. The least number of occurrences was done between 2015–2017. Furthermore, there was a constant growth of the most euphemisms' usage from 1990 to 2014. However, some expressions were popular in the early 1990's, but their frequency decreased steadily by the last analyzed period.

There were two unexpected facts in this study. First, newspapers had a less frequent use of almost all euphemisms comparing to other genres. Moreover, this section had the least percentage of euphemisms' usage among others. It might be explained by the newspapers' selection of topics – they focus more on politics and economics rather than fashion and appearance.

The second fact is that the least number of euphemisms was used in the latest analyzed period (2015–2017). While the previous period (2010–2014) was the most popular for euphemistic expressions.

The study is limited by a number of analyzed euphemisms and its mainly descriptive nature. Due to this, this study is not fully conclusive, but it may be used for a future research, that could analyze larger expressions for a more complex analysis of the differences and similarities in frequencies and occurrences of certain euphemistic expressions.

Литература / References

1. Абакова Т. Н. Парадигматические отношения и семантико-прагматические особенности эвфемизмов и дисфемизмов современного английского языка. Саратов: СГУ, 2007. 22 с.
2. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия. Л.: ЛГПИ, 1988. 79 с.
3. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи. Берлин: Русистика, 1994.
4. Ларин Б. А. Об эвфемизмах // Ученые записки Ленинградского университета №301. Серия филол. наук. 1961. Вып. 60. С.110–124.
5. Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. №2. М.: ЛЕНАНД, 2007. 264 с
6. Москвин В. П. Способы евфемистической зашифровки в современном русском языке // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград: Перемена, 1998. С.160–168.
7. Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: Учеб. Пособие. М.: Высшая школа, 2006. 151 с
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Монография. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
9. Тюрина Е. Е. Семантический статус ёвфемизмов и их место в системе номинативных средств языка. Н. Новгород, 1998. 127 с.
10. Тюрина Е. Е. Semanticeskij status jevfemizmov i ih mesto v sisteme nominativnyh sredstv jazyka (Semantic status of euphemisms and its place in the system of nominative means of language). N. Novgorod, 1998. 127 p. (In Russian).

10. Allan K., Burridge K. *Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511617881> (Accessed: 15.12.2018)
11. Atyo J. *Euphemisms*. London: Bloomsbury, 1993.
12. Barlösius E., & Philipps A. Felt stigma and obesity: Introducing the generalized other // *Social Science & Medicine*. April 1, 2015. P. 9-15.
13. Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
14. Christina H. "Plus sized" clothes: Translating the baffling euphemisms // *Cracked*. June 29, 2010. URL: http://www.cracked.com/article_18622_plus-sized-clothes-translating-baffling-euphemisms.html (Accessed: 25.12.2018)
15. Clark G. 25 English euphemisms for delicate situations // *Clark and Miller*. September 1, 2017. URL: <https://www.clarkandmiller.com/25-english-euphemisms-for-delicate-situations/> (Accessed: 15.12.2018)
16. Collier R. Who you calling obese, Doc? // *Canadian Medical Association Journal*. August 10, 2010. P. 1161-1162.
17. Davies M. iWeb: The Intelligent Web-based Corpus: 14 billion words. URL: <http://corpus.byu.edu/iweb> (Accessed: 26.12.2018)
18. Davies M. The corpus of contemporary American English (COCA): 450 million words, 1990-2017. URL: <http://corpus.byu.edu/coca> (Accessed: 26.12.2018)
19. Dutton G. R., Tan F., Perri M. G., Stine C. C., Dancer-Brown M., Goble M. & Van V. N. What Words Should We Use When Discussing Excess Weight? // *The Journal of the American Board of Family Medicine*. September 1, 2010. P. 606-613.
20. Enright D. J. *Fair of Speech: The Uses of Euphemism*. Oxford: Oxford University Press, 1985. 222 p.
21. Finset A. One size does not fit all: How to talk to patients about obesity // *Patient Education and Counseling*. August 1, 2009.
22. Hai-long H. Intercultural study of euphemisms in Chinese and English // *Sino-US English Teaching*. 2008. URL: <https://wenku.baidu.com/view/616f1da3284ac850ad0242af.html> (Accessed: 25.12.2018)
23. Halliday M., Hasan R. *Language, Context, Text: Aspects of Language in a Social Semiotic Perspective*. Oxford: Oxford University Press, 1985.
24. Holder R. W. *How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
25. Ospina M. S. 5 euphemisms for plus size women // *Bustle*. January 9, 2015. URL: <https://www.bustle.com/articles/57526-5-euphemisms-for-plus-size-women-that-remind-us-how-scared-we-are-of-words> (Accessed: 22.12.2018)
26. Pexton P. Morbidly obese or "mega-fatties"? // *The Washington Post*. April 20, 2011. URL: <https://www.washingtonpost.com/blogs/omblog/post/morbidly-obese-or-mega-fatties> (Accessed: 24.12.2018)
27. Rawson H. *A dictionary of euphemisms & other doubletalk: Being a compilation of linguistic fig leaves and verbal flourishes for artful users of the English Language*. New York: Crown, 1981.
28. Rees N. In other words // *The Guardian*. October 14, 2006. URL: <https://www.theguardian.com/money/2006/oct/14/careers.work> (Accessed: 24.12.2018)
29. Shannon A., & Mills J. S. Correlates, causes, and consequences of fat talk: A review // *Body Image*. September 1, 2015. P. 158-172.
30. Summers D., Longman P. *Longman dictionary of contemporary English*. Harlow: Longman, 1995.
31. Swift J. A., Choi E., Puhl R. M., Glazebrook, C. (n.d.). Talking about obesity with clients: preferred terms and communication styles of UK pre-registration dieticians, doctors and nurses // *Patient Education and Counseling*. 2013. No. 91 (2). P. 186-191.
32. Tailor A., Ogden J. Avoiding the term obesity: An experimental study of the impact of doctors language on patients beliefs // *Patient Education and Counseling*. August 1, 2009.
33. Twitter. URL: <https://twitter.com/yrfatfriend/status/936085585889976320> (Accessed: 14.12.2018)
34. WordReference.com. URL: <https://forum.wordreference.com/threads/fat-euphemism.824429/> (Accessed: 15.12.2018)

Информация об авторах

Ласкова Марина Васильевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / mvlaskova@sfedu.ru

Котикова Ксения Михайловна – магистрант института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / Lea842004@mail.ru

Information about the authors

Laskova Marina – Doctor of Philology, Professor, Head of Chair of Translation and Information Technology in Linguistics, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communications, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / mvlaskova@sfedu.ru

Kotikova Ksenia – MA student, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communications, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / Lea842004@mail.ru

УДК 81'42

Г. И. Маринина, М. В. Писклова

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования национально-культурного концепта ЛЮБОВЬ в паремиологических конструкциях и устойчивых выражениях. Акцентуация и актуализация ядерных социально-культурных пространств в ключевых концептуализируемых понятиях каждой из лингвокультур представляет собой одну из наиболее важных проблем современной лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Актуальным является произведенный в рамках исследования контрастивный и компаративный анализ экспликации компонентов семенного состава рассматриваемого концепта в картинах мира различных лингвокультурных сообществ. Принципиально новым в работе представляется выявление автором основных векторов накопления изменений информационно-знаниевого континуума в концептуализируемом понятии

в процессе взаимодействия языкового знака как его употребления с ментальными образованиями, содержащими социально-культурные элементы. Разработка проблемы осуществляется в рамках лингвокультурного и герменевтического подходов к анализу процессов формирования и динамики лексической экспликации отдельных компонентов когитологических сфер, что доказывает возможность объединения когитологических методов изучения речемыслительных процессов экстерриоризации социально-культурной информации и герменевтическо-ноэматических приемов имплементации отдельных обертонов смысловой иерархии при концептуализации понятия.

Ключевые слова: концепт, паремия, фразеология, этно-национальная специфика, концептуализация, вербализация.

G. Marinina, M. Pisklova

NATIONAL AND CULTURAL PECULIARITIES OF THE LOVE CONCEPT IN THE PHRASEOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD

The article studies national and cultural features of the LOVE concept as represented in paremiological constructions and set expressions. Actualization and special emphasis on nucleus socio-cultural spaces in the key conceptualized notions in any linguoculture appear to be a topical issue in modern linguoculture studies and cognitive linguistics. The study offers relevant contrastive and comparative analyses of seme component expression as regards the concept under consideration in the pictures of the world within different linguocultural communities. The author provides a completely new specification of basic vectors to accumulate changes in information-knowledge continuum correlating with the conceptualized notion as

the language sign reveals the interaction between its use and mental constructs containing socio-cultural elements. The analysis rests on linguo-cultural and hermeneutic approaches to studying the processes of formation and dynamics of lexical expression of certain components representing the cogitological spheres. It allows the possibility of combining cogitological methods in studying speech and mental processes of socio-cultural information exteriorization and hermeneutic-noematic techniques of implementing particular overtones of sense hierarchy in the course of notion conceptualization.

Key words: concept, paroemia, phraseological unit, ethnic-national peculiarities, conceptualization, verbalization.

В настоящее время не подлежит сомнению поступат о непосредственной и глубокой взаимозависимости формирования и развития некоей этно-национальной общности и динамики развития языковой системы, являющейся primaryным кодом аккумулирования и трансляции различных видов информации. Ментальность каждого народа, его этнонациональное сознание, его культурная самоидентификация в качестве общей, разделенной всеми членами сообщества «концептуально-валерной системы» [1] (термин С. Н. Бредихина) образует рефлексивную реальность языка. Так, например, каждая этни-

чески- или культурно-единая группа обладает некоторым рядом ассоциатов-экспликаторов образности, основой которого являются единые, стереотипные метафорические модели и специфическое компонентное наполнение лингвем как органичного сочетания языковых значений с объективируемыми мыслительными понятиями [17]. Данные ассоциаты могут, проходя весь процесс концептуализации, закрепляться в системе языка, формируя специфическое этно-национальное ядро концептосферы, дающее возможность каждому из представителей лингвокультуры осознавать и производить коммуникативные действия

в соответствии с единой ценностно-ориентационной парадигмой.

В настоящей работе мы используем контамированный когитологическо-герменевтический подход, главной целью которого является определение точек пересечения, синтеза компонентов репрезентации индивидуально-личностного и обще-лингвокультурного в языковых единицах, т.е. совмещение концептосознания и языкосознания в их экспликации в сфере речемысли. Данный вопрос на настоящий момент является приоритетным в лингвокогнитивных исследованиях. Мы же имеем целью рассмотрение вышеозначенных процессов на материале фразеологического состава немецкой, английской и русской систем языка как результата объединения двух коллективных и анонимных феноменов – фольклора и языка. Это универсальное миропонимание, которое сформировалось на основе рефлексии второго уровня ещё на ранней стадии развития национального самосознания, можно отнести к той сфере рефлексивной реальности, которая осознается, как утверждает С. Н. Бредихин, интуитивно как «наиболее общий метасмысл» в каждой конкретной культуре [4, с. 639], что исключает использование более традиционного термина «народное искусство». Подобная картина мира эксплицирует прежде всего компоненты лингвокультурного «коллективного бессознательного». Так, один из ведущих советских исследователей фольклора А. П. Скафтыров дефинирует фольклорную мысль как некое «творческое искажение жизни» [14, с. 56], дающее реципиенту идеализированное, свободное от наслоений объективной реальности, случайных наслоений, представление конкретного этно-культурного сообщества о мире – некую идеальную стереотипную модель – недостижимую, но определяющую все действия человека «концептуально-валерную систему» [1] норм и правил. Это своего рода этнический эталон культуры-носителя, создающийся на основе всех возможных употреблений ментального стереотипа в процессе речевых экспликаций. Этот процесс имеет чрезвычайно сложную структуру, по С. Н. Бредихину, формирующуюся в первую очередь при контакте реципиента с действительностью, «внутреннее понятие» [1, с. 123] входит в рефлексивную реальность индивидуума, затем реализуется в различных ментальных конструкциях и порождает «невербализованное понятие» [1, с. 123], которое ищет пути собственной репрезентации в структурах языка и формирует рефлексивную базу «вербализованного понятия», которое в свою очередь переосмысливается в процессе многочисленных речеупотреблений, обретает дополнительные обертоны смысла, кристаллизуемые в ядре «концептуализированного понятия» [1, с. 123] приобретающего статусные характеристики в концептуально-валерной системе. Разработка вопроса предельной концептуализации в паремиологии и фразеологии открывает перед нами широкие перспективы анализа этно-культурных компонентов базовых ценностных категорий определенного языкового сообщества.

В рамках данной концепции можно установить и связь предпринятого анализа с исследованиями в области лингвокультурологии. Так, С. Г. Тер-Минасова подчеркивает возможность языка функционировать в качестве «зеркала культуры» [15, с.48] способного отражать не только действительность (воспринимаемую и трансформируемую человеком в процессе предметной деятельности), но и рефлексивную реальность (сировоззрение, ценностно-ориентационную сферу, менталитет, социо-культурные традиции в рамках коммуникативного поведения).

Из постулата о диалектическом взаимодействии мышления и языка, мы заключаем, что язык отражает языковую картину мира как народа в целом, так и особенности познавательной деятельности человека и его мышления. Трудно не согласиться О. Д. Ивицкой, утверждающей интерпретативный и знаково-символьный характер языковой картины мира по отношению к объективной реальности. И в то же время необходимо подчеркнуть примат концептуальной картины мира в языковой системе, отражающей весь сонм характеристик человеческой экзистенции, взаимосвязь и взаимопроникновение данной системы и реального мира в терминах условий человеческого и языкового бытования в этом мире [8, с. 122].

Понятие «языковая картина мира» мы тесно связываем с понятием ментальности, которую можно понимать, как мировидение, репрезентированное в категориальных понятиях и формах языковой системы, которые являются ключевыми точками бифуркации духовных, волевых и интеллектуальных качеств этно-национального характера, при этом культурный концепт будет служить основным элементом ментальности [11, с. 127].

Вслед за Д. С. Лихачевым можно определить концепт как некий продукт тесного взаимодействия значения лексемы и его контекстуального употребления в лингвокультурном сообществе, т.е. потенциальный объем концепта находится в прямой зависимости от индивидуально-личностного и этно-национального культурного опыта [10, с. 189].

Необходимо отметить, что фразеологический уровень, являясь этноспецифическим сводом законов данного народа – этническим эталоном, который отражает не только сами процессы построения лингвокультурного семантического пространства, но и является собственно их результатом, а также репрезентирует в своей иерархической структуре ценностно-этические и социально-нравственные составляющие. Морально-нравственные принципы идеино формализуются на основе идеалов добра и зла, справедливости, долга, и соотносятся с конкретным периодом и формой общественного строя и развития, т.е. представляют ядро эпистемы. Нравственные нормы формируются в течение продолжительного периода времени на основе традиций, обнаруживающихся у каждого конкретного этноса или народа. При этом обычаи и традиции различных этнических общностей не существуют изолировано в когнитивно-валерном пространстве одной лингвокультуры – они вза-

имодействуют, взаимообогащаются, воспринимают элементы других, не теряя при этом свойственных принимающей лингвокультуре базовых (ядерных) характеристик [3, с. 32–33].

В рамках анализа репрезентационных потенций концептуализированного понятия ЛЮБОВЬ (одного из ядерных в рассматриваемых лингвокультурах – немецкой, русской и английской) следует, прежде всего, остановиться на универсальных моделях деривации этно-культурных обертонов смысла во фразеологическом аппарате данных языковых систем. В действительности, на достаточно обширном эмпирическом материале паремических систем разных лингвокультур можно обнаружить единые тенденции в производстве как деятельностных, так и коммуникативных актов, т.е. сходство большинства «сюжетов» представления этнических стереотипов. Однако необходимо подчеркнуть не только различную степень их актуализации, но и собственные, культурно-специфические основы перехода стереотипного образа (когитемы) в речевую представленность (овеществление его с помощью ложек и коммуникемы) и последующего формирования «концептуализированного понятия» [1, с. 123] – лингвемы. Данная разница в, казалось бы, универсальных моделях представления коренится в имманентной связи средств вербализации не только с языковыми возможностями, но и с достаточно тесной переплетенностью их с деятельностной активностью в объективной реальности: образом жизни этноса, природой и климатом конкретного ареала. Взаимообусловленность объективных экстралингвистических факторов и конкретных особенностей лингвокогнитивного конструирования высказывания, социо-культурных и концептуально-валерных аспектов коммуникативного действия всех членов лингвокультурного сообщества закономерно эксплицируется в паремиологической системе языка. Благодаря своей специфике в аспекте стереотипной структурной организации и семантической оформленности в элементах, понятных каждому представителю лингвокультуры, рассматриваемые языковые знаки отличаются тем, что представляют не только референциальную вербализацию некой стереотипной ситуации, но, кроме того, одновременно эксплицируют аксиологические обертоны и «прогностические стратегии» [1, с. 122] рецепции и интерпретации данных единиц.

В процессе анализа этно-культурной специфики концептуализированного понятия доминантной представляется рассмотрение его места и валерности (значимости) в концептосфере конкретной лингвокультуры. Устойчивые выражения нередко представляют собой специфические комплексные знаки, эксплицирующие одновременно модели стандартных предметно-деятельностных и коммуникативных ситуаций, а также ассоциативных корреляций дискретных феноменов реальной и рефлексивной действительности. Символический характер, предельная стандартизованность вкупе с возможностью алгоритмирования процессов рецепции и интерпретации

обеспечивают тесную взаимосвязь паремических единиц с общими для всех представителей лингвокультуры когнитивными основаниями мицровосприятия. Следует, однако, подчеркнуть разность базовых категорий для формирования внутренней структуры пословичных единиц, т.е. специфику метафорических порождающих моделей – паремии как языковые знаки входят в систему языка, но в качестве прототипических моделей оценки они являются прерогативой фольклорного фонда. Для глубокого понимания рассматриваемого фонда как отдельного пласта языка необходимо делимитировать их место в системе. Паремии, представляя некий целостный фольклорный текст, гораздо сложнее других фразеологических единиц, это, по сути, самостоятельные языковые единицы, выделяемые в отдельный класс. Г. Л. Пермяков постулирует наличие отдельного «паремиологического уровня языка» [13, с. 137]. В системе лексических субстратов языка он занимает самый верхний ярус, базирующийся на «нижнем» – лексическом, способным выразить любые отношения и понятия, включая те, которые находят экспликацию во фразеологизмах, «среднем» – фразеологическом, который является существенным дополнением тезауруса и обеспечивает лексико-фразеологический состав языка комплексными знаками-вербализаторами специфических или же прототипических концептуально-нагруженных ситуаций-понятий. Рассматриваемый нами «верхний» паремиологический уровень, который включает в себя поверья, велеризмы, присловья, приметы, пословицы и поговорки и т.п. является арсеналом языковых и речевых (в их трансформированном переосмысленном виде) единиц, призванных вербально эксплицировать типовые ситуации бытования человека, в аспекте формирования и наиболее простого (на уровне ноэматической рефлексии) усвоения множества логических норм наивной картины мира.

В целом сонме разноструктурных и обладающих различной степенью стереотипности произведений народного творчества особое место отводится именно пословицам и поговоркам как наиболее общим, несмотря на их ограниченное функционирование в речи, разделенным всеми членами лингвокультурного сообщества экспликаторам «житейского» знания. Данный факт объясняется предельной концентрацией в вербализуемом понятии генерализованного концептуально-художественного образа, который призван отражать различные феномены быта в их наивном миропонимании, на основе общекультурной интуитивной рефлексии. Весь пословичный фонд представляет собой некий глубинный аксиологический код, воспринимаемый отдельным языковым сообществом как «свод суждений о жизни народа, свод точных и острых характеристик, наблюдений и обобщений, сделанных трудящимися массами; в пословицах отражены и ошибочные, ложные толкования окружающего мира, и ложные знания, которые постепенно накапливались и получили образное выражение» [2, с. 8]. Паре-

миологический состав языка раскрывает сложное и часто противоречивое в диахроническом срезе мировоззрение этноса.

В процессе анализа эмпирического материала выявляется несколько положений. Во-первых, концепт ЛЮБОВЬ эксплицируется во фразеологическом составе языка на основании целого ряда ассоциативных лексем, имеющих общее ядро, представленное ноэмами «привязанность», «ценность». Следует отметить имманентную оппозицию, неизменно содержащуюся в данном концептуализируемом понятии – это абстрактность/конкретность сенсуально-аксиологических характеристик. Так, в западноевропейских лингвокультурах предпочтение отдается прямой номинации абстрактного действенного компонента, например, англ. *love*, или нем. *die Liebe*; в русском языке ядерная номинация осуществляется в глагольной форме – **любить**. Во-вторых, степень абстрактности варьируется в различных лингвокультурах: наибольшей степени экспликации обобщенность концептуализации достигает в немецком языке, в то время как в русском языковом пространстве конкретно-деятельностный элемент является доминирующим. В-третьих, некоторые из актуализируемых обертонов в периферийных лексемах лексико-семантической группы «любовь» в русской системе пословиц и поговорок, получают больший приоритет в сравнении с ядерными компонентами реализации концепта ЛЮБОВЬ (любимый, милый сердцу и т.п.). Например, акцентизация ноэма «духовная близость», «единение» в лексеме *дружок*, указывает на примарность данных элементов смысла в архетипическом понятии **любовь**. Сама номинация «любовь» в глагольной вербализации является знаком двунаправленного взаимного действия, т.е. эксплицирует и субъект и объект. При этом следует особо подчеркнуть этно-культурные различия в частотности субъектной вербализации в английской и немецкой языковой общности и объектные характеристики, присущие русской лингвокультуре. Результаты функционального ноэматического анализа позволяют утверждать, что концепт ЛЮБОВЬ в ментальном лексиконе германских народов является особой деятельной сущностью, а у русских это имманентная характеристика конкретной личности.

Интересны и концептуальные метафоры, на основе которых каждый народ создавал данные паремии. Они вербализуют похожие ситуации во всех сравниваемых языках, однако, метафоризация осуществляется на базе разных образов, что происходит по причине расхождения в образных ассоциациях в конкретных языковых сообществах, базирующихся на объективных условиях жизни. Так, например, невозможность и противовесственность возникновения чувства любви по принуждению или вынужденности проявления отдельных её характеристик внешними обстоятельствами зачастую вербализуется в русскоязычной лингвокультуре метафорой милостыни или снисхождения: Любовь не милостыня: её каждому не

подашь [6, с. 134]. Проявление данных архетипических признаков в немецкой лингвокультуре строится уже на других когнитивных основаниях – сравнение с песней: *Lieben und Singen lässt sich nicht zwingen* [2, с. 76], отмечается и недолговечность любви насильтственной: *Gezwungene Liebe und gemalte Wange dauern nicht lange* [18, с. 230]. Модели метафоризации немецких и английских фразеологизмов, строящиеся на базе герменевтического круга и повтора, эксплицируют взаимность в любовных отношениях: *Love is the mother of love* [19, с. 184]; *Die Liebe ist der Liebe Lohn* [2, с. 78].

При всей очевидной универсальности ситуаций каждая лингвокультура обладает и специфическими образными ассоциатами, участвующими в репрезентации концепта ЛЮБОВЬ, отражающими этно-национальные аспекты любовных отношений. Так, например, в немецкой культуре сравнение любви с дымом вербализует невозможность скрытия глубокого чувства: *Liebe und Rauch schauen zum Fenster hinaus* [18, с. 232]. Для англичан те же смыслы несет сравнение с бедностью: *Love and poverty are hard to hide* [19, с. 189]. В немецкой лингвокультуре неотъемлемой спутницей любви (в её архетипическом восприятии) является верность: *Treue ist eine Schwester der Liebe* [2, с. 79], равно как и «потеря рассудка» в ситуации влюблённости: *Liebe und Verstand gehen selten Hand in Hand* [18, с. 234]. В русскоязычном лингвокультурном пространстве с учетом ассоциативного ряда традиционных патриархальных ассоциатов и в контексте произведений классической художественной литературы, феномен любовь имеет специфические, часто негативные ноэмы в структуре глубинного содержания, что вербализовано в пословицах и поговорках, например, *Любовь – крапива стрекучая* (актуализация ноэмы «страдание»); или же *Любовь не пожар, а загорится – не потушишь* (актуализация ноэмы «стихия», «буйство», «всепоглощение») [6, с. 134]. В рамках исследования характера экспликации концепта ЛЮБОВЬ в паремиях сравниваемых лингвокультур нами применялся и сравнительный анализ, что в свою очередь повысило эффективность концептуального анализа.

Вслед за С.Н. Бредихиным, под концептуально-валерной системой мы будем понимать «целестановки, идеино-эстетические представления и их резонанс, или же отсутствие такого с идеино-эстетической направленностью» [5, с. 210], а также специфическую правилосообразную нравственную деятельность, выраженную в форме успешного или неуспешного коммуникативного акта в рамках конкретной лингвокультуры.

Также следует подчеркнуть, присутствие в общей структуре смысла множества кластеров объективизации и актуализации в первичном понятии, а затем в фразеоме или лексеме одного и того же фрагмента картины мира. При этом потенции в членении общего когнитивно-коммуникативного пространства на паремиологический и фразеологический уровень зависят от используемого в конкретном типе дискурса вида кластера.

В рамках адекватной интерпретации глубинного смысла паремического выражения (вне зависимости от традиционности или трансформированности формы) доминантами будут служить внешние контекстуальные факторы этно-культурной реализации, такие как: условия общественной жизни, этнопсихотипы каждого конкретного этноса, степень индивидуализации и традиционности. В процессе производства многомерного, иносказательного, трансформированного, а значит продуктивного традиционно-неопределенного смысла, что часто происходит при использовании паремий вне стереотипного контекста, в качестве доминантных следует рассматривать именно концептуальные компоненты, обеспечивающие возможность понимания генерализованного смысла всеми членами языкового сообщества и способствующие формированию над-линейных «иерархических номатических суперструктур на уровне целостного и непротиворечивого восприятия текстовой реальности, и которые играют первостепенную роль в смысловой наполненности» [4, с. 642]. Ведь базой паремий и фразеологизмов служат именно культурные этноконцепты. По справедливому утверждению Е. А. Мокрушиной, «лежащие в их основе нравственные категории, будучи универсальными по своей природе, детерминируются культурно-исторически в рамках определенной языковой культуры, накладывающей также отпечаток на способы оформления концептов в языке» [12, с. 74].

Таким образом, мы пришли к следующим выводам: концепт ЛЮБОВЬ может быть отнесен к базовым в концептуально-валерной системе каждой из изученных лингвокультур как высшая моральная ценность, обладающая максимальной валерностью в системе приоритетов лингвокультурной общности. Необходимо учитывать тот факт, что на этноспецифичность фразеологического кода влияют не только процессы и результаты построения семантического пространства, но и социальные и этические факторы [16, с. 114].

Можно констатировать, что фразеологический состав любой языковой системы вообще, и паремиологический его пласт в частности, образуют базу концептуально-валерной системы на основе эмотивно-психологического аксиологического кода. Данное ядро мирооценки функционирует в его вербальном представлении на лексическом

уровне языковой системы, давая конкретному этносу, объединенному общим лингвокультурным пространством, единые верования, мировидение, традиции, обычаи, мифы и фантазии.

Классификацию концептуально-валерных формантов можно представить в виде иерархии личностных, социальных и высших морально-нравственных ценностей. В сферу личностных ценностей входят наилучшие индивидуальные качества личности (мужество, доброта, интеллект, твердость духа и т.п.). Социальные ценности определяются такими характеристиками, как отношение к отечеству, работе, семье и другим социальным институтам. К высшим моральным ценностям можно отнести нравственные свойства, обладающие максимальной аксиологической нагрузкой в системе моральных приоритетов лингвокультурного сообщества: честь, долг, свобода и любовь [9, с. 117]. Однако следует сказать, что в отличие от индивидуально-авторского порождения экспликатора «не житейской», традиционно не укорененной ситуации, процесс рождения глубинного смысла устойчивого выражения в рамках имманентно присущей полилогичности является актом совместного производства и осмысливания как объективной, так и рефлексивной реальности – это процесс поиска совместного ответа лингвокультурного сообщества на единый онтологический вопрос. Именно как результат данного поиска и возникает материализованное в вербалике стереотипное коммуникативное действие преображенное и упорядоченное средствами языка «индивидуально-субъективный и в то же время общий для автора и читателя мир» [4, с. 641].

Таким образом, можно констатировать, что этно-культурные аспекты функционирования концептуализированного понятия ЛЮБОВЬ вносят значительный вклад в формирование прогностических стратегий рецепции и интерпретации осложненных коммуникативных действий в рамках стереотипного поведения и использования паремических единиц для вербализации традиционно-значимых, ситуативно-прагматических ценностных аспектов эмоционально-психологической сферы. Следует отметить примат поэтического состава над другими как устойчивыми, так и свободными сочетаниями в вербально-коммуникативном представлении «житейской мудрости» определенного этноса.

Литература

1. Аликаев Р. С., Бредихин С. Н. «Схемы действования» как маркер дискурсивности научного текста: формальная логика vs. герменевтика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. №2 (26). С.121–127.
2. Бинович Л. Э., Гришин Н. Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык. 1975. 656 с.
3. Бобрышева Л. К. Фразеологизмы как национально-культурная экзистенциональная картина мира (на материале русского и адыгейского языков): дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2009. 168 с.
4. Бредихин С. Н., Вартанова Л. Р. Текстологические функции иносказательных переосмысленных конструкций в смыслообразовательном аспекте // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–3. С.639–643.
5. Бредихин С. Н., Давыдова Л. П. Поэтический текст как коммуникативно-эстетическая категория // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. №2. С.210–216.
6. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Русский язык, 1986. 670 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1981. 699 с.

8. Ивицкая О. Д. К вопросу о национальной языковой личности и различиях в номинативных картинах мира (на примере Великобритании) // Юбилейный сборник статей. М.: Школа Китайгородской, 2000. С.122–130.
9. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учебник для студентов институтов и фак-в иностранных языков. М.: Высш. школа, 1996. 380 с.
10. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: антология. М.; Наука,1997. С.280–287.
11. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
12. Мокрушина Е. Ю. Концепт «добрый» как этический феномен лингвокультуры: на материале английского языка. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 196 с.
13. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
14. Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. Саратов: В. З. Яксанов, 1924. 228 с.
15. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 262 с.
16. Трахова А. Ш. Фразеологическая концептуализация морально-нравственной сферы личности и народа: мифо-религиозные и этнокультурные основания (на материале русского и адыгейского языков). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. 251 с.
17. Фефилов А. И. Введение в когитологию. М.: Флинта: Наука, 2010. 240 с.
18. Duden S. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag von Drosdowski, 2005. 630 S.
19. Margulis A., Kholodnaya A. Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings. London McFarland & Company, Inc., Publishers Jefferson, 2000. 487 с.

References

1. Alikaev R. S., Bredikhin S. N. «Skhemy dejstvovanija» kak marker diskursivnosti nauchnogo teksta: formal'naya logika vs. germenevtika (*«Schemes of acting» as a discourse marker of a scientific text: formal logics vs. hermeneutics*) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2015. No.2 (26). S.121–127. (In Russian).
2. Binovich L. E., Grishin N. N. Nemetsko-russkij frazeologicheskij slovar' (*German-Russian phraseology dictionary*). Moscow: Russkij jazyk, 1975. 656 p. (In Russian).
3. Bobrysheva L. K. Frazeologizmy kak natsional'no-kul'turnaya ezhkzistensional'naya karta mira (na materiale russkogo i adygejskogo jazykov) (*Phraseology as national and cultural existential worldview (as exemplified in Russian and Adyghe)*): thesis. Majkop, 2009. 168 p. (In Russian).
4. Bredikhin S. N., Vartanova L. R. Tekstologicheskie funktsii inoskazatel'nykh pereosmyslennykh konstruktov v smysloobrazovatel'nom aspektakh (*Textual functions of allusive contemplative phrases in sense-making*) // Fundamental'nye issledovaniya (Fundamental research). 2015. No.2–3. P.639–643. (In Russian).
5. Bredikhin S. N., Davydova L. P. Poeticheskij tekst kak kommunikativno-ehsteticheskaya kategorija (*Poetic text as communicative-aesthetic category*) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2016. No.2. P.210–216. (In Russian).
6. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda (*Proverbs of Russian nation*). Moscow: Russkij jazyk, 1986. 670 p. (In Russian).
7. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka (*Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language*). Moscow: Russkij jazyk, 1981. 699 p. (In Russian).
8. Ivitskaya O. D. K voprosu o natsional'noj jazykovoj lichnosti i razlichiyakh v nominativnykh kartinakh mira (na primere Velikobritanii) (*Revised national linguistic persona and differences in nominative world views (as exemplified in Great Britain)*) // Yubilejnij sbornik statej (Jubilee volume of articles). Moscow: Shkola Kitaigorodskoj, 2000. P.122 – 130. (In Russian).
9. Kunin A. V. Kurs frazeologii sovremenennogo anglijskogo jazyka (*Course of modern English phraseology*). Moscow: Vyssh. shkola, 1996. 380 p. (In Russian).
10. Likhachev D. S. Kontseptosfera russkogo jazyka (*Concept sphere of Russian language*) // Russkaya slovesnost': Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antologiya. Moscow: Nauka,1997. P.280–287. (In Russian).
11. Maslova V. A. Lingvokul'turologiya (*Linguoculturology*). Moscow: Akademiya, 2001. 208 p. (In Russian).
12. Mokrushina E. Yu. Kontsept «dobryj» kak ehticheskij fenomen lingvokul'tury: na materiale anglijskogo jazyka. (*Concept "Kind" as ethic phenomenon of linguoculture: as exemplified in Russian*): thesis. Kemerovo, 2008. 196 p. (In Russian).
13. Permyakov G. L. Osnovy strukturnoj paremiologii (*Fundamentals of structural paremiology*). Moscow: Nauka, 1988. 236 p. (In Russian).
14. Skaftymov A. P. Poehtika i genezis bylin (*Poetics and heroic epic ballade genesis*). Saratov: V.Z. Yaksanov, 1924. 228 p. (In Russian).
15. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (*Language and cross cultural communication*). Moscow: Slovo, 2000. 262 p. (In Russian).
16. Trakhova A. Sh. Frazeologicheskaya kontseptualizatsiya moral'no-nravstvennoj sfery lichnosti i naroda: mifologo-religioznye i ehtnokul'turnye osnovaniya (na materiale russkogo i adygejskogo jazykov) (*Phraseological conceptualization of moral ethical sphere of person and nation: mythological religious ethnic cultural basis (as exemplified in Russian and Adyghe)*). Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2006. 251 p. (In Russian).
17. Fefilov A. I. Vvedenie v kogitologiyu (*Introduction to cogitology*). Moscow: Flinta: Nauka, 2010. 240 p. (In Russian).
18. Duden S. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag von Drosdowski, 2005. 630 s.
19. Margulis A., Kholodnaya A. Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings. London McFarland & Company, Inc., Publishers Jefferson, 2000. 487 p.

Информация об авторах

Маринина Галина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедра теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / gala81@list.ru

Писклова Марина Витальевна – ассистент института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Москва) / marinapisklova@mail.ru

Information about the authors

Marinina Galina – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Translation Studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / gala81@list.ru

Pisklova Marina – teaching assistant, Institute for Linguistic and Intercultural Communication, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow) / marinapisklova@mail.ru

УДК 82-1

Т. В. Марченко

СОХРАНЕНИЕ ОБРАЗНЫХ ДОМИНАНТ КАК ОДИН ИЗ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются особенности художественного перевода с позиции анализа эстетических принципов автора оригинала и трактовки заложенных им смыслов. Актуальность рассмотрения системы образов оригинального произведения как элементов, порожденных индивидуальным культурообразующим восприятием действительности и объединяющих языковую и художественную картины мира автора, обусловлена высокой семантической емкостью поэтической формы. Цель исследования состоит в анализе воспроизведения образных доминант в переводах на русский язык знаменитого стихотворения крупнейшего английского поэта романтического направления У. Вордсворт «I wandered lonely as a cloud». Теоретико-методологической базой исследования послужили литературно-исторический и интегративный подходы к лингвистическому анализу текста. Материалом для практического анализа сохранения образных доминант произведения и возможности оценки успешности / адекватности переводческой интерпретации послужили пять переводов стихотворения, выполненные И. Лихачевым (1969), С. Маршаком (1969), А. Лукьяновым (2008), А. Кротковым (2006) и А. Ибрагимовым (2018). Предварительный лингвостилистический анализ стихотворения позволил выделить четыре доми-

нантных образа, представленных в произведении. Приведенный анализ выявил неравнозначную интерпретацию образной перспективы. Образы природы, нарциссов и душевного состояния претерпели изменения в некоторых переводах, что способствовало сокращению «длины» порождаемых ассоциативных рядов. Изменение вектора эмоционального состояния в переводе не влечет полное изменение образной рамки: она претерпевает метаморфозы на уровне субдоминантных компонентов, при этом переводческие решения носят компенсаторный характер. Проведенный анализ свидетельствуют о том, что рассмотрение образной перспективы поэтического произведения позволяет преодолеть фрагментарное изучение отдельных аспектов языкового блока, формирующего его структуру. Осмысление эстетической иерархии языковых средств, манифестирующих идеально-образный замысел автора, может помочь не только выявить их ценностную градацию, но и оценить адекватность интерпретации оригинального произведения при переводе.

Ключевые слова: художественный перевод, поэтический перевод, образ, образная доминанта, лингвостилистический анализ, переводческая интерпретация.

T. Marchenko

CONVEYANCE OF IMAGE DOMINANTS AS A CRITERION OF TARGET TEXT QUALITY ASSESSMENT IN POETIC TRANSLATION

The article studies the peculiarities of literary translation in the light of analysis of aesthetic principles of the author of the source text and the interpretation of sense conveyed in it. The topicality of the study of the system of images presented in the source text as the elements produced by individual culture-specific vision and incorporating the linguistic and the literary visions of the world on the part of the author are preconditioned by high semantic capacity of the poetic form. The aim of the study is to analyze how image dominants are conveyed in Russian versions of an emblematic poem by a major English Romantic poet W. Wordsworth «I wandered lonely as a cloud». Literary-historical and integrative approach to the linguist analysis of the text served the theoretic and methodological basis of the study. Five Russian versions of the poem under consideration by I. Likhachev (1969), S. Marshak (1969), A. Lukyanov (2008), A. Krotkov (2006) and A. Ibragimov (2018) served the empirical material for the analysis of image dominants conveyance and the possibility of assessment as regards the adequacy of translation inter-

pretation. Preliminary linguostylistic analysis of the poem revealed four dominant images. The study has shown unequal interpretation of image prospective as presented in target texts. The images of nature, daffodils and moral state have undergone some alterations resulting in reduction of the associative line length. The corrections in the emotional vector do not alter the image framework completely: it undergoes changes at the level of its components. Some translation solutions have compensation potential. The analysis have shown that the study of image prospective allows overcoming fragmentary consideration of single aspects representing the linguistic part of the text structure. Interpretation of aesthetic hierarchy of language means manifesting idea and image concept of the author can reveal the value gradation and enhance the assessment of adequacy as regards the target text.

Key words: literary translation, poetic translation, image, image dominant, linguostylistic analysis, translation interpretation.

Знакомство с художественным произведением, как и любым предметом искусства – комплексный процесс личностного развития, в основе которого несколько взаимосвязанных этапов: восприятие, эмоциональный отклик, осмысление, соотнесение с индивидуальной интерпретативной рамкой, и фиксация познавательного акта как определенного опыта. Аксиоматично, что художественный перевод признается искусством, поэтому возможности применения четко разработанных нормативных критериев к его качеству в значительной мере ограничены. Исходя из предпосылок того, что «перевод изначально не может быть равен оригиналу», эстетика художественного перевода опирается на категории ценности и художественности. Так, «потери и добавления неизбежны, но он должен соответствовать ему по силе и направленности эмоционального воздействия на читателя» [15, с. 22–23].

В отношении перевода малых литературных форм, на наш взгляд, актуальной является трактовка произведения как некой динамической целостности. Так, Ю. Н. Тынянов полагает, что между элементами стихотворения «нет статического знака равенства или сложения, но всегда есть динамический знак соотносительности и интеграции» [17, с. 9]. Утверждая необходимость осмысливания формы литературного произведения как динамической, ученый видит проявление этого динамизма в конструктивном принципе: «не все факторы слова равнозначны; динамическая форма образуется не соединением, не их слиянием, а их взаимодействием и, стало быть, выдвиганием одной группы факторов за счет другой», а также в ощущении формы, которая «при этом есть всегда ощущение протекания (а стало быть изменения) соотношения подчиняющего, конструктивного фактора с факторами подчиненными» [17, с. 9]. В этой борьбе и напряжении и есть жизнь искусства.

Анализ интерпретации художественного произведения при переводе не может ограничиваться тем, что, по меткому замечанию О. Вальцеля, названо «низшей математикой формы»: метрика, ритм и рифма [3, с. 5]. Исследование тектоники и атектоники лирического стихотворения, представляющего собой некую палитру с различной акцентуацией тонов и полутонов, неизбежно приводит к выявлению художественной функции, реализуемой посредством взаимоотношения двух форм: выражения и содержания. В теоретической поэтике хрестоматийной является классификация трех групп явлений: стилистики (поэтической фонетики, метрики, тропов и регистров слов), тематики (содержание, подчиненное художественному заданию) и композиции (построение и распределение художественного материала) [11, с. 4].

Отмечая уникальность всякого художественного текста, обусловленную нечеткостью и потенциальной бесконечностью его смыслов, В. А. Лукин говорит и о потенциальной бесконечности множества его трактовок: «интерпретируя художественный текст, исследователь <...> уменьшает степень неопределенности и мно-

гозначности его смысловой сферы. Но полностью устранить неопределенность интерпретатор не может – это привело бы к игнорированию самой природы художественного текста» [13, с. 241].

Следовательно, в отношении художественного перевода первостепенной задачей является анализ эстетической позиции автора оригинала и истолкование заложенных им смыслов. Высокая семантическая емкость поэтической формы обуславливает актуальность рассмотрения системы образов произведения как элементов, порожденных индивидуальным культурообразующим восприятием действительности и инкорпорирующих языковую и художественную картины мира автора. И. В. Арнольд пишет о том, что «образ является основным средством художественного обобщения действительности», «особой формой общественного сознания» [1, с. 113]. Проблема передачи системы образов в переводе определяется не только потенциальными вариациями ввиду ориентации на другое лингвокультурное общество, но и условно «техническими» возможностями сохранения метрики, ритма, сильных и слабых слогов, а также различия в длине слов, которые «заставляют стих звучать по-разному» [4, с. 70].

Рассматривая структуру поэтического текста в аспекте перевода, Ю. В. Казарин выделяет ряд макро- и микрокомпонентов. Макрокомпоненты представлены тремя блоками: культурный (поэтиологическая информация), языковой и эстетический. Дальнейшую детализацию на микроуровне получает языковой блок, в состав которого входят паралингвистические компоненты (графический, ритмический, интонационный, просодический) и собственно языковые (фонетический, словообразовательный, лексический и синтаксический [12, с. 56–57]. Таким образом, комплексный анализ презентации поэтической картины мира в произведении направлен на выявление стилистических приемов и средств выразительности, раскрывающих индивидуально-авторский замысел. В этом ключе мы разделяем точку зрения В. С. Модестова, утверждающего, что для «художественного перевода первостепенное значение имеет не столько понимание общей стилевой направленности оригинала, сколько правильное определение относительной ценности деталей в соотнесенности с художественным целым подлинника» [15, с. 146–147]. Эстетическая иерархия и определяет большую или меньшую ценность отдельных деталей при осуществлении процесса перевода. Очевидным видится замечание о том, что «многогранность и разноуровневый характер выражения художественных концептов обуславливает комплексный подход к интерпретации текста, так как работа с отдельными языковыми единицами (или единицами перевода) влечет потерю образности и силы эстетического воздействия» [14, с. 188].

Наше исследование нацелено на анализ воспроизведения образных доминант в переводах на русский язык стихотворения одного из крупнейших поэтов-лириков Великобритании

У. Вордсворт «I wandered lonely as a cloud». Теоретико-методологической базой исследования послужили литературно-исторический и интегративный подходы к лингвистическому анализу текста. Творчество У. Вордсворта по сей день вызывает профессиональный интерес переводчиков. Рассматриваемое нами произведение неоднократно переводилось на русский язык. Так, существуют два перевода признанных авторов: И. Лихачева и С. Маршака, однако в различных источниках также фигурирует более восьми версий других переводчиков и поклонников творчества поэта. Для практического анализа сохранения образных доминант произведения и возможности оценки успешности / адекватности переводческой интерпретации нами были отобраны пять переводов стихотворения, выполненные И. Лихачевым (1969) [7], С. Маршаком (1969) [5], А. Лукьяновым (2008) [8], А. Кротковым (2006) [9] и А. Ибрагимовым (2018) [6].

«I wandered lonely as a cloud» (1804) является одним из титульных стихотворений английского поэта романтического направления У. Вордсворта. Во многих источниках название этого произведения указывается не по первой строке, а в варианте «The Daffodils», обозначая тем самым ключевой образ стихотворения – нарциссы. Культурная значимость произведения обусловлена целым рядом факторов. Во-первых, творчество У. Вордсворта ярко отражает эпоху романтизма (конец XVIII – начало XIX века) и представляет природу как одну из тематических и стилевых доминант. Пасторальность как опорный мотив в творчестве поэта реализует эстетическую идею жизнеутверждающего начала, просветления и самопознания. Пейзаж является собой не только и не столько визуальную основу для художественного изображения, сколько повод для осмысливания «духа, который им управляет» [20, р. 50], единства человека и природы [16, с. 132]. Анализируемое стихотворение, в котором в том числе фигурирует озеро, как и все творческое наследие поэта, ассоциируется с живописным уголком Англии – Озерным краем в графстве Камбрия. В местечке Кокермуг и по сей день находится популярная у туристов достопримечательность – Дом Вордсворта.

Заметим, что «The Daffodils» входит в обязательную школьную программу по курсу литературы и истории литературы Англии в Англии, Уэльсе и Северной Ирландии. Референции к стихотворению представлены в различных справочных и лексикографических источниках лингвистического и культуроцентрического плана. Так, в «The Longman Dictionary of English Language and Culture» словарная статья на заглавное слово «daffodil» содержит не только описание цветка, но и пояснение его культурной значимости как символа Уэльса, а также первые четыре строки рассматриваемого нами стихотворения с пояснением, что это произведение знакомо практически всем британцам [18, р. 321].

Неизменная культурная релевантность произведения обеспечивает его преемственность

и востребованность в разных сферах культуры: музыке, маркетинге, пародии, сатире и др. Так, в 2007 году в рамках рекламной кампании «Совет по Туризму Камбрии и Озёрного Края» представил рэп-обработку стихотворения в исполнении стилизованного представителя фауны региона ряжей белки MC Nuts [19]. Высокая частотность обращения к поэтическому произведению свидетельствует о его эстетической ценности как элемента культурного континуума в различных типах дискурсивных пространств.

Структурно произведение состоит из четырех строф, каждая по шесть строк. Метрически стихотворение оформлено четырехстопным ямбом с перекрестной рифмой в первых четырех строках строфы и парной в последних двух. Ритмический рисунок произведения определяет его фonoсемантические свойства и с самого начала раскрывает размеренность, плавность и отсутствие сутилности во всем происходящем:

«*I wandered lonely as a cloud
That floats on high o'er vales and hills,
When all at once I saw a crowd,
A host, of golden daffodils;
Beside the lake, beneath the trees,
Fluttering and dancing in the breeze*» [21].

Общая мелодика стихотворения задается дифтонгом [iou] в лексемах *lonely*, *floats*, *o'er*, *host* и *golden*. Итерация звука создает ощущение мягких движений, неторопливой походки автора, прогуливающегося на природе. Аллитерация губно-зубных согласных [f] и [v] передает образ дуновения ветра, шелеста листвы и других звуков природы, актуализирующихся во всех строфах произведения. Наряду с этим, фонестема *f*-, фигурирующая в нескольких лексических единицах – *floats*, *fluttering*, *flash* – усиливает значение неуловимости и легкости [10, с. 87–88, с. 90–92]. Синтаксис характеризуется комплексностью использованных структур: осложненные предложения и инверсионные элементы: «*Continuous as the stars that shine / And twinkle on the milky way, / They...*». Или, например: «*Ten thousand saw I at a glance, / Tossing their heads...*».

Однако наибольший интерес представляет лексический уровень произведения. В стихотворении отражены разные стилистические пласти лексики: основу составляет нейтральный вокабулляр (*hill*, *cloud*, *crowd*, *dance*, *glace* и др.), наряду с которым используются элементы книжного стиля, обозначающие как понятия и объекты (*vale*, *o'er*, *off*), так и эмоциональную оценку или состояние (*jocund*, *glee*, *sprightly*, *pensive*, *bliss*).

Ключевыми стилистическими приемами являются развернутые сравнения и метафоры. Так, в первой строфе поэт сравнивает себя с природным явлением – облаком, проплывающим над долинами и холмами. Эпитет *lonely* поддерживает общий эмоциональный настрой уединенной прогулки. Здесь же вводится метафора живописного танца цветов (*fluttering and dancing*), которая получает свое развитие во второй и третьей строфах. Так, образ нарциссов представлен колористическим эпитетом *golden* и квантификатора-

ми-олицетворениями *a host* (множество, войско), *a crowd* (толпа, скопление). Изобилие цветов гиперболизируется через аллюзивное сравнение с галактикой – *Continuous as the stars that shine / And twinkle on the milky way*, эпитетом *never-ending*, а также конвергенцию инверсии и гиперболы: *Ten thousand saw I at a glance*. Оживленное движение цветов передается лексемой *dance* с уточняющим атрибутивом *sprightly*. Таким образом развернутая метафора получает развитие во второй строфе.

В третьей строфе метафора танца экстраполируется на волны: *The waves beside them danced*. Мы наблюдаем усиление образа оживленного движения, колыхания, которые, во многом благодаря эпитетам с положительной семантикой, не вызывают чувства беспокойства или тревоги. Заметим, «танец» цветов трогает поэта больше, он видит в нем ликование: *but they / Out-did the sparkling leaves in glee*. В этой строфе также вводится идея единения с природой, которая имеет свое развитие в заключительных строках произведения: *A poet could not be but gay, / In such a jocund company!* Лексический повтор *I gazed – and gazed – but*, обособленный тире, вторит заданному ранее ритму и фокусирует внимание на ключевых образах стихотворения.

Четвертая строфа написана в настоящем времени, тем самым автор связывает опыт прошлого и определяет его неизменную значимость для текущего момента. Настроение, представленное в этом отрывке, контрастирует с предыдущими строфами, так как оно более меланхоличное и печальное: *I lie / In vacant or in pensive mood* (*vacant* – беззаботный, отсутствующий, *pensive* – задумчивый, печальный, меланхоличный). Образ танца как проявления радости, легкости и ликования привносит в душу поэта гармонию и умиротворение.

Вслед за Н. С. Болотновой, мы полагаем, что каждая лексическая единица имеют индивидуальный потенциал и «длина» образуемых им в сознании читателя «ассоциативных линий» различна, как различно участие слова в создании образа» [2, с. 475]. Лингвостилистический анализ произведения и метод «слово-образ» позволяют выявить несколько индивидуальных художественных образов, создающих ассоциативную перспективу произведения. Так, в качестве опорных образов представляется возможным назвать:

1. Образ природы как места для уединения, получения жизненного опыта, духовного развития и переживаний.
2. Образ нарциссов как олицетворение яркости, легкости жизни, динамики, свежести эмоций, гармонии.
3. Образ галактики как чего-то бесконечного и недосягаемого.
4. Образ душевной гармонии и умиротворения как богатства.

Отобранные нами переводы стихотворения были проанализированы в аспекте интерпретации и воссоздания образной перспективы, заложенной автором. Наряду с этим, мы принимали во внимание стилистический регистр лексиче-

ского репертуара, представленного тремя категориями: нейтральная, книжная / высокая и архаичная лексика. Заметим, что во всех переводах сохранена четырехстрочная структура (по шесть строк) и метрика оригинала.

Обратимся к переводу И. Лихачева. В первой строфе образ природы представлен иным природным явлением – печальным туманом, который реет среди гор и долин. Переводчик сохраняет прием олицетворения и рисует монументальный образ, который смягчается уже в первой строфе: мы наблюдаем ветерок, шатающий цветы. Образ нарциссов вербализован таким лексемами, как *стан*, *толпа*, *сто сотен*. Метафора танца интродуцирована строкой *И каждый трепетал цветок*, и получает развитие в различных словоформах с корнем «пляс»: *плясать, плясала, пляс*. Мягкость образу добавляет плавность линий: *цветы вились по очертанью излучины береговой*.

Образ галактики представлен не только с акцентом на множественности, но и блеске, характерном для небесных светил: *Бесчисленны в своем мерцанье, / Как звезды в млечности ночной*. Название самой галактики заменено на свойство по значению исходного прилагательного (млечный – млечность), но узкий лингвистический контекст и наличие определения *ночной*, позволяют выстроить исходный ассоциативный ряд. Ценность описанного опыта передана следующими строчками: *Но сердцу былоnevdogad, / Какой мне в них открылся клад*. Выбранный переводчиком глагол совершенного вида манифестирует завершенность процесса и естественность самого действия. Автор перевода сохраняет лексический регистр и использует как стилистически нейтральную, так и архаичную, книжную, экспрессивную лексику: *око, реять, стан,nevdogad* и др.

Перевод С. Маршака открывается сравнением, в котором сохранен образ тучки. Динамика естественного движения и переживаний передана многочисленными лексемами: *шел, зашелестели, бежали, качая* и др. Образ нарциссов воспроизводится лексемой *златооки*, основа которого, как правило, используется в эпитеze *златоокий*. Подобную номинацию в значении нарциссы характерна для высокого литературного стиля, соответственно, переводчик изменил стилистический регистр базового слова-образа. Наряду с этим, развернутая метафора танца цветов передана разными лексическими единицами, стилистический прием повтора утерян: *зыбкий хоровод, резвый танец, карнавал, пляшет*. Образ значительного количества цветов, соизмеримого с галактикой, сохранен. При этом референция к *карнавалу*, предполагающему буйство красок и безудержное веселье, несколько меняет интенсивность и диспозицию настроения: в оригинале прослеживается цепочка «одиночество – радость – меланхоличность – беззаботность – радость», в то время как в переводе она трансформируется: «одиночество – безудержное веселье – грусть – радость».

В интерпретации А. Лукьянова единение с природой выражено уменьшительно-ласкатель-

ной формой облачко. Настроение одиночества и уединения воссоздано лишь частично, так как семантика лексемы *один*: *Один, меж долом и горой*, амбивалента: в отсутствии кого-либо или испытывая одиночество. Образ нарциссов претерпел наиболее значительные изменения: олицетворение с толпой заменено на *рой* (скопление насекомых), используются глаголы, предполагающие побег (*стремятся ускользнуть, мелькают*) и другие перемещения: *Десятки тысяч их сплелись, / Головки устремляя веъись*. Соответственно, создается впечатление нескольких хаотичных, разнонаправленных движений. Метафора танца сокращена и появляется только в заключительной строчке: *И сердце счастием полно, / Танцуя с ними заодно*. Сравнение с галактикой также имеет противоречивую вербализацию с точки зрения ассоциативного ряда: *Толпясь, как звёзды, что сверкают, / С собой украсив Млечный Путь*. Так, ассоциации с толпой как временным и случайным скоплением, которое часто хаотично и сливаются в единую массу, резонирует с глаголом *украсить*, рождающим более позитивные семантические связи. Настроение гармонии и единения с природой лексически выражено восхищением *радостным парадом*. Но в заключительной строфе мы наблюдаем интенсификацию настроения, крайнюю степень грусти, когда приходиться только твердо надеяться на лучшее: *Когда уныл мой грустный взор, / Я вспоминаю в упованье*.

В интерпретации стихотворения А. Кротковым также наблюдается замена компонентов ключевых образов. Например, метафора танца нивелирована и скопление цветов получает номинацию *табунок*, а небесные светила – *звездный рой*. Переводчик смещает фокус на колористику, обыгрывая ее в различных номинациях: *искрится блестками, златых нарциссов, но ярче золото земли, златоцвет моей души, круженье золотых цветов*. Благство вербализовано как дар, которому следует радоваться: *Дарованному благу рад, / Смотрю, не отрывая взгляда*. Настроение в заключительной строфе задумчивое и блаженное: *Когда я в мысли ухожу, / Когда блаженствуя в тиши*.

Аналогичную замену и изменение компонентов образной рамки можем наблюдать и в переводе

А. Ибрагимова. Лексический повтор, передающий движение нарциссов, получает разноплановое лексическое оформление: *хоровод, пляска, посыпали свой привет, танцует*. При этом движение волн также пляска, но *медлительная*. Абстрактное понятие богатства и состояния конкретизируется лексемой *цена* и получает развитие в последующей метафоре: *Тогда не знал я всей цены / Живому золоту весны*. Образ галактики заменен на *звездный шатер*, который ассоциируется с покровом, балдахином, легкой, но объемной постройкой. Идея большого количества цветов в данном контексте элиминирована.

Необходимо отметить, что в каждом из рассмотренных нами переводов, есть примеры неординарных, ярких переводческих решений. Однако, как показывает сравнительный анализ воспроизведения образной перспективы, интерпретации не являются равнозначными. С точки зрения сохранения не только доминантных образов, но и стилистических приемов и средств их реализующих, а также лексического регистра, перевод И. Лихачева наиболее близок к оригиналу. Образы природы, нарциссов и душевного состояния претерпели незначительные изменения в интерпретации С. Маршака, но некоторое сокращение «длины» ассоциаций, тем не менее не повлекло изменение векторе эмоционального состояния, транслируемого оригинальным произведением. Переводы А. Лукьянова, А. Кроткова и А. Ибрагимова демонстрируют изменение компонентов образной рамки. При этом переводческие решения А. Лукьянова носят более последовательный характер, так как содержат меньше отступлений и большее количество компенсаторных элементов.

Анализ воспроизведения образной перспективы поэтического произведения позволяет преодолеть фрагментарное изучение отдельных аспектов языкового блока, формирующего его структуру. Осмысление эстетической иерархии языковых средств, манифестирующих идеально-образный замысел автора, может помочь не только выявить их ценностную градацию, но и оценить адекватность интерпретации оригинального произведения при переводе.

Литература

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
2. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. М.: Флита-Наука, 2007. 520 с.
3. Вальцель О. Сущность поэтического произведения // Проблемы литературной формы. М.: URSS: КомКнига, 2007. С.1–36.
4. Волкова Е. В. Два перевода одного стихотворения: Марина Цветаева «Маме» // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2015. №5 (47). С.68–73.
5. Вордсворт У. Златоочки (перевод С. Маршака) URL: http://thelib.ru/books/marshak_samuil/perevodi_iz_angliyskih_i_shotlandskih_poetov-read-18.html. (Дата обращения: 20.03.2019).
6. Вордсворт У. Как тучи одинокой тень (перевод А. Ибрагимова) URL: <https://stihionline.ru/stihi-uilyama-vordsvorta/>. (Дата обращения: 20.03.2019).
7. Вордсворт У. Печальным реял я туманом (перевод И. Лихачева) URL: http://thelib.ru/books/vordsvort_u/izbrannaya_lirika-read-18.html. (Дата обращения: 20.03.2019).
8. Вордсворт У. Я брел, как облачко весною (перевод А. Лукьянова) URL: <http://eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=10>. (Дата обращения: 20.03.2019).
9. Вордсворт У. Я летним облачком блуждал (перевод А. Кроткова) URL: <http://forum.ingenia.ru/viewtopic.php?id=18222>. (Дата обращения: 20.03.2019).

10. Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006. 248 с.
11. Жирмунский В. М. Композиция лирических стихотворений. Петербург: Опояз, 1921. 107 с.
12. Казарин Ю. В. Поэтический текст как система. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999. 260 с.
13. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.: Ось-89, 2008. 560 с.
14. Марченко Т. В. Литературный текст и интерпретационная позиция переводчика: в поисках адекватного решения // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. №2. С.186–191.
15. Модестов В. С. Художественный перевод: история, теория, практика. М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2006. 463 с.
16. Осташевская М. Г. Поэтическая картина мира в ранней поэзии У. Вордсворт: словарный метод исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2015. №7 (49): в 2-х ч. Ч. II. С.130–133.
17. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. М.: КомКнига, 2010. 176 с.
18. Longman Dictionary of English Language and Culture. Second edition. Barcelona: Addison Wesley Longman, 1998. 1569 р.
19. Nuts MC URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VXbrSALG684>. (Accessed: 20.03.2019).
20. Rodway A. The Growth and Nature of English Romanticism. // The Romantic Conflict. London: Chatto and Windus, 1963. P. 37–76.
21. Wordsworth W. I wandered Lonely as a cloud URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/45521/i-wandered-lonely-as-a-cloud>. (Accessed: 20.03.2019).

References

1. Arnol'd I. V. Stilistika. Sovremennyyi angliiskii yazyk (*Stylistics. Modern English*). Moscow: Flinta: Nauka, 2002. 384 p. (In Russian).
2. Bolotnova N. S. Filologicheskii analiz teksta (*Philological Analysis of the Text*). Moscow: Flita-Nauka, 2007. 520 p. (In Russian).
3. Val'tsel' O. Sushchnost' poeticheskogo proizvedeniya (*The Essence of a Poetic Work*) // Problemy literaturnoi formy. Moscow: URSS : KomKniga, 2007. P. 1–36. (In Russian).
4. Volkova E. V. Dva perevoda odnogo stikhovoreniya: Marina Tsvetaeva «Mame» (*Two Translations of One Poem: M. Tsvetayeva "To Mother"*) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Tambov: Gramota, 2015. No.5 (47). P. 68–73. (In Russian).
5. Wordsworth W. Zlatooki (perevod S. Marshaka) (*I Wandered Lonely As a Cloud* (translated by S. Marshak) URL: http://thelib.ru/books/marshak_samuil/perevodi_iz_angliyskih_i_shotlandskih_poetov-read-18.html. (Accessed: 20.03.2019). (In Russian).
6. Wordsworth W. Kak tuchi odinokoi ten' (perevod A. Ibragimova) (*I Wandered Lonely As a Cloud* (translated by A. Ibragimov) URL:<https://stihionline.ru/stihi-uilyama-vordsvorta/>. (Accessed: 20.03.2019). (In Russian).
7. Wordsworth W. Pechal'nym reyal ya tumanom (perevod I. Likhacheva) (*I Wandered Lonely As a Cloud* (translated by I. Likhachev) URL: http://thelib.ru/books/vordsvort_u/izbrannaya_lirika-read-18.html. (Accessed: 20.03.2019). (In Russian).
8. Wordsworth W. Ya brel, kak oblachko vesnoyu (perevod A. Luk'yanova) (*I Wandered Lonely As a Cloud* (translated by A. Luk'yanov) URL: <http://eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=10>. (Accessed: 20.03.2019). (In Russian).
9. Wordsworth W. Ya letnim oblachkom bluzhdal (perevod A. Krotkova) (*I Wandered Lonely As a Cloud* (translated by A. Krotkov) URL: <http://forum.ingenia.ru/viewtopic.php?id=18222>. (Accessed: 20.03.2019). (In Russian).
10. Voronin S. V. Osnovy fonosemantiki (*Basics of Phonosemantics*). Moscow: LENAND, 2006. 248 p. (In Russian).
11. Zhirmunskii V. M. Kompozitsiya liricheskikh stikhovorenii (*Composition of Lyrical Poems*). Peterburg : Opoyaz, 1921. 107 p. (In Russian).
12. Kazarin Yu. V. Poeticheskii tekst kak Sistema (*Poetic Text as a System*). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta, 1999. 260 p. (In Russian).
13. Lukin V. A. Khudozhestvennyi tekst: Osnovy lingvisticheskoi teorii. Analiticheskii minimum (*Literary text. The basics of linguistic theory. Analytical minimum*). Moscow: Os'-89, 2008. 560 p. (In Russian).
14. Marchenko T. V. Literaturnyi tekst i interpretatsionnaya pozitsiya perevodchika: v poiskakh adekvatnogo resheniya (*Literary text and interpretative position of a translator: in search of adequate translation*) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2017. No.2. P.186–191. (In Russian).
15. Modestov V. S. Khudozhestvennyi perevod: istoriya, teoriya, praktika (*Literary translation: history, theory, practice*). Moscow: Izdatel'stvo Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo, 2006. 463 p. (In Russian).
16. Ostashevskaya M. G. Poeticheskaya kartina mira v rannei poezii U. Vordsvorta: slovarnyi metod issledovaniya (*Poetic World Outlook in Early Works of W. Wordsworth: Dictionary Method*) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Tambov: Gramota, 2015. No.7 (49): Part II. P. 130–133. (In Russian).
17. Tynyanov Yu. N. Problema stikhovornogo yazyka (*The Problem of Poetic Language*). Moscow: KomKniga, 2010. 176 p. (In Russian).
18. Longman Dictionary of English Language and Culture. Second edition. Barcelona: Addison Wesley Longman, 1998. 1569 p.
19. Nuts MC. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VXbrSALG684>. (Accessed: 20.03.2019).
20. Rodway A. The Growth and Nature of English Romanticism. // The Romantic Conflict. London: Chatto and Windus, 1963. P. 37–76.
21. Wordsworth W. I wandered Lonely as a cloud. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/45521/i-wandered-lonely-as-a-cloud>. (Accessed: 20.03.2019).

Информация об авторе

Марченко Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / tatiana-marchenko-25@yandex.ru

Information about the author

Marchenko Tat'yana – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Translation Studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / tatiana-marchenko-25@yandex.ru

УДК 81.42

А. И. Минина

ФОРМЫ ДИСКУРСИВНОЙ ДАННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ РАБОТНИКОВ ГУБЕРНСКИХ УЧЕНЫХ АРХИВНЫХ КОМИССИЙ

Данная статья рассматривает деятельность губернских ученых архивных комиссий, зародившихся в конце XIX – начале XX веков, как сложную, многослойную, многоуровневую систему. Вторая половина XIX – начало XX веков характеризуется как время формирования краеведения как сложносоставного интегративного социокультурного феномена. Центральное место в этот период занимало локальное интеллектуальное сообщество краеведческой направленности, которое было представлено архивными комиссиями, привлекательными в первую очередь тем, что они являются феноменом, отражающим одновременно научно-организационное, научно-коммуникативное и социокультурное пространство. Ведь комиссии формировали культурную жизнь и облик региона, пытались сохранить мало изученный ранее, практически потерянный исторический культурный потенциал.

Актуальность изучения этой проблемы возрастает и в силу того, что история архивных комиссий, архивного дела регионов до сих пор малоизучена. Несмотря на то что различные аспекты темы так или иначе освещаются

в научной литературе, в большинстве своем они носят характер отчетов, обзоров деятельности комиссии. Рассмотрение же дискурсивной деятельности комиссий, характеристика их дискурсивных формаций представляются весьма плодотворными, ведь дискурсивная деятельность неразрывно связана с переработкой информации и представлением знаний, а также имеет свои особенности, так как предполагает особый ракурс восприятия мира и его познания.

Многофункциональность комиссий изначально определялась задачами и способами их реализации, интеллектуальной практикой. Данный факт дает основание для изучения дискурсивной деятельности архивных комиссий, в рамках которой нами описаны дискурсивные формации текстового поля комиссий как специфические принципы организации текста, представленные институциональными дискурсами (научный, педагогический, юридический, публицистический).

Ключевые слова: дискурс, дискурсивные формации, научный, педагогический, юридический, публицистический дискурс.

A. Minina

FORMS OF DISCURSIVE ENTITY IN THE WORK OF EMPLOYEES OF PROVINCIAL SCIENTIFIC ARCHIVAL COMMISSIONS

This article considers the activity of provincial scientists of archival commissions, which originated in the late XIX – early XX centuries, as a complex, multi-layer, multi-level system. The second half of the XIX – early XX centuries is characterized as the time of formation of local history as a complex integrative socio-cultural phenomenon. The central place in this period was occupied by the local intellectual community of local orientation, which was represented by archival commissions, which are attractive primarily because they are a phenomenon that reflects both scientific-organizational, scientific-communicative and socio-cultural space. After all, the commissions formed the cultural life and image of the region, tried to preserve the little studied earlier, almost lost historical cultural potential.

The relevance of the study of this problem increases due to the fact that the history of archival commissions, archival affairs of the regions is still poorly understood. Despite the fact that various aspects of the topic were covered in one way or another in the scientific literature, most of them are in

the nature of reports, reviews of the commission's activities. The consideration of the discursive activities of the commissions, the characteristics of their discursive formations are very fruitful, because the discursive activity is inextricably linked with the processing of information and the presentation of knowledge, and also has its own characteristics, as it involves a special perspective of the perception of the world and its knowledge.

The versatility of the commissions was initially determined by the tasks and methods of their implementation, intellectual practice. This fact provides the basis for the study of the discursive activity of archival commissions, in which we describe the discursive formations of the text field of commissions as specific principles of the text organization represented by institutional discourses (scientific, pedagogical, legal, journalistic).

Key words: discourse, discursive formations, scientific, pedagogical, legal, journalistic discourse.

Согласно определению, данному Е. Г. Малышевой и основанному на подходе Г. Н. Манаенко [6], дискурс – «процесс тематически обусловлен-

ного общения, детерминированного социально-историческими условиями, специфика которого отражается в совокупности текстов (в широком –

семиотическом – понимании этого термина), характеризуемых концептуальным, речежанровым и pragmatische ским своеобразием» [5, с. 90].

Как информационная конструкция дискурс представляет собой «хранилище разных видов знаний» [10, с. 72]. Вместе с этим дискурсивные формации являются спецификацией этих знаний в ходе их употребления. По мнению О. Г. Ревзиной, дискурсивные формации могут соединяться между собой, «частично совпадая по коммуникативным и когнитивным признакам, по используемым жанрам» [10, с. 68].

Дискурсивные формации текстового поля сотрудников губернских ученых архивных комиссий (далее – ГУАК) – это сложная, многослойная, многоуровневая, многофункциональная система текстов в силу того, что интеллектуальное наследие работников ГУАК дореволюционной России по своей широте и разносторонности не имеет аналогов в предшествующие и последующие периоды развития региональной научной мысли.

При характеристике деятельности ГУАК чаще всего акцентируется внимание на слове «архивные». Однако сами работники комиссий особо выделяли слово «ученые». Согласно «Положению об исторических архивах и учёных архивных комиссиях» (далее по тексту – Положение) 1884 года комиссии по своей инициативе могли «включать в круг своих занятий разыскание, описание и объяснение всяких других памятников старины» [9, с. 663].

В 1895 г. председатель Симбирской ГУАК В. Н. Поливанов назвал комиссию учреждением, «преследующим научные цели», и, говоря о важности архивной работы, видел задачей комиссии «занятия научные». Председатель Рязанской ГУАК С. Д. Яхонтов в 1909 г. говорил, что комиссия давно перестала быть только архивным предприятием, она делает науку. Член Саратовской ГУАК С. А. Харизоменов выражался еще более определенно, считая, что комиссия как учреждение областное «становится могучим орудием для популяризации науки, для объединения ее с жизнью и обществом» [12, с. 296].

Интересно также, что члены ГУАК определяли цели, преследуемые ими, как *научно-просветительные*, поскольку деятельность общества заключалась не только в «изучении старины, собирании и сбережении разного рода памятников древности. Печатая в своих изданиях исторические материалы и исследования, устраивая публичные лекции, публичные заседания, открывая свои музеи для обозрения богатых коллекций, иллюстрирующих ее труды, комиссия участвует в великой просветительской задаче народного самопознания» [8, с. 7].

Развернув широкую научно-исследовательскую и просветительскую деятельность, ГУАК удалось продуцировать тексты, охватывающие разнообразные сферы исследовательской деятельности, порождающие многочисленные дискурсивные формации, то есть закономерности между высказываниями, которые посвящены единой тематике.

Дискурсивная деятельность сотрудников ГУАК представлена такими институциональными дискурсами, как научный, публицистический, педагогический, юридический. В рамках данных дискурсов нами были выявлены формы дискурсивной данности путем выделения структурообразующих уровней каждого из перечисленных видов дискурса.

1. Сотрудники ГУАК – авторы многочисленных научных исследований различной дисциплинарной направленности.

1. Архивное дело

Следуя Положению, государство поставило перед ГУАК задачи разбора архивных документов, выделения те из них, которые представляли интерес в научном отношении для передачи их на хранение в создаваемые исторические архивы.

Таким образом, главным направлением деятельности ГУАК стало сохранение исторических материалов, приведение их в порядок и научная обработка.

Все это реализовалось в выполнении ряда практических, теоретических и методических задач:

а) спасение от гибели многих ценных дерево-люционных архивов регионов;

б) исторические обзоры деятельности ГУАК (Халиппа И. Н. «Общий обзор главнейших правительственные архивов города Кишинева, с очерком деятельности бывших комиссий по разборке этих архивов»; Шуцкий М. «Мои впечатления, связанные со съездом представителей УАК» и другие);

в) обоснование ценности изучения региональных архивов (Савелов Л.М. «Что такое УАК, что она должна сделать и что может сделать?»; Вертоградов И. «К вопросу о задачах ГУАК»; Прозрителев Г. Н. «Великое значение наших архивов» и другие);

г) создание методических разработок, направленных на обеспечение сохранности важных архивных источников (Прозрителев Г. Н. «Необходимо охранять памятники прошлого»; Малченко В. С. «Один из способов разборки архивов» и другие);

д) создание описей архивов различных губернских и уездных учреждений, фамильных и частных архивов (Халиппа И. Н. «Коллекция старинных документов из фамильного архива госпожи З. Ф. Донич, урожденной Карп-Руссо»; Добронравов Г. Н. «Дела Владимирского Губернского Правления, поступившие в архив ВУАК»; Загорский М. В. «Разбор и описание дел Переславского Духовного Правления» и другие).

2. Исторические изыскания

Спасенные и разработанные архивы оказались ценным материалом для последующего исследования исторического прошлого регионов. Исторические исследования ГУАК адресовались широкому кругу читателей и, по словам Колесниковой М. Е., «носили характер исследования-очерка и были научно-популярными, доступными для понимания простым людям» [2, с. 330].

Заслуги ГУАК в изучении и описании истории регионов трудно переоценить, сотрудникам при-

надлежат работы, посвященные разным исследовательским областям:

а) общие исторические данные о регионе (Халиппа И. Н. «Материалы для истории Кишинева в XVI–XVII веках»; Рыпинский Г. Н. «Материалы для истории Владими尔斯ской губернии»; Быков Н. «Древний край Южного Приднепровья. Исторический этюд»; Прозрительев Г. Н. «Из истории города Ставрополя» и другие);

б) история заселения региона (Прозрительев Г. Н. «Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии»; Марков Е. Л. «Древние татарские шляхи Воронежской губернии», Синявский А. «К истории землевладения в Екатеринославщине» и другие);

в) история культурной жизни региона (Прозрительев Г. Н. «Городская хроника: Театр»; Данилов В. «Из прошлого Екатеринославского театра»; Снежневский В. И. «Старый нижегородский театр» и другие);

г) история религиозных памятников и направлений (Щеглов Д. В. «Измаильские монастыри»; Добронравов В. Г. «Из истории молоканства в Владимирской епархии»; Минх А. Н. «Быт духовенства Саратовского края в XVIII и начале XIX столетий» и другие);

д) история образовательной деятельности (Тарасов П. Д. «Первые 15 лет деятельности Екатерининского института», Киреев П. Л. «Из истории Тамбовского сельского Покровского народного училища» и другие);

е) история различных региональных учреждений (Павловский И. Ф. «Кременчугская фабрика сукноделия для евреев в начале XIX века», Попов И. «К истории казенных заводов» и другие).

Таким образом, благодаря ГУАК, по мнению Л. В. Чекурина, «изучение истории отдельных регионов значительно продвинулось вперед как в количественном, так и в качественном отношении» [14, с. 85].

3. Археология

Значительное место в краеведческих изысканиях архивные комиссии уделили изучению древнейшего, «доисторического» периода в летописи своих областей. Главным источником информации о нем были археологические раскопки, причем сотрудники комиссий не ограничивались «только описанием добывшегося раскопками эмпирического материала», но во многих работах сделали попытки теоретического осмыслиения «экономического и общественного быта наших предков» [11, с. 11].

По словам А. Л. Монгайт, несмотря на «достаточную долю любительства, слабый контроль и недостаток средств, археологические исследования ГУАК привели к важным открытиям» [7, с. 20].

В рамках археологического направления исследований ГУАК занимались:

а) проведением раскопок (Фадеев А. Д. «О раскопках в Острогожском и Бобровском уездах», Мартинович А. Д. «Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 году» и другие);

б) разработкой методологических указаний по проведению археологических изысканий (Тру-

нов М. П. «К организации изучения Воронежского края в археологическом отношении»; Прозрительев Г. Н. «К вопросу об изучении маджарских древностей», «Археологическим обществам и ученым архивным комиссиям. Об охране памятников старины» и другие);

в) составлением учебных программ для занятий археологией (Соболевский А. И. «Тверские археологические курсы»);

г) составлением археологических карт, чертежей (Пареный М. К. «О серебряном сосуде из Мастюгинского кургана с приложением чертежа», Прозрительев Г. Н. «Остатки древних времен в Ставрополе: Археологическая карта Ставрополя», Языков В. Д. «Могильник на Лысой горе. Чертеж» и другие);

д) деятельностью по сохранению археологических памятников;

е) просветительской деятельностью в области археологии (экспонирование материалов раскопок в музеях).

Деятельность комиссии в этом направлении оказала значительное влияние на создание в регионах обстановки, благоприятствующей охране и изучению археологических памятников, дала толчок к переходу ученых на более высокий уровень исследований, заложила фундамент, на котором в дальнейшем развивались представления о древнейшей истории регионов.

4. Этнография

Важное место в своих изысканиях сотрудники ГУАК отводили разработке этнографического материала, в первую очередь, для того, чтобы выяснить, кто были древние «насельники» края (Рязанова Е. И. «Материалы по этнографии Курской губернии», Магницкий В. К. «К истории „присурских“ чуваш, черемис, мордвы и Фролищевой пустыни» и другие). Интересны работы исследователей, посвященные чертам быта, традиционной культуре, этногенезу различных народностей (Фарфоровский С. В. «Социальный состав калмыков»; Ермоленко М. «Предание о кабардинцах Северного Кавказа»; Прозрительев Г. Н. «Гибнувший народ. Туркмены, Ингуши. Этнографический очерк» и другие). Членом Ставропольской ГУАК Прозрительевым Г. Н. в работе «Этнографический очерк Ставропольской губернии и Северного Кавказа» была сделана попытка нарисовать общую этническую карту региона. Кроме того, методично проводилась популяризация этнографических изысканий (Зайковский Б. В. «Собирайте русскую бытовую старину!»; Прозрительев Г. Н. «Неотложная задача» и другие).

Отдельно упомянем исследование члена Полтавской ГУАК Л. П. Падалки «Что сказало население Полтавской губернии о своем старом быте», проведенное на основе анкетирования населения губернии. В нем представлено знание «добровольных корреспондентов» из 300 с лишним населенных пунктов в пределах губернии об имени народа, племенном составе населения, жилище, одежде, обрядах и обычаях, языке и песнях Полтавской губернии, а также мнение корреспон-

дентов об изменениях в народном быте. В работу также вошли выдержки из подлинных сообщений корреспондентов.

5. Фольклор

В рамках этнографических исследований члены ГУАК обращались к народному творчеству, фольклору. Фольклор как простонародный вид синкетичного творчества, как совокупность «вербальных и вербально-невербальных структур, функционирующих в быту» [15] отображает особый тип мышления, особую систему представлений о мире, он создает «как бы свой мир, не имеющий прямых аналогий в действительности» [15], поэтому также представляет широкий исследовательский интерес.

Сотрудники комиссий интересовались народными обрядами (Смирнов А. В. «Похороны Костромы»; Соболев А. Н. «Обряд прощания с землей пред исповедью, заговоры и духовные стихи» и другие), предметами быта (Поликарпов Ф. И. «Женская крестьянская одежда в с. Истобном, Нижнедевицкого уезда», Соболев А. Н. «В чем были погребаемы наши предки-христиане?» и другие), и другими фольклорными памятниками – легендами (Прозрителев Г. Н. «Легенда о происхождении реки Томузлова Ставропольской губернии Александровского уезда», Норцов А. Н. «Легенда о монахине Анне» и другие), преданиями (Ларин Н. «Предания об атамане Барыке», Анофриев Г. В. «Алексин (Местные предания)» и другие), народными (Кудрявцев «Народные песни Липецкого и Усманского уездов», Соколов М. Е. «Великорусские песни» и другие) и историческими песнями (Прозрителев Г. Н. «Песня Стеньки Разина», Соколов М. Е. «Исторические песни Саратовской губернии» и другие), детскими песнями (Минх А. А. «Свадебные, хороводные и другие песни Полчаниновской волости Саратовского уезда», Рязанова Е. И. «Детские игры, Сороки и другие обычай» и другие), заговорами (Блохин С. А. «Заговоры», Введенский С. Н. «Из истории волшебства и суеверий в Тамбовском крае» и другие), частушками (Косаткина Е. Г. «Частушки»).

Фольклорные изыскания работников ГУАК – образец сочетания научного, публицистического и художественного подходов к изучению и осмыслению фольклорных памятников.

6. Музееоведение

Дискурсивная деятельность сотрудников ГУАК связана также и с теорией и методикой музеиного дела, важны и практические достижения в этой сфере.

Музеи в большей части губерний стали предметом особого внимания со стороны комиссий. Их устройство было важнейшим направлением деятельности ГУАК.

Председатель императорского Археологического института отмечал, что музей, созданный при поддержке Тверской ГУАК, «исторический, промышленный и статистический, уже известен всей России: его посещают не только занимающиеся древностями, но и простолюдины<...>не

десятками, а нередко сотнями в один день» [4]; а один из членов Тверской ГУАК, Семевский М. И., внес предложение о расширении промышленного отдела в музее и о собирании в музее портретов, автографов и трудов лиц, родившихся в Тверской губернии, что в последствие стало закономерностью для большинства ученых архивных комиссий.

Для создания музея в Нижнем Новгороде члены Нижегородской ГУАК решили организовать прием различных предметов древности от населения, а кроме того, проводить историко-археологические экскурсии. Подобным же образом Саратовской ГУАК удалось собрать для губернского музея 3 тысячи предметов древности, нумизматики, палеографии.

Главным разработчиком музея в Ставропольской губернии стал Прозрителев Г. Н. Основанный музей, по словам Колесниковой М. Е., имел «всеобъемлющий краеведческий характер, осуществлял большую научно-исследовательскую собирательскую и просветительскую работу, являлся по сути центром науки и культуры края» [2, с. 336].

Сохранились исследования членов ГУАК, посвященные:

а) выработке приемов музеиного экспонирования предметов (Сергиев С. И. «Археологический отдел Пермского музея», Прозрителев Г. Н. «Кавказский музей» и другие);

б) определению методики составления музеиного каталога («Каталог исторической юбилейной выставки в память 250-летия Симбирска»);

в) решению вопросов административной и научной организации музея (Абаза М. М. «К вопросу о пополнении музыкального отдела в Курском историко-археологическом музее», Щеглов С. А. «Историко-археологический музей в 1914 году» и другие);

г) описанию музеиных экспонатов (Минх А. А. «Ценное приобретение нашего музея», Добролвольский П. М. «Описание исторического музея Черниговской ГУАК. Церковные древности и предметы христианского культа; Исторический отдел: быт военный и домашний» и другие).

При этом каждая из комиссий при организации музея ставила своей целью «распространение исторических знаний вообще и в пределах местно-областной истории, в особенности среди местного общества» [4].

7. Биографические исследования

В область задач биографа входит познание и реконструкция «личности в ее становлении и развитии» [13, с. 77], а ведущей жанровой особенностью биографии является «стремление третьего лица воссоздать словесными средствами целостный процесс становления, развития и деятельности исторической личности» [13, с. 23]. Интересен тот факт, что биографию, по мнению К. Бруммак, нельзя причислить ни к одному из родов литературы, так как она может быть написана в любом из них, кроме того, дополнительной сложностью является существование многочисленных биографических форм.

Однако данные особенности не помешали Г. О. Винокуру включить биографию в список самостоятельных научных дисциплин историко-филологической парадигмы: «По своим методам и приемам биография примыкает к филологии, поскольку овладение источниками биографии возможно лишь путем интерпретации исторических памятников» [1, с. 12].

Число биографических исследований сотрудников ГУАК внушительно. Ученые обращались к деталям биографий крупных исторических лиц:

- а) правителей и членов их семьи (Александр II, Петр I, великий князь Георгий Всеволодович, Евдокия Лопухина);
- б) предводителей восстаний (Емельян Пугачев, И. М. Мазепа, Имам Шамиль, П. П. Шмидт);
- в) политических деятелей (М. М. Сперанский, А. Г. Розенберг, Г. С. Волконский, Г. А. Лопатин);
- г) деятелей искусства (Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, И. И. Лажечников, В. В. Капнист, А. Н. Радищев, С. Тончи);
- д) общественных деятелей (Е. Переяславский, Л. С. Голицын, Шейх Мансур).

Однако сохранилось гораздо больше биографических исследований, посвященных личностям, известным только в масштабах губерний. Это биографии, автобиографии, жития, некрологи и воспоминания:

- а) сотрудников ГУАК (Г. Н. Прозрителев, Г. А. Залюбовский, Поль А. Н., Новицкий Я. П., М. М. Шуцкий, В. И. Снежневский и другие);
- б) региональных служителей церкви (protoиерей К. Павловский, protoиерей И. И. Базаров, епископ Феодосий, епископ Евлампий, архиепископ Ириней и другие);
- в) региональных ученых (исследователь Кавказа Н. Я. Динник, этнограф Закревский, историк, этнограф И. И. Манжура, историк И. Д. Полко, географ, натуралист Г. И. Радле, археолог П. Г. Беляев и другие);
- г) губернских писателей (писатель-фольклорист Маркевич Н. А., писатель-этнограф В. А. Сбоев, писатель-беллетрист С. Н. Миловский (Елеонский), писатель-путешественник Е. Л. Марков, поэт И. С. Никитин, поэт И. П. Катляревский и другие);
- д) региональных государственных и общественных деятелей (секретарь статистического комитета И. В. Бентковский, частный поверенный З. Ф. Будаш-Будашевский, сестра милосердия Р. М. Иванова, князь Киприани, князь М. С. Воронцов, генерал Н. С. Заводовский, рецензент Екатеринославского театра Мизко Д. Т., кошевой А. И. Кальнишевский, майор А. Кучевский, граф М. Н. Муравьев-Виленский, чиновник Нижегородского собора Пушников, генерал-губернатор Н. П. Игнатьев, судья Ромашев и другие)

Кроме того, сотрудниками ГУАК составлялись словари и списки «замечательных деятелей региона», например, «Библиографический словарь писателей и ученых Рязанского края», «Список замечательных лиц, родившихся в Тамбовской губернии» и другие, а также библиографические

справки литературы, посвященной видным деятелям губерний («Библиографические указания о П. У. Белякове», «Указатель статей о губернаторе А. Д. Панчулидзеве» и другие).

8. Экономика

Уже в начале XX века обнаружился внутренний кризис ГУАК, связанный с массовой публикацией исторических источников вместо научных изысканий. Он грозил утратой «научности», возвратом к архивной описательности и «пережевыванию» публикуемых источников» [4]. Подобная ситуация требовала перехода к проблемным исследованиям, в частности к социально-экономической проблематике.

Основные проблемы данной области, интересовавшие ученых, затрагивали вопросы установления и организации торговых отношений (*Прозрителев Г. Н. «Местная хроника [о ходе торговли на Троицкой ярмарке города Ставрополя]», Сташевский Е. А. «Заметка о торговле Нижнего Новгорода в первой половине XVII века», Звездин А. И. «О продаже людей на Нижегородской ярмарке» и другие*), ценопроизводства (*Прозрителев Г. Н. «Рост цен на продукты в Ставрополе-губернском», Белоцерковский Г. М. «Справка о ценах ржи и овса в Дедилове, Крапивне и Михайлове» и другие*), разработки природных ресурсов (*Прозрителев Г. Н. «К вопросу о нефти в Ставрополье»*), экономики сельского хозяйства (*Прозрителев Г. Н. «Шелководство в Ставропольской губернии»*) и производства (*Пульхеров А. И. «О причинах упадка и закрытия Брынского и Есенковского чугунолитейных и железоделательных заводов»*); исследовались также особенности землевладения в регионах в преобразованную и послепреобразованную эпохи (*Снежневский В. И. «Новая оценка земли в Нижегородском уезде и вызываемые ею недоразумения», «Генеральное межевание земель и несколько сведений о характере землевладения в Нижегородском крае» и другие*).

Важной темой для исследователей стали реформы 60-х гг. XIX в. (*Драницын Н. И. «700-тысячная растрата в Нижегородском казначействе», Саевьев А. А. «Три проекта об улучшении быта крепостных крестьян в Нижегородском уезде», Тихомиров И. Ф. «Строгая ревизия (эпизод из калужской жизни начала XIX столетия)»* и другие). Ученые отмечали неподготовленность их осуществления, отрицательное влияние на российскую экономику государственного контроля, а также трудности ведения крестьянского хозяйства на новых основаниях.

9. Филология

Научное творчество членов ГУАК отражает внимание исследователей к языковым и речевым явлениям, а также их собственную лингвистическую и литературоведческую работу. Среди действительных членов ГУАК числились как профессиональные филологи (А. А. Шахматов, член Саратовской ГУАК, Д. К. Зеленин, член Вятской ГУАК, Д. И. Яворницкий, член Екатеринославской ГУАК, и другие), так и известные писатели (Е. А. Марков, И. С. Никитин).

В своих лингвистических изысканиях члены комиссии охватывают в основном лексический пласт языковой системы, что связано с интересом к этимологии тех или иных топонимов региона. В пределах этой проблематики представлены малые научные работы, по большей части отдельные статьи (Е. Исполатов «О происхождении некоторых географических названий Псковской губернии», Л. В. Падалка «Происхождение и значение имени “Русь”, Ф. П. Саваренский «О географических названиях Тульской губернии», С. Березнеговский «Замечания о названии г. Кадома» и другие).

В рамках анализа этнографических данных исследователи обращаются к фонетическому уровню языка, в частности к верной фонетической записи диалектного материала (М. Е. Соколов «Фонетическая запись сказки об Илье Муромце», «Великорусские песни, записанные фонетически» и другие), для чего академиком А. И. Соболевским, членом Тверской ГУАК, была разработана программа собирания сведений о народных говорах.

Кроме того, находим примеры комплексного лингвистического анализа фольклорных текстов (М. Е. Соколов «О языке сказок, песен и областных словарях» и другие), а также опыты перевода надписей на археологических памятниках (В. К. Тураевской «Надгробные надписи из тюркии Афган Мохаммед-Султана в г. Касимове» и другие).

Литературоведческие изыскания посвящены:

а) анализу творчества отдельных писателей, как общеизвестных, так и региональных (В. Беднов «К характеристике местных литературных нравов (С. А. Никитин и его “Екатеринодарская старина”), Н. Быков «Народная душа в творениях Т. Г. Шевченко», Д. И. Яворницкий «Запорожцы в поэзии Т. Г. Шевченко», А. Д. Фадеев «С. Н. Марин и его литературные произведения», С. В. Фарфоровский «Литературная деятельность Попко» и другие);

б) анализу отдельных художественных произведений (А. М. Путинцев «Вопрос о тексте поэмы “Тарас”, А. В. Смирнов «Литературные опыты воспитанников Владимирской духовной семинарии в начале XIX столетия», М. И. Капустин «Поэзия и проза в старой Пермской Семинарии», А. Д. Фадеев «Стихотворение С. Н. Марина» и другие);

в) сбору историко-литературных материалов об отдельных авторах (А. М. Путинцев «Новые письма И. С. Никитина», «По поводу желаемых улучшений в издании сочинений И. С. Никитина», М. Н. Былов «Сообщение по поводу неизданных писем поэта И. С. Никитина», Г. Н. Прозрителев «Память о Н. В. Гоголе в захолустьях Полтавской губернии», И. С. Шукшинцев «Из неизданных произведений Державина», И. Ф. Павловский «О распространении в Малороссии произведений Шевченко» и другие).

10. Не так комплексно и подробно, но с определенным интересом уделяли внимание ученыe таким областям знания, как:

а) искусствоведение: сохранились работы, содержащие анализ живописи и скульптуры (Георгиевский В. Т. «Новый взгляд на памятники искусства Владимира-Сузальской области до монгольского периода», Четыркин И. Д. «Замысловатое изображение» и другие), архитектурных памятников (Четыркин И. Д. «Деревянные резные трехстворчатые складни XVII столетия», Слупский А. И. «К вопросу о московском и новгородском влияниях в архитектурных памятниках Соликамска и Чердыни» и другие), иконографии (Четыркин И. Д. «Иконографические формы Св. Великомученика Никиты Готского и объяснение значения этих изображений», Первухин Н. «О символизме в старой русской иконописи» и другие).

б) философия: представлены тексты, содержащие собственные философские размышления ученых (Прозрителев Г. Н. «Заметки. Моя личная философия. История борьбы с Богом»), а также тексты, исследующие проблему генезиса философии (Леонтьевский В. П. «Полтавский мыслитель-поэт Г. С. Сковорода и генезис его философии»); несколько трудов посвящены анализу философских произведений (Леонтьевский В. П. «К тексту “Змий Израильский”» и другие).

в) география: находим рукописи, посвященные описанию и локализации рек и гор регионов (Кобылин А. Н. «Несколько ведений о реках Курской области», Орлов А. Н. «Истоки рек Оки, Свапы, Сновы и Сновки», «Лысая гора, Крутой яр и Каниевское» и другие), характеристике географической оболочки губерний, ее климата (Прозрителев Г. Н. «Оползни в бывшей Ставропольской губернии», «Сыпучие пески в Ставропольской губернии» и другие).

г) агрономия: сохранились работы о выращивании овощных и плодовых культур в регионе (Прозрителев Г. Н. «Тыква»), о мерах борьбы с вредителями (Прозрителев Г. Н. «Историческая справка о мерах борьбы с саранчой в Ставропольской губернии»), о качестве и количестве земель губернии (Модзалевский В. Л. «Пространство губерний по межевым документам. Число дач, полос и участков»), их межевании (Василенко В. И. «К истории размежевания земель в Полтавской губернии»).

д) медицина: уцелевшие труды, описывающие и анализирующие народную медицину (Овчинников М. «Материалы по народной медицине», эпидемии (Алелеков А. Н. «Психопатическая эпидемия в с. Никулине Нижегородской губернии», Несвицкий А. А. «Чума. Мероприятия против заноса чумной заразы в Полтавскую губернию в XIX веке» и другие), психические расстройства (Звездин А. И. «О кликушестве в XVII–XVIII вв.»).

е) палеонтология: сохранились работы, содержащие описание раскопок (Данилевич В. Е. «Отчет о раскопках Курской ученой архивной комиссии в Курском уезде в мае и июне 1907 года», Сосновский К. П. «Дневник раскопок в овраге Волчий-Верх близ д. Плоховки, Никитинской волости, Щигровского уезда, произведенных

К. П. Сосновским 16 и 17 июля 1910 года» и другие) и палеонтологических находок (Четыркин И. Д. «Открытие в Козельском уезде Калужской губернии близ деревни Стенино остатков палеолитической эпохи», Каншин В. П. «Умрихинский мамонт и следы человека палеолитической эпохи» и другие), а также лекции по палеонтологии (Прозрителев Г. Н. «Лекции по палеонтологии»).

ж) кроме того, нами найдена одна работа по астрономии, посвященная описанию солнечного затмения, и одна работа по химии, знакомящая с химическим анализом древнего зеркала.

Научные тексты сотрудников комиссии отличаются логичностью и последовательностью изложения, фактологичностью и высокой степенью обобщенности; авторы включают в них ссылки на архивные и другие научные источники, а также целые цитаты из этих источников, что позволяет говорить об интертекстуальности.

II. Вовлеченность членов ГУАК в педагогическую деятельность в большей степени связана с желанием «выработать у народа сознательное и деятельное отношение к историческому опыту, привить любовь к родному краю и его древностям» [4]. Ученые старались дать практическое применение результатам своих научных изысканий, донести их до каждого желающего. В связи с этим многие члены комиссий читали лекции и вели специальные курсы, которые имели среди слушающих «выдающийся успех».

Так, 1912 году в Твери были организованы археологические курсы, в рамках которых читались лекции по русской истории со временем Владимира-Сузdalльской Руси до времени правления Алексея Михайловича, лекции по древней русской литературе, по русской палеографии, по истории русского церковного зодчества, скульптуры и иконописи.

Председатель Ставропольской ГУАК Прозрителев Г. Н. преподавал в духовной семинарии французский язык, математику, физику, а позже в педагогическом техникуме читал лекции по сельскому хозяйству, ветеринарии, археологии, этнографии, палеонтологии и краеведению, в основу которых легли его собственные исследования.

Многие члены комиссий были профессиональными педагогами, преподавателями университетов, реальных училищ, гимназий, школ.

Среди трудов ученых комиссий сохранились:

а) лекции по палеонтологии (Г. Н. Прозрителев «Лекции по палеонтологии»), по генеалогии («Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте преподавателем института Л. М. Саевовым»), по истории (Прозрителев Г. Н. «Программа лекций о событиях 1905 г. в Ставропольской губернии»);

б) программы по собиранию говоров, по собиранию сведений о первобытных и исторических древностях, для собирания этнографических предметов, по изучению региона (Г. Н. Прозрителев «Программа изучения Ставропольского края. Ведение краеведческой работы»);

в) учебно-методические пособия (Г. Н. Прозрителев «Краткий курс краеведения. Ставропольская губерния», «Пособие по изучению Саратовского края», Л. М. Попова «Историко-археологические курсы Тверской Губернской Ученой Архивной Комиссии»).

III. Основной профессий многих членов комиссий была юриспруденция. Юридические работники-члены ГУАК – это прокуроры, нотариусы, мировые и городские судьи, адвокаты, судебные чиновники, следователи и присяжные поверенные.

В основе своей в юридических изысканиях членов комиссий вопросы правосудия прямо относятся с действительностью и активно взаимодействуют с другими дискурсивными сферами. Именно в систематическом накоплении повседневных бытовых и юридических черт, которые смогли бы воссоздать картину ушедшей жизни, видели свою задачу исследователи. Ученым при надлежат работы публицистического характера, в которых они анализируют уголовные преступления (Кашкаров В. М. «Дело о разграблении усадьбы Домогацкого», Звездин А. И. «Криминальное дело», Коневский М. Ф. «Дело балахинского уездного суда по указу Нижегородской уголовной палаты о священнике Кондакове» и другие), дела мирового суда (Прозрителев Г. Н. «Дела и правы [о делах, рассматривавшихся на заседаниях съезда и камерах городских судей]»), финансовые дела (Снежневский В. И. Спорное дело об аренде мельницы на р. Сереж, под д. Вторускою, Терюшевской волости», Вишневский И. И. «Сыскное дело Арзамасской приказной избы о краже денег и имущества в Арзамасе у черного попа Троицкого монастыря Варсонофия» и другие), дела по земельному праву (Харизоменов С. А. «Материалы по четвертному землевладению Саратовской губернии», Падалка Л. «О происхождении и особенностях владения казачьими наследственными землями в Малороссии» и другие), поднимают вопросы законотворчества (Снежневский В. И. «Новый избирательный закон и выборы землеовладельцев»).

Одна из работ председателя Ставропольской ГУАК Г. Н. Прозрителева может характеризоваться как монография по юриспруденции, так как дает комплексный обзор и анализ юридической деятельности в регионе (Прозрителев Г. Н. «Кто ответчик за смерть от деяния, самого по себе безразличного?»).

IV. ГУАК вели активное сотрудничество с органами печати. Нижегородская ГУАК, например, поддерживала связь с журналами и газетами: «Голос минувшего», «Ежегодник императорских театров», «Журнал Министерства народного просвещения», «Исторический вестник», «Новое время», «Русский архив», «Русская старина», «Русские Ведомости», «Русская мысль», «Вестник Европы» и другие. Как отмечает Макарихин В. П., редакции печатных изданий в полной мере «содействовали деятельности провинциальных обществ», иногда высыпая «свои труды им за полценны» [4].

Некоторые члены ГУАК становились инициаторами создания региональных газет, так председатель Ставропольской ГУАК Г. Н. Прозрительев выступил с проектом создания газеты «Северный Кавказ», задачи которой были подчинены «социальному-политическому, экономическому, правовому, культурному просвещению читательской аудитории» [3, с. 37].

Функция воздействия публицистического текстового поля ГУАК определяется призывностью (побудительный характер речи), речевой выразительностью (средства словесной образности), собираемостью (обобщенные формы первого и третьего лица, частое употребление местоимений «мы», «наш»), простотой и доступностью. Информативность текстов сопряжена с достоверностью, объективностью и фактологичностью.

Публицистические тексты членов комиссий характеризуются тематической разнородностью и жанровой гетерогенностью: **рецензии и отзывы** на печатные издания, **разборы** отдельных сочинений (С. И. Архангельский «Разбор сочинения Адама Шлейссинга “Описание Московского государства в царствование Петра I и Иоанна с прибавлением описания Сибири”», В. П. Соколов «Отзыв о “Записке Якубовского”, Библиографический отзыв об издании “Материалы для истории Владимирской губернии” А. В. Смирнова» и другие); **археологические хроники** (И. Д. Четыркин «Археологическая выставка в Киеве», Н. В. Теплов «Открытие в Фивах гробницы Тутмеса III» и другие); **хроники общественной жизни губерний** (П. Мартынов «Празднование двухсот пятидесяти летнего юбилея города Симбирска», Н. М. Ликин «Основание Катунского приходского училища и торжественное открытие его 27 сентября 1814 года», В. Пархоменко «Тысячелетие города Переяслава», «Пушкинские дни в Оренбурге» и другие); **статьи**, посвященные внешней политике России и ее внутренней социально-политической ситуации (С. Н. Вагин «Пример злоупотребления «словом и делом»), а также юридическим (В. И. Снежневский «Новый избирательный закон в Нижегородском уезде и выборы землемельцев»), экономическим (С. Беренгевский «Ответ на статью г. Сушина о невыгоде направления линии Саратовской железной дороги на Тамбов», В. И. Снежневский «Денежное хозяйство Нижегородского уездного земства за 1902 год», «Новая оценка земли в Нижегородском уезде и вызываемые ею недоразумения» и другие), хозяйственным (И. Ф. Гав-

ленко «К вопросу о переводе Ильинской ярмарки из Ромен в Полтаву», В. И. Снежневский «Возможна ли у нас китайская культура хлебов?», А. А. Савельев «Три проекта об улучшении быта крепостных крестьян в Нижегородском уезде», В. И. Снежневский «Почему мы не слышим земцев в деревне» и другие) проблемам региона; **научно-популярные статьи** (В. И. Снежневский «Старый нижегородский театр», Б. В. Зайковский «Собирайте русскую бытовую старину!»); **путевые очерки** (П. Н. Боец «Поездка в Зубриловку в 1912 году», А. Н. Минх «Путевые заметки от Москвы до села Колепа 1869 г.» и другие); **проблемные очерки** (Ф. П. Коновалов «Борьба с сектантством в Балашовском уезде», В. В. Косяткин «О бородачах и раскольниках, чтоб за бороду пошлину платили и в указанном платье ходили», Д. Мордовцев «Люди, их слова и дела» и другие); **очерки деятельности комиссий** («Очерк деятельности Пермской ученой архивной комиссии за 1891 и 1892 годы» и другие); **некрологи** (А. Ф. Мальцев «Г. П. Алексеев», Н. Н. Новиков «Памяти А.А. Дмитриева» и другие); **заметки** (И. Д. Четыркин «Замысловатое изображение», «Расписной валек», «Складни», Е. С. Филимонов «Что такое тептяри? Белая заметка» и другие); **воспоминания, записки, впечатления** (П. Бахметьев «Освобождение моего отца от крепостного ига», Б. Зайковский «Впечатления из поездки в Елань-Аткарскую», С. Щеглов «Город Петровск. Отрывки из воспоминаний», «Записки сторожила Ивана Ивановича Исаева о городе Ельце» и другие); **интервью** (Л. В. Падалка «Что сказало население Полтавской губернии о своем старом быте»).

Сложно определить жанровую принадлежность некоторых публицистических работ членов комиссий, так как многие из них обладают жанровым синкретизмом, сложной структурой, полифункциональностью и многозначностью.

Подобный масштаб исследовательской деятельности и объем достижений в различных областях науки и общественной жизни говорит об уникальном стиле мышления сотрудников комиссий, владении систематизированным, цельным, разносторонним, интегрированным знанием различных областей фундаментальной и прикладной науки, а также о способности объективно оценивать содержание знания, обладая компетенцией усваивать и выражать его сквозь призму разных видов дискурса.

Литература

1. Винокур Г. О. Биография как научная проблема (тезисы доклада) // Биография и культура. Русское сценическое произношение. М.: Русские словари, 1997. С.11–88.
2. Колесникова М. Е. Исследовательская деятельность Ставропольской ученой архивной комиссии как раннепрофессиональная коммуникативная практика провинциального интеллектуального сообщества первой четверти XX века // Язык и текст в пространстве культуры: Сб. статей науч.-методического семинара «TEXTUS». Вып.9. Спб; Ставрополь: СГУ, 2003. С.328 – 340.
3. Лепилкина О. И. «Северный Кавказ» (1884–1906) – первая частная газета на Ставрополье // Лепилкина О. И. История ставропольской журналистики: Учебное пособие и хрестоматия. Ставрополь: СГУ, 2005. С.31–42.
4. Макарихин В. П. Губернские ученые архивные комиссии России: монография. Нижний Новгород: Волго-Вятское книжное изд-во, 1991. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/historiografy/institut/?id=947> (Дата обращения: 14.06.2019).

5. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2011. 402 с.
6. Манаенко Г. Н. Лингвистические координаты понятия «дискурс» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. №4 (029). С.83–92.
7. Монгайт А. Л. Рязанская земля. М.: АН СССР, 1961. 400 с.
8. Официальные документы по учреждению ученых архивных комиссий и губернских исторических архивов // Вестник археологии и истории. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1885. Вып. 1. С.10–15.
9. Проект Положения об исторических архивах и учёных архивных комиссиях // Сборник материалов, относящихся к доархивной части в России. Т.1. Петроград: Издание т-ва А. С. Суворина, 1916. 710 с.
10. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. Вып. 8. 2005. С.66 – 78.
11. Толстов В. А. Рязанская губернская ученая архивная комиссия: история создания, труды и коллекции: автореферат дис. канд. истор. наук. Саратов, 2003. 23 с.
12. Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1890. Т.3. Вып. 3. Саратов, 1890. 300 с.
13. Холиков А. Биография писателя как жанр: учеб. пособие. М.: «Либроком», 2010. 96 с.
14. Чекурин Л. В. Историческое краеведение, историография и источниковедение: Учеб. пособие. М.: МРИК, 1991. 196 с.
15. Чистов К. В. Фольклор // Культурология. XX век: энциклопедия в 2-х т. Спб: Университет, 1998. URL: <http://psylib.org.ua/books/levit01/txt107.htm>. (Дата обращения: 14.06.2019).

References

1. Vinokur G. O. Biografija kak nauchnaja problema (tezisy doklada). Biografija i kul'tura. Russkoe scenicheskoe proiznoshenie (*Biography as a scientific problem (thesis). Biography and culture. Russian stage pronunciation*). Moscow: Russkie slovari, 1997. P.11–88. (In Russian).
2. Kolesnikova M. E. Issledovatel'skaja dejatel'nost' Stavropol'skoj uchenoj arhivnoj komissii kak ranneprofessional'naja kommunikativnaja praktika provincial'nogo intellektual'nogo soobshhestva pervoj chetverti XX veka (*Research activity of the Stavropol scientific archive commission as early professional communicative practice of the provincial intellectual community of the first quarter of the XX century*) // Jazyk i tekst v prostranstve kul'tury. Issuu.9. St.Petersburg; Stavropol': SSU publ., 2003. P.328–340. (In Russian).
3. Lepilkina O. I. «Severnyj Kavkaz» (1884–1906) – pervaja chastnaja gazeta na Stavropol'. Istorija stavropol'skoj zhurnalistiki: Uchebnoe posobie i hrestomatija (*North Caucasus* (1884–1906) – the first private newspaper in the Stavropol region. *History of Stavropol journalism: Textbook and anthology*). Stavropol': SSU publ., 2005. P.31–42. (In Russian).
4. Makarikhin V. P. Gubernskie uchenye arhivnye komissii Rossii: monografija (*Provincial scientific archival commission of Russia: monograph*) URL: <http://www.opentextnn.ru/history/historiografy/institut/?id=947>. (Accessed: 14.06.2019). (In Russian).
5. Malysheva E. G. Russkij sportivnj diskurs: teorija i metodologija lingvokognitivnogo issledovanija (*Russian sports discourse: theory and methodology of linguocognitive research*): thesis. Omsk, 2011. 402 p. (In Russian).
6. Manaenko G. N. Lingvisticheskie koordinaty poniatija «diskurs» (*Linguistic coordinates of the concept “discourse”*) // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2011. No.4 (029). P.83–92. (In Russian).
7. Mongajt A. L. Rjazanskaja zemlia (*Ryazan land*). Moscow: SA USSR publ., 1961. 400 p. (In Russian).
8. Oficial'nye dokumenty po uchrezhdeniju uchenyh arhivnyh komissij i gubernskih istoricheskikh arhivov (Official documents on the establishment of scientific archival commissions and provincial historical archives) // Vestnik arheologii i istorii. St.Peterburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1885. Isue. 1. P.10–15. (In Russian).
9. Sbornik materialov, otnosjashhihsja k doarhivnoj chasti v Rossii (*A set of materials related to pre-archival part in Russia*). Vol.1. Petrograd, 1916. p. 710. (In Russian).
10. Revzina O. G. Diskurs i diskursivnye formacii (*Discourse and discursive formations*). Kritika i semiotika. Issue. 8. 2005. P.66–78. (In Russian).
11. Tolstov V. A. Rjazanskaja gubernskaja uchenaja arhivnaja komissija: istorija sozdaniija, trudy i kollekci (Ryazan provincial scientific archive commission: history of creation, works and collections): abstract of thesis. Saratov, 2003. 23 p. (In Russian).
12. Trudy Saratovskoj uchenoj arhivnoj komissii (*The works of Saratov scientific archive comission*). Vol. 3. Issue. 3. Saratov, 1890. 300 p. (In Russian).
13. Holikov A. Biografija pisatelja kak zhanr (*Biography of the writer as a genre*). Moscow: Librokom, 2010. 96 p. (In Russian).
14. Chekurin L. B. Istoricheskoe kraevedenie, istoriografija i istochnikovedenie (*Historical local history, historiography and source studies*). Moscoe: MARIK, 1991. 196 p. (In Russian).
15. Chistov K. V. Fol'klor (*Folklore*) // Kul'turologija. XX vek: jenciklopedija v 2-h t. URL: <http://psylib.org.ua/books/levit01/txt107.htm>. (Accessed: 14.06.2019). (In Russian).

Информация об авторе

Минина Александра Ивановна – аспирант кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Marmoduk@gmail.com

Information about the author

Minina Aleksandra – postgraduate, Chair of Russian Language, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / Marmoduk@gmail.com

УДК 811.11

Ю. Р. Перепелицына, И. В. Купреева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКИ КАК ТРАНСГРЕССИВНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В ПОЛЕ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫХ СМИ

В работе осуществляется осмысление активных процессов в области современного русского языка: изменения лексического и грамматического строя, расширения стилевой вариативности и общественных функций языка, формирования специфической коммуникативной среды, имеющей виртуальный статус, и новых стратегий речевого поведения.

Авторами предлагается новый взгляд на языковой процесс и оригинальная концепция языковой трансгрессии, которая обосновывается культурно-мировоззренческими основаниями постиндустриальной общественной формации, философией постмодернизма и постнеклассической научной парадигмой, имманентными законами языкового развития и творческого потенциала языка.

Рассматривается генезис философемы трансгрессии, находящей свои истоки в классических философских системах И. Фихте, И. Канта, Г. Гегеля, М. Хайдеггера и окончательную артикуляцию в трудах французских мыслителей-постмодернистов М. Фуко, М. Бланшо, Ж. Батая, отмечается значительный вклад в анализ трансгрессивных явлений в литературном творчестве выдающегося отечественного филолога Ю. Лотмана. Трансгрессия в широком общекультурном контексте мыслится как универсальная и гибкая стратегия выхода за предел социальных, моральных и религиозных норм,

эстетических канонов и моделей, языковых ограничений и структур.

В качестве воплощения трансгрессии языковой сферы нами обосновывается модификация кодифицированной нормативной системы письменных форм бытования языка, одним из вариантов которых выступает проникновение субстандартной, узкоспециализированной лексики в коммуникативное поле средств массовой информации. С одной стороны, это служит практическим целям сознательной коммуникативной стратегии: достижению безусловного интереса, абсолютного доверия и понимания реципиента, разрушению личностных границ субъектов общения (смещение своего/чужого слова через влиwanie разговорной стихии в материально опосредованные формы письменной речи или теле-, радиокоммуникации). С другой стороны, данное речевое поведение определено культурно детерминированной потребностью современного человека в нарушении норм и запретов, используемом в качестве гносеологического механизма. В исследовании актуализированы межпредметные связи современного гуманитарного знания.

Ключевые слова: современный русский язык, кодификация и языковая норма, речевая культура, трансгрессия в сфере языка, коммуникативная стратегия, субстандартная лексика, сленг, жаргон, арго, просторечие.

Y. Perepelitsyna, I. Kupreeva

THE USE OF SUBSTANDARD VOCABULARY AS TRANSGRESSIVE COMMUNICATIVE STRATEGY IN THE FIELD OF MODERN MASS MEDIA

The focus of this work is on comprehension of active process in the modern Russian language: changes in lexis and grammar, widening of stylistic variability and social functioning of the language, formation of a particular communicative area, which has a virtual status, and new strategies of speech behavior.

In this article the original concept of language transgression is provided, which is defined by cultural ground of post-industrial social formation, postmodern philosophy as well as postnonclassical scientific paradigm, inherent laws of language development and creative power of the language.

This work deals with the genesis of philosopheme of transgression, the origin of which is traced in Fichte, Kant and Heidegger works. The final articulation was acquired in the scientific works of French postmodern philosophers such as Foucault, Blanchot and Bataille. In addition, Russian philologist Lotman has made a significant contribution in analysis of transgressive phenomenon. In wide cross-cultural aspect, the transgression is considered as universal and flexible strategy of transcending social, moral and religious standards, language restrictions and structures.

The embodiment of transgression of language area is understood as destruction and reduction of the codified system of written form of the language. The penetration of substandard highly specialized vocabulary in communicative field of mass media is regarded as one of the variants of this process. On the one hand, it serves practical aims of conscious communicative strategy, that is reaching an absolute interest, a full trust and a perception of the recipient, destruction of personal boundaries of communicators (blending of friend-or-foe words through the infusion of spoken element in substantive indirect forms of writing or TV or radio communication). On the other hand, such speech behavior is dictated by determined demand of modern person in breaking rules and prohibitions, which is used as epistemological framework. In this research, the cross-curricular links of modern humanitarain knowledge are actualized.

Key words: modern Russian language, codification and language standard, speech culture, transgression in language field, communicative strategy, substandard vocabulary, slang, jargon, argo, colloquial language.

Современное состояние русского языка в аспекте его кодификации и необходимости последовательного соблюдения языковых норм в художественном и публицистическом стилях речи вызывает оживленные дискуссии не только в академической среде профессиональных филологов, но и в широкой общественной сфере, о чем свидетельствуют многочисленные выступления, посвященные «чистоте» языка, проводимые на радио и телевидении. Анализ научной периодики, осмысливающей проблему активных процессов в области русского языка, проникновения субстандартной и узкопотребительной лексики в публичное пространство литературы и средств массовой информации, изучения лексических и морфологических новообразований, формирует устойчивое представление о трансформационном развитии русского литературного языка.

Получившая известность научно-популярная монография М. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва» транслирует идею трех, произошедших в русском языке постсоветской России, лексико-стилистических сдвигов (бандитского, профессионального и гламурного), каждому из которых соответствует свой период социально-исторического развития и функциональный тоталитаризм определенного вида жаргона [10]. Подобные резонансные процессы в области кодифицированных форм бытования языка определили изменения строя лексикографической науки и появления за последние десятилетия большого количества словарей, посвященных субстандартным, ранее периферийно-маргинальным, лексемам: «Словарь современного блатного и лагерного жаргона» Сидорова А. [17]; «Большой словарь русского жаргона: 25000 слов, 7000 устойчивых словосочетаний» Мокиенко В. М. [12], «Молодежный сленг: Толковый словарь» Никитиной Т. Г. [14]; «Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона» Вальтера Х. [3]; «Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов» Моченова А. В. и др. [13], «Словарь модных слов» Новикова В. [15] и многие другие. Тем самым, можно констатировать необходимость проведения концептуального лингвистического изучения текущего состояния современного русского языка, что будет иметь продуктивный характер при использовании принципиально новых подходов, имеющих ярко выраженную междисциплинарную ориентированность.

В работах Сиротининой О. Б. в русле функциональной лингвистики осуществляется традиционное рассмотрение особенностей использования русского литературного языка разными социальными группами, анализ производится с позиции разработанных исследователем понятий типов речевой культуры [18; 19].

Белошапкова Т. В. изучает явление абсолютного и относительного прогресса языка с точки зрения принципов когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания, сформулированных Кубряковой Е. С., когда каждое языковое явление представляется с позиции взаимодействия выполняемых им функций – когнитивной

и коммуникативной. В частности, подробному рассмотрению подвергается категория аспектуальности, делаются выводы о продуктивности данного подхода: «Абсолютный прогресс – это изменения в лексическом составе средств передачи категории аспектуальности. Относительный прогресс языка отражается в «жизни» грамматического явления, в динамике его языкового существования, то есть в изменениях использования как способов передачи, так и выбора средств передачи. Таким образом, когнитивно-дискурсивное исследование как тип лингвистического исследования позволяет увидеть и проанализировать явления, характеризующие абсолютный и относительный прогресс языка применительно к какой-либо категории языка» [2, с. 70; также см.: 1]. Важно подчеркнуть, что под абсолютным прогрессом языка здесь понимается адаптация последнего к социальной среде (сообразно изменяющимся общественным реалиям, условиям и мировоззрению постиндустриального общества, революционному развитию науки и техники), что закономерно влечет появление новых языковых понятий, расширение общественных функций и стилевых возможностей языка.

Большой интерес представляет изучение трансформационных сдвигов в области современного русского языка и его употребления с точки зрения современной культурологии и философии постмодернизма. Так, теоретик постмодернизма в России Эпштейн М. Н. в своей статье «О творческом потенциале русского языка» (отметим, что научным консультантом работы выступила Зубова Л. В., профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета) анализирует с позиции мировоззренческих оснований транзитивного общества проблему активизации функции переходности в глагольной системе и увеличения роли субъекта действия за счет использования разговорных и просторечных грамматических форм. Мыслитель утверждает существование и действенное протекание тектонических языковых процессов: «В наше время ускоряются и самые глубинные процессы в языке. Это обусловлено: 1) быстрой сменой политического строя в России и ее новой открытостью миру, текучим и переходным характером ее общественного устройства; 2) интенсивностью межязыковых коммуникаций, беспрецедентным воздействием английского языка, который приобретает статус международного; 3) быстрым развитием электронных носителей информации, которые все более плотно пакуют сообщения и требуют предельно экономных и мобильных языковых средств. Соответственно умножается число знаков, используемых языком (лексика), и расширяется сочетаемость и функциональность каждого знака (грамматика)» [27, с. 197]. Философ приходит к выводу о том, что в обозреваемом будущем русский язык будет представлен принципиально новой лексической и грамматической системами, особенно в аспекте способов выражения действия и активности грамматического субъекта, выступавшего, как

правило, в роли объекта действия, характеризуемого пассивностью и безвольной рефлексией до конца XIX – начала XX веков. Статья «Утрата человеческого облика, или Феноменологическая социология в эпоху интернета» современного культуролога, философа и футуролога Фрумкина К. Г. посвящена изменению, как единичных коммуникативных ситуаций и их процессуальных условий, так и, в целом, – коммуникативной среды, сегодня все более приобретающей виртуальный характер (телекоммуникационное и интернет-пространство), что исключает пространственно-временную включенность человека в ситуацию общения, как одного из определяющих его факторов, а, следовательно, делает эмпатию говорящих/слушающих необязательной [24]. Это позволяет нам высказать следующую гипотезу: современная коммуникативная среда представлена системой коммуникативных масок (средств эмоциональной защиты и/или осознанных языковых игр и манипуляций), что способствует разрастанию гипперреальности (Ж. Бодрийяр), превращению субъекта общения в симулякр и легитимизации его агрессивной языковой стратегии, то есть, использованию им табуированных ранее тем и лексических средств.

В данной работе предлагается альтернативный подход к рассмотрению активных процессов в области лексики и межстилевых тенденций современного русского литературного языка, в частности, дискурса СМИ, с позиции ключевой мировоззренческо-философской категории постмодернизма – трансгрессии, подробно разработанной французскими мыслителями XX века М. Фуко, М. Бланшо, Ж. Батаем (см. сборник философских трудов [20]). Обращение к категории трансгрессии позволит нам акцентировать междисциплинарные связи лингвистики, философии, культурологии, литературоведения и литературы, а также синтезировать обозначенные выше принципы методологических подходов функциональной лингвистики и когнитивной лингвистики.

Мишеля Фуко называют метаоретиком трансгрессии, предельно емко смысл этого явления он выразил в формуле: «это жест, который обращен на предел; там, на точайшем изломе, линии, мелькает отблеск ее прохождения» [25, с. 112]; и далее: «предел и трансгрессия обязаны друг другу плотностью своего бытия; не существует предела, через который абсолютно невозможно переступить» [25, с. 112]. Становление философемы трансгрессии неизменно связывается с осмысливанием катастрофичности социальной реальности XX века, ужасами мировых войн и артикуляцией концепции смерти Бога: «Причем смерть эту следует понимать не как конец его исторического развития, не как выданное наконец свидетельство его несуществования, эта смерть образует отныне постоянное пространство нашего опыта... такой опыт, в котором разражается смерть Бога, своей тайной и светом своим открывает собственную конечность, беспредельное владычество Предела, пустоту его преодоления, в котором он изнемогает и изменяет себе.

В этом смысле внутренний опыт – целиком опыт невозможного (поскольку невозможное есть то, на что он направлен и что констатирует его). Смерть Бога была не только «событием», вызвавшим известную нам форму современного опыта: она бесконечно вырисовывает архитектуру его скелета» [25, с. 115].

Генеалогия трансгрессии, как смысла-формы взаимодействия с пределом бытийственного, связанного с проблемами самоограничения, определения собственных границ и осмысливания конечности человеческого существования подробно рассмотрена в исследованиях Каштановой С. М. [6, 7] и Фаритова В. Т. [22, 23], возводящих ее исток к классическим философским системам И. Фихте, И. Канта, Г. Гегеля, М. Хайдеггера. Принципиально важным представляется доказанное Фаритовым значение Ю. Лотмана в становлении постметафизической культурной парадигмы и философии трансгрессии на основе рассмотрения текстов художественной литературы, производимого отечественным филологом и коррелирующего с системой его философских воззрений [22]. Формулируя существо философского дискурса трансгрессии, Каштанова отмечает: «Если классическая философия мыслила мир, общество и человека в категориях бытия, сущности, закона, природы и разума, то предметом интереса современной философии трансгрессии становится реальность, взятая не в центре и средоточии определенности социального порядка и человеческих способностей и качеств, а как опыт существования в пограничных ситуациях и лиминальных состояниях. Не закон, а способы его нарушения, не норма, а выход за ее пределы, девиантные и маргинальные формы социальной практики» [7, с. 4]. Автором обосновывается феномен трансгрессии в качестве важнейшей составляющей антропосоциогенеза [6].

Каштанова также конкретизирует формы проявления трансгрессии в области литературного творчества, называя, вслед за французскими философами XX века (Сартр, Бланшо, Фуко [см.: 20]), эrotические произведения Маркиза де Сада и Жоржа Батая [7, с. 157], которые играют со своим читателем, находясь на границе табуированных тем и сюжетов, на меже смысловых оксюморонов. Например, в батаевском «Аббате» находим амбивалентные сопряжения смыслов: «протяжная тишина ниспадала с небес... он залеп в каком-то потрясающем ладе, протяжно, словно у смертного одра»; «этот стон, напоминающий сладостную мелодию, был таким темным».

Необходимо также упомянуть более тематически локализованное исследование Макарова А. В., в котором представлена концепция трансгрессивного построения художественного текста на основе сочетания гетерогенных, антитетичных друг другу структурно-смысловых компонентов в составе эстетического целого [11].

Итак, систематизируя предшествующий опыт теоретического осмысливания, под трансгрессией мы понимаем максимально универсальную и гибкую стратегию выхода за абсолютно любой пре-

дел, преступление границ, социальных, моральных и религиозных норм, эстетических канонов и моделей, языковых ограничений и структур, которая, с одной стороны, обусловливает динамику цивилизационного и культурного становления и развития человечества, с другой стороны, выступает своеобразной формой мышления человека эпохи постмодернизма и постпостмодернизма.

В данной работе авторами выводится и обосновывается концепция языковой трансгрессии (частное проявление универсального принципа), которая определена культурно-мировоззренческими основаниями постиндустриальной общественной формации, философией постмодернизма, постнеклассической научной парадигмой и, безусловно, имманентными законами языкового развития и творческого потенциала русского языка. В качестве воплощения трансгрессии языковой сферы рассматривается разрушение и нивелировка кодифицированной нормативной системы письменных форм бытования языка, одним из вариантов которых выступает проникновение субстандартной, узкоспециализированной лексики в публичное поле литературного языка. С одной стороны, обозначенные явления служат практическим целям и задачам сформировавшейся коммуникативной стратегии: достижения полного и безусловного доверия через разрушение личностных границ субъектов общения (смещение своего/чужого слова через вливание разговорной стихии в материально опосредованные формы письменной речи или теле-, радиокоммуникации); с другой стороны, на глубинном уровне подтекста, они определены культурно детерминированной потребностью современного человека в нарушении норм и запретов как гносеологическом механизме.

Субстандартная лексика представляет собой экспрессивную, стилистически окрашенную лексику, которая традиционно располагалась за границами регламентированного литературного языка, употреблялась, преимущественно, в разговорной речи и выполняла в процессе коммуникации не только номинативную функцию, но и социальную, психологическую и креативную. Сегодня лексика, имеющая экспрессивный, сниженный характер, все более укореняется в поле литературного языка, в публичных сферах функционирования, где, с лингвистической точки зрения, должны вырабатываться образцы эталонной речи. Осмыслиению этих явлений посвящены работы Костомарова В. Г. [8], Кронгауза М. А. [9, 10], Зубова Л. В. [4], Тутак С. [21], в которых осуществляется описание субстандартной лексики, обозначение ее признаков и особенностей употребления, фиксируется ее негативное влияние на развитие современного русского языка в последние десятилетия.

Целью исследование явилось выявление и описание коммуникативной стратегии, лежащей в основе применения субстандартной лексики в кодифицированных сферах литературного языка и определенной трансгрессивными способами

мышления и языкового поведения говорящего/пишущего субъекта постмодернистской формации.

СМИ сегодня сформировали такую языковую среду, общий культурный контекст которой характеризуется трансгрессивными вкраплениями просторечия, жаргона, сленга, порой, и – табуированного арго и обсценной лексики, что определяет стилистическую дискретность публицистического стиля, его смещения в сторону разговорной стихии. Мы склонны видеть в этом проявление не столько тенденции снижения общей культуры речи (что, безусловно, имело место в 1990-е и начале 2000-х), сколько, зачастую, сознательное выстраивание определенной модели языкового поведения.

Христова Н. А. отмечает, что нарушение речевых канонов в современных СМИ затрагивает этические и эстетические аспекты культуры речи, таким образом, то, что не допускалось ранее, становится нормой. И связано это не только с доминирующим процессом демократизации языка, но и с желанием представителей средств массовой информации завоевать признание и интерес публики [26]. Вариативное апеллирование экспрессивной, имеющей жесткую коннотацию субстандартной лексикой в устной и письменной речи становится коммуникативной стратегией профессионального журналиста, формирующего общественное мнение и стремящегося к достижению симпатии и абсолютного доверия со стороны своего реципиента. Тем самым, у потребителя информационного продукта, во-первых, создается иллюзия диалога равных, речевого взаимодействия со «своим человеком», понимающим проблемы народа, говорящим с ним на одном языке и не гнушающимся в оценке происходящего грубым словом, во-вторых, формируется мифическое представление о возможности оказывать влияния на ход событий.

Нами было проанализировано воплощение обозначенной коммуникативной стратегии в таких печатных изданиях, как «Ведомости», «Российская газета», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Правда», «Аргументы и факты», «Новая газета», а также в речи телеведущих каналов ОРТ, НТВ, РТР.

В стремлении приблизиться к обиходной речи типового носителя языка журналисты часто разрушают стилистическое единство текста, используя просторечную и разговорную лексику: «НАТО лезет в киберпространство» (Правда, №147, 20.09.2017), «Червонец всем понравится» (Российская газета, №7437, 30.11.2017), «... если Украина провалится на пути к демократической реформе» (Российская газета, №7680, 20.09.2018), «Перекрыли дорогу реачам» (Правда, №1 (30498), 10.01.2017). Распространенным приемом привлечения внимания читателя стало использование стилистически окрашенной лексики и соответствующих фразеологических единиц в заголовках статей: «Продвинутая область» (Новая газета, №17(1080), 04.05.2016) «Левые лекарства» (Российская газета, №7680, 20.09.2018),

«Пасуют на немцев» (Российская газета, №7680, 20.09.2018), «Дурят людей» (Правда, №141, 20.12.2017), «Мотор подвел» (Российская газета, №7656, 31.08.2018), «По осени считают» (Новая газета, №43 (1055), 04.11.2015) «Поделом» (Новая газета, №51114, 28.12.2016), «Много на себя берут» (Российская газета, №7437, 30.11.2017), «Вакину из-под земли достанут» (Российская газета, №7360, 31.08.2017), «Подставьте пле-чо», «Под нашу будку», «Держи рот на замке» (Российская газета, №7680, 20.09.2018).

Просторечная, разговорная лексика встречается также в речи телеведущих центрального телевидения: «Так жахнет теперь или нет?», «Зачем Северная Корея загоняет в угол...» (РТР, Вести недели, 16.04.2017), «Германия сдала австрийцам их бывшего полковника» (ОРТ, «Вести», 09.11.2018), «Никак не могу отделаться от неприятного вопроса» (ОРТ, «Толстой. Воскресенье», 14.10.2018), «Всю вину сваливают на главу Саудовской разведки», «Наш МИД отвечает: Вы можете накликать если не большую войну, то гонку вооружений» (НТВ, «Итоги недели», 11.11.2018). Здесь проявляется стремление к моделированию эффекта не официального, доверительного высказывания, находящего безусловный, некритический отклик со стороны читателя или зрителя.

Как в текстах титульных изданий, так и в речи титульных представителей профессии можно обнаружить предельно **грубую, узкоупотребительную лексику**: «И в свете этого олигархи отыхают, с них ничего не поимеешь, они идиоты» (Московский Комсомолец, №26303, 10.08.2013), «Тварь остается тварью, вне зависимости от места рождения» (Аргументы и факты, №15, 08.04.2015), «О любви, о Крыме и о том, как его «рвало» (в значении рвоты) на Родину» (ОРТ, «Толстой Воскресенье», 07.10.2018). Использование ее призвано продемонстрировать резко негативное отношение к субъекту описываемого действия или к конкретной ситуации, а также убедить в этом читателя / зрителя, сделать личное или идеологически ангажированное мнение общественным убеждением.

Еще одним способом выражения личного/общественного отношения к излагаемому и реализации коммуникативной стратегии нарушения границ между широкой общественной аудиторией и официальной прессой является использование такой формы сниженной лексики, как **жаргонизмы**: «Ливийский лохотрон» (Новая газета, №1 (1064), 13.01.2016) «Тюремный чиновник «логорел» на квартире» (Российская газета, № 7656, 31.08. 2018), «Влетел за решетку» (Российская газета, № 7656, 31.08. 2018). Довольно часто, для достижения эффекта правдоподобия, своеобраз-

ной мимикирии под соответствующую описывающей ситуацию микросреду журналисты прибегают (например, в новостях о криминальных кругах) к такой территориально ограниченной лексике как **арго**: «Куда лучше обдолбаться какой-нибудь химией, производимой в соседней Бирме» (Новая газета, №39, 10.04.2013), «Остался на нарах» (Российская газета, №7369, 31.08.2017), «Бандиты мотают срок» (ОРТ, «Вести недели», 11.11.2018). Данная стратегия успешного речевого поведения, безусловно, имеет оборотную составляющую, по замечанию Л. И. Рахмановой: «Употребляя жаргонную лексику, авторы хотят не только быть ближе к своему читателю, но и стараются отразить сущность реально существующих в обществе социально-экономических и властных отношений. Постоянно употребляя жаргонные слова, автор придает изложению развязный, запанибратский тон, который прививает молодежи дурной вкус, понижает и без того зачастую низкую речевую культуру юных читателей и одновременно отталкивает от газеты читателей старшего поколения» [16]. Действительно, современные печатные СМИ, отдавая дань языковой моде, активно применяют молодежный жаргон и сленг, который происходит из «этимологической зоны» ИТ-технологий и который может быть не понятен старшему поколению: «Файкам дадут ответ» (Российская газета, №7680, 20.09.2018), «Нет чека – забаним» (Российская газета, №7680, 20.09.2018), «Государство – антихакер» (Ведомости, № 4353, 30.06.2017).

Таким образом, субстандартная лексика, спо-собствующая формированию нормативно, стилистически, семантически и экспрессивно дискретной трансгрессивной среды языка современных средств массовой информации, становится средст-вом реализации доминирующей коммуникативной стратегии профессиональных журналистов: активизации интереса, достижения абсолютного доверия и понимания реципиента, разрушения личностных границ субъектов общения (смешение своего/чужого слова через вливание разго-ворной стихии в материально опосредованные формы речи), что, в свою очередь, приводит к размыванию границ между литературным языком и другими формами бытования языка, к транс-формации кодифицированных языковых норм, к появлению стилевой вариативности. Данное коммуникативное поведение речевого субъекта СМИ сопряжено не только с упадком общей язы-ковой культуры, но детерминировано постмета-физической культурной парадигмой, спецификой постиндустриального общества, постмодернист-ским образом мышления и его парадоксальными гносеологическими инструментами, фундирован-ными категорией трансгрессии.

Литература

1. Белошапкова Т. В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке. М.: КомКнига, 2007. 316 с.
2. Белошапкова Т. В. Языковой прогресс и современный русский язык – взгляд с позиций когнитивной лингвистики // Русская словесность. 2014. №4. С. 62–70.

3. Вальтер Х. Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона: Около 5000 слов и выражений. М.: АСТ : Транзит книга, 2005. 360 с.
4. Зубова Л. В. Что может угрожать языку и культуре? // Знамя. 2006. №10. С.185–191.
5. Караполов Ю. Н. Язык СМИ как модель общенационального языка // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: тезисы докладов международной научной конференции. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2001. 12 с.
6. Каштанова С. М. Трансгрессия социальная и трансгрессия культурная // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. №11 (49): в 2-х ч. Ч. II. С.95–97.
7. Каштанова С. М. Трансгрессия как социально-философское понятие: дис...канд. ф. н. СПб, 2016. 203 с.
8. Костомарова В. Г. Языковой вкус эпохи. М.: Педагогика-пресс, 1994. 247 с.
9. Кронгауз М. А. Времена и нравы // Новый мир, 2002. №10. URL: www.zh-zal.ru/novyi_mi/2002/10/kronga.html (Дата обращения: 26.02.2019).
10. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2007. 230 с.
11. Макаров А. В. «Новая драма»: поиск литературоведческой оптики для описания метатеатральных экспериментов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. №6. С.85–89.
12. Мокиенко В. М. Большой словарь русского жаргона: 25000 слов, 7000 устойчивых словосочетаний. СПб: Но-rint, 2000. 716 с.
13. Моченов А. В. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 253 с.
14. Никитина Т. Г. Молодежный сленг: Толковый словарь. М.: Астрель: АСТ, 2003. 736 с.
15. Новиков Вл. Словарь модных слов. М.: Зебра Е, 2005. 156 с.
16. Рахманова Л. И. Современный русский язык. Лексика, Фразеология, Морфология. URL: <http://www.bibliotekar.ru/russkiy-yazik-2/3.html> (Дата обращения: 15.03.2019).
17. Сидоров А. Словарь современного блатного и лагерного жаргона. Ростов-на-Дону: Гермес, 1992. 176 с.
18. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Издательство Саратовского государственного университета, 2013. 245 с.
19. Сиротинина О. Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Издательство Саратовского государственного университета, 2003. С.3–20.
20. Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб: Мифрил. 1994. 353 с.
21. Тутак С. Субстандартная лексика в языке русских средств массовой информации. Прага: Издательство Пражского университета, 2015. 67 с.
22. Фаритов В.Т. Семиотика трансгрессии: Ю. М. Лотман как литературовед и философ // Вестник Томского государственного университета. 2017. №419. С.60–66.
23. Фаритов В. Т. Трансгрессия, граница и метафизика в учении Г.В.Ф. Гегеля // Вестник Томского Государственного Университета. 2012. №360. С.48 – 52.
24. Фрумкин К.Г. Утрата человеческого облика, или феноменологическая социология в эпоху интернета // Человек. 2009. №4. С.112–119.
25. Фуко М.О трансгрессии // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. Санкт-Петербург: Мифрил, 1994. С.111–131.
26. Христова Н. А. Нарушение языковой нормы в текстах СМИ. URL: <http://www.dissertcat.com/content/narushenie-yazykovoi-normy-v-tekstakh-smi-vliyanie-na-poznavatelnye-struktury-individu> (Дата обращения: 03.03.2019).
27. Эпштейн М. О творческом потенциале русского языка // Знамя. 2007. №3. С.193–207.

References

1. Beloshapkova T. V. Kognitivno-diskursivnoe opisanie kategorii aspektual'nosti v sovremennom russkom jazyke (*Cognitive-discursive description of the category of aspectuality in modern Russian*). Moscow: KomKniga, 2007. 316 p. (In Russian).
2. Beloshapkova T. V. Jazykovoj progress i sovremennyj russkij jazyk – vzgljad s pozicij kognitivnoj lingvistiki (*Language Progress and Modern Russian - A View from the Positions of Cognitive Linguistics*) // Russkaja slovesnost'. 2014. No.4. P.62–70. (In Russian).
3. Val'ter H. Tolkovyj slovar' russkogo shkol'nogo i studencheskogo zhargona: Okolo 5000 slov i vyrazhenij (*Explanatory Dictionary of Russian school and student jargon: About 5,000 words and phrases*). Moscow: AST: Tranzitkniga, 2005. 360 p. (In Russian).
4. Zubova L. B. Chto mozhet ugrozhat' jazyku i kul'ture? (*What can threaten language and culture?*) // Znamja. 2006. No.10. P.185–191. (In Russian).
5. Karaulov Ju. N. Jazyk SMI kak model' obshchenacional'nogo jazyka (*Language of the media as a model of a national language*) // Jazyk SMI kak ob'ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya: tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moscow: MSU publ., 2001. 12 p. (In Russian).
6. Kashtanova S. M. Transgressija social'naja i transgressija kul'turnaja (*Transgression social and cultural transgression*) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. No.11 (49). Part. II. С.95–97. (In Russian).
7. Kashtanova S. M. Transgressija kak social'no-filosofskoe ponjatie: (*Transgression as a socio-philosophical concept*): thesis, 2016. 203 p. (In Russian).
8. Kostomarova V. G. Jazykovoj vkus jepohi (*Language taste of the era*). Moskva: Pedagogika-press, 1994. 247 p. (In Russian).

9. Krongauz M. A. Vremena i nray (Times and morals) // Novyj mir, 2002. No.10. URL: www.zh-zal.ru/novyi_mi/2002/10/kronga.html (Accessed: 26.02.2019). (In Russian).
10. Krongauz M. A. Russkij jazyk na grani nervnogo sryva (The Russian language is on the verge of a nervous breakdown). Moscow: Znak: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. 230 p. (In Russian).
11. Makarov A. V. «Novaja drama»: poisk literaturovedcheskoj optiki dlja opisanija metateatral'nyh eksperimentov ("New Drama": the search for literary optics to describe the meta-atomic experiments) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2012. No.6. P.85–89. (In Russian).
12. Mokienko V. M. Bol'shoj slovar' russkogo zhargona: 25000 slov, 7000 ustojchivyh slovosochetanij (The Big Dictionary of Russian Slang: 25000 words, 7000 stable phrases). St.Peterburg: Norint, 2000. 716 p. (In Russian).
13. Mochenov A. V. Slovar' sovremenennogo zhargona rossijskih politikov i zhurnalistov (Dictionary of Contemporary Slang of Russian Politicians and Journalists). Moscow: OLMA-PRESS, 2003. 253 p. (In Russian).
14. Nikitina T. G. Molodezhnyj sleng: Tolkovyj slovar' (Youth Slang: Explanatory Dictionary). Moscow: Astrel': AST, 2003. 736 p. (In Russian).
15. Novikov V. I. Slovar' modnyh slov (Dictionary of buzzwords). Moscow: Zebra E, 2005. 156 p. (In Russian).
16. Rahmanova L.I. Sovremennyj russkij jazyk. Leksika, Frazeologija, Morfologija (Modern Russian. Vocabulary, Phraseology, Morphology). URL: <http://www.bibliotekar.ru/russkiy-yazik-2/3.html> (data obrashhenija: 15.03.2019).
17. Sidorov A. Slovar' sovremenennogo blatnogo i lagernogo zhargona (Dictionary of modern thieves and camp jargon). Rostov on Don: Germes, 1992. 176 p. (In Russian).
18. Sirotinina O. B. Russkij jazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski (Russian Language: System, Usus, and the Risks They Create). Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013. 245 p. (In Russian).
19. Sirotinina O. B. Harakteristika tipov rechevoj kul'tury v sfere dejstvija literaturnogo jazyka (Characterization of types of speech culture in the sphere of action of the literary language) // Problemy rechevoj kommunikacii: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Saratov: Saratov University publ., 2003. P.3–20. (In Russian).
20. Tanatografija jerosa: Zhorzh Bataj i francuzskaja mysl' serediny XX veka (Tanatography of Eros: Georges Bataille and the French thought of the mid-20th century). St.Peterburg: Mifril, 1994. 353 p. (In Russian).
21. Tutak S. Substandartnaja leksika v jazyke russkih sredstv massovoij informacii (Substandard vocabulary in the language of Russian mass media). Prague: Prague University publ., 2015. 67 p. (In Russian).
22. Faritov V. T. Semiotika transgressii: Ju. M. Lotman kak literaturoved i filosof (Semiotics of transgression: Yu. M. Lotman as a literary critic and philosopher) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. No.419. P.60–66. (In Russian).
23. Faritov V. T. Transgressija, granica i metafizika v uchenii G.V.F. Gegelja (Transgression, boundary and metaphysics in the teachings of G.W. F. Hegel) // Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. 2012. No. 360. P.48–52. (In Russian).
24. Frumkin K. G. Utrata chelovecheskogo oblika, ili fenomenologicheskaja sociologija v jepohu interneta (The loss of human appearance, or phenomenological sociology in the Internet era) // Chelovek. 2009. No.4. P.112–119. (In Russian).
25. Fuko M. O transgressii (On transgression) // Tanatografija jerosa: Zhorzh Bataj i francuzskaja mysl' serediny XX veka. St.Peterburg: Mifril, 1994. P.111–131. (In Russian).
26. Hristova N. A. Narushenie jazykovoy normy v tekstah SMI (Violation of language norms in the texts of the media). URL: <http://www.dissercat.com/content/narushenie-yazykovoi-normy-v-tekstakh-smi-vliyanie-na-poznavatelnye-struktury-individu> (Accessed: 03.03.2019). (In Russian).
27. Jepshtejn M. O tvorcheskem potenciale russkogo jazyka (On the creative potential of the Russian language) // Znamja. 2007. No.3. P.193 – 207. (In Russian).

Информация об авторах

Перепелицына Юлия Ростиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры русской речи для гуманитарных и естественнонаучных специальностей гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / krrges@ya.ru

Купреева Ирина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной и мировой литературы гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / 88888888_87@mail.ru

Information about the authors

Perepelitsyna Yulia – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Russian Language Culture for Humanities and Natural Sciences, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / krrges@ya.ru

Kupreeva Irina – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Russian and World Literature, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / 88888888_87@mail.ru

УДК 81'42:821.161.1

Т. В. Сивова

АНГЛИЙСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА К. Г. ПАУСТОВСКОГО

В статье на материале произведений как раннего, так и зрелого периода творчества К. Г. Паустовского реконструировано национальное пространство Англии в картине мира писателя, что представляется значимым в свете антропоцентричности современного языкоznания и актуальности комплексной реконструкции языковой картины мира писателя, признанного мастера художественного слова, трижды номинированного на Нобелевскую премию. Выявлена специфики перцепции и визуализации страны, обусловленная романтическим мировосприятием писателя и опытом его личного пребывания в Англии. Описан обладающий значительным аксиологическим и культурологическим потенциалом и транслирующий английский культурный код «английский» ономастикон, представленный преимущественно топонимами (названиями рек, административно-территориальных образований, городов, государств), наутонимами (названиями английских кораблей) и антропонимами (именами английских писателей и публицистов, живописцев, актёров театра, философов, учёных и изобретателей, мореплавателей и военачальников, нархов, а также именами персонажей-англичан произ-

ведений К. Г. Паустовского). «Английский» ономастикон произведений становится основой для формирования 5 основных пространств, в которых значение ‘английский’ получает регулярное выражение: пространство страны и город, пространство человека и вещного мира, пространство творчества, пространство истории и войны, пространство морской навигации. В перцепции английского национального пространства в значительной степени отражены этнические стереотипы и романтическое мировосприятие К. Г. Паустовского. Модель национального английского пространства специфична многочисленными пространственными и темпоральными параллелями, пересечением пространственных плоскостей, закономерной взаимосвязью пространственной и темпоральной координат, что свидетельствует в пользу формирования английского хронотопа в произведениях К. Г. Паустовского, реконструкция которого, являясь значительной исследовательской лакуной, раскрывает перед лингвистами широкие перспективы.

Ключевые слова: Англия, пространство, картина мира, идиостиль, романтизм, К.Г. Паустовский.

T. Sivova

ENGLISH NATIONAL SPACE IN THE K. PAUSTOVSKY'S LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The article reconstructs the national space of England in the writer's picture of the world by the material of K. Paustovsky's works of the early and late periods. This problem seems significant in the light of modern linguistics anthropocentrism and according to the relevance of complex reconstruction of the writer's language picture of the world. The great artistic value of the writer's works is confirmed by the nomination for the Nobel Prize for three times. Thus, the article reveals the specifics of England perception and visualization, due to the writer's romantic worldview and to experience of his personal stay in the country. The “English” onomasticon which is characterized by significant axiological and cultural potential, which translates the English cultural code and is represented mainly by toponyms (names of rivers, administrative-territorial entities, cities, states), by nauynoms (names of English ships), by anthroponyms (names of English writers and publicists, painters, theater actors, philosophers, scientists and inventors, seafarers and military

leaders, monarchs, as well as the names of English characters of Paustovsky's works) is described. The “English” onomasticon of Paustovsky's works becomes the basis for the formation of 5 basic spaces in which the meaning of ‘English’ gets regular expression: country and city space, person and “thing world” space, creation space, history and war space, and sea navigation space. The perception of English national space reflects ethnic stereotypes and K. Paustovsky's romantic worldview. The model of national English space is specific to numerous spatial and temporal parallels, spaces intersection, to regular interconnection of spatial and temporal coordinates, which argues in favor of English chronotope formation in K. Paustovsky's works. Thereby, the reconstruction of English chronotope, which is great significant research lacuna, opens up broad perspectives for linguists.

Key words: England, space, picture of the world, idio-style, romanticism, K. Paustovsky.

Имя К. Г. Паустовского, мастера художественного слова, неоднократно номинированного на Нобелевскую премию в области литературы (1965 г.,

1967 г., 1968 г.), для широкой британской аудитории открыл проф. Питер Генри [4] (Университет Глазго), который перевёл на английский язык и

в 1961 г. опубликовал рассказ «Телеграмма» [2]. Питер Генри, по собственному выражению, «всё больше и больше втягивался в огромный и своеобразный мир этого писателя, так решительно отличавшегося от множества своих коллег-свременников блестательным русским языком, лиризмом, совершенно особенным романтизмом, способностью дистанцироваться от политики» [2, с. 188]. На протяжении многих лет проф. Питер Генри обращался к исследованию творчества К. Г. Паустовского: в 1967 г. подготовил к изданию сборник избранных произведений писателя [7], в 1992 и 1996 гг. были опубликованы его статьи, посвящённые восприятию английской аудиторией гексалогии «Повесть о жизни» [3], рассмотрению эстетических и мировоззренческих взглядов К. Г. Паустовского и И. А. Бунина [2], в 1998 г. проф. Генри стал автором обзорной статьи о писателе в «Reference Guide to Russian Literature» [5, с. 626–627].

На волне мирового признания, которое получило творчество писателя в середине 1950-х гг., К. Г. Паустовский посетил ряд европейских стран, в том числе и Великобританию (Лондон, Оксфорд, Стратфорд, Эдинбург, Кентербери), по приглашению издательства Collins and Harvill Press (Лондон), на протяжении 1964–1974 гг. осуществлявшего издание автобиографической гексалогии «Повесть о жизни» / «Story of a life»¹. В письме У. Коллинзу от 2 июля 1964 г. К. Г. Паустовский писал: *Я получил Ваше любезное письмо по поводу моей книги «Story of Life», которую Вы собираетесь издать в Англии. Я буду рад этому. Англия, английский народ и английская литература глубоко интересуют меня и вызывают истинное восхищение. <...> Я мечтал увидеть Англию с самых младенческих лет, со времён неистового увлечения Вальтером Скоттом и Диккенсом* [4, т. 9, с. 437].

Таким образом, глубокое знание К. Г. Паустовским английской культуры и литературы, интерес британской научной и читательской аудитории к его творчеству, опыт личного пребывания писателя в стране делают выявление специфики индивидуально-авторской перцепции Англии значимой и актуальной задачей, тем более что вопрос реконструкции английского национального пространства в языковой картине мира писателя сегодня является существенной исследовательской лакуной.

О значимости английского пространства в картине мира К. Г. Паустовского свидетельствует количественный состав ядерных лексем, функционирующих в исследуемых произведениях²: *английский* – более 100 словоупотреблений (Я бросился к Винклеру, но меня опередил английский матрос со шрамом во всю щёку [4, т. 1, с. 144]); *Англия* – более 30 (*Гравёр Ложалостин – один из лучших русских гравёров, работы его*

¹ Авторы перевода на английский язык – Manya Harari, Michael Duncan, Andrew Thomson, Cyril Fitz-Lyon.

² Материалом для исследования послужили произведения раннего и зрелого периода творчества писателя: «Собрание сочинений», 1–5 тт.

разбросаны всюду: у нас, во Франции, в Англии, и вдруг – Соломча! [4, т. 3, с. 626]; *англичанин, англичанка, англичане* – более 30 (*Почему англичане устроили в Медвежьей Горе базу?* [4, т. 3, с. 431]); *по-английски* – 10 (*Миронов прекрасно читал по-английски, пожалуй, лучше, чем по-русски* [4, т. 2, с. 103]); спорадически: *Англо-бурский, Англо-Индийский*, а также *Великобритания* (*От Великобритании до Республики Гондурас* [4, т. 5, с. 292]); *великобританский* (донесения на имя *великобританского поверенного в Володаре* были подписаны генералом Уолшем [4, т. 3, с. 451]); *британец* (Он [Кипренский] горько досадовал на судьбу, приведшую его в Рим уже после отъезда Байрона. Он завидовал даже слугам в остериях, видевшим прекрасного британца [4, т. 3, с. 516]); *британский* (*вся британская скуча, холод сердца и плоскость мысли отражалась в этих пустых и скучливых глазах* [4, т. 5, с. 298]).

«Английский» ономастикон произведений, транслирующий английский культурный код, представлен преимущественно топонимами и антропонимами. Список топонимов включает названия рек, административно-территориальных образований, городов, государств³ (*Австралия, Англия, Брисбен, Вайтчепель, Великобритания, Вестминстер, Глазго, Ливерпуль, Лондон, Манчестер, Сити, Старая Англия, Темза, Шотландия, Эдинбург, Южная Англия и др.*). В контекстах: *Я посыпал им открытки с видами Киева, а взамен получал открытки с видами Глазго, Эдинбурга, Парижа, Монте-Карло и Квебека* [4, т. 4, с. 180]; Так у меня появился прекрасный портрет Байрона, присланный молодым английским врачом из города Манчестера, и портрет Виктора Гюго [4, т. 4, с. 180]; *Пароход ходил из Ливерпуля на Ньюфаундленд, где, как известно, вечные штормы, туманы и айсберги* [4, т. 1, с. 567].

Реестр антропонимов, репрезентирующих английское национальное пространство, представлен:

а) именами писателей и публицистов: Уильям Шекспир (1564–1616 гг.), Роберт Бёрнс (1759–1796 гг.), Вальтер Скотт (1771–1832 гг.), Джордж Гордон Байрон (1788–1824 гг.), Перси Бишоп Шелли (1792–1822 гг.), Томас Карлейль (1795–1881 гг.), Чарльз Джон Хаффем Диккенс (1812–1870 гг.), Джон Рёскин (1819–1900 гг.), Роберт Льюис Балфур Стивенсон (1850–1894 гг.), Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс Уайлд (1854–1900 гг.), Джозеф Конрад (1857–1924 гг.), Джозеф Редьярд Киплинг (1865–1936 гг.). В контекстах: Яша вёл со мной очередной запальчивый спор о подлинности пьес Шекспира или об экономических последствиях Ворсальского мира [4, т. 5, с. 29]; *Уайлд любил сверкающие лампы и каминны, золотые, как цветок подсолнечника в его петлице, в туманный и весенний лондонский день* [4, т. 1, с. 79]; а также а') названиями произведений: За десять копеек можно было прочесть «Тартарена» Додэ или «Мистерии» Гамсона, а за двадцать копеек – «Давида Копперфиль-

³ Великобритания (Англия, Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия), а также государства Содружества наций.

да» Диккенса или «Дон-Кихота» Сервантеса [4, т. 3, с. 358]; а') именами персонажей этих произведений: Шерлок Холмс, крошка Доррит. В контексте: Он мог сидеть в долговой тюрьме с отцом крошки **Доррит** и сопровождать в Англию практ Байрона [4, т. 4, с. 434];

б) именами живописцев: Джозеф Мэллорд Уильям Тёрнер (1775–1851 гг.). Например: Приближение вечера тем и прекрасно, что придаёт густоту краскам и необычайную лёгкость воздушным пространствам. Этот эффект последнего солнечного света впервые увидели художники, особенно Клод Лоррен, Манэ, Тёрнер, наш Левитан и многие другие [4, т. 5, с. 351];

в) именами актёров театра: Эдмунд Кин (1787–1833 гг.). Например: Я не мог сдержать слёз, когда опустился занавес, на авансцену вышел заплаканный старый режиссёр-англичанин сказал дрожащим голосом, что спектакль не может продолжаться, потому что «**солнце Англии – великий трагик Кин сошёл с ума**» [4, т. 4, с. 154];

г) именами философов: Герберт Спенсер (1820–1903 гг.). Например: Вы Спенсер, Торелли, – сказал Володя. – Кант! Президент Пуанкаре! Вы подвели железную базу под моё шаткое звание заведующего информационным отделом [4, т. 5, с. 18];

д) именами учёных и изобретателей: Фредерик Уильям Гершель (1738–1822 гг.), Рид Вильям (1791–1858 гг.), Джон Фредерик Уильям Гершель (1792–1871 гг.), Чарлз Роберт Дарвин (1809–1882 гг.), Джеймс Хопвуд Джинс (1877–1946 гг.). Например: **Дарвин** был поражён, когда корабль «Бигль» пересекал океан, кишевший красным планктоном. Граница между красной и синей водой была видна так отчётливо, будто её провели кистью [4, т. 2, с. 85]; Английский учёный **Мозлей** написал пальцем на пойманной большой пирамиде своё имя и бросил животное в воду. Через несколько секунд слово «Мозлей» вспыхнуло на теле пирамиды под водой с такой же яркостью, как вывеска кино [4, т. 2, с. 80];

е) именами мореплавателей и военачальников: Фрэнсис Дрейк (1540–1596 гг.), Джон Черчилль, Мальборо (1650–1722 гг.), Джордж Бриджес Родни (1719–1792 гг.), Джеймс Кук (1728–1779 гг.), Горацио Нельсон (1758–1805 гг.), Эдварт Кодрингтон (1770–1851 гг.). В контекстах: Вся история прошла, как парус прошивается манильским троосом, именами моряков. Колумб, Магеллан, Кук, Лаперуз, Беринг, Нансен да, наконец, этот самый **Шеклトン** [4, т. 3, с. 454]; Когда такие капитаны блокировали Брест, **адмирал Нельсон**, проходя мимо их эскадры, поднял сигнал на ре своего корабля: «Видя вас, я дрыхну так же спокойно, как если бы ключ от Бреста лежал в моём кармане» [4, т. 2, с. 75];

ж) именами монархов: Эдуард VII (1841–1910 гг.). Например: Чаще всего фельдшер kleил фотографии всяких «августейших особ», особенно беспутного английского короля Эдуарда VII, актрис и адмиралов [4, т. 5, с. 258];

з) именами персонажей-англичан произведений К. Г. Паустовского: В этот вечер выяснилось, что Сёму зовут **Джим Бирлинг**, что он родом из

Шотландии и что однажды он чуть не погиб во время аварии парохода «Клондайк» [4, т. 1, с. 528].

В связи со значимостью пространства моря и морской навигации в языковой картине мира К. Г. Паустовского, с ассоциируемым с Англией статусом «великой морской державы», а также на основании языкового материала, целесообразным видится выделение группы наименований, называемых кораблей (А. В. Суперанская), в английском ономастиконе произведений писателя: **английский наливной пароход «Карго»** [4, т. 5, с. 298]; **английский дредноут «Суперб»** [4, т. 5, с. 9]; **английская речная канонерка «Умбер»** [4, т. 3, с. 455]; **английский корабль «Чёрный принц»** [4, т. 2, с. 84], а также «**Бигль**», «**Белерофонт**», «**Виттингтон**», «**Сердце Елены**» и др. В контекстах: Он [боцман Миронов] достал на старом грузовом английском пароходе, носившем необычайно нежное имя – «**Сердце Елены**» (пароход был обшарпанный, с пятнами сурка на бортах и с неистребимым запахом птичьего помёта – гуano), рукописную книгу, которая называлась «**Библия моряка**» [4, т. 5, с. 74]; Эти последние строчки особенно сильно действовали на меня, хотя ничего особенного в них не было. Очевидно, потому, что однажды в Батумский порт пришёл с грузом для фирмы «**Сосифрос**» грязный и безлюдный пароход под английским флагом. На борту его белой краской было написано знакомое имя «**Виттингтон**» [4, т. 5, с. 315].

«Английский» ономастикон произведений К. Г. Паустовского, обладающий значительным аксиологическим и культурологическим потенциалом, является основой для формирования ряда пространственных плоскостей произведений (аналогично пространственным номинациям, которые, согласно теории В. Г. Гака, образуют четыре круга: «человек – дом – страна – мир» [1, с. 128]). Так, в произведениях К. Г. Паустовского можно выделить 5 основных пространств, в которых значение ‘английский’ получает регулярное выражение. Модель В. Г. Гака применительно к данному исследованию, посвящённому реконструкции английского пространства, может быть представлена в трансформации: «страна и город – человек и вещный мир – творчество – история и война – морская навигация».

Итак, доминирует **пространство страны**, в визуализации которого отразились стереотипы восприятия: Справа как будто угадывается **дымящаяся туманом Англия** [4, т. 1, с. 379]; Но в день, назначенный для поездки в Круассе, из Руана сообщили, что через Ла-Манш из Англии пришёл тяжёлый **«смок»** – непроницаемый и смертоносный туман [4, т. 5, с. 485], романтическое мироощущение писателя: Толпа этих странных и привлекательных людей как будто только что сошла на берега Невы с корабля, пришедшего из земли, созданной **Байроном**, из страны, где мудрые беседы и пылкие страсти сообщают существованию необычайную прелесть [4, т. 3, с. 504], персонифицированный политический образ Англии: **Карикатуры на этих хищников тоже были наклеены в альбоме у фельдшера**.

То были тощий «дядя Сэм» с козлиной бородкой, в жилете из звёздного американского флага, шаровидный **Джон Буль** со знаком фунта стерлингов на животе, унылый, носастый Абдул-Гамид и перезрелая куртизанка во фригийском колпаке – Франция [4, т. 5, с. 259]. Смежное с ним – **пространство города**: Тяжёлый дым, висящий над Лондоном, приглушает солнечный свет. А кроме того, туманы! Установлено, что знаменитые **лондонские туманы** вызваны к жизни главным образом каменноугольным дымом [4, т. 3, с. 96], визуализация которого специфична установлением пространственных параллелей: Горячечная жизнь редакции билась часто, как пульс Москвы – города астраханских базаров и лондонского Сити [4, т. 1, с. 101].

Пространство человека, в котором актуализируется а) соматический код: [Гаскойн] Этот спокойный **светлоглазый шотландец** был по натуре реформатором и воротилой-дельцом [4, т. 3, с. 390], нередко стереотипизированный: За городом Вано догнал **рыжий английский матрос** [4, т. 1, с. 559]; Артиллерист сам стриг себе **усы по-английски** [4, т. 3, с. 438]; За соседним столиком посмеивались **крепкие, как лошади, английские матросы** [4, т. 1, с. 142]; В этом англичанине [Армстронге] **всё – вплоть до** припухлых **век** и редких **бакенбард** – **казалось отлитым из чугуна** [4, т. 3, с. 387], осложнённый причинно-следственной взаимосвязью с «национальным» заболеванием: **Лёгкие у лондонцев не розовые, а чёрные. Нигде в мире так не развиты туберкулёз и ракит. Недаром эта болезнь и называется «английской»** [4, т. 3, с. 97];

б) вестиальный код: Она [Наташа] стояла на платформе, глядела вслед поезду, вся в солнце, в сером **английском плаще** [4, т. 1, с. 136]; Как же это сделать? – спросил я и показал на свою **английскую рубашку** [4, т. 5, с. 170]; Он [Мозер] донашивал свои элегантные **английские костюмы** и среди нас, обворованных и отощавших, выглядел как настоящий лорд адмиралтейства [4, т. 5, с. 73]; По всем четырём углам платформы сидели около пулёмётов махновцы в **английских табачных шинелях** [4, т. 4, с. 683]; А кто тебе выдал обмотки из синей шерсти, из чистой **английской диагонали?** [4, т. 4, с. 650], отражающий устойчивый национальный образ: Её [Наташи] отец ворочал делами широко и смело, председательствовал на промышленных съездах, был благодушен, неутомим, издавал свою газету и **одевался, как англичанин** [4, т. 1, с. 107]; Гарт ходил в чёрном просторном **костюме, строгом и скучном, как у английского священника** [4, т. 2, с. 8]. Обусловленный спецификой перцепции предмета одежды перенос лежит в основе создания как внешней характеристики персонажа: Лицо его [капитана] **казалось выкроенным из куска макинтоша** и невольно вызывало представление о коже тонкой, холодной и скользкой, как лягушка [4, т. 5, с. 298]; Но все свойства макинтоша, – холодного и чуть липкого на ощупь, пахнувшего дезинфекцией, трескучего и неудобного, серого, как дождевое небо, – все эти свойства **передавались**

владельцу этого макинтоша – капитану «Карго» [4, т. 5, с. 298], так и национальной, стереотипизированной: **Всюду плавала вместе с капитаном и его макинтошем многолетняя скуча и отсчитывала время как контрольные часы – коротким карканьем немногих английских слов** [4, т. 5, с. 299];

в) существенная характеристика персонажа произведения: **Весь жил на нерве. На одном нерве. В молодости я тоже чуть-чуть была похожа на брата. Любил книги, стихи, особенно Байрона** – его он читал в оригинале, музыку, детей и морское дело [4, т. 5, с. 311]; Фуллон – **весьма просвещённый англичанин. Он лично знал шотландского писателя Вальтера Скотта** [4, т. 3, с. 422];

г) профессиональная принадлежность (инженер, матрос, моряк, офицер, писатель, поэт, режиссёр): **английского долговязого матроса**, по прозвищу «Сёма» [4, т. 1, с. 509]; Пётр Первый, шотландские **инженеры**, наши крепостные талантливые мастера [4, т. 3, с. 277] и др., а также комбинированные номинации: Он прошёл тяжёлую школу: плавал юнгой на греческих дрянных катерах, матросом на русских и французских парусниках, потом офицером на английском угольщике, где капитаном был **моряк-писатель Стюард**, приютивший его к книгам [4, т. 1, с. 129];

д) языковая характеристика: Сёма проснулся. Он зевнул, сдвинул кепку на затылок и сказал **по-английски**: Продолжаем жить, леди и джентльмены! [8, т. 1, с. 515]; Габуния плохо знал английский язык, но из **лающих фраз** Сёмы понял, что разговор идёт о страховом обществе [8, т. 1, с. 566];

е) черты национального характера: Только английские наблюдатели остаются, как всегда, **совершенно бесстрастными** [4, т. 2, с. 151]; Он [Роскин] был человеком азартным, несмотря на кажущееся «английское» **хладнокровие** [4, т. 5, 487]; Чтобы из русского человека вышел хороший писатель, нужно привить ему **английский спортсменский дух**, погонять его по морозу, подвести под опасность раз двадцать, пока не привыкнет, быть его боксом, пока из него не выбьешь весь студень [4, т. 1, с. 123].

Пространство человека моделируется с помощью развитой системы параллелей как на уровне внешней характеристики: **Что нога! Черт с ней, с ногой. Даже интересно: ходишь хромой, как Байрон** [4, т. 2, с. 232], так и существенной характеристики персонажа: **Ну, пошёл!** – проворчал Вермель – **Шерлок Холмс** из пушкинского дома [4, т. 2, с. 321]; Всё ему надоело. **Лорд Байрон из Сквиры** [4, т. 1, с. 73].

Пространство вещного мира, связанное с пространством человека и дополняющее его, формируется лексикой англоязычного происхождения, репрезентирующей различные тематические группы: а) **консервные банки от английского корнбифа** [4, т. 3, с. 461]; замечательная брань, синева и крепчайшая **английская водка** [4, т. 1, с. 88]; б) **Старик ловил на спиннинг**: английскую удочку с блесной – искусственной ни-

келевой рыбкой [4, т. 3, с. 619]; в) Открой кран, как он у вас зовется – **кингстон** или как иначе [4, т. 1, с. 419]; г) дать бы им паспорт и **три английских фунта** [4, т. 5, с. 420].

Пространство творчества, а в нём – а) пространство художественного слова: Я пишу о тёплом женском дыхании, сумраке приморских кафе, о Шелли, о снежной музыке Грига, о жёлтых берегах Эллады и **смерти Байрона** [4, т. 1, с. 56], в котором даётся оценка художественной манере письма английского писателя: *И Киплинг был совсем не сентиментальный британец, – он был крепкий, чёрственный, он воспевал войну и диких зверей* [4, т. 1, с. 317], передаётся его эмоциональное состояние: Однажды Пушкин прочёл Кипренскому стихи¹ об Италии, как бы чувствуя тоску художника по недавно покинутой «стране высоких вдохновений»: Где в наши дни резец Кановы // Послушный мрамор оживлял // И Байрон, мученик суровый, // Страдал, любил и проклинал... [4, т. 3, с. 525], а также создаётся описание страны: Изучая литературу, мы побывали <...> в сиротских домах и долговых тюрьмах **диккенсовской Англии** [4, т. 4, с. 221]; Интуиция помогла Пушкину, никогда не бывшему в Испании и в Англии, написать великолепные испанские стихи, написать «Каменного гостя», а в «Пире во время чумы» **дать картину Англии**, не худшую, чем это могли бы сделать Вальтер Скотт или Бёрнс – уроженцы этой туманной страны [4, т. 3, с. 275];

б) пространство живописи: Французский художник Монэ приехал в Лондон и **написал Вестминстерское аббатство**. Работал Монэ в обыкновенный лондонский туманный день. На картине Монэ готические очертания аббатства едва выступают из тумана. Написана картина виртуозно [4 т. 3, с. 370];

в) скульптуры: Когда я кончил бюст, Байрон мельком взглянул на него и сказал: «Вы сделали не меня, а благополучного человека. На вашем бюсте я не похож». – «Что же дурного, если человек счастлив?» – спросил я. «Торвальдсен, – сказал он, и лицо его побледнело от гнева, – счастье и благополучие так же различны, как мрамор и глина [4, т. 3, с. 519];

г) музыки и песни: **Воспоминания о туманной Шотландии, о танцах под звуки волынки, песнях Оссиана**² и реках, полных форели, приходили к Гаскойну всё реже [4, т. 3, с. 392]; Патефон хрюпко пел незнакомую **английскую песенку**. Она поразила меня отчаянием, плохо скрытым под хвастовством и наигранным разгулом [4, т. 2, с. 118]; Матрос присел перед ней на корточки, скрочил гримасу и, похлопывая в ладоши, начал напевать диким голосом нелепый **английский фокстрот** [4, т. 1, с. 511].

Модель английского пространства творчества специфична многочисленными пространственными параллелями: В духане «Симпатия» на стенах были нарисованы портреты великих людей

¹ А. С. Пушкин «Кто знает край, где небо блещет» (1828 г.).

² Легендарный кельтский bard III в.

мира – Льва Толстого, Эдисона, Чарльза Дарвина, Пушкина и Наполеона, но все они **были жгучими грузинами**, в черкесках с газырями, с огромными кинжалами на боку [8, т. 5, с. 384], темпоральных параллелями: Представьте себе – сказал Володя, – что у него есть сестра. У неё год назад отнялись ноги. Она почти не может ходить. Они живут в одной комнате. Как терпеливо он ухаживает за ней! Под его жалкой оболочкой бьётся великолудшное сердце. **Тема, достойная Шекспира!** [4, т.5, с.12].

Пространство английской истории, в реконструкции которого отразилось как колониальное прошлое страны: *Вот так просыпаешься и видишь огромное солнце над тропическими зарослями и слышишь хлопанье стеков, и плач женщин, и лающие голоса английских боссов – надсмотрщиков; смотришь на детей, жующих вонючую оболочку кокосовых орехов, и начинаешь накаляться от бешенства, пока смертельно не разболится голова* [4, т. 1, с. 514], политические противоречия: В Англии повесили лучших ирландских поэтов [4, т. 4, с. 544], индустриальные традиции: Он [Гаскойн] **ввёл карронский способ литья** в воздушных печах и начал работать на английском угле [4, т. 3, с. 388]; среди строителей комбината было **много английских и немецких специалистов**, выписанных из-за границы [4, т. 5, с. 527], так и современное К. Г. Паустовскому настоящее: Чол долго объяснял Сёма разницу между страховой в Англии и в Советском Союзе. Сёма наконец понял, но сразу не захотел сдаваться. Он проворчал, что нельзя называть разные вещи одними и теми же словами, обязательно случится путаница [4, т. 1, с. 568].

В пространстве войны, связанном с пространством английской истории, отражены события Сипайского восстания (1857–1859 гг.): Жёлтую лихорадку завезли в Батум индийские солдаты – сипаи – во время **оккупации англичанами Закавказья** [4, т. 5, с. 321]; Англо-бурской войны (1899–1902 гг.): **Англо-бурская война** была для мальчиков вроде меня крушением детской экзотики [4, т. 4, с. 44]; Ютландского сражения (31 мая – 1 июня 1916 г.): **Раньше перед сном являлись успокоительные мысли**. Например, выход английского флота, кончившийся **Ютландским боем** [4, т. 5, с. 56], а также военные действия, происходившие на территории России: С севера на Петрозаводск наступали две белые армии. Оловецкая добровольческая армия, состоявшая из финнов, прорвалась из Финляндии к Лодейному Полю. Северная добровольческая – густая смесь из английских, сербских, американских и русских белых отрядов – двигалась из Мурманска вдоль железной дороги. Последнюю армию называли **«англичане»** [4, т. 3, с. 433].

Пространство морской навигации значимо для восприятия Англии как «морской державы»: Он [Баранов] с раздражением вспоминал прославленных **английских моряков** – бесстрастных и надменных [4, т. 2, с. 119]; Дело было на острове Крите, где стояло пять эскадр – ан-

глийская, русская, французская, итальянская и турецкая [4, т. 2, с. 111], в основе перцепции которого – долгие традиции: *Обычаи английского флота предписывают в торжественных случаях посыпать обеденные столы полевыми цветами, например, ромашкой. Или клевером. Приятная традиция. Несколько изысканная, конечно. Запах родины, полей, лугов* [4, т. 2, с. 391].

Таким образом, модель английского национального пространства, в значительной степени отражающая этнические стереотипы, формируется в произведениях К. Г. Паустовского в виде системы пространственных плоскостей. Спецификой данной национально маркированной системы является как пересечение пространств (например, пересекаются пространства человека, творчества, морской навигации): «*Кто не видел моря, тот живёт половиной души*», – сказал старый шкипер Кодрингтон. Имя его теперь

основательно забыто. Это был *английский моряк, писатель, почитатель Диккенса, добрый и отважный человек* [4, т. 2, с. 89], так и диалектическая взаимосвязь пространственной и темпоральной координат, которая на примере ТК «Прошлое» иллюстрирует романтическое мировосприятие писателя: *Рыдать о чистоте, о старой Англии с её почтовыми рожками, о Моне, о гениальных глазах человека, увидевшего красоту даже в этих туманах* [4, т. 1, с. 142]. Широкий пространственный (географический) и темпоральный (исторический) диапазон английского пространства, их закономерная связь позволяют говорить о формировании хронотопа Англии в произведениях К. Г. Паустовского, реконструкция которого раскрывает как перед читателем, так и перед исследователем широкие перспективы.

Литература

1. Гак В. Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 127–134.
2. Генри П. «Дорогой собрат...» (Константин Паустовский и Иван Бунин) // Русская литература. 1996. № . С.187–197.
3. Генри П. Восприятие «Повести о жизни» К.Г. Паустовского у англичан // Литературное обозрение. 1992. № 11–12. С. 45–50.
4. Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. / К.Г. Паустовский. М.: Худож. лит., 1981–1986. – Т. 1: Романы и повести. 1981. 623 с.; Т. 2: Роман и повести. 1981. 615 с.; Т. 3: Повести. 1982. 687 с.; Т. 4: Повесть о жизни. Кн. 1–3. 1982. 734 с.; Т. 5: Повесть о жизни. Кн. 4–6. 1982. 591 с.
5. Henry P. Konstantin Georg'evich Paustovskii // Reference Guide to Russian Literature (ed. by Neil Cornwell). Fitzroy Dearborn Publisher, London – Chicago, 1998. P.626–627.
6. Paustousky K. The Telegram // Winter's Tales 7. Stories from Modern Russia (translated by Peter Henry; ed. by C.P. Snow and Pamela Hansforth Johnston). London: Macmillan, 1961. P. 8–67.
7. Paustovskii K. Selected Stories / with an Introduction and Notes by Peter Henry. Oxford: Pergamon Press, 1967. XXXVII. 143 p.
8. Peter Henry. The University of Glasgow Story / Peter Henry. URL: <https://www.universitystory.gla.ac.uk/biography/?id=WH1875&type=P> / (Accessed: 07.03.2019).

References

1. Gak V. G. Prostranstvo vne prostranstva (*Space outside space*) // Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. P.127–134. (In Russian).
2. Genri P. «Dorogoi sobrat...» (Konstantin Paustovskii i Ivan Bunin) (“Dear counterpart ...” (*Konstantin Paustovsky and Ivan Bunin*)) // Russkaya literatura. 1996. No. 3. P.187–197. (In Russian).
3. Genri P. Vospriyatiye «Povesti o zhizni» K. G. Paustovskogo u anglichan (*The British Perception of “The Tale of Life” by K.G. Paustovsky*) // Literaturnoe obozrenie. 1992. No. 11–12. P.45–50. (In Russian).
4. Paustovskii K. G. Sobranie sochinenii: v 9 t. (*Collected Works: in 9 volumes*). Moscow: Art. lit., 1981–1986. – Vol. 1: Novels and stories. 1981. 623 p.; Vol. 2: Novel and stories. 1981. 615 p.; Vol. 3: Stories. 1982. 687 p.; Vol. 4: The Tale of Life. Books 1–3. 1982. 734 p.; Vol. 5: The Tale of Life. Books 4–6. 1982. 591 p. (In Russian).
5. Henry P. Konstantin Georg'evich Paustovskii // Reference Guide to Russian Literature (ed. by Neil Cornwell). Fitzroy Dearborn Publisher, London – Chicago, 1998. P. 626–627.
6. Paustousky K. The Telegram // Winter's Tales 7. Stories from Modern Russia (translated by Peter Henry; ed. by C.P. Snow and Pamela Hansforth Johnston). London: Macmillan, 1961. P. 38–67.
7. Paustovskii K. Selected Stories / with an Introduction and Notes by Peter Henry. Oxford: Pergamon Press, 1967. XXXVII. 143 p.
8. Peter Henry. The University of Glasgow Story / Peter Henry. URL: <https://www.universitystory.gla.ac.uk/biography/?id=WH1875&type=P> (Accessed: 07.03.2019).

Информация об авторе

Сивова Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Республика Беларусь, Гродно) / sitavi@tut.by

Information about the author

Sivova Tatyana – PhD in Philology, Chair of Journalism, Grodno State University named after Yanka Kupala (Republic of Belarus, Grodno) / sitavi@tut.by

РЕЦЕНЗИИ

УДК 908(470.66)

Н. Н. Великая

Матвеев О. В., Зудин А. И., Воронин В. В. Русские Чечни (по материалам экспедиций 2018 года). Ростов-на-Дону: Печатная лавка, 2018. 136 с.

Представленная коллективная монография выполнена в рамках социально значимого проекта «Русские Чечни: изучение и сохранение традиционных духовных ценностей и опыта межэтнической интеграции», удостоенного гранта Президента Российской Федерации. В отличие от других районов Северного Кавказа, например Дагестана, где изучение русского населения, его вклада в экономическое и культурное развитие началось гораздо раньше, сложная военно-политическая обстановка в Чечне не позволяла приступить к исследованию темы. И только сейчас появилась, по сути, первая работа, в которой даются обширные и многообразные сведения о прошлом и настоящем старожильческого казачьего населения Шелковского и Наурского районов Чечни.

«Жанр» монографии определить достаточно сложно. С одной стороны, в ней представлены обширные этнографические материалы, собранные в ходе культурно-антропологических экспедиций в Чечню высококвалифицированными исследователями из Краснодара в 2018 году. Но с другой, практически в каждом разделе содержатся экскурсы в историю региона, а также то, что сейчас именуется «устной историей»: дословная передача слов информантов о давнем и недавнем прошлом, о том, что люди пережили сами и о том, что узнали от своих дедов и прадедов. Немало внимания авторы уделили и современному положению старожильческого населения Чечни, что делает представленную работу особенно актуальной.

Три первых раздела монографии, а также введение и заключение написаны д.и.н., проф. Олегом Владимировичем Матвеевым, четвертый раздел принадлежит перу к.и.н. Василия Владимира Воронина, автором пятого и шестого разделов является к.и.н. Антон Иванович Зудин. Все они имеют большой опыт экспедиционной работы, которая осуществляется на базе научно-исследовательского центра традиционной культуры «Кубанского казачьего хора».

Во введении дан краткий обзор истории русского старожильческого населения Наурского и Шелковского районов Чечни. Личное знакомство авторов с современным положением дел на севере республики позволило скорректировать статистические данные. Официально русских в указанных

N. Velikaya

Matveev O. V., Zudin A. I., Voronin V. V. Russian of Chechnya (based on the expeditions of 2018). Rostov-on-don: Printing shop publ., 2018. 136 p.

районах на 1 января 2018 г. числится чуть более 4 тыс. чел., но поскольку их отток продолжается, «этую цифру необходимо сократить как минимум в полтора раза» [1, с. 8]. В этой связи рассматривается содержание программы возвращения в Чечню русского и русскоязычного населения, Концепции государственной национальной политики ЧР. В целом положительно оценивая нормативную базу, автор введения приходит к обоснованному выводу о том, что для практической реализации одних деклараций, даже очень правильных, недостаточно. Необходима поддержка федерального центра, который проблеме исхода русского населения с территории Северного Кавказа уделял и уделяет мало внимания.

Первый раздел «Исторические представления и места памяти» посвящён проблеме сохранения исторических представлений у старожильческого населения Терского левобережья. Здесь констатируется, что глубина исторической памяти в последние годы значительно уменьшилась, хотя топонимические предания продолжают бытовать, выявляются несоответствия устной традиции установленным историческим фактам и датам. Причины этого обоснованно видятся в массовом переселении русских из Чечни и разрыв преемственности между поколениями. Гораздо больше достоверной информации сохранилось о советском периоде (Гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война). Большой интерес представляют приведённые в книге оценочные суждения и народная интерпретация событий перестройки и последующих за ней развали Советского Союза и военных действий в Чечне. При этом справедливо подчёркивается, что «война проехала тяжёлым катком по русским Чечни, их землякам и соседям-чеченцам, другим народам республики..., способствовала возрождению исторических обид и негативных стереотипов» [1, с. 23]. В то же время в работе приведено немало примеров позитивного межэтнического взаимодействия и в этот сложнейший период, то есть многосотлетний опыт совместничества не прошёл даром.

В разделе характеризуются места памяти как общенационального (дом-усадьба тёти М. Ю. Лермонтова в пос. Парабоч, где ныне находится Ли-

тературный музей, музейный комплекс Л. Н. Толстого в ст. Старогладковской), так и местного значения (частный музей казачьего быта краеведа О. Х. Эскирханова в ст. Калиновской, памятный крест в честь подвига наурских казачек в 1774 г., русские кладбища со старинными захоронениями и др.). Автор раздела воздаёт должное местным краеведам и подвижникам, которые в 90-е гг. XX века, нередко рискуя жизнью, смогли сохранить уникальные экспонаты. При этом отмечается, что ряд кладбищ находится в «удручающем положении» [1, с. 33]. За ними уже некому ухаживать, они зарастают кустарником, рушатся надгробные памятники. В то же время в разделе характеризуются действия местных властей по сохранению и уборке территорий кладбищ на Терском левобережье республики (проведение субботников, встреча и сопровождение приезжающих на «родительские дни» русских из других регионов). Автор раздела справедливо отмечает тройную функциональную нагрузку русских кладбищ (они служат местами захоронений и поминовений, а также местом встречи русских, покинувших Чечню в 90-е – 2000-е гг.) [1, с. 37–38].

Второй раздел называется «Идентичность, межэтнические взаимодействия и этнокультурные стереотипы». Его отличает тонкий анализ локусов левобережья (характеризуются представления о населении станиц и их краёв, отдельных фамилиях), показано двойственное самосознание терского казачества, которое осознаёт своё сходство, и в то же время отличие от русского населения Центральной России. Помимо самосознания, этноразъединительными признаками выступали и выступают старообрядчество и горское наследие (знание этикета, устного и музыкального фольклора, языка и др. своих соседей). Отличия от русских других регионов проявились при переселениях, когда терские казаки оказались в другом этноконфессиональном окружении. В памяти местного населения сохраняются представления о таких обычаях, как куначество, гостеприимство, взаимопомощь. Они продолжали бытовать и в годы двух «чеченских войн». В работе есть целый ряд рассказов старожилов на эту тему [1, с. 45–46].

Третий раздел рассматривает трудовые процессы и занятость. В нём постоянно проводятся сравнения и обоснованно прослеживается определённая преемственность дореволюционного периода с советским. Автор раздела последовательно характеризует занятия русского населения Терского левобережья: хлебопашество и животноводство, виноградарство и виноделие, огородничество и бахчеводство, пчеловодство и шелководство, рыболовство, охоту и др. Приведённый материал позволяет читателю представить некогда многообразную хозяйственную деятельность в Шелковском и Наурском районах, подтверждённую иллюстративно.

К сожалению, современный период с точки зрения занятости населения характеризуется, большей частью, односложно. Например, отмечается, что мужчины трудоспособного возраста

либо уехали, либо несут службу в силовых структурах, «поскольку другой работы просто нет» [1, с. 53]. Превращение левобережья в районы фермерского экстенсивного скотоводства наносит невосполнимый ущерб экологии и ставит (в отсутствие многих традиционных видов хозяйственной деятельности) русское население Чечни на грань выживания.

Четвёртый раздел «Семья и семейные традиции» рассматривает типы семей, сложившихся на Тереке ещё в дореволюционный период. Автор раздела, опираясь на документы XIX века, отмечает основные факторы, которые способствовали сохранению больших семей у русского населения (хозяйственно-экономический, административный, этноконфессиональный). Освещаются и основные причины распада патриархальных семей в советский период (новое законодательство о семье и браке, коллективизация, раскулачивание и др.). По наблюдениям автора, «в настоящее время большая часть русского населения Шелковского и Наурского районов достаточно возрастная – пенсионного и предпенсионного возраста» [1, с. 69]. Это обусловило возрождение многопоколенных семей, где дети, а зачастую и внуки не отделяются от родителей (досматривают их). Кроме того, большими семьями легче выжить в условиях безработицы, отсутствия жилья у молодых и т.п. В разделе освещается проблема детности, экзо- и эндoэтничности браков в прошлом и настоящем. Особое внимание уделено «горскому наследию» в семейно-брачных отношениях у русских Терека. Анализируются отношения между старшими и младшими, мужем и женой, родителями и детьми. Отмечается знание современными детьми чеченского языка, что связывается не только с его преподаванием в школе, но и каждодневным общением с чеченскими сверстниками [1, с. 73].

Пятый раздел освещает православную жизнь на Тереке. В нем рассматриваются основные этапы конфессиональной истории населения левобережья, справедливо подчёркивается, что годы советской власти роковым образом отразились на состоянии старообрядческих и православных приходов, когда практически все храмы были закрыты и разрушены [1, с. 87]. Много внимания автор раздела уделил возрождению православия и строительству церквей в современный период, особенностям приходской жизни, роли православия в сохранении идентичности и сплочённости русского населения ЧР.

Шестой раздел связан с освещением культурного наследия, точнее тех элементов традиционной культуры, которые сохранились в левобережных станицах, несмотря на военно-политические катаклизмы 90-х гг. XX века. Даны описания старых, большей частью заброшенных казачьих домов, кладбищенских надгробий и др. Проанализированы и объяснены причины трансформаций в духовной культуре терского казачества. Культурный досуг теперь связывается с национальными культурными центрами, где действуют вокальные и др. группы, церковью. Автор отмечает интернационализацию репертуара певческих

коллективов, их состава. В праздничных мероприятиях (Масленица, День наурской казачки) также принимают участие чеченцы, ногайцы, кумыки и др. По мнению автора раздела, одним из наиболее сохранившихся элементов традиционной культуры является пища. В ходе экспедиций был выявлен и описан ряд блюд, характерных для местных казаков. В целом же состояние традиционной культуры казачества характеризуется как катастрофическое [1, с. 125]. Автор считает, что исправление ситуации возможно путём вовлечения местного населения в соответствующие целевые республиканские и федеральные программы, финансирования общеказачьих праздников, музеев и др.

В Заключении подводятся итоги исследования, рассматриваются основные (в том числе, возможные) меры государственной политики, направленной на сохранение и развитие старожильческого населения Терского левобережья. Продуманностью и конкретикой отличаются представленные в работе и основные научные направления в изучении русского населения ЧР. Чётко названы и проблемы, с которыми сталкиваются русские в Чечне, выражается надежда, что очерченный круг проблем со временем будет решён положительно.

Рецензируемая работа прекрасно издана с точки зрения полиграфии, снабжена многочисленными рисунками (начиная с картин Г. Гагарина), дореволюционными, советскими и современными фотографиями, на которых запечатлены жители Терского левобережья, в том числе краеведы, атаманы, ветераны войны и труда, музейные сотрудники, работники казачьих культурных центров и др. На фото представлены жилища, предметы труда и быта терских казаков, культовые постройки, кладбища, иконы старого письма и др. Иллюстративный материал как дополняет написанное, так и является самостоятельным источником для изучения быта и традиций современного русского населения Чечни.

При всех несомненных достоинствах работы, она не избавлена от досадных оговорок и ошибок (чеченские станицы – [1, с. 88, 90] и др., терское правобережье – [1, с. 102]). Не все разделы полу-

чились хронологически «комплексными». Например, в третьем разделе основное внимание уделено советскому периоду. На с. 43 констатируется уход из народной памяти гребенской идентичности, что в народных представлениях связывается с репрессиями и в целом с государственной политикой в отношении казачества в советский период. Однако на с. 52, 107, 125 и др. гребенские и терские казаки упоминаются отдельно, либо как терско-гребенские. Согласно нашим наблюдениям и сведениям, у казаков, например, ст. Червлённой, как переселившимся за пределы Чечни, так и оставшимся, гребенская идентичность сохраняется.

В целом работа выполнена на высоком научном уровне. Несмотря на то, что разделы написаны разными исследователями, книга воспринимается как единое целое. Все разделы построены по проблемно-хронологическому принципу с выявлением причинно-следственных связей. Проблемы не только ставятся, но и даются рекомендации органам власти для их решения. Работа содержит ценные источники «устной истории», которые могут быть востребованы историками, этнографами, политологами и др. Её следует оценивать как серьёзную попытку представить не только прошлое, но и настоящее русского старожильческого населения Чечни. Важный вклад авторы внесли в изучение таких сложных процессов, как адаптация русских к новым экономическим и социально-политическим условиям существования, современное межэтническое взаимодействие, отягощённое негативом давнего и недавнего прошлого и др.

Нельзя сказать, что постановка проблемы, связанной с изучением положения русских в Чечне, своевременна. Она скорее запоздалая. Но в этом нет вины авторов. Их заслуга заключается в том, что они смогли максимально политически корректно и в то же время настойчиво провести мысль о том, что русское население Чечни заслуживает особого внимания, поскольку играет важную роль в укреплении стабильности и межэтнического и межконфессионального мира в Чеченской республике.

Литература

1. Матвеев О. В., Зудин А. И., Воронин В. В. Русские Чечни (по материалам экспедиций 2018 года). Ростов-на-Дону: Печатнаялавка, 2018. 136 с.

References

1. Matveev O. V., Zudin A. I., Voronin V. V. Russkie Chechni (po materialam ekspedicij 2018 goda) (*The Russian of Chechnya (based on the expeditions of 2018)*). Rostov-on-don: Printing shop publ., 2018. 136 p. (In Russian).

Информация об авторе

Великая Наталья Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / velikaya55@mail.ru

Information about the author

Velikaya Natal'ya – Doctor of History, Professor, Chair of World and Native History, Armavir State Pedagogical University (Armavir) / velikaya55@mail.ru

УДК 94(470.62/.67) "18"

Б. В. Виноградов

Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. «Набежавшими хищниками взят в плен...»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа. Пятигорск: ПГУ, 2018. 85 с.

В издательстве Пятигорского государственного университета в 2018 г. увидела свет работа известных кавказоведов, докторов исторических наук, Ю. Ю. Клычникова и С. С. Лазаряна ««Набежавшими хищниками взят в плен...»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа». Данная брошюра явилась продолжением многолетних и плодотворных регионоведческих изысканий авторов, монографии и статьи которых посвящены анализу самых разнообразных аспектов складывания российско-кавказского государственного единства в широком хронологическом диапазоне.

Как известно, характер и особенности процесса российско-горского взаимодействия определялись совокупностью целого ряда внешнеполитических и региональных факторов и обстоятельств. Значимым и весьма конфликтным долговременным фактором взаимоотношений горцев с российскими властями являлась набеговая система первых, явившаяся неотъемлемой частью традиционного социокультурного уклада. Следует заметить, что не только Северный Кавказ был «проблемной зоной» в формировании Российского многонационального государства. Свершившийся в 1795 г. третий раздел Речи Посполитой и последовавшие уже в начале XIX в. решения по «польскому вопросу» дополнитель но обозначили ту сложность российско-польских взаимоотношений, которая стала проявляться собственно со времени образования польско-литовского государства.

В своей работе Ю. Ю. Клычников и С. С. Лазарян, опираясь на репрезентативные источники и исследования, делают краткий, но весьма емкий и концентрированный анализ обстоятельств появления поляков на Северном Кавказе после разгрома наполеоновского вторжения в Россию и подавления польского восстания 1830–1831 гг. Появление это было весьма специфичным, так как поляки, формально будучи военнопленными, использовались на Кавказской линии не только на строительных работах, но и для охраны российских коммуникаций в регионе от нападений горцев, то есть в статусе военнослужащих, что было обусловлено общей недостаточностью численности контингентов Российской армии в крае. Авторы вполне резонно пишут о наличии в среде «невольно» служивших на Кавказской линии поляков антироссийских настроений (вполне влиявшихся в предыдущий контекст польско-российских взаимоотношений), равно как и о мерах российского командования в их отношении, кото-

B. Vinogradov

Klychnikov Yu. Yu., Lazaryan S. S. «By the savages running on taken a-prisoner...»: Poles in captivity of the North Caucasus highlanders. Pyatigorsk: PSU publ., 2018. 85 p.

рые никак нельзя назвать жесткими и бесчеловечными [1, с. 11, 12–13]. Ю. Ю. Клычников и С. С. Лазарян обращают внимание и на иной «источник» появления поляков в составе российской армии на Северном Кавказе – рекрутские наборы и желание части польской шляхты сделать достойную карьеру, служа в Отдельном Кавказском корпусе.

Особенностью обстановки на Кавказской линии в условиях горско-российского противостояния периода Северокавказского кризиса XIX века было частое попадание российских военнослужащих и гражданского населения в горский плен, что нередко обуславливалось не только сугубо батальными перипетиями, но и развитым у горцев «людокрадством» – весьма прибыльным и престижным сегментом набеговой экспансии. Участь оказаться в горском плену не миновала и многих поляков, оказавшихся на Северном Кавказе. Авторы исследования на основе богатой источниковской базы (полностью представленной в разделе «Приложения», [1, с. 45–80]) и знаковых современных исторических трудов прослеживают судьбы польских «кавказских пленников» в широком контексте как местных социокультурных реалий, так и особенностей мировоззрения поляков.

Ю. Ю. Клычников и С. С. Лазарян акцентируют внимание на том, что архивные документы содержат информацию лишь о тех попавших в горский плен поляках, которым в конечном итоге удалось из него бежать, или которые были из него выменены российскими властями согласно существовавшей тогда практики. Общий же масштаб горского «людокрадства» и «пленопродавства» предполагал неизвестность судеб большей части пленников, в том числе и поляков, практически бесследно сгинувших в неволе. Приведенные авторами примеры обстоятельств попадания поляков в горский плен достаточно типичны для северокавказской «линейной действительности» начала – середины XIX в., когда нахождение вне укрепления в ночное время, участие в различных видах работ без должного вооруженного прикрытия и многие другие «неосторожности» оказывались чреваты захватом в плен горскими «хищниками» и перспективой обращения в рабство. Весьма интересен приведенный авторами эпизод, касающийся судьбы польского военнопленного Андрея Лосюка, который, оказавшись в Кизляре на сельскохозяйственных работах у армянского купца Качкасова, был продан за 50 рублей горцам в рабство и был освобожден из неволи лишь более чем через пять лет, после ряда неудачных попыток к этому и

неоднократных перепродаж разным владельцам [1, с. 18–21]. Здесь налицо прямая или косвенная вовлеченность в прибыльный «бизнес» российских подданных на подконтрольных российским властям территориях. В данной связи следует заметить, что соседство и наличие торговых контактов с горцами (при наличии у последних стойко выраженного интереса к захвату людей и работорговле) могли накладывать отпечаток на образ действий некоторых россиян, интегрированных в некоторые стороны местной социокультурной действительности.

Некоторые поляки бежали к горцам добровольно, что Ю. Ю. Клычников и С. С. Лазарян вполне справедливо связывают с их антироссийскими настроениями. Однако логика «враг моего врага – мой друг» срабатывала отнюдь не всегда. Так, бежавший к лезгинам Лукаш Соколовский пробыл у них в рабстве 8 лет, будучи неоднократно продаваем. После подобных злоключений удавшееся возвращение к нелюбимым русским оказалось для него весьма желанным поворотом судьбы. Авторы верно подмечают, что нюансы национальной принадлежности и идеально-политических воззрений пленников редко интересовали горцев, для которых материальный интерес находился на первом месте [1, с. 21, 33–34].

Вместе с тем, имевшие место в 30-х гг. XIX в. случаи дезертирства поляков из полков Отдельного Кавказского корпуса и бегства дезертиrov к горцам, как отмечают Ю. Ю. Клычников и С. С. Лазарян, не всегда приводили «искателей свободы» к рабскому состоянию. Часть беглецов с оружием в руках сражалась против русских и вовлеклась в торговлю «живым товаром» [1, с. 31–35]. Однако другим дезертирам везло меньше, и они попадали в рабство или выменивались горцами на захваченных русскими своих единоплеменников [1, с. 32]. В подобных случаях симпатии к горцам у польских дезертиrov значительно уменьшались.

Анализируемые авторами исторические свидетельства подтверждают известный факт, что для вымена захваченных горцами в плен российская сторона прибегала и к целенаправленному захвату самих горцев, ибо перспектива широкого применения денежного выкупа плененных (за казенный счет делать это было вообще запрещено) объективно дополнительно стимулировала практику «людокрадства». К тому же, авторами верно замечено, что поляки, многие из которых рассматривались как военнопленные, мятежники или ссыльные, зачастую не являлись для Российской стороны приоритетом для соответствующих действий по вызволению из горской неволи [1, с. 40]. Здесь следует заметить, что в принципе разнообразные ресурсы по освобождению людей, захваченных горцами, не позволяли рассчитывать на обретение свободы большинством плененных при условии сохранения фактора горской набего-

вой экспансии и военно-политической нестабильности на Северном Кавказе.

Приводится в работе и весьма интересный сюжет о случаях добровольной передачи пленников российским властям своими владельцами. Ю. Ю. Клычников и С. С. Лазарян справедливо связывают подобные действия с жесткой ермоловской практикой наказания работоговцев, некоторые из которых подобным образом избавлялись от источника потенциальной опасности, ибо А. П. Ермолов обещал за невыдачу пленных и беглых «мщение ужасное» [1, с. 24–25]. Заметим, что данное мщение «проконсула Кавказа» не могло настигнуть «людокрадов» из числа западных адыгов, так как Закубанье до 1829 г. формально находилось под контролем Османской империи. Переход левобережья Кубани и черноморского побережья Кавказа под власть России по Адрианопольскому трактату с Турцией сам по себе тоже совсем не гарантировал пресечение захватов людей в ходе горской набеговой экспансии, так как до реального контроля над регионом было весьма далеко. Естественно, что в широком историко-географическом контексте практически невозможно было добиться прекращения соответствующего горского промысла с территорий, подконтрольных имамату Шамиля.

Представляется принципиально важной подкрепленная приведением точки зрения некоторых современных польских исследователей мысль авторов, что репрессивные меры Российской стороны в отношении ссылаемых на Кавказ или даже в Сибирь поляков не имели целью истребление «неугодной» части населения, но должны были способствовать ее изоляции и последующей ресоциализацией. В пользу последней свидетельствует возвращение ссыльных на родину по отбытию назначенного срока и приобретению ими черт лояльности [1, с. 39].

Ю. Ю. Клычников и С. С. Лазарян, опираясь на архивные документы, приходят к «знаковой» констатации, что поляки, честно и добросовестно служившие на новом месте проживания, пользовались всеми благами и привилегиями наравне с другими подданными российского престола и могли рассчитывать на досрочное возвращение на родину [1, с. 39]. Равно как и важна мысль авторов, что в северокавказских условиях у поляков менялось восприятие «своего» и «чужого» в связи с большей культурной их близости с русскими, а не с представителями горского мира [1, с. 40].

Проведенное Ю. Ю. Клычниковым и С. С. Лазаряном исследование, насыщенное показом перипетий человеческих судеб, является заметным вкладом в анализ как особенностей российско-горского взаимодействия в XIX в., так и в непредвзятое постижение исторически весьма сложных российско-польских взаимоотношений.

Литература

1. Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. «Набежавшими хищниками взят в плен...»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа. Пятигорск: ПГУ, 2018. 85 с.

References

1. Klychnikov Yu. Yu., Lazaryan S. S. «Nabezhavshimi shishchnikami vzyat v plen...»: polyaki v nevole u gorcev Severnogo Kavkaza («*By the savages running on taken a-prisoner...*»: *Poles in captivity of the North Caucasus highlanders*). Pyatigorsk: PSU publ., 2018. 85 p. (In Russian).

Информация об авторе

Виноградов Борис Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / vinogradov.b@mail.ru

Information about the author

Vinogradov Boris – Doctor of History, Professor, Chair of General and Russian History, Armavir State Pedagogical University (Armavir) / vinogradov.b@mail.ru

УДК 908(470.6)(049.32)

С. Л. Дударев

Ткаченко Д. С. Российские историко-культурные памятники на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. Ставрополь: Изд-во Печатный Двор, 2017. 336 с., ил.

Выход в свет монографии известного историка-кавказоведа Д. С. Ткаченко является заметным событием в региональной историографии. Во **введении** ученым обозначаются главные понятия, термины и подходы, определяющие цель и смысл всего труда. Автор весьма показательно констатирует в самом начале своей работы, что ее ведущий термин – «коммеморация» – который рассматривается в узком (поминовение) и широком смысле слова. Более широкое толкование термина – формирование государственными или общественными структурами политики памяти – содержит в себе большой идеальный и воспитательный потенциал, который имеет громадное значение для будущего нашего региона и всей страны. Второе ведущее понятие книги – мемориализация – понимается как «проявление политики сохранения памяти через строительство монумента». Будучи «овеществленной памятью», монументы, или равнозначные им произведения, играют роль «мест памяти» (термин П. Норá). Они несут в себе послание для зрителя, являются позиционированием некоего образа, в котором зашифрованы смыслы, связанные не только с конкретным обликом объекта, но и той «фоновой историей», на емкое содержание которой памятник, собственно говоря, и указывает, являясь ее общим символом. Отталкиваясь от данных позиций, автор подчеркивает, что его исследование – это попытка взглянуть на проблемы людей рубежа XIX – начала XX в. через призму строительства монументов. Он полагает, что их введение было связано с сословно-классовой структурой Российской империи, и не отражало коммеморационные интересы неимущих классов и этнических меньшинств Северного Кавказа. Соглашаясь в этом с автором, нужно напомнить, что местное население имело свои традиционные способы монументальной коммеморации (надгробные стелы), не говоря уже о вербальных (например, фольклор) и до поры-до времени, не нуждалось в увековечивании своих героев в европейском монументальном виде¹. Потребность в этом пришла в процессе интеграции в состав России, роста национального самосознания и появления национальной интеллигенции – носительницы определенных идей.

¹ Примечательно, что российская администрация наказывала тех, кто покушался на надгробные изваяния горцев, о чем свидетельствуют «Сообщения по управлению мирными горцами» начальника Центра Кавказской линии полковника князя Г. Р. Эристова (1848 г.) (Кавказский сборник. Т. № 9 (41). М., 2015. С. 209).

S. Dudarev

Tkachenko D.S. Russian historical and cultural monuments in the North Caucasus in the XIX – early XX centuries. Stavropol: Publishing House Printing House, 2017. 336 p., Illustrations.

Примечательна классификация памятников Кавказа имперского периода, предложенная автором: памятники особым правящего дома; памятники государственной власти и олицетворявшим ее персонам; памятники «покорения Кавказа»; народно-казачьи памятники. Забегая наперед, отметим, что работа снабжена большим количеством фотографий указанных объектов и их реконструкциями, представленными в компьютерной графике. Большую их часть историк связывает со «временем установления русского владычества» в регионе». Как утверждает автор, в Российской империи не было единого центра, который бы ведал строительством памятников, которое до самого последнего периода существования государства не носило массового характера. В этом отношении существовал известный хаос, в котором, тем не менее, проглядывали ведомственные, местнические и пр. интересы и инициативы. В конце Введения автор призывает к осторожной политике в отношении имперских мест памяти, учитывая сложность современной политической ситуации в регионе.

Глава первая называется «Российские памятники в Закавказье». Она весьма примечательно начинается с известной истории о том, как барон Г. В. Розен, будучи командующим Отдельного Кавказского корпуса (ОКК), написал начальнику Главного Штаба графу А. И. Чернышеву о том, что не видит той цели на Кавказе, к которой нужно стремиться. В ответ уже император Николай I дал разъяснение, суть которого состоит не только в занятии и овладении краем, но и в устройстве безопасных его границ, а также, выражаясь современным языком, в постепенной интеграции местных народов через гражданское устройство, торговлю и пр. в состав России, для обоюдной пользы и этих земель и империи, как таковой. Иными словами, политика России на Кавказе является, по нашему недавнему определению, *мироустроительной*. Именно так ее, по сути, понимала еще Екатерина II. Анализируемые Д. С. Ткаченко памятники, воздвигнутые в Закавказье российскими властями, во многом, практически, являются подтверждением этого намерения. Как указывает исследователь, мысли о благе, которое Россия принесла на территорию не только Грузии, но и других стран Закавказья, освободив их от угрозы иноzemных врагов, звучали в соответствующих региональных монументах [3, с. 21]. Разумеется, введение памятников Российской империей преследовало не только трансляцию этой мысли.

Памятники должны были являться маркировкой и высокой оценкой (в том числе и от лица самого царя) примеров героизма, самоотверженности, верности воинскому долгу, в сочетании с легитимацией действий наместников и демонстрацией мощи империи [3, с. 22–23]. Не чужды эти сооружения были и идее мессианства [3, с. 27, 66, 73 и др.], присутствовавшей в их символике, которая не стыковалась с «политкорректностью» в кавказском контексте. Одновременно власти сталкивались с другой проблемой, на которую также указывает автор. Памятники должны были работать на массовую аудиторию. Расположение их в пустынной местности резко снижало эффект воздействия и, к тому же, угрожало объектам быстрым разрушением. Решение проблемы было найдено и оно оказалось, так сказать, узкоженеральным, поскольку те или памятники попадали под опеку отдельных воинских частей, которые и оказывались единственными «потребителями» данных форм монументальной пропаганды¹. Разумеется, это резко снижало их «резонансность».

Особую роль играли памятники командующим ОКК, либо кавказским наместникам. Они, по сути, олицетворяли собой разные модели интеграции Кавказа в состав России. Интересно понимание автором трактовки образа П. Д. Цицианова в связи с возведением памятника этому деятелю. Имперской пропагандой он выстраивался в духе провиденциализма [3, с. 35]. Одновременно Д. С. Ткаченко приводит презентативный пассаж из газеты «Кавказ», где Цицианов рисуется как перевоспитатель народа. Важны две парадигмы, выстраиваемые неким автором статьи в этой газете. Они явно выдержаны, как бы мы сейчас сказали, в духе «ориентализма». Для местных жителей присущи хитрость, «пронырство», являвшиеся результатом приспособления к коварству азиатских правителей. П. Д. Цицианов же нес кротость, милосердие, бесхитростность, прямоту, но и... бесприкосновенное повиновение воле России, основанное на страхе перед ее оружием. Согласно другому контенту имел памятник М. С. Воронцову. По мысли строителей монумента первому кавказскому наместнику, это сооружение должно было транслировать мысль не о силовом умиротворении, и перевоспитании, основном на страхе перед российской военной мощью, а о, опять-таки, мироустройстве, развитии торговли, промышленности, заботах о благоустройстве и т.п. Ярким свидетельством именно этой наиболее успешной стороны его службы на Кавказе служат слова бывшего адъютанта Воронцова Р. Андроникова о желании князя достичь окончательного слияния Закавказского края с православной империей т.е., по сути дела, того, о чем писал Николай I барону Розену. Крайне важно то, что сам акт открытия памятника должен был послужить целям тогдашней администрации Кавказа проде-

¹ Это напоминает ситуацию с портретом А. П. Ермолова на фронтонае административного здания в одной из воинских частей, дислоцировавшейся в Чеченской Республике в 2000-е гг. (личная информация).

монстрировать идею единения местных властей с разноэтничным населением края [3, с. 46].

В первой главе автор также делает и иные важные наблюдения: о «демократизации» мемориальной деятельности, как и самой армии (военные монументы все больше становились ближе к частным), о генезисе социального содержания памятников (от отражения кастово-словной структуры и иерархии армии к фиксации утверждения общегражданского состояния военных в условиях реформ 60–70-х гг. XIX вв.) и др. Интересна трактовка памятника подвигу солдата Гаврилы Сидорова [3, с. 67–71], который погиб при перенесении артиллерийского орудия через препятствие. Д. С. Ткаченко акцентируется чрезмерная идеализация, связанная с редактированием официальными историками реальных обстоятельств гибели солдата в угоду идеям государственного патриотизма. В то же время, как бы «лубочно» или «сусально» не выглядело преподнесение геройской смерти Сидорова имперской пропагандой, налицо яркий пример громадного, неимоверного трудолюбия русского солдата, его самопожертвования и колоссального терпения при «покорении Кавказа», которому невозможно найти аналог. Российская военная машина «состояла из такого удивительного человеческого материала, который не встречался ни в одной другой стране, кроме России» (В. Б. Дегоев). В конце главы автором делаются выводы. Мы бы несколько уточнили их. Социальная база создания охарактеризованных выше памятников была весьма узкой, а тот «месседж», который они несли, должен был быть адресован более широкому социальному спектру «потребителей». Степень адекватности восприятия памятников разными слоями общества – это и есть, полагаем, одна из самых главных проблем в коммеморативно-мемориализационной деятельности России в Закавказье. При этом характерно то, что и в «русском» лагере картина должна была быть достаточно противоречивой. Взгляд на указанные памятники со стороны представителей российской армии и чиновничество мог не соответствовать взгляду членов переселенных в Закавказье групп религиозных диссидентов – старообрядцев, духоборов, молокан и др.².

Вторая глава «Архитектурные памятники военно-политической истории Северного Кавказа» рассматривает особенностиувековечения важных для процесса интеграции региона в состав России событий в памяти его жителей. Автор отмечает, что историю колонизации региона рассказывали не сколько монументы и статуи (хотя, разумеется, были и они), сколько архитектурные памятники, оставленные первопоселенцами. Они воспринимались «их потомками как место памяти, легитимизирующее их появление на Кавказе» (sic!) [3, с. 62]. Исследователь прав, говоря о том,

² Подобная ситуация могла возникать и на Северном Кавказе, где проживали указанные диссиденты, которые, например, посещали закладки церквей в честь российских самодержцев [3, с. 151].

что в контексте «культуры безмолвствующего большинства», несущей в себе традиции допетровской Руси в противовес модернизированной (мы бы сказали – вестернизированной) верхушке, отправной точкой считалась воля Господа. Это вело к тому, что центром всякого поселения россиян на Кавказе была церковь. Колокол и крест верно рассматриваются ученым, и как религиозные символы и как маркеры присутствия и обереги во враждебном окружении. Поэтому, когда он приводит мнение Д. Уptona, что строители не могли контролировать то, какие ассоциации вызывало их творение у зрителя, особенно иной культуры, то полагаем, что это и не должно было волновать строителей по определению. Ведь если бы они учитывали, например, мнение мусульман, то им пришлось бы удалить кресты, а впоследствии отказаться еще и от икон и росписей стен со сценами Священной истории, которые представителями указанной конфессии традиционно расценивались как яркое свидетельство многобожия. Восприятие посетителями из Западной Европы церковного строительства российских поселенцев, особенно казачества, затрагиваемое в главе ученым, относится к числу важных свидетельств по исследуемой теме (и не только). Но иностранцы относились к строительству казаками церквей далеко не всегда саркастически [3, с. 86]. Одним из лучших свидетельств отношения казаков к церкви является свидетельство швейцарца на русской службе Ф. Жиля. Он писал: «Любовь, которую казаки питают к своей церкви, запредельна. Часто они возводят ее на свои средства и сами украшают и поправляют её, так как в случае необходимости они могут быть и плотниками, и каменщиками, и декораторами. Я видел на Тереке и Сунже церкви, являющиеся великолепными каменными сооружениями в византийском стиле» [1, с. 268].

Автор рассматривает в главе не только знаковую роль церковных объектов дляувековечения российского освоения Северного Кавказа, но и отдельных изваяний в форме креста. Он спрашивливо полагает, что для имперских властей находка того или иного предмета раннего христианства на месте строительства новых фортификаций позволяла трактовать военное строительство как одобрение свыше задуманных планов покорений Кавказа, как возрождение веры, которая ранее была на земле ислама [3, с. 101–102]. Д. С. Ткаченко уделяет немалое внимание и остаткам фортификационных сооружений на Северном Кавказе, которые стали местами памяти. Важную роль историк придает, в частности, истории т.н. Старо-Юртовских ворот в крепости Грозной, которые «в сознании зрителя могли восприниматься и как свидетельство жестких боевых столкновений вокруг строительства города, и как памятник начала мирного входления края в состав империи» [3, с. 121]. Однако по данному вопросу необходимы корректировки. Автор полагает, что оказавшись в городской черте, отжившие свое крепостные ворота не были уничтожены, а превратились в архитектурный памятник в

виде триумфальной арки из жженого кирпича. Однако эта арка известна в истории Грозного, как т.н. Красные ворота, которые были построены, по одним данным, в 1850 г. в честь прибытия наследника престола Александра Николаевича, по другим, в честь приезда в г. Грозный этого же лица, но уже имевшего статус Государя Императора (улица, на которой были выстроены ворота, также была поименована в честь этого исторического лица как Александровская). Совпадали ли Староюртовские ворота с местом возведения Красных ворот, по нашим данным, точно не известно. Таким образом, последние имеют более конкретную, хотя при этом и спорную в отношении времени постройки, коммеморативную историю, и должны были бы быть рассмотрены в главе III, в разделе «Памятники российским императорам и царскому дому».

Наконец, Д. С. Ткаченко фиксирует и серьезное значение коммеморирования дорожного строительства на Кавказе, без которого его российское освоение было обречено на неудачу. Эта сторона «политики памяти» работала, между прочим, на все ту же идею императора Николая I, но выраженную Е. Марковым патетически: срастания, слияния «кавказских дебрей» с сердцем великорусского государства, откуда дороги понесут «одну, всем общую, питающую и животворящую кровь» [3, с. 130]. В то же время, данная сторона мироустройтельной деятельности России на Кавказе подвергалась, порой, диффамации со стороны местного населения (obelisk у Сурамского тоннеля). Полагаем, что ее причины требуют дополнительных толкований.

В третьей главе анализируются официальные памятники власти на Северном Кавказе. К их числу относятся разноплановые объекты: землянка Петра Великого в Дербенте, часовни, триумфальные арки, церкви, скульптурные памятники, надгробия и пр., воздвигнутые в честь как тех или иных самодержцев, так и государственных чиновников высокого ранга. По сути, на материалах всех этих объектов можно проиллюстрировать мысль историка о том, что на практике в сознании их строителей происходил сплав почтения памяти того или иного деятеля с насущными идеологическими потребностями для утверждения власти. Это верная мысль может быть дополнена и иными нюансами понимания смысла памятников, высказанными самим же Д. С. Ткаченко. Так, церковь в честь Александра III в станице Павлодольской в сознании местных казаков должна была стать еще одним казачьим маркером присутствия на землях Кавказа [3, с. 151]. В то же время сложно согласиться с ним в том, что данная церковь была посвящена «довольно одиозному российскому императору». Данная «одиозность» – это, скорее, оценка последующих времен. Интереснее то, что по мысли автора, контекст событий, сопровождавших возникновение каждого монумента (например, городских легенд, сопровождавших прибытие Николая I в Ставрополь) гораздо более красноречив, чем его «фоновая история». т.е. сюжет, которому он был посвящен.

Примечателен второй раздел третьей главы, который справедливо начинается ученым с констатации, что довольно большое количество памятников региона служило целиувековечения идеи единения региона с Российской империей (а вот то, что западные историки назвали их «маркерами имперского триумфа» – это, на наш взгляд, более узкое и чисто внешнее восприятие данного феномена) [3, с. 164]. Впрочем, в главе рассмотрены и такие памятники, которые имеют трагикомическое прочтение. Мы имеем в виду надгробия, подобные тем, что составляли «кладбище коплэжских асессоров» (г. Георгиевск) и повествуют об особенностях функционирования чиновничье-бюрократической системы России. Но не они наиболее репрезентативны в этой части монографии. К самым «говорящим» относится ряд памятников военачальникам, в том числе, павшим в ходе событий «Кавказской войны» (Н. В. Гревков, Д. Т. Лисаневич, Н. И. Евдокимов, А. П. Ермолов, и др.). В период своего установления они, согласно автору, прежде всего, демонстрировали мощь империи, преданность престолу и воинскому долгу. Специалист полагает, что памятники военачальникам воспринимались на «русской стороне» бывшей Кавказской линии позитивно, без привнесения политического и этнического смысла¹ [3, с. 184]. Их «целевой аудиторией» были военные, «транслировавшие через памятник свои корпоративные ценности» [3, с. 187], казаки, отражавшие, тем самым, свое присутствие и доминирование в регионе и конкретных его районах (см. выше), например, Терской области, и шире – русское население [3, с. 197–198]. Мнение кавказцев обувековечении памяти тех или иных военных деятелей самодержавия в те времена, опять-таки, не учитывалось. Памятники представляли собой некий идеальный имперский образ, за которым не угадывалась вся сложность положения на Северном Кавказе (да и Кавказе вообще), что и делало официальную монументальную пропаганду того времени малодейственной и потому не давшей серьезных корней. Превратная судьба советских памятников XX в., совсем, казалось бы, идеологически иного содержания, подтверждает эту мысль и пролонгирует ситуацию вплоть до нашего времени (см. ниже). При этом она, порой, переплетается с периптиями памятников «имперского периода». Так, памятник А. П. Ермолову, уничтоженный в 1921 г., был восстановлен после депортации вайнахов в 1944 г. Одновременно с этим была снесена масса надгробильных памятников чеченцев и ингушей, охраняемых властями в дореволюционный период (см. выше). Бюст А. П. Ермолова, несмотря на неоднократные попытки нелегально уничтожить его в конце 1960–1970-х гг., простоял до 1989 г. Местным русским (шире – русскоязычным) населением он воспринимался не только как памятник основателю города, но и как символ русского присутствия (ср. с цитированной выше мыслью автора).

¹ Думается, что эти смыслы, все же, нельзя исключать полностью.

ра на [3, с. 92]). Его ликвидация (как и последовавшее затем свержение памятника В. И. Ленину) маркировала собой скорый массовый исход «русскоязычных» из Чечни. Оценивая этот трагический круговорот людей и памятников, необходимо помнить, что устранение подобных маркерных мемориальных объектов, как проявления «войн памяти» – это сигнал для масштабных деструктивных действий антигосударственного характера с далеко идущими последствиями.

В главе четвертой «Кавказская война в образах имперской исторической памяти» рассматриваются судьбы указанного события в монументальных памятниках Северного Кавказа. История тех из них, что увековечивали победу над Шамилем на Гунибе, и коммеморировавших это событие (Сень Барятинского и др.), в немалой степени сходна с судьбой российских монументов в Закавказье. Их расположение в редко посещаемой местности делало такие объекты малодейственными для прославления побед русского оружия и т.д. В этой связи, памятники, символизировавшие державную поступь России в краю гор, приходилось сооружать в местах, где их обзор давал гораздо больший резонанс (г. Темир Хан-Шура). Даже в тех случаях, когда аудитория, созерцавшая памятники, была шире и «адреснее» (памятник завершению военных действий у станицы Царской Кубанской области), смысл их существенно ограничивался топографическими причинами. Был у них и еще один недостаток, который уже неоднократно отмечался выше – это абстрагированность от реакции местного населения. Формулировки, к которым прибегает автор для оценки подобных случаев [3, с. 215, 294 др.] предполагают исключительный негатив со стороны кавказцев. Но мы не можем признать это за абсолютную истину². Иначе обстояло с такими объектами, как собор Кавказской Армии в Тифлисе и Кавказский военно-исторический музей. Они не только работали на широкую аудиторию. Последний осмысливался компетентными современниками того времени, как «величественный памятник победоносной Кавказской армии, на котором все народности Кавказа... найдут имена своих героев» [3, с. 232]. И это не было напыщенным преувеличением «официозного автора». Невозможно не вспомнить выступление другого современника, депутата Государственной Думы от Дагестанской области Гайдарова (1912): «Само население Кавказа боролось против своих для присоединения Кавказа к России» [2, с. 54].

Еще один феномен, проанализированный автором в данной главе – это «солдатские» монументы полковых штаб-квартир. Они в чем-то повторяли судьбу иных памятников, рассмотренных выше, как по части проблем с «адресностью», так

² Точно также трудно признать курс, взятый наместником, вел. кн. Михаилом Николаевичем, исключительно русификаторским (с. 225). Некоторые специалисты полагают, что особенностью курса М. Н. Романова было ускоренное внедрение государственно-управленческих институтов по русскому образцу, проведенное, однако, без социальных взрывов (Д. А. Малахов).

и с сохранностью после возведения. Впрочем, они как указывает автор, были, все же, рассчитаны на узкую военную аудиторию. Д. С. Ткаченко определяет их как знак «русского владычества» и «силовой политики», которым была суждена, за редким исключением, недолгая память. Их судьба близка народным казачьим монументам (которыми настоящая глава и завершается), возникавшим как отражение почитания самими казаками своих предводителей. Среди последних одно из наиболее видных мест занимает Н. П. Слепцова. Тот образ данного деятеля, который выстраивается автором, можно было бы охарактеризовать классической формулировкой: «слуга царю, отец солдатам». Ряд специалистов (В. Б. Виноградов, Ю. Ю. Клычников, Н. Н. Великая и Е. М. Белецкая и др.) показали, что с личностью Н. П. Слепцова все было гораздо сложнее. Памятник ему, как верно пишет Д. С. Ткаченко, был для сунженских казаков символом сплочения. Но сама судьба генерала, жившего в переплетении ряда драматических обстоятельств, наиболее трудные из которых проискали отнюдь не от его борьбы с горцами, не является прямолинейным воплощением чеканного лермонтовского определения. Впрочем, суть казачьих памятников в целом, если отвлечься от конкретных перипетий судьбы Н. П. Слепцова, справедливо определена историком как средство привития боевых традиций, что могло не понимать начальство в Петербурге, но лучше осознавало местное руководство. Оно было в состоянии само санкционировать знаки поминования казачьих подвигов. Автор указывает и еще на одну черту народных памятников казаков, которые, по его мнению, были идеологическими аргументами в этнополитическом споре с горским населением. В завершении главы в целом Д. С. Ткаченко солидаризируется с мнением британского историка Паксмана, который полагал, что идеологическая работа имперских властей, частью которой являлось воздвижение соответствующих памятников, была направлена «на обеспечение психологического комфорта жителей метрополии и административного аппарата, а не местного туземного общества»¹ [3, с. 294]. Между тем, в самой среде российской общественности XIX – начала XX в., как считает автор рецензируемого исследования, возникало понимание того, что в мемориальной деятельности нужно прославлять не только военную мощь, но и тот позитив, который Россия несла на национальные окраины.

В разделе, который завершает монографию и имеет характер **заключения**, справедливо обращается внимание на драматические судьбы российских мемориальных памятников дере-

волюционной поры, подвергшиеся тотальному уничтожению и «проклятию памяти». Тем самым совершилась перекодировка исторического сознания жителей нашей страны, которым внушалась мысль, исходившая от В. И. Ленина, и поддержанная затем, фактически И. В. Сталиным в «Кратком курсе истории ВКП(б)», что царская Россия была «tüрьмой народов». Д. С. Ткаченко весьма тонко подводит читателя к мысли, которая имеет большую актуальность и перспективу. Борьба с памятниками в советский период, по его мнению, привела к тому, что кроме образов А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова, и некоторых других (непонятно, правда, почему в этом ряду у автора отсутствуют Л. Н. Толстой и А. И. Полежаев), иные маркеры, по которым советский человек должен был вспоминать имперское прошлое Кавказа, отсутствовали. Со своей стороны, заметим, что когда закончилась советская эпоха, то в небытие ушли и такие новые «маркеры», как В. И. Ленин и другие советские воожди и деятели. И остались все те же А. С. Пушкин и названные (и не названные) вместе с ним выше. Прекрасны слова Р. Гамзатова: «Не Русь Ермолова нас покорила, Кавказ пленила Пушкинская Русь». Но ирония судьбы заключается в том, что это «пленение» совершилось уже после того, как завершилась интеграция региона в состав России, шедшая с помощью как мирных, так и немирных способов. Последние напрямую отождествляются с военачальниками, памятники которым были свергнуты в начале советского периода. Ныне общественность национальных субъектов Северного Кавказа болезненно воспринимает памятники российским военным деятелям XIX в. и ее можно понять. Но точно также можно понять и тех россиян, а их немало, которые связывают свои корни и оправдание своего пребывания на Северном Кавказе с деятельностью таких фигур, как А. П. Ермолов, Г. Х. Засс, и др. Ибо, если полностью осудить таковых и возвысить только их оппонентов, то получится, что «русскоязычное» население – это потомки «колонизаторов» и «оккупантов», причем, как дареволюционных, так и советских, которые должно бесконечно каяться за их грехи. У такой «философии» нет будущего. Достойным финалом ценной монографии Д. С. Ткаченко является предложение автора «воздвигнуть на Кавказе один коллективный памятник общим жертвам Кавказской войны» (с. 304). Оно удивительно напоминает такой поучительный факт, о котором сообщает итальянский историк Ф. Ч. Казула. В Мехико, на площади, посвященной тем культурам, на базе которых возникла современная Мексика (майя, ацтеков, испанцев) есть мемориальная доска, на которой написано, что приход завоевателей с Иберийского полуострова в Америку не должен считаться ни победой, ни поражением, а мучительным рождением сегодняшней Мексики. Строительство современного Российского Кавказа также должно строиться на отказе от взаимных претензий и исторических обид. Коммеморация же прошлого

¹ Читая эти высказывания зарубежного коллеги, можно подумать, что британские колонизаторы были озабочены «психологическим комфортом» народов Индии. «Равнины Индии белеют костями ткачей» - доносил британский генерал-губернатор лорд Уильям Бентинк в Лондон в 1834 г. URL: <http://www.1917.com/History/Marx-Oct/Gv277UXPbAHI+n5iHSbHUxXng0s.html> (Дата обращения: 31.03.19).

должна, наконец, обрести логику и преемственность. Без них, как убедительно показал Д. С. Ткаченко на материалах Северного Кавказа XIX – начала XX в., невозможно строить основы нынешней российской государственности. Кто плохо

заботится о пресловутых «скрепах» (а «места памяти» – из их числа), декларируя их только на словах, получит, в конце концов, печальный финал. «Земля без памятников – это земля без памяти» (с. 304).

Литература

1. Екатерина Соснина, при участии Кристиана Пиле. Французы на Кавказе. Исторические и живописные путешествия XIII–XIX вв. Ессентуки: Творческая мастерская БЛГ, 2015. 336 с.
2. Матвеев В. А. Кавказская война: дискуссионные аспекты и реалии эпохи: монография. Ростов-на-Дону; Таганрог: ЮФУ, 2017. 164 с.
3. Ткаченко Д. С. Российские историко-культурные памятники на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. Ставрополь: Изд-во Печатный Двор, 2017. 336 с., ил.

References

1. Ekaterina Sosnina, pri uchastii Kristiana Pile. Francuzы na Kavkaze. Istoricheskie i zhivopisnye puteshestviya XIII–XIX vv. (*The French in the Caucasus. Historical and scenic trips XIII–XIX centuries*). Essentuki: Creative workshop BLG, 2015. 336 p. (In Russian).
2. Matveev V. A. Kavkazskaya vojna: diskussionnye aspekty i realii epohi: monografiya (*Caucasian war: debatable aspects and realities of the epoch: monograph*). Rostov-na-Donu; Taganrog: SFU publ., 2017. 164 p.
3. Tkachenko D. S. Rossijskie istoriko-kul'turnye pamyatniki na Severnom Kavkaze v XIX – nachale XX vv. (*Russian historical and cultural monuments in the North Caucasus in the XIX – early XX centuries*). Stavropol: Publishing House-Printing House, 2017. 336 p., Illustrations. (In Russian).

Информация об авторе

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / dudarev51@mail.ru

Information about the author

Dudarev Sergei – Doctor of History, Professor, Chair of General and Russian History, Armavir State Pedagogical University (Armavir) / dudarev51@mail.ru

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2019. № 2

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка Н. Неговора

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 10.06.2019

Дата выхода в свет 14.06.2019

Формат 60x84 1/8 Усл. п. л. 26,97 Уч.-изд. л. 26,11
Бумага офсетная Заказ 79 Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2